

Маргарита Агеева

Симфония чувств

Мелодия Бесконечности 2

Пройдя достаточно испытаний, смогут ли герои остаться верными себе и своим принципам? Впереди ожидает так много искушений и соблазнов, противостоять которым становится всё тяжелее. Кто-то из великих сказал, что по-настоящему человек познается не в горестные и тяжелые мгновения, а в минуты славы и соблазна. Как устоять и не измениться? Как не разменять то, что уже имеешь и чего уже достиг? Как не потерять, а обрести?

**Мелодия Бесконечности. Книга вторая. Симфония
чувств**

01. Новое начало. Бесконечность в тебе и во мне

Одно из мудрых изречений гласит: "Окончание чего-то одного всегда есть началом чего-то другого."

Томас Мертон писал: "Мы созданы для любви — пока мы одни, жизнь бессмысленна, смысл рождается, когда появляется кто-то важный. Тайну своей жизни не откроешь, размышляя в одиночестве. Смысл жизни — тайна, и открывается она в любви, через того, кого мы любим."

До чего же приятно было вновь пройтись по любимым улицам с близкими и дорогими людьми — теперь Маргарита и Даниэлла вместе с матерями и подругами могли посвятить больше времени прогулкам, легко дыша родным воздухом, походам по магазинам, присматривая одежду для беременных и для новорожденных — во всем разнообразии модных фасонов и ярких расцветок, и неспешным посиделкам в маленьких кафе, наслаждаясь любимым горячим латте с лазаньей и фруктовым салатом. И всё вокруг дышало приближающейся осенью, что с каждым днем явственнее ощущалось в наполненных прохладной свежестью и влагой предрассветных туманах.

Молодой хирург вернулся к работе в клинике, а Джон при помощи Дугласа Айронса и Ондзи пытался начать своё дело и постичь азы ведения бизнеса, и тоже приобрел собственное авто марки "Феррари" красного цвета. Оборудование было уже закуплено и доставлено, штат персонала (за исключением одной вакансии, оставленной специально для Александры, приезд которой ожидался в скором времени) набран, а в помещении для клуба начаты были ремонтные работы. Расписывать стены клуба предложено было Витриченко-старшему, на что тот с удовольствием согласился и уже даже набросал несколько приблизительных эскизов. Витриченко же младший, нам более известный под именем Марк, принимал активное участие в подготовке к проведению недель моды в Париже — кастинги и съемки сменяли друг друга яркими красками и вспышками фотокамер, как пестрые картинки в детском калейдоскопе, не давая времени на грустные мысли. Да и сама эта грусть была какой-то легкой, со сладким послевкусием дорогих сердцу воспоминаний. На все настойчивые попытки молодых моделей привлечь его внимание он делал вид, что не понимает их намеков или очень устал — собственно, большей частью так оно и было, так что тут он особо не кривил душой. Но это, всё же, возобновило слухи о его нетрадиционной ориентации, что, впрочем, сейчас его совсем не занимало. А на душе скребли кошки, и печаль тяжким грузом давила на сердце — как бы ни хотел он вытравить эту безответную любовь, на это потребуется время, но он отвлекался, с головой уходя в работу. Даже его отец заметил печаль в его глазах — и отнюдь не из-за бессонных ночей за чтением после утомительного съемочного дня. В предвкушении встречи с Александрой, Витриченко-старший словно весь сиял, и видя его таким, Марку и самому становилось легче.

Джек тем временем записал готовящихся стать матерями жену и сестру к специалисту-гинекологу, своей хорошей знакомой — доктору Софии Николае, принадлежащей к общине румынских цыган и использовавшей не только традиционные методы и лекарственные средства, но и релакс-водотерапию, креативное рисование, кулинарию, музыкотерапию, да и собственно была приятной и доброй молодой женщиной лет тридцати, которая и сама имела маленького трехлетнего сынишку — Патрика, очаровательного, живого и любопытного малыша. Однако же — это не самое невероятное, а невероятным обнаружилось то, что она

оказалась родственницей той самой Шанты, матери знакомой маленькой цыганки — Марии, что несказанно обрадовало Маргариту, у которой появился ещё один приятный повод лишний раз их увидеть, обучаясь цыганским гаданиям и основам фитотерапии.

Печалиться Маргарите пришлось, когда они провожали её отца в Авиньон для выяснения обстоятельств загадочной гибели своего друга и его супруги, которые до сих пор были покрыты тайной, обещав вернуться как можно быстрее.

— Папочка, ты знаешь, как сильно я тебя люблю? Возвращайся поскорей, — на прощание Маргарита с неистовой силой обняла отца — она всегда умела ценить каждую минуту с близкими людьми, а последнее время она ощущала эту потребность особенно остро.

— Я люблю тебя больше, — Шарль-Анри поцеловал дочь и жену, попрощался с ребятами и отправился к терминалу, когда начали объявлять посадку, отправившись по тайному следу в поисках отгадок по волнующему его предмету.

Но впереди у них ещё два грандиозных повода для радости — им предстоит отметить торжества бракосочетания Евангелины и Питера и Рафаэля и Ями, которые обещали быть просто фантастическими.

А к вопросу визита в мэрию для подтверждения регистрации их с Джоном отношений по законам этого мира Маргарита отнеслась более капризно, не желая заниматься им пока находится в положении, мотивируя тем, что хочет рядом с ним выглядеть самым наилучшим образом, когда сможет позволить себе парикмахера, косметолога, маникюр, педикюр и красивое платье, которое не будет на ней сидеть не как на русской кукле на чайник — и ни какие доводы мужа о том, что именно сейчас она для него выглядит прекраснейшей женщиной, не могли её переубедить.

Тогда договорились вернуться к этому позже. Отвлечься от этой полемики помогло своевременное предложение Ондзи принять участие в новом захватывающем фотопроекте. В качестве партнерши по съемочной площадке Танака-сан предложил попробовать свои силы златовласой Даниэлле, а остальным разрешил присутствовать и понаблюдать за волшебством рождения снимка. Минимум косметики. Только естественность и натуральность, подчеркивающая естественную прелесть — и роскошные богатые декорации, контрастирующие с ней.

— Прошу вас, леди, встаньте вон там — подле статуи ангела, — мужчина сопроводил свои слова легким жестом, и Даниэлла повиновалась.

До сих пор не верилось, что сам именитый Найджел Баркер ведет эту фотосессию — представительный мужчина, в каждом движении которого, каждом жесте, каждом взгляде чувствовалась порода: высокие скулы, четко очерченный подбородок, добрые глаза темно-кофейного цвета, обаятельная улыбка и трогательные ямочки на щеках — даже в зрелом возрасте он не утратил юношеского обаяния и без труда сводил с ума женщин даже переступив сорокалетний рубеж. Начиная как модель, провращавшийся много лет в модном бизнесе, он обладал безупречным вкусом и одевался всегда элегантно — просто, изысканно, но не кричаще.

— Хорошо, Мистер Баркер, — девушка грациозно прошла на своё место, придерживая длинный подол, всё ещё озадаченная тем, почему он отвел ей такое странное место, в то время, как остальные модели окружили бесконечно печального Ондзи на респектабельном кожаном диване цвета вина, хоть ей, как и всем, были выполнены макияж и прическа, и надето на ней было изящное небесно-голубое вечернее платье.

— Умница, — одобрение светилось в его улыбке, потом фотограф обратился к азиату, — Ондзи-сан, готовы, мы можем начинать съемку?

— Да, я готов, — Ондзи поправил воротник-стойку черного сюртука, расшитого серебряной нитью.

— Так... хорошо, — мистер Баркер по-отечески опекал молодых моделей, но всегда соблюдал с ними субординацию, будучи наставником требовательным, но справедливым и откровенным, — голову слегка вправо, руку — чуть дальше, — поначалу он ненавязчиво руководил съемочным процессом, но, потом решил уступить моделям право свободы импровизации, — прекрасно, просто замечательно, не побоюсь даже сказать, что идеально, — полностью удовлетворенный проделанной работой, он закрыл объектив фотоаппарата и искренне поаплодировал участникам, — Благодарю всех, мы отлично поработали, а теперь — небольшой перерыв, и переходим к следующей сцене.

— Мистер Баркер, мне переодеться в это? — все ещё не совсем понимая идею, но доверяя его опыту и профессионализму, Даниэлла сняла с вешалки, приготовленное специально для неё платье нежно-лилового цвета на тонких бретельках и с открытой спиной, выполненное из тончайшего атласа.

— Именно в это, — кивнул Найджел, и девушка отправилась с вещами в гримерную.

— А теперь потренируемся, — когда она вернулась, то обернулся даже, скуцавший всё это время, мистер Айронс, Баркер довольно хмыкнул, а у молодого азиата начисто отнялся язык, и все слова замерли на устах, не сводя с неё глаз, — делаете шаг по лестнице и одновременно отпускаете перо, что держите в руке — мы должны сделать кадр пока перо парит в воздухе.

И вот он — изумительный в своей магии кадр, продолжающий начатую идею — вся, словно светящаяся изнутри, стоящая на широкой мраморной лестнице, белокурая девушка (на этот раз её золотистые волосы оставили распущенными), полным участия взглядом своих ясных глаз смотрела на юношу, преклонившего колена на несколько ступеней ниже, протягивающего руку к падающему в его ладонь белоснежному перу.

— Потрясающе, леди! — Баркер улыбнулся ей, снимая с шеи фотокамеру, — работая с вами, я получаю невероятное удовольствие, — он сделал знак рукой, распуская съемочную группу на перерыв, — Сейчас можете немного отдохнуть, и мы приступим к финальной сцене — не забудьте ваш плащ, леди, мы будем снимать сцену на улице.

Группа разошлась на легкий ланч. Весь день, кроме момента самих съемок, Ондзи старательно избегал златовласую, чего она не могла постичь, а побеседовать с ним возможности так и не представилось.

Когда же она вышла на последнюю фотосессию, Ондзи понял на неё глаза, и замер... захотелось сощуриться, как если бы он смотрел на яркое солнце.

Первые заморозки в этом году пришли рано. Пушистые резные снежинки медленно вальсировали с хмурого неба, низкого и серого от слоистых облаков, мягко лаская щеки и губы. Он вдохнул морозный воздух и выдохнул пар изо рта:

— Ангел, — прошептал он и ощутил на губах влагу растаявших снежинок, точно незаметный воздушный поцелуй — а белокурая, и правда, походила на ангела — в длинном в пол белом платье, легко обтекавшем её стан, и в серебристом с отливом — таком же длинном плаще с капюшоном.

Он выглядел таким потерянным и одиноким с бледным замерзшим лицом и покрытыми инеем ресницами, что, она, напрочь забыв о том, что идет съемка, неосознанно подалась

вперед, присела перед ним и взяла его за руку, согревая его озябшие пальцы своим дыханием.

А он смотрел на неё — такую светлую и чистую, как этот снег, и такую же хрупкую и недосыгаемую. Как снежинка тает, когда сильно сожмешь её в руке — можно только смотреть, иначе разрушишь всё волшебство. И эти её глаза, что пронзали душу насквозь — цвета небесной лазури... только туда — в его душу, лучше ни кому не заглядывать, дабы не ужаснуться увиденному. И нет числа его грехам, что тяготят его, и нет искупления вине. Больно — бывает не только от боли, страшно — бывает не только за совесть... Он стал свободен от притяжения своей боли — крики невинных — не более... Незаметный след белого крыла... пепел и зола... Если это и есть та самая любовь, которую воспевали все поэты и романисты от средневековых трубадуров до авторов современных бестселлеров, то, почему же ему так гадко, как ещё не бывало в жизни? Это и есть хваленая любовь? Внутренности скрутило от острой боли, он попытался улыбнуться, но мышцы лица свело судорогой, а по заледеневшей щеке соскользнула горячая слеза. Конечно, у него были женщины, много женщин, но, даже имен их он не мог на утро вспомнить. А сейчас всё было совершенно иначе, но он давно уже разучился во что-либо верить и что-либо чувствовать. От чего становилось ещё больнее и ещё невыносимее. Он потерял контроль над своими эмоциями. Весь его мир, к которому он привык за длительный срок своего существования, с первой космической скоростью летит в преисподнюю ко всем чертям, а, может, он просто заново ему открылся? Цунами накативших чувств прорвало ту плотину, которую он с таким трудом выстроил, отгородившись от окружающих непроницаемой стеной. Таким, как он, не положено счастье, он не имеет права роптать на судьбу. Тогда почему его так тянет к ней? Почему так манят её глаза и губы, её кожа и волосы, её стройное тело?

— Это невероятно! — уже не выдержав, со своего места подскочил Дуглас Айронс, усиленно пожимая девушке руку, — Вам удалось вытянуть из него такие эмоции! Я преклоняюсь перед вами, леди. Снимаем, снимаем крупный план его лица, не отвлекаемся — продолжаем, это именно то, что нужно, — по ту сторону объектива на щеках от улыбки прорисовались знаменитые ямочки, уже успевшие стать визитной карточкой Найджела Баркера.

— Прошу прощения, но на сегодня — всё. Все свободны, — неожиданно резко прервал это всеобщее веселье Ондзи, пошатнувшись, он оперся о стену, а лицо его с каждой секундой становилось бледнее.

— Всё в порядке, господин Танака? Вам плохо? Вы нездоровы? — ошарашенная Даниэлла только лишь успела повернуть голову в его сторону, когда Дуглас Айронс проводил его до машины, как он и попросил, отказавшись от медицинской помощи, и вся группа притихнув, замерла на мгновение, а потом высыпала к воротам проводить отъезжающее авто, — Подумайте ещё раз, может, всё-таки в клинику? — поинтересовавшись напоследок.

— Ничего, это просто переутомление — это пройдет, — автоматически ответил азиат, а глазами искал глаза белокурой...

Здоров ли он? Похоже, что нет. Он болен, и болен серьёзно... ею...

Она — омовения кристальная волна, для неё сотворена из невиданных огней наша вселенная... Она — отравы, что взамен алой крови у него течет под кожей... Она — избавление от оков и разгадка тайных снов, что надеждой расцвели над обреченным полюбить... Искушения змея, что впиалась в самое сердце, исходящее кровью... Тайна неба и

земли... Озарение любви... Где улыбка, где слеза?

И сказать самых простых, но самых важных три слова "я тебя люблю" окажется для него невозможным. Даже, если бы она и была свободна, то никогда не полюбила бы такого, как он — созданиям Света и созданиям Тьмы не дано быть вместе. Что бы он мог ей предложить? НЕТ! Пустоты и боли нет — там, где сияет чистый свет!

— Винтер, опусти стекла, впусти воздух в салон, и поворачивай в клуб, — распорядился Ондзи.

— Мы, разве, не домой едем? — его помощник был крайне удивлен.

— Можно и домой, если ты мне составишь компанию за бутылкой, — молодой мужчина расстегнул несколько верхних пуговиц своего камзола, — Я собираюсь сегодня хорошенько напиться.

— А есть повод? — спросил водитель, не оборачиваясь.

— Скажи, друг мой, ты любил когда-нибудь? — по-душевному поинтересовался азиат.

— О! Так ты собираешься пить из-за женщины? — хмыкнул собеседник, словно, и так уже догадывался об этом.

— Я не знаю, что мне делать. Я запутался, — Ондзи ещё сильнее ослабил ворот и откинулся на сидении.

— Прости, но тут я не лучший тебе советчик — мне от моей любви и моей семьи остались только миниатюрный портрет жены в медальоне да прядь волос дочери, которую мы срезали в день её крещения, — его венгерский приятель не любил распространяться о своем прошлом, воспоминания о котором ревностно берег.

Собственно, воспоминания, да медальон с женским портретом и детским локоном — это всё, что осталось от его прежней жизни, а потому тема эта требовала весьма деликатного обращения, ибо целью для него было — не причинять лишних страданий приятелю, а утолить острую потребность в общении, потребность высказаться, поделиться с кем-нибудь и быть услышанным:

— Ну, это гораздо больше, чем есть у меня, — приветливо усмехнулся Ондзи, — Нет, мы определенно должны заглянуть в клуб и развеяться — может быть, даже останемся до утра... Не всё же сходить с ума по несбыточному.

— А как же она? — обронил Винтер.

— Что она? — мужчина изучал меняющийся за окном пейзаж улиц, утопающих в неоновой иллюминации рекламных вывесок.

— Ведь Лаура не просто так ими заинтересовалась, а она — одна из них, — пояснил венгр.

— Я не дам ей этого сделать, — быстро ответил Ондзи, продолжая смотреть в окно.

— И ты не боишься? Лаура будет в гневе, — Винтер живо представил себе физиономию злобствующей Лауриты и улыбнулся.

— Мне все равно, пусть хоть лопнет от злости, — махнул рукой азиат и закурил, — Она завидует, и есть чему — ей никогда не стать такой, не вызывать влечение мужчин...

— Она только к тебе равнодушна, ты же знаешь, — заметил Винтер, — Хранительницу она не пощадит.

— Лаура не видела того, что видел я. Если она ко мне равнодушна, то выслушает меня и поймет. Она должна понять... Мне больно видеть её такой — культивирующей в себе обиду и ненависть, — Ондзи торопливо потушил сигарету и задумчиво произнес, — Люди лишили меня всего и оставили одного во тьме, но, не все они такие, есть и другие — такие,

как она... Я видел тот свет, который нам не суждено узнать, который мы отвергли добровольно — и он прекрасен, этот свет нужен миру. Я что-нибудь придумаю, но, не дам ей его уничтожить.

Последующие три дня, до самой торжественной презентации, Ондзи провел в своем особняке, телефон его был отключен, а перед этим он отправил Дугласу сообщение, чтобы тот не волновался за него, что его здоровью ничего серьезного не угрожает, и он обязательно будет присутствовать на презентации, однако, на официальной части он так и не появился. Найджел заметно нервничал, но, тем не менее, героически отбивался от вездесущих папарацци, пытаясь заверить тех, что Танака-сан отсутствует вынужденно — по делам бизнеса, не требующим отлагательства.

— Мистер Баркер, Найджел, вы просто потрясающий мастер! — восхищенно признала Маргарита, когда вместе с белокурой подругой они подошли поприветствовать фотографа. Они также были приглашены, и выглядели поразительно: одна — в ультра-синем платье с ассиметричной юбкой и черных босоножках, другая — в простом струящемся длинном платье песочного цвета, со сборками на лифе и несколькими слоями драпировок на юбке, и кремовых туфлях на шпильках.

— Я учусь у своих моделей, леди, — он повел рукой в сторону стены с вывешенными его работами, — Если модель меня не вдохновляет, то я ничего не могу поделывать, увы.

— Ваши работы гениальны, — Даниэлла была согласна с мнением подруги, — Вы — настоящий волшебник.

— Спасибо за столь высокую оценку, — скромно принял комплимент Баркер.

— Ди, посмотри только, сколько красивых девушек вокруг Ондзи, но ты так выгодно выделяешься на их фоне, — Маргарита остановила взгляд на самой первой работе из проекта и обратила на неё внимание златокудрой, — и ты сама так похожа на эту статую, возле которой стоишь.

— Ты так думаешь? — Дэни и сама принялась с интересом рассматривать снимок, всё ещё с трудом осознавая, что эта ослепительная девушка на нем — она сама, — А что вы хотели сказать этим проектом, мистер Баркер? — не выдержав, спросила она.

— Я не люблю объяснять свои работы, предоставляя зрителям самим додумывать сюжет, — хитро прищурил глаза мужчина.

— Погодите, а я, кажется, знаю эту легенду, — вовремя вспомнила Марго, чем была ужасно горда, для этого она даже нахмурила свой лоб, постучав пальчиком по подбородку, усиливая мыслительную деятельность, — смотри, вот тот молодой мужчина, которого представляет Ондзи-сан, он жил в окружении красивых женщин, богатства и роскоши, подлости и фальши. И был он утомлен и печален, не замечая всей этой суеты вокруг, пресытившись ею. Он был глубоко несчастлив и ненавидел свой образ жизни, но, не знал, как ему измениться. Под маской повесы и плейбоя скрывалась беззащитная и ранимая сущность, которая противилась такому образу жизни. И лишь одна — та, что всегда была рядом, и которую он не замечал среди этой суеты. Та, что видела и понимала его настоящего. Она одна полюбила его истинного — девушка-ангел. Она каждый раз оставляла ему в качестве подсказки перо из своих белоснежных крыльев, но он не обращал внимания, продолжая жить в своём одиноком мире. И вот не осталось у неё больше перьев, и не стало её крыльев. Сердце ангела было разбито. Тогда другие ангелы захотели отдать ей перья из своих крыльев — и пошел с неба снег — невесомый, легчайший пух. И так, наконец, ей удалось привлечь внимание юноши, и увидел он девушку-ангела, и понял он, что натворил,

что едва не погубил единственное создание, что искренне его полюбило — не за блеск его богатства, не за удалое бахвальство, не за показную веселость. И осознал он тогда, и заплакал, и его слезы так тронули девушку-ангела, что она не могла не утешить его, и оставила свои небеса, чтобы быть с ним. А слезы всё продолжали литься, и все секреты были раскрыты...

— Bravo, леди Маргарита, я бы и сам лучше не смог придумать! — похвалил Найджел, — Видимо я подсознательно руководствовался ею.

— Мистер Баркер, а господина Ондзи сегодня разве не будет? — с тревогой поинтересовалась блондинка.

— Вам уже наскучило наше общество, леди Даниэлла? — усмехнулся Найджел, — Ваш супруг тоже опаздывает? Не стоит волноваться. Видимо, Танака-сан посчитал скучным посещать официальную часть, но он обещал мистеру Айронсу, что почтит своим присутствием это мероприятие. Вы ведь знакомы с ним, насколько я помню? Так мило, что вы беспокоитесь о нем. Между тем, вы сегодня звезда этого вечера — всех так заинтересовало, кто же эта невероятная модель?

— Я не очень комфортно себя чувствую при таком повышенном внимании, — честно пояснила Даниэлла.

— Привыкайте, милочка, — подмигнул фотограф, — модельный бизнес на вас теперь крепко запал.

— Смотрю, дамы не дают вам скучать, мистер Баркер, — к ним подошел Джон, и Маргарита сразу же взяла его под руку, довольная, положив голову ему на плечо, — Дорогая, чтобы я видел тебя на каблуках последний раз, — произнес он ласково, но на полном серьезе, настолько тихо, чтобы слышала только она, — это непозволительное безрассудство в твоём положении, до родов — ни-ни, потом можешь носить, что хочешь, — в ответ Марго понимающе кивнула.

— Найджел, можно просто Найджел, — глядя на них, не сдержал улыбки фотограф, — Ваши дамы обворожительны

— Самые... — поправил его Джон, качнув головой.

— Самые обворожительные, — тут же исправился Найджел, улыбаясь.

— Самые лучшие, — победно подытожил мужчина со всем своим восточным обаянием играя глазами.

— Не хотите обсудить наше будущее сотрудничество? — Джон кивнул, и они направились в сторону бара, где располагался шведский стол и мягкие кресла, так подходящие для продолжительной беседы.

Дэни оставила их, и проследовала к выходу, накинув на плечи теплую шаль:

— Ничего, вы идите, а я выйду во двор, подышу воздухом, заодно Джека встречу, он уже подъехать должен с минуты на минуту, — и прямо на крыльце златовласая столкнулась с Ондзи — на его бледном, осунувшемся лице заметны были темные круги под глазами, как он не старался их скрыть тональным кремом, — А, это вы! Мы только о вас говорили — думали, когда же вас ожидать. Как вы себя чувствуете? — с искренним беспокойством в голосе спросила Даниэлла.

— Леди, мне безгранично приятно знать, что вы беспокоились обо мне, — снова увидев её, услышав её голос, он слабо улыбнулся, поднеся к губам её руку для поцелуя, — Разрешите преподнести вам маленький подарок в память о нашем совместном проекте, — он достал из внутреннего кармана пиджака небольшую коробочку, обитую черным бархатом, и протянул

ей.

— Какая красота! — девушка открыла её и достала серебряную фигурку ангела на серебряной же цепочке, — Но, я не могу принять такой подарок, — она сложила его обратно и вернула коробочку.

— Ещё как можете, — не отступал азиат, — своим отказом вы оскорбите меня, это же ни к чему не обязывающая вещица, а мне будет лестно, что понравился мой сувенир.

— Ну, если вы настаиваете... — неуверенно замялась девушка.

— Сделайте мне приятно, — он застегнул цепочку на её шее, и девушка невольно залюбовалась блеском кулона, — И знайте, что вы всегда можете на меня положиться. Если вам что-нибудь понадобится — можете звонить мне в любое время, — и так хотелось верить в искренность его слов.

— Спасибо, я запомню, но, всё, что мне нужно, у меня уже есть, — улыбнулась Даниэлла, — О! Вот и Джек приехал! — она бросилась к воротам, встречая автомобиля молодого хирурга.

— Приветствую, Хадзама-сенсей (сенсей — уважительное японское обращение к учителю, врачу), — Ондзи опустил глаза, когда они целовались, но, протянул для приветствия руку, когда пара приблизилась к нему, — Я видел снимки с проекта — мне их прислал на электронную почту мистер Баркер — ваша супруга сегодня затмит всех известных моделей. Она у вас необыкновенная — оберегайте её, как зеницу ока, — и фраза эта прозвучала слишком серьёзно, словно, он знал что-то, но предпочел умолчать.

— Уж я постараюсь, господин Ондзи, не сомневайтесь, — Джек вскользь нахмурил брови, но, в объятиях Дэни быстро расслабился, и они вдвоем скрылись за дверью.

Ондзи достал сигарету, чиркнул зажигалкой и несколько раз затянулся, пуская колечкипряного дыма, затем он потушил её, бросил в урну и вернулся к гостям.

Приятным сюрпризом, как для Марка, так и для его друзей стала встреча с уже знакомыми им сестрами-моделями и по совместительству — исполнительницами из дуэта "Sky Ocean" и их неизменным менеджером Жозе. Они появились как раз, когда Танака-сан уже поприветствовал собравшихся и присел за фортепиано, заиграв мелодию собственного сочинения — неспешную и минорную, под которую танцевали медленный танец несколько пар — помимо Джона и Маргариты, Даниэллы и молодого хирурга, мистера и миссис Баркер, отдались во власть музыки и Ден с Джастиной, и будущие молодожены — Евангелина и Питер. Девушки выглядели сногшибательно в легких платьях из мягких струящихся тканей, переливавшихся в электрическом свете богатых люстр, в то время, как парни олицетворяли собой саму элегантность в строгих, но безупречных, костюмах. Особенно — Марк, в черном костюме и при бабочке, взяв под руки сестер-моделей. Этьен с улыбкой наблюдал за тем, как красивые руки Николь легко перебирают клавиши, а зеленые глаза задумчиво глядели из-под рыжей челки, когда она сменила азиата за инструментом. Девушка заметила это и улыбнулась ему — она так и не смогла его забыть с того самого концерта в день, когда они познакомились со всей компанией. Позже она сама предложит ему потанцевать, не дожидаясь, пока он решится.

— Ну, здравствуй, Этьен, — рыжая медленно подошла к юноше, приветливо улыбаясь, — Ты так на меня смотрел — хотел что-то сказать? — она наклонила голову, изучая его взглядом.

— Прекрасно выглядишь, — Этьен слегка покраснел.

— Уже что-то, хорошее начало, — она отставила бокал с шампанским — Ты тоже

ничего.

— Ты помнишь меня? — и захотелось вдруг верить, что она, и правда, помнит его, он подошел в ней ближе.

— О, не скромничай, — усмехнулась рыжеволосая девушка, — с твоей-то приметной внешностью, тебя сложно забыть.

— И только? — подозрительно покосился парень.

— Когда узнаю тебя получше, тогда смогу сказать больше, — девушка взяла его за руку, положив её себе на талию, открыто улыбнулась, — Может, пригласишь меня потанцевать, для начала?

— Ну, вот, я снова оплошал, — виновато улыбнулся юноша, — не мудрено растеряться рядом с такой, как ты.

— Тогда не теряйся, — она поправила воротник его пиджака и взяла под руку, — Посмотри на меня — тебе нравится то, что ты видишь?

— А тебе? — он вернул вопрос, не сводя с неё глаз.

— Тогда попробуем узнать друг друга? — она посмотрела на свою ладонь в его руке и многообещающе подмигнула.

— Весьма заманчивое предложение, — и близость в танце приятно горячила кровь и волновала воображение, — Возможно, у нас что-то и выйдет. .

— Не узнаем, пока не рискнем начать, — тихо произнесла она у самого его уха.

От природы застенчивый, Этьен стеснялся своего слишком высокого роста и своей неуклюжести. Нельзя сказать, что он не пользовался успехом у девушек, но считал себя неким нескладным и странным чудиком, проводившим больше времени в виртуальном мире интернета и компьютерных игр. Именно в его скромности, неискренности и искренности и была его привлекательность. Однако, легкомысленным девицам с ним было скучно, а они не удовлетворяли его потребность в полноценном общении на темы более глубокие, чем обсуждение новых статусов в социальных сетях или преимущества одних популярных брендов перед другими. И о серьезных отношениях речь пока не шла. Только такая тонкая и наблюдательная натура, как Николь, могла это всё разглядеть за его серо-зелеными глазами, а её сильный и открытый характер поможет и ему раскрыться и стать более уверенным в себе — не зря, ведь, говорят, что за каждым успешным мужчиной стоит исключительная женщина. Но всё это ещё только будет, а пока — их ждала одна из тех волшебных ночей, которые помогают мужчине и женщине лучше понять и узнать друг друга, общаясь языком тел, поцелуями и ласками говоря то, что невозможно было достаточно выразить словами, решив дать себе шанс на совместное счастье. Домой он вернется только на следующий день, и ещё не одну ночь проведет в приятной компании рыжеволосой красавицы — "пара рыжих лисичек", как их любя назвала Маргарита.

Его же сестра Эллен в этот вечер привлекла внимание одного из помощников господина Ондзи — Максимилиана. Их отношения развивались не настолько стремительно, но телефонами они все-таки обменялись. И чтобы всё это увидеть в будущем, Маргарите не нужно было использовать свой дар — она чувствовала это сердцем.

И в такой вечер так легко было забыть обо всём, что им довелось пережить в Небесном Граде, забыть о своей силе, забыть — но не отречься. Это понимал Танака Ондзи, и это понимали сестры Мишель и Николь, и это знал Джон.

— Господин Дестинофф! — азиат окликнул его, когда они с Маргаритой уже покидали мероприятие, — Как хорошо, что вы ещё не ушли. У меня есть потрясающее предложение —

специально для вас. Прошу вас, не лишайте меня такой радости — увидеть вас в выпуске, посвященном свадебной моде — и не в декорациях, а в настоящем Тадж-Махале, — глядя на их заинтересованные лица, он предупреждающе выставил вперед ладони, — И не спрашивайте меня, чего мне стоило договориться с властями, чтобы моей группе разрешили там съемки. Это ведь наследие вашей родины, Ну, что скажете? — подперев ладонью подбородок, выжидая их ответ.

— Это... так неожиданно... — Джон удивленно вскинул брови, наклонился к жене и спросил, — Что нам ответить господину Танака, девочка?

— Звучит сказочно, но мне бы хватило и одной фотографии для семейного архива, — развела руками Маргарита, потом подпрыгнула на месте от посетившей её идеи и хлопнула в ладоши, — А знаете, что? Это было бы прекрасным подарком и медовым месяцем, заодно — для Ями и Рафаэля. Что скажешь, дорогой? И проект получится совершенно аутентичным.

— Вы хотите, чтобы это было так? — улыбнулся мужчина.

— Если этого хочет моя жена, то я не имею ничего против, — Джон поцеловал любимую и улыбнулся, — Мы не гонимся за славой, мы просто стараемся сделать этот мир чуточку светлее, — Ондзи стоял, смотрел на них и думал о том, сможет ли их убить, когда она его об этом попросит, ведь они доверчиво считают его своим другом... А она попросит... Лаурита обязательно попросит его... Он отвел взгляд и ощутил необходимость принять душ и смыть с себя всю эту мерзость и всю свою ложь. Глазами он нашел среди толпы белокурую голову Даниэллы, вспомнил небесный цвет её глаз и спросил себя, сможет ли он своими руками погасить этот свет, когда госпоже надоест играть с ними, и чем больше он об этом думал, тем чаще приходил к отрицательному ответу. И когда подросли остальные, он проводил их до машин, а после — присел на ступеньках и снова закурил, пуская дым в небо.

"Истинный героизм на удивление сдержан и лишен драматизма. Это стремление не превзойти других любой ценой, а желание служить другим любой ценой."

Артур Эш

И в таком приподнятом состоянии после сказочной фотосессии и не менее феерической презентации, друзья как нельзя лучше настроились на посещение юбилейной постановки "Нотр Дама" и снова встретить легендарную труппу мюзикла. Больше всех Маргарита была рада видеть малышку Жюли, с которой они ещё весь вечер после спектакля болтали о музыкальных пристрастиях и радостях материнства. Эти две миниатюрные девушки сразу нашли общий язык — обе жизнерадостные, принимающие этот мир открыто, с детской непосредственностью и некоторой долей наивности, но если того требует ситуация — способные проявить удивительную стойкость духа и мужество.

Помимо модельного агентства, Танака-сан владел сетью хост-клубов VIP-класса, культура которых пришла из Страны Восходящего Солнца, занимающихся организацией и сопровождением деловых встреч, корпоративов, презентаций и досуга состоятельных лиц, со штатом менеджеров, поваров, службы охраны и, конечно же, самих хостес — сопровождающих, привлекательных юношей и девушек, призванных развлекать гостей и обслуживать, выполняя роль и официантов. От того насколько они справляются со своей задачей и насколько могут привлечь внимание посетителей, зависел их заработок. И это были заведения высокого класса, и ничего общего с интимными услугами не имели — персоналу строго запрещены были такого рода связи с клиентами, а для тех, кто не понимал или не хотел понимать этого, как раз и существовала служба охраны.

Как раз в одном из таких заведений, они с Джоном обсуждали детали нового проекта, когда азиат спиной ощутил тяжелый взгляд, извинился и поднялся из-за стола, проследовав в противоположный конец зала:

— И кто же твоя жертва на сей раз, Аманда? — оставив партнера в обществе одной из своих лучших хостес — юной Лали-Мей, весьма талантливой и многообещающей, ещё на достигшей расцвета своей красоты и женственности, но уже теперь искусно использовавшей свою образованность и своё обаяние, умело поддерживая непринужденную беседу практически на любую тему и следя, чтобы у клиента постоянно в достатке были лучшие выпивка и еда, услужливо подливая в бокал или прикуривая от элегантной зажигалки, которая была всегда при ней, Ондзи проследовал мимо соседнего столика и задержался, едва не потерявшись в порочном омуте глаз болотного цвета.

— Знаешь его? — сидящая за ним в расслабленной позе, миниатюрная зеленоглазая блондинка с аппетитными формами, которые выгодно подчеркивало стильное платье по фигуре под цвет её глаз, перевела томный взгляд с азиата на темноволосого мужчину со смуглой кожей и удивительными глазами в обрамлении черного бархата ресниц, — хорош, правда?

— У тебя, соглашусь — отменный вкус, крошка, только этот мужчина тебе не по зубам, — Ондзи снисходительно покачал головой, — он женат и безумно обожает свою жену, которая готовится произвести на свет их детей. К тому же, ты — не в его вкусе, куколка, он не поведется на тебя.

— Спорим? — очаровательно улыбнулась она, периодически посылая заинтересованный взгляд в сторону Джона, — Это даже удивительно с его вкусом — видела я эту его девчонку, не впечатлила, ни чем не выдающаяся посредственность. Чем же она для него особенная? Совершенно обычная, каких тысячи, — блондинка небрежно наматывала между пальцами свои белокурые локоны, — Посмотрим, что ты скажешь, когда я вырежу его глаза и сердце и преподнесу госпоже Лауре. Но, прежде я получу удовольствие от его роскошного тела, а то, что он женат — так это даже интереснее, ведь, если что-то достается слишком легко, то уже не приносит такого удовлетворения, да?

— Что же, тогда удачи, детка, только не в моём заведении, — мягко прошептал он, легко коснувшись её изящного плеча, не утруждая себя переубеждать её, что эта девочка настолько необычна, что ей этого не понять, — и не приходи потом ко мне плакаться, — та лишь фыркнула, пожав плечами.

— Господин Дестинофф, здесь становится слишком людно и шумно — не желаете ли продолжить обсуждение условий дальнейшего нашего сотрудничества в более подходящей обстановке? У меня в офисе есть не начатая бутылка отличного итальянского вина, — предложил азиат, сияя идеальной улыбкой.

Потом Ондзи ещё не раз будет задавать себе вопрос, что же двигало им в тот момент, когда он хотел отвести опасность — его всё ещё раздирали сомнения, но было ещё что-то — что заставляло его сердце биться быстрее, ради чего он продолжал жить и дышать, что жило в ясных голубых глазах, которые он постоянно выдел перед собой.

— Благодарю, господин Танака, — Джон вежливо отклонил приглашение и тоже поднялся со своего места, — но меня ждут дома. Спасибо за приглашение, но как-нибудь в другой раз, ладно?

— Ну, разумеется, — облегченно выдохнул Ондзи, — Передавайте моё почтение мадам и сенсею с супругой. Я провожу вас, заодно перекурю, — и они удалились, церемонно

простившись с маленькой японкой в национальном кимоно из расписанного вручную шелкового полотна.

— Черт! — сердито выругалась блондинка, провожая их возмущенным взглядом, — Ондзи, что же ты задумал? Ты решил вести собственную игру? — она провела наманикюренным пальчиком по подбородку, — Госпоже это совсем не понравится...

"Не важно, как быстро летит свет, — темнота уже на месте"

Терри Пратчет

"Смерть — единственный Бог, который приходит на зов."

Роджер Желязны

— Ну всё, мои все уже разошлись, — бросила на ходу маленькая азиатка, направляясь в примерную, когда зал уже опустел, — Я пошла переодеваться. Аманда, ты ещё остаешься? — блондинка утвердительно мотнула головой, всё ещё продолжая злиться, — Тогда я пошла. Пока! — Мей помахала ей рукой, когда через несколько минут явилась, уже переодевшись в свою любимую матроску. Вместе с кимоно она сняла и свою маску, за мягкой улыбкой которой скрывалась настоящая она.

— Эй, куколка, тебя подвезти? — на улице из джипа-внедорожника девушку окликнула компания навеселе, — Как насчет прокатиться? С нами будет весело, обещаем.

— Нет, спасибо, но нам не по пути, — Мей махнула рукой и продолжила свой путь.

— Ты не поняла, детка, — двое парней вышли из машины, один из них остановил девушку за руку, — Нам не отказывают.

— Тогда я буду первой, — она решительно высвободилась от его хватки.

— Садись в машину, живо, — её снова схватили за руку, пытаясь усадить в салон автомобиля.

— Отвали! — девушка исхитрилась снять с ноги туфель и со всей силы ударила, шпилькой раздробив кисть нападавшему, тот взвыл и больно ударил её по лицу, от чего она упала, выронив туфель с окровавленным каблуком.

— Ах, ты дрянь! — другой парень схватил её за волосы, поднимая с земли, — Ты пожалеешь, что на свет родилась.

— Что здесь происходит? — на другом краю стоянки Джон уже докуривал и собирался садиться в машину, когда услышал крики, он потушил сигарету и поспешил на шум, — Оставьте девочку в покое, ни куда она не поедет с вами, — спокойно произнес мужчина.

— Да что ты говоришь! Ты кто такой — экстрасенс, что ли? Чувак, иди, куда шел, — один из компании указал в противоположном направлении, — Эта девчонка опасна хуже фурии.

— Я не достаточно ясно выразился? Двое против одной, — нехорошо ухмыльнулся Джон, — Думаю, что это она в опасности. Я не могу её так бросить здесь.

— Дядь, не вмешивайся, — девушка замотала головой, но мужчина не собирался отступить, — не стоит...

— Поздно, чувак, ты уже нарвался, — из машины вышли ещё двое, — Ты отнимаешь у нас время. Но, ты не переживай, дорогуша, сейчас мы разберемся с ним, а потом с удовольствием займемся тобой.

— Какое совпадение — я тоже спешу, — Джон сосчитал — их уже четверо, ну ничего, и не такое проходили. Им и невдомек, что самым страшным и тяжелым для него было противостояние с братом, но это было в прошлом. А сейчас ему уже ничего не страшно, кроме судьбы близких. И такими дешевыми номерами его не испугать.

— На тот свет спешишь, дядя? — они подошли ближе.

— И мы не решим дело миром? Жаль, если так, — ухмылка моментально сошла с его загорелого лица, а глаза его потемнели.

— А, пошел ты, — нападавшие наивно полагали застать мужчину врасплох, но они понятия не имели, с кем связываются, даже превосходящее их число не давало им преимущества перед его мастерством, всегда стоящим на защите тех, кто в ней нуждается, и горячей кровью, вскипавшей в венах при виде несправедливости. На месте этой девочки могла оказаться его жена или сестра — и неужели никто не пришел бы на помощь? Они должны усвоить, что такое отношение к женщине недопустимо, а она должна понять, что не все мужчины такие, как эти.

— Только после вас, — уклонившись от первого удара, ребром ладони он ударил по шее одного, а второму досталось в солнечное сплетение.

Тут уже подоспела охрана клуба:

— Всё в порядке?

— Всё просто отлично, — Джон покосился на парней и пожал плечами, — господа попросили показать им пару секретных приёмов, и мы немного увлеклись — вот и всё.

— На фиг, не стоит она того. Валим, найдем поговорчивее, — предпочтя не связываться ещё и с клубными секьюрити, парни вернулись в свой джип и отъехали со стоянки.

— Вау, как ты их! — азиатка только удивленно хлопнула ресницами, — Не плох, совсем не плох — как для дяди, — улыбнулась она.

— Идем, тебе нужно отдохнуть и привести себя в порядок, — мужчина помог ей отряхнуться, — Не бойся, я не обижу.

— А я и не боюсь, — она подобрала свои сумочку и туфли и последовала за ним до автомобиля, — Ну, ты даешь, дядя! — девушка изумленно застыла перед машиной, — Тачка у тебя — что надо, уважаю.

— Присаживайся, поехали, — он открыл ей дверь пассажирского места.

— Слышь, дядя, ты полегче! — нахально возмутилась девушка, когда он подтолкнул её к двери машины, — Скажи, куда хоть едем-то, — спросила она, обернувшись на него, — Я бы и сама справилась с этими дегенератами, чтобы не повадно было руки свои распускать, а ты мне всю клиентуру распугал, между прочим — кто мне теперь будет убыток возмещать? — она говорила на ломаном английском, и от волнения её ужасный акцент проявлялся сильнее.

Девушка была совсем молодой — лет четырнадцать-пятнадцать на вид, азиатской внешности: с раскосыми карими глазами и пухлыми губами, её густые длинные черные волосы были заплетены в две косы, одета она была в матросскую форму японской школьницы.

— Едем ко мне домой, — спокойно ответил Джон, — или ты предпочла бы остаться в компании тех уродов?

— У этих уродов водятся деньги... — заметила она с грустью, — Или у тебя есть более выгодное предложение? А денег-то у тебя хватит? — она недовольно дернула его за плечо, — Я тебе не какая-нибудь уличная девка, — девушка состроила обиженную физиономию, — Я много чего умею из того, что этим цыпочкам и не снилось. Обещаю, что ты останешься очень доволен — ещё никто не жаловался, — усмехнулась маленькая азиатка, — Хотя нет... — она призадумалась, — Не, дядь, ты, конечно, привлекателен и сексуален, не спорю, но не в моём вкусе — ты же мне почти в отцы годишься. А друзья

помоложе у тебя есть?

— Ну, знаешь, меня такие нахальные девицы тоже как-то не возбуждают, — парировал мужчина, — И перестань строить из себя ту, кем ты не являешься.

— Тогда я не понимаю... — девушка задумчиво хмыкнула и снова похлопала его по плечу, — Для чего я тебе? С чего бы это ты такой добренький?

— Ох, ради всего святого — ты можешь хоть минуту помолчать? Мне за дорогой следить надо, не отвлекай меня, — мужчина покачал головой — эта несносная девчонка начинала бесить его, но и без помощи он не мог её оставить.

Всю дорогу японка сидела на заднем сидении надувшись, скрестив руки на груди, глядя в одну точку — больше она ни слова не сказала за время пути.

— Ну, проходи, чего в дверях застряла? — поставив машину в гараж, Джон подтолкнул девушку вперед и зашел в дом следом за ней.

— Твоюженалево! — оглядевшись по сторонам, так своеобразно высказала свой восторг чернявая, снимая в прихожей обувь, — Ничего себе хоромы! Дядя, а ты, правда, здесь живешь?

— Проходи в столовую, а я посмотрю, что есть пожевать, — мужчина указал ей в сторону столовой.

— Здравствуй, дорогой! — по лестнице со второго этажа спустилась Маргарита, в свободном халате и с подобранными волосами, сейчас она выглядела старше своих почти восемнадцати лет, что, впрочем, ни сколько не умаляло её природной красоты, — уже вернулся?

— Здравствуй, Марго! — Джон заключил её в крепкие объятия и нежно поцеловал.

— Да ты, дядя, оказывается, тот ещё извращенец — твоя беременная женщина не в состоянии тебя удовлетворять? Так ты хоть бы постеснялся такую, как я, в дом приводить, при ней-то? — девушка скривилась и с пренебрежением окинула взглядом Маргариту, задержавшись на её, уже заметно округлившемся, животе, — Я бы, на её месте, глаза бы мне повыцарапывала, а она, знай себе — стоит, да ресницами только хлопает! — Маргарита, и впрямь, стояла и не могла произнести и слова: перед ней стояла девушка из её далекого видения, когда она видела своих близких и друзей в канун Новогоднего вечера. Мей... Майя... Вот она, настоящая, а не призрак из будущего.

— Да ты замолчишь, наконец?! — терпение Джона с треском лопнуло, — Так, идём со мной! — он схватил её за ворот и поволок в ванную комнату.

— Ты что удумал, хренов маньяк! — девушка брыкалась, кусалась и вырывалась, как дикая кошка, когда он подставил её голову под холодную воду.

— Рот тебе вымою — с мылом, чтобы впредь за языком своим следила, — он был практически серьёзен, но, всё же отпустил её, всё ещё сыпавшую проклятиями, вытирая мокрые волосы полотенцем.

— Жан, оставь её, — вмешалась Маргарита, — Это у неё защитная реакция такая. Чтс же тебе пережить пришлось, детка? Отчего ты стала таким диким волчонком и норовишь укусить руку, которая помогает тебе?

— Дамочка, я не нуждаюсь в вашем сочувствии, — презрительно фыркнула девушка.

— Ну, всё, у меня уже голова от тебя болит, заноза малолетняя, — устало бросил мужчина, взяв жену под руку и направившись к лестнице на второй этаж, — В шкафчике найдешь чистое полотенце и чистый банный халат, надеюсь, как душ включать, тебе не нужно объяснять, ужин — на столе в кухне, комната для гостей — по коридору первая на

право. А я сегодня чертовски устал и собираюсь спать, идем, Марго. Приму душ на втором этаже. И ты постарайся хорошо отдохнуть, а завтра утром мы поговорим — ты хочешь никогда больше не возвращаться к своему ремеслу и заняться более достойным делом?

— Но, почему? — маленькая забияка насупилась, подозрительно покосившись, — Что вам с этого?

— Иногда люди помогают друг другу просто так, чтобы не оставлять человека наедине с бедой. Спокойной ночи! — Маргарита потрепала её темноволосую голову, — Можешь себе представить, я её уже видела, — шепнула она на ухо мужу, — Она тут не случайно, я уверена в этом. Я уже видела её раньше — в своём видении.

Уже поднимаясь по лестнице, Джон и Маргарита услышали, как дверь в ванную захлопнулась, щелкнула задвижка, и послышался шум льющейся воды.

В тот вечер Марк вернулся со съемок поздно, уставший и только и мечтавший всю дорогу до дома о том, как примет ванну и заснет крепким сном.

— Ну, и какого так в дверь стучать! Я не глухая, — Мей открыла дверь и, с гневным выражением на лице и махровом халате на теле, грозно зыркнула на опалелого Марка, — Ну, чего вытаращился? Бабы в ванной никогда не видел, что ли? Ану, дай пройти! — она демонстративно оттолкнула его, забрызгав, когда с силой трянула ещё влажными волосами, — Стоп! Подожди, а ты не тот знаменитый парень-модель, о триумфальном возвращении в бизнес которого последнее время пишут все популярные глянцевого издания? Так, значит, ты тоже тут живешь? Мои одноклассницы кипятком ссать будут, если узнают, что я с тобой ночь провела, — внезапно она развернулась, подошла к нему совсем близко и, встав на носочки, заглянула в его серые глаза.

До чего же он хорош собой! Ладно сложен, с такими длинными стройными ногами и некогда роскошными вьющимися волосами, за которые любая девчонка многое бы отдала. Мужественные, слегка резковатые черты лица с по-детски светлыми глазами. И его руки, как, должно быть, могут волновать, дотрагиваясь до кожи, эти изящные музыкальные пальцы, какое могут дарить наслаждение своими прикосновениями. А эти красиво очерченные губы, как должно быть, умеют целовать — так, что теряешь разум и не боишься задохнуться. В жизни он ещё лучше, чем на снимках в модных журналах. И запах... от него сладко пахло весенними цветами и свежескошенной травой, и в этой симфонии запахов выделялось ещё что-то такое знакомое и родное — вишня. Конечно же это были цветы вишни, этот аромат она бы ни с чем не спутала — сколько раз она вдыхала его в знакомом парке, в той, другой жизни, к которой уже не будет возврата... Но — нет! Нельзя даже думать так. Ни к чему хорошему это не приведёт. Все, кто был ей дорог, все, кого она любила — либо предавали её, либо ушли, как родители... И это приносило столько боли, что лучше предупредить её и не пускать ни кого в свои сердце и душу, чтобы потом не страдать от невыносимой горечи очередной потери. Но как же хотелось почувствовать себя на месте той счастливицы, что познает его любовь, а она была практически уверена, что у такого, как он, должно быть множество пассий. Но как же соблазнительно было забыться в мечтах, представляя себя во власти его рук и губ.

— Какая ночь? Ты о чем? — он непонимающе замотал головой, — Ванная комната на втором этаже была занята, и я... — его голос... Она могла бы слушать его вечно, у него был такой забавный милый акцент, гораздо приятнее, чем её ужасное произношение. Девушка застыла в немом очаровании, заслушавшись его.

— Ой, а тебе так трудно подыгрывать мне? У тебя же нет сейчас официальной

девушки? — она провела рукой по его плечу, — Будешь моим липовым парнем? Одноклассницы мои от зависти просто лопнут.

— Нет, я на такое не подписывался, — запротестовал юноша, — А ты кто, вообще, такая? — Марк пристально просмотрел в темные раскосые глаза девушки.

О женщинах Марк старался не думать, с головой уходя в работу, и уж тем более не мог представить себе, что его будут домогаться в собственном доме — девица, которую он впервые видит.

— Ладно, ладно, — она снисходительно улыбнулась, — Не бойся, твоё мужское достоинство не пострадает, — хихикнула она своей шутке, — Моё имя Лали-Мей, меня твой приятель привёл, такой смуглый, кареглазый, — потом она искушающе состроила глазки, — У тебя же нет тайной жены, к тому же, беременной?

— Та типун тебе на язык, язва мелкая! — порывисто отмахнулся парень.

— Ой, ой! — девушка оттолкнула его от двери и решительно направилась в кухню, — Ванную комнату я тебе освобождаю и иду на кухню — если голоден, то присоединяйся.

— Ну, что за девица — уже, как у себя дома, распоряжается, — развел руками Марк и отправился в душ, — Вот же притащил Джон маленького дьяволёнка.

— Я всё слышала, — крикнула Мей из кухни.

Марк тяжело вздохнул.

Когда он вышел из душа, то девушка, так и не дойдя до гостевой комнаты, уже свернулась калачиком на диване в гостиной.

— А, это ты, — она приоткрыла один глаз.

— Похоже, ты засыпаешь? — тихо спросил Марк, — Тебя перенести в комнату?

— Остайся со мной, пожалуйста, — сонно пробормотала она, — Но, только рискни со мной что-нибудь сделать. Если утром пояс халата будет завязан по другому, то я тебя кастрирую, учти.

Юноша попытался всё-таки отнести её в спальню для гостей, но она дернула его за руку, и он от неожиданности присел рядом с ней на диван. Она же преспокойно положила голову ему на колени:

— Теперь ты — моя подушка, — удовлетворенно заключила она и заснула безмятежным сном ребёнка.

А Марк той ночью глаз не сомкнул, и к утру у него ужасно ломило спину, но она так сладко и спокойно спала, что он так и не решился потревожить её сон. Её ровное дыхание, биение её сердца, запах её вымытого тела и гладкость её волос — всё это странным образом будоражило его, вызывая непонятные ощущения. Он даже не догадывался, что она так спокойно заснула — впервые за долгое время.

Утром, всё же, усталость взяла своё, и Марка начало клонить в сон. Когда он открыл глаза, то девушки уже не было. Она обувалась в прихожей.

— Уходишь? — окликнул её Марк, выйдя в коридор.

Он стоял и смотрел на неё, облокотившись о стену.

— А, это ты — "подушка", — улыбнулась Мей, — Пойду я, пожалуй... Не хочу вас больше напрягать своим присутствием, — она посмотрела на него с благодарностью, — Спасибо вам. Спасибо, — подойдя к самой двери, она обернулась, — И ты не остановишь меня? Не попросишь остаться? — а внутри всё кричало "Останови меня! Спаси меня!", — Не бойся, я ничего у вас не украла.

— Да, мне как-то фиолетово, знаешь ли, — пожал плечами парень, — Украла или нет

— это будет на твоей совести.

— Тогда, пока, — произнесла она бесцветным голосом и поспешно отвела взгляд.

Внезапно, он резко дернул её за руку — от этого движения рукав её кофты сполз, и он увидел на локтевом сгибе следы от инъекций:

— Ты, что, совсем дура?! — он рванул её руку на себя, и вот уже девушка оказалась в его объятиях, — Сколько тебе лет? Тебе же ещё нет и шестнадцати, — на каком-то интуитивном уровне, он смог "прочитать" её боль, испытав подобное в своей жизни.

А ещё стало вдруг больно — неужели он достоин только вот такой вот женщины? Кем он будет для нее — объектом спора с подружками, очередной красивой игрушкой в коллекции? Девчонка-то симпатичная, наверняка ей стоит только пальцем поманить, сотни парней будут у её изящных ножек в модных модельных туфельках.

— А тебе какое до меня дело? — Мей с вызовом посмотрела на него, — Ты мне кто — отец, что ли? Мне с головой хватило твоего приятеля с его придирками и нравоучениями, — она попыталась вырваться из его рук, и заметила шрамы на его запястьях, — А сам-то!

— А ты думала — я тут весь такой, в шоколаде?! Если заглянуть ко мне в душу, то там можно увидеть такие же шрамы. Я тебе — никто, ты права, но, возможно, я могу понять тебя как ни кто другой, — он порывисто привлёк её к себе и крепко обнял, — Ты не должна продолжать губить себя, торговать своей красотой и подрывать своё здоровье. Ты же ещё почти ничего не видела в этой жизни. Я прошел через всё это, но, благодаря этим людям, я смог начать жить заново.

— Ты? — она несколько раз всхлипнула и подняла голову, — Неужели ты?...

— Ну, вот — теперь об этом знаешь только ты. Даже с ними я не говорил об этом... Об этой стороне моей жизни мне сейчас противно и неприятно вспоминать — они знают только, что жизнь моя была безрадостной, но, об этих её подробностях я не могу говорить. Я пытался выжить, но кроме собственного тела у меня не было ничего. Мне приходилось спать с женщинами за деньги и делать ещё много чего, о чем не принято говорить вслух. Однако, если это заставит тебя задуматься о своей собственной судьбе, то я могу тебе рассказать, как это — быть изнасилованным в нежном детском возрасте или корчиться от ломки в вонючем подвале... — и снова накатила волна грязи и смрада, он снова ощутил всю мерзость и всю тошнотворность тех дней, точно он сам был комком напрягшихся нервов и сгустком грязи.

— Не продолжай... не надо... — девушка приложила палец к его губам, — Это же причиняет тебе боль...

— Это часть моего бытия. Мне от этого не уйти и не забыть, — тихо ответил он.

Что же могло приключиться у этой девочки, что она стала такой? Ему было страшно и больно видеть её вот такой — совсем ещё юную, но уже разочаровавшуюся в жизни, принявшую жестокость и цинизм, но сильнее всего было то негодование и тот гнев, что охватил его по отношению к тем, кто довел её до такого состояния — он ещё даже не знал их, а уже ненавидел и готов был разорвать собственными руками за то, что искалечили девочке жизнь. Он обязательно сделает всё, что будет в его силах, и не только — но не оставит её один на один с болью.

— Ты — необыкновенный человек, — Мей не смогла сдержать слёз — то ли восхищения им, то ли сожаления по своей собственной жизни.

— Поверь мне — самый обыкновенный, и я хочу помочь тебе, как когда-то помогли и мне, — прошептал он.

А она вдруг захотела, чтобы его чувства к ней и его объятия были иного рода — и она

готова будет бороться за этого мужчину, чтобы он смог однажды разглядеть в ней те чувства, что зарождались сейчас в глубине её сердца. И захотелось, чтобы и он чувствовал к ней не жалость или сострадание, а то, что чувствует она к нему — то, что чувствует мужчина к женщине... Чтобы смотрел на неё другим взглядом... Ей захотелось узнать о нем всё — чем он живет, чем дышит, что предпочитает, о чем думает, что любит, а что — нет... Захотелось проникнуть в его мысли, заполнить их собой, стать частью его жизни, стать такой, какой он захочет её видеть, лишь бы не наскучить ему, лишь бы быть ему интересной. И не понимала она, чего же ей хотелось сейчас больше — сбежать подальше со стыда за своё прошлое или прижаться к нему ещё сильнее и испробовать его губы, что находятся сейчас в такой близости — распробовав до малейшего из оттенков вкуса. Ни к одному мужчине до этого момента она не чувствовала ничего подобного, и не потому, что он действительно так хорош — обласканный жизнью мальчик-мажор, он так отозвался на её боль как раз потому, что у самого в душе глубокие раны. Первая родственная душа, которую она встретила в этом безумном мире, которая сможет понять и принять её, какой бы несносной она не была. Кто-то из великих сказал: "Человек приходит в этот мир один и уходит один, и только в любви и дружбе человек может хоть временно почувствовать себя не одиноким".

— Что, и даже на завтрак не останешься? — Марк ободряюще сжал её руку.

— О! Смотрю, вы уже познакомились. Ты задержал её, — со второго этажа спустились Джон и Маргарита, — молодец, парень, — У меня ещё есть разговор к тебе, девочка, — мужчина одобрительно улыбнулся юноше и поманил пальцем Мей.

— Да, и вам доброе утро, — хмыкнула девушка, легко перебросив свою сумочку через плечо, — Вообще-то мне на занятия нужно, у меня и так крупные неприятности, не хотелось бы всё ещё больше усугублять.

— В таком случае, можно я поеду с тобой, объяснюсь с директором и твоим преподавателем? — Джон посмотрел в темные глаза маленькой японки, от чего той стало не по себе и она боязливо вздрогнула, словно что-то увидела в его взгляде, что напугало её или возродило вызывающие страх воспоминания.

— С чего бы такая забота? — Мей сморгнула и недоверчиво покосилась на смуглого темноволосого мужчину, нервно сглотнув.

— Ты хочешь начать новую жизнь? — Джон пристально посмотрел на неё, давая понять, что ожидает ответа, — И родители позволяют тебе так жить?

— Замолчи! Замолчи сейчас же! — её руки самопроизвольно сжались в кулаки, — Я не позволю тебе так говорить о моих родителях! Их больше нет, и я не знаю, как мне жить теперь! Каждый день я просыпаюсь, и спрашиваю себя, почему я не умерла вместе с ними? Я так испугалась, что не могла даже дышать, спрятавшись под диваном, и слышала, как их убивали. Потом, в больнице я пришла в себя и была вся в крови... их крови... если бы я их не послушалась... Меня не должно было быть там, я должна была быть на занятиях, но я прогуливала и вернулась с черного хода. Мама успела отправить мне сообщение, что в доме опасность — закодированное, как когда мы играли в шарady в детстве. "Красная шапочка" — это была одна из моих любимых сказок в детстве. Моя мама любила детективы, и мы с ней разработали целую систему условных сигналов на экстренный случай, только это не помогло. Меня спасло чудо — мимо проезжали мамины коллеги, они привезли цветы и пожелания счастливого декретного отпуска. Родителей чудо не спасло... У меня больше нет родителей, и никогда уже не будет брата, который так и не родился... Я же позвонила в скорую, как только смогла, но не успела... — дальше она уже не могла остановиться, рыдая

сползая по стене, сминая в руках свои туфли, — Как бы я хотела вернуть время назад... Я сама виновата в том, какой я стала... После смерти родителей на меня, словно что-то нашло... Я связалась не с теми людьми. Потом понеслось — бесконечные вечеринки, с выпивкой и наркотиками — сначала легкие, потом — потяжелее... Можете себе представить — я носила только черное и делала мрачный готический макияж, меня даже называли "Черной королевой". Как хорошо, что мама не видела меня такой....

— Поплачь, детка, — Марго присела рядом, забрав у девушки туфли, подав вместо них носовой платок, — станет легче.

— Почему я всё это вам сказала? — непонимающе прошептала девушка.

— Потому, что тебе необходимо выговориться, — смуглый мужчина присел рядом и взял её за руку, — Несколько месяцев назад мой отец умер на моих руках — я хорошо понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Если бы ты их не послушала, то ты бы погибла вместе с ними, но ты выжила — ты невероятно мужественная девочка, — в прихожую спустился доктор.

— Но я ничего не сделала... не смогла помочь, — она поднялась с пола с его помощью, — я должна была... Только голоса, и всё... И мне не забыть их до самой смерти...

— Daijoubu desu (Всё хорошо (яп.)), — сочувственно похлопал её по плечу Джек.

— Это вы ради меня говорите по-японски? — улыбнулась азиатка.

— И смею надеяться, вполне сносно, — подмигнул её соотечественник.

— Arigatou! (Спасибо! яп.) Сенсей, я... — она продолжала дрожать, — Ваши шрамы... — пару раз Мей видела этого мужчину с Ондзи и тем смуглым симпатягой, который привел её в этот странный дом, где принято любить и заботиться друг о друге, совсем как в её доме когда-то — и воспоминания пришли теплые и обволакивающие, будто закутываешься в знакомый теплый плед, к нему иногда обращались "док", из чего она заключила, что он — врач.

— Тебя ещё не было на свете, а я не знал, для чего жить дальше после смерти родителей, но надо продолжать жить, — пережив смерть своих близких, Джек знал, о чем говорил, и что может чувствовать сейчас девочка, — Твои родители хотели бы именно этого. Жизненные испытания могут либо сломать нас, либо сделать сильнее — какой вариант предпочтешь ты? А если захочешь поговорить, то просто знай, что мы рядом.

— И тогда вы решили стать врачом — чтобы спасать, — в ответ японец утвердительно кивнул.

— Ты всё сделала правильно, ты умница, — успокаивала её Марго.

— Но я ни чем не помогла, — девушка замотала головой, — А теперь мне страшно и за себя. Если они знают, что я жива... Я сбежала, и оказалась здесь... во Франции, так далеко от дома. Ондзи-сан согласился взять меня с собой, выдав себя за моего дядю.

— И тебя не ищут? — поинтересовался Джон.

— Не знаю, — Мей пожалала плечами, — я сменила номер телефона и перестала вести свои аккаунты в социальных сетях.

— Господин Ондзи тебе не родственник, кто из близких у тебя остался? — Джон с интересом и беспокойством посмотрел на неё.

— Только настоящий дядя, родной брат отца, — буркнула девушка.

— Он знает, где ты? — продолжил спрашивать мужчина.

— Я не знаю... — снова замаялась японка.

— Тогда сделаем так — пока поживешь у нас, с Ондзи мы, я думаю, договоримся, —

мужчина кивнул, — И о переводе в другую школу тоже можем договориться. Это очень хорошая школа, поверь мне.

— И что? Собираетесь сделать из меня пай-девочку? — вызывающе насупилась маленькая японка, — Уже слишком поздно.

— Ну, уж это вряд ли — у меня хватает, кого воспитывать, — подмигнул Джон, вспомнив сына, Адельку и смерив взглядом живот жены, — А тебе стоило бы позвонить дяде — он твой родной человек и наверняка волнуется за тебя, глупышка.

— Даже, не знаю, — азиатка поморщилась, — после всего... своим поведением я опозорила свою семью, не думаю, что он будет рад меня видеть.

— Не настолько же, чтобы выгнать? — усмехнулся мужчина, улыбаясь своими удивительными глазами.

— С вами мне спокойнее, — Мей осмотрелась и заискивающе закусил губу, — Пожалуйста...

— Завтрак готов — мы с Джасси как раз закончили, — раздался веселый голос Даниэллы, приглашающей в столовую, — Прошу всех к столу. Сэндвичи, круассаны и кофе с молоком, а детям — молочные хлопья.

— Совсем как в моём детстве, — Мей потянула носом завлекающие ароматы, доносившиеся из кухни, — А вы забавные, правда.

— Ребята, познакомьтесь, это Мей, — Марк представил девушку, проводив её на кухню.

— Ну, что, останешься? — примирительно улыбнулся Джон.

— А я смогу навещать красавчика? — хитро сощурилась японка.

— Что скажешь, парень? — Джон повернулся к Марку.

— Если девочка не испугается, что на неё ополчатся мои поклонницы, — Марк потрепал ей челку.

— Вот ещё чего, — фыркнула Мей, задрал нос и ущипнула юношу за щеку, — С чего бы мне бояться этих куриц?

Сказать по чести, некоторых стоило бы бояться — иногда привязанность и поклонение бывают весьма болезненными, поклонницы — неуравновешенными, а их одержимость — навязчивой и неудовлетворенной, и тогда может грянуть взрыв, сильный и оглушительный, и кого-то может задеть не просто по касательной, а напрямую...

От распространяющегося аромата и тепла от протянутой ей керамической чашки кофе с молоком и корицей, защемило в груди, и внутренний лед на сердце начал медленно таять, стекая по щекам солеными дорожками, а на душе стало так печально и сладко одновременно.

— Марк, на два слова, можно? — Джон остановил юношу, пока остальные располагались за завтраком на кухне, глядя на него своими пронизательными глазами, — Слушай, а ты, похоже, очень понравился ей, парень. Ты уверен, Марк? Если ты не сможешь её вытащить, то это добьет девочку. Будь осторожен.

— Именно поэтому — это должен быть я, — уверенно тряхнул головой парень, — Только я сумею...

— Даст Бог, это поможет и тебе самому, — кивнул Джон.

— Эй, ты что? — удивленно воскликнула японка, отобрав у Маргариты чашку с её любимым напитком, — Поставь назад кофе. Давай я лучше сделаю тебе зеленый чай с жасмином и мятой — моя мама такой любила, когда ждала моего брата, когда была ещё жива... — девушка крикнула в прихожую, — Слушай, дядя, ты следил бы за тем, что твоя

женщина употребляет. Что бы вы без меня делали? Смотрите и учитесь, — она принялась хозяйничать, перебирая пакеты с чаем в кухонном шкафчике, — О, а вот и он — я отлично готовлю такой чай.

— Спасибо, Мей, — Марго благодарно улыбнулась, — Я, правда, очень тронута.

— Да не за что, — та сперва усмехнулась, потом чашка вдруг выскользнула из её дрожащих пальцев, — Я, я... — нахлынула волна удушливых воспоминаний, и девушка слишком сильно вцепившись в плечи Маргариты сведенными спазмом пальцами.

"В одиночку мы можем так мало, но вместе — мы можем так много".

Хелен Келлер

Ту же ночь, что Мей провела на диване в гостиной на коленях Марка, светловолосая Аманда провела в своей квартире, наедине с мыслями о другом конкретном мужчине — в окно клуба она видела, как этот смуглый красавец отбил девушку у насильников — её знакомую Лали-Мей, и увез с собой. В тот момент она даже позавидовала этой японке — как бы ей хотелось оказаться на её месте.

Девушка достала из холодильника бутылку мартини и вышла на лоджию:

В чем же она уступает этой его жене? — задавалась вопросом Аманда. Чем же та сумела покорить его? Разве у неё не такая гладкая кожа, не такие мягкие волосы, не такие чувственные губы, не такой томный взгляд? А ноги-то у неё и подавно постройнее будут. Тогда что? Чем же тогда она для него такая особенная, что он не замечает других женщин? Красивых женщин. Стало быть, кроме красоты, для него было важно ещё что-то, чего не было у неё. Невольно она вспомнила теплый взгляд карих глаз маленькой Маргариты и призадумалась — чего же ей не хватает, что она не заслужила быть рядом с таким мужчиной, как он? Разве может эта девочка по достоинству оценить такого мужчину? Она налила напиток в бокал, откинулась в кресле и закурила. Смогла бы она заинтересовать его? Аманда закрыла глаза, и перед ней снова предстал его образ. Пожалуй, разговаривая с Ондзи, она преувеличила — она бы не смогла причинить зло обладателю этих удивительных глаз. Иначе, как она сможет заглянуть в них снова... А ей непременно хотелось сделать это. Она замотала головой, освобождаясь от этих мыслей, приложив холодную бутылку к разгоряченному лбу. Ну, почему же всё так сложно, так непросто в этом мире, где такие отношения невозможны и не имеют будущего. И от этого осознания стало невыносимо горько.

И тем же днем, когда маленькая японка завтракала в компании новых друзей, уже немного придя в себя и успокоившись, Марк согласился подвезти её и Джона к школе. Её появление в обществе двух привлекательных мужчин произвело настоящий фурор, заставляя оборачиваться им вслед проходящих мимо школьниц. Мей шла рядом с ними, гордо вскинув голову. С самого своего появления в этой школе, она заслужила репутацию личности способной, сильной и самостоятельной — с ней считались.

В разговоре с директором Джону удалось договориться о переводе девушки в школу, в которой учились его сын и Розалинда — под ответственность господина Танака и не без помощи легендарной тетушки Даниэллы — Джульетты. Кроме того, совместными усилиями удалось убедить азиатку, что стоит дать знать о себе родному дяде и завершить образование на родине:

— Алло, здравствуй, дядя, — девушка нехотя набрала номер, — Это я, Мей, — в разговоре она перешла на японский язык.

— Мей?! Это ты? Где ты пропадаешь? — ей ответили тоже на японском, и голос на том

конце был по-настоящему взволнованным, — Ты в порядке? Я не мог до тебя дозвониться — ты сменила номер телефона?

— Прости, что не позвонила, это долгая история, — японка замялась, не желая выдавать подробности.

— Я всё понимаю, ты напугана. После всего что случилось... — собеседник выдохнул с облегчением, — Почему звонок международный? Где ты находишься? Я приеду и заберу тебя.

— Всё не так просто, — она смутилась и запнулась, — я сейчас в Париже...

— Где-где? Ничего себе, куда тебя занесло, девочка, — её дядя был не на шутку удивлен, каким образом его непутевая племянница оказалась так далеко, — У меня сейчас переговоры в Сингапуре... Подожди, я сейчас включу интернет и посмотрю билет на ближайший рейс, — в трубке послышались звуки щелчков клавиатуры, — постараюсь послезавтра быть.

— Спасибо, — виновато произнесла азиатка, — Прости, я доставляю тебе столько хлопот.

— Ну, мы же — родные люди. Я приеду и заберу тебя, мы вернемся домой, и всё будет хорошо. У нас всё наладится. Держись, детка. Всё будет хорошо, — абонент повесил трубку, и девушка устало опустилась на диван:

— Вот и всё, — закончила она на английском и посмотрела в потолок, продолжая крутить в руках свой телефон, — А с вами было весело... — ей, и правда, было бы грустно с ними расставаться, особенно — с одним из них. Она повернула голову в сторону окна, у которого в пол-оборота стоял Марк. Куда он смотрел? О чем думал? Или — о ком? Как он смотрел на ту, другую... Его мысли были о другой. Девушке стало интересно, а "дядя" знает, что он думает о ней, о его женщине? Теперь она знает его тайну, золотого мальчика с красивой глянцевой обложки. Мей даже стало жаль парня — он так молод, но неразделенная любовь... Видно же, что тяжело страдает. А сколько ещё всего будет в его жизни? И он каждый раз собирается так мучить себя? Так не хватит никаких нервов. Сможет ли она исцелить его? Захочет ли он этого? Как бы ей хотелось ощутить своей кожей его взгляд и его прикосновения...

Наверно, так будет правильно — вернуться домой, в семью, вернее — в то, что от всего этого осталось. Её место там. Почему же тогда какая-то часть её души отказывается с этим соглашаться и так отчаянно желает остаться здесь, с ними — с ним... главным образом — с ним... Как быть? И девушка ещё не знала, что уже совсем скоро, гораздо раньше, чем она могла себе представить, сама судьба преподнесет ответы на все эти вопросы, и всё расставит на свои места.

Весь следующий день Мей была напряжена и задумчива. Рискнуть ли ей? У неё осталась одна ночь, и её она хочет провести с ним. Возможно, ей удастся заставить его забыть ту, что заставляет его страдать? Хотя бы — на одну эту ночь. Ей и самой необходима эта ночь — чтобы не потерять веру в то, что не все мужчины одинаковы и забыть то, что случилось с ней по её собственной наивности и предательство того, кого она любила и в котором так жестоко ошиблась. Как "дядя" смотрит на свою женщину, так и ей хотелось, чтобы на неё смотрели так же. Чтобы её мужчина был ей и любовником, и другом, и защитником и опорой, чтобы никто и никогда не больше не поступал с ней так, как с ней поступили. И ради такого мужчины она будет готова на всё.

Поборов внутри себя сомнения, страх и стыд, она решилась, постучав в дверь:

— Я принесла поесть, — на пороге комнаты Марка стояла Мей, в руках у неё был поднос с ужином, — Разрешешь присоединиться? — сладко улыбнулась она, выжидающе глядя ему в глаза.

— А ты знаешь, чего хочешь, не так ли? — он прищурился и взял поднос из её рук, поставив его на столик рядом с кроватью.

— Ты же теперь мой липовый парень, помнишь? — девушка подошла ближе к нему, обняв его сзади, и принялась медленно расстегивать пуговицы на его рубашке, — Или так тебе будет приятнее? — она повернула его лицом к себе, и зрачки его серых глаз увеличились, став почти черными, а все мышцы на его лице болезненно напряглись — прямо перед собой он видел лицо Маргариты.

— Какого... — он больно схватил её за руку, но, внутри него боль была намного сильнее, нескончаемая раздирающая агония, эмоциональный коллапс, — Как ты?... Что это за трюк? Что это означает? — и сердце разрывалось от этой боли и бесконечных сомнений — азиатка всё больше заполняла его мысли, но и ту, другую, он не мог забыть, и это нестерпимо пекло изнутри — огнем, похуже адского.

Он был в полнейшей и абсолютной растерянности — чьё лицо он желал видеть сильнее? Чьи глаза и губы он хотел видеть сейчас прямо перед собой?

— Какой трюк?... — девушка испуганно моргнула, глядя на его искажившееся лицо, — О чем ты говоришь?

— Чего ты добиваешься? — Марк вторично сжал её руку, всматриваясь, — может, ему просто показалось? Насколько же он ненормальный? Неужели, он настолько больной, с разорванными в клочья нервами и душой, что ему уже мерещится? Теперь в его глазах были смятение и замешательство.

— Тебя, — напрямик выпалила она, сузив глаза, — Ты нравишься мне, я хочу тебя.

— В какую ты игру играешь, детка? — встряхнул её за плечи Марк — ещё ни одна женщина так откровенно не предлагала ему себя.

— Так вот в чем дело? — азиатка порывисто высвободилась, с вызовом посмотрев на него, — Ты все ещё думаешь о ней?! Я же всё вижу. Как только другие этого не замечают?

— Тебя это волнует? — парень отпил воды, отставил стакан и стремительно развернулся к ней, сильно прижав своими ладонями её плечи и спину к двери, его губы дрогнули зловещей ухмылкой, и он устрашающе прохрипел, глядя ей в лицо, — И тебе всё равно, что занимаясь любовью с тобой, я буду представлять другую? Ты этого хочешь?! У тебя, что — совсем нет гордости?! Черт! Тебе хоть пятнадцать-то есть! О чем ты вообще думаешь?! — потом он резко отстранился от неё, отодвинув девушку и распахнув дверь своей комнаты, — Убирайся! Противно на тебя смотреть!

— Смотрите, как заговорил! — в ответ захотелось ударить ещё сильнее, заставить его страдать еще сильнее, чем страдает сейчас её, готовое разорваться от боли, оскорбления и обиды, сердце, а внутри её всю трясло от бессилия и гнева, — А ты тоже хорош — ты до сих пор хочешь её? Ту, что никогда не будет твоей? Она замужем за другим и носит его дитя! А ты бегаешь за ней, как собачонка — и кто из нас жалкий? Не удивлюсь, если ты скоро совсем импотентом станешь, — она подошла к столику, взяла стакан с недопитой водой, плеснув ему в лицо, и гордо вышла из комнаты, — Это я больше не желаю тебя видеть! Но, клянусь, когда-нибудь ты сам придешь ко мне, только буду ли я тогда ещё ждать тебя — вот в чем вопрос. Она не даст тебе никогда того, что могла бы дать я! — бросила она, яростно хлопнув дверью, если бы он только остановил её сейчас, просто обнял, то она бы на коленях

просила бы прощение за свои обидные слова, но — этого не произошло. И сейчас она ненавидела себя за ту ложь, что сорвалась с её губ — какое, к черту, самолюбие, какие правила и принципы, когда она до дрожи желает видеть его каждый миг, но, сказала совершенно противоположное. А он не понял... И по щекам слезы горькие стекали, обиды и ревности жаром кожу обжигая, и внутри бушевала гроза — она лишь отыскать любовь свою хотела... Но, её девичья гордость была уязвлена.

— Уходи... — машинально буркнул он уже в пустоту, — Оставь меня... — когда за ней захлопнулась дверь, Марк откинулся на кровати, закрыв лицо руками — как он мог так чудовищно оскорбить её? Но, эти её слова — от того ли они так беспощадно жгли, что в них была доля правды? Значит, он заслужил выслушать всё это?

Остаться в ноябре,
Не думая о том,
Что будущее скоро станет прошлым.

Я снова в серебре,
Ты снова в золотом
И мысли о несбыточно хорошем.

Давай после трёх:

Любовь — на выдох, боль — на вдох...

И нерв — USB — переключить с "Люби" на "Не люби"...

Юрий Кунц

Марк схватил со столика пустой стакан и запустил им в уже закрытую дверь, и тот со звоном разлетелся на мелкие осколки. Так и он чувствовал себя разбитым на миллионы кусочков, которые сможет ли когда-нибудь снова собрать воедино?

Девушка быстро спустилась по лестнице на первый этаж, захватив по дороге свою сумочку, что так и осталась лежать на диване в прихожей. Задержав взгляд на своём отражении в зеркале холла, она, не выдержав, со всей силы ударила кулаком по стеклу, оцарапав ладонь в кровь.

— Чего вылупились? Глаза сломаете! А знаете, что — пошли бы вы... на хутор бабочек ловить, — злобно процедила она, когда на звуки разбитого стекла стали спускаться разбуженные шумом обитатели дома, — Меня можно не провожать, я сама уйду, — она достала из сумочки платок, перевязала им руку и, на ходу обувая туфли, спешно выбежала на улицу.

— Что происходит? — Маргарита обратилась к Марку, который тоже спустился на звук хлопнувшей двери.

— Мей сбежала? — холодно спросил юноша.

— Почему, что случилось? — голубые глаза Даниэллы требовали ответа.

— Я прогнал её... — Марк опустил голову и руки.

— Ты что сделал? — Маргарита закрыла рот рукой, недоуменно глядя на него, — Как ты мог?

— Марк, ты же обещал, — нахмурил брови Джон, схватившись за голову, — Ну, как же ты мог? Что теперь будет с девочкой? Завтра за ней приедут, и что мы скажем? — "Хороша же ваша девочка..." — так и подбивало хмыкнуть Марка.

— Что сделано, то сделано, — устало обронил он, накидывая куртку и обуваясь, — Теперь я должен найти её.

— Эй, приятель, но это — мой мотоцикл, — попытался возмутиться смуглый мужчина,

и парень его расслышал, даже будучи уже за порогом, — И это ключи от моего байка.

— Я верну, — крикнул он с улицы, — Обещаю, — со двора Марк успел увидеть лишь капот отъезжающего такси, рванув за ним, не упуская его из виду ни на секунду.

Автомобиль остановился у бара с освещенной яркими огнями неоновой вывеской.

Когда парень зашел внутрь, то брезгливо поморщился от обилия табачного дыма, запаха алкоголя и нецензурной брани.

Девушку он увидел сидящей за барной стойкой, попивающей коньяк и откровенно флиртующей с барменом.

— Тебе же на меня наплевать, так какого черта ты приперся? Следил за мной, что ли? — она повернулась к нему, когда парень присел рядом, её лицо отнюдь не выражало любезности.

— По-моему, тебе хватит спиртного — он взял стакан из её рук, — У вас в баре, что, разрешено наливать алкоголь несовершеннолетним? — гневно сверкнул глазами он на перепуганного бармена.

— Тебя каким боком обходит, сколько я пью? — недовольно скривилась девушка, сделав глубокий вдох, — По-моему, ты уже сказал всё, что хотел. Или нашлись для меня новые оскорбления? Конечно, я не такая чистая и правильная, как твоя идеальная Маргарита.

— Я виноват перед тобой, наговорил лишнего, — он взял её руку, стараясь подобрать нужные слова, — Я хочу, чтобы ты ценила себя такой, какая ты есть, — он слегка коснулся ее руки, а по её щекам текли слезы, — Ты и сама по себе — исключительна и неповторима. Ты ещё встретишь того, кто будет достоин тебя. Когда-нибудь... обязательно встретишь...

— Ты тоже прости, — она опустила голову, сверля взглядом пустую рюмку, — Я совсем не то имела в виду. Просто я вижу, что тебе плохо.

— И хотела сделать мне хорошо, так? — Марк негромко рассмеялся, — А получилась для обоих шоковая терапия. Что же, такое иногда полезно. Только давай не будем торопить события, ладно?

В этот момент в бар вошли двое, в одном из которых Мей узнала своего дядю, родного брата своего покойного отца. Они сели в дальнем углу:

— Такеши, мне напомнить тебе, как дела делаются? — знакомое лицо дяди было перекошено до неузнаваемости, он был сердит, он продолжал говорить, и каждое его слово, точно вбиваемый гвоздь, входило в подкорку, — Вы упустили её, и если бы она сама мне не позвонила, сколько бы вы ещё искали её? Пока девчонка жива, она — наследница. Она не должна вернуться в Японию. Ищите её, мои специалисты засекли её телефон в районе острова Сен-Луи. Жертва ограбления, сбита машиной — мне всё равно, как вы это сделаете, но когда я завтра вечером якобы вернусь, то должен найти лишь хладный труп и безутешно оплакивать утрату. И семья воссоединиться к счастливой жизни на небесах, а я, так и быть, поживу ещё на грешной земле в своё удовольствие. Ищите её, Такеши, понятно? Не подведите меня.

Сквозь громкую музыку и шумные голоса посетителей бара до неё доносились обрывки фраз их разговора, из которых стало понятно, что убийство её отца и беременной матери было заказано ни кем иным, как человеком, которого она считала после смерти родителей самым родным, что ему осточертело играть роль любящего дядюшки для отбившейся от рук племянницы, чудом избежавшей гибели вместе с семьёй. Тогда она узнала и второй голос, что хохотал над трупами её родных, после того, как хладнокровно зарубил их.

Мей повернула голову и беспомощно посмотрела на Марка:

— Как такое возможно, что он сейчас сидит тут, когда должен быть в Сингапуре? Зачем он здесь? Я. Ни куда. С ним. Не поеду... — девушка до боли сжала его руку, — Марк, уведи меня, пожалуйста, отсюда, пока нас не заметили — мне нечем дышать, — ледяным голосом произнесла она, и рука её, что сжимала его ладонь, также была холодна, как лед, — Я знаю этих людей, хоть, лучше бы мне их никогда не знать. Я не хочу этого видеть... Я никогда больше не хочу ничего видеть! Это слишком больно... И этом человеком я восхищалась с детства? До чего же умело он играл роль дорогого дяди...

Шок, боль и разочарование от предательства подавили в ней сейчас все остальные чувства. Он смотрел на неё и не узнавал этого каменного выражения на её лице. Срочно шепнув несколько слов бармену, они прошли черным ходом на безлюдную набережную.

Оказавшись на улице, Мей упала на колени и разразилась рыданиями.

Марк начал догадываться, что случилось, но даже не успел он приблизиться к ней, как с девушкой стало происходить нечто ненормальное: её волосы стали длинны и черны, на ней было белое погребальное кимоно, запахнутое наоборот (правой полрой на левую), её ногти удлинились, превратившись в острые черные когти. Лицо её было так же мертвенно бледно, как и её белое кимоно, глаза её были подведены красным макияжем гейши, как и её губы. Она истошно закричала, и от этого крика кровь стыла в жилах:

— Zetta! ni yurusana! (Никогда не прощу! яп.) Убью!

— Майя, нет! — юноша попытался помочь ей подняться, но, она, точно, не узнавала его, взмахом руки легко отбросив на мокрые камни.

— Бесплезно! Никому я не нужна! Никто не нужен мне! — Мей смотрела на него своими почерневшими глазами, — Ничтожные людишки, думающие только о себе! Жалкие Хомо Сапиенс-с-с! — прошипела она.

— Это не так! — он с трудом поднялся, вытирая кровь с лица, — Я знаю людей, которым ты не безразлична!

— Лжец! Все вы лжецы! Ненавижу! Никогда не прощу! И этот человек делил с нами пищу и кров под одной крышей, радовался вместе с отцом известию о будущем наследнике — лжец, лжец и лицемер! Ещё утешал меня на похоронах и выражал своё сочувствие моей утрате. Наследник... Вот оно, что... Господи, да как же это возможно — любить деньги больше за семью свою? — она снова отбросила юношу, пнув лежащее тело босой ногой, — Он будет валяться у меня в ногах, вот, прямо, как ты сейчас, захлебываясь собственной кровью! И тебя я ненавижу! Слышишь, НЕ-НА-ВИ-ЖУ! — её пальцы сомкнулись на его шее погружая его лицо в воду, не давая ему дышать.

— Как грубо, леди! Богом клянусь, я не желаю делать этого! Я слишком труслив, чтобы сражаться с женщиной, — Марк рискнул применить против неё свою магию и сбросить девушку с себя, но та продолжала цепляться за него, — Мей, очнись! Это говоришь не ты, — он прижимал её к себе, не обращая внимание на её оглушающий крик и её когти, сдирающие кожу с его спины, — Ты должна бороться! Ну, же! Давай! Хочешь меня утопить, сломать мне шею или снять мне кожу со спины — пожалуйста, не стесняйся. Можешь делать со мной всё, что хочешь, но, я не отпущу тебя, не позволю тебе стать убийцей! Ты не убийца, Мей! Клянусь тебе, он ответит за всё, но, ответит перед законом — на суде, — чувствуя, что теряет силы, он решил использовать последнее средство, способное вернуть девушку в нормальное состояние, запечатав губы поцелуем, — Мей, ты меня слышишь?! Думай лучше об этом, — по её щекам текли слезы, потом она потеряла сознание, снова становясь сама

собой в его объятиях.

Взяв девушку на руки и накинув куртку на кровоточащую спину, он завёл мотоцикл и, что было силы, погнал по направлению к дому.

Вернувшись под утро, Марк передал бесчувственную девушку в надежные руки друзей, а его собственными ранами занялся молодой хирург, обработав и тщательно перевязав все его порезы.

— Док, ты же японец, — с трудом шевеля языком, спросил Марк, — Объясни мне, кто или что это было? — юноша в подробностях рассказал обо всем случившемся.

— Это была Юрэй — дух мщения, — коротко ответил Джек, — Девочка очень страдала, она испытала сильное потрясение от предательства того, кому она доверяла. Она готова была оказаться в склепе со своей семьей, и даже после смерти мстить своему обидчику.

— А что она кричала? Я не знаю японского, — снова спросил парень.

— То же, что потом она повторила и на английском — что ненавидит и не простит.

— Она и меня ненавидит за компанию?

— Тебе лучше об этом спросить у неё самой.

Очнувшись, Мей увидела себя в постели, а рядом с ней сидела Маргарита:

— Ты проснулась? Это хорошо.

— Тебе ли не всё равно? — насупившись, буркнула девушка.

— Нет, мне не всё равно, — Маргарита поправила ей покрывало, — Нам всем не всё равно...

— Тогда какого черта ты держишь его?! — та категорично сбросила его, дерзко и ревниво посмотрев на Маргариту, в которой видела свою соперницу, стоящую у неё на пути к сердцу Марка, — Он же не нужен тебе! Оставь его мне!

— Я люблю его только как брата, так что — путь свободен, я на него не претендую, — поспешила успокоить девушку Маргарита.

— А вот он, похоже, иного мнения, — азиатка тяжело вздохнула, — И ты не замечала? А как же интуиция женская? Молчит? Ты ведь не можешь быть настолько слепой.

— Да, нет, я не слепая... И мне тяжело это видеть. Мей, веришь ты мне или нет, но, я буду только рада, если ты сможешь сделать его счастливым, — Марго погладила её по голове, протянув ей бутерброд, взятый с подноса с ужином, что стоял на прикроватном столике, — Послушай, ты красивая и умная девушка — однажды он оценит это. Просто будь самой собой и не дави на него, прояви свою женскую мудрость и гибкость. Марку тоже пришлось много чего испытать в своей жизни, он старается закрыть своё сердце и сам боится своих чувств — дай ему время.

— Господи, да он же со мной теперь и разговаривать не захочет, — девушка сорвалась на крик, она вся задрожала, судорожно вцепившись в руку Маргариты, — Я же его чуть не убила! Он для меня важнее моей собственной жизни, а я его чуть не убила — я чуть себя не убила, ты понимаешь?! Что я наделала, дура?! Я всё испортила...

— Марк нам всё рассказал, и попросил помочь тебе, — успокаивающе ответила она.

— И вы? — Мей забилась ближе к стене, подтянув колени к груди, опустив голову, не в силах посмотреть в глаза Маргарите.

— Мы поможем, — теплая рука легла на плечо маленькой японки.

— Почему? Зачем вам это нужно? — девушка растерянно посмотрела на собеседницу.

— Не думай сейчас об этом, выпей лучше теплого молока и постарайся уснуть, — та протянула ей стакан с молоком.

— Ты говоришь совсем, как говорила моя мама, — успокоившись и осмелев, азиатка откусила кусок бутерброда и отпила из стакана.

— Наверно, во мне просыпается материнский инстинкт, — улыбнулась Маргарита, крепко обняв девушку.

— И у тебя с ним, правда, ничего не было? — Мей пристально посмотрела на неё.

— Возможно, это прозвучит старомодно, но, я знала только одного мужчину — моего мужа, — Маргарита принялась убаюкивающе расчесывать её длинные волосы.

— Тогда — ты, либо величайшая безумица, либо — величайшая счастливица, — заулыбалась Лали-Мей, — Может, это совпадение, что мы так похожи с тобой — хоть на один день стать бы мне для него единственной. Могу я, хотя бы, помечтать об этом? — девушка почувствовала, что может полностью довериться этой, непостижимой для неё, молодой женщине, немногим старше неё самой, и получить от неё, столь необходимую ей поддержку, — Я не отступлю, я буду бороться за него!

— О! Он ещё не представляет своего счастья! — покачала головой, заговорщицки усмехнувшись, Марго, — Ни одному, даже самому несравненному, мужчине не устоять перед союзом двух умных женщин. Марк даже не заметит, как не сможет уже представить свою жизнь без тебя. Ему ведь предсказано было, что он полюбит восточную девушку — хотелось бы, чтобы это была именно ты.

— Осталось убедить в этом его. И ты не осуждаешь меня за то, что я сама первая к нему пришла? — озадаченно моргнула девушка.

— Кто я такая, чтобы осуждать тебя, когда сама так же стояла в дверях комнаты Жана не так уж давно? — губы Маргариты сами изогнулись в улыбке, а щеки заалели при воспоминании о первой ночи с любимым мужчиной, — Я, ведь, не Богородица, не от святого духа зачала.

— А я думала, что ещё пара слов — и я увижу светящийся нимб над твоей головой, — Мей сделала мордочку, достойную мастерства самой Маргариты.

— Знаешь, Мей, а ведь мы знакомы уже — и я знаю, что ты останешься с ним, и — с нами, — состроила ответную рожицу Марго.

На мягкой постели, под теплым одеялом — этой ночью девушка спала спокойно, только в этом доме и с этими людьми ощущая себя в безопасности. Как же так произошло, что люди, которые её едва знали, оказались ей ближе, чем тот, кого она знала всю свою жизнь?

Марк спал очень беспокойно, и вовсе не от того, что ныла поврежденная спина, а от множества мыслей, роившихся в его голове — что же происходит с ним? От чего такая буря внутри? Невероятная, сводящая с ума смесь чувств. И с наступлением рассвета, он почувствовал огромное облегчение.

А утром в его дверь постучали:

— Можно? — Мей робко заглянула в комнату.

— Не заперто, входите, — Марк сонно протер глаза, — А, это ты. А ты — упрямая, да? Кажется, это я должен идти к тебе с цветами и извинениями — уж прости, но, я немного не в форме, — виновато улыбнулся он.

— Ну, у меня в жизни всё наперекосяк, — усмехнулась девушка, — Нет, нет, не вставай, — она безуспешно попыталась пресечь его попытку подняться с постели, — Я только оставлю завтрак и уйду, — накрыв на лоджии стол к завтраку, она с трепетом взяла в руки лежащую на тумбочке рядом с кроватью Марка флейту, — О! Это твоя флейта? Ты играешь? Я тоже когда-то занималась музыкой.

— Иногда, можно сказать, балуюсь — больше для собственного удовольствия, — добродушно отозвался парень, уже натягивая рубашку, — Пстой, — она собралась уходить, но он задержал её за руку, — можешь остаться.

— После всего, что я сделала? — маленькая японка отвернулась, чтобы не показывать своих слез, — Я же чудовище! Я могла убить тебя...

— Только, если ты сама так считаешь. И не льсти себе, детка — я бы не дал тебя убить. Ты — как яркая звезда. Ты — та, кто ты есть, и гордись этим. Знаешь, мы тут все со своими странностями, — он повернул её лицо на себя, а в глазах её всё ещё стояли слезы, — Но, ты смогла остановиться. Мне так жаль, что тебе довелось узнать всё это... Клянусь тебе своим именем — зло не останется безнаказанным. Но я не дам тебе взять грех на душу. Скорее, я сам убью его, — увидев испуганное выражение на её лице, Марк замолчал и поспешил успокоить, — Шучу, шучу я, не бойся.

— Я остановилась потому, что ты остановил меня, — девушка несмело обняла его, с любовью глядя в его серые глаза, — Да, пусть дядя подавится своими деньгами, мне ничего не нужно. Знаешь, я ведь очень богата — я теперь наследница промышленной империи своего отца, будь проклято это богатство... Я смогу заработать себе на жизнь. Не трогай его — он не стоит того, чтобы пачкаться его кровью.

— Я так много значу для тебя? — Марк продолжал с интересом смотреть на неё, внимательно разглядывая каждую черточку на её лице, его мнение об этой девушке и его отношение к ней начали меняться.

— Больше, чем можешь себе представить, — утвердительно кивнула Мей.

— Я это почувствовал, — он взял её дрожащую руку в свою ладонь.

— Я не смирюсь. И я готова бороться за тебя, только дай мне надежду, — она вскинула голову, смело и открыто глядя на него.

— Посмотри на этот рассвет, — тогда юноша потянул её за руку на лоджию и распахнул окно, за которым розовел восход и первые лучи начинали освещать крыши домов и верхушки деревьев, — Я не хочу обманывать тебя ложными обещаниями, но — я хочу попробовать всё начать с чистого листа. Считаешь, что у нас получится? Как солнце приносит обновление всему живому каждое утро, так и мы можем подарить друг другу шанс на новую жизнь, — он обнял её, положив голову ей на плечо.

— Ты это серьёзно? — спросила она шепотом, чтобы не спугнуть своё счастье.

— Абсолютно серьёзно, — ответил он кивком и легкой полуулыбкой, — Мне давно пора отпустить прошлое и научиться строить новые отношения. Я хочу быть честным с тобой.

— Я верю тебе — человек, который так болезненно пережил неразделенную любовь, не сможет причинить подобной боли другому, — азиатка взяла парня за руку.

— Научи меня. Расскажи мне, как ты хочешь? Что ты любишь? Что тебе нравится? — попросил он.

— Может, сам угадаешь? — она вытащила алый галстук из-под матросского воротника своей формы и завязала ему глаза, — Что это? — девушка дала ему откусить от круассана с вишневой начинкой и подала со стола чашку черного чая с вишней и медом.

— О! Это слишком просто, — с улыбкой ответил парень, — Я тоже люблю вишни. Вот видишь, у нас не мало общего, — он привлек её совсем близко к себе, — А как насчет чего поинтереснее? — трясущимися тонкими пальцами он на ощупь нашел её губы, и они были горячие и опьяняющие, а она не могла сделать ни вдоха, ни выдоха, не веря, что всё это ей не

снится, а происходит на самом деле, — Черт, да что это со мной? Вдруг стало трудно дышать. А ты, наверняка думаешь, что у моих ног побывало множество женских сердец, но это не так... Спорим, что я и целоваться-то уже разучился.

И отчего его к ней так тянет и обжигает всё внутри, что пересохли губы и горло, а ноги сами сделали шаг навстречу?

— Тогда — учись и запоминай, — она первая коснулась его губ, и у обоих закружилась голова, — Такое знакомое чувство... Значит, мне не приснился твой поцелуй вчера?

— Вот так будет правильнее. Я хочу видеть тебя, — он снял повязку с глаз и уверенно продолжил целовать её, не в силах оторваться от её невыразимо сладких губ, от чего она готова была сомлеть прямо здесь и прямо сейчас, и сердце неистово колотилось в груди, и мысли были как в тумане — где-то за пределами их маленькой вселенной, — Вчера я боялся, что мне не хватит смелости решиться, — тяжело выдохнул Марк.

— А ты прекрасный ученик, уже делаешь успехи, — удовлетворенно выдохнула девушка.

— Учусь у лучшей, — улыбнулся Марк, всё ещё продолжая ощущать волнуемое тепло её губ.

Мей несмело провела рукой по его челке:

— Всё спросить хотела — у тебя же были длинные волосы, почему ты подстригся?

— Тебе не нравится? — вдруг увлеченно поинтересовался парень.

— Нет, почему же, — убежденно возразила она, — Очень мило, и тебе идет.

— Если хочешь, то я могу снова отрастить их, — Марк посмотрел на её в ожидании ответа, словно её мнение было для него самым весомым в этой жизни.

— Правда? — заулыбалась Мей, и он снова кивнул.

— А что, если я захочу пригласить тебя на свидание? — задал он вопрос, хитро улыбнувшись, — Ты бы согласилась?

— Ещё спрашиваешь? Настоящее свидание?! — не помня себя от радости, азиатка кинулась ему на шею.

— Самое настоящее, — важно подтвердил Марк, — Не хочешь познакомить меня с японской кухней?

— С удовольствием! — миниатюрная японка не раздумывая согласилась и, резко убрав с лица волосы, серьёзно добавила, — Знаешь, а я передумала — пусть он ответит по закону, в память о моей семье. Это деньги моего отца, и я не хочу, чтобы ими распорядился его убийца. Он не получит ни йены. Я закончу учебу и сама возглавлю корпорацию. Мне будет нужна твоя поддержка. Ты поможешь мне?

— Ты всегда можешь рассчитывать на меня, — спокойным и тихим был ответ Марка, но абсолютно твердым, — Только, если ты думаешь, что я с тобой из-за денег, то я и знать тебя не желаю.

— Марк, я не хочу прятаться, — Мей вздернула голову, напряженно посмотрев на юношу, — Мне нужна будет твоя помощь. Мне нужно вернуться в бар и расспросить о тех двоих.

Марк взволнованно обнял её за плечи:

— Погоди, что ты задумала?

— Он ответит за то, что сделал, но без его признания мне не поверят в полиции, — она говорила так спокойно и буднично, словно отвечала заученную теорему на уроке геометрии, — Мне нужно его признание, — и посмотрела с такой твердостью и

холодностью, от которой стало не по себе, — Я напугала тебя вчера? Так же я могу напугать и его, чтобы он во всем сознался. А ты запишешь всё на диктофон — так всегда в фильмах делают.

— Ты даже не знаешь, получится у тебя или нет, — характер у девушки твердый и упрямый, но она всего лишь девушка, которая не должна подвергаться опасности из-за какого-то ничтожества, — Это чистое безумие. Я не могу позволить тебе так рисковать.

Его девушка... и от этой мысли стало вдруг тепло.

— Тогда я всё сделаю сама, без твоей помощи! — она убрала его руки, нахмутив брови.

— Черт, Джон меня прибьет, — Марк бессильно покачал головой, накидывая пиджак, находясь рядом с ней, он хоть сможет уберечь её от ещё больших глупостей, — Так, сколько у нас времени до прилета рейса из Сингапура? — поинтересовался он, усаживая Мей на диван и присаживаясь рядом.

— У нас есть ещё время в запасе, — девушка бросила беглый взгляд на свои наручные часы, до побеления сцепив пальцы, — Боже, дай мне сил выдержать всё это!

— У тебя есть план? — спросил он, заправив её волосы за ухо.

— Я же говорила, что моя мама любила детективы и привила эту любовь мне, а работала она юристом, — деловито начала она, непроизвольно выпятив нижнюю губу и надув щеки, как делают маленькие дети, когда хотят казаться старше и серьезнее, — И да, у меня есть план. Я сделаю вид, что задерживаюсь в пробке, чтобы он расслабился и ничего не заподозрил. В дом я его не приведу — это опасно. Лучше выбрать нейтральное и уединенное место — тот самый бар, к примеру. Это заставит его нервничать, — она продолжала говорить, а Марк смотрел на неё и поражался, как она может рассуждать столь хладнокровно в такой ситуации, — Надо вынудить его выйти черным ходом, не вызывая лишних подозрений раньше времени, — потом Мей скосила взгляд в его сторону, ткнув пальцем ему в грудь, — Ты выйдешь за нами незаметно. Спрячешься, и будешь записывать всё на телефон. Потом отдашь запись в полицию, — убежденно завершила она.

— Я не оставлю тебя наедине с этим типом, — Марк перехватил её взгляд.

Что он чувствует к ней? Только ли видит в девочке повторение своей истории или нечто большее? Он устал, правда, очень устал страдать, устал от боли и одиночества. Каждому человеку необходим тот, кого будешь любить, и кто будет любить тебя. Она ли поможет ему исцелить разбитое сердце — такая же раненая, как и он сам?

— Так надо, Марк. Ты обещал мне помочь, — девушка поднялась с места, положив ладони ему на плечи, не побоявшись смотреть ему прямо в глаза, — Это — дело чести, понимаешь? А для японца честь — не пустой звук. Он не имеет права свободно жить и распоряжаться деньгами, которые стоили жизни моей семье. Я должна отдать последнюю дань им и применить всё то, чему они учили меня.

— Это опасно, понимаешь? — парень встряхнул её за плечи.

— Я знаю, — упрямо повторила она, — Но я должна это сделать — с твоей помощью или без неё, — она провела рукой по его плечу, разглаживая рукав рубашки, — Скажи мне, Марк, кто я? Я человек или монстр? — дойдя до кисти, она крепко сжала её, поджав губы и всхлипнув.

Он подал ей упаковку салфеток и нажал кнопку механизма, закрывающего жалюзи на окнах:

— Закрой дверь. Я тебе кое-что покажу, — Мей протерла лицо протянутой им влажной салфеткой и выполнила то, о чем он просил, а Марк с трудом поднялся, опираясь о спинку

дивана, спина ещё саднила, от чего девушка снова испытала острое чувство вины, — Я — ракшас, управляю воздушными потоками, — Марк принял Облик и стоял уже перед ней с мертвенно-серой кожей, в рваных лохмотьях вместо его повседневной одежды, с длинными всклокоченными волосами.

— И вот ты, что — думал меня этим напугать? — Майя стояла и смотрела на него, уперев руки в бока, — Я уже видела тебя таким. Помнишь, когда я была сама не своя — там, у бара, ты ведь тогда тоже обратился? Я была не в себе, но я помню это.

— Смелая ты, — Марк вновь вернул своё обличие, — Теперь ты видишь, что я такой же, как и ты.

— Я не смелая, просто меня интересует всё, что связано с тобой, — усмехнулась она и спросила, — А вы все такие?

— Нет, каждый из нас неповторим в своем роде, — парень потрепал её челку, — Как и ты. Сила, что живет в нас, зависит от наших переживаний и проявляется в момент наивысшего эмоционального напряжения.

— Ты так думаешь? Знаешь, мне с трудом во всё это верится, — она пожала плечами, забавно передернув носом, — Но, если это сблизжает нас, то я готова принять это.

— Я думаю, что ты привлекательна, у тебя острый ум, сильная воля и большое мужество, — он смотрел на неё и улыбался, подперев голову руками, — А ещё я думаю, что ты достойна лучшего, и в твоих силах это лучшее достичь.

— Спасибо, что веришь в меня, — и в этот момент она готова была свернуть горы, если потребуется.

— Каждому человеку необходимо, чтобы в него кто-то верил, — убежденно констатировал он, теперь уже твердо удостоверившись в этом.

— Как и необходимо верить во что-то или в кого-то, — она посмотрела на него взглядом, полным тоски и печали, и этот взгляд был ему очень хорошо знаком по собственному опыту, — А я же не знаю, во что мне уже верить, или кому...

— Тогда попробуй, для начала, поверить в нас, — просто предложил Марк, и хотелось ему чтобы такой взгляд больше не касался её красивых глаз.

— Хорошо, я так и сделаю, — кивнула Мей, посмотрела на часы и нервно содрогнулась, стараясь успокоить сама себя, — Ну, что — пора начинать, и удачи нам.

Прежде чем Марк успел остановить её, девушка сама набрала номер мобильного телефона человека, которого она презирала сейчас больше всех на свете. Она не могла больше ждать и надеяться на чудо — ради памяти её семьи, их убийцы должны ответить за своё преступление. Вдохнув поглубже и приложив ладонь к губам юноши, заставляя его молчать, она начала разговор:

— Привет! — она заставила взять себя в руки и придать голосу наиболее приветливый оттенок, — Дядя, ты уже прилетел? Да, у меня всё отлично. Ты чем-то расстроен? Просто устал, перелет утомил — понятно. Ещё раз извини, что из-за меня приходится проходить через это, — с этого момента она даже прикрыла глаза, пытаясь таким образом отстраниться, словно это всё не она делает, — И еще, тут такое дело... Я застряла в пробке — это надолго. Сможешь взять такси? Я знаю одно место, часто там бывала... Можем встретиться там? — она выжидала, сработает ли её уловка, — Да, отлично. Я скину адрес смс-кой. Ты, наверняка, проголодался с дороги, а там кухня хоть и не изысканная, зато вкусная и — от души. К тому же, в доме, полном народа, не так комфортно будет побеседовать по душам. Мне, правда, так неудобно, — сделала вид, что очень сожалеет, —

Пообедаем, потом я покажу тебе город, а к вечеру в доме будет поспокойнее, — он задает стандартные вопросы, стало быть, расслаблен и не ждет подвоха, — Что за дом? С кем я живу? — нужно добавить для солидности правдивых фактов, — Я живу у хороших знакомых. Они славные. Вот увидишь они тебе понравятся, — теперь она знает, что он сделал, и грех её лжи ничтожен по сравнению с этим.

— Ты уверена в том, что делаешь? — встревоженно спросил Марк, ещё не теряя надежды отговорить её от этой безумной авантюры.

— У меня нет права на сомнения, — не дрогнув, ответила она, но с силой сжала в руке свой мобильный телефон, и он понял, что лучше и ему принять правила игры этой упрямцы, так как отговорить он её, настроенную столь решительно, не сможет.

"Настоящий ад — в самом человеке."

"Адская девочка" ("Hell Girl" / "Jigoku shoujo")

Ровно, как и было договорено, Мей приехала на такси к бару, где её уже ожидали.

Кроме её дяди, там же был и его пособник, сидящий за другим столиком в дальнем конце зала. Его заметила девушка, и его заметил Марк, ехавший за ней на своей машине и вошедший несколькими минутами позже.

Как только он зашел, в нос снова ударил запах алкоголя и табака.

Мей держалась свободно и приветливо, и он только дивился, откуда у неё столько выдержки — он вряд ли смог бы так держаться, сохраняя самообладание и хладнокровие.

Беседа велась не о чем, сколько юноша не пытался вслушиваться.

Другой мужчина за дальним столиком тоже напряженно слушал.

Наконец, девушка сказала что-то про прогулку по набережной, и они начали собираться.

Немного погодя, остановившись у самой двери, Мей вспомнила, что забыла сумочку. Виновато улыбнувшись, она попросила дядю подождать на улице. Это был сигнал для Марка.

Когда вышла на улицу, её поглотило страшное чувство дежа-вю — на этой набережной она билась в истерике, разрывая кожу на спине Марка.

И ей не нужно было задумываться над дальнейшим — всё произошло само собой, вспомнилось сразу всё: как она, пошатываясь, спустилась вниз по лестнице и увидела тех, кто был ей дорог, заколотыми на пропитавшемся их кровью, паркетном полу в гостинной.

Она снова изменилась, кровожадно посмотрев на свои когти и размазывая ярко-красную помаду по лицу.

Сказать, что её дядя был потрясен таким зрелищем, не сказать ничего. Он пятился и пятился, пока не оступился, но даже упав, продолжал уже ползком:

— Т-ты, но тебя же не существует, — мужчина указал не неё трясущейся рукой, — Тебя нет!

— Тогда, интересно, как ты меня тогда видишь? — Мей критически оглядела его, с омерзением поморщившись, — Жалко выглядишь, червь.

— Что тебе от меня нужно? — выглядел он настолько ничтожно, что ни каких других чувств, кроме брезгливости, не вызывал, — Ты приходишь мстить, но меня не за что наказывать.

Она только ядовито усмехнулась:

— Ты в этом так уверен?

— Я ничего такого не сделал! — он отчаянно замотал головой.

— Даю тебе ещё одну попытку, — медленно проговорила Мей холодным бесстрастным голосом, — Хорошо подумай, прежде чем дать мне ответ.

— Говорю же, я ничего... — сплюнул, посмотрев исподлобья, — мне не в чем каяться. Не трогай меня!

— Лжешь! — закричала она не своим голосом, от которого закладывало уши, — Они тоже просили их не трогать!

— НЕТ! — снова отполз от неё, уперевшись в самую стену, — Не подходи ко мне! Я буду кричать, — он попытался — Я сейчас вернусь в бар, там люди. Там ты не посмеешь меня тронуть.

Подошла ближе, проведя когтем по его щеке, оставляя красный след:

— Если тебе нечего скрывать, почему ты боишься меня?

— Я... я не хотел... это всё он... — мужчина повернулся в сторону, отвлекая внимание от себя и переключая его на появившегося сообщника, перейдя на вкрадчивый шепот, — Их убил он, а не я... тебе нужен не я... он тебе нужен. Он — наёмный убийца, кто знает, скольких он уже отправил на тот свет. На его совести не одна жизнь, тебе же нужны такие, как он? — Мей посмотрела на второго, и пламя гнева разгоралось внутри, оба виновны. — Чего ты ждешь?! — прикрикнул мужчина, тыча пальцем в её сторону, — Стреляй же, Такеши! Это не человек, разве ты не видишь?

Прозвучал выстрел, но вовремя подоспевший на шум Марк, успевший принять демонический облик, остановил пулю, зафиксировав воздушный поток — к собственному своему изумлению. Следующим взмахом руки он вернул пулю стрелявшему — она вошла прямо в сердце.

Путаясь в собственных ногах, второй мужчина с криками вбежал назад в бар, лепеча что-то несвязное про оживших демонов, явившихся по его душу, и просил срочно вызвать полицию, задыхаясь и захлебываясь собственными словами, требовал полицию, клянясь признать за собой любую вину, лишь бы только его защитили от разбушевавшихся злобных духов.

Не выдержав психологического напряжения, азиатка была в предобморочном состоянии, и Марку пришлось увести её как можно скорее. Высыпавшие из бара посетители уже ни кого живого не застали на улице — только лежавший на земле труп.

"О жалкий дух, ты породнился с тьмой,

Жестоко жизнь других отравлена тобой.

Твоя душа полна грехов и смрада,

Падёшь навеки ты, в пучины ада...

Ты тень, чьим домом стала тьма,

Чужая боль не трогала тебя...

Душа твоя во мрак стремится...

Желаешь убедиться?"

"Адская девочка" ("Hell Girl" / "Jigoku shoujo")

Вернулись они поздно, надеясь тихо и незаметно пройти в свои комнаты. Мей всё не успокаивалась, её продолжало трясти от озноба, даже несмотря на то, что на ней был пиджак Марка. Как ни старались они быть как можно более бесшумными, это им не удалось, так как в гостиной их уже ждал Джон, и вид у него был хмурый.

В то же время из кухни вышла Маргарита, приобняв всё еще находящуюся в шоковом состоянии девушку, увела её вверх по лестнице в спальню. Мей последовала за ней больше

на автомате, находясь в состоянии полного опустошения и безразличия к окружающему.

— А ты останься, — Джон кивком указал на место на диване рядом с собой, — Я бы хотел с тобой поговорить, — юноша неохотно подошел ближе, но присаживаться не стал, — Может, объяснишь мне, что происходит? — мужчина тоже поднялся, не желая уступать преимущество, — Где вы были? — под требовательным взглядом темных глаз, Марк, на удивление, почувствовал, что как будто даже стал ниже ростом.

— Гуляли, — буркнул парень и присел, устало откинувшись на спинку дивана.

— Да? — и было ясно, что Джон осведомлен и прекрасно понимал, о чем вел речь, — Вы искали его? Нашли? Что вы с ним сделали? — и стало неловко от такой ситуации: о чем ещё ему известно?

— А что ты сделал с теми, по чьей вине Маргарита попала в аварию? Убил или только покалечил? — ехидно подметил молодой человек, — Зная твою вспыльчивую натуру, я бы не удивился...

— Пришлось применить весомые аргументы, — пространно отшутился Красный, — Разумным доводам они не вняли. Но речь сейчас не обо мне.

— Ты представляешь: эта девочка уже не верит в Бога — ни во что не верит. Тогда я постараюсь стать тем, в кого она сможет поверить, — и всё лицо Марка выражало глубокие переживания за судьбу девушки.

И мужчина рад был видеть эти перемены в нем, и то, как медленно, но верно — благородные черты берут верх в его душе.

— Тогда постарайся стать мудрее! Говорят, что, прежде чем решиться на месть, стоит вырыть две могилы — месть опустошает душу, — Джон похлопал юношу по плечу и спросил, — Где сейчас её дядя? Что с ним?

— Кажется, он повредился рассудком и сейчас в собственном аду, в плену у собственных демонов, — закусив губу, Марк задумчиво почесал за ухом, — Это была не месть — мы хотели получить его признание. Жаль только, что теперь его, скорее всего, признают невменяемым, и он не ответит перед судом за свои злодеяния, — он предусмотрительно промолчал о втором, об убитом подельнике, и поймал себя на мысли, что поступил бы так снова, если этой девочке угрожала бы опасность. Хватит с неё, она и так слишком много пережила, теперь кто-то должен позаботиться о ней и защитить. И он не возражает, если эта роль достанется ему.

— Только не говори мне, что вы применили к нему свою силу. Та-ак, — Джон как-то странно нахмурился, и Марк не понимал, он серьезно сердится или в шутку, — Чувствую, нам предстоит с вами завтра очень долгий разговор. А сейчас иди спать — вид у тебя усталый.

А в спальне Маргарита отпаивала маленькую японку зеленым чаем:

— Видишь, я запомнила твой рецепт, — она поставила чашку с блюдцем на столик и сложила одежду на стул, пока Мей вытирала волосы после душа, — Хотела сделать тебе приятное.

— Мамочка, а ты мне расскажешь сказку? — в комнату заглянула маленькая Аделька, искавшая Маргариту, в одной руке у неё был стакан вечернего молока, во второй — мягкая игрушка, — А ты почему такая грустная? — девочка сочувственно посмотрела на азиатку и протянула ей своего плюшевого медвежонка, которого повсюду носила с собой, — Хочешь взять моего мишку, он развеселит тебя, — и положила его на кровать.

— Милая, молоко уже остыло, — Маргарита взяла из детских рук стакан, и в её руках

оно подогрелось до нужной температуры, — Вот так будет лучше, — она вернула стакан, и девочка с удовольствием выпила.

— Знаешь, что? — Мей присела на диван и взяла расческу, — У тебя есть цветная бумага? Принеси. Я тебе журавлика сделаю, хочешь? — малышка живо кивнула и убежала в свою комнату за бумагой, а японка продолжила уже более серьезно, не для детских ушек, — Японский журавль считается священной птицей в Японии, с ним связано много легенд и историй. Он символизирует долголетие и надежду. Считается, что если сделать тысячу бумажных журавликов, то желания сбудутся и даже тяжелая болезнь отступит. Если человек тяжело болеет, то близкие и друзья делают тысячу бумажных журавликов и преподносят ему. Часто подобная демонстрация любви действительно придает больному силы и помогает побороть недуг. Есть и другой вариант — когда сам больной должен сделать тысячу журавликов и тем самым продемонстрировать свое упорство, свое стремление к жизни. В Хиросиме в Парке мира есть скульптура девочки, держащей в руках бумажного журавлика. Все дети в Японии знают эту историю о девочке, которая хотела жить, но не успела сделать тысячу журавликов, погибнув от лучевой болезни. Оставшихся сделали за неё одноклассники, и девочка осталась жить в памяти людей, — когда Аделина вернулась с листком синего цвета, Мей принялась делать из него фигурку в технике оригами, продолжая рассказывать, — Всюду в Японии известна легенда о раненом журавле, который обернулся красивой девушкой, вышедшей замуж за спасшего ее юношу. Девушка оказалась прекрасной ткачихой. В образе журавля она ткала удивительные ткани их своих перьев, закрывшись от всех в комнате. Когда муж подсмотрел за ней, она снова стала птицей и улетела.

— Расскажешь её? — нетерпеливо попросила девочка.

— В следующий раз расскажу, а сегодня я устала, хорошо? — азиатка устало улыбнулась и протянула ребенку завершенную игрушку, ласково потрепав по голове, — Вот, готово.

— Спасибо! — поблагодарила девочка, вертя в руках и рассматривая журавлика, — Какой красивый.

— Пойдем, Аделька, уже поздно, Мей нужно отдохнуть — как и тебе, — Маргарита взяла её за руку, — Спокойной ночи! — девушка в ответ подарила улыбку с влажным блеском мокрых глаз:

— И вам спасибо... за всё.

— Если хочешь, можешь оставить мишку у себя, чтобы тебе спалось лучше, — уходя, девочка кивнула в сторону игрушки, — но, только до завтра, а то он без меня скучать будет.

А Мей подумалось — если она сделает их тысячу, то сможет встретиться с семьей?

Она уже не ребенок, но так захотелось себе частичку детской веры в чудеса и надежды.

Потом явился Марк, поинтересоваться, как она:

— Ты пришел пожелать мне спокойной ночи? — и глаза её загорелись радостью.

Он погладил её по волосам:

— Ты в порядке?

— Я бы не справилась без тебя, — прошептала азиатка, прижавшись к нему всем телом, и он обнял её в ответ, — Мне особенно важно, что это был ты. Ты стал смыслом моей жизни, — она расстегнула несколько верхних пуговиц на его рубашке, положив свою ладонь ему на грудь, — Ты хочешь этого именно со мной, иначе не пришел бы сюда сейчас.

— Прости, я не могу, не могу... — парень отстранился от неё, устало опустившись на кровать, он почти физически ощущал это моральное измождение, — Прости... — он принялся нервно застегивать назад пуговицы на рубашке.

— Марк, в чем дело? — в глазах у девушки стояли слезы, она смотрела на него, не понимая, в чем её вина, — Что не так? Почему ты так со мной — то целуешь, то отталкиваешь? Я просто хочу понять...

— Черт! — Марк со злостью отшвырнул первую попавшуюся под руку, ни в чем не повинную подушку, — Ты мне, действительно, очень важна, а я не могу... Почему это со мной? Проблема не в тебе, Мей, а во мне... Неужели я не создан для счастья? Господи, это отпустит меня когда-нибудь? — в его глазах отражались грозовые тучи и сверкали молнии, его продолжало трясти, — А я ведь мог быть счастлив в новой семье... Меня чуть не усыновили. Я ни кому не рассказывал об этом, ибо до сих пор стыдно и противно... Я не такой, как они. То, что тот паскуда сделал со мной и со своей женой... Я не смог простить ему... Я убил его, понимаешь? На моих руках его кровь. Потому я и становил тебя тогда, не позволил взять грех на душу. Я не желаю тебе такой судьбы. Не хочу, чтобы ты мучилась, как я. Ни один из наших обидчиков не стоит ни единой нашей слезы.

— Господи, Марк! — Мей присела рядом и обняла его за голову, — Я и не знала...

— Никто не знает, — он протер глаза руками, — И не узнает никогда, — пристально посмотрел на неё и замотал головой, мол, ты же не скажешь ни кому.

— Уж точно не от меня, клянусь, — она поцеловала его в лоб, поднявшись с кровати, и направилась на лоджию, достав из мини-холодильника охлажденный графин с чаем, — Я принесла тебе холодного зеленого чая с мятой и лимоном, чтобы успокоиться, — девушка протянула Марку стакан, проведя рукой по его волосам, — Можешь остаться со мной сегодня?

— Ты, правда, этого хочешь? — шепотом спросил он, отставив стакан и устало откинувшись на кровать. Он и боялся, и в тайне надеялся, что она останется.

— Я ни куда не спешу. Я буду ждать, — она легла рядом, положив одну его руку себе на талию, а вторую — себе под голову, — Я просто побуду рядом... Ты не против? — он благодарно поцеловал её в щеку и спрятал лицо в её волосах, счастливо зажмурившись и сморгнув, глаза его заблестели, — Марк, я тоже должна тебе кое-что рассказать, — она повернулась к нему, чтобы видеть его лицо, — До смерти родителей, какой бы невыносимой я не была, я всегда контролировала ситуацию. Потом меня временно перестало что-либо волновать, и я потеряла бдительность, за что и поплатилась. У меня был только один парень, он же был моим первым мужчиной и возлюбленным — пока не предал меня... Он со своими друзьями... они поспорили на меня, понимаешь? На живого человека! Я не помню, сколько их было, да и не хочу помнить... А когда они отключились, я убежала и бесцельно бродила по городу, всё было как в тумане... Не знаю, что с ними случилось, да и не хочу знать. Ты не представляешь, что я тогда чувствовала...

— Страх, гнев, боль, унижение, — продолжил он за неё, — Я, как ни кто другой, понимаю тебя.

— Нет, я хотела, чтобы они больше никогда не проснулись... — огорошила она его внезапным ответом, — Я и сама хотела бы не проснуться и не видеть больше ничего... Мне хотелось умереть. И я бы наложила на себя руки, если бы меня не нашел и не забрал с собой Танака-сан.

— Остановись, — её пустые глаза не на шутку испугали его, точно она пошла на поводу у этих страшных воспоминаний, — Мей, всё уже закончилось, — пришлось несколько раз встряхнуть её, чтобы пришла в чувства, — Ты меня слышишь? Слушай мой голос. Это я, Марк. Я тут, я рядом.

— Я хочу, чтобы ты знал, — ей необходимо было это сказать, а ему необходимо было это услышать, — я честно отработывала своё содержание у него, но никогда не спала с клиентами — это недопустимо для хостес, — улыбка заиграла на его лице, и она отважилась спросить то, что давно волновало её, — Скажи, это ты из-за неё вены резал?

Спросила и сама нервно вздрогнула — по себе знала, что есть вопросы, которые не хочется поднимать.

— Это было первый и последний раз, — Марк удивил её тем, что не рассердился, а только усмехнулся и крепче обнял её.

И спалось ей спокойнее от одного его тепла и дыхания рядом, и он обнял её — просто потому, что сам захотел этого, и сам себе признался, что она важна для него. Они нашли друг друга.

"Прощение не меняет прошлого, но обогащает будущее."

Поль Боезе

Как и предрекал Марк, дядя Лали-Мей был признан невменяемым и был депортирован. Вина его не была доказана. Хоть он и твердил всё время о демонах возмездия, что пришли наказать его за прегрешения, всё время каялся непонятно в чем, постоянно дрожал, как осиновый лист, боялся собственной тени и сутками не мог заснуть, а когда от усталости впадал в бессознательное состояние, то метался по кровати и кричал от собственных, только ему понятных, страхов.

В свете таких событий с девушкой связался управляющий компании её отца, долгие годы служивший верой и правдой её семье. Как единственная наследница корпорации, Мей должна продолжить своё обучение с углубленным изучением необходимых дисциплин, для чего ей следовало вернуться в Японию минимум года на два.

А перед этим у Марка с Джоном состоялся интересный разговор: до её совершеннолетия, маленькой японке требовался опекун. Парень переживал за её судьбу и попросил друга выступить этим опекуном, так как сам он слишком молод для этого — раз, и работа у него с ненормированным графиком и частыми разъездами — это два. А Джон — человек семейный, дело у него более спокойное и опыт воспитания детей имеется — ему скорее дадут опеку, к тому же — сама девушка его уважает, что немаловажно. И в его голосе, и в его взгляде было столько душевного порыва помочь, что невозможно было оставаться равнодушным. Да и сам мужчина настолько уже привязался к этой взбалмошной, но доброй, девчонке, что не смог отказать в просьбе, чем вызвал бурную радостную реакцию с её стороны, со слезами радости на глазах едва не задушившей обоих в своих пылких объятиях. Помимо этого, как говорится, уже не для протокола, Джон обещал научить девушку совладать со своей силой и контролировать её, а пока настоятельно просил стараться не пользоваться ею прилюдно.

Предстоящее расставание отдавалось грустью в сердцах, но это должно было быть именно так — в первую очередь, это нужно было самой Мей, и это понимали все.

В день её отлета съемки затянулись, и Марк спешил к терминалу, чуть не сбивая с ног встречающих прохожих.

Мей ждала его у терминала, давно пропустив свою очередь. Посадка заканчивалась, но она не могла улететь не попрощавшись с ним — он дал ей слово, что успеет к отлету, и она будет ждать его до последнего.

— А вот и он, — друзья помахали ему, привлекая внимание, и оставили их с Мей наедине, отправившись ожидать его у машин.

— Ты успел, — азиатка протерла ладонями глаза и подбежала к ограждению.

— Я же обещал, — Марк накрыл её руку своей.

— И ты сдержал своё обещание, — кивнула девушка, — А сейчас мне, видимо, уже пора, — её глаза были печальны, она повернула голову, взглянув на табло, похлопала его по руке.

— Да, и в самом деле, пора, — юноша опустил плечи.

— Мне будет не хватать тебя, — Мей потянулась к нему и поцеловала, — Я буду безумно скучать, — и от этих слов обоим стало одновременно так сладко и так грустно.

— Я тоже буду очень скучать по тебе, — он прикрыл глаза, целуя её в ответ, — Возвращайся, девочка, — подмигнул Марк, отпуская её, а самому так не хотелось этого делать, так хотелось подольше подержать её ладонь в своей руке.

— И не надейся отделаться от меня, красавчик, — девушка послала ему воздушный поцелуй, развернувшись идти на посадку.

— Даже не думал, — отшутился он.

— Правильно, — маленькая японка погладила его по плечу, — Лучше думай обо мне. И знаешь, вопреки всем слухам, мобильные телефоны иногда бывают весьма полезны.

— Так и буду делать, — уверил девушку Марк.

— Её зовут Китти — пусть пока поживет у тебя, — Мей достала из кармана маленький пластиковый брелок в виде котенка — символа популярного бренда "Hello Kitty", — Только обещай мне вернуть её в следующую нашу встречу, — и бросила его через ограждение.

— Так точно, — Марк поймал брелок, приложил его к щеке и улыбнулся, — А знаешь, почему бы мне как-нибудь не упросить Ондзи организовать съемки в Японии? Тогда я смогу навестить тебя.

— Отличная идея. Запомни её, красавчик, — растянула счастливую улыбку Мей.

— Конечно, — ответил он, продолжая напутствовать её, — А ты помни, что это нужно, прежде всего, тебе. Ты завершишь своё обучение, чтобы возглавить компанию своего отца — этого хотели бы твои родители, этого хотел бы я. У тебя светлый ум, ты всё схватываешь на лету, и ты быстро всему научишься. Ты будешь прекрасной, сильной и независимой молодой женщиной — мы все гордимся тобой. И я... тоже горжусь тобой, — он пустил бумажного журавлика красного цвета, сделанного специально для неё, которого девушка словила, прижимая к груди, — Береги себя! Ja ne! (Увидимся! яп.)

И всю дорогу, он — в салоне автомобиля, она — в салоне самолета, каждый из них думал о чем-то своем и улыбался этим мыслям. Когда в твоей жизни появился кто-то важный, то — даже скучать по нему невыразимо приятно.

Марк простился с девушкой, и вместе с остальными начал подготовку к другому путешествию — их ждал фантастический Джайпур, не устающий их поражать своей неповторимой красотой — как раз под стать предстоящему свадебному торжеству.

Виды, звуки, запахи этого изумительного города — всё обволакивало, захватывало и увлекало в сказку.

А в Небесном Граде Самаэль и Кали устроили дорогим гостям поистине царский прием, и Алишер с Розы наперебой рассказывали им, сколько всего интересного и увлекательного они увидели и узнали во время своего путешествия.

И в кругу друзей Марк ощущал себя, с одной стороны — одиноко, без постоянного присутствия и колких шуточек японки, с другой же стороны — где-то далеко она будет думать о нем, а он будет ждать её возвращения. Такое странное чувство, что ты кому-то

нужен, а кто-то необходим тебе — это согревает и придает сил, сокровенным знанием, что он больше не один. Пусть это пока ещё не любовь, которую он всё ещё боится пускать в своё сердце, но это была сильная и чистая привязанность, наполнявшая свежестью и новизной ощущений. И улыбка всё чаще появлялась на его лице, и дышалось легче, и сердце билось увереннее, а ночные кошмары приходили всё реже, вытесняемые спокойными снами.

Окончательно избавиться от ужасных сновидений, пугающих его по ночам, помог приезд Александры, которую он встречал вместе с отцом. Сколько всего они хотели сказать друг другу, сколько всего накопилось за годы разлуки... Уже давно наступила полночь и начался отсчет нового дня. А Марк всё говорил, говорил и слушал. Она рассказала, как залечивала сначала физические раны, а потом — душевные, как на деньги, оставшиеся после мужа, пыталась начать новую жизнь, но замуж больше не вышла, как переехала, чтобы забыть всё, как страшный сон, и как не смогла выкинуть из головы того маленького мальчика, с которым судьба подарила ей новую встречу лишь спустя десять лет. А Марк рассказывал, как поначалу скитался, как повстречался с Дугласом Айронсом, который помог ему излечиться от наркотической зависимости и найти дело по сердцу, где бы он мог применить свои врожденные таланты. Рассказывал обо всём — о той силе, что убила её мужа, о том, как чуть не погубил самого дорогого для себя человека, но был прощен этой удивительной малышкой с большим сердцем, как встретил друзей и нашел отца, о чудесах Небесного града и родном Львове, о светловолосой королеве Альвис и её верном Надире. Потом к ним присоединился и Витриченко-старший, закончивший работу над эскизами, и рассвет они встретили втроем, обсуждая искусство и литературу, музыкальные и кулинарные пристрастия. И Марк с удовольствием отметил, как его отец и Александра смотрят друг на друга, ловят каждый жест, каждый взгляд.

Не только Марка раздирали двойные чувства. Джон был бесконечно рад снова ступить на родную землю и снова обнять близких, но тяжелая утрата тупой болью напомнила о себе. Сколько раз он ходил этими тропинками и этими коридорами вместе с отцом, а теперь отца нет рядом. Так устроен наш мир — кто-то покидает его, на его место приходит новая жизнь — вечный круг жизни, и кому это лучше других понимать, как не ему. Он старался как можно больше времени проводить с семьей — и глядя на забавную мордашку Маргариты, на улыбки сестры и матери, его боль понемногу стихала, оставляя место надежде.

— Ты хочешь, чтобы я провел обряд? — Джон поцеловал сестру в лоб, и от него не сокрылось, что её глаза сияют по-особенному, — Я думал, что поведу тебя и представлю гостям и жениху, — ещё раз уточнил он, прищурившись, от чего в уголках его необыкновенных глаз расходились лучами складки мельчайших морщин.

— Ну, одно же другому не мешает, — усмехнулась Ями, опустив ресницы и поправив свой легкий шарф.

— А разве не планировалось, что церемонию проведет Самаэль? — Джон повернулся перед зеркалом, проверяя собственное парадное облачение и с удовольствием оценивая красоту сестры, одетой в церемониальное сари, расшитое золотом и сверкающими драгоценными камнями — ткань, подобранная ими в Париже, подошла просто идеально, и украшения на ней были произведением рук её будущего мужа — Рафаэля, открывшего в себе талант ювелира, и изъявившего желание начать собственное ювелирное дело, чему Джон с радостью вызвался помочь, так как вполне разделял любовь брата к ремеслам, являясь признанным мастером оружейного и портняжного дела. А когда он спросит сестру, чем та хотела бы заниматься в жизни, она ответит, что хотела бы открыть свою школу

традиционного индийского танца для девочек, и брат примет живейшее участие в реализации этой её мечты, помня, что сестра его прекрасно танцует. И позже она сама будет приглашать его и его друзей на открытые уроки и выступления своих воспитанниц.

— Ты сейчас так похож на отца... — девушка сосредоточенно посмотрела на него, подняв голову, — Ну, пожалуйста... Ты повяжешь наши руки алой нитью судьбы. Я хочу, чтобы это был именно ты, прошу... — она одернула его камзол, расправив складки.

— Разве я могу отказать любимой сестренке? — Джон потрепал её по щеке, — Отец был бы рад за нас, если бы был сейчас с нами. Нам всем его очень не хватает...и мне тоже.

— Давай сходим в усыпальницу? — Ями просяще посмотрела в его карие глаза, — Мне необходимо там побывать, попросить его благословения.

— Ну, хорошо, если ты так просишь, — он согласно кивнул, в этом сейчас желания брата и сестры совпадали.

Не проронив ни звука, они стояли в усыпальнице — трое детей князя: двое сильных и мужественных сыновей и прекрасная, подобно светлой луне, дочь.

Эти стены и этот расписной потолок давили тяжким грузом, но, в то же время, это и колоссально поддерживало — они ощущали себя частью величия своего отца, живым воплощением продолжения отблеска его немеркнущей славы.

— Теперь ты мне больше, чем брат, — Джон тепло обнял Рафаэля, — И мне так отраднo видеть, как ты разительно изменился — ты снова стал тем моим братом, которого я знал и любил, и которому мне не страшно отдать любимую сестру, — улыбнулся он, второй рукой приобнимая сестру, — Я уверен, что и отец, и миледи Асият рады сейчас за нас, — и ответом ему были признательные взгляды обоих влюбленных, и почудилось на какой-то миг, что с храмовых фресок с благословением взирают на них прославленные правители прошедших эпох, а солнечные лучи, проходя сквозь оконные витражи, всеми цветами радуги играли на коже лиц и рук, на праздничных одеждах, сверкая и переливаясь в сиянии драгоценных камней и каплях влаги, блестевших на их щеках. И вспоминалось детство — самое счастливое время их жизни: цветущие сады, свежесть и прохлада ручьев, ароматы скошенных трав, лебеди на пруду, терпкий вкус граната, сладость хурмы и персиков, присыпанный сахаром рахат-лукум, беспечные шалости и упражнения в стрельбе из лука и владении мечом, прогулки верхом, первый построенный скворечник, первая охота и звонкий лай гончих псов, тепло материнской любви и строгие, но справедливые, внушения отца за детские проказы, мечты стать непобедимыми рыцарями, покоряющими прекрасных дам, или бесстрашными пиратами — грозой всех семи морей. И такое по-светлому грустное осознание того, что детство их давно прошло, но оно у них было — лучшее, какое только могло быть. И перед глазами у них был пример, которому они будут следовать в своей жизни.

Тем временем во дворце подготовка к торжеству шла полным ходом — кипела работа на кухне, бальный зал был нарядно украшен к празднику.

Маргарита выбирала вечернее платье: первое, из выбранных ею — бледно-розового цвета с оборками, она категорически забраковала, выразившись, что в нем она похожа на поросенка или куклу-пупса, что была у неё в детстве. Наконец, она остановилась на шелковом платье красного цвета с завышенной талией и плиссированной юбкой чуть ниже колена, открывающей красивые ноги в алых балетках, и выглядела она в нем совершенной девочкой — разве что с парой — тройкой лишних килограмм.

Даниэлла предпочла синее платье в стиле двадцатых годов — свободный верх,

присобранное на уровне середины бедра и расходящееся трехслойной оборкой-юбкой.

Глядя на дочь, вспомнилось Валентине, как она шила ей яркие детские платья и вязала мягкие теплые костюмчики. Сейчас же им снова выпала благодатная возможность вспомнить былые умения, готовя приданное к появлению малышей, уже можно было похвастаться первыми вязанными штанишками и распашонкой с капюшоном.

И это было признано самым непревзойденным празднованием: Джон, как и обещал, провел таинство, и засвидетельствовал их обеты, и молодые получили благословение юного князя Алишера.

Сони украдкой смахнула слезу умиления, а для большинства красавиц Небесного града это было настоящим днем траура — двое самых завидных женихов уже определились со своими избранницами, и колокольный перезвон звучал печальным набатом по их несбывшимся надеждам, а потому всё своё внимание они переключили на, находящиеся на торжестве без спутниц, Этьена и Марка, чем крайне смутили последних.

И голова кружилась от хмеля выпитого вина и веселых танцев — от общих хороводов до медленных и чувственных вальсов, и череда смены партнеров, и музыканты не уставали исполнять одну композицию за другой: Маргарита уже безо всякого страха согласилась на приглашение Рафаэля, Джон с удовольствием вел в танце сестру, а Даниэлла благодушно составила компанию Марку, чей отец в этот вечер уделял повышенное внимание леди Александре — и он доволен был видеть, как сердца их начинают оттаивать, ведь они ещё достаточно молоды, чтобы быть счастливыми — он ведь не маленький уже и всё понимает, и когда отец спросит его мнение, то он легко даст им своё благословение, и только понимающе улыбнется, когда они вдвоём удалились в комнату Льва Витриченко.

Самому парню весь вечер не давали прохода действительно привлекательные девушки, только он оставался равнодушен к их чарам. Сидя на широком подоконнике, достав из кармана брелок, подаренный ему маленькой хрупкой японкой по имени Лали-Мей, и долго крутил его в руках, улыбаясь чему-то своему — простая безделица, но для него он стал, вдруг, очень ценным. Как жаль, что девушка, в силу обстоятельств, не смогла присутствовать с ними на свадьбе... И почему она так накрепко засела в его голове? Собственно, он был даже не против... И Марк снова усмехнулся, вдохнув вечерней прохлады и считая звезды в ночном небе над головой:

— Кажуть, все мине, але то слова... Ти навчи мене, як щастя наше врятувать...(Говорят, всё пройдет, но это — лишь слова... Научи меня, как счастье наше удержать... Укр.)

— Ну, что, молодожены, вы уединяться собираетесь? Уже брачная ночь во всю идет, — намекаяюще скосил взгляд Джон, когда они, с уже порядком утомившейся Маргаритой, попрощавшись со всеми, направились в свою комнату, — Надеюсь, ваши головы не настолько полны хмелем, чтобы потратить эту волшебную ночь впустую.

И Ями с Рафаэлем сочли этот совет более чем резонным, только прежде захотелось подышать свежим воздухом на сон грядущий.

— Когда тебя спросили, желаешь ли ты стать моей женой, я затаил дыхание, не боясь задохнуться, — жених с невестой прогуливались около пруда под светом звезд и Луны, согреваемые теплым ветерком и любовными объятиями, — Я стоял и не мог пошевелить ни одним мускулом — это ожидание для меня было сродни смерти — я бы и в самом деле умер, если бы ты ответила отказом, — Рафаэль вдруг остановился и крепко-крепко обхватил девушку за талию.

— Да, ну, что ты такое выдумал! — весело хохоча, отмахнулась она от его поцелуя, —

Ты лучше бы побрился, прежде чем лезть с поцелуями — твоя щетина колется, — Ями отвернула лицо, прячась за легким шарфом, выполненном вручную в непревзойденной технике батик, — А то не буду больше с тобой целоваться, — она попыталась извернуться и выскользнуть из его рук, но была остановлена крепким захватом за руку:

— Всё, что пожелает моя прекрасная любимая супруга, — запальчиво прошептал он, — Супруга... — повторил, поднеся к своим губам её ладони, украшенные росписью хной и искусной работы браслетами и кольцами из золота самой высокой пробы, — Так странно звучит — до сих пор не верится, что ты мне супруга теперь, — и верилось в самом деле с трудом, а блеск и размах торжества, какие только умеют устраивать в Небесном граде, привнесло в их жизнь волшебство и роскошь сказок тысячи и одной ночи и оживших древних легенд о всемогущих богах и великих героях.

— Ой, мой шарф! — девушка попыталась удержать подхваченный порывом ветра свой легкий шарф, но не успела, и он зацепился, запутавшись в ветвях деревьев, в изобилии росших вблизи пруда.

— Ловлю-ловлю... чуть-чуть... почти дотянулся...О, нет! — Рафаэлю также не удалось ухватить его, и следующий порыв унес шарф ещё дальше, опустив на водную гладь, и он повернулся к своей спутнице, беспомощно разведя руками.

— Он улетел... — расстроено выдохнула она.

— Ну, не переживай, — он улыбнулся, подняв её лицо на себя, обхватив пальцами подбородок, — Хочешь, я достану его? Ну, а хочешь, я тебе тысячу новых шарфов куплю?

— Ай, ну что ты делаешь? — девушка, запротестовав, колотила руками по его плечам, заходясь залихватистым смехом, когда он подхватил её на руки и закружил, — Да, отпусти же ты меня! Не удержишь, ведь.

— Удержу, — Раф утвердительно кивнул, — Ну, уж нет — теперь я тебя ни куда не отпущу, слышишь? — пылко выдохнул он у самого её уха.

— Вот, и туфли мои... — она сокрушенно проводила взором соскользнувшую с её ступней обувь, — Ну, вот — уплыли...

— Не волнуйся так — я на руках тебя отнесу, и о туфлях не беспокойся, — он с упоением рассматривал жену — от разукрашенных кончиков пальцев на руках до пальцев разутых ног, которыми она сейчас так забавно болтала по воздуху, — Будут тебе новые, ещё лучше, — и глаза её светились радостью.

— Нет! — девушка только успела от неожиданности вскинуть руки, когда, не заметив под ногами камня, Рафаэль зацепился каблуком и, пошатнувшись, упал прямо на мокрый песок, — Ай! — её босых ступней коснулась прохладная вода, — Спасибо, что смягчил падение, — игриво улыбнулась она, — А разве вам, мужчинам, не хочется всегда быть сверху?

— Какая ночь прекрасная! — он поднял голову к бесконечному куполу звездного неба, вставая, отряхнув песок с костюма, и помогая подняться девушке, поддерживая под руки, — Какие звезды! Я и не замечал раньше. Да, мы с тобой промокли — нам стоит переодеться, — он провел пальцами по каплям воды на её лице, — Госпожа позволит ей помочь?

— Коварный мальчишка! — она легко шлепнула его по руке, — Это продуманный тобой хитрый план, чтобы нашелся повод раздеть меня? — и демонстративно отвернулась, вздернув свой хорошенький носик.

— А для этого мне нужен повод? — его губы легко притронулись к её плечу, — Я так рад, что мы можем теперь любить друг друга не скрываясь.

— И я рада признать законность этих прав, — девушка прикрыла глаза, и тень от её длинных ресниц скрыла румянец на её щеках, — Так может, предложишь, чем бы нам заняться этой ночью?

— О, поверь, мы найдем, как скоротать время, — жаркий откровенный шепот, влюбленный взгляд и сильные руки не оставляли ни малейшего желания к сопротивлению, — И смею надеяться — до самого утра, — дабы она не промочила и не поранила ног, он понес её в покои, чтобы там они могли отогреться в объятиях друг друга и предаться любви на просторном ложе под драпированным тяжелым балдахинном, освободив свои желания, когда он неторопливо открывал сокрытое под покровом одежды желанное тело молодой жены, и оба сладко вздрагивали, но не от громких отзвуков фейерверков, чувствуя себя возрожденными к новой жизни и полными сил, несмотря на ощущавшееся сейчас физическое истощение после долгих томных ласк, познавая друг друга — на запах, на вкус, на ощупь, миллиметр за миллиметром, изгиб за изгибом, выпуклость за выпуклостью — медленно, чувственно.

— Ой, Жан, ты только посмотри! — Маргарита запахнула полы своего халата и привлекла внимание мужа, — факелы зажглись у пруда.

— Невероятно! — Джон хлопнул в ладоши и улыбнулся, потом добавил, наклонившись близко к её уху и понизив голос до шепота, — И я догадываюсь, что послужило причиной тому — смею надеяться, что это проснулась в Ями и Рафаэле дремлющая в них сила.

И свидетелями этого дива стали ещё несколько пар, стоявших у мраморных перил необъятных балконов, вдыхая наполненный ароматами цветов и трав воздух тихой ночной благодати, спасаясь от прохлады, крепче прижимаясь друг к другу и укутываясь легкими покрывалами.

Рассвет окрасил нежными цветами крыши зданий, верхушки садовых деревьев, ровную гладь пруда, пробиваясь сквозь неплотно зашторенные большие витражные окна высотой от самого потолка до самого пола, расходясь многоцветным спектром на полу и теплыми лучами щекоча лицо.

Благословенный Небесный град почти не знал, что такое зима с морозами и снежными метелями, потому не было необходимости в толстых стенах и плотных окнах — не стесненные подобными ограничениями, свет и воздух беспрепятственно проникали в помещение. А за пределами дворцовых стен свет и тепло, щедро даримые Солнцем, давали жизнь всему живому — множеству растений в садах, парках и на лугах, и животных в заповедниках, зверинцах и прудах.

Маргарита потянулась, вытянув перед собой руки, любясь своим отражением в обручальном кольце. Джон накрыл её руку своей, переплетая пальцы, и поцеловал в висок. Теперь они уже вдвоем смотрели на свое отражение в его кольце:

— Проснулась, Котенок? — в ответ девушка довольно замурлыкала, — Хорошо спалось? — спросил он, улыбаясь.

— Да, просто прекрасно, и первое, что я увидела, проснувшись — твоя улыбка, и это самое лучшее пробуждение, — Маргарита как можно ближе прижалась к сильному телу мужа, — Доброе утро, дорогой!

— Утро доброе, мои родные и самые любимые! — он положил руки ей на живот и приник губами к шее, целуя и вдыхая её запах, — Даже если твои губы будут ядом, я бы всё равно не удержался запечатлеть на них пылкий поцелуй. Знаешь, а я ведь и не думал, что смогу снова влюбиться, не говоря уже о том, чтобы жениться во второй раз. Как там говорил

ваш Генрих Наваррский: "Жениться вторично — вещь серьёзная"? Я был очень молод, когда встретил Кали — я был польщен, что такая женщина обратила на меня внимание, и ей нравилось моё общество, страсть затуманила нам рассудок. Когда оказалось, что она ждет ребенка, я радовался, как сумасшедший — подумать только, моего ребенка, моего первенца — я был на седьмом небе от счастья и, недолго раздумывая, предложил ей выйти за меня. А потом случилось то, от чего я чуть не свихнулся. Нет, не было мерзких сцен, как в низкопробных сериалах, где муж застаёт бесстыдную жену с любовником в собственной постели — она пришла и спокойно сказала, что нам нужно поговорить. Я до сих пор уважаю эту женщину и восхищаюсь ею, но то, что она сказала мне тогда, я никогда не смогу забыть — что она ценит мою привязанность, но может относиться ко мне теперь только как к младшему брату, потому что полюбила другого мужчину. Младший брат... с которым она делила ложе, и от которого зачала ребенка... Нет, это просто невероятно. Моя жена влюбилась в другого, и в кого? В моего лучшего друга. И словно выключили свет и оставили тебя в густой пугающей темноте. Так и я не понимал, что мне делать, как себя вести... Нет, она не собиралась покрывать позором измены моё имя, не препятствовала моему общению с сыном, от чего моё сердце просто разрывалось от эмоций — я никогда не таил зла на них, прекрасно понимая, что насильно удерживать при себе женщину — ниже чести и достоинства мужчины. И я отпустил её. И не осталось ничего — только пустота. И ни какие самые искусные и изысканные ласки других женщин не могли изгнать тоску из сердца, и даже самые лучшие вина не могли умерить эту боль, пока как-то я не увидел своего отражения в зеркале и не устыдился — какой пример я могу показать своему сыну, уничтожая самого себя и свою жизнь своими же руками? Я успел вовремя спохватиться, но мне нужно было время, чтобы поразмыслить над своей жизнью. И вот, когда я уже поставил крест на своей жизни и своей судьбе, я встретил тебя — чумазое личико, мокрое от слез, волосы взлохмачены — и я полюбил тебя такую: блеск твоих глаз, мягкость твоей кожи, шелк твоих волос и нежность твоих рук. До встречи с тобой я не понимал, что значит "судьба", но теперь я знаю, что наша встреча была предопределена — и ты это знаешь. Зачем я тебе всё это рассказываю, спросишь ты меня? — он повернул её лицо к себе и крепко сжал её руку, — Я хочу, чтобы не осталось ничего, чего бы ты обо мне не знала, — но у него оставалась ещё одна тайна — как однажды он смог обмануть саму смерть — есть в жизни вещи, о которых сложно и тяжело говорить даже с самыми близкими людьми, и глубоко в середине поселился отвратительный липкий страх, что эта тайна однажды будет ему слишком дорого стоить.

— И я люблю тебя таким, какой ты есть, — Марго ещё раз поцеловала его и с большой неохотой поднялась с постели, направившись к туалетному столику за гребнем, чтобы расчесать свои длинные волосы.

— За это я тебя и обожаю, чудо моё, — Джон тоже встал и раздвинул тяжелые портьеры на огромных окнах — и в спальне сразу стало светло, а через раскрытое окно комната сразу наполнилась звуками и ароматами с улицы.

Принимая душ, девушка услышала, как в дверь комнаты уже во всю барабанит своими маленькими кулачками неугомонная Аделька, а выйдя она застала такую картину: Джон смиренно терпел, пока девочка заплетала его волосы в косички — было ли их ровно сорок, Маргарита не считала, взяв с подноса с фруктами большой спелый персик, тепло усмехнулась, глядя на них: нет, ну и кто посмеет сказать, что Аделин — не их дочь?

В парадных одеждах и фамильных украшениях, с забавными косичками, каждая их

которых была закреплена золотым шнуром, с приятного оттенка загорелой кожей и большими темными глазами с длинными и необычно черными, словно накрашенными, ресницами, мужчина сейчас походил на сказочного принца или божественного египетского фараона — что было совсем недалеко от истины.

Теперь, когда все трое были при полном параде, можно спуститься в зал на завтрак.

— Доброго ранку! (Доброе утро! Укр.) — бледнокожий бывший Охотник приподнялся на подушках, веселым взглядом серых глаз наблюдая за женщиной, — Уже идете, пані? Так швидко? (Уже уходите, леди? Так скоро? Укр.) — он давно так легко не улыбался, казалось, что сами мышцы уже отвыкли выдавать улыбку, отдавая ноющими болезненными ощущениями.

— С добрым утром! — Александра обернулась, завязав пояс халата на бант и убрав несколько прядей своих светлых волос за ухо, — Я всего лишь поднялась, чтобы раздвинуть шторы и впустить свет в комнату, и открыть окно — новый прекрасный день начался, — она вернулась и присела рядом с ним на кровать.

— Это хорошо, потому что я не хочу тебя отпускать... — он обнял её за талию и опустил голову ей на плечо.

— Нам, наверно, не стоило этого делать... — неуверенно начала она, но Лев приложил палец к её губам и напомнил шепотом:

— Мне кажется, вчера ты так не думала, — он провел рукой по её волосам.

— Ну, почему я рядом с тобой чувствую и веду себя, как стеснительная школьница на первом свидании? — за светлой улыбкой она старалась скрыть и смущение, и радость.

— Должен признать, что справилась ты просто превосходно, как для стеснительной школьницы, — мужчина нежно провел рукой по её плечу, спускаясь дальше. — Мне давно не было так замечательно с женщиной. Собственно, у меня давно не было женщины... да ещё такой... — и сейчас он снова чувствовал себя счастливым и таким же молодым, как и его сын — не старше.

— Я тоже... давно не была с мужчиной... — она покраснела и уткнулась в его платиновую шевелюру, — Господи, что подумает о нас твой сын?!

— Что мы ещё не научились получать удовольствие, — он посмотрел в серые глаза Александры, она так напоминала ему покойную жену, и не только глазами, а ещё чем-то неуловимым, но таким знакомым, — Ты же своими ушами слышала то же, что и я — что Марк благословляет наши отношения. Он так мечтал видеть тебя своей приемной матерью... Я видел Свет и Тьму, познал Добро и Зло, а теперь я хочу познать любовь и успокоение. Я совершил много ошибок в своей жизни, но судьба послала мне шанс вернуть самое важное из того, что я потерял, и начать всё с начала, с женщиной, к которой меня влечет, — после смерти жены, на много лет женский пол перестал для него существовать, а теперь эта женщина заразила его своей любовью к жизни, и краски мира заиграли для него ярче, и его тело и душа точно заново переродились к новой, счастливой действительности, а внутри разгорался давно погасший пожар, отголоски которого он считал уже давно погребенными в самых дальних уголках его измученной души, а витавший в эти дни в воздухе сам дух любви лишь помог ему быстрее разгореться.

— Тебя влечет ко мне? — она обвела пальцем контур его бледных губ.

— Я много лет жил в одиночестве и боли, тело и душа мои истомились без женского тепла и ласки, — мужчина припал губами к её губам, подтверждая свои слова, — Считал, что уже давно очерствел, а ты помогла мне снова начать жить и чувствовать. И это не

простое вожделение — с тобой я хочу большего, единения не только тел, но и душ.

— А ты совсем не такой, каким я тебя представляла, — промолвила она между неистовыми поцелуями Льва Витриченко.

— Я разочаровал тебя? — сладкий шепот и соблазнительный блеск в серых глазах мужчины.

— Нет, что ты! — она порывисто замотала головой и улыбнулась, взъерошив его локоны, — Просто я не ожидала, что ты окажешься таким ранимым — вы с Марком оба, как дети.

— Вот видишь, как ты изменила меня, — мужская ладонь проникла под её халат, женщина лишь томно выдохнула и вздрогнула, но руку не убрала, — А когда-то меня называли Ледяным Лордом — и не только за светлый цвет кожи и волос.

— Никогда бы не поверила, Милорд, — рассмеялась Александра, — Вы так страстны и нежны, как не всякий мужчина, — и тут же сникла, вспомнив грубость и жестокость мужа.

— Что случилось? — он остановился и взял её за руку, которая ощутимо дрожала в его ладони.

— Ничего, не обращай внимание, — она моргнула и опустила свою белокурую голову.

— Я постараюсь, чтобы со мной ты забыла всё плохое, — он крепко прижал её к себе, от чего Александра сначала снова вздрогнула, потом сама прижалась к нему сильнее, от чего, в свою очередь, вздрогнул уже он, — Не бойся меня, доверься мне, — и ответом ему смелый взгляд серых глаз и тихое, но твердое: "Я не боюсь".

— И ты позволишь мне позаботиться о тебе? — потихоньку спросила женщина.

— Более того, я покорно прошу тебя позаботиться обо мне, — таким же сокровенным хриплым шепотом ответил мужчина, накрывая её своим телом.

Когда они с небольшим опозданием спустились к завтраку, всё же найдя в себе силы оторваться друг от друга, были встречены понимающей улыбкой Марка, всё не выпускавшего из рук незамысловатый брелок в виде популярного персонажа торговой марки «Hello Kitty» в традиционном японском кимоно — хакама.

— Марк, ты обронил брелок, — Маргарита подняла с паркета пластикового котенка и хотела вернуть парню, но как только она прикоснулась к игрушке, то ей снова открылось видение:

— Ну, что, папаша, накинь чистый халат и надень бахилы, и можешь зайти в палату и побыть немного с женой и сыном, — из палаты вышел Джек, снимая марлевую маску с лица и резиновые перчатки — с рук, — Только не очень утомляй Мей, она еще слишком слаба, — он похлопал парня по плечу и в сопровождении златовласой супруги удалился в ординаторскую, чтобы сменить одежду, принять душ и отдохнуть.

— Сын! У меня родился сын, вы понимаете?! — Марк всё ещё был не в состоянии поверить в случившееся, он сгреб друзей в охапку, весь сияя от счастья и гордости, и все окна по коридору распахнулись от неконтролируемого всплеска его силы.

— Поздравляем! — со счастливой улыбкой принимал он поздравления от друзей.

— Вы не представляете, насколько я перенервничал, — юноша присел на топчан, вытерев рукавом вспотевший лоб.

— Марк, она — не твоя мать, а ты — это ты, а не твой отец, и ты совсем не обязан повторять его судьбу, — вполголоса произнесла маленькая брюнетка, присаживаясь рядом с ним.

— Я и не мог представить себя в роли отца, — юноша тряхнул головой и широко

улыбнулся, — А как, должно быть, изумится мой отец, когда узнает, что стал уже дедом!

— Ну, как тебе сын? — попробовала слабо улыбнуться Мей, когда он вошел в палату, повернув к нему бледное осунувшееся лицо, — Правда, он красив? Весь в отца, — и сейчас она так удивительно напомнила ему Марику — такой же контраст темных волос и светлой кожи, раскосые темные глаза и полные губы — он как будто увидел её другими глазами.

— Он очень красив, — Марк в нерешительности замялся, всё ни как не решаясь подойти ближе к этому беспокойному крикливому розоватому комочку с огромными сероголубыми глазами, — Только, теперь я буду хотеть ещё одного ребенка, чтобы он был похож на тебя, — он поцеловал жену и взял на руки ребенка, и ощутил такую небывалую нежность — это была его семья, только его, семья, которую он выбрал сам.

— Мальчика. Это непременно снова будет мальчик, — девушка взяла его за руку, насмешливо глядя в его серые глаза, — Не хочу ни каких дочерей — хочу быть единственной женщиной в твоей жизни и не хочу тебя ни с кем делить.

— Я всегда считал тебя умной, а сейчас ты говоришь, как избалованный ребенок, — он склонился к её лицу, убрав взмокшие спутанные пряди и снова поцеловал — уже в губы, глубоко и страстно, — Дурашка моя, разве я не доказал тебе свою верность, — погладил по черноволосой голове, преисполненный любви и благодарности, — Ты — уже единственная и самая главная женщина в моей жизни. А сейчас вам с малышом нужно отдохнуть, — Мей проводила его удовлетворенной улыбкой и закрыла глаза, засыпая после утомительных родов.

— Марго? — парень встряхнул её за плечи, в ответ на что она расплылась в улыбке и протянула ему подобранный брелок:

— Береги его Марк, — таинственно улыбнулась девушка, — Он принесет тебе счастье. И счастье это тоже постарайся сберечь — и всё будет у тебя замечательно.

В покоях новобрачных первые рассветные лучи настойчиво пробирались между легкими гардинами и плотными шторами, пробуждая своими теплыми прикосновениями.

— Даже спишь ты чарующе, — Рафаэль легко коснулся её щеки и провел рукой по волосам, губы девушки растянулись в улыбке, а ресницы дрогнули — и распахнулись большие карие глаза:

— И ты совсем не жалеешь, что женился? Что уже не свободен? — усмехнулась Ями, поднимаясь с подушек и соблазнительно потягиваясь.

— Совершенно не жалею. И уверен, что не пожалею никогда, — он поднялся следом на ней, беря в плен своих объятий, — А ты? Не разочарована? — девушка повернулась и ответила томным поцелуем.

— И прекрасные одалиски и танцовщицы тебя не волнуют? Ты не заметил их сокрушенных взглядов в твою сторону? Я отобрала у них тебя, — она грациозно выпорхнула из его рук и присела за туалетный столик.

— Вот, спроси меня, как они выглядели, во что были одеты, и как смотрели — а я не отвечу, потому что не заметил. Я смотрел только на тебя, — он взял со стола гребень и принялся бережно расчесывать её кудри.

— Хорошо, что они не слышат тебя сейчас, — она улыбнулась и прикрыла глаза, наслаждаясь теми приятными ощущениями, что дарили его руки, продолжая после расчесывания массировать ей голову, — О! Они были бы очень расстроены, узнав, что их старания остались незамеченными.

— Вот, зря ты так — я бы не мог осчастливить ещё кого-то в ущерб тебе, — обиженно

прошептал Рафаэль, наклонившись, зарываясь лицом в её волосы, накрывая своей ладонью её руку, — К тому же, если все последующие ночи будут какими, как эта, то, боюсь, моего здоровья не хватит на более, чем одну женщину, — и от слов его стало вдруг жарко.

— Прости меня, я пошутила, — она посмотрела не него и соблазнительно покраснела, опустив глаза.

— А я — совершенно серьёзен, — парень обхватил её лицо ладонями, подняв на себя, заглянул в её очи и заблудился, — Пусть все остальные привыкают к тому, что я для них уже потеряян. Зачем мне кто-то ещё, когда я обладаю самой прекрасной женщиной на свете? (Джон и Самаэль, например, могут мне возразить, а я даже не стану с ними спорить, но останусь при своём мнении.)

— Ты примешь мои извинения? — она подарила ему легкий поцелуй, поднимаясь с пуфика, чтобы раздвинуть занавески на окнах.

— Прошу иметь в виду, моя госпожа, что я беру натурой, — он искушающе посмотрел на неё, остановив за руку, когда девушка направилась в душ.

— Думаешь, сегодня нам простят опоздание к завтраку? — спросила она, когда дверь ванной комнаты закрылась за ними, и шум воды заглушил его ответ, и два тела сплелись под водопадом теплых струй, с готовностью удовлетворяя обоюдное желание насытиться друг другом.

В других покоях златокудрая Даниэлла придвинулась ближе к теплому телу мужа — Джек погрузил пальцы в её светлые волосы и поцеловал в макушку. Он осторожно поднялся с постели, чтобы не разбудить её. Приняв душ, он налил в бокал воды из серебряного кувшина, стоявшего на подносе на прикроватном столике, и вышел на балкон — смотреть, как весь мир замер в преддверии нового дня. А там — деревья в садах расправляли свои листья навстречу первым лучам солнца, и травы тянулись к свету, а цветы начинали уже распространять свои обволакивающие ароматы, и звонкие трели шумных птиц возвещали приход рассвета.

Он не заметил, как за его спиной в комнату влетела бабочка — небольшая и не яркая, потому и не очень приметная. Она присела на нос девушке, и та негромко чихнула. Молодой хирург, наблюдавший за садом и поглощенный своими мыслями, не услышал.

Когда на его глаза легли две нежные ладони, он поцеловал сначала их, потом медово-сладкие губы любимой жены, в ответ она ослепительно улыбнулась, позволяя ему более откровенные ласки.

— Ну, что, ясноокая моя, будем спускаться к завтраку или не будем торопиться? — когда Джек улыбнулся, пальцами познавая на ощупь шелковистость её кожи, в уголках его глаз образовались мельчайшие морщинки.

— Думается мне, что не только мы сегодня опоздаем, — хулигански сверкнули голубые глаза белокурой прелестницы.

Самаэль наблюдал как в свете солнечных лучей горят золотым огнем волосы лежащей рядом женщины, не решаясь потревожить её сон.

— И долго вы так за мной наблюдаете, Лорд-Протектор? — прозвучал хриплый со сна голос, и зеленые глаза Кали засияли изумрудным светом.

— А давно ли вы уже не спите, Леди — Регент? — он провел пальцем по её губам и погладил рыжие локоны.

— Оставим формальности, Сэм, — она сомкнула руки на его шее, — Прежде всего, я — женщина.

— Да ещё какая женщина, — мужчина пылко поцеловал её, — Моя любимая женщина.

— Я много думала, — она немного отстранилась от него и задумчиво произнесла, — Слова Маргариты о том, что ни что в мире не сравнится с блаженством иметь ребенка от любимого мужчины... Девочка мудра не по годам... Как ты считаешь, стали бы мы хорошими родителями?

— Стали бы самыми лучшими. Если ты правда этого хочешь, то мы можем заняться решением этого вопроса прямо сейчас, — выдохнул он, привлекая её к себе.

— Ты, проказник, я серьёзно, — насмешливо возразила она, упираясь ладонями ему в грудь.

— Так, и я абсолютно серьёзен, — закивал мужчина русой головой, — Я и сам хотел поговорить с тобой, да всё не решался начать этот разговор.

— Я очень рада слышать это, — облегченно улыбнулась рыжая.

— А я рад, что ты это сказала, — их губы оказались в непосредственной близости, и далее они предпочли перейти от слов к действиям.

В покоях Шарля-Анри и Валентины тоже просыпались:

— Я не слишком утомила тебя вчера? — женщина провела рукой по короткой стрижке Шарля, когда он вышел к ней на балкон, разбуженный солнечным светом и привлеченный манящим ароматом кофе.

— О, нет! — он наклонился к её шее, едва касаясь, погладив рукой по её плечу, — А мы с тобой ещё дадим фору молодежи.

— Давно я не видела, чтобы ты был такой, — она провела рукой по его теплой и приятно шершавой от щетины щеке, — со времен нашей молодости.

— Так почему бы не вспомнить те дни, когда мы совершали прекрасные безумства и жили страстью? — он мечтательно прикрыл карие глаза, упиваясь её прикосновениями, — Наши молодые и нам помогают чувствовать себя, как в юности. А ты и сейчас выглядишь ошеломляюще. И кто знает, может мы с тобой всех ещё удивим появлением малыша или малышки?

— Вы так заманчиво рассказываете, месье, — ответила она блеском серо-голубых глаз.

Жарко этой ночью было и в гостевых апартаментах, выделенных для Альвис и Надира:

— Ты прекрасна, джаным (с тюркского — "душа моя"), — Надир поцеловал светловолосую королеву, помогая ей справиться с застежкой на платье перед выходом к завтраку.

— Это всё потому, что ты рядом со мной, а всё плохое осталось позади, — Альвис развернулась и сильнее прильнула к мужчине, — И больше всего я рада за Марка и его отца — хватит с них испытаний.

— Ты сильно привязалась к этому мальчику, да? — он провел рукой по её, уже успевшим значительно отрасти, мягким прядям светлых волос.

— У меня нет детей, и он был мне как сын, — меланхолично ответила женщина, и уголки её губ дрогнули, — Мне больно было видеть его терзания, а сейчас я могу быть спокойна за него.

— Кто знает, что нам преподнесет судьба, — тихо сказал он, поднеся её ладонь к своим губам, — Возможно, в нашей жизни ещё появится тот или та, кому мы сможем отдавать наше тепло и нашу любовь, кроме друг друга, конечно. И, если моя королева не побрезгует связать судьбу с бывшим садовником...

— Пусть только кто-нибудь посмеет заявить, что ты не достойнейший из всех! — она с

пылом принялась покрывать поцелуями его лицо, и по её щеке соскользнула слеза, — Впрочем, что мне до мнения других — я, в конце концов, только женщина, влюбленная женщина, которая лишь хочет спокойного и тихого счастья после всех тяжелых лет, — и он крепче прижал её к себе, стараясь успокоить.

И вот, постепенно зал для трапез стал наполняться звуками и запахами, людьми, рассаживающимися за большим обеденным столом и обменивающимися утренними приветствиями.

— О! А мы думали, вас раньше обеда и не ждать, — лукаво усмехнулся Джон, обращаясь к молодоженам, появившимся в парадном зале.

— Ну, мы всегда можем вернуться и продолжить на чем остановились, — недвусмысленно дал понять Рафаэль, отодвигая кресло для жены, на что тот смекаяюще улыбнулся, а Ями смущенно опустила голову, присаживаясь за стол, успев соблазнительно стрельнуть умело подведенными сурьмой глазами в сторону мужа.

Маргарита огляделась по сторонам и рада была увидеть счастливые улыбки на лицах близких и друзей — особенно тешили её сердце отец и сын Витриченко и леди Александра, многое повидавшие в своей жизни и, несомненно, заслужившие и свою долю счастья, а также господин НаDIR и миледи Альвис — нашедшие друг друга после столь долгого времени.

— Молодой господин, Ваша милость, всего ли достаточно на столе? — окинул взглядом выставленные блюда главный повар — полный лысеющий мужчина в возрасте, прослуживший во дворце уже больше двадцати лет и пользовавшийся заслуженным авторитетом.

— Более чем, друг Рустем, — одобрительно кивнул Джон, — Окажи нам честь и отобедай за нашим столом.

— Благодарю, Ваша милость, — польщенный мужчина почтительно поклонился и занял одно из свободных мест за столом.

— Теперь я могу признаться и попросить прощение за то, что в детстве воровал с кухни пастилу и мармелад, — виновато растянул улыбку Джон.

— Я давно уже знаю, что это были вы, — рассмеялся повар, погладив себя по большому животу, и его смех подхватили остальные.

Последним в зале появился генерал Агни — высокий широкоплечий мужчина средних лет, с магнетически притягательными глазами цвета горького шоколада и потрясающей харизмой во всем своём облике — от гордой осанки и твёрдой походки до расшитого золотом ярко-желтого мундира со всеми заслуженными знаками отличия, облежавшего могучую грудь, темные волосы его были гладко зачесаны и собраны сзади в хвост — на солнце они отливали рыжим, благодаря частому использованию хны, придававшей им такой экстравагантный оттенок, идеально дополнявший весь его образ укротителя огненной стихии. Его Атрибут — воспламенить взглядом. Кроме того, он владеет особыми артефактами, изготовленными самим Джоном — очками, с помощью которых можно смотреть как угодно далеко, сквозь любые препятствия и огненным жезлом, извергающим пламя невероятной температуры.

— Приветствую, мой юный повелитель, да продлится твоё царствие, и да будет оно славным в памяти потомков! Приветствую, почтенные дамы и господа! — он поклонился, и Алишер встал и тоже ответил ему поклоном.

Джон поднялся со своего места и подошел к генералу, выразив почтение заслуженному

воину, другу и соратнику его покойного отца:

— Долгих лет и благоденствия, досточтимый генерал, — обнял он его с сыновьей почтительностью.

— Здравия желаю, Ваша милость, — улыбнулся мужчина, — Я также недавно женился, мой господин, и супруга моя просит разрешения лично поприветствовать вашу семью и уважаемых гостей.

— И где же ваша супруга, генерал? — с любопытством спросил Джон, — Для нас будет честью познакомиться с ней.

— Она приехала со мной, и ждет вашего позволения появиться, — с легким поклоном ответил генерал.

— Тогда позовите её, — Джон хлопнул в ладоши, и один из стражников, стоявших у дверей, удалился, — не будем заставлять даму ждать, — и в зал величественно вошла женщина в темно-синих одеждах, расшитых серебром, подобно сверкающим звездам на бескрайнем ночном небе, а лицо её было скрыто легкой полупрозрачной вуалью.

— Но, почему вы в вуали, госпожа? — спросил Джон, поклонившись.

— Прошу прощения, Ваша милость, я бы не хотела быть узнанной, — женщина склонилась в поклоне, — Двери приличных домов закрыты для таких, как я. Не хочу причинять вам неудобств.

— Ваш голос... я помню его, — он вспомнил, что уже слышал этот голос, и легкий аромат её духов тоже показался ему знакомым, но лицо её всё ещё было скрыто, — Я могу знать вас?

— Вы помните меня, милорд? — дама откинула с лица тонкую ткань вуали и открыла своё лицо — уже не молодой, но ещё привлекательной женщины, по всему, блиставшей в молодости своей красотой темноглазой и темноволосой красавицы, — А я вас хорошо помню, и рада видеть, что вы благополучны, Ваша милость, — улыбнулась она.

— Рад видеть вас, госпожа Ратри, присаживайтесь с нами за стол вместе с генералом, — конечно же, он не мог не узнать её, — И я не стыжусь находиться с вами под одной крышей и есть за одним столом, — он взял её за руку и подвел к свободному месту рядом с генералом, — Я обязан этой женщине, — обратился он к сидящим, — То, каким я был, меня совсем не красит, но это всё в прошлом, а вы имеете право знать. Дайте, я сначала выскажусь, а потом уже ваше право — судить меня. Я много пил после развода, очень много — ещё чуть-чуть и стал бы алкоголиком, наверно. Я мог не помнить утром, с кем подрался вечером, с кем провел ночь. А боль всё не утихала. Прошло несколько месяцев, и меня уже знали во всех окрестных кабаках. Каждый я раз испытывая стыд, внимал наставлениям отца и угрозам выслать меня в провинцию, и каждый раз всё повторялось снова, и не мог остановиться. Так продолжалось, пока одна из таких пьяных посиделок не закончилась дракой. Я был ранен — не серьёзно, но не смог бы помешать другим добить меня и обокрасть. Тогда мне и встретилась эта женщина — её знали все владельцы местных заведений — это я потом понял, почему. Она как раз покидала очередного клиента. Она и вывела меня из бара, и выходила у себя — как я узнал позже, в публичном доме. Она была его хозяйкой, однако она совсем не походила на продажных женщин — она была образованной, утонченной, гордой и... очень мудрой. Мы много с ней говорили — забавно, не правда ли? Изливать душу чужому человеку в таком заведении, где обычно принято удовлетворять другие потребности... Оказывается, выговорится незнакомому человеку, иногда бывает гораздо легче, чем родным, от которых я предпочел отгородиться, так как

даже в самих этих стенах находиться было невыносимо. То, что не удалось отцу, то с чем не смог справиться я, у неё всё получилось с первого раза — она просто подвела меня к зеркалу и заставила посмотреть на своё отражение, посмотреть в глаза своим страхам и своим порокам. Ещё она сказала: «Посмотри — что ты видишь? Такого отца бы ты желал своему сыну?» И тут меня как перекалило — она права, о, как же она права. Ниже падать некуда, нужно взять себя в руки и подняться снова на ноги — ради сына, ради Алишера... И мне глубоко параллельно, что думают доморощенные ханжи — духовно она гораздо чище многих из них, — он говорил, и голос его дрожал, а руки тряслись, как у настоящего алкоголика.

— Ваша милость забывает, чем я обязана вам, — Ратри одарила его ободряющим взглядом, — Вы и покойный князь, да будет пухом ему земля, помогли мне и моим девочкам найти более достойные занятия, и устроится в этой жизни.

— Многие из них действительно были талантливы, благодаря вашему воспитанию — кто в стихосложении, кто в музыке, кто в живописи, кто в танцах или в вышивании. Вы были для них матерью не по должности, а по призванию и отношению к ним.

— Ваша милость, ну, что же вы наделали? — она замахала ладонями себе на лицо, потом взяла со стола салфетку и промокнула глаза, — Я так тронута вашими словами, что заплачу сейчас прямо при всех. (Как тогда, когда вы сказали, что нам больше нет необходимости торговать собой.)

— Это ничего, поплакать иногда полезно и не зазорно, — усмехнулся он, разливая присутствующим вино, — Я же всё думал, как такая женщина оказалась в таком месте, и всё-таки узнал вашу историю...

— Теперь уже я сама, Ваша милость, — продолжила за него женщина, — Я уже могу спокойно об этом говорить. Я рано лишилась матери, мой отец начал пить — он пропил всё, что можно было, пока не осталось ничего... Тогда он продал меня в публичный дом — там я провела последующие годы. Бывшая до меня хозяйка заведения заменила мне мать и научила всему, что знала сама, а я же пошла дальше — я приглашала лучших наставников для своих девочек.

— Я когда это услышал, то понял, почему вас так зацепил, — он сел на своё место и опустил голову, — И всегда буду вам бесконечно признателен.

— И тогда вы упросили вашего батюшку, да светла будет его вечная память, принять участие в нашей судьбе, закрыть бордель и найти девушкам приличное занятие... — женщина внезапно осеклась и замолчала, заметив, что по щекам Маргариты потекли слезы, — Ради Бога, простите меня, маленькая госпожа, я не хотела вас расстраивать, в вашем положении нельзя так переживать.

— Прости меня, Маргарита, если я обманул твои ожидания, — тихо произнес Джон, обнимая жену, — Но, я действительно горжусь, что смог пересилить свои пороки и открыть душу тем, кто не отвернется от меня.

— Ни кто из нас не идеален, но ты смог подняться — вот что действительно важно, — она смешно шмыгнула носом, когда он вытер платком ей лицо, — И примите мою благодарность, госпожа Ратри, теперь ни кто не посмеет даже косо посмотреть в вашу сторону!

— Вы очень добры, маленькая госпожа, — мягко улыбнулась женщина, — Да, я и сама теперь, видите — благородная дама стала.

— Благородство души не соизмеримо выше благородства происхождения, сударыня, — ответила ей молодая княгиня.

— Ещё раз убеждаюсь, что ты настолько же мудра, сколь и прекрасна, — крепче обнял её Джон.

— Давайте лучше я сыграю вам, — предложила Ратри, углядев в дальнем углу зала, лежащий на диванных подушках ситар, и пальцы её нежно перебирали струны, извлекая тихий мелодичный мотив, заслужив восторженные аплодисменты.

— Где же были вы это время? — от чистого сердца спросил Джон.

— Там, где ни кто не знает о моём прошлом, Ваша милость, — и в её темных глазах отразилась светлая грусть, — Где моим мальчикам не придется стесняться своей матери.

— О! Так у вас есть дети? — Джон заинтересованно улыбнулся.

— Да, мальчики-близнецы, почти ровесники молодого повелителя, сорванцы, как и все ребяташки в их возрасте, — кивнула женщина с мягкой улыбкой, и лицо стало сразу светлее и моложе при одной только мысли о них, — И я в двойне благодарна генералу за то, что он принял не только меня, но моих мальчишек, — она положила свою ладонь на руку генерала, и он улыбнулся уголками губ — и даже улыбка вышла у него полной величия и шарма.

— А почему бы вам не показать своим сыновьям дворец? — не долго раздумывая предложил Джон, — Не показать им, как здесь уважают и чтут их мать? Думаю, Алишеру не помешают товарищи по учебе и играм. Что скажете, юный княжич? — обратился он к сыну.

— Друзья моего отца — мои друзья, — юный князь с улыбкой одобрил идею, а в душе мечтал запрыгать от радости от того, что у него, возможно, скоро появятся новые друзья, — рады будем видеть ваших детей, госпожа Ратри.

— Спасибо, — губы женщины дрогнули, но это не помешало ей улыбнуться в ответ, — Я, правда, очень тронута, — потом она шепнула на ухо сидящему рядом Джону, — Кстати, помните, Ваша милость, что я говорила вам — что ваше сердце еще найдет исцеление?

— Я не забыл, госпожа Ратри, — подмигнул он, — Ещё я помню, что вы можете толковать сны и читать по звездам.

После трапезы женщины отправились посетить базар, а мужчины ещё остались пообщаться за кальяном и кофе, а после — посвятить время стрельбе из лука.

— Прости меня, — проходя мимо, Кали опустила глаза и задержала руку на его плече, — Прости меня, княже.

— Не твоя в том вина, что я не смог стать для тебя тем, кого ты любила. Кроме того, я бы мог не встретить свою любовь, — Джон покачал головой и усмехнулся, — Только познав горечь, можно распознать счастье.

Для выхода в город девушки надели яркие расшитые шелковые туники и в комплект к ним — шаровары и кожаные туфли ручной работы, их головы покрывали легкие платки, которыми, при случае, можно было закрыть лицо, защищаясь от палящего южного солнца.

А восточный базар шумел и бурлил, обволакивая и увлекая в свою волшебную и чудодейственную атмосферу. Чего тут только не было! Фантастические ткани и разноцветная одежда, целебные мази и снадобья, косметические средства и дурмящие своими ароматами духи и мыло ручной работы, изготовленные чуть ли не в единственном экземпляре, украшения с драгоценными и полудрагоценными камнями, изделия из кожи и дерева, кованые и плетеные изделия, ковры и гобелены, посуда из стекла, серебра и керамики, всевозможные сорта кофе и чая, вина и табака, овощи и фрукты со всех концов света: апельсины и абрикосы, инжир и финики, шелковица и манго, яблоки и груши, вишня и виноград, чечевица и нут, дыни и арбузы, мед и орехи — всего и не перечесть, а на площади выступали факиры и акробаты, жонглеры и канатоходцы, клоуны и дрессировщики.

И каждый торговец зазывал в свою лавку покупателей, щедро одаривая комплиментами и клянясь, что именно его товар самого отменного качества по самой сходной цене — специально для прекрасных сударынь. Но, даже выдавший много необыкновенных украшений, пожилой и опытный купец ювелирной лавки был поражен красотой и изяществом украшений не вчерашней невесте — казалось бы, он знал наперечет всех талантливых ювелиров, чьими товарами он торговал, безошибочно определяя по характерному стилю и особенностям — кто именно изготовил данную вещь, но этого мастера он не знал, однако желал бы иметь в своём ассортименте его прекрасные работы. Таким образом, уже заочно, у Рафаэля появился первый заказчик. А в другой лавке Маргарита увидела набор из элегантных туфель и очаровательной сумочки чистого синего цвета — вспомнив, что у Мей есть отличный весенний плащ, к которому они идеально подойдут, она решила приобрести их, вручив потом Марку. Надо было видеть ту сцену и его глаза, когда девушка протянула ему пакет с женскими туфлями и сумочкой — она ещё долго не могла остановить приступ смеха, прежде чем объяснила ему, что это — для Мей, что девушке будет приятен такой знак внимания.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что праздник удался на славу, и слава эта ещё долго будет греметь по всей округе и жить в памяти свидетелей торжества, а уж сами молодые — так точно будут помнить до конца своих дней, и ещё внукам будут рассказывать.

И чтобы закрепить это сказочное впечатление, свадебная фотосессия в декорациях самого известного символа Индии, подходила просто идеально.

Новоявленные супруги изрядно волновались, оно и понятно — такая колоссальная ответственность, представлять свою нацию и историю своей страны перед лицом миллионов читателей. Но их лица светились счастьем, и это было лучше любой рекламы средства, делающего кожу гладкой и сияющей, а глаза — пленительными. И больше ничего не нужно было, ибо ни какому косметическому средству не под силу приукрасить естественную красоту, а комплекты одежды привезет группа агентства под руководством господина Ондзи. В Агру пожалует и сам Танака-сан, чтобы контролировать процесс съёмок и лично отобрать те снимки, которые пойдут в печать.

А пока они могли расслабиться после завтрака и посвятить ещё пару часов отдыху в тени деревьев на берегу озера под тихий плеск воды и шелест листвы, пока полуденная жара ещё не успела окончательно вступить в свои права. Люди радовались возможности расслабиться, а собаки и Милорд — возможности с упоением погоняться в шелковистой траве за пестрыми быстрыми бабочками.

Марк с отцом и Александрой сидели наиболее близко к воде — мужчины рисовали, а женщина плела венки из собранных полевых цветов.

Джон играл в мяч с сыном и Розалиндой.

Девушки раскованно болтали, давая шуточные и серьезные наставления молодой новобрачной — как в вопросах личной жизни, так и насчет предстоящей фотосессии.

Сидя на коленях у Валентины, Аделька усердно раскрашивала купленную в Москве раскраску, тщательно выводя каждый штрих карандаша — девочка настолько сдружилась с родителями Маргариты, да и они успели сильно привязаться к ней.

Вот об этом и собиралась поговорить Марго со своим отцом, как только выдалась возможность — ей всё не давал покоя его озабоченный вид с тех пор, как он вернулся из своей поездки.

— Папуль, ты не переживай так, — девушка придвинулась ближе, подогнув ноги под себя и обняла отца за шею, как любила делать это в детстве, — Ты делаешь всё, что в твоих силах.

— Видимо, не всё, — он ей с лица выбившуюся из прически прядь волос, — У моего друга были проблемы, а я не знал. Допускаю, что он хотел оградить меня от чего-то. Но, от чего? Почему он скрыл от меня? Почему не поделился? Не попросил помощи, если нуждался в ней? Что он узнал, чего не знаю я? — переживания последнего времени добавили морщин на его лице, но его глаза, такого же цвета, как и у неё, были полны раздумий, — Мы ведь с твоей матерью тоже долго не могли иметь детей, как и они с Шарлоттой. А потом у нас получилось, и ты порадовала нас своим появлением на свет, — снова и снова он прокручивал в уме и заново анализировал то небольшое, что ему удалось узнать, а конкретно то, что его друзья опознали только по фотографии (так как они были зарегистрированы под вымышленными именами) в одной из клиник репродуктивной медицины, где женщина действительно родила девочку, — К чему была вся эта конспирация? Почему он спрятал ребенка? Он, точно бежал от чего-то, или — от кого-то. Почему, почему всё так обернулось? Что я мог для него сделать? Я ничего не понимаю... У нас же — Генетический Центр, который занимается и проблемами бесплодия в том числе, так почему не обратился к нам? Что постыдного в желании создать полноценную семью и иметь ребенка от любимой женщины? Мне стоит поговорить об этом с нашим руководителем.

— Ты думаешь, что Адель — их дочь? — Маргарита посмотрела на отца.

— Не берусь утверждать наверняка, но склонен так думать, — ответил он, — Твои видения связали их. Когда девочка вырастет, то пусть сама решает, делать ли ей экспертизу, пока же она ещё слишком мала для подобного решения.

— Спасибо, папа! — она чмокнула отца в щеку, переведя взгляд на девочку, сидящую на коленях Валентины, увлеченно выводящую карандашами каждый штрих, — Смотри, как Аделька довольна. Пойдем к ним?

— Конечно, пойдем, — он согласно кивнул, поднимаясь с покрывала и подав руку ей, — Но я не успокоюсь, пока не доберусь до истины.

— Прошу тебя быть осторожным. Эти знания стоили жизни твоему другу, — с тревогой за него попросила Маргарита.

— Я постараюсь, — дал слово Шарль-Анри, не желающий лишний раз волновать её в её положении.

Малышка Аделина с гордостью продемонстрировала результат своего художественного творчества, за что была удостоена самой высокой похвалы.

К этому времени из оранжереи вернулись златовласая в обществе родителей, супруга-доктора, госпожи Сони, Леди-Регента Кали и Лорда-Протектора Самаэля.

Новоявленный муж Рафаэль вместе со своей женой предложили молодым парам покататься по озеру на лодках — простое, на первый взгляд, развлечение, но такое подходящее жаркому дню.

Позже к пикнику присоединились и генерал Агни со своей супругой Ратри, и Рустем, прихвативший с собой корзину с легкими закусками на случай, если кто-то проголодается.

А вечером Марк будет долго беседовать по телефону со своей японской подругой, внимательно слушая о её успехах, он и не сомневался, что она многого добьется, и пересказывая ей события последних дней. И для него она стала уже несколько больше, чем просто подруга. И когда, прежде чем отключиться, в трубке прозвучало: "Люблю, пока!", он

на мгновение задержал дыхание, потом с облегчением выдохнул, избавленный отвечать на это проявление чувств с её стороны. Однако, парень не сдержал растроганной улыбки — когда-нибудь он сможет ответить такими же словами, чтобы они в полной мере отражали его чувства к ней.

А Мей — за много-много километров от него — прижала к груди мобильный телефон и тоже улыбнулась: пусть пока просто знает, что где-то есть та, которая думает о нем.

Проводив белокурую королеву и командующего Надира ко двору Темных Небес, можно было продолжить знакомство с наследием индийской культуры в самом знаменитом из мест, ставшим визитной карточкой этой страны для всего мира — великолепном храме-мавзолее Тадж-Махал в Агре.

До места они добирались на такси по отремонтированной скоростной трассе, покрыв расстояние в двести двадцать километров.

Город Агра расположен севернее, некогда был столицей могущественной империи Великих Моголов.

Ныне является одним из крупнейших туристических центров в Индии — большей частью, именно благодаря сооружениям эпохи Моголов и, в частности, Тадж-Махалу, и по сей день привлекает огромное множество туристов и паломников со всех уголков мира.

Агра стоит на берегу реки Ямуны/Джамны/Ями — и это далеко не простое совпадение, что река носит то же имя, что и сестра-близнец Ямы, известного нам под более понятным именем Джон. И мы вместе с героями буквально уже скоро оценим всю полноту и символичность такой параллели.

Основанная ещё в пятнадцатом веке, Агра процветала во времена Великих Моголов. И даже периоды упадка, британских завоеваний и кровавых восстаний не убавили красоты и значимости практически сказочного города, где поэтические мечты навсегда увековечены в мраморе.

И если уже мы заговорили о сказках, то стоит упомянуть ещё одно немаловажное совпадение — именно Агра с её легендарным и величественным Тадж-Махалом стала прототипом места действия анимационного фильма студии Уолта Диснея по мотивам восточных сказок — города Аграба, где правит добрый султан, а любви его красавицы дочери по имени Джасмин добиваются коварный волшебник — визирь Джафар и простой, но добрый и бесстрашный парень Аладдин, которому помогает почти всемогущий джинн.

Кроме того, известность Агре принесло и упоминание в творчестве классика детективного жанра — сэра Артура Конан Дойла и его гениального сыщика — Шерлока Холмса. История Индии и Великобритании переплетена намного сильнее, чем может показаться на первый взгляд — будучи британской колонией, Индия была вершиной Империи и самым драгоценным камнем британской короны, а для англичан викторианской эпохи, к примеру, вполне привычными были такие заимствованные блюда, как чатни (острые или сладкие), пикалили (маринованные острые овощи) или курица карри. В настоящее время такими блюдами уже мало кого удивишь — они успели получить распространение по всему миру.

Кроме, уже упомянутого выше, шедевра архитектуры и признанного чуда света — Тадж-Махала, в Агре и её окрестностях есть еще другие многочисленные архитектурные памятники: сама Крепость Агры шестнадцатого века, возведенная из красного песчаника и Мавзолеей Акбара в Сикандре, беломраморный дворец Шах-Джахана и его же Жемчужная Мечеть, заброшенный город Фатехпур-Сикри — и многие другие, всемирно признанные

памятники культуры и архитектуры.

И можете теперь представить себе, как друзья зачарованно смотрели по сторонам, стараясь увидеть и запомнить как можно больше. И уже совсем скоро они своими глазами увидят чудо на земле и памятник вечной любви, перед силой которой склонилось даже неумолимое время, пронеся через века эту красивую и печальную историю, благодаря стараниям тысяч мастеров и ремесленников, обессмертивших своего повелителя и его любимую супругу.

Индийский Тадж-Махал — знаменитейший из памятников любви, давно ставший символом этой страны. Это одна из самых популярных достопримечательностей у туристов, воспринимаемая, как вечная история любви, воплощенная в камне. На века. Легкий, как утренняя песня, чистый, как горный родник...

По легенде, Шах-Джахан, тогда еще он звался принцем Кхурамом, и его возлюбленная познакомились на рынке в столице. Каждый год торговые ряды отдавались для развлечения молодым людям для игр в продавцов и покупателей. Они с первого взгляда полюбили друг друга. Только единожды посмотрев в ее глаза, он уже знал, что лишь её желал бы видеть своей женой. Но...

Вразрез с легендой, принц знал свою будущую жену ещё с детства. И более того, она была его двоюродной сестрой или кузиной. Ее отец был братом матери Кхурама и занимал довольно высокий пост первого министра, хотя, конечно, не ему соперничать было с повелителем. Они действительно очень рано полюбили друг друга, но путь к соединению двух сердец был, однако же, для них трудным и тернистым.

Отец королевича, грозный Шах-Джангир, по политическим соображениям женил сына на персидской принцессе, которая, проведая о чувствах мужа к другой, впала в такую ярость, чуть не отравила соперницу. Жизнь бедной девушки во дворце стала вовсе невыносимой. Ко всему прочему, ей уже минуло девятнадцать, а ее все не выдавали замуж, и за спиной ее дразнили старой девой. По верованиям ислама любые изображения человека запрещены, а потому никаких портретов и быть не могло, но о красоте её ходили легенды. Недаром именно сам Шах-Джангир дал ей имя Мумтаз-Махал — "Украшение Дворца". Он и его первый министр были не прочь поженить своих детей, по канонам ислама это допускалось. Ещё одним препятствием к счастью влюбленных стало получение благословения звезд, и только лишь когда влюбленным было уже по двадцать лет, придворные астрологи сочли момент удачным — и при условии, что они не будут жить вместе еще пять лет, дожидаясь дозволения небес.

Очаровательная в молодости, Мумтаз-Махал и в свои двадцать пять была прекрасна, хотя тогда такие годы считались уже зрелостью.

Став императором в тридцать шесть лет, Кхурам берет себе титул Шах-Джахан ("Повелитель Мира"), продолжая выделять среди других женщин царицу своего сердца. У него было множество других жен и наложниц, но именно Мумтаз надолго завоевала сердце правителя.

Закатилась звезда жизни повелителя Моголов, когда в одном из походов его драгоценная, которая всегда была его верной сподвижницей, стойко перенося все тяготы — ещё когда он был наследником престола, и которую он всегда брал с собой не только по причине необычайной привязанности, но и потому, что император опасался козней обитателей гарема, желая, чтобы его любимая всегда была подле него — под его опекой и защитой, готовилась подарить ему четырнадцатого ребенка. Вскоре после рождения

четырнадцатого ребенка красавицы Мумтаз не стало... Земное сердце не выдержало неземной любви...

Он одержал победу и праздновал в своем шатре в военном лагере, когда появилась взволнованная служанка и сообщила ему о рождении еще одной дочери. Но девушка плакала. Шах-Джахан понял все. Он разогнал праздновавших придворных и побежал в шатер к жене. Мертвенно бледной, но еще дышащей, врачи уже ничем не могли помочь ей, только облегчая её предсмертные страдания. Она успела прошептать, что счастлива умереть на руках у любимого.

Свидетели этого события были почти уверены, что император в ту ночь лишился рассудка. Он долго и беззвучно сидел с мертвой женой на руках, а из глаз его не переставали литься слезы. Наутро его министры не узнали Шах-Джахана, голова его полностью поседела. Страна на месяцы оделась в траур. Великий повелитель был разбит и уничтожен, и чуть не покончил с собой. Неделю он не ел и не пил и долго не хотел возвращаться в столицу. Он перевез тело жены в Агру, где на берегу Джамны задумал построить самый величественный мавзолей — как память о своей утраченной любви. Причем, его врачи не были уверены, что император был полностью в здравом уме.

Его возводили двадцать лет двадцать тысяч рабочих. Тысячи слонов и мулов везли в Агру белый мрамор из лучших индийских каменоломен. Малахит — из России, сердолик — из Багдада, бирюзу — из Китая, рубины и сапфиры — из Сиама.

Могущественный Шах-Джахан пытался забыться и в ласках гарема, и в военных походах, но так и не смог. Он часто приезжал в Агру, и долго, не отрываясь, глядел на величественный памятник своей Любви. Он и назвал его созвучно с именем потерянной жены — Тадж-Махал ("Корона Дворца"). Уже намеревался строить и второй мавзолей на другом берегу. Теперь они с возлюбленной вечно будут смотреть друг на друга, а между двумя берегами будет перекинут мраморный мост. Знал ли он тогда, что еще восемь лет ему предстоит смотреть на свое творение из другого, зарешеченного окна?

Когда Шах-Джахан тяжело заболел, между его детьми от персидской принцессы и от Мумтаз-Махал началась борьба за трон. Не самый старший, но поддерживаемый мощными мусульманскими кланами Индии, принц Аурангзеб захватил власть. Однако болезнь отца отступила. И тогда он вынужден был заключить родителя в крепость Агры, мотивировав это тем, что его безумные проекты разоряют страну. Вопреки легенде, Шах-Джахан долгие годы смотрел на Тадж-Махал не через решетки. Да, он был заключенным, и не покидал пределов крепости, но там ему оказывались всяческие почести, достойные его сана. К тому же, с ним постоянно находилась его младшая любимая дочь Джаханара. Именно она настояла, чтобы отца похоронили рядом с ней, кого он так любил.

Тадж-Махал поистине прекрасен — ни одно описание, фото или видео не сможет передать подлинной красоты этого сооружения. Словно частица райского сада на земле — коего несомненно была достойна, по мнению императора, его добродетельная возлюбленная.

Архитектура сооружения передает смесь индийского, персидского и исламского зодчества. Крепостные стены по углам обрамлены башнями-павильонами. В центре возвышается само здание усыпальницы в переливающихся цветах в зависимости от освещения. Ночью он кажется ослепительно белым, а в период разлива реки вся эта красота ровно отражается в ее водах. С трех сторон здание окружено парком.

Чувство легкости подкрепляется разрисованными тонким узором стенами, мраморными

блоками, инкрустированными самоцветами, переливающимися на свету. Кажется, что эту постройку только завершили воздвигать. Не удивительно, что по очередному из преданий, Шах-Джахан приказал отрубить руки архитектору, дабы тот не смог повторить подобное.

Две боковые лестницы уводят нас на второй этаж усыпальницы, где под огромным куполом, поднимающимся на высоту семьдесят четыре метра, раскинулись открытые террасы. Войдя, можно увидеть просторный зал, в центре которого стоят два беломраморных саркофага.

Ныне мавзолей — одно из самых популярных мест, наиболее часто посещаемых не только туристами, но и самими индусами.

Когда-то огромные двери, символизировавшие вход в рай, были целиком из серебра, тончайший рисунок на них был выложен тысячами серебряных гвоздиков. Сейчас двери уже медные, да и драгоценные камни на фасаде и внутри мавзолея сильно поредели с тех пор. Нет и золотого парапета, и жемчужного покрывала на месте сожжения тел...

Напротив Тадж-Махала, на другом берегу Шах-Джахан думал возвести еще одну гробницу — для себя. Согласно его замысла, его мавзолей должен был повторять формы Тадж-Махала, и возведен он должен был не из белого, а из черного мрамора, дабы вечно смотреть друг на друга. Оба мавзолея должны были соединяться мостом. Однако планы и замыслы Шах-Джахана не осуществились. Когда-то он владел целым миром, теперь же у него не было ничего... Ничего, кроме одной-единственной радости — узкого тюремного оконца. В нем нельзя было видеть ни бескрайних долин его родной земли, ни темных куш манговых деревьев, ни золотого восхода ласкового солнца... В маленькой раме окна был виден лишь подобный сновидению, сияющий как белоснежный лебедь в небесах, мавзолей его давно умершей возлюбленной...

Позже и сам великий и поверженный король был погребен в этой же гробнице, рядом со своей любимой женщиной... Такова эта красивая и печальная история, давшая нам образцы великой любви и великого творчества...

Величественный, божественный, сияющий, и, несмотря на свою семидесяти четырехметровую высоту, такой легкий и воздушный, что подобен сказочному сновидению, поднимается над рекой мавзолей Тадж-Махал — самое прекрасное архитектурное творение Индии, а, быть может, и всей земли...

Высоко в небо устремляются белые мраморные купола — один большой и четыре маленьких, отражаясь в неподвижной глади искусственного канала, Тадж-Махал словно облако парит надо всем земным, являя собой образец вечной красоты и совершенной гармонии...

Но не только архитектурное совершенство привлекает к Тадж-Махалу миллионы путешественников со всего света. Не меньшее впечатление на сердца людей производит и история его возникновения... История, больше похожая на восточную сказку или легенду, которой позавидовал бы любой из поэтов...

Лучшим временем для посещения Таджа является раннее утро, когда белоснежный мавзолей золотится в лучах восходящего солнца нового дня, а толпы народа еще не успели заполнить все вокруг. Если вы желаете увидеть Тадж-Махал в это драгоценное время, то найти ночлег легко в одном из многочисленных отелей, что теснятся у Южных Ворот, и именно здесь останавливаются большинство туристов, посещающих Агру.

И всё это настолько напомнило Джону историю его родителей — Князь так же вынужден был жениться на той, которую выбрали ему министры, а не на той, которую

выбрало его сердце. И только после кончины слабой здоровьем княгини, смог он снова воссоединиться с той, что была в его сердце и в его мыслях, и стала матерью его детей. Но долго это счастье не подлилось — видимо, так повелось, что у подобных историй печальный финал...

И ещё это напомнило ему, как прекрасная половина их компании готова была разделить с мужчинами всю тяжесть военного положения во время противостояния Темному Двору. Сейчас это всё казалось таким далеким нереальным, словно давно позабытый сон...

Он ощущал небывалую гордость за сопричастность к своему народу. Вклад индийского народа в развитие наук, искусств, медицины, досуга и ремесел трудно переоценить, и мало какой народ столько вложил в мировую копилку культуры, инженерного и оружейного дела, медицины и философии, математики и литературы, астрономии и астрологии.

И не знал он ещё, что, подобно Шах-Джахану, будет предан собственным сыном и приговорен к ужасной казни через распятие, принеся себя в жертву, не в силах противостоять своему ребенку.

"Он венчал свою жизнь и бессмертие,
но не в храме, а в битвах, где борются зло и добро.
Дал узнать людям вкус милосердия,
обратил в благородную ненависть злость на врагов.
Он осенён римским крестом,
над головой — красный дракон,
на клинке меча — руническая вязь.
Правит король твёрдой рукой,
слово и мощь, свет и покой,
словно камни-исполины держат власть.
У любимца небес путь изведанный,
за победы земные он выплатит дань, как и все
И на битву спешит, сыном преданный,
над багровой рекой сотни рыцарей с ним встретят смерть.
Два мира здесь в битве сошлись,
сын и отец, бездна и высь,
серой тучей затянула небо пыль.
В этом бою каждый силён,
лишь на заре враг побеждён,
но израненный король упал без сил...
Нет начала, нет конца историй,
есть кольцо блуждающих огней.
Ложь и правда в нём извечно спорят,
и на их алтарь льётся кровь королей..."
"АРИЯ" — "Кровь королей"

Но, всё это ещё только предстоит ему пережить, а пока они все прибывают в счастливом неведении и просто наслаждаются жизнью и красотами, вдыхая и впитывая саму вечность.

Дети же отнеслись ко всему намного проще и более бесхитростно, просто искренне восторгаясь. Глядя на них, вместе с детьми, радовались и отдыхали душой и взрослые. Маргарита и не предполагала, что её доведется своими глазами увидеть такое великолепие, да ещё и в специально отведенное только для них время, не протискиваясь между снующими

туристами.

И в этот день несомненными звездами, сияющими на небосклоне сказки, были недавние молодожены.

Девушки с удовольствием помогали Ями менять наряды и поправлять макияж для создания различных образов — то принцессы, то богини, то духа реки, и просто — современной этнической красавицы.

Начав съемочный день с рассветом, завершили его поздним вечером, решив напоследок, после общего снимка на память, прогуляться дивными садами.

Солнце садилось, и они могли наблюдать, как последние лучи окутывают Тадж, и он переливается сверкающей жемчужиной — хочется смотреть не отрываясь. И сон всё не хотел приходить, чтобы захватить в свои ласковые объятия.

Чаровница Ями пожелала ещё последний раз, перед отходом ко сну, прогуляться к реке, и её молодой муж не смог отказать своей любимой половинке исполнить её маленький каприз.

Легкий ветер мягко освежал, шум воды успокаивал, а стрекотание цикад осталось единственной музыкой в этот вечер. Новобрачные сидели крепко прижавшись друг к другу, наслаждаясь тихим вечером и уединением.

Девушке захотелось подойти к воде и зачерпнуть воды, но как только она легкими шагами плавно приблизилась к реке, то поднялась огромная волна в человеческий рост, в мгновение накрыв девушку с головой — она даже не успела понять, что именно произошло. Рафаэль кинулся к берегу, но как только воды отступили, то девушки он не увидел. И только самой реке, да сияющим в небе звездам и луне известно было, что творилось у него в душе от боязни за любимую. Первую секунду его парализовал страх, но резко разогнал все опасения и бросился в воду. Вдруг волны перед ним расступились, и возник из глубин водный элементаль женского рода с полупроницаемым телом, словно сформированный самой водой. И накатили волны, оглушая и душа, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть, и река угрожала выйти из берегов и смыть великое творение индийских зодчих. На шум и крики зрителей, друзья со всех ног поспешили назад к берегу, а Раф безуспешно пытался отыскать девушку, выкрикивая её имя и борясь с разбушевавшейся стихией, то всплывая на поверхность, то вновь погружаясь в пучину холодных волн, пока не увидел яркий свет.

Он уже было подумал, что это уже всё — конец, и видит он Небесные врата, как символ своей смерти, и почему-то ощутил такую благодать вдруг — как в детстве в родных объятиях отца и матери.

Но парень ошибался — он не утонул, не умер. Схватившись за протянутую ему руку, он почувствовал, как стал медленно подниматься к поверхности — дышать стало легче, давление на грудь уменьшилось. Придя в себя уже на берегу, он подернул дрожащими ресницами и шумно выкашлял заглоченную воду. Едва открыв глаза, он тотчас же зажмурился от ослепительного белого сияния. Попробовал открыть глаза снова и понял, что то сияли белые одежды... его отца. Его отца! Рафаэль вскочил на ноги и кинулся обнять родителя.

И это, в самом деле, был Князь. Он приласкал младшего сына по голове, а к берегу уже спешили остальные.

Джон замер на месте, глубоко вдохнул и сорвался, как мальчишка, бегом у отцу.

Дольше насладиться обществом друг друга им не дал всё тот же водный демон.

— Ямуна, успокойся! — Князь вышел вперед, — Верни мне дочь! Отпусти её! —

повелел он, не желая больше ждать..

— За что они со мной так?! За что?! — под яростные крики водяной сирены поднимался гигантский столб водоворота, грозящий смыть всё в округе.

— Не причиняй вреда людям, прекрати, — покачал он головой.

— Почему?! — и в крике её было больше боли, чем гнева, — Потому, что ты так сказал?! Они заслужили это!

— Ты не права — они не те, кто причинил тебе страдания, — спокойно возразил Князь.

— Расскажи им, Расскажи мою историю, повелитель, — вызывающе потребовала она.

— Ты хочешь, чтобы они знали? Хорошо, — Вайвасват начал рассказ, исполняя её волю, — Когда-то, в незапамятные времена, когда не существовало ещё письменности, а предания и сказки передавались из уст в уста, рассказывают, что жил на свете благородный принц, посвятивший свою жизнь помощи людям. Много лет он не отказывал в помощи просящим, пока как-то не занемог, и стал не в состоянии больше творить добро. За ним ухаживала его сестра. Принцу становилось всё хуже, а просители всё продолжали идти. Поначалу, принцесса вежливо пыталась объяснить им, что принц не в силах им помочь, но они ей не поверили. Они решили, что она его околдовала, что она — ведьма, и спрятала от них героя. Принцесса с ними спорила, пока не рассердилась и не велела страже всех прогнать. Тогда толпа пришла в ярость и зарубила несчастную. В конце концов, хоть стража и утихомирила народ, сделанного уже было не исправить. В горячке принц всё звал свою сестру, но она так и не пришла к нему. От горя и без должного ухода принц умер той же ночью. Люди покинули проклятый замок. И только неуспокоенная душа принцессы обратилась в мстительного духа вод.

— Какая ужасна история! — потрясенно прошептала Маргарита, покачав головой, — Несчастливая девушка...

— Я отпускаю тебя, сестра, — Джон протянул ей руку, и она коснулась его пальцев, — Ступай же с миром и не тревожь живых, — он кивнул, и она рассыпалась фонтаном брызг, а вместо неё в его руки упало бесчувственное тело сестры.

— Я вечный твой должник, — Рафаэль бережно принял из рук в руки тело девушки, она всё ещё была без сознания, продолжительный отдых должен вернуть ей силы.

— Я с родственника плату не возьму, — улыбнулся мужчина, похлопав его по плечу, — Отец, ты нужен нам... Ты нужен маме... — с печалью и надеждой Джон обнял отца на прощание, и слабо улыбнулся, услышав в ответ тихий шепот: "Ещё рано..."

Такова скорбная история мятежного духа вод, что несправедливо приняла жестокую и мучительную смерть.

Вот так закончилось это путешествие в манящие глубины истории.

Выспавшись и успокоившись, прогнав вчерашние кошмары и тревоги умиротворяющими сновидениями, наутро друзья вернулись в Джайпур, чтобы снова сесть на самолет, вылетающий рейсом на Париж.

И так у Тадж-Махала появилась ещё одна прекрасная легенда, частью которой стали и они сами, а Марку будет, что ещё поведать дорогой подруге в Японии.

02. Паутина

И снова они возвращаются в Париж — такой разный, но одинаково манящий, не позволяющий забыть о себе ни на секунду. Город с заслуженным чувством собственного достоинства несущий себя на протяжении вот уже стольких веков, с особыми грацией и шармом — совсем не такой, как вечно спешащие современные мегаполисы.

Воздух был наполнен осенней легкостью и меланхолией и ещё — предчувствием перемен. Это ощущалось в прохладе ночей, в, заметно ставших короче, днях, во всё чаще появляющийся на небе дождевых облаках, в мягкости теплого вязаного шарфа на шее, в шуршащей под каблуками пестроцветной листве. И это не было ново для них — ещё со времени не таких давних школьных лет, когда каждый раз приход осени знаменовал собой начало нового учебного года и новый этап в жизни.

Больше всех, эти изменения чувствовались девушками — двоим из которых предстояло сменить статус на материнство, а третья, едва оправившаяся от недавних потрясений в путешествии на родину своих предков — Евангелина, с волнением ожидала дня собственной свадьбы. И ничего не предвещало в эти дни, наполненные радостью, что девушке предстоит в полном смысле — побороться за своё счастье.

Питер, вместе с остальными представителями мужской половины, погрузился в работу на новой должности смотрителя парижского зоопарка.

Поглощенная предсвадебными хлопотами и встречей родителей, девушка находилась в том приподнятом состоянии легкой трепетной эйфории, когда весь окружающий мир видится в несколько розовом свете, и хочется, чтобы вокруг были также счастливы.

И точно, предугадывая все их мечты, в городе открывается новый салон свадебной моды и аксессуаров. И совершенно невозможно было не соблазниться замороженно рассматривать в огромной витрине бесконечные ряды белоснежных платьев и платьев кремовых и небесно-голубых оттенков.

Несколько дней подряд, словно что-то притягивало Евангелину останавливаться, проходя мимо него. Хоть её собственный наряд давно уже висел упакованный, дожидаясь, когда им украсят одну из прекрасных девушек в самый счастливый день в её жизни.

И с каждым днем выставленных манекенов становилось всё больше, и девушке показалось, что один из этих манекенов так странно напоминал ей ту девушку, что вчера примеряла платье вот в этом самом магазине — и от такого жутковатого сходства становилось неуютно.

Несколько раз сморгнув, пытаясь стряхнуть это наваждение, Ева решила зайти внутрь, не дожидаясь задерживающихся жениха и подруг. Огромный пустой зал казался стерильно чистым и пробирал необъяснимым холодом даже сквозь осеннюю ветровку. Девушка размяла продрогшие ладони, замерзшие даже в вязанных митенках, и поправила на шее свой любимый шарф цвета зеленой травы, который она своими руками вязала несколько вечеров — она уже пару-тройку раз успела пожалеть о том, что не хватило терпения подождать друзей, но как было устоять, скажите, пожалуйста, когда вся эта красота так и манила, так и звала? Только теперь стало ясно насколько эта красота была неживой и холодной, почти ледяной, а россыпи блесток на платьях и искусственных цветах казались сверкающим инеем, а в неживых глазах манекенов застыли ужас и мольбы о помощи.

Сделав ещё несколько шагов, она была неприятно поражена оглушающему отзвуку стука

каблуков собственных ботильонов.

По-хорошему, ей стоило бы дождаться друзей, но женское любопытство неистребимо — ещё со времен другой Евы, прародительницы человечества. Будь на её месте любая из её подруг, то поступила бы, скорее всего, точно так же.

Девушка несколько раз ещё осмотрелась вокруг и позвала продавца. На её зов из дальней комнаты вышла темноволосая девушка ростом немного выше среднего, хрупкого телосложения, с бледным, точно восковым, лицом, с которым резко контрастировал насыщенный макияж глаз и губ. Этот странный, почти готический образ дополняла соответствующая одежда — черная водолазка и длинная прямая черная юбка, на ногах — высокие черные сапоги. Самыми выделяющимися элементами её образа были: широкий плетеный кожаный пояс на бедрах и кулон в виде большого черного паука со сверкающими камнями вместо глаз. Она совершенно выбивалась из атмосферы свадебного бутика, но, тем не менее — она была здесь.

— Вам что-то подсказать? Я могу быть чем-нибудь полезна? — Ева слишком долго рассматривала девушку, пока низкий женский голос не прервал её размышлений, — Это мамин магазин, но сегодня она занята делами, и я её подменяю. Мы не так давно открылись и ещё не наработали клиентуру, но товар у нас, уверяю, самого лучшего качества. Вы искали что-то конкретное? — девушка обошла вокруг и как-то загадочно улыбнулась, точно та была не просто самой желанной посетительницей магазина, а по меньшей мере — почетной гостьей на знаменательном великосветском мероприятии, от чего холодок прошел по спине Евангелины, заставив её обнять себя за плечи и размять пальцами мышцы.

— Да я только подвязку голубую смотрела, — темноволосая продолжила оценивающе разглядывать рыжую Евангелину, что девушка поспешно отвернулась в сторону витрин с аксессуарами, — Ну, знаете, как это — что-то новое, что-то старое, что-то заимствованное и что-то голубое...

— О, мне ли не знать! — девушка в черном беспечно отмахнулась, — Сами понимаете — у нас тут только и разговоров, что о свадебных суевериях и проблемах выбора у невест, — она дружески похлопала рыжую по плечу, ослепительно улыбнувшись, — Знаете, а ведь я тоже скоро замуж выхожу. Хотите предложу вам отличный вариант, и с хорошей скидкой? — ей в голову пришла великолепная, по её мнению, идея, и она ухмыльнулась своим мыслям, — В обмен на маленькую услугу? — она искушающе понизила голос, — Не могли бы вы примерять моё платье, чтобы я посмотрела, так сказать, со стороны? А маме так и скажу, что вы мне очень помогли, и я не могла не отблагодарить.

— Да я пока не собиралась покупать, — Евангелина смущенно улыбнулась, что заставило темноволосую театрально вздохнуть:

— Ну, пожалуйста, — отличная актриса, она взяла девушку за руку, невинно хлопнув глазами, — Помогите мне, как невеста — невесте, — очаровательная улыбка не сходила с её накрашенных темной помадой губ, — Вы же должны понимать меня, как ни кто другой.

— Ну, только если уж вы так просите... — Ева лишь беспомощно развела руками под таким натиском.

— Да, сделайте мне такое одолжение, — брюнетка от радости едва не заплясала на месте, как ребенок, получивший долгожданный подарок на Рождество.

— Хорошо, если это не будет долго, — кивнула рыжеволосая, окончательно сдавшись. Взвизгнув, брюнетка хлопнула в ладоши, хитро сощурился глаза:

— Это не займет много времени, уверяю, — она протянула открытую ладонь, и Ева с

легкостью ответила дружеским рукопожатием, — И давай перейдем на ты — меня зовут Джина.

— А я — Ева, — улыбнулась рыжая.

— Ив, значит, — обе девушки рассмеялись, — Отлично, я сейчас вернусь.

И она вернулась довольно скоро — с упакованным в полиэтилен платьем, и платье это было бесподобным. У рыжеволосой девушки даже не нашлось слов, чтобы выразить своё восхищение тонкой работой по вышивке шелковой нитью и стеклярусом корсета и подола верхней юбки с необъятным шлейфом.

Когда Ева, выйдя из примерочной, появилась в нем в большом зале и несколько раз покрутилась перед большим зеркалом в антикварной раме, черноволосая восхищенно ахнула.

— Ну, как? Хорошо? — поинтересовалась Евангелина, и поспешила выразить свой восторг роскошью платья, заморожено рассматривая своё отражение, — Можешь даже не сомневаться — платье отличное, просто выше всяких похвал.

— О, да, — удовлетворенно протянула Джина, — Именно то, что нужно. Идеально, — она щелкнула пальцами, и платье точно начало жить своей собственной жизнью, вплетаясь своими нитями в собственную кожу Евангелины.

— Что происходит? — зеленые глаза Евангелины испуганно расширились, — Мне больно! Помоги мне, Джина. Прошу... Останови это, я задыхаюсь, — она беспомощно повернулась в сторону Джины, протягивая дрожащую руку.

К удивлению девушки, черноволосая не спешила помочь, наоборот — её лицо светилось какой-то пугающей ухмылкой, выражавшей удовлетворение:

— Глупая самка! — расхохоталась брюнетка, — Так и было задумано с самого начала. Одурачить тебя оказалось проще простого — такая наивная человечка. Твоя жизненная энергия подпитает меня, а потом тыполнишь мою коллекцию манекенов, — и до девушки с ужасом дошло, что так напугавшее её сходство манекенов с примерявшими платья девушками — вовсе не было простым сходством.

— Низко и подло — играть на прекрасном чувстве любви, разбить девичью мечту накануне свадьбы с любимым человеком, — её подруги появились на пороге магазина как раз вовремя, когда Ева почти уже потеряла сознание, — Мы своих в обиду не дадим, и не можем позволить и дальше обижать нашу подругу. Моя бабушка на таких, как ты, насылала порчу в наказание — может, быть, и мне попробовать? Руки у меня так и чешутся, — не сдержавшись, Маргарита первая подала голос, пока подруги бросились к Еве, пытаясь ей помочь — под ядовитый смешок Джины.

Но они не успели ничего сделать, как их тела опутала настолько прочная паутина, стягивавшая грудную клетку, что, как ни пытались они освободиться, у них не выходило.

Заметив лежащие на столе ножницы, Даниэлла приложила максимум усилий, чтобы пододвинуть их ближе к краю, пока те не упали на пол — по счастливой случайности без шума — на мягкий шлейф одного из свадебных платьев. Ещё немного — и Златовласая пододвинула их ещё ближе к Евангелине.

Рыжеволосая не растерялась — подцепила пальцами за кольца ножниц, и одного смыкания лезвий с клацающим звуком оказалось достаточно, что сделать необходимый разрез и ослабить хватку адского наряда.

— Спасибо, девочки — ваша вера придает сил и мне, — слезы моментально высохли на щеках рыжеволосой, — Я не такая наивная, уязвимая и слабая, чтоб ты знала. Я не настолько хрупкая и незащищенная, — её горящие справедливым негодованием глаза цвета лесных болот

метали яростные молнии.

— Не так быстро, дорогуша, — между пальцами Джинны сплеталась новая паучья сеть.

— Что здесь...? — в помещение вошел Питер — и застыл на месте, пораженный увиденным.

— Питер, нет! — рыжая оттолкнула его, не давая попасть в ловчую сеть.

— Превосходно, — темные глаза хищно загорелись, — Он дорог тебе. Тогда смотри, как дорогой тебе человек станет моим, и ты ничего не сможешь поделать, — она ласково улыбнулась, — Подойди, человек, — она протянула свою бледную руку с маникюром черного синего цвета с россыпью серебристых страз, — Я сказала — иди сюда! — с досады она требовательно топнула ножкой, сменив улыбку злобным оскалом.

— Девушки, уходите, я задержу её, — парень протянул руку к стоящим на подоконнике цветам в керамических горшках — и стебли их разрослись, стелясь по стенам и полу, всё плотнее оплетая девушку в черном.

— Задержишь? Ты? МЕНЯ? — один за другим, Джина справлялась со стеблями, но они существенно затрудняли её движения, — А мне нравится твоя смелость, человек. Не бойся меня — я умею быть такой нежной, что со мной ты быстро забудешь свою девчонку, — это противостояние пока ещё забавляло её.

— Вы ещё здесь? — Питер обернулся к ошарашенным девушкам, — Я же сказал вам уходить.

— Они не уйдут, пока я не отпущу их, — одним рывком девушка освободилась от связывавших её растений, — Но тогда они уже не будут в состоянии самостоятельно передвигаться.

— Да уходи те же! — снова прикрикнул парень, — Ты отпустишь их, если я останусь? — обратился он уже к черноволосой.

— Кроме того, что хорош, ещё и благороден, — страстно рассмеялась черноволосая, — Ты мне всё больше нравишься, Питер. Только, что скажет на это твоя невеста? — потом она понимающе покачала головой, — Ах, прошу прощения, она уже не захочет быть твоей невестой, да и тебе самому не нужна будет ни какая другая женщина, кроме меня.

Тут уже не выдержала Евангелина:

— Ветра нашептывают мне, что я не должна сдаваться. Я могу за себя постоять и не позволю помыкать чувствами любимого мною человека. Я ни на секунду не усомнилась в его любви — и то, что ты используешь свою магию, чтобы очаровать его — лишнее тому доказательство. Предки моей семьи продолжали любить друг друга и в ужасах войны, не страшась смерти — и я не буду бояться отстаивать свою любовь, — она скрестила руки над головой и подкатила глаза, от чего за окном серые облака начали сбиваться в тяжелые грозовые тучи.

Порывы ветра, врываясь и выбивая со звоном огромные витринные стекла, доносили громовые раскаты, а небо периодически взрывалось слепящими яркими вспышками молний:

— Да грянет гром! Да взметнутся молнии! — она развела руки в стороны, и между пальцами заплясали разряды накапливаемого из воздуха электричества, — Эту сказочку придется переписать — принцесса не станет дожидаться защитника, а сама спасет своего принца.

— Ой, ли! — злорадная ухмылка исказила красивое лицо Джинны, — Со мной соперничать вздумала? — она звонко рассмеялась, — Ну, же, мои хорошие, проучите этих нахальных смертных! — одного умелого паса руками оказалось достаточно, чтобы

наводнить выставочный зал свадебного бутика пауками — жутковатый контраст, не находите?

— Бог мой! Пауки! — девушки прижались друг к другу как можно ближе, в поисках защиты прячась за широкой спиной Питера, — Да сколько же их здесь?!

— Пережив тяжелый период, Питер осознанно принял решение связать свою жизнь и судьбу с жизнью и судьбой этой девушки. И они — не просто: мой брат и моя подруга, и даже будь они просто нашими знакомыми, мы не оставили бы их в беде и не позволили бы насмеяться над чистыми чувствами влюбленных и разрушить их счастье, — вышла вперед златовласая.

— Ну, всё! Мы начинаем терять терпение, — между пальцами Евангелины заходили электрические разряды, а с ладоней Маргариты посыпались искры, поджигая паутину и пауков вокруг.

— Так вы не страдаете арахнофобией? — девица щелкнула пальцами, и на её зов из всех щелей появились полчища скорпионов и змей, — Пауками вас не испугать, да? А как насчет скорпионов и кобр? Их боятся все. Укусы их бывают весьма болезненны, а их яд убивает настолько мучительно, что каждая секунда покажется вам вечными страданиями преисподней.

— Ах, вот вы где, — двери свадебного салона распахнулись, и на пороге появился Джон, нахмуренно осматриваясь по сторонам, — Что?... Я точно предчувствовал, что вы попадете в историю, — маленькая брюнетка сразу же устремилась в его спасительные объятия.

— Да, чтоб мне воскреснуть! О, мой Ра! Нет! — Джина стремительно начала отступать, энергично замотав головой, пока не споткнулась, продолжая отползать, пока не уперлась в стену, — Только не снова! Только не во тьму! Я столько тысячелетий провела во тьме, я больше не вернусь туда! Осирис, пощади, повелитель! — в её глазах горел подлинный страх, она даже позабыла о своих змеях и скорпионах, замерших в ожидании её дальнейших приказаний.

— Ты?... — выражение изумления так и застыло на смуглом лице мужчины, — Как ты меня назвала?

— Внешность может измениться с течением тысячелетий, но сущность остается неизменной, — девушка заметила его растерянность, и немного осмелев, поднялась, отряхивая одежду, — Сущность — это то, что остается незабываемым. Как пески могут поглотить города и поселения, скрыв их от посторонних глаз до той поры, пока не настанет час разгадать сокрытое.

— Как гласит песнь арфиста — оставь свою печаль и думай о радости, не позволяя грусти завладеть твоим сердцем, проводя на земле отмерянный богами час. Как реки впадают в моря, так человек плывет по водам жизни, и как долго бы он не плавал — рано или поздно ему суждено причалить. И когда дни его будут подсчитаны, предстанет он пред очи на суд Осириса, и взвесят сердце его на весах правосудия. Тому, чье сердце не отягощено грехами, бояться нечего, — Джон прикрыл рот руками, неуверенно глядя вокруг, — Но, как? Чьи это слова? Почему они мне знакомы?

— Эти слова принадлежат тебе, повелитель, — девица гордо выпрямила спину, изучая взглядом этого мужчину, желая убедиться, что это действительно тот, о ком она говорила, но ошибки быть не могло, слишком сильна была его аура, и его глаза, в которых читались судьбы мира, — Неужели не помнишь?

— Как твоё имя? — наконец спросил мужчина, начиная мучиться от нарастающей головной боли.

— Джендэйи, что с египетского означает «благодарная» — такое имя получила я при рождении. Много воды утекло с тех пор, и берега Нила стали уже совсем другими, — с достоинством произнесла она, — и теперь меня зовут Джина. Моё имя стерли со всех царских картушей, чтобы даже памяти обо мне не осталось, и чтобы моя душа вечно скиталась, не находя успокоения, — и она начала повествование о своей жизни, — Я родилась в счастливом царстве, где властвовали добро и справедливость в дни благоденствия под управлением законного владыки — моего отца, принесшего годы процветания в долину Нила. Я была единственной его дочерью — отрадой и любимицей, не знавшей отказа ни в чем. Меня и мать он почитал наравне с богинями. Вместе с тем, над этой благодатью сгущалась тьма, и даже в самый ясный день может грянуть неожиданная буря. Жрецы не желали терять даже толику своей власти, но им следовало торопиться, пока фараон не объявил имя своего приемника и моего супруга. До моего совершеннолетия оставалось несколько лун, и тогда они решились действовать. Мои родители были отравлены. Умирали они медленно — по прошествии почти двух лун. Со стороны казалось, что царь с царицей слегли от неведомого недуга. Я поначалу так и думала, пока случайно не подглядела, как жрецы переиначивали распоряжения отца, трактуя их в свою пользу, а он был так слаб и так им доверял. Моя мать умерла первой — отец об этом так не узнал, скончавшись следующим днем. В тот день для меня навсегда погас божественный свет Ра, и я больше не видела солнечного света. Ещё утром, несмотря на боль от потери, во мне оставались надежда и вера в людей, но вечером того же дня Верховный жрец явился в мои покои, объявив мне волю богов, как он утверждал — стать его супругой, открыв ему путь к власти. Такого просто не могло быть! — на этой фразе голос её дрогнул до высоких нот, — Боги не могли быть столь жестоки. Так я и ответила ему, и тут-то он и раскрыл свои истинные намерения. Он пригрозил мне в случае отказа, отправить меня вслед за родителями, что меня в живых оставили лишь потому, что это вызвало бы подозрения и народные волнения, а так всё выглядело бы законно: безутешная принцесса, растерянная маленькая девочка ищет защиты у мудрых и могущественных жрецов, с предводителем которых основывает новую династию... Позору я предпочла смерть, убив себя на глазах у этого мерзавца, — она с вызовом осмотрела присутствующих, — Ну, же, начинайте осуждать меня за то, что смалодушничала! А что я могла? Я осталась одна против власти и коварства. Я подумала, что пусть уж лучше взбунтуется народ и увидит их неприглядный облик. Тогда, возможно, они выберут нового правителя, достойного. Пусть всё решит воля народа и благосклонность богов, — дальше она перешла на шепот и опустила глаза, — Я не была удостоена чести царских похорон. Меня объявили предательницей и отравительницей собственной семьи, а моё имя стерли из истории — такова была плата за моё слабодушие.

— Какая печальная история, словами не передать, как я сочувствую тебе, — Маргарита протянула руку, и девушка медленно подняла голову, несмело улыбнувшись.

А Маргарита, между тем, продолжила:

— Ты поступила так потому, что была напугана и одинока, — она обвела рукой стоявших рядом с ней, — Но, посмотри на нас — мы не желаем тебе зла. Ты первая на нас напала, мы только защищались. Мы не причиним тебе вреда, если ты отзовешь скорпионов и змей. Хорошо? — легким кивком друзья высказали свое согласие, и Джине сделалось вдруг так легко, точно солнечное тепло пробилось сквозь могильный холод саркофага.

Девушка нахмурилась, недоверчиво рассматривая маленькую брюнетку, вытянула вперед руку, обведя контур её лица, потом положила ладони ей на лоб:

— Возможно ли?... — убрав руки, Джина долго исподлобья смотрела на Маргариту, потом озадаченно прошептала, — Я чувствую, что ты не лжешь. Будь у меня тогда такие друзья, я непременно нашла бы в себе силы бороться. Жаль, что уже ничего не исправить, — невольный вздох вырвался из её груди.

— А я мог бы что-нибудь сделать? — поинтересовался смуглокожий мужчина, но тут же схватился одной рукой за плечо Маргариты, другой сжимая голову, раскалывающуюся от боли и накативших воспоминаний, образов и голосов. Он снова ощутил зной жаркого дня, горячий песок под ногами и горячий пустынный ветер в лицо. Сбор зерна, бойкая базарная торговля, военные походы, молитвенные обряды жрецов и соблазнительные движения танцовщиц в хороводе. Звон металла, звуки тысяч шагов и сотен голосов, запах сбродившего хмельного пива, свежего хлеба и цветов лотоса. Всё это, словно застало врасплох все рецепторы, натянутые как тетива египетского лука.

Выдержать такое было не под силу даже ему.

Мужчина выпустил руку Маргариты, опустившись на колени и обхватив голову ладонями, потерявшись во времени и пространстве, он уже не понимал, кто он и где находится. Перед глазами всё плыло, зрение потеряло ясность, чужие чувства, мысли и голоса врываются в его сознание.

Позабыв о Джине, друзья обратили свои взоры на него, и было чему пугаться — он был рядом с ними, и в то же время — бесконечно далеко от них.

— Жан! — отчаянно закричала Маргарита, обхватив его бившееся в судорогах тело, — Очнись! Вернись к нам! — но он не реагировал на её слова, потеряв сознание, — Жан, если ты хотел выдержать эффектную паузу, то это просто невыносимо, — никто из стоявших вокруг него просто не мог в такое поверить, что они видят Джона настолько беспомощным.

— Даже такому, как он, тяжело выдержать бремя прошлых воплощений, — подала голос, до этого стоявшая в тени, Джина.

— Жан, держись, — Маргарита разминала его безвольные пальцы, — Когда-то ты помог мне справиться, ты сильный, ты сумеешь, — и каждый думал о том, что значит этот человек для каждого из них, что они пережили вместе с ним, кем были до встречи с ним, и как эта встреча изменила их, как он любил и ценил каждый миг этой жизни, а теперь он умирает у них на руках, — Ему можно как-то помочь? — задала вопрос, но никто из них не мог дать ей на него ответа.

Питер поддерживал Джону голову, а Даниэлла безуспешно пыталась исцелить его, используя свой дар, в то время, как Евангелина утешала малышку Маргариту.

— Правда, есть один способ. Я бы могла кое-что сделать, — пробормотала девица, видя, как убивается эта маленькая темноволосая девушка и те, кто был с ней — не обращая ни к кому конкретно, задумчиво глядя перед собой, перебирая пальцы, ей и самой стало вдруг так тоскливо от одной мысли, что он никогда больше не откроет свои глаза, — Но для этого нужна красная охра, а у меня её нет... — Джина погрузилась в раздумья, потом внезапно встрепенулась, — Хотя... Это будет даже лучше, и должно помочь, — она махнула рукой в сторону живности, — Давайте, идите, мне предстоит работа, — и вызванные ею твари уползли.

— Ай! Ты что задумала? — маленькая брюнетка возмутилась, когда она подошла к нему и взяла его за руку, — Не трогай его! — Маргарита хотела остановить бесстыдницу, но силы

были не равны вследствие слабости, вызванной беременностью.

Глаза Маргариты расширились от ужаса, когда они увидели, как девушка протянула руку к игольнице и вынула одну из булавок, уколоч ею палец мужчины — и всё это она проделала настолько быстро, что её не успели остановить.

— Отойди! — Джина бесцеремонно убрала её руку, не обращая внимания на протесты Маргариты, — Не мешай мне, — расстегнув его рубашку, она со всей тщательностью принялась выводить на его груди его же собственной кровью древние письмена, заключенные в царский картуш, — Я должна сосредоточиться — прошло много времени, и я так волнуюсь, чтобы не ошибиться и ничего не перепутать. Мне нужно в точности воспроизвести имя Осириса — ошибка может стоить ему жизни.

Нарисованные на теле знаки стали бледнеть, начиная впитываться в кожу. Джон несколько раз глубоко вдохнул и шумно выдохнул, открывая глаза:

— Где мы? — он огляделся вокруг, голова всё ещё болела и плохо соображала, глаза резало, горло першило, — Что со мной было? — он прокашлялся, усиленно растирая виски.

Маргарита от радости готова была задушить его в своих объятиях, но вовремя сдержала свой порыв, видя его бледное растерянное лицо, взяв его под руку, пока Питер помогал ему подняться.

— Спокойно, спокойно, — когда Джине удалось обратить на себя их внимание, она продолжила, — Слова подобны песку в пустыне, — она изобразила жест, будто перебирает песок между пальцами, — подвластные всем ветрам, — она подула на ладонь, изображая ветер, — но священные имена незыблемы, как пирамиды в Долине Царей. Ты ещё слаб, а знак великого Осириса будет оберегать тебя. Он написан твоей кровью. Впитываясь, кровь к крови, он даст тебе сил, — она вещала, а они внимали её словам.

— Позволю себе не согласиться с твоим высказыванием о словах: человек должен нести ответственность за сказанные слова, равно как и за свои поступки, а царское слово — тем более, должно быть тверже гранита. Ты со мной согласна? — он слабо улыбнулся, выжидающе посмотрев на неё, и Джина непроизвольно улыбнулась в ответ, — Благодарю, что помогла мне, — мужчина подмигнул, а Джина покраснела и опустила глаза, — Ну, и как ощущение, когда совершила нечто важное? — хитро прищурился Джон, тогда и ребята переключили всё своё внимание на неё, от чего Джина гордо выпрямилась.

— Не сравнимое ни с чем, повелитель, — на одном дыхании выпалила девушка, радостно кивнув, и, набравшись смелости, предостерегающе продолжила, — Ты так же наивен и доверчив, каким был мой отец — будь осторожен, я ощущаю, как тьма сгущается.

— А вот, на улице, похоже — наоборот, снова сияет солнце, — Маргарита сощурилась от яркого света, залившего помещение, — Всё это было похоже на кошмарный сон. Я чуть не потеряла тебя, Жан! — спрятав лицо на груди мужа, она протерла руками глаза, делая вид, что слезятся они у неё исключительно из-за слишком сильного солнечного света, — Спасибо, Джина, от всего сердца — спасибо! — успокоившись, Марго не забыла высказать свою благодарность девушке, спасшей дорогого ей человека.

— Это знак благословения богов, — Джина указала рукой на окно, — Моя просьба — хранить и оберегать, услышана Великим Ра, — Но почему же тогда раньше он оставался глух к моим мольбам? — она отвернулась и шумно втянула носом воздух, часто-часто заморгав.

— Дай мне свой амулет, — под одобрительные улыбки Даниэллы, Маргариты, Питера и Евангелины, Джон решительно протянул девушке руку.

Джина несколько минут робко смотрела на него, пока не наклонила медленно голову,

сняв с себя украшение в виде картуша со стершимися иероглифами своего имени.

В его руках письменна снова проявились, а за спиной Джинны пространство изменилось, явив живописный солнечный берег с чистым песком, прозрачной водой, диковинными растениями и невиданными птицами.

— Что? Что происходит? — девушка крепко сжала в руках возвращенный ей талисман, — Он теперь восстановлен, спасибо, повелитель! — она снова надела его на шею и несколько раз покружилась, пританцовывая.

— Ступай с миром, Джендэйи, — кивнул Джон, — Твой челн, украшенный гирляндами и цветами лотоса, ждет тебя.

Ступив в пространственный разрыв, Джина изменилась — теперь это была дочь Египта, принцесса Джендэйи, в нарядном украшенном парике и праздничных одеждах, в которых не стыдно предстать перед богами, благоухая экзотическими ароматами.

— Клянусь всеми песками Египта, моя благодарность будет такой же чистой и безграничной, как воды священного Нила! — она хлопнула в ладоши и церемонно поклонилась — Прощай, повелитель, прощай, Питер, прощай, Ив, прощайте все, — ступие на дивный берег, она последний раз обернулась, — Не бойся своего прошлого, повелитель, научись черпать из него силу — она тебе скоро понадобится. Тебе предстоит ещё много испытаний, но если нужна будет моя помощь — я поделюсь своей силой. Египетская армия слыла одной из лучших в древнем мире, её воины прославлены отвагой и преданностью — и она будет в твоём распоряжении, когда придет час.

— Прощай! — благосклонно улыбнулся мужчина.

— Джина, можно у тебя спросить? — Маргарите сложно было решиться, но любопытство пересилило.

Девушка остановилась, обмахивая себя сорванным у берега листом папируса, жестом разрешая Маргарите продолжать:

— Спрашивай, дитя, — любезно дозволила принцесса.

— Скажи, а как ты оказалась здесь? Египет, ведь — это же так далеко от Франции, — ей, и в самом деле, это было очень интересно.

Уже садясь в лодку, Джендэйи снисходительно усмехнулась:

— Глупенькая, у вас сейчас проходит выставка Каирского музея — вот так я тут и оказалась, — и остальные рассмеялись вместе с ней, а Марго удовлетворила свой интерес.

Они видели, как лодка отчалила от берега, исчезая вдаль, пока и само искажение пространства не восстановилось, а заключенные в манекенах девушки пришли в себя, не помня, что с ними случилось и каким образом они оказались в этом месте.

Мужчины помогли им покинуть магазин, который впоследствии будет закрыт и выставлен на продажу. И кто бы вы думали, его купил? Джону удалось уговорить Ондзи потратиться на покупку этого помещения для нового салона мод.

Но всё это будет несколько позже, а пока что они с удивлением взглянули на часы и вынуждены были поторопиться, если хотели успеть составить доктору компанию в перерыв на обед, по пути выслушав от мужчин серьезное внушение о том, что это было так безрассудно с их стороны — подвергать себя опасности в угоду любопытству, ведь, куда разумнее было бы дожидаться их и идти вместе. А ещё — их не покидало чувство тревоги, уже не первый раз им пророчат испытания и опасности.

Они даже не догадывались, что на другом конце города Лаура уже готовит для них ловушки, полные соблазна, решив прямо этим вечером начать своё представление.

03. Искушение

Лаурита захлопнула большой старинный фолиант, поправила кружева на своем платье, нетерпеливо и требовательно хлопнув в ладоши:

— Тристана, Винтер, вы нужны мне!

По её зову в комнате явилась девушка с гладкой кожей невероятного черного цвета с легким оттенком синевы, точно она выкупалась в чернилах, что эффектно подчеркивали ровные белоснежные волосы длиной до колена, собранные в высокий толстый хвост. В её аметистовых глазах читалось неодобрение, но она вынуждена была повиноваться:

— Чего пожелает Отыскавшая? — сдержанно поинтересовалась она.

— Рада видеть тебя, Тристана — Лаура указала рукой на место подле себя, — А вот, ты, кажется, не разделяешь удовольствия от нашей встречи, — очаровательно улыбнувшись, не скрывая своего превосходства.

— Моё дело — служить Отыскавшему, — призванная оставалась невозмутимой, а её поклон — исключительно грациозным, — Об остальном мне думать не положено.

— Верно говоришь, — одобрительно кивнула девочка, — У меня есть к вам дело. Хочу проверить, чего стоят Хранители. В них слишком много человеческого — человеческих слабостей и страстей. Их нужно только подтолкнуть, и они совершат непоправимое. И тогда они перестанут быть Хранителями, а чувство вины за содеянное уничтожит их изнутри. Дождемся Винтера, и я вам объясню вашу задачу.

Марк стоял и смотрел через открытое окно кухни на задний двор, причудливо смотревшийся в вечерних сумерках. С улицы доносилось благоухание чайных роз и чьих-то сладких сигар. За его спиной послышались шаги, и парень обернулся: перед ним стояла Маргарита.

— Поцелуй меня, Марк — ты ведь хотел этого, не так ли? — плавной походкой она подошла к нему, обдав ароматом своих духов, и положила руки ему на плечи, — Я хочу познать, каково это — быть любимой тобой, — как бы случайно, убрав одну руку с его плеча, она зацепила пояс своего шелкового халата, и он неслышно соскользнул на пол, так же легко соскользили широкие рукава халата, и тонкие бретельки сорочки, обнажив часть груди, — Ты ведь хотел этого?...

— Не искушай меня, — с трудом хрипло выдавил юноша, подойдя вплотную к ней: одурманивающий букет её парфюма, в котором он тонул, влекущее и желанное молодое тело под тонкой тканью пеньюара, что готова ему предложить... Сохранять самообладание было бесконечно тяжело — страсть и вожделение боролись в нем с настоящим чувством. Раньше он бы непременно, без малейшего сожаления, воспользовался бы столь щедрым даром, так что же останавливает его сейчас? Не этого ли желал он ещё не так давно? Или давно? Когда-то он готов был на всё ради обладания ею, так что же изменилось? Когда-то он мечтал видеть, как её губы опухнут от его поцелуев, и тело её будет содрогаться от острого наслаждения под его ласками. Ведь это как исполнение мечты — то, что сейчас происходит... Или мечта у него теперь другая?

— А ты против? — она взяла его за руку, обольстительно подняв на него глаза, — Давай забудем обо всём — и будь, что будет.

Он, до судорог во всех мышцах, напряженно всматривался в эти глаза, наклонился, задержавшись у самого её лица — несмотря на теплый вечер, сейчас его колотил озноб, и

сердце, казалось, остановилось, и он забыл как дышать, неуверенными и скованными были движения его грудной клетки:

— Только не так! — он резко отстранился от неё, развернувшись лицом в сторону окна, — И только — не с тобой! Настоящая Маргарита никогда бы не поступила таким образом, причиняя боль сразу четырем людям, — помимо Джона, ему вдруг вспомнилась Мей — эта дерзкая, непостижимая и притягательная азиатка, он понял, что не хочет и не сможет предать её чувства — она приняла его таким, какой он есть — со всеми его крайностями, со всей его резкостью, она была прямолинейна и бесхитростна в своём обожании, — Ты — не она... Прими настоящий Облик и назови своё имя! В таком виде я не желаю продолжать разговор.

— Как пожелаешь, — на месте Маргариты теперь стояла другая: с эбонитово — черной кожей и длинными белоснежными волосами, аметистовыми глазами с интересом изучая его, — Я — Тристана. Но, как ты?...

— Твой парфюм — даже одинаковые комбинации ароматов на разных людях дают разный эффект, и твои глаза — в них нет тепла этой женщины, — спокойно пояснил он, — Меня не провести такими трюками.

— А ты любопытный экземпляр. Пытаться управлять сном — не каждый способен, — она смерила его заинтересованным взглядом, — Мне сказали, что с тобой будет легко, но, я вынуждена отказаться от этого задания. Прощай, Марк. Интересно было познакомиться с тобой. Ты напомнил мне о том, что значимо в этой жизни — я не хочу больше ни кому служить. Я хочу быть свободной, хочу следовать своим путем — и я улыбнусь тебе при следующей встрече, если наши дороги пересекутся.

— Ну, спасибо, — облегченно усмехнулся Марк, — Я даже, кажется, догадываюсь, кто тебя подослала. Скажи, хоть, кому я имел честь помочь?

— Я — джинния. Только не надо таких удивленных глаз — да, мы сродни джиннам, но, и нам иногда нужна помощь. Я была не права, и ты показал мне это. Но я должна служить Отыскавшей — таковы незыблемые правила.

— И тебе не хотелось быть свободной? — спросил Марк, заставив её призадуматься.

— Этого может пожелать только Отыскавший, однако люди слабы и эгоистичны — никто и никогда не пожелает подобного, — она вздохнула и улыбнулась грустно и устало, — но спасибо, что поинтересовался. А ты поразмысли над тем, чего ты хочешь на самом деле, — она подмигнула юноше и исчезла, оставив его во власти дум, если бы он мог, то обязательно пожелал бы свободы для неё.

— Лаура, покажись! — проснувшись, юноша подскочил на своей постели, мысли хаотически путались в голове, дыхание было трудным и сбивчивым, лицо было покрыто испариной, пальцы вцепились в простыню, — Покажись, Лаура! — хрипло закричал он.

— А кто это тут у нас? — она материализовалась по его зову и медленно прошла вокруг кровати, нежно проведя рукой по его волосам, — Наш малыш Марк, бедный мальчик, лишенный родительского тепла и ласки... Но посмотрите теперь — как вырос, как возмужал. Последний раз, когда я тебя видела, ты выглядел не лучшим образом, а сейчас — засмотреться можно, какой красавец стал! Твоя мать могла бы гордиться тобой — ты же у нас ещё и знаменитость, — она задержала свою руку на его ладони,

— Не смей говорить о моей матери — не заслужила! — не сдержался он, резко отдернув руку.

— Спокойно, мальчик, спокойно! Тебе, я вижу, не понравился мой подарок —

Тристана, чертовка подвела меня. Это была всего лишь иллюзия, мой дорогой, но, я могу воплотить её в жизнь. Мне лишь нужна твоя верность — и я сделаю твои фантазии реальностью. Подумай, а ты хотел бы снова увидеть мать? — и от этих слов резануло, как от удара острого ножа, — Я не всесильна, но могу быть благосклонной к тем, кто верен мне.

— Боюсь, тут ты просчиталась, — он окинул её презрительным взглядом, — Я не попадусь на твои уловки, не для того моя мать отдала свою жизнь, чтобы я даже в мыслях мог не опасаться тебя. У тебя нет власти надо мной, слышишь, Лаура! Я не предаю веру тех, кто не бросил меня, когда мне было тяжелее всего. Я, скорее, предпочту сдохнуть, чем служить тебе.

— О, это всегда успеется. Хмм, в самом деле... — расстроено протянула девочка, — Да, кажется, тут я допустила досадную ошибку — в твоём сердце теперь другая — я не учла этого.

— Да что ты об этом можешь знать? — раздраженно фыркнул парень, — Ты же ненавидишь и отрицаешь всё человеческое.

— Намного больше, чем тебе кажется, — примирительно улыбнулась Лаурита, — В этот раз я вынуждена отступить — спокойной ночи, милый! Подумай над моими словами — определись, наконец, кого из них двоих ты любишь, и передай этой девочке моё восхищение — сама того не зная, она спасла тебя. Они обе сегодня тебя спасли.

— Только попробуй им что-нибудь сделать! — твердость его голоса подкреплялась стальным блеском его глаз, — Не советую впредь со мной встречаться — ты знаешь, чей я сын. Хоть я и полукровка, во мне достаточно силы, чтобы противостоять тебе.

— Как ты мил в своей наивности — думаешь, тебя защитит твой отец — Охотник или дух твоей матери? — её губы изогнулись в приторно — ласковой ухмылке, — Не думаю... Если я чего-то захочу, то я это получаю — без исключений.

— Сгинь! Не доводи до греха, — рука Марка самопроизвольно сжалась в кулак, от тона её речей пробирало могильным холодом.

— Всё-всё, меня уже нет, — Лаурита подняла руки в знак примирения, — И должна заметить тебе, что не очень вежливо прогонять леди, тем более, если сам позвал, — она обиженно надула свои пухлые детские губки.

— Нет, Лаура, ты не леди, — он отрицательно покачал головой, — Я уже жалею, что позвал тебя. Но ты подтвердила мои догадки, так что я дольше не желаю видеть тебя.

— Как скажешь. Сладких снов, красавчик! — напоследок, сладко проворковала она, поцеловав холодными губами его лоб, прекрасно понимая, что ни о каком спокойном сне для него, по крайней мере, в эту ночь, не могло быть и речи.

Марк прошел на кухню и открыл окно — как мало неба, как много звезд! Он попытался налить себе виски, его руки дрожали. Отпил глоток, однако удовлетворения не получил — выпивка лишь неприятно обожгла горло, но показалось, что обжег и душу. Остатки он без сожаления вылил в раковину — и как только пьют эту гадость?!

Эту ночь парень повел на лоджии — считая звезды и прислушиваясь к себе, пряча в глазах боль и усталость — сегодня его спасла любовь, только — к кому? Ему ещё ни кто не признавался так в любви, как эта девушка с раскосыми глазами — так в её ли объятиях суждено ему найти утешение и залечить раны? Почему он опять вспомнил о ней? Потому, что напомнила Лаура, или потому, что сам этого хотел? Пусть надеждой бессмертной светится в душе любовь — вечный негасимый костер, сможет ли он зажечь его вновь? Сколько бы он не прятал своё сердце — оно с каждым разом всё громче зовет. Рано ещё

себя хоронить, вместо этого стоит дать себе шанс на новую жизнь, шанс стать счастливым. Пронести любовь через боль и освободить душу из добровольного заточения.

Он надел наушники и включил плеер — под звуки композиций его любимой группы "Океан Ельзи", которую полюбил ещё больше после личного знакомства с музыкантами. Ему с большим усилием удалось абстрагироваться от событий сегодняшней ночи и заснуть.

Что же — один раунд он выиграл — не стоит вешать нос, он сможет постоять за себя — абсолютно точно. А Лауре он сегодня, и правда, был совершенно искренне благодарен — она помогла ему понять самое важное.

И как же ему хотелось позвонить Мей, но в Японии сейчас была глубокая ночь. Или, скорее, раннее утро — он и не заметил, что засиделся почти до самого рассвета. А ещё так захотелось, чтобы снова приснилась мать — от таких снов ему всегда становилось легче, даже если сны эти были полны грусти.

Маргарита взяла чашку с пряным напитком из кофе-машины и только развернулась поставить её на кухонный стол, как, засмотревшись в окно, не заметила, что кто-то накрыл её руки своими. Девушка обернулась и уткнулась лицом в грудь Марка:

— Ох, ты снова напугал меня, Марк, — она подняла глаза на него и подкупающе улыбнулась, — Ты же не расскажешь об этом Жану? Правда? Он не одобряет моей страсти к кофе, — но, тот не собирался отпускать её рук:

— Ты всё так же не можешь отказать себе в кофе, — произнес он совсем близко, — Напиток терпкий и жгучий... — он отвел её руку с чашкой к столешнице, поставив на неё горячую чашку.

— Ты о чем? — Марго смотрела на него, смотрела и недоумевала, ей стало не по себе, — Я не понимаю тебя... — девушка отступила, не отводя взгляда от его серых глаз.

— Я больше не могу так... — он крепко сжал её в своих объятиях, — Я так устал скрывать... Что ты со мной сделала? Ты до сих пор сводишь меня с ума, — её тело сотрясала дрожь, но она могла ощущать, как сейчас дрожит и он, — Это невыносимо — видеть тебя каждый день, и не иметь возможности даже обнять тебя... Знать, что каждую ночь ты целуешь другого... Я не могу отключить свои чувства, просто щелкнув выключателем. Скажи, а тебе никогда не хотелось сравнить, кого ты променяла на НЕГО?... Вдруг бы я оказался лучше?

— Марк, теперь ты по-настоящему пугаешь меня, — Маргарита попыталась отступить, но его руки не позволили ей этого сделать, — Ты же обещал мне, — слабо пробормотала она, и показалось, вдруг, что в помещении перекрыли кислород, стало тяжело дышать, — Почему?

— Я так долго сдерживал себя... Прости меня, Маргарита, — он поднял её лицо на себя, не давая ей отвернуть голову. Он замолчал, но его глаза красноречиво кричали всем эмоциональным спектром.

— За что? — девушка удивленно смотрела на него и растерялась, пытаясь понять, что творится сейчас в его голове и в его душе.

— Вот за это, — она только и успела недоуменно моргнуть, как он уже целовал её, поглощенный лавиной чувств, сметавшей всё на своём пути, погребая под собой остатки стыда, — Твои губы слаще меда... Я люблю тебя, любил и всегда буду любить, — и поцелуй этот не был таким легким и свежим, как тогда, в их первую встречу при Темном Дворе, он был горячим и обжигающим, от которого сердце замирало и дыхание останавливалось, — Люблю тебя. Хочу — тебя...

— Пожалуйста, не надо, — когда он, сам шокированный своим поведением, отпустил девушку, не получив от неё ответного отклика на проявление своих чувств — глаза её были полны слез, — Подожди... Опомнись... Не разрушай то хорошее, что есть между нами, то хорошее, что есть в тебе. Ты потом будешь презирать себя, но, ничего не сможешь изменить... Я не могу так поступить — предать того, кого люблю. Жан доверяет мне, и я не собираюсь изменять ему — даже с тобой. А ты можешь? Как же Мей? Ты же равнодушен к ней. А она так сильно любит тебя — как она смотрит на тебя, как ловит каждый твой взгляд, каждый жест, каждое слово... Такой любви нельзя не разглядеть. Ей будет так больно... Ты променяешь настоящее счастье на призрачную иллюзию? Я не могу так... Я не хочу так... Я не буду стоять между вами — я не прощу себе, если вы будете несчастны — вы оба мне очень дороги. Прости меня, Марк, прости. Я люблю тебя не так, как тебе хотелось бы, но, я люблю тебя, и желаю тебе только добра. И её я люблю — я люблю Мей, даже когда она меня жутко ревнует к тебе. Не я — та, кто подарит тебе свою любовь. Вы заслуживаете лучшей судьбы.

— Не отталкивай меня, — он взял её за руку, пронзительно глядя на её испуганное лицо, — Признай, что и тебя тянет ко мне. Да, я обещал, что никогда без твоего дозволения... Проведи эту ночь со мной, позволь мне показать тебе, как я умею любить... Пусть на единственный миг — неужели ты ничего не почувствовала из того, что я вложил в этот поцелуй? Ничего не почувствовала ко мне?

— Говорю же тебе — НЕТ! — в это мгновение воздух сотряс звук пощечины, и время точно остановилось: и парень, и девушка замерли с одинаковым выражением ошеломления на лице — Маргарита ни как не ожидала такой развязки, а Марк не ожидал от неё такого решительного отпора, — Господи! Марк, прости, ради Бога, я не хотела... Но ты сам вынудил меня. Это не правильно... — она порывисто замотала головой, отступив, пока не уперлась спиной в дверь кухонного шкафа, — Нельзя заставить полюбить того, кто уже влюблен — в наполненный сосуд уже не налить — бесполезная попытка. И тебя это не сделает счастливым — ты любишь другую, — она с беспокойством дотронулась до его лба, — Ты не болен? У тебя нет жара? Ты... Ты сам не свой, — и тут её посетило озарение, — Вы... Вы — не Марк... — она вытянула вперед руки, дистанцируясь, — Кто вы такой? Не приближайтесь ко мне! Я закричу.

— Прошу прощения, мадам, что вынужденно ввел вас в заблуждение, — он опустил голову и, когда поднял её снова, то перед девушкой был уже не Марк, а незнакомый ей мужчина — чуть выше среднего роста, длинноволосый шатен с темно-зелеными, почти болотного оттенка, глазами, его аккуратная бородка была стрижена "под эспаньолку", от чего он походил на актера, сошедшего с исторического фильма про мушкетеров, — Я не встречал ещё такой женщины, настолько достойной восхищения. Вы так любите его, вашего мужа? Он — большой счастливчик, я ему уже почти что завидую, — улыбнулся он, галантно склонившись и поцеловав девушке руку.

— Кто вы? — она задала самый банальный вопрос, так как от шока ни чего иного не пришло ей в голову.

— Моё имя Винтер, мадам, — представился мужчина, — ещё раз приношу свои извинения за причиненное беспокойство.

— Ты что творишь? — внезапно, третьим, появившимся в кухне, оказалась Лаура, — Это что — бунт на корабле? Своевольничать вздумал?

— Разрешите заметить, госпожа, что я служу не вам, — он ободряюще подмигнул

девушке, — Я тут подумал, что, господин не будет в восторге от того, для чего вы используете его помощника.

— Ты слишком много думаешь, Винтер! — резко перебила она, — Твой господин служит мне — смею тебе напомнить. Вассал моего вассала — не мой вассал, не так ли говорили в средневековье? Напомни, чем тогда закончилась феодальная эпоха? — требовательно посмотрела она в его зеленые глаза, потом махнула своей маленькой ручкой, — Исчезни, пока я не вернула тебя в небытие, из которого ты вышел — дальше я сама, — мужчина недовольно поморщился, но, растворившись в воздухе, пропал, прошептав на прощание, что сожалеет о том, что не может повторить своих слов уже от собственного имени, сознавая всю ничтожность своих шансов на ответные чувства.

Потом Лаура повернула сияющее личико к Маргарите, стоявшей, изо всех сил вжавшись в дверцу кухонного шкафа, — Как поживаете, княгиня? — с напускным участием поинтересовалась она, — Вижу, самочувствие у вас не очень — этот мужчина напугал вас? О, прошу на этот счет не беспокоиться. Я пришла кое-что предложить.

— П-предложить? — попыталась выдать Маргарита, когда к ней вернулся дар речи, — Мне? Ч-что ты можешь мне предложить? — и, осмелев и успокоившись, добавила, — Лаура? Как ты оказалась в нашем доме? И почему я должна тебе верить? Ты же солжешь — не дорого возьмешь.

— Есть нечто, что вас совсем не обрадует. Это касается вашего сына, княгиня, — после этих слов Маргарита переменилась в лице, — Смотрите внимательно, а потом сами сможете оценить великодушие моего предложения — это будет выгодно нам обоим. Возьмите меня за руку — и увидите то, что я в силах отвлечь, — девушка взяла ребенка за руку, и голова её закружилась, внутренности сдавило и накатила тошнота, и всё закрутилось перед глазами:

— Вы понимаете, о чем говорите?! — Джон встал перед Маргаритой, сверкая глазами в сторону бывших друзей, — Речь идет о моем сыне! Сначала вам придется иметь дело со мной, а это задача не из простых, уверяю вас. Я не желаю идти против вас, но вы не оставляете мне выбора — от созерцания этой сцены у девушки сбилось дыхание, ноги ослабели, она схватилась за руку Лауры, посмотрев на неё с выражением неподдельного ужаса.

— Если мой сын — чудовище, то, и я — тоже! — Маргарита решительно вышла из-за его спины, — Это же я — всё та же Маргарита. Посмотрите на меня! Раньше вы всегда доверяли мне, почему же теперь не верите, что у нас хватит сил изменить пророчество и отвести зло?

— Нет, я не верю... Такого не может быть... — обессилев, пробормотала Маргарита, снова оказавшись на своей кухне.

Она была настолько слаба, что просто уселась на полу посередине помещения, вцепившись пальцами в полы своего халата, и обращаясь то ли к Лауре, то ли — к самой себе, — Мои друзья знают, кто я и принимают меня такой, они примут и моего сына.

— А если не примут? — Лаура присела рядом, подав девушке платок, — Хотите проверить это? Хотите рискнуть жизнью тех, кто вам дорог?

— А что было дальше? — бесцветным голосом спросила Маргарита.

— Поверьте, лучше вам этого не знать, — совершенно серьезно ответила девочка, — Но — всего этого не будет, стоит лишь отречься от своей силы — добровольно и без принуждения. Я не могу отобрать её насильно, но, если вы сами откажетесь...

— Если я добровольно откажусь... — автоматически повторила Марго.

— Тогда ваш сын не унаследует той чрезмерной силы, что может подчинить его себе, и вам не придется противостоять друзьям, ваши муж и сын будут в безопасности — весь мир будет в безопасности... — Лаурита рассуждала спокойно и вдумчиво, и казалась сейчас намного старше своих десяти лет, точно, на лице её отпечатались все прожитые столетия, — Мне тоже не выгодна эта сила, поэтому я и готова помочь — всё просто.

— И тогда эта сила станет твоей? — Маргарита вопрошающе посмотрела на неё, — Нет... нет-нет-нет, — она вновь импульсивно замотала головой, — я не верю тебе...

— Что же, в таком случае мне очень жаль, что напрасно потревожила вас, княгиня, — Лаура прекрасно скрывала свою досаду за смиренной улыбкой, она была практически уверена, что сыграть на материнских чувствах и страхах девушки — беспрюирышный вариант, что должен был сработать безотказно не вызывая лишних проблем, — Время рассудит, кто из нас окажется прав. Однако, если вы передумаете, то я готова буду выслушать вас.

— Этого не будет никогда, — непреклонно возразила Маргарита, твердо взяв себя в руки, — Тебе лучше уйти, Лаура, пока я не разбудила остальных. Наша сила — часть нас самих, и только с её помощью мы можем защититься от таких, как ты. Я и сама могу видеть будущее и то, что нас ждет — и ни какие твои ухищрения не заставят меня отказаться от этого будущего и стать легкой добычей для тебя — и без своей силы я, тем более, не смогу защитить своего ребенка от тебе подобных. Так что — не стоит утруждать себя напрасным ожиданием, Лаурита. Даже, если твои намерения и были благими, я всё равно не поверю тебе, и, тем более, не обращусь к тебе за помощью — меня окружают достаточно близких людей, которым я безоговорочно доверяю, — и только после того, как Лаура удалилась, она дала волю слезам, кусая до крови губы и прокусывая пальцы, когда закрывала ладонями рот, пытаясь сдержать крики и стоны, вырвавшиеся из неё, а спустя минуту она уже плакала навзрыд, забившись в угол кухни и вытирая лицо полотенцем — в эту минуту она поняла, что быть сильной и казаться таковой — вещи различные... Сейчас ей, как ни когда, была необходима поддержка близких людей...

Маргарита с криком подскочила на постели, и, увидев рядом удивленного мужа, неистово обняла его, уткнувшись мокрым от слез лицом ему в грудь — это был сон, всего лишь страшный сон, уговаривала она сама себя, но, он был до того реалистичным, что всё её существо прошибло потом, сковало спазмом и нервной дрожью, сокрушая в прах последние следы здравого смысла каскадом накатившего страха от такой реалистичности... И Джон не осмелился ещё больше напугать её, рассказав, что и ему в эту ночь впервые приснился кошмарный сон.

Пока мы спим — враг не дремлет... Спи́те больше — изматывайте врага!

Оглядевшись по сторонам, Джон увидел, что стоит у перекрестка на мощеной мостовой, где расходились узкие улочки, напоминающие города старой Европы. Погода была промозглой и ветренной, что он сразу же ощутил, будучи без верхней одежды, в одной рубашке. Подняв голову, он увидел подгоняемые ветром тяжелые серые облака, давящие на подсознание предчувствием чего-то тяжелого и гнетущего, неотвратимо надвигающегося.

Тут его внимание привлек мальчик — совсем ещё подросток, не старше тринадцати лет, так удивительно похожий на него самого, каким он был в его возрасте: такая же смуглая кожа, такая же форма носа и бровей, такие же волосы — даже пробор точно такой же, с той лишь разницей, что глаза у ребенка были темно-серые, но при слабом освещении пасмурного дня они казались почти черными, как и у Джона.

Пока мужчина усиленно пытался совладать с обезумевшим сердечным ритмом, мальчик, точно не замечая его, заметил стоящий на остановке трамвай и поспешно побежал.

Не услышал мальчик, и когда Джон позвал его, не обернулся и тогда, когда мужчина повысил голос, видя, как ребенок вскочил на подножку, как показывают в старых, ещё черно-белых, фильмах.

Как Джон ни старался, догнать отъезжающее транспортное средство, но у него не получилось, не смог... Но он продолжал кричать, чтобы мальчик ни в коем случае не отпускал рук, пока не остановится.

Анри... Откуда он знал его и его имя? Просто знал, как знал свое собственное, как знал самого себя — родительское сердце не обмануло...

Так вот каким будет его сын? Неужели, как вот только что, так им и не суждено услышать и понять друг друга?

Джон никогда не был фаталистом, но сейчас от увиденного неприятный холод пробежал по спине. Ему отчаянно хотелось забыть этот кошмарный сон, но это оказалось не так просто. Переключив внимание на переживания Маргариты, пугающие образы исчезли сами собой, оставляя теплый свет родных глаз.

Как бы он справился с этим без того спасительного света? Сейчас он предпочел не думать об этом, всё ещё переживая волнение и нервную дрожь. Он услышал и увидел действительно леденящие душу вещи, и именно этот свет не дал ему сорваться в бездну.

А начинался сон ощущением райского блаженства — он стоял на балконе, с улыбкой окидывая взглядом Небесный Град в лучах закатного солнца. За спиной послышались легкие шаги, потом две нежные ладони легли на его глаза, окутывая знакомым амброво — апельсиновым запахом. И это не был любимый аромат Маргариты. Но эту женщину он также хорошо знал:

— Кали? — он мягко убрал её руки и обернулся, улыбнувшись, — Рад видеть тебя, госпожа.

Она наклонилась совсем близко к его лицу, заставив его вздрогнуть, когда коснулась губами его губ. Это было сродни извращенной мазохистской пытке — он помнил каждую её черточку, а тело охватил жар при воспоминании об обжигающе проведенных совместных ночах. И сейчас она оставалась столь же восхитительной, с такой же гладкой бархатистой кожей и такими же плавными изгибами тела, как и тогда, когда он потерял голову от страсти, и горячие ночи принадлежали только им двоим, отражаясь в колдовских изумрудах её глаз, обещавших бесконечное наслаждение.

— Я скучала за тобой, — томно прошептала рыжая — А ты? Ты скучал?

— Ты же знаешь, что да, — тяжело выдохнул он, безуспешно пытаясь выровнять ритм сердца и дыхания, плаваясь под тяжестью нахлынувших чувств, когда эта женщина была с ним.

— Ты не понял, — изящным пальцем она обвела его губы и подбородок, мягко развернув его голову лицом к себе, — Я осознала, как ошибалась, осознала, что не могу без тебя. Я была такой глупой, когда решила оставить такого мужчину, как ты. Никогда и ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой, — её речи были обволакивающими, а её взгляд — обольщающим, — А тебе? Может ли эта неопытная девочка надолго завладеть твоим сердцем?

— Что ты такое говоришь? — Джон слушал и всё же, не мог понять, как она говорит

ему такое, когда давно уже женой другому мужчине.

— Давай начнем всё с начала? — рыжеволосая, не обращая внимания на его смятение, продолжила нашептывать ему, доверительно прижимаясь к нему всем своим телом, прикрытым лишь легкими тканями её платья, — Она не стоит твоей любви. Мне сейчас так стыдно вспоминать о том, как я поступила с тобой, с нами... Но, я же видела, каким ты был, — дрожащей рукой она провела по его волосам, — Проклятую кровь ни чем не вытравить. Твой отец был прав насчет неё, она принесет тебе только боль, — её рука со звенящими браслетами на тонком запястье легла ему на лоб, и он почувствовал, что задыхается, сходит с ума, — Я хочу уберечь тебя от разочарования и предательства. То, что случилось между нами не идет ни в какое сравнение с тем, что ты испытываешь по её вине. И ради кого? Даже не ради того несчастного влюбленного в неё демона, — Джон прикрыл глаза, — Смотри внимательно. И что ты видишь?

И он увидел. О, да! И пожалел, что не ослеп в тот миг. И боль затопила его.

Его меч с раздражающим лязгом, режущим по всем слуховым рецепторам до тошноты, скрестился с мечом Маргариты. Натиск был настолько силён, что девушке пришлось удерживать меч обеими руками:

— Прошу, перестань! Это не честно! Я не могу сражаться с тобой! — шептала она пересохшими губами.

Ему гораздо легче было бы убить себя, но постоянно мучивший вопрос — "за что?".

Хотел ли он услышать на него ответ?

Его охватывало настоящее безумие, чему сейчас он был даже рад — лишиться рассудка и ничего не помнить и не знать, иначе это просто доведет его до последней черты:

— Да кто бы говорил о чести! Скажешь, ты честно со мной поступила? Или у меня на лбу написано "идиот"?! Я же любил тебя больше жизни, черт возьми, почему, собственно, "любил" — я же и сейчас тебя бесконечно люблю, — он говорил, точно выплевывая каждое из слов, — и мне сейчас так больно... так, если бы ты вскрыла мне вены и оставила медленно истекать кровью. Неужели, все твои признания и клятвы были лживы? Вся твоя любовь была ложью?

— Как ты мог поверить разным слухам? — Маргарита всё ещё надеялась воззвать к его разуму, прорвавшись сквозь пелену отчаяния и боли, — Как ты мог позволить ревности ослепить себя?! Я была не права, признаюсь, но и ты должен понять...

— Хватит! Замолчи! Пожалей мои уши, — заорал, до хрипоты надрывая связки, — Ничего не хочу слушать! Я УЖЕ НИЧЕГО ТЕБЕ НЕ ДОЛЖЕН! За что ты так со мной? Знаешь, кто ты? Даже говорить не хочу, — нет, лживые её глаза не увидят его мук и его слез.

— Я не позволю тебе убить мальчика, — лицо Маргариты выражало решительность, от его детских черт не осталось и следа...

На мгновение он ослабил натиск, но это было всего лишь мгновение, если бы его глаза метали настоящие молнии, то они могли бы испепелить всё вокруг...

Миг удивления прошел. Сталь звенела, руки немели, силы были на исходе... Его разум был затуманен, отказываясь слышать — о, он не отказался бы и оглохнуть навсегда, лишь бы не слышать её лживых слов! Оставалось только ждать, когда они оба выдохнутся...

Неужели возможно, чтобы всё вот так закончилось? Разве мог кто-нибудь из них предположить, что они расстанутся врагами, скрестив оружие? Лезвие скользнуло по плечу, оставив алую роспись, и рукав блузки упал на землю... Девушка осела, скорчившись от боли, сквозь пальцы руки, которой она зажимала рану, сочилась кровь. Она умоляюще посмотрела

на него...И этот взгляд преследовать его будет даже в аду. Но самый настоящий ад был внутри зияющей пустоты, что образовалась у него вместо сердца.

— Месье, а нельзя ли повежливее с дамой?! — не выдержал блондин.

— Заткнись, щенок! До тебя очередь дойдёт! — рявкнул он, меньше всего его сейчас волновало, что подумает о нем этот...

— Месье, я не закончил! — настаивал светловолосый.

— Чёрт, ну ты вывел меня! — он, не оборачиваясь, послал энергетическую ауру, отбросившую парня довольно далеко и с силой ударившую о землю...

Нет, дальше продолжаться так не может!

Пусть лучше она разозлится и убьёт его, ибо не было уже сил ждать, пока эта боль прикончит его:

— Ты ведь пошутил? Ты ведь не сделаешь этого, правда? ЖАН! — и Маргарита не поверила своим глазам, когда подняла голову и увидела занесенный для удара меч.

Он сам её всему научил, и она была способной и самой любимой его ученицей.

Это была самозащита, а не преднамеренное действие...

Маргарита услышала свой крик, словно издалека, и, подобно электрическому току, мучительно режущий импульс прошёл по всему телу...

Алый плащ упал к её ногам...

Она вытащила клинок — кровь прыснула на блузку и лицо девушки, хлынула из горла Джона, он начал медленно оседать вместе с ней, в его руках остался второй рукав её блузки, а кровавый след от его ладони на щеке жёг сильнее огня...

Какое облегчение, что хочется даже улыбнуться. Вот, только почему её лицо в слезах и нет улыбки? Он так хотел запомнить её улыбку. И отпустить... А сделать это мог только так, живым бы он не нашел в себе сил.

— Поверь, мне очень жаль, что тебе пришлось... — рыжеволосая сильнее сжала его плечо, и болезненное ощущение помогло вернуться к реальности.

— Замолчи! — он отшатнулся, — Просто замолчи... — если бы мог, то с радостью согласился бы на лоботомию, только бы высверлить увиденное, чтобы не отравляло его больше.

— Мне невыносимо видеть тебя таким, — а ему невыносим был этот сочувствующий тон, да, Господи, да, видимо — это всё, что он заслужил своей жизнью, — Ты сам всё видел. Она погубит тебя, черт возьми! Такой конец ты видишь для себя? — она снова встряхнула его, а ему нечего было ответить на её вопрос, ему уже было всё равно — без той, что забрала его жизнь, это будет лишь жалкое подобие существования, — Ты же не позволишь себе умереть от руки недостойной? Это не просто измена, милый мой, она предала твоё доверие как человек. Ты только что не боготворил её, считал почти святой, а она лгала тебе.

— Этого не может быть... — и, да, черт возьми, он не хочет этому верить.

Ведь можно всё ещё переиграть, всё изменить — должна же быть, хоть крошечная надежда...

— А её дитя принесет разрушение этому миру. И я бы не была так уверена, что ты — отец её сына, — со скорбным видом рыжая покачала головой, — Это может быть и тот её воздыхатель, и этот молодой полубовничек, да мало ли с кем она ещё спала.

— Уходи... — он с силой сжал пальцы, сдерживаясь, чтобы не ударить по губам, что отравили ядом его душу, — Прошу тебя, уйди, я хочу побыть один. Мой отец признал, что ошибался на счет Маргариты.

— Прости, мне так жаль, милый, — она хотела было обнять его, но не рискнула, — Послушай, я...

— Умоляю, оставь меня сейчас... — он развернулся к ней спиной и отошел к самому краю балкона, открыл ставни, подставляя лицо ветру, и расстегнул верхние пуговицы своего камзола, — Нет, я не верю... — зеленые глаза сверкнули карим отблеском, и женщина удалилась — её миссия была выполнена.

Оперевшись на широкий подоконник, Джон не сразу понял, почему он стал плохо видеть — это просто слезы повисли на ресницах, как осенью — роса на паутине.

И тут он увидел её в ослепительно белом отблеске лунного света, ту, которую он более всего желал сейчас видеть, единственную, что была в силах развеять все его страхи:

— Прошу, скажи, ответь мне, — он бросился к ней, как к спасительной соломинке, схватив её ладони и прикинув к ним губами, — Я поверю всему, что скажешь, скажи только, что это всё ложь, что этого не будет никогда!

— Вот, ты и сам уже ответил, — она спокойно улыбнулась, погладив его по волосам, — К сожалению, я не в силах изменить судьбу, но всё зависит от того, какой урок готовы мы извлечь, — взяв его за руку, она открыла перед ними портал.

Он увидел себя в темном зале, сидящим в кресле за большим столом, вокруг которого деловито прохаживалось белокурое дитя — девочка лет десяти с внешностью ангела и сердцем дьявола:

— А ты неплохо выглядишь для мертвого. Интересно... Знаешь, что мне интересно, Дхармараджа? — Лаура старалась изобразить на лице живейшее участие, — Как ты, правдолюбец, мог столько лет скрывать от всех, что являешься Гибельным? Тебе не место среди живых. Ты — выше всего этого, выше добра и зла, ты тот, кто будет нашим Последним Судьей. Как долго ещё ты думаешь обманывать смерть? — она наигранно покачала головой, — Одиннадцать лет уже дворец Каличи ждёт Самодержца Преисподней, Заходящее Солнце, Царя Подземного мира, — её голос звучал ровно и бесстрастно.

— Я никогда и ни с кем об этом не говорил... С того дня, когда взорвалась моя мастерская... Мне было всего пятнадцать, и я так хотел жить... — Джону тяжело давалось каждое слово, он предпочитал не поднимать эту тему.

— И ты решил установить свои правила игры? Ты успел перенести свою душу в другое тело, но её уже заждались в Подземном мире... Думал, это останется незамеченным? Не потому ли ты так спешил жить, подсознательно всё время опасаясь, что однажды придется заплатить по счетам? Ты не сможешь уйти от своей судьбы, — она говорила легко и свободно, словно о совершенно будничных вещах, но, для него эти слова звучали как приговор, — Ничего личного, Дхармараджа — но, баланс должен быть восстановлен. Я пришла за тобой. Или мне просить кого-нибудь из твоих сыновей исполнить долг отца? Кого же мне выбрать — благородного юного Алишера или малыша-несмышленища Анри? — она подняла глаза, делая вид, что призадумалась.

— Только посмей их тронуть! — Джон подскочил на месте, потом подошел к открытому окну, всматриваясь в облака, — Если я соглашусь — что будет с моей семьей? — спросил он, даже не поворачиваясь к собеседнице.

— Сразу к делу? Вот такой разговор мне больше по душе, — добродушно улыбнулась она, — Твою семью не тронут, если ты не будешь устраивать лишних проблем, понимаешь, о чём я?

— Мне нужны гарантии, — хладнокровно продолжил Джон, но чувствовал себя сейчас

зверем, угодившим в капкан — Лаура имела сейчас над ним неоспоримое превосходство.

— О! Не испытывай моё терпение, — девочка от раздраженно топнула своей маленькой ножкой, — Тебе мало моего слова?

— Твоему слову, разве, можно верить? — бросил мужчина, всё так же не оборачиваясь к ней.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — холодно улыбнулась она, упиваясь своим преимуществом над ним, — Ты идешь со мной и, пока кто-нибудь не согласится добровольно заменить тебя, ты останешься в Каличах.

— Если ты вздумаешь обмануть меня, то, ни какая Преисподняя не остановит меня, — наконец, он удостоил её пугающего взгляда своих чёрных глаз.

— И ты не хочешь попроситься с семьёй? — Лаура подошла и взяла его за руку.

— Если уж мне не суждено их больше увидеть, то пусть лучше ненавидят меня — так будет легче и им, и мне... — Джон отдернул свою ладонь.

— Ладно, оставим сантименты, — она указала в дальний конец комнаты, — А сейчас отойди в сторону — небольшая формальность, — Лаурита в своей ладошке раздавила карманное зеркальце и подула на осколки, которые колющим ураганом впились в глаза мужчины, опекая и прорезая чувствительную роговицу.

Он же более не сказал ни слова, и только слёзы, смешивавшиеся с кровью, выдавали всю ту боль, что разрывала сейчас всё его существо.

— Я предлагала тебе попроситься с ними — ты уже не сможешь больше их увидеть, — девочка подошла к нему, взяла под руку и проводила до кресла, — Твой смертоносный взгляд мне теперь не страшен. Ты знал, что в бесконечной тьме твоих глаз, такие как я, видели свою истинную сущность? Это очень нервирует, знаешь ли... Эта темнота проникает в самые сокровенные уголки души, и это пугает не по-детски...

Когда Джон пришел в себя, то портал уже успел исчезнуть, а сам он стоял, непозволительно крепко сжимая ладонь Маргариты:

— Это было... — он поспешно отпустил её ладонь.

Маргарита успокаивающе ласково погладила по его руке:

— Это — истинное обличие той, что приходила к тебе, её имя — Лаура, но тебе не стоит её бояться, ведь ты не одинок, — она провела рукой по его щеке, — Если бы я могла смягчить удар судьбы, я бы поступила так не задумываясь. У всего есть свой смысл и своя цель — некоторые уроки мы обязаны усвоить, однако же — если от осознания того, что в жизни нет ничего напрасного и что, нас окружает не только тьма, но и те, кто готов протянуть руку помощи, когда ты споткнешься, тебе станет хоть капельку легче в минуты испытания, то знай, что твоя жизнь не была напрасной, и твоя судьба ещё будет благосклонна к тебе.

Он смотрел в её глаза, и в мыслях наступила такая ясность, как человек не задумывается над тем, как он дышит:

— Ты же знаешь, что больше всего я боюсь не за себя.

— Oh, oui. Я знаю, Жан, милый, — она согласно кивнула и улыбнулась, — Поэтому я хочу показать тебе ещё кое-что. То, что придаст тебе сил и веры идти до конца, — Маргарита продолжала поглаживать его по волосам, и в тишине можно было слышать перестук их сердец, и их сбивчивое дыхание, — Я вижу тебя и знаю таким, каким могут видеть только влюбленные глаза и может знать только любящее сердце. Я всегда буду с тобой, что бы ни случилось — знай это, и пусть это знание поддержит тебя в трудную

минуту.

— Если мне когда-нибудь суждено будет усомниться, то на коленях буду просить прощение, — он взял в ладони её лицо, поднимая его на себя, подпитываясь спокойствием и уверенностью, что читалась в её теплом и ласковом взгляде.

— Ни кто из нас не совершенен, признавать свои недостатки и работать над ними — для этого тоже нужно большое мужество. Дай мне руку, — вместе с тем, как крепла его уверенность, теплела его рука и румянец возвращался на его лицо, — Ничего не бойся, — и он уже не боялся, как при сеансе психотерапии, ведомый её голосом, светом её глаз, теплом её руки в своей руке, — Когда тебе станет нестерпимо тяжело, то вспомни то, что ты сейчас увидишь, и то, как сильно я тебя люблю, и это придаст тебе сил.

И он покорно последовал за Маргаритой в новый пространственно-временной разлом, не выпуская её руки.

В этот раз он оказался в большом зале с паркетным полом, с лежащей на нем широкой алой ковровой дорожкой, и огромными, зашторенными тяжелыми бархатными порттьерами вишневого цвета, окнами, тусклый свет нескольких факелов в дальнем конце слабо освещал полумрак. Собственно Джон сидел на ступенях подиума, положив голову на красный бархат оббивки кресла — выглядевшего так же одиноко в этом огромном зале, как и он сам:

— Маргарита, ты всё-таки пришла, — он даже не обернулся на звук её шагов, ему это и не нужно было, чтобы узнать её шаги из тысячи, — Зачем ты здесь? — повторил он свой вопрос. И губы его дрогнули, а одеревеневший язык не желал слушаться.

Молодая женщина застыла на месте — с трудом дыша и глядя своими огромными глазами, готовыми вот-вот наполниться слезами:

— Что значит "зачем"? — нет, она в мыслях представляла себе различные сценарии их встречи, но, вот такого холодного равнодушия совершенно не ожидала, — Помнишь меня? Я — твоя жена и мать твоих детей, и я пришла за тобой. Значит, тогда это был не сон? Мне не приснилось, когда ты приходил? К чему тогда это было, если ты не желаешь меня видеть? Ответь мне, чем я виновата перед тобой?

— Уходи, прошу тебя, — а самому ужасно захотелось вскочить, броситься к ней, не отпуская из своих объятий и покрыть поцелуями каждый сантиметр её тела, и невыносимо было беречь душу этими чувствами, когда в ней теперь только жгучая боль и тоска, — Тебе лучше уйти... — пусть она ненавидит...

— И у тебя нет других слов для меня? Ты сделал мне очень больно — тем, что посчитал Марка более достойным твоего доверия. И это после всего, что мы пережили вместе? Как ты мог?! Гонишь меня прочь — хорошо, я уйду. Но, у тебя есть два варианта: либо ты идешь со мной, либо я ухожу одна и подаю на развод. Господи, да что же ты за человек такой! Ты всё решил за меня, да? — от переизбытка эмоций, что сейчас разрывали её, Маргарите трудно было совладать со своим голосом, — И тебе больше нечего сказать мне? Известно ли тебе, что с того дня, как ты исчез, я ни одну ночь не могла сомкнуть глаз и орошала своими слезами подушку? Мне пришлось пережить твои похороны, черт возьми! Как тебе?! Тогда повтори, повтори это своим детям! Имей хотя бы смелость посмотреть мне в лицо!

— По всей видимости, я заслужил это, — поделился он своими мыслями с самим же собой, и продолжил уже громче, — А ты изменилась, Марго — Джон всё так же продолжал сидеть спиной к ней, облокотившись о быльце кресла, — Даже твой голос стал другим.

— Спасибо, учителя хорошие были — гневно бросила она, — Да взгляни же на меня! Посмотри мне в глаза! — не выдержав этого томительного напряжения, она подошла и

подняла его с подиума, развернула лицом к себе, уже занеся руку для пощечины, она остановила её у самого его лица, сняла и отбросила его очки — и отшатнулась от увиденного, а звон разбивающегося стекла очков оглушил подобно взрыву в приличном тротиловом эквиваленте — так и внутри у неё что-то гулко разбилось вдребезги... Маргарита стояла и не могла произнести ни слова, и только губы её и подбородок дрожали, а по щекам текли обильные слёзы. Глаза... что стало с его прекрасными глазами, что когда-то пленили и покорили её? Неужели такова вселенская справедливость?

— Ваше любопытство удовлетворено? — отступив на шаг, он зацепился за ковер, вовремя ухватившись за кресло.

Маргарита бросилась к нему. Поддержав мужчину под руки и усадив его на ковер, она положила его голову себе на колени, а он держал в своих руках её ладонь — так они и сидели молча некоторое время.

— Тебе, правда, лучше уйти, — наконец хрипло произнес Джон, — Это не место для тебя. Твой Мастер не заслужил Света...

— Замолчи... Нет, вот, ты, и правда — дурак или притворяешься? — улыбнулась Маргарита, — Дурачок мой! Я ни куда не уйду... без тебя.

— Твоё место не здесь, — он, словно, не слышал её слов, — а я не могу уйти, не могу покинуть этот проклятый дворец. Видишь же — я не могу дать тебе ничего, кроме своего увечья. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

— Не смей, слышишь, не смей при мне так говорить! Неужели, ты так плохо знаешь меня, что говоришь такое? — и слёзы её капали на его лицо, и огнем запекли вдруг его глаза, он напряженно заморгал, — Господи, разве ты не чувствуешь, что я задыхаюсь и гибну без тебя? Я приму тебя, что бы с тобой ни случилось. Родной мой, мой свет, моя боль, слезы мои... Без тебя мне не было жизни, я жила во тьме. Наши дети так похожи на тебя, особенно маленький Анри — у него твои глаза и твой взгляд. Ты просил меня выйти за тебя — и я вышла, ты хотел семью — я дала её тебе, а теперь ты хочешь, чтобы я смотрела, как ты сам убиваешь себя?! Зачем тогда пленил и влюбил меня в себя?

— Если бы ты знала... У меня не было выбора. Ты же ничего не знаешь, — и губы его на её губах искали приют, — Как ты не понимаешь, я же хотел уберечь тебя, — а глаза невыносимо пекло и резало, так, что хотелось кричать, сжимая пальцы добела, и от судорог ногти до крови впивались в собственные ладони, и, как луч света прорезает кромешную тьму, увидел он её лицо — нет, не тот образ, что навсегда высечен в его сердце, настоящую её — опухшие от слез губы и нос, блестящие глаза, слезинки на ресницах и потекшая тушь, и сердце защемило от сладкой боли — он снова смог увидеть её — такую близкую, такую родную. Нет, он был не прав — она не изменилась, она всё та же... его Маргарита... И вспомнил он, сделанное давно Нострадамусом, пророчество о том, что слезы её исцелят его. И всплыли в памяти слова Марка — да, он обязательно будет бороться, всё стало вдруг таким простым и ясным, словно, он очнулся от долгого сна. Отбросить сомнения и малодушие! Как там говорил Марк? Грызть стены? Теперь он готов сделать даже больше. Он нашел в себе силы, она дала их ему...

— Тогда Расскажи мне всё, — тихо попросила Маргарита, — Не ты ли обещал быть всегда откровенным со мной и говорил, что мы вместе пройдем через все, что бы нам не уготовила судьба?

"И в лиловом кипящем самуме

Мне дано серебром истечь,

Я принес себя в жертву себе самому,
Чтобы только тебя изречь.
Верное имя откроет дверь
В сердце сияющей пустоты;
Радость моя, лишь мне поверь -
Никто не верил в меня более, чем ты.
Радость моя, подставь ладонь,
Можешь другой оттолкнуть меня,
Радость моя — вот тебе огонь,
Я тебя возлюбил более огня."
Н. О`Шейн

— Теперь ты видел то же самое, что и я, — легкий пас её изящных рук, и портал снова исчез, — И не забывай, что наша любовь — сильнее всего, как бы ни старалась Лаура и ей подобные, им никогда не одержать верх, — нежное прикосновение губ к губам, прикрыв глаза и не желая отпустить ни её, ни это чувство блаженства:

— Ты уже покидаешь меня? — он задержал её руку, когда почувствовал, что она отстранилась от него.

— Ну, что ты, — она убрала выбившуюся прядь с его лица, — Я буду всегда с тобой — воздухом и водой, мечтою и явью. Если ты не придешь из глубины веков, я для тебя найду крылья, — ещё раз поцеловала на прощание, — А сейчас тебе пора просыпаться, — и образ её стал растворяться в утреннем тумане, оставляя после себя приятное тепло, чувство уверенности в завтрашнем дне и силы исполнить все обеты и выдержать все испытания.

Сквозь сон он услышал, полный паники, голос Маргариты, зовущей его.

"Знаю, что будет и знаю, что нет,

Только бы не навредило это знание мне..."

Руслана Лыжичко

В соседней комнате Даниэлла подскочила на кровати от неприятного липкого чувства, будто кто-то копался в её голове, в самых сокровенных уголках её мыслей, желаний и чувств. А перед глазами всё ещё стоял её собственный образ, отражавшийся в больших зеркалах — в одной сорочке, босая, с распущенными волосами, держа в одной руке расческу и растерянно озираясь по сторонам. И вкрадчивый голос Лауриты — девочки с такими же светлыми волосами, но с более детскими чертами лица и более светлой кожей, и глазами... Такими странными и поразительными, способными изменять свой оттенок от светло-медового до темно-карего, почти черного — в зависимости от внутренних переживаний обладательницы.

— Безупречна, — не сдержала восхищенного возгласа девочка, в тайне мечтавшая больше всего на свете походить на златовласую, избавившись от заточения в этой опостылевшей оболочке тела ребенка, — почти так же прекрасна, как и я, — она взяла девушку за руку, заставляя обернуться вокруг своей оси, с завистью разглядывая её отражение в зеркале, — Посмотри на себя — что ты видишь? Прекрасная и сильная, ни кто не посмеет тебе перечить. Тобой будут восхищаться, тебя будут превозносить как богиню. Ни кто не сможет стать у тебя на пути.

— Что? — златокудрая торопливо высвободилась, взволнованно прижимая руки к себе, — Кто ты и зачем говоришь мне всё это?

— Меня зовут Лаура, — представилась девочка, не обращая внимания на её обеспокоенность, — ты, верно, слышала обо мне... Ты выше остальных, ты гораздо сильнее

их. Целый мир будет жить одним твоим словом. Эти жалкие неудачники только сдерживают тебя, не дают полностью раскрыться твоей силе и твоим талантам, они — только пыль под твоими ногами. Со мной же ты сможешь достичь таких высот, о которых даже мечтать не смела. Только я могу бросить весь мир к твоим ногам — представь себе, что все подчиняются одной лишь твоей воле, даже твои друзья склонятся перед тобой. Богиня не по названию, а по праву, — Лаурита нарочито церемонно поклонилась, — Представь, что твой возлюбленный доктор состарится и умрет, а ты останешься с вечной болью и вечной печалью, не в силах ничего изменить. Даже я бы скорбела о таком человеке, спасшем столько жизней... А сколько он ещё мог бы спасти? А твои родители были бы всегда с тобой... — тут она, как бы нечаянно вздохнула, едва не пустив слезу, — Жаль, такой удел смертных... НО! Ты могла бы всё изменить, позволь только помочь и направить тебя, — она резко замерла с протянутой рукой.

Златовласая изменилась в лице, потом с яростью запустила расческой в зеркало, заставив его разбиться на мельчайшие осколки:

— Ты заставила страдать близких мне людей! И ты ещё посмела заговорить со мной? Если я такая, как ты говоришь, то могу не трепетать перед тобой.

— Я бы не советовала разговаривать со мной в таком тоне, — грозно сверкнула глазами Лаура, — Не стоит наживать себе врага в моем лице. Это я с виду только — милое дитя. Не каждому я делаю такое предложение, и я не предлагаю дважды. Ты предпочитаешь враждовать со мной?

— Уже одно то, что я сейчас разговариваю с тобой, можно было бы посчитать предательством по отношению к моим друзьям.

— Я запомнила тебя и твои слова, — лицо этой девочки, милое и приветливое в начале, теперь сделалось просто ужасным, передернутое от досады и злобы, — Я могла бы открыть перед тобой любые двери, но ты предпочла отказаться. Я заставлю тебя пожалеть об этом, и никто тебе не поможет, и только ты одна будешь виновата в последствиях своей опрометчивости.

В то же время доктору снилось, что он сидит на парковой скамье под раскидистым дубом, листая медицинскую энциклопедию, точно погрузившись снова в свои студенческие годы.

Казалось бы, совершенно другой сон, только и в него главной героиней явилась уже известная личность:

— Доктор Хадзама, если вы по-настоящему любите свою супругу, то должны отпустить её, — прошептала девочка, наклонившись к нему, — Подумайте сами — что вы можете дать ей? Она будет видеть, как вы увядаете и умираете рядом с ней. В конце концов вы умрете, как и любой смертный, а ей останется оплакивать вас и всю вечность винить себя. Её место рядом с таким, как она. Вам не понять её, а ей — не понять вас. Найдите в себе смелость признать это и отпустить её. Не отвечайте сейчас, — и, как ни в чем ни бывало, растянула невинную улыбку, и спрыгнув со скамейки, принялась скакать по нарисованным на асфальте классикам, — Подумайте хорошо, и я уверена, вы примете верное решение. Вы ведь умный человек, Хадзама-сенсей.

Доктор поднял глаза от книги и снова увидел себя тем маленьким мальчиком в огромном торговом центре в канун Рождества. С тех самых пор, когда он перестал любить этот праздник, который стал ассоциироваться у него с самым горьким днем в его биографии... Днем, когда он потерял родителей, и чуть сам не лишился жизни.

Давно он уже старался не ворошить эти воспоминания, а тут они сами нахлынули удушающей волной. Он до сих пор продолжал винить себя в гибели отца и матери, и не важно, что он был лишь ребенком.

Если бы он тогда не побегал, ведомый любопытством, к высокой наряженной елке, стоявшей в центре первого этажа и возвышавшейся своим гигантским великолепием. Для маленького мальчика она тогда казалась чудом — такой большой и красивой рождественской елки ему ещё не доводилось видеть. А как волшебно горели на ней гирлянды! А сколько под ней было подарков! Откуда ему было знать, что они — бутафорские? Все, кроме одного... Он был самым большим и самым ярким из них, и не удивительно, что сразу привлек его внимание.

А диктор по радио тем временем рассказывал, что в городе участились случаи терактов, и гражданам следует проявить повышенную бдительность в период массовых праздничных гуляний.

Мальчик всё смотрел на большой яркий подарочный сверток — он хотел его не для себя, а для мамы... Он знал, что подарки эти не бесплатные, что их следует выкупать, но в кармане у него были припрятаны кое-какие сбережения, и он искренне надеялся, что их хватит, ещё и на розу — она так любит розы...

Что что-то не так он понял, когда увидел перепуганное лицо матери и полицейских, постепенно оцеплявших елку.

В начавшейся суматохе и панике он не мог разобраться, что кричала ему мама, и только дикими глазами смотрел на полицейских в шлемах и защитных жилетах.

Последнее, что он запомнил, это — как мать и отец пробивались сквозь оцепляющий строй... Ему так хотелось показать маме... Детские пальцы потянулись к шелковой ленточке на блестящей фольге...

Потом — оглушающий звук, яркая вспышка и разрывающая боль, в которой он тонул.

— Вы, доктор, не любите Рождество и розы? — Джек потрянул головой, когда снова услышал голос Лауры, она вложила ему в руку цветок, с силой сжав его пальцы, пока острые шипы не впились в кожу и не выступили капельки крови, — Много лет уже прошло, а вы всё продолжаете винить себя в их смерти, и сколько бы жизней вы не спасли, это не изменит того факта, что, пусть и невольно, убили своих родителей. Каждый раз, глядя на себя в зеркало, вы видите свои шрамы, и они не дают вам забыть о том, кто вы есть — убийца, и как бы вы не стремились замолить грехи, и сотни спасенных вами жизней не вернут их. Врач, исцели себя сам... Можете ли вы помочь самому себе, доктор?

Помочь самому себе? Он прекрасно помнил, что это значит. Когда прошел период депрессии, врачи объяснили ему, что только он сам должен захотеть выздороветь, иначе ни какие чудеса медицины не смогут поставить его на ноги. И он решил бороться. Врачей и медицинских сестер к себе не подпускал — всё сам. И не важно, сколько раз он падал и снова вставал, сбивая колени в кровь, как не мог первоначально даже ложку взять непослушной рукой, как до боли приходилось сжимать пальцы, проверяя чувствительность, как слезы сами навернулись на глаза, когда он смог сделать первые самостоятельные шаги, а нога до сих пор периодически напоминает о себе приступами острой боли.

И вспомнилось ему другое Рождество, снова напомнившее о том, чем до сих пор болели его шрамы — и ясный взгляд златовласой. И её лицо — так близко, и такое трепетное и доверчивое прикосновение... И показалось, что ему не хватает воздуха, и сердце сейчас разорвется от сладостной муки, и он испытал почти физическую потребность поцеловать её,

заблудившись в лабиринте восхитительных ощущений. Он только собрался отругать себя за такую дерзость. И, о чудо! Её губы ответили на этот поцелуй, и ему показалось, что он попал в рай. Он понял, что влюбился окончательно и бесповоротно, а она — улыбнулась, потому, что поняла это.

Вспомнил он и другой день, когда окончательно уверился в своем решении посвятить себя медицине. Тогда он был ещё студентом-медиком, когда ему впервые пришлось оказывать неотложную помощь, и от его мастерства зависела человеческая жизнь. Он проводил реанимационные мероприятия женщине, которой внезапно стало плохо на улице, а её маленький сын не сводил с него заплаканного лица, ухватившись за полы его плаща и умоляя спасти его маму. Когда-то он сам готов был точно так же умолять врачей спасти его родителей, но это было уже не в их силах. А здесь и сейчас — он всемогущий Бог для этого ребенка, в чьих руках находится жизнь его матери. Так и он, прежде всего, должен безоговорочно поверить в свои силы и свои знания. Пациент должен видеть его уверенность, тогда она передастся и больному и придаст ему сил бороться с недугом. Когда удалось нащупать слабый пульс у женщины, он с облегчением выдохнул — пусть хоть этот мальчик не потеряет пока веру в чудеса, пусть его мать ещё побудет с ним. Он уверил мальчика, что его мама вне опасности и будет жить, а детские руки обхватили его шею, мокрой щекой прижавшись к его щеке, сквозь слезы прошептав "Спасибо, доктор!", и возглас восхищения прокатился среди собравшейся толпы. И это было ни с чем не сравнимое ощущение, которое он не сможет позабыть — и это было бесценно.

— Кем бы ты не была, дитя, — покачал головой молодой хирург, разглаживая пальцами лепестки цветка, — ты ошибаешься.

— Ошибаюсь, доктор? — девочка недовольно фыркнула, скрестив на груди худенькие ручки, демонстративно пересев спиной к нему.

— О моих родителях я буду скорбеть до конца своих дней, — тихо произнес доктор, — Но врачом я решил стать не из чувства вины, а потому, что я не хотел бы, чтобы ещё кто-нибудь испытал подобную боль, — ответа девочки он не услышал, вместо этого его разбудил взволнованный голос Даниэллы, испуганно наблюдавшей, как он вздрагивал во сне.

И как же он был рад увидеть её лицо, когда открыл глаза! Со сна вид у него был настолько бледный и уставший, и все уверения мужчины о том, что не стоит беспокоиться о его самочувствии не смогли её убедить, пока он не доказал своими поцелуями, что за его состояние не стоит опасаться.

В соседних покоях, всё тем же самым проверенным и самым действенным и приятным способом — поцелуями и объятиями, успокаивали друг друга и Джон с Маргаритой.

И позже, когда в зеркале ванной мелькнуло лицо Лауры, а в голове звучал её вкрадчивый голос: "Одно дитя вы уже не уберегли, Княгиня. Что вы можете предложить своим детям? Какое будущее ждет их? Вы сами — ещё дитя, способны ли вы достойно воспитать отпрысков? Готовы ли вы стать матерью? Нужно ли вам это?", Маргарита уже была готова ко встрече с ней. За ней стояли все те, кого она любила, кто давал ей силу, чтобы все испытания, что выпали ей, и те, которые ей ещё предстоят, выдержать с достоинством...

Плеснув воды себе на лицо и, ощутив приступ тошноты и слабости, она уперлась руками в раковину, глядя в зеркало на свое бледное лицо:

— Нет, я не должна поддаваться, — она несколько раз глубоко вздохнула, — Всё будет хорошо, я сильнее её. Я не буду слушать её. Я не одна. Вместе мы со всем справимся.

Заканчивая последние приготовления перед выходом к завтраку, она была полна сил и уверенности, а ночной кошмар исчез в лучах рассвета вместе со слабым светом тающих звезд. Ещё раз поправив свою причёску и повязав Джону выбранный галстук в тон его костюма, они готовы были спуститься поприветствовать остальных.

Это утро нельзя было назвать легким — с тяжестью на душе обитатели дома собирались к завтраку. Но, читая почти зримую, осязаемую поддержку в дружеских взглядах, мрачные мысли постепенно покидали их головы, а утренний свет и свежий ветер вместе с легким морозным воздухом проникали через раскрытые окна не только в помещение, но и в их души.

Джон посмотрел на Маргариту, которая сидела в кресле на заднем дворике, завернувшись в клетчатый плед, попивала горячий чай и болтала с матерью и златовласой Даниэлкой. Мужчина улыбнулся: вот оно, то, что составляет смысл его жизни, ради чего стоит просыпаться каждый день, дышать каждую секунду, жить и бороться — ради её улыбки и смеха, ради спокойствия и безопасности его матери, сестры и сына, ради будущего его детей.

Сейчас он уже в состоянии думать об этом с улыбкой, а в тот день, когда рыжеволосая попросила дать ей свободу, он не мог представить, как ему жить дальше, и готов был разгромить всё вокруг — и мебель, и фамильный сервиз. Тогда Самаэль, его верный Самаэль, от которого он ни как не мог ожидать удара в спину, опустился на колени и склонил голову:

— Руби, Ваша Милость, возьми мою жизнь, раз я настолько прогневил тебя, коли так тебе станет легче, — в его голосе чувствовалась твердость и уверенность, — Но, и ты, и я знаем, что это — не решение. Только её не трогай, она же мать твоего ребенка, и она не виновата перед тобой — я не прикоснусь к ней, пока ты не отпустишь её.

Джон от таких слов просто опешил и долго стоял, онемев, глядя в глаза друга — в нем замерли все надорванные нервы, тогда тот решился продолжить:

— Я оказался паршивым другом, — Джон попытался было что-то сказать, но Сэм покачал головой, — Но, клянусь, в том нет нашей вины, что мы полюбили друг друга. Я не хотел бы терять твоей дружбы. Ты ещё достаточно молод, Ваша Милость, и ещё будешь счастлив. Любовь не выпрашивают и не берут силой.

И откуда он взял силы понять и простить? Но ни разу ещё ему не пришлось пожалеть о том, что сохранил с ними дружеские отношения, но тогда он делал это больше ради сына, ибо самому было настолько больно, что первый раз напился тогда до беспамьятства. Но судьба не настолько слепа, как кажется. Видимо, ей так было угодно, чтобы в его жизни освободилось место для другой женщины, что тянется к нему, как росток к солнечному свету — и он безмерно благодарен судьбе за это счастье.

Его отвлек доктор, подошедший с двумя чашками ароматного напитка, протянув одну из них:

— Кофе, приятель? — улыбнулся Джек.

— С коньяком? — с надеждой уточнил мужчина.

— С коньяком, — кивнул молодой хирург.

— А что это наш красавчик не весел? — когда спустился Марк, Джон озабоченно разглядывал его лицо, бледнее обычного, и темные круги под глазами, — Не выспался, парень? Если ты не здоров, то можешь пропустить сегодня тренировку.

Дабы не терять форму, решено было возобновить тренировки, и теперь к ним

присоединился Марк, и двигался он так легко и грациозно, в то время, как его удары были точными, четкими и сильными, что сам Джон порой удивлялся, откуда у него такое мастерство — не иначе, как врожденное.

— Да, ничего особенного, — юноша пожал плечами, наливая себе чай, — болтали с Мей. Ей не спаслось, мне — тоже. Она прислала сообщение, что хочет пообщаться, я ответил, что она может позвонить.

— И вы проговорили всю ночь? Тогда, "Казанова", тебе не отвертеться, — мужчина похлопал его по плечу, покидая кухню с чашкой недопитого кофе в руке, — Постарайся не опаздывать.

— Постараюсь, — Марк допил свой чай и взяв на ходу печенье, вышел через другую дверь, — Всё-таки, у меня работа.

Его отец и Александра уже уехали смотреть съемную квартиру, не желая злоупотреблять гостеприимством хозяев, а его ждал Ондзи для оформления визы на поездку в Японию. Насколько этому обстоятельству обрадовалась Мей, можно было судить по её радостному возгласу в трубке. Представив выражение её лица в тот момент, Марк усмехнулся — всё же хорошо, что по телефону она не могла случайно задушить его в своих объятиях в порыве нечаянной радости.

Развеять остатки зловещих видений Маргарита и её белокурая подруга вместе с малышкой Аделиной предпочли прогулкой по осеннему парку, когда проводили остальных домочадцев по их делам.

Неспешно прохаживаясь по солнечным аллеям, казалось, что ты попадаешь в фантастический мир, где пестрый золотисто-багряный ковер из листьев — это самый настоящий ковер-самолет. И даже прохлада осеннего дня, когда солнце больше светит, нежели согревает, не огорчала, не раздражала, а настраивала на задумчиво-философский лад. И как было не поддаться удивительному обаянию осени, когда Аделька так задорно и с воодушевлением собирала гербарий, искренне радуясь каждому мгновению, каждому листочку, каждой увиденной букашке?

Отвлечшись на собак, с которыми они гуляли, они не заметили светловолосую девочку на дальней скамье парка, скрытой деревьями, иначе Маргарита непременно бы узнала в ней Лауриту и ни за что не позволила бы Аделине даже приблизиться к тому месту, где она сидела, и где осталась лежать большая книга. Но ребенок уже заметил книгу и озираясь по сторонам принялся высматривать и звать хозяйку, которой не оказалось по близости. Гербарий был тут же позабыт. С объемной и тяжелой книгой в руках, Аделина, насколько могла, сделала небольшой круг по парку, но так и не нашла девочку.

Справедливо расценив, что книга может быть важной и ценной, Аделька спросила совета у старших, и добродушная Маргарита разрешила ей оставить книгу на время у себя, до тех пор, пока они при следующей прогулке не встретят снова эту девочку, которая наверняка станет искать забытую книгу.

Вернувшись домой, пока девушки переодевались, малышка удобнее строилась в большом кресле в гостиной, подогнув под себя ноги и натянув плед, принялась рассматривать книгу, которая оказалась антикварным изданием классических сказок, некоторые из которых девочка уже знала. И первой ей попалась сказка про Белоснежку. Складывая звук за звуком в слоги, а слоги — в слова, история начала оживать, и девочка ощущала ветер в лесной листве, запахи трав и цветов, теплоту и шероховатость поверхностей уютного домика лесных человечков, названных гномами, веселое потрескивание дров в

очаге, звонкие удары кирками по гористой породе, бодрые песни маленьких рудокопов и трели птиц — звуки и запахи сказки. Чтение оказалось настолько увлекательным, что она не заметила, как дошла до самого волнительного момента, где добрая и доверчивая принцесса Белоснежка падает замертво, вкусив отравленного яблока.

В это же самое время Маргарита, раскладывая на кухне покупки в холодильник, заметила на столе большое красное яблоко — наверняка, спелое — сочное и сладкое. Ещё промелькнула мысль, откуда оно могло тут взяться? Может быть, кто-то из детей забыл съесть свою порцию? Взяв со стола нож, девушка разрезала его на несколько кусочков. Она один из них отправила в рот — со стороны кухни раздался звон разбитой тарелки и только кусочки яблока рассыпались рядом с недвижимым телом...

Девочка отложила книгу и побежала на кухню, где крупный серый кот жалобно мяукал у ног хозяйки:

— Мама! — девчушка принялась трясти её за руку, — Мамочка, очнись! Открой глазки!

На шум спустилась Даниэлла:

— Что у вас случилось? — но увидев, что произошло, белокурая кинулась тормошить подругу, — Господи, Мэгги! — не желая мириться с безуспешностью своих попыток привести подругу в чувства, она достала из кармана мобильный, — Я звоню Джеку.

— Мамочка, ну, давай же, — девочка продолжала держать Маргариту за руку, второй рукой глядя её по щеке, — Вставай, мамочка! — малышка была напугана и плакала, — Ты просто спишь, да, мама? Мамочка, хочешь, я почитаю тебе сказку? Ты столько раз читала мне на ночь, а теперь я почитаю тебе. Я сейчас, только книгу возьму, — перестав плакать, Аделька убежала назад в гостинную за книгой.

— У нас чрезвычайная ситуация, — взволнованная Даниэлла, тем временем, пыталась описать доктору сложившееся положение, — Да, Джек, она еле дышит и вся горит. Я не понимаю, что случилось — всё же было отлично, я всё время была с ней. Высылай машину как можно скорее, — белокурая нервозно прохаживалась по прихожей, в одной руке держа телефонную трубку, а в другой теребя сумку, пока змейкой на сумке не зацепила ткань юбки, дернула сильнее, высвобождая её, и нитка на шве лопнула, — Ах, ты! Ну, вот, ещё и юбку порвала. Оставайся на связи, — она принялась выдвигать все ящики комода, что-то ища, — Так, ну, где же она? Где же? А, вот — булавка вполне подойдет, — она наскоро сколола юбку.

— Мамочка! — Аделина вернулась с той самой книгой, которую смотрела, открыв её на странице своей любимой сказки, — Мамочка, ты слышишь меня? Вот, как раз, сказка про тебя: "Спящая Красавица" называется. Там всё заканчивается хорошо — принцесса просыпается от поцелуя принца, полного любви. И ты проснешься. Обязательно проснешься. Папа спасет тебя. А пока — вот, послушай: "Жили на свете король с королевой. У них не было детей, и это их так огорчало, что и сказать нельзя. Уж каких только обетов они не давали, ездили и на богомолье, и на целебные воды — все было напрасно. И вот наконец, когда король с королевой потеряли всякую надежду, у них вдруг родилась дочка...", — и в тот самый момент, когда девочка дошла до того места, где принцесса Аврора уколола палец веретеном, из коридора ойкнула златокудрая, уколотившись о булавку.

— Доктор сейчас приедет, всё будет в порядке, — златовласая присела рядом, погладив ребенка по волосам, — Ох, что-то у меня голова закружилась. Похоже, что и мне не помешал бы врач, — поднимаясь, девушка почувствовала легкое головокружение и оперлась о стену, переводя дыхание, — Что-то не так... Я не... — она не договорила, сев на ближайший стул,

отпив прохладной минеральной воды, потеряла виски, пытаясь не дать себе потерять сознание, — Так, сейчас не самое подходящее время для обморока. Нужно взять себя в руки, — настраивала саму себя Даниэлла, приложив ко лбу смоченное холодной водой кухонное полотенце.

А по городу с мигалками и сиренами уже мчалась машина скорой помощи.

В приемном отделении доктор, весь на нервах, уже ожидал её приезда.

Златовласая не могла объяснить, что же произошло — с самого утра самочувствие у них обоих было отличное, и вдруг такие резкие перемены — она и сама до сих пор ощущала недомогание и легкое головокружение. Аделька всё время плакала, не выпуская из рук книгу.

Джек взял кровь для экспресс-анализа и, пока Маргариту подключали к аппаратуре, провел осмотр Даниэллы. Угрозы жизни не было, но он настоятельно рекомендовал ей, для перестраховки, остаться до утра под наблюдением в клинике.

Результаты анализов не внесли ясности и не помогли обнаружить причину недуга. Предположительно, это был яд, не поддающийся классификации. И организм Маргариты боролся с ним — пульс и давление стремительно меняли свои показатели каждую секунду, температура тела за короткий срок поднялась свыше сорока градусов по Цельсию и продолжала опасно расти. Девушка уже впала в беспамятство, но теперь её состояние становилось совсем критическим. Доктор понимал, что они теряют её, но не понимал причины — и это делало его совершенно беспомощным и заставляло нервничать так, как он до этого ещё не переживал в своей жизни.

Когда речь идет о жизни близкого человека, то ты перестаешь быть просто врачом, а становишься лицом эмоционально заинтересованным и не имеешь право на ошибку, не можешь сказать родственникам пациента: "я пытался сделать всё, что было в моих силах...". Но всегда остается надежда — именно она дает нам сил бороться и выживать.

Жизнь покидала это тело ещё совсем молодой девушки, о чем свидетельствовали показания приборов, грозящие перейти в одну ровную горизонтальную линию:

— Черт возьми! — Джек схватился руками за голову, но тут же взял себя в руки, в тот момент он готов был отдать свою жизнь, если бы только это помогло, — Разряд! — доктор подкатил электрокардиостимулятор, дав знак ассистентам подключить его, промедление в данном случае было равнозначно убийству, — На счет три, по моей команде — ещё разряд! — он не привык сдаваться, даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, только не сейчас, особенно — не сейчас, — Ещё разряд! — его ладони и его лоб стали влажными от пота, но он продолжал наращивать напряжение, снова и снова посылая заряд, заставляя сердце работать вновь, пока тело Маргариты судорожно не дернулось и не восстановилось самостоятельное сердцебиение.

Девушка открыла глаза и увидела себя на лесной поляне — на ней была только больничная сорочка, и покрытая росой мягкая трава приятно щекотала ступни, а прохладный ветер остужал тело сквозь тонкую ткань. Над головой было ясное светлое небо, а высоко в листве деревьев пели птицы. К ней подбежали две маленькие девочки, идентичные друг другу как зеркальные отражения одна другой. У обеих была смуглая кожа, темно-карие глаза и каштановые волосы. Маргарита опустилась на колени и обняла детей.

— Мамочка! — нет, она и до этих слов поняла, кто они, но тут уже не смогла сдержать слез, — Мы так любим тебя, мамочка, но тебе нельзя быть здесь. Тебе ещё рано. Очень рано. Ты, разве, не слышишь, как тебя зовут? Они ждут тебя, возвращайся. Иначе как же мы

встретимся с тобой, мамочка? А мы ведь так хотим увидиться с тобой, — она кивнула, шмыгнув носом.

Глубокий вдох и шумный выдох. Маргарита снова открыла глаза и увидела себя лежащей на больничной койке и перепуганное лицо старшего брата прямо перед собой:

— Слава Богу, очнулась! — если бы он был уверен, что ей это не повредит, Джек бы сейчас крепко обнял её, а пока — только погладил по голове и легко прикоснулся губами к её лбу, за одно — проверяя, не прошел ли жар, — Ну, и задачку ты мне загадала, девочка. И что ты можешь мне рассказать, дорогая леди? — к немалому его удивлению, горячка бесследно отступила.

— О! Спасибо, братик, — лицо Маргариты оставалось всё ещё бледным, но она смогла слабо улыбнуться, — Я снова доставляю тебе столько хлопот, прости.

— А ты думала, я позволю тебе умереть, — молодой хирург покачал головой и улыбнулся, — В таком случае, твой муженек отправил бы меня следом за тобой. С детьми тоже всё в порядке, — уверил он, предугадывая волнуящий девушку вопрос, читавшийся в её обеспокоенном взгляде, — ты оказалась сильной девочкой, гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать, глядя на такое внешне хрупкое создание, — доктор обернулся, когда открылась дверь, и в палату зашел Джон, — Ну, а вот и он, твой благоверный, легок на помине. Я вас оставлю — пойду посмотрю, как там Дэни: не иначе, как сегодня магнитные бури какие...

— Мамочка! Ты проснулась! — впереди него вбежала малышка Аделина, она настолько естественно, не задумываясь, произносила это слово, что и сама Маргарита не думала о том, родная она ей дочь или нет, это уже не имело значения, так как они уже давно стали одной семьей.

— Я проснулась, милая, — Марго крепче обняла девочку, опустив голову, чтобы та не заметила её слез, — Мама с тобой, и больше не оставит тебя.

— Ты снова нас напугала, малышка, — Джон присел рядом на кровати и обнял обеих, — Только, даже не думай нас бросать — мы ещё не выбрали всё для детской.

— Жан, разве я могу оставить вас? — Маргарита подняла голову, интенсивно замотав ею из стороны в сторону.

К ожидавшим в холле друзьям спешили родители Маргариты, бросившие в этот день все свои дела:

— Моя дочь, где она? Что с ней? — видя их решительный настрой, медсестра в приемном покое даже не пыталась их остановить.

— Месье Шарль, успокойтесь, — вовремя появившись, доктор взял ситуацию в свои руки, — Она сейчас в отделении интенсивной терапии, самое тяжелое позади, с ней будет всё хорошо, — он сделал отметку в постовом журнале, — Нам удалось стабилизировать её состояние. Сейчас я дождусь результатов анализов и провожу вас.

— Доктор, из лаборатории передали документы, которые вы просили, — медсестра взяла у него журнал и протянула ему конверт с бумагами.

— Это невероятно! — когда он их достал, то не мог оторвать взгляда, ещё несколько раз пробежав глазами по цифрам, — За всю свою практику я не видел ничего подобного. Я не могу этого объяснить, — задумавшись, он нахмурил брови, — Её организм как будто выжег этот яд изнутри... Это ни кто не должен видеть, — Джек поспешно сложил бумаги обратно в конверт, — и надо отметить, что сделал он это очень своевременно, так как к ним стремительно приближался Артур Клейтон — начальник отца Маргариты, высокий,

подтянутый седовласый мужчина в сером костюме под цвет его седой шевелюры.

— О, Шарль! — мужчина окликнул и прибавил шаг, — Мне сообщили, что тебя вызвали в госпиталь. Что-то случилось? Я могу чем-нибудь помочь? — его голос и весь его вид выражали живейшее участие.

— Ох, Артур, — поспешил извиниться Шарль-Анри, проникнувшись таким пониманием, — Прости, я так спешил, а тебя не было на месте.

— Пустое, — отмахнулся мужчина, — Так что же стряслось? Надеюсь, ничего серьезного? — он вопросительно посмотрел на собеседника, — Если хочешь, можешь взять три дня выходных, Шарль.

— Спасибо, Артур, — ответил тот благодарным взглядом, — Я воспользуюсь твоим предложением, выходные мне, действительно нужны, чтобы побыть с дочерью. Она всех нас сегодня напугала.

— Ну, теперь я могу быть спокоен, — кивнул Клейтон, — Если хочешь, можешь взять три дня выходных, Шарль, — мужчины пожали друг другу руки, и родители Маргариты удалились в сопровождении Джека.

— Доктор Клейтон, — приветливо улыбнулась вернувшаяся постовая медсестра, — здравствуйте!

— Здравствуй, Стелла! — поздоровался мужчина, — Расскажешь мне, что тут у вас произошло?

— О! Это настоящее чудо, сэр! — для большего эффекта, молодая медсестра даже всплеснула руками и подкатила глаза, — Эта девушка, сэр... Её привезли в тяжелом состоянии, а потом она каким-то невероятным образом пришла в себя. Это удивительно, не находите?

— Чудеса, говорите? — мужчина в задумчивости почесал подбородок, — Мы же с вами люди науки, и понимаем, что чудес не бывает, — потом он снисходительно усмехнулся, — Простите, что-то в горле пересохло... не принесете мне содовой, Стелла? Будьте так добры, — молодая женщина с готовностью поспешила исполнить, а мужчина с удовлетворением наблюдал за производимым им на неё эффектом.

Случайно сдвинув папку, которая нажала комбинацию клавиш и открыла окно с последним отправленным файлом, он с интересом рассматривал выведенную на экран информацию — при всем его большом опыте, он еще не сталкивался ни с чем подобным, даже отдаленно напоминающим то, что он видел сейчас собственными глазами: "Это может перевернуть все научные представления о самой природе человека. Это может быть новым словом в науке. Что же ты скрываешь от меня, Шарль? Я же всё равно разужнаю — ты меня знаешь... Так, что же из себя представляет твоя маленькая дочь? Это несомненно стоит того, чтобы тщательно во всем разобраться..." — мысли путались, а для того, чтобы в спокойной обстановке всё осмыслить, ему нужно было кое-что сделать, и он это сделал — почти незаметным движением, пока медицинская сестра не видела, он сфотографировал изображение на свой мобильный и снова закрыл окно на экране больничного компьютера.

Стелла вернулась со стаканом содовой в руке, но объявление диктора новостей с большого плазменного экрана в холле клиники заставило всех, кто был там в это время, повернуть головы:

— А сейчас прерываем наш выпуск новостей для чрезвычайного сообщения: сегодня утром в парке обнаружена ещё одна жертва загадочных преступлений. Это уже третья по счету. Как и двух предыдущих случаях, это снова — молодая девушка, невысокого роста,

хрупкого телосложения, и снова жертва была одета в экстравагантное платье старомодного покроя. Все жертвы выглядели ухоженными, как после посещения салона красоты — укладка, макияж, маникюр, педикюр, правда, в несколько старомодном стиле. Предположительной причиной смерти эксперты считают асфиксию вследствие паралича диафрагмы, вызванного передозировкой миорелаксантами. Это пока все сведения, которыми мы располагаем на этот момент. Еще раз предостерегаем всех девушек и женщин быть предельно осторожными и в случаях, вызывающих подозрения, обращаться в ближайший полицейский участок.

Совершенно забыв о том, что его мучила жажда, Артур Клейтон быстро покинул больницу, глубоко погруженный в свои размышления.

Родители Маргариты на время сменили Джона, отвезшего маленькую Аделину домой — ужинать и спать.

Марк было тоже порывался остаться, но потом справедливо рассудил, что это в данных обстоятельствах будет лишним — лучше он навестит её уже завтра, когда она будет лучше себя чувствовать и более расположена общаться с визитерами.

А через несколько дней этот инцидент можно было бы считать забытым, если бы не одно "но" — доктор Артур Клейтон, поставивший перед собой задачу, во что бы то ни стало докопаться до истины, не посвящая при этом в своё собственное расследование Шарля, взвесив все "за" и "против" и придя к выводу, что тот не будет действовать против интересов собственного ребенка.

Как только Маргарита настолько окрепла, что могла снова позволить себе прогулки, первым делом, они с Аделькой снова отправились в парк в поисках хозяйки потерянной книги сказок:

— Стой, подожди! — окликнула маленькая светловолосая девчушка девочку постарше, показавшуюся на аллее в парке, — Подожди, пожалуйста! Я нашла твою вещь, — но та, казалось, не обращала на неё внимания, лишь быстрее пошла, растворившись в толпе, — Мама, я сейчас! Там девочка... я быстро — верну ей книгу.

— Аделина! — громко звала Маргарита, — Адель, ты куда? Подожди меня, слышишь! — Маргарита старалась не потерять из вида мелькавшую среди прохожих детскую курточку и светлые волосы, — Вот, незадача. Извините, вы тут девочку не видели — лет пяти, светленькая, голубоглазая, в голубой курточке, джинсах и кроссовках — белых с синими полосами? — находясь на седьмом месяце беременности, Маргарита не могла быстро передвигаться, и, когда она упустила ребенка на светофоре, ей оставалось только спрашивать каждого встречного, пока ей не указали, что видели похожую девочку вблизи старого района.

Девушка ускорила шаг, она уже успела заглянуть в первый стоящий дом, когда услышала знакомый голос Аделины, доносящийся из третьего дома.

— Господин Дестинофф, прошу прощения за беспокойство, — Джон сбавил скорость, нажав кнопку ответа на мобильном, когда на экране высветился входящий звонок от Ондзи, — Возможно, мой вопрос покажется вам странным, но — вы знаете, где сейчас находится ваша жена? — мужчина мгновенно свернул к обочине и резко затормозил:

— Гуляет в парке с ребенком. А что вы хотите этим сказать, господин Ондзи? — сердце ощутило кольнуло, а мозг сводило от нетерпения найти ответы на внезапно образовавшиеся, подобно снежному кому, множественные вопросы, — Говорите же, в чем дело?

— Знаете ли вы на окраине старый район под снос? — тем временем, без лишних

предисловий, продолжал голос в трубке, — Мы проезжали мимо и увидели, как она входила в старый заколоченный дом. Не в моих принципах вмешиваться в чужие дела, ведь дело, возможно, окажется довольно щекотливым, но, ей может угрожать опасность — дом ветхий, травмоопасный, в нем давно уже ни кто не живет — ума не приложу, что ей там могло понадобиться. Так мы можем убедиться, что с ней всё благополучно? Или нам подождать на улице? Всё-таки, в её положении...

— Я сейчас нахожусь недалеко — уже еду, подождите до моего приезда и не предпринимайте пока ничего, — ответил Джон собеседнику и уже собрался отключиться, как в трубке он услышал присоединившийся другой голос:

— Черт возьми, что там происходит? — наблюдавший в окно Винтер хлопнул азиата по плечу, привлекая его внимание, — Ребенок выпал из окна. Скорее, нужно помочь.

— Слышали, господин Дестинофф — у нас происшествие, — тут же сообщили на том конце, — Всё, я отключаюсь — иду в дом — третий от начала улицы. Поторопитесь, насколько возможно.

И Джон, и сидевший рядом с ним в машине Марк были крайне озадачены этой информацией. Автомобиль летел по городским дорогам с превышением скорости, рискуя наткнуться на полицейский патруль. Оба молчали, и в салоне воцарилась напряженная тишина — слишком много вопросов требовали срочных ответов, а сердце сбивало ритм от тревожных предчувствий. И как же хотелось побыстрее приоткрыть завесу этих таинственных событий, и, собирающиеся в тяжелые тучи, облака на темном небе как нельзя подходили под состояние мятущегося сознания.

А Маргарита действительно вошла в этот обветшавший дом, кроме неё там находились ещё двое — две светловолосые девочки, одна старше — с карими глазами, которые меняли свой цвет в зависимости от её настроения, другая помладше, с ярко-голубыми глазами.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — расстегивая на ходу курточку, девочка осторожно, маленькими шажками поднималась по ветхим ступенькам лестницы в заброшенном доме в пять этажей, то и дело скрипевших под её ножками, — Сюда забежала девочка. Она, кажется, потеряла эту книгу, я хотела только вернуть её.

— Ты искала меня? — когда Аделина поднялась на самый верхний этаж, закашлявшись в пыльном помещении, навстречу ей, ласково улыбаясь, вышла Лаура, — Зачем ты здесь?

— Извини, что без приглашения, — Аделька достала из своего рюкзачка книгу и аккуратно положила её на запыленное кресло и отряхнула брюки, — Ты живешь тут? Я нашла твою книгу. Вот она — возьми, пожалуйста, — она сложила рюкзак и протянула девочке большую тяжелую книгу, держа её обеими руками.

— Такая добрая и милая девочка, — Лаурита подошла ближе, обойдя девочку кругом, — Не хочешь остаться — немного поиграть со мной? — она указала на единственный, не покрытый слоем пыли, диван.

— Прости, не могу задерживаться, — заторопилась малышка, — Моя приемная мама в положении и ожидает моих сестренок, ей нельзя сейчас волноваться — на прощание кивнула она, но, ей не дали покинуть помещение.

— Такая чуткая девочка. Ты так трогательно переживаешь за свою маму... свою не родную маму, — любезность с которой Лаура произносила эти речи вызывала оторопь у неискушенного дитя, неосознанно чувствующего опасность, но не видящего, откуда она исходит, — Наивная душа, неужели, ты, правда, веришь, что они смогут полюбить тебя, как родную дочь? Особенно теперь, когда у них в скорости будут их собственные родные

дочери? — Лаура нежно обвела пальцем контур лица девочки и присела рядом, расплетая ей косу, — Ты для них всегда будешь не более, чем приёмным, которого они взяли из жалости. Они слишком добродетельны, и будут молчать долгие годы, возможно, даже, ни разу — ни словом, ни взглядом не упрекнут тебя... — её голос монотонно шелестел в такт размеренному перестуку капель начавшегося дождя, — Однако же, ни ты, ни они — не сможете забыть, кто ты. Ты всегда будешь для них только обузой, отбирая у законных родных детей ту часть родительской любви, что причитается им по праву их рождения.

— Это правда? — тихо спросила Аделина и расплела и вторую косу, стараясь не поднимать взгляда на собеседницу, чтобы та не увидела слез в её глазах.

— Не будь им постоянным живым укором их слабости, — Лаурита принялась аккуратно расчесывать пряди её светлых волос, невозмутимо продолжая, — Глядя на тебя, они каждый день будут думать о тебе, но — больше с сочувствием, чем с любовью, пока ты им не опротивишь. Они будут только и мечтать, как бы поскорее избавиться от тебя, жалея о своём приступе сострадания, в порыве которого решили проявить заботу о тебе, — и каждое её слово, не зная пощады, жалило, медленно распространяя отраву ложных домыслов по всем нервным окончаниям и самым мелким сосудам, подбираясь к самому сердцу, сжимая его в леденящих тисках.

— Но... они говорят, что любят меня... А тебе откуда знать? — упорно вопрошала девочка, отказываясь верить этим жестоким словам.

— Это они сейчас так говорят... — скорбная улыбка появилась на лице старшей девочки, — А потом... взрослые хорошо умеют лгать, даже самим себе... Я сама — сирота, и, знаешь, насмотрелась я на таких, как мы — ни у кого из них жизнь сахаром не была... Терпения моей тетки хватило ровно на три года. И, знаешь, что она потом сделала? Отправила меня в монастырь, а сбережения моей семьи бесстыдно присвоила себе, — воспоминания накатили удушающей волной, заставляя ресницы предательски дрожать, выдавая на обозрение метания её истерзанной души, но, она заставила взять себя в руки, — Но ты не думай, мне было хорошо в монастыре... до поры, до времени...

— Бедная... — Адель развернулась и обняла её, от неожиданности Лаура выронила из рук расческу и непроизвольно взаимно обняла девочку:

— Не стоит меня жалеть — жалости достойны лишь слабые, а я не такая, — сверкнула глазами Лаурита, — Исчезни из их жизни, пока их любовь не переросла в ненависть. Есть предел человеческой доброты, они не захотят тебя видеть, возненавидят тебя — ты будешь напоминать им постоянно, одним своим существованием... Подумай сама, если ты не была нужна своим родителям, то, и остальным — тем более. Ты хотя бы не помнишь своих настоящих родителей — тебе легче будет забыть о них. Со мной ты можешь не опасаться и быть самой собой, не бояться быть лишней...

— Ты что-то знаешь о моих родителях? — Аделька судорожно схватила её за руку.

— А что тут знать? — пожалала плечами старшая, — С чего бы любящим родителям оставлять своего ребенка?

— Ты очень плохо поступаешь — не боишься, что Бог тебя накажет? — осуждающе посмотрела Аделина своими небесными глазами, — Сколько же в тебе зла...

— Нет ни рая, ни ада, — зло выпалила Лаура, — Ни Богу, ни дьяволу нет дела до нас.

— Но родители... — неуверенно заикнулась было младшая.

— Да, Бог с ними, с родителями... А ты сама? Не ты ли та девочка, которая читала зачарованную книгу сказок и чуть не убила их? А со мной тебе нечего страшиться — идем со

мною.

— Я как раз и пришла вернуть тебе книгу — я узнала тебя, ты и есть та девочка, которая потеряла её, — Аделина отступила, испугавшись настигнувшего её врасплох озарения, — Или ты это специально сделала? Но, почему?

— А ты проницательна не по годам...хоть, многого ещё не понимаешь, — довольно хмыкнула Лаурита, — Идем со мной, Адель, — девочка настойчиво протянула руку, приближаясь к ней, — Всё будет хорошо, вот увидишь...

— Почему? Почему ты хотела сделать плохое им и моей маме Маргарите? Не подходи ко мне! Слышишь, не подходи! — Аделина попятилась и, не рассчитав шаг, оступилась, споткнувшись о низкий подоконник, какие были в этом старом заброшенном доме с огромными окнами, в которых почти не было стекол, отчего капли морозящего дождя попадали в помещение, — Мне тяжело держаться. Помоги мне, Лаура! — но, как та ни старалась, в своём детском теле, Лаурита не могла удержать вес девочки, — Мама! — девочка изо всех сил отчаянно пыталась зацепиться своими маленькими пальчиками, царапая их об острые осколки оконного стекла, и беспомощно телепая ногами, — Мамочка, помоги мне! Где же ты, мама?

— Оставайся в машине, — приказал помощнику азиат и побежал в дом следом за Маргаритой.

— Ты поможешь им? — крикнул вслед Винтер, и во всем его взгляде читалась неподдельная тревога, — Когда-то у меня были жена и дочь. Они были самыми добрыми и самыми светлыми из всех, кого я знал... Такой же свет я увидел в них.

— Постараюсь сделать всё от меня зависящее, — ответил азиат и скрылся за дверью.

Маргарита бегом поднималась по старой лестнице, скрипевшей по её ногам, пока одна из ступеней не треснула, и девушка не провалилась, едва успев ухватиться за остатки перил, больно ударившись животом. Из последних сил подтянувшись, она кое-как выбралась, с ужасом наблюдая, как по её блузону кремового цвета расплывается кровавое пятно — только не это, ещё один выкидыш она не переживет... Трясущимися руками она приподняла край блузона и, к своему удивлению, отметила, что раны под её руками затягиваются — осталось только пятно на одежде. Раздумывать детальнее над этим феноменом было некогда — она услышала, как Аделин зовет на помощь и, отряхнувшись, поспешила на её голос.

— Отойди от неё, сейчас же! — вбежав в комнату и скинув в кресло свой золотистый плащ, Маргарита перехватила у Лауры ладошку Алельки, — Я здесь, родная! Мама здесь, Адель! Давай руку! Держись — ещё чуть-чуть, милая! Я не дам тебе упасть. Ещё чуть-чуть... — но, сказать было легче, чем сделать: мокрая ладонь выскользнула из руки, большой живот мешал подтянуться ближе, а ветер нещадно бил косыми струями ливня в разбитые окна.

Лаура стояла, прижавшись к пыльной стене, и дрожала — первый раз она почувствовала, что не смогла бы пойти до конца, и первый раз испытала всю тяжесть вины за свои поступки — насколько далеко она готова была зайти? И почему, почему ей было так больно смотреть в чистые голубые глаза этой девочки? Почему ей вдруг так сильно захотелось, чтобы и о ней вот так же кто-то переживал, захотелось ощутить тепло чьей-то заботы. Это длилось считанные мгновения, и она скоро снова стала прежней.

— Мама! Мне страшно! Помоги мне, прошу! — ребенок большими от страха глазами смотрел на Маргариту, а она, захлебываясь слезами, всё приговаривала, что ни за что не отпустит её.

— Отпускай — я держу, давай на счет три, — мужская ладонь перехватила детскую ручку, Маргарита осела рядом, тяжело дыша, и Ондзи (а это был именно он) втянул девочку в комнату, — Успел... — глубоко выдохнул мужчина, глядя на потрясенных девушку и девочку.

— Господин Ондзи?! — Марго смотрела на него нереально расширившимися глазами, крепче прижимая к себе рыдающего ребенка, — Благодарю вас! Но, как вы здесь оказались?

— Это не суть важно, главное — я успел вовремя, — отдышавшись ответил тот, и обернувшись к Лауре, едва слышно прошептал одними губами, — Живо в лимузин, тебя не должны видеть, дома поговорим.

Лаурита незаметно кивнула и, прихватив с собой книгу, выбежала во двор, где Винтер молча распахнул перед ней двери салона автомобиля с тонированными стеклами.

— Спасибо, месье, — пролепетала всё ещё охваченная страхом Адель.

— Марго, вы там? — по лестнице черного хода уже стремительно взбегали Джон и Марк, — Всё в порядке? Мы уже поднимаемся.

— Жан! — во весь голос позвала его Маргарита, — Мы тут — наверху.

— Ох, ты ж... — к ней бросился муж, — Ну, всё. Всё, родные. Успокойтесь, Всё хорошо, хорошо... Папа здесь, папа рядом, милые, — он обнял жену и дочь, продолжавших судорожно всхлипывать, — Вы у меня самые храбрые на свете девочки.

— Господи, да что у вас произошло? — Марк огляделся вокруг, — Вы точно в порядке? — настороженно уточнил он, смерив взглядом Маргариту с головы до ног.

— Теперь — да, — нетвердо кивнула девушка.

— Какое там в порядке! — критически заметил Джон, придирчиво оценив их внешний вид, — Бог мой, да вы промокли до нитки, и у тебя кровь на одежде, а у Адели все ладони изрезаны, — проверил он ладошки девочки, протирая их влажной салфеткой, — Быстро в машину — мы едем домой принимать ванну и пить горячий шоколад, — потом он обеспокоенно принялся рассматривать следы крови на одежде Маргариты, — Никогда так больше не делайте! Я уже и не знал, что думать. Вот, хорошо было бы, если с вами что-нибудь серьёзное произошло? Я бы этого не пережил, — всё нахлынувшее волнение выплеснулось наружу, когда Джон с силой обнял их, словно, всё ещё боясь потерять, — Вы хоть представляете, как я испугался за вас! Ну, скажите на милость, чего вас сюда занесло, а? Понимаете, как вам повезло, что Танака-сан сам оказался рядом, и меня предупредил? Ну, почему мне ничего не сказали?

— Прости, Жан, времени было мало, надо было действовать быстро, ты же видел, — Марго опустила свои глаза, ещё не просохшие от слез, потом таинственно улыбнулась, погладив себя по животу, — Кажется дорогой, я теперь временно неуязвима — видимо, наши девочки решили сами исцелить мамочку — у меня ведь не было такой силы, так, что можешь за меня не волноваться.

— Да ты что?! — не сдержал удивления Джон, взяв её за руку и поднес её к своим губам, — Это же прекрасно! Только рисковать и проверять эту концепцию мы не будем.

— Пап, ты только не ругайся, это мама за мной пошла, — неожиданно вступилась Адель, — Я девочку встретила, что книгу потеряла, помнишь, я рассказывала, которую в парке видела. Я хотела её ей вернуть. А потом эта девочка стала говорить страшные вещи... что меня ни кто не любит, и я ни кому не нужна... А я ей и говорю, чтобы она ко мне не приближалась, и тут я оступилась... Я просила помочь мне, но, она была слишком слаба, мама очень старалась, но и у неё не хватило сил, а вот этот мужчина смог — он вытащил

меня. Я такого страха натерпелась, когда висела там за окном...

— Благодарю, господин Танака, — повернулся в его сторону Джон, — Это просто счастье, что вам удалось успеть. Я ваш должник, — азиат только покачал головой:

— Не стоит, я рад, что смог помочь.

— Стоп, стоп, так тут ещё кто-то был? — стараясь не терять нить происходящего, спросил Марк.

— Это была Лаура... — тихо произнесла Маргарита.

— Черт возьми, она была здесь?! — Марк с досады сильно зарядил кулаком об стену, — Дьявольское отродье! Как она могла вообще сказать такое, если сама знает, каково это — быть сиротой? Она переходит всякие границы! Ты только не смей верить ни единому её слову — я в своей жизни много всего повидал — и плохого, и хорошего, но, я редко встречал таких людей, как Джон и Маргарита — нам очень повезло, Адель, что мы их встретили в своей жизни.

— Час от часу не легче, — вздохнул Джон, накинув на плечи жены свой плащ, — Спасибо, Марк! А ты сильно изменился, — приятельски кивнул он в сторону юноши.

— Видимо, она не встречала таких людей, и говорит по своему печальному опыту, только такие мысли лишь тянут на дно, — закончил Марк, и Аделька улыбнулась, вытерев рукавом нос, и Маргарита послала ему полный благодарности взгляд.

— А кстати, где она? — Марк повернул голову к азиату, — Господин Ондзи, здесь был ещё один ребенок?

— Да, была здесь ещё одна светловолосая девочка, но, она, видимо, испугалась и убежала, — азиат беспечно отмахнулся, — Дети такие впечатлительные... Забудьте о ней — я бы на её месте, вероятно, поступил так же. Что взять с ребенка?

— Вы не понимаете, господин Танака, она нам знакома, — встретившись взглядом с черными глазами Джона, азиат замолчал и нервно сглотнул, перед глазами снова встала его пылающая деревня, — И она очень опасна.

— Вот как? — усилием воли Ондзи изобразил на лице беспечную улыбку, смотря в эти глаза, в которых он, как в зеркале, видел все свои грехи, и ему было интересно, знает ли сам Джон, какой эффект имеет его взгляд, когда его сознание перестает контролировать его силу, — Если я увижу её, или что-нибудь узнаю о ней, то непременно сообщу вам. А сейчас, нам лучше не задерживаться здесь, пока нашими машинами у разваливающегося дома не заинтересовалась полиция, к тому же — уже темнеет, а тут не работает освещение.

— Тогда мы уходим — мы припарковались тут за углом, напротив черного входа. Сможешь идти, дорогая? — Джон заботливо помог Маргарите подняться, но, поднявшись, она почувствовала, что у неё закружилась голова и слабые ноги с трудом удерживали её, пришлось ему нести её на руках до машины.

— Пойдем, Адель, — Марк взял девочку на руки, завернув её в свою куртку.

Последним за ними шел азиат.

Навстречу им из автомобиля вышел Винтер с сигаретой в руках, он обошел машину и открыл перед азиатом переднюю дверь.

— Спасибо, Винтер! — кивнул ему Ондзи, — Вы ещё не знакомы? — прежде чем сесть в салон, он обратился к остальным, — Разрешите представить моего помощника — Винтера. Это именно он обратил моё внимание, когда ваша жена заходила в тот дом. Благодаря ему я смог успеть.

— Примите и вы мою благодарность, господин Винтер, — Джон протянул руку,

мужчина в ответ подал свою, и едва не отдернул её тотчас — ладонь будто обожгло каленым железом, но мужчина мужественно натянул на лицо приветственную маску, — Садитесь, сейчас поедem домой, — Джон помог своим женщинам сесть в машину, — Марк, подожди, я сейчас отойду покурить, и мы едем, — садясь, Маргарита успела заметить, как Винтер улыбнулся ей.

— Всего хорошего! — Ондзи помахал рукой из окна автомобиля, — Передавайте от меня привет сенсею Джеку и леди Даниэлле, — старался, чтобы его голос звучал как можно небрежнее.

И уже спустя пять минут машины разъехались в разных направлениях.

— Всё, мы уже поехали, я могу пошевелиться? — Лаурита недовольно сморщила носик, — Ондзи, и в салоне не кури, пожалуйста.

— Лаура, ты вообще, считаешь, что вытворяешь? — мужчина с усилием потушил сигарету о пепельницу, — Они мне пока доверяют, а ты хочешь всё испортить? Совсем спятила?

— Не учи меня и не смей на меня кричать, — Девочка откинулась на спинку сиденья, скрестив руки на груди, — У меня разболелась голова, вернемся к нашему разговору завтра.

— Так, ну теперь мне страшно будет вас одних отпускать куда-либо, — Джон, повернул голову в сторону заднего сидения, где уже засыпали Марго и Аделька, нервно теребя кисти своего шарфа, — Не нравится мне всё это... Чувствую, что этот господин — Ондзи, что-то недоговаривает...

— Может, стоит телохранителя нанять? — предложил Марк.

— Хорошая мысль, — мужчина призадумался, — У тебя и кандидатура имеется на примете?

— Нет, кандидатуры, к сожалению, нет, — покачал головой парень.

— Марк, а ты? — Джон вопросительно посмотрел на него, перейдя на шепот.

— А что я? — озадаченно моргнул юноша.

— Ты сам? — продолжил размышлять Джон, — Обычный человек нам не подойдет, — сначала он замялся, не зная, как начать разговор, — Послушай меня, я представляю, что для тебя это будет тяжело... психологически... — слова старался подбирать аккуратно, — Но, мне больше не на кого рассчитывать — что Питер, что Этьен — сущие дети по сравнению с тобой, хоть и старше тебя. Тебе всего лишь нужно будет подстраховать меня, когда я буду занят на работе, пока я не посоветуюсь с Самаэлем. Я понимаю, что это слишком... с моей стороны. Возможно, я не имею права просить об этом, но, мне некого больше просить. Я знаю, что ты до сих пор равнодушен к ней, и ты согласишься.

— Как у тебя всё просто, — сердито буркнул молодой человек, — Конечно, кто свободен — Марк, у кого нет личной жизни — у Марка! А у меня, между прочим, тоже работа, если ты не забыл, и связанная с частыми поездками.

— Тише ты! Разбудишь, — цыкнул на него Джон, — Не кипятись так, я очень тебя прошу, — у него уже не осталось аргументов.

— Похоже, у меня нет выбора, — капитулировал Марк, испустив тяжкий вздох, — Ты знаешь, кстати, что для одного рекламного ролика я хожу на курсы по стрельбе?

— Даже так! — с интересом хмыкнул мужчина, — Ты у нас просто ларец с множественным дном, никогда не знаешь, какие ещё таланты у тебя откроются. Вот и водить научился.

— Мне ты, выходит, доверяешь? — осторожно покосился на него юноша, — А ты

заметил, как смотрел на Маргариту тот мужчина — помощник Ондзи? И ты не ревнуешь?

— К нему? — усмехнулся Джон, — Ни капли. А мне его даже по-мужски жалко, я счастливый соперник.

— Да он тебе даже не соперник, — покачал головой Марк, — Уж я-то знаю, что говорю.

— Ну, тогда я ему могу ему только посочувствовать — он же жизни не видел, — откровенно заключил Джон.

— Так, бегом-бегом принимать ванную, — Джон растолкал своих пассажиров, когда автомобиль остановился перед домом, — Сами справитесь? — в прихожей мужчины помогли им снять верхнюю одежду.

— Боже! — всплеснула руками с порога Даниэлла, увидев, в каком они состоянии, — Давайте снимайте с себя всё это безобразие и идите в ванную, — указала она в направлении ванной комнаты, — а я приготовлю вам пока горячий шоколад. Джон звонил из машины — полотенца и халаты уже там. И учти, сестричка, завтра я жду полный рассказ со всеми подробностями о том, что случилось, — серьёзно предупредила блондинка, — И Джек утром вернется с дежурства — пусть осмотрит вас, на всякий случай.

— Спасибо, дорогая! Да, Господин Ондзи передавал вам привет — если бы не он и его помощник... ой, ладно, не будем об этом, — Марго расцеловала подругу, и, взяв за руку девочку, проследовала на водные процедуры, — Ну, что, Аделька — какую пену для ванной выбирать будем? — поинтересовалась Маргарита, обведя взглядом полочку с гелями для душа и душистой пеной, — С малиной? С ванилью? Или с персиком?

— С малиной! — хитро улыбнулась девочка.

— Ну, хорошо — с малиной, так с малиной, — девушка сняла с полки бутылочку пены для ванной с малиновым ароматизатором, — А давай мы тебе из пены корону сделаем? И мантию — будешь настоящая принцесса!

— А вы меня сильно ругать будете? — малышка вдруг серьёзно посмотрела на Маргариту.

— Будем, но не сильно, — улыбнулась девушка, открывая горячую воду.

— Прости меня, мамочка, — Адель соорудила виноватые глаза, — Тебе было очень больно?

— Мне было бы больно, если бы с тобой что-нибудь случилось, — Маргарита развела пару колпачков пены, и в ванной распространился ягодный аромат, — Ну, давай раздевайся и полезай в воду, сейчас будет тебе малина, — и водрузила на голову Аделины пенную корону.

— Мам, вы меня всё равно любите? — когда Маргарита намылила шампунем её голову, девочка крепко зажмурилась, чтобы мыльная пена не защипала глаза, — Даже после всего, что я натворила?

— Дорогая, ты не верь тому, что тебе Лаура наговорила, — Марго принялась вытирать ребенка полотенцем, — Мы обязательно выясним всё про твоих настоящих родителей — мой отец обещал помочь, если это те люди, о которых мы думаем, то, он знал их. Я уверена, что они ни на минуту не переставали любить тебя, думаю, у них были веские причины поступить так. Вот у Марка, например — как всё получилось? Совсем, не так, как все думали. Обманчивым оказалось первое впечатление. Представляешь, не каждый может похвастать тем, что у него две мамы и два папы. Родители — это те, кто всегда поймут и будут любить. Даже с родными детьми не всегда в семьях достигается взаимопонимание, а

ты нам уже как родная. У некоторых — между родными людьми нет таких теплых и доверительных отношений, как в иных семьях с приемными детьми. Ты сейчас ещё слишком мала, но, потом, когда у тебя будут свои дети, ты поймешь. Родители — не столько те, кто зачал и произвел на свет, а сколько те, то вкладывает в тебя душу, кто может радоваться вместе с тобой твоим успехам и переживать за твои поражения, кто протянет тебе руку, если ты оступился, но — не сделает всё за тебя, а позволит тебе самому подняться, не потеряв своего достоинства, те, кто посоветуют нам и поделятся с нами, как бы они повели себя в аналогичной ситуации, но — не будут требовать неукоснительного следования своим советам, те — кто будет знать о нас всё, и всё равно продолжать любить нас такими. Понимаешь, они могут казаться нам занудными и противными, может казаться, что они подавляют нас, ограничивают нашу свободу, считают нас вечными несмышленными младенцами, не способными самостоятельно принимать решения. Но, знаешь, это не совсем так. Просто им не безразлично всё, что происходит с нами, всё, что нас касается. И что ещё я скажу тебе — мне жаль Лауриту — она это от зависти наговорила, она просто хочет, чтобы на неё обратили внимание, чтобы и её любили так же сильно, как мы любим тебя. Ты ведь говорила, что она сирота — так? Вот я, например, думаю, что ей бы очень хотелось, чтобы о ней кто-нибудь позаботился, полюбил бы её.

— Русалочки, вы там ещё не уплыли к далеким морям? — постучала в дверь Даниэлла, дразня чашкой напитка, от которого шел пар, проникавший сквозь дверной проем, — Ваш горячий шоколад вас уже ждет.

— Ну, беги, — Маргарита подала девочке банный халат, — Я сейчас быстро приму душ и присоединюсь к вам.

Уложив Аделину спать, Марго вернулась в спальню.

— О! Мадам Дестинофф, вы так донельзя аппетитно пахнете ягодами, что я бы с удовольствием вкусил, — прошептал Джон, когда они оказались одни в спальне, — Моя обворожительная соблазнительница... А твои губы так сладки, что я готов целовать их вечно, — и поцелуи его теплом своим уже горели на её шее, — Я так испугался за вас, — и его руки и губы были для неё лучшим успокоительным, и она отставила на столик пустую чашку, когда допила шоколад, с упоением покоряясь ему.

— Ну, ты же нас защитишь, правда? — Маргарита подняла на него глаза, сдерживая улыбку.

— А я готов защищать вас прямо сейчас, — он крепче обнял её, — Женщина моя любимая...

— Можно я сегодня с вами ночевать буду? — в дверях спальни стояла Аделина, прижимая к себе любимую игрушку — большого плюшевого медведя.

— Ну, давай, ныряй под одеяло, — мужчина откинул покрывало, и довольный ребенок расположился между ним и Маргаритой вместе со своим медведем, — Вот, все мои девочки со мной, — Джон обнял обеих, — Спите сладко, а завтра мы пойдем на целый день гулять в парк

— Урра!!! — с радостным возгласом Аделька обхватила своими ручками его шею.

— А как же твой бизнес? — спросила Марго, улыбаясь.

— Грош — цена мне, как руководителю, если дело развалится при моём отсутствии одни сутки, — он провел рукой по её волосам, — А сейчас засыпайте и ни о чем не переживайте — папа проследит, чтобы ни какое зло больше вас не потревожило.

— А папа сильнее зла? — девочка посмотрела на него своими большими голубыми

глазами.

— Намного сильнее, и знаешь почему? — Джон поцеловал её в макушку, — Потому, что у него есть вы.

— А братик Али и Розы с нами пойдут? — спросила Аделина, и в блеске её глаз не осталось уже ничего от сегодняшнего кошмара.

— Ну, думаю, они не поглупеют, если пропустят один день занятий, — лукаво подмигнул мужчина.

Утром Маргариту разбудил поцелуй мужа и преподнесенный им стакан свежесжатого яблочного сока:

— Доброе утро, красавицы мои! Просыпайтесь, утро уже в самом разгаре. Умывайтесь, потом — легкий завтрак, собираем бутерброды в дорогу и отправляемся в парк, — девушка с улыбкой посмотрела на стакан сока в своей руке, а Аделька весело запрыгала на кровати, — Только натуральный сок, и даже не проси у меня кофе — тут я буду непреклонен, — и Джон действительно был тверд в своем решении, а глаза его улыбались, — Приводите себя в порядок, а я пока побреюсь — салат с семгой и гречневая лапша уже ожидают вас на кухне.

— Дорогой, мне что-то не хочется есть пока, — робко начала было Маргарита.

— Ты можешь есть, сколько тебе хочется, но, дети должны получить всё им необходимое, — полушутя, полусерьезно произнес он, погладив её по животу, и возражать что-либо ему было бесполезно.

— А почему папа бреется? — с детской непосредственностью поинтересовался ребенок.

— Папы бреются ради дочкиных щечек, — мужчина провел пальцем по щеке девочки, — Вот ты какой хочешь получить поцелуй — колючий или нежный? — Аделина довольно улыбнулась:

— Папа, а мы будем сегодня собирать конструктор? — она посмотрела на него совсем по-женски кокетливо, — Еще ты обещал мне рассказать на ночь сказку.

— Ну, раз я обещал, то, как мужчина, должен держать свое слово, — усмехнулся Джон.

— Папочка, возможно, однажды я встречу своего принца, но ты навсегда будешь моим королем!!! — широко улыбнулась Аделька, — Мамочка, а ты — моя королева, — девочка повернулась к Маргарите — Я когда вырасту, тоже буду пить кофе? И мы будем сидеть как подружки, пить кофе, есть пирожные и сплетничать обо всем на свете? — Марго провела рукой по её светлым волосам и обняла:

— Мне бы очень хотелось, чтобы так и было, дорогая. Дочка — это не только маленькая девочка, но и — большой друг.

Только Марк всё не мог забыть... Он прекрасно помнил, что обещал Маргарите не искать встречи с Лаурой, но...

Ему не давало покоя, что где-то безнаказанной остается та, что изувечила его жизнь...

Теперь ему было ради кого и ради чего жить на этом свете, но это дело он не мог оставить незаконченным — он должен посмотреть ей в лицо, по-настоящему, а не через призрачную призму сновидений.

Марк легко поднялся по скрипящим ступеням обветшалого дома до самого верхнего — пятого этажа, он видел, как Лаурита мелькнула среди идущих впереди прохожих, и поторопился не отстать от неё:

— Лаура, я знаю, что ты здесь, покажись! — он зашел в большой зал, освещенный лишь слабым отсветом свечей в нескольких стоявших на полу, высоких бронзовых канделябрах,

пламя которых трепетало под порывами холодного ветра, задувающего в разбитые окна, — Лаура! Ты же была тут, когда здесь были Маргарита и Аделин — не знаю, как тебе удалось уйти, но, я точно знаю, что без тебя не обошлось — и этого я тебе не могу простить. Только попробуй ещё хоть раз приблизиться к ним — и я за себя не отвечаю. Лаура! Покажись же! Или ты можешь только женщин и детей запугивать? Возможно ли, что ты испугалась меня?

— А с чего ты решил, что я тебя боюсь? Ты же не обидишь невинного ребенка? Люди тебе всё равно не поверят, — из-за тяжелой портьеры смело вышла Лаура, дерзко улыбаясь, — В сущности, ты такой же, как и я — с гнилой душой убийцы. Уж ты-то должен знать, как это — быть убийцей. Ты ведь убийца, Марк — мало чем отличающийся от меня. На твоих руках — кровь Модеста, кровь Правителя Темного двора, так и не рожденного ребенка твоей драгоценной Маргариты да и твоей собственной матери... И её не стереть — она глубоко просочилась в тебя, — она говорила медленно, растягивая и выделяя каждое из слов, эхом разносившихся под высокими сводами старого здания.

— Не сравнивай нас! Невинная... ты? Я бы рассмеялся, будь у меня настроение веселиться, — в неистовстве Марк сжал пальцы рук до боли, до хруста в суставах, — Я... не убийца... Мои друзья знают, кто я и они приняли меня таким, — процедил он, преодолевая судорогу мышц.

— Думаешь, твои, так называемые, друзья так же будут понимать тебя, когда узнают о тебе всю правду? Что-то я очень сомневаюсь в этом. Они никогда не примут тебя, а я же принимаю всех и каждого, кого отвергли, — она тонко коснулась его руки, — Бедный маленький Марк... Один, совсем один... Все тебя забыли, поглощенные друг другом и своей любовью. Кто же поможет тебе и поддержит? Они лишь вынужденно терпят тебя — избавь же их от своего общества, окажи им эту услугу. Ещё чуть-чуть, Марк — и наступит конец боли, конец сомнению и сожалению, на смену им придут успокоение и умиротворение, — девочка искоса посмотрела на него, и взгляд её, словно гипнотизировал, вынуждая отступить к самому краю, где оставались только стена да острия остатков оконного стекла, — Ну, же, смелее, Марк: один шаг — и ты свободен, свободен от всего... — она продолжала наступать, не убирая протянутой ему руки, — Не бойся... Ничего не бойся...

— Да, ты на это раз права, на удивление — это всё по моей вине, — спокойно ответил он, и в голосе его не было ни тени страха, и оправдываться он не собирался — не перед ней, только совесть его будет ему судьей, — и за это я отвечу в своё время, но не сейчас и не перед тобой, и я — не убийца, это была самозащита. Модест был тварью, я видел, как он ударил свою жену, и она разбила голову — только благодаря чуду она выжила, он бы и меня убил, хотя, мне тогда это было всё равно — я не мог позволить ему и дальше отравлять жизнь других — его не трогала чужая боль, а уж о боли я знаю достаточно, — тошнота подступала к горлу, хотелось вместе со словами выплюнуть и все воспоминания, что желчью беспощадно разъедали его изнутри, — Только не смей своими лживыми устами упоминать моих друзей. Слышишь, не смей! Ты бессильна подчинить меня, Лаура! С Правителем Темного Двора у нас был честный поединок — он мог точно так же убить меня, у нас были равные шансы, я лишь оказался немного проворнее. Я видел, что он сделал с той женщиной — Альвис, одной из немногих, кто проявили ко мне участие, а в его глазах не было ни грамма раскаяния или сожаления. И не я отнимал жизнь своей матери — ты прекрасно знала, что она согласится на всё, что угодно, чтобы спасти жизнь сына — так ведь, Лаурита? Только ребенок Маргариты на моей совести, и мне жить с этим до конца моих дней, — отступая, он не заметил, как шагнул за низкий подоконник испытал на своей коже холодное

дыхание ветра и в своих волосах.

— Марк, солнышко, — и ему показалось, что он услышал голос матери, а в облаках ему привиделся её образ, как она улыбалась ему и протягивала свою руку, — слушай только своё сердце, верь только в себя — как я в тебя верю. Я всегда верила в тебя — и буду верить. Я люблю тебя, сынок, и как бы бесконечно сильно я не желала видеть тебя — тебе ещё рано... Не слушай слова её — живи.

— Мама? Мама... — он пытался дотянуться до этих облаков, а с неба пошел мокрый снег, неприятно бьющий по щекам и глазам, оставляя мокрые следы на коже, а ему показалось, что это слезы матери, он даже смог почувствовать их соленый привкус (или это были его собственные слезы?), — Я — не убийца, и не стану самоубийцей — и не надейся, Лаура, — прошептал он, вглядываясь своими серыми глазами в нескончаемую небесную синь, отчего они приобрели серо-голубой оттенок, и только тогда он понял, что падает, и выиграла в нем его сила, не давая погибнуть, — Ветер, мне нужна твоя сила! Я нуждаюсь в ней! — и под его руками заплясали воздушные потоки, смягчая падение, — Моё небо любит меня... — "пахнет снегом прозрачная боль — то ли даль, то ли высь, то ли смерть..." — так, кажется, поётся в одной из его любимых композиций популярной современной фолковой группы.

Марк лежал на земле, он был ранен, но жив — кровь стекала на мокрый асфальт, окрашивая снег, но, к своему удивлению, боли он не ощущал. Он широко раскрыл глаза, глядя в безграничное вечное небо, и слезы потекли из глаз, а его сотрясал истерический смех — он жив, несмотря ни на что, он жив и плевать на всё, что говорила Лаура — неправда, он не одинок, и не будет больше одиноким — никогда... Пока у него есть отец, пока у него есть друзья, пока у него есть любовь Мей... Он обещал девушке дождаться её, пока она не закончит своё образование и не вернется из Японии — он не имеет права погибать, пока не увидит Мей снова, не может подвести её — ведь он дал ей своё слово. А сколько ещё слов они должны сказать друг другу...

Юноша тяжело встал на ноги, придерживаясь за стены, прошел до ворот и, отряхнув свой плащ и закутавшись в него поплотнее, и остановил такси. Таксист опасливо покосился на него, но, прежде чем он успел высказать свои подозрения, Марк потерял сознание, успев только протянуть водителю визитку с адресом клиники, в которой работал Джек — и тому ничего не оставалось, как поскорее отвезти истекающего кровью парня туда, где ему смогут оказать квалифицированную медицинскую помощь, не мог же он позволить ему умереть прямо в салоне его автомобиля.

Проигнорировав все договоренности, миниатюрная наследница промышленной текстильной империи Сакурада сорвалась с родных островов при одном упоминании, что её возлюбленный Марк попал в госпиталь, и уже на следующий день она прилетела во Францию и первым делом купила зеленого чая и легких закусок и вызвала такси до клиники.

И вот она уже в приемном отделении получает информацию о правилах посещения пациентов и поднимается лифтом в отделение травматологии:

— Всем — общий привет! — бодрым шагом Мей прошествовала по больничному коридору и, развернувшись, присела в кресло в расширителе, — Так, ну и где этот веселый человечек, которому я люблю отравлять жизнь? — Даниэлла указала кивком на одну из дверей, — Если он ещё жив там, то я сама его добыю, — девушка состроила страшную гримасу.

— Бонжур! Мы уже уходим, — улыбнулась девушке Марго, выходя из палаты Марка, —

Можешь зайти.

— Вот я удивляюсь тебе, Маргарита — а ты-то куда смотришь?! — азиатка смерила её, озадаченно хлопаящую глазами, претенциозным взглядом, — Этот паразит нам почти изменяет с этой пигалицей, которой я руки-то поотрывала бы, чтобы знала, как к чужим мужикам пакши свои протягивать.

— Нам? Господи, а я-то тут причем? — Марго закашлялась от неожиданности, а Дэни едва не подавилась смешком.

— Ну, ладно, я — так, никто — всего лишь его липовая девушка, но, ты — любовь всей его жизни, — Маргарита опустила глаза, — И как ты это терпишь? — девушка резко встряхнула её, заставив поднять голову.

— Это что, я — к Лауре должна была его ревновать, так получается? Да, что ты несешь, детка? — Маргарита могла только беспомощно отмахнуться.

— Да, вот, несу вкусняшек нашему болезному, — Мей с довольным видом продемонстрировала бумажный пакет с провиантом, — Ой, да ладно — шучу, шучу. Ну, я пошла, пожелай мне удачи, — она набрала побольше воздуха в грудь и решительно открыла дверь:

— Привет! Как ты, Марк? Ну, вот — стоило мне отлучиться, как ты опять вляпался.

— Ты приехала... бросила всё ради меня? — он смотрел на неё, не скрывая благодарного взгляда, — Значит, они всё-таки рассказали тебе? Я же просил их не делать этого, не беспокоить тебя...

— Я всего лишь на несколько дней вырвалась, к сожалению, так что не напрягайся так. Скажи мне, какого тебя понесло туда, а? Мало тебе приключений на твою буйную голову? — она принялась флегматично расставлять на прикроватном столике принесенные гостинцы, — Что ты там забыл? Мне ты можешь сказать правду.

— Там была ОНА, понимаешь... Хотел в глаза этой стерве посмотреть, — негромко ответил он, одарив собеседницу тяжелым взглядом, — Давай сменим тему, пожалуйста

— Ну, и как — насмотрелся? — настойчиво продолжила она, присев рядом на кровати, — Мне бы на неё тоже взглянуть хотелось — и я не пальцем делана, так можешь и передать, что лучше ей не попадаться мне на глаза, я не прошу ей того, что она причинила зло моему мужчине, — затем она успокоилась, деловито озираясь по сторонам, — Хорошо. Так, где тут у тебя любимый чай твоей любимой женщины?

— В тумбочке, — кивнул парень.

— Ну, твоё счастье, милый, — улыбнулась она ехидно, — О, зеленый с жасмином, — одобрительно хмыкнула девушка, доставая упаковку из шкафчика, — хороший чай, дорогой. Сейчас заварю — себе, — она включила электрочайник.

— Для тебя — только лучшее, — усмехнулся Марк.

— Нужно добавить: "ты для меня дороже, моя ненаглядная" — иронично ухмыльнулась девица, — А как ты хотел любить меня — я женщина дорогая. Так, что — прошу любить и не жаловаться. Ты чай-то будешь? — обернулась она к нему.

— Ну, вот, и зачем я такой тебе сдался? От меня одни проблемы... — юноша с интересом наблюдал за ней, — Тяжело со мной будет, понимаешь...

— Ну, я привычная к трудностям. Вот, что я скажу тебе, — она отхлебнула чай и отставила чашку, — Перестань казнить себя. Соберись с духом и расскажи им всё, наконец — если они не поймут тебя, то они — не друзья тебе.

— Легче сказать, чем сделать, — он глубоко вздохнул, подняв глаза к потолку.

— Но, ведь, если не попробуешь, то и не узнаешь, — она мягко опустила руку ему на плечо, но, быстро отдернула её и отвернулась.

— Всё ты верно говоришь... — он сел на кровати, провел рукой по её спине и почувствовал, как вздрагивают её плечи, — Эй, ну ты чего плачешь? Всё же обошлось.

— Чего, чего, — она отсела подальше от него, шмыгнув носом, — Того, что дурак ты — вот чего. А если бы не обошлось? — она повернула к нему лицо, перепачканное потекшей тушью, а спустя секунду он уже прикладывал ладонь к пылающей щеке, к отпечатавшейся на ней пощечине, которой она наградила его в порыве чувств, — Это только чудо, что ты отделался поверхностными повреждениями при падении с пятого этажа, а ты думал лишь о себе — эгоист.

— Прости, наверное, ты права — я столько времени жил один и был предоставлен сам себе, что, возможно, не умею уже иначе — придется тебе набраться терпения и научить меня, — улыбнулся Марк, — А я живучий... И, знаешь, я рад, что ты вернулась.

— Я тоже очень рада, что вернулась, — тихо ответила девушка, — И я... люблю тебя, — последние слова она произнесла как можно тише, но он их всё равно услышал. Возможно потому, что они предназначались именно ему...

— Ну, ты занятая, — приобнял он её, улыбнувшись, — Я пока не готов ответить тебе так же, ты уж извини...

— Ключевое слово — ПОКА, заметь, — она с достоинством подняла подбородок, — Ничего, подожду... И как только меня угораздило влюбиться в такого ненормального, как ты? Я и сама, наверно, ненормальная, — она смерила парня смешливым взглядом.

— Здравствуй, сынок! — в палате появились отец Марка и Сандра, — Как ты себя чувствуешь?

— Здравствуй, отец! — обрадованно обнял обоих Марк, — Здравствуйте, Александра!

— Здравствуйте, барышня! — приветственно улыбнулся Витриченко-старший, — Как хорошо, что вы вернулись, теперь я могу быть за него спокоен.

— Благодарю, пан Витриченко, — довольно улыбнулась она, многозначительно стрельнув глазами в сторону юноши, — Теперь я прослежу за тем, чтобы с ним больше ничего не случилось.

— Вот, сердечное вам спасибо, милая барышня, — похлопал её по плечу Лев, — Вы уж проследите за ним.

— Всенепременно, пан Витриченко, — подмигнула девушка, растрепав челку Марка, и, поправив сумочку на плече, покинула помещение.

Еще на несколько дней Лали-Мей осталась с друзьями, чтобы дождаться результатов по японской визе Марка и вместе с ним вернуться в Японию. Марк уже почти восстановил форму и мог вернуться к работе, а она обещала показать ему свой город в перерывах между съемками. Незаметно, они становились всё ближе и ближе, под одобрительные улыбки Витриченко-старшего и Александры, которые и сами не далеко ушли от молодежи, наслаждаясь простыми, нехитрыми радостями жизни и обществом друг друга.

С приоткрытого балкона повеяло сумеречной прохладой — по календарю, октябрь уже давно царствовал в природе, и девушке захотелось встать, чтобы закрыть дверь:

— Так ты и есть та самая Лали-Мей? — азиатка обернулась, но в комнате ни кого не было, — Рада, наконец, с тобой познакомиться, — спокойно продолжил голос, и из-за шторы появилась белокурая девочка в школьном клетчатом сарафане поверх белой блузки, тонких белых колготках и черных лаковых туфельках, её светлые волосы были распределены

В два хвоста.

Внешне она выглядела совершенно безобидно, наоборот — её хотелось приласкать и приголубить. Наивные неизменно попадали под чары её больших и откровенных глаз, чистого личика, пухлых губ и золотистых волос — она прекрасно осознавала это и безжалостно использовала.

Девушка откинула плед и поднялась с кресла:

— Не скажу, что взаимно, — японка вспомнила, что рассказывал ей Марк, и захотелось волосы повыдирать этой нахалке, если она не уберется отсюда сию же минуту, — А ты, видимо...

— Лаура, — девочка улыбнулась и медленно подошла к креслу, став позади.

— Ну, конечно, — презрительно фыркнула японка, раздраженно вскинув брови, — Кто же это ещё может быть...

— О, так ты слышана обо мне? — с ложной скромностью Лаурита прикусила губу и опустила глаза, — Не знала, что я настолько известна.

Мей нервно развернулась в её сторону:

— Так это ты, маленькая мерзавка, пугаешь детей и беременных женщин? Нам с тобой не о чем разговаривать, — она напряженно пыталась контролировать себя, чтобы не сорваться, — Я никогда не прощу тебе того, что ты сделала с Марком. Ты мне неприятна. Убирайся с глаз моих!

— Так уж и не о чем? — девочка склонила голову, растянув благосклонную улыбку, — Ты красива, очень красива, только что проку в твоей красоте, если ты не можешь очаровать единственного важного для тебя мужчину. Марк, милый мальчик... А он хорош, не правда ли? Как раз о Марке я и хотела поговорить. Что я сделала? Я не ищу твоего прощения. Давай, лучше, поговорим о том, что ты можешь сделать для него — оставить его в покое, к примеру. Ты же не хочешь, чтобы его имя ассоциировали с такой, как ты? Не хочешь? Да, и к чему так унижаться, когда он желает другую и мыслит о другой. Он ничего тебе не обещал и не пообещает. А связь его имени с твоим может погубить его карьеру. Ты же не хочешь видеть мужчину, которого ты любишь, нищим и беспомощным? Но, знаешь ли — всё в этом мире продается и покупается, надо только знать цену. Ты могла бы попытаться купить его, только у тебя ещё нет возможности распоряжаться своим капиталом.

— Он никогда не примет этого, а я никогда до такого не опущусь! — гневно бросила японка, задыхаясь от негодования.

— И то верно, — охотно согласилась Лаура, но, тем не менее, продолжила снова, — Тогда, тем более — зачем? Зачем продолжать то, что заранее обречено? Ты только рушишь его судьбу. Какой мужчина захочет связать свою жизнь с женщиной с такой репутацией, как у тебя? Переспать раз-другой ещё можно, но кто будет всерьёз воспринимать отношения с такой, как ты...

Мей ощутила, как начинает меняться, а ногти её стали удлиняться:

— Пошла прочь! — выпалила она, принимая облик демона возмездия Юрэй, запустив томиком графической новеллы, которую она читала, но Лауры в том месте уже не оказалось.

Задыхаясь и глотая слезы, Лали-Мей опустилась в кресло, становясь снова человеком. Как же ей было больно! Настолько, что она пожалела, что не умерла тогда, вместе со своей семьей — тогда бы она уже ничего не чувствовала. Хотя... нет, пожалуй, тогда бы она не встретила его и не полюбила бы. Надо научиться быть благодарной судьбе. И с этими мыслями она похлопала себя по щекам и глубокими глотками осушила стакан холодной

воды — на завтрашнем свадебном торжестве она должна выглядеть неотразимой, именно для этого она согласилась остаться.

04. Семейные ценности

И вот, она выбрала для торжества платье насыщенного синего цвета, выгодно подчеркивающее достоинства её фигуры. Но, даже выглядя идеальным образом, она продолжала волноваться, стараясь тщательно скрыть свое состояние от остальных, что, впрочем, в данной ситуации, когда все были увлечены празднеством, было задачей ей вполне по плечу.

Подруги не могли налюбоваться прелестью и очарованием невесты, чьи зеленые глаза сверкали сегодня ярче драгоценных изумрудов в её украшениях.

Маргарита, одетая в длинное платье кремового цвета, свободно расходящееся от груди, вынуждена была по большей части быть наблюдательницей происходящего. Она обожала праздники, но в настоящем её состоянии она быстро утомлялась и не могла уже танцевать столько, сколько ей того хотелось.

А рядом кружили в вальсе рыжая пара Этьен и Николь, тут же рядом были и Мишель с Жозе, Джастина и Дэн и прибывшие на торжества Кали и Самаэль, а также Ями с Рафаэлем. И как тепло и солнечно стало на душе от того, что она уже могла не опасаться ни рыжей богини, ни младшего брата своего любимого мужа, найдя в своем сердце место и для них. Первой она была благодарна за то, что помогает воспитывать будущего достойного мужчину в лице маленького Алишера, а второй — пересилив боль и одиночество, смог принять свою семью и даже спас ей жизнь, едва не поплатившись своей собственной жизнью.

Ну, и, конечно же — самая главная пара вечера.

Давно ли она сама имела лишь статус дочери? А давно ли Питер бегал маленьким мальчиком в коротких штанишках? А давно ли они были свидетелями удивительной истории предков красавицы Евы? Кажется, что всё это было ещё только вчера. А вот уже они вступили во взрослую жизнь. И сколько им уже довелось испытать, что не каждому и за всю жизнь столько не выпадет.

Найдя глазами среди танцующих — своих родителей, своего брата и белокурую подругу в платье нежно-голубого цвета, Маргарита улыбнулась и положила голову на плечо мужа, ещё раз мысленно поблагодарив судьбу за то, что ей так повезло с близкими.

Позже, в перерывах между танцами она ещё вспомнит, что хотела узнать историю знакомства Мистера Дерекка и мадам Камилл, и она узнала её.

И история эта, пусть и была более реальной, чем сказочной, но не была лишена трогательности: Камилл была ещё более юной и свежей, хотя и с возрастом не утратила своей привлекательности, и подрабатывала в университетской библиотеке. Там её и увидел Дерек. Девушка как раз раскладывала новые поступления на верхние полки с помощью лестницы. Отвлекаясь на молодого человека, она оступилась, упав прямо на него, едва не сломав при этом руку и разбив при этом две пары очков — свои и его. Этот день послужил концом очкам и началом отношений — вот, прямо с первого совместного похода в салон оптики.

А их дети давно уже стали для неё членами семьи. В детстве она всерьез думала выйти замуж за Питера, а её златовласая подруга могла сделать внушение её родителям, если те поддавались уговорам и отпускали Маргариту без шарфа в ветреную погоду, и на юбилей она подарила её отцу диск с записью концерта одной из его любимых музыкальных групп — "Rainbow" — с дарственной надписью: "Отцу моей лучшей подруги".

Не хватало только Марка и господина Ондзи с его помощниками.

И тут Маргарита почувствовала ощутимые толчки в животе:

— Прости, дорогой, кажется, наши девочки решили, что мамочке уже хватит танцевать, — виновато улыбнулась она, и Джон предложил проводить её за теплой одеждой и идти уже прощаться с остальными.

А Марк опаздывал... Даже ради свадьбы друзей он не мог отменить съемки. Стоит отметить, что он, и правда, сдружился с Этьеном и Питером — и не потому, что они больше подходили ему по возрасту — всего на пару лет старше, и даже не потому, что они также предпочитали трезвый образ жизни, и собутыльников для посиделок доктора и Джона из них не вышло, и ещё потому, что под участливыми взглядами старших товарищей он чувствовал себя смущенным и уязвимым. Друзья... Мей... А когда-то у него не было никого, и что самое интересное — тогда это его совершенно не волновало, ему никто и не был нужен. А сейчас? Сейчас же он действительно рад, что больше не одинок.

Единственное, чем мог помочь ему в этой ситуации Ондзи, это — подвезти сразу после съемок к месту проведения банкета, для которого азиат любезно предоставил свой клуб.

И чем ближе автомобиль подъезжал к месту назначения, тем сильнее нервничал — там будет ОНА, златовласая Даниэлла... Встречи с которой он так желал и так старался избегать. Что ей до его терзаний? Она не знает и не узнает никогда. Зачем ей? Она счастлива, и он не имеет права разрушать это счастье. Но, господи, как же хочется снова её увидеть. Как это не похоже на него — когда последний раз он вспоминал о Боге? Как же ему плохо... Впору покончить разом со всем, да вот незадача — он не может этого сделать, потому что бессмертен. И на что оно ему теперь? Чтобы страдать всю вечность, не имея возможности прикоснуться к ней, поцеловать, любить? К чему ему всё это? Зачем ему слава, деньги, успех, молодость и бессмертие? Зачем, если не с кем разделить всё это? Он, хоть и привязался к Лауре за это время, но она так и осталась капризным избалованным ребенком, с которым тяжело поделиться. Есть ещё Винтер и Макс... Но, это ведь не одно и то же — делиться с другом и делиться с любимой женщиной... И в кругу коллег и поклонников, он ощущал себя, порой, таким одиноким и потерянным.

Его соотечественница, миниатюрная темноволосая японка по имени Лали-Мей тоже изрядно нервничала на праздничной вечеринке. Она ничего не видела и не слышала — все её мысли были там, где сейчас был ОН. Не может быть, чтобы эта девка была права... Он не может так думать — кто угодно, только не Марк, а на мнение остальных ей наплевать. Он никогда не лгал ей. Кто другой, возможно и увидел бы в ней только ту, с кем можно разругой переспать, и не более. Только не он, только не он... Боже, ей просто жизненно необходимо срочно увидеть его, услышать его голос, заглянуть в его серые глаза и прочесть в них ответы на мучившие её вопросы, дотронуться до него. Но он опаздывал. А ей как воздух требовалось увидеть его.

Едва сделав глоток, она и не заметила, как залпом осушила уже второй бокал шампанского. И только ощутив, как окружающая действительность потеряла резкость, а ноги — твердость, подкатила легкая тошнота и закружилась голова, она вспомнила, что настолько разволновалась после той неприятной встречи с Лауритой, что так ничего и не ела с самого утра.

Мей оглянулась в поисках, за что бы ухватиться, дабы не упасть. Она уже занесла свою ногу в изящной туфельке на высоком каблуке над... бассейном. И когда она успела выйти на задний двор?

Сильные руки подхватили её. Девушка повернула голову, икнула и замерла — это был Марк.

— Ты пила? — юноша нахмурил брови.

— Я... видимо, да, — она снова икнула и шмыгнула носом, в одной руке вертя пустой бокал, второй вцепившись в рукав его рубашки, — Господи, стыд-то какой... — замотала головой, и та снова закружилась.

— Считаешь, что это делает тебя взрослой? — Марк покачал головой, — Тебя проводить домой?

— Марк... помоги мне, — девушка захотела отступить, чтобы оправить его рубашку, которую она смяла, но совсем забыла, что стоят они у края бассейна, а когда вспомнила, то было уже слишком поздно, её нога ступила на воздух, и оба свалились в воду, — Бог мой, твоя одежда, она, верно, жутко дорогая... Марк, прости, я... — она закрыла лицо руками, отчаянно жмурясь, чтобы не зарыдать со стыда и досады, а когда подняла голову, то их мокрые лица оказались так близко. Между ними повисло напряжение ожидания и желания — эта близость в равной степени сводила с ума и пугала, но, видимо, там, на небесах, всё уже давно было предрешиено для них

— К черту одежду. Мей, постой, погоди... — он пришел в себя от ощущения своих губ на её губах и с большим трудом заставил себя отстраниться, — Не обижайся, детка, но я всегда считал, что в этом процессе должны участвовать, как минимум, двое, а ты сейчас не в том состоянии. Я предпочитаю иметь дело с трезвыми женщинами. Да, и что я буду за мужчина, если воспользуюсь ситуацией — ты слишком дорога мне, чтобы поступать подобным образом. Сейчас нам лучше вернуться домой и сменить мокрую одежду.

И почему она так на него действует? Девочка хоть догадывается, чего ему стоит сдерживать себя, когда она рядом? Ещё немного — и его просто накроет. Она продолжала всхлипывать в его объятиях. А он не мог понять, от холода ли дрожит сейчас или от прикосновения её горячего тела.

Как всегда, легко, юноша выбрался из бассейна и помог выбраться ей. Если бы его пиджак не был промокшим, он бы накинул его ей на плечи — она сейчас выглядела такой особенно маленькой и хрупкой. Он ещё не знал, насколько неисповедимы пути судьбы, которая уже готовит ему лучший из своих даров. Как не знал он ещё и того, что его женой, всё-таки, суждено стать миниатюрной брюнетке, и имя её будет начинаться на букву «М» — только ею будет не Маргарита, как он полагал в начале.

Мысли Марка прервали появившиеся новобрачные:

— Прости, Пит, у нас тут непредвиденные обстоятельства, — парень пожал руку удивленного Питера.

— Ох! — сердобольная Евангелина накинула девушке на плечи свою меховую накидку, та благодарно улыбнулась, очень стараясь не стучать зубами от холода, — А что это вы в таком виде? На улице уже давно не лето — вы рискуете опасно заболеть, возможно, даже с осложнением. Подумать только — вы же насквозь промокли!

— А мы вас уже обыскались, — на задний двор вышли Джон с Маргаритой, вместе с Ондзи искавшие Марка, который, как сообщил им сам Танака-сан, прибыл вместе с ним, но так и не появился в зале.

— Что это с вами? Искупаться решили? Так, не сезон уже, — усмехнулся азиат, открепляя от связки изящный блестящий ключ, и протянул его, — Вот ключ от комнаты на втором этаже — там отдельный санузел, мини-бар и в шкафу должно быть кое-что из

одежды. Сразу прошу простить меня, что не предлагаю вам наилучшие апартаменты — их я уже обещал молодоженам.

— Тогда, чур — я первая занимаю ванную! — девушка взяла у него из рук ключ и легко вспорхнула по ступенькам лестницы на второй этаж.

— Стій! Зачекай!(Стой! Подожди! Укр.) — Марк растерянно пожал плечами и последовал за ней, а компания обменялась догадливymi взглядами, — Дівчино, зачекай! Та зупинись ти нарешті. Що трапилось? (Девушка, погоди! Да остановись ты, наконец. Что случилось? Укр.)

А Мей успела первой забежать в ванную и заперлась на щеколду. Видели бы её сейчас родители — это же надо было так опозориться. И перед кем? Ну, как так можно было? А казалось бы, ниже падать уже некуда. Нет, её совершенно не этому учили в семье. Её поведение абсолютно неподобающее. Что он о ней теперь подумает? О! Вот об этом размышлять ей совершенно не хотелось:

— Дура! Непробиваемая дура! — скинув мокрую одежду и встав под теплый душ, девушка с чрезмерным усердием принялась тереть свое тело губкой, словно пытаясь очиститься от своих пороков.

Когда она вышла, одетая в махровый халат, Марк стоял спиной к ней, обнаженный до пояса, полотенцем он вытирал мокрые волосы, выбирая из разложенных на кресле рубашек. Он услышал её шаги и обернулся. Девушка покраснела, но не отвела взгляда, продолжая зачарованно любоваться им.

— Со мной что-то не так? Почему ты так странно на меня смотришь? — парень вопросительно изогнул бровь.

— А ты? Почему ты так глядишь? — смущенно выдавила она, поплотнее запахнув полы халата, и они оба продолжили молча смотреть друг на друга, тяжело и сбивчиво дыша.

— Вспомнил, как в первый раз увидел тебя, — он тоже невольно залюбовался ею.

— С тех пор моя жизнь изменилась благодаря вам, — азиатка улыбнулась, игриво прикусив губу, и под его взглядом стало горячо.

— Если ванная свободна, то я пойду, приведу себя в порядок, — юноша поспешил проследовать дальше по коридору, ощутив потребность принять душ, ему о слишком многом нужно было подумать, — Поможешь мне потом выбрать рубашку? — эта девушка действовала на него странным образом, а он уже и не помнил, когда последний раз так реагировал на женщину, а к её атласной коже хотелось дотронуться губами и пальцами, познавая её на вкус и прикосновение, хотелось брать и дарить взамен всего себя без остатка. Хотелось ещё большего — прикоснуться к её душе.

— Конечно! — маленькая японка несказанно обрадовалась этой возможности быть ему полезной, — А я пока присмотрю что-нибудь для себя, — она принялась деловито разбирать найденную в шкафу женскую одежду.

Для себя она выбрала серебристое платье с пышной юбкой и черный двубортный плащ с крупными металлическими пуговицами, что делало её похожей на поп-звезду в стиле диско.

В поддержку её собственного образа, она подобрала Марку серебристую рубашку и черный с серебристым шейный платок, за что была удостоена похвалы от него, и сердце её готово было взлететь до небес от ликования. Сама того не подозревая, она выбрала ту рубашку, которая давно нравилась Марку, он даже договорился с господином Танака выкупить её после показов.

Когда они спустились в зал, объявили медленный танец, на который дамы приглашают

кавалеров, и девушка насмелилась взять его за руку и повести в общество танцующих пар.

И ощущение их сомкнутых пальцев, которые они не желали размыкать, вселяло такое чувство спокойствия и такой силы. Когда их взгляды скрещивались, пальцы соприкасались — сквозь позвоночник тело пронзали множество электрических разрядов, отзываясь покалыванием в кончиках пальцев и на губах. И когда танец закончился, они ещё несколько мучительно долгих секунд продолжали стоять в объятиях друг друга. И тут ей в голову пришла дерзкая идея, и она предложила продолжить этот вечер вдвоем, а он в ответ расписал достопримечательности местного парка и достоинства аттракционов и национальной кухни. Так, шепотом обменявшись несколькими фразами, но от самого его факта кровь быстрее побежала по венам, и сделалось невыносимо жарко и душно, они прошли мимо танцующих пар, поглощенных друг другом, и с облегчением ощутили на себе прохладу вечернего воздуха.

И прогуливаясь аллеями парка, они просто наслаждались обществом друг друга и этим спокойным и приятным вечером:

— Спасибо, Марк! — девушка внезапно остановилась, развернувшись лицом к нему, и обаятельно улыбнулась, — Это был один из самых лучших дней в моей жизни. Я с детства не чувствовала себя так легко... — она внезапно замолчала и притихла, сморгнув вместе с подступившими слезами мучительные воспоминания о безоблачных днях счастливого детства, когда её семья была рядом...

— Хочешь ещё мороженое? — испытав подобную трагедию в своей жизни, на каком-то ментальном уровне Марк уловил её переживания, крепче сжав её ладонь, подбадривая её своей теплой улыбкой, и Мей невольно улыбнулась ему в ответ и кивнула в знак согласия, — Я тоже. Тогда идем — купим самое вкусное.

— Лучше я тебя подожду тут — успокоюсь и приведу в порядок макияж, — она снова виновато улыбнулась.

— Подожди меня на этой скамье — я сбегаю куплю нам по порции, — он подмигнул, указав на ближайшую лавочку, — Я быстро — уже вечереет, и я не хотел бы оставлять тебя одну надолго.

— Не беспокойся, со мной будет всё в порядке, — она достала из сумочки сначала зеркальце и расческу, потом салфеткой вытерла под глазами размазанную тушь.

— Привет, крошка! — пока Марк ходил за пломбиром, а она оглядывалась по сторонам, изучая окрестности парка, словно по волшебству, начавшие меняться в свете вечерних фонарей, возле её скамейки возникли люди из её прошлой жизни, которых вовсе не желала бы ни видеть, ни слышать, — Соскучилась за нами? — один из подошедшей троицы крепких парней присел тут же рядом, нагло навалившись всем телом на её плечо, больно вонзаясь пальцами в кожу, разворачивая к себе.

— Убери свои руки, придурок! — она резким движением поднялась со скамейки, убрав его руку, глядя дерзко и вызывающе, сплюнув после того, как прокусила ему вторую руку, которой он попытался повернуть её лицо к себе чтобы сорвать с её губ поцелуй, — Я уже давно этим не занимаюсь.

— Ах, ты, маленькая сучка! — размашистый удар ладони, сумочка её отлетела на газон, и хрупкая девушка не удержалась на ногах, разбив колени при падении, прижав руку к разбитой губе, из глаз брызнули слезы.

— Эй, парни, кажется, девушка ясно дала понять, что вы ей не интересны, и она не хочет вас, — Марк появился вовремя, от неожиданности увиденной им сцены пакет с

покупками выпал из его рук, — Шли бы вы отсюда, но, сначала вы извинитесь перед ней.

— Слышь, пижон, сам вали, куда шел, пока не расписали твоё ухоженное личико, — он кинулся к Мей, но троица преградила ему путь, — И с чего такой интерес к этой узкоглазой шлюшке? Или ты сам не против поразвлечься с ней? Тогда — в очередь, мы с ней только начали. Да и кто будет спрашивать её, чего она хочет — это её работа, ублажать мужчин. Да, детка? Ты же не откажешь нам по старой дружбе? — один из них схватил девушку за локоть, поднимая с земли.

— Она больше не работает, — Марк перехватил её руку, отодвигая за свою спину, — Просите прощения у моей женщины! В моем присутствии никто не смеет оскорблять её!

— Да ты кто такой? — Марка поймали за ворот его серой рубашки, уже занеся руку для удара, — Пошел на хрен, пока цел.

— До вас плохо доходит? — он остановил руку нападавшего, с силой сжав его кулак, чуть не сломав при этом ему пальцы, — Повторяю — я не уйду без неё.

— Нарываешься, пижон? — в руках двоих других сверкнули лезвия ножей, — Ты что, её новый постоянный клиент? Смотри, как бы мы не отбили тебе способность иметь дело с женщинами.

— А вы заставьте меня. Вы не знаете, с кем связываетесь, — Марк зло ухмыльнулся, показав средний палец. — Упс, оно само... — его сузившиеся глаза блестели стальным холодом.

— Марк... — девушка вцепилась в его руку, ноги уже отказывались удерживать тело в равновесии.

— Уходи, я догоню тебя, вот только закончу нашу увлекательную беседу с этими "джентльменами", — одной рукой он подтолкнул её, но Мей осталась стоять на месте. — Мей? — он повернул голову в её сторону, и эта секундная задержка стоила ему касательного ранения груди, разрезавшего тонкую ткань одежды вместе с кожей, оставляя узкую алую линию, на глазах растекавшуюся кровавым пятном поверх светло-серого цвета его рубашки, — А вот это вы зря, я совсем не дружелюбный и весьма злопамятный к таким засранцам, — второй раз Марк не позволил себя одурачить, мастерским ударом выбив оружие из рук противника, и предстал пугающего вида ракшасом.

— Чё за нах? — бандит стиснул зубы от боли в кисти, ополоумевшими глазами уставившись на него, — Где пижон? И ты — кто такой, твою мать?

— Оружие — не игрушка, к нему мозги прилагаться должны, которых у вас нет. А теперь — мой ход, — и мощный порыв ветра впечатал нападавших в могучие стволы ближайших парковых деревьев.

— Какого тут вообще происходит? — они, пораскинув своим скудным серым веществом, благоразумно дали деру, спасая свои шкуры, — Это же, мать его, не челове

— Пусть они сами разберутся, а мы займемся более приятными вещами, — однако, поймать девушку оказалось задачей не из простых — она, подобно скользкому угрю, умудрилась ловко извернуться:

— Нет! — у них на глазах преобразилась и она, явив демона возмездия по имени Юрэй, её темные глаза, выделенные красной подводкой гневно горели разрушающим пламенем, из её горла вырвался душераздирающий крик, леденящий кровь, а из широких рукавов её кимоно появились прочные красные ленты, опутавшие оппонента, — Проси прощения, червь! Или моя рука дрогнет, и ты попрощаешься со своей никчемной жизнью, — зло прошипела она у самого его лица, приставив к горлу короткий кинжал.

— Д-да, госпожа, конечно, госпожа, прошу меня извинить... — пролепетал он, насмерть перепуганный, ещё недавно бывший столь самоуверенным.

— Проваливай, падаль! — процедила она вслед уползающему на четвереньках поверженному противнику — Не попадайся больше мне на глаза и помни мою доброту — в следующий раз моя рука может оказаться где пониже, и ты перестанешь быть мужчиной.

— Черт, это была моя любимая рубашка, — Марк вытер рукавом лицо и осмотрел обрывки, некогда любимой им, модной серой рубашки, — Танака-сан даже разрешил мне купить её после завершения показов.

— Марк, ты ранен? — девушка подняла с земли свою сумочку, достав из неё влажные салфетки, чтобы протереть его руки и лицо, — Это всё моя вина... — она опустила глаза, не решаясь посмотреть на него.

— Так, пустяковые царапины. Ты почему не ушла, как я велел? — он взял её за руку, ловя взгляд её наполненных слезами глаз, — Почему?

— Ты сказал, что я — твоя женщина, — она сжала его ладонь, наконец, найдя в себе силы пересечься с ним взглядами.

— Ты не согласна? — улыбнулся он, не отпуская её руки, — А тебя лучше не злить, да, красавица?

— Разве могла я после этого оставить тебя? Твои слова придали мне смелости, — Мей рывком высвободила свою руку, отсев на расстоянии от него, вжавшись в спинку лавки, подтягивая ноги к животу и обхватив их руками, — Марк, прости меня. Я не заслужила такой твоей заботы... Я не достойна такого мужчины — сегодня я четко это поняла. Мне было бы проще отдать свою жизнь за тебя, чем позорить тебя связью с такой... Забудь всё, что я тебе говорила — я больше никогда не побеспокою тебя. Кто я и кто ты... — голос её понизился до шепота, — Я — грязь... Она была права... Права... Я не заслужила тебя...

— Кто я? Интересный вопрос, — юноша поднял голову, глядя на плывущие в небе облака и, начинающие появляться, первые вечерние звезды, — Бывший вор и убийца... Я научился драться, чтобы не быть битым, я научился воровать, чтобы не умереть с голоду... Я не боюсь ни черта, ни Бога — отбоялся уже своё, и запачкаться я тоже не боюсь. Я видел столько грязи и дерьма, и ты совершенно точно не подходишь под это определение, ты — сильна и прекрасна, просто ты заблудилась, но смогла изменить свою жизнь. Она — это Лаура, да? Она и тебя достала? И ты ей поверила?! Наше прошлое может быть тягостным и болезненным, но я спрашиваю тебя, Сакурада Мей — позволишь ли ты своему прошлому разрушить твоё будущее, или мы рискнем отринуть его и начать сегодня с чистого листа писать наше совместное завтра? Чтобы бесстрашно глядеть вперед, мы сначала должны набраться смелости посмотреть в глаза всем призракам своего прошлого. Если нам свыше дан шанс начать жизнь заново — глупо будет не воспользоваться им, как считаешь? — он поднялся со своего места, присев перед ней на корточки, — Чтобы увидеть радугу, говорят, нужно пережить ливень, и даже после самой темной ночи наступает рассвет. И мы не одиноки в этом мире. Ты не одинока... Лаура не сказала главного — что только мысли о тебе не дали ей власти надо мной, не позволив ей погубить меня.

— Что бы ты ни говорил, я поверю каждому твоему слову — потому, что это говоришь ты. Пусть даже теперь прогонишь меня — ты в праве так поступить, — она дрожала в его руках, прижимаясь к его груди, под гладкой кожей цвета слоновой кости чувствуя крепкие мышцы, и объятия рук его были крепкими, какими и должны быть объятия сильного мужчины, на которого всегда можно положиться, — Но, клянусь тебе — с того дня, как я

увидела тебя, мне претит сама мысль о том, чтобы меня касался другой мужчина кроме тебя.

— Даже когда плачешь, ты красива, — девушка, и правда, выглядела сейчас удивительно: густые черные волосы в растрепанной причёске контрастировали с её белой кожей, настолько тонкой, что казалось, сквозь неё просвечивают мельчайшие капилляры, от чего создавался эффект мрамора — и вся она походила на ожившую прекрасную статую, — Потому что, женщина, которая влюблена — прекрасна. Я не встречал ещё такой, как ты — одновременно такой сильной и такой хрупкой, такой гордой и такой уязвимой. Пока я жив, ни один мужчина не коснется тебя, если ты этого не захочешь, — и он не находил объяснения тому, чем же она так притягивала его, заполняя собой все мысли и проникая под самую кожу и в глубины нервных окончаний, — И хоть будущее наше ещё не ясно, но с любовью в душе мы можем сделать его лучше.

— Я закрываю глаза и слышу ту музыку, что звучит по всей земле, — Мей самозабвенно улыбнулась, мечтательно закрыв глаза, — Она слышится повсюду и переполняет меня — прекрасная и бесконечная, как сама вечность.

И волшебная мелодия взорвалась внутри волнующими переливами самых изысканных трелей, расцветая сотней миниатюрных пылающих солнц.

— Эта мелодия называется "Мелодией бесконечности", и она звучит тогда, когда два сердца бьются в унисон — как объяснила мне в своё время одна девушка, которую и ты хорошо знаешь, которая показала мне, что я могу не только разрушать, но и созидать. И вот так гораздо лучше — ты намного красивее, когда улыбаешься, — Марк тоже улыбнулся и легко потрепал её челку, — И мы вместе пройдем этот путь длиною в жизнь, если ты вдруг устанешь, просто скажи мне, моих сил хватит на двоих, — она открыла глаза и встретила взгляд его серых глаз, и его губы коснулись её горячих губ, и он забыл себя, задаваясь единственным вопросом — возможно ли, чтобы губы человеческие были столь сладки? — Поехали домой? В таком виде, в котором мы сейчас, мы можем продолжить наше свидание только дома, — предложил он, не отрывая от неё взгляда, и она расплылась в счастливой улыбке, — Интересно, а цветочные магазины ещё работают?

— Знаешь, вид у тебя был, и правда, пижонский, — она осмотрела его с ног до головы смешливым взглядом.

— Ты так думаешь? — хмыкнул парень, — Моя внешность — инструмент, которым я зарабатываю на жизнь как модель. Ты понимаешь меня? В работе хостес внешность тоже важна. К тому же — это, своего рода, уважение к окружающим людям, чтобы им было приятно смотреть, а может быть — просто компенсация за годы лишений, когда теперь я могу позволить себе лучшее. Как актер, я научился подавать себя, даже научился улыбаться, но и это была только игра на публику. А рядом с тобой я могу быть настоящим — и не важно, радуюсь я или грущу, злюсь или тоскую — я буду тебе безразличен. И ты мне безразлична, и мы можем делиться друг с другом любым душевным состоянием.

— Ну, разумеется, — тотчас же подтвердила она, потом подняла голову, привлеченная громкими звуками, и дернула его за рукав, заставляя посмотреть наверх, где небо расцветало яркими огнями, — Ой! Смотри, Марк — смотри же: это фейерверк! В центре парка устроили фейерверк. В детстве меня родители всегда брали с собой на праздники, мама помогала мне надеть красивое кимоно и сделать сложную причёску, а папа водил нас в парк аттракционов и покупал сладости.

— Вот видишь, как тебе повезло, что у тебя есть такие воспоминания — храни их всегда в своём сердце, — улыбнулся он, обнимая девушку, — Я многое бы отдал хоть за часть таких

воспоминаний, — он вдруг загнулся, и глаза его стали влажными: в конце концов, он — только восемнадцатилетний мальчишка, семнадцать из которых он прожил не зная своей семьи и своих корней, — Я никогда не любил ни парки, ни праздники, особенно свой день рождения — в такие моменты особенно остро ощущаешь своё одиночество, когда все вокруг веселятся и радуются жизни в семейном кругу. И всё время спрашивал себя — кто я, где моя семья?

— Я всегда поддержу тебя, — Мей провела ладонью по его щеке, — Я не знаю, есть ли Бог на самом деле, но мы вместе попытаемся отыскать его.

Дорогой домой, устроившись на заднем сидении такси, Мей беззастенчиво положила голову на колени Марка — кажется, это становилось уже её фирменным приемом. Впрочем, он не стал возражать, лишь аккуратно поправив выбившуюся прядь её волос. Хотел ли он пойти дальше? Бессмысленно было бы лгать самому себе — его влекло к ней, и сопротивляться этому влечению было всё сложнее, и это вызывало страх. Страх, что он не оправдает тот образ идола, что она создала для себя. Вдруг более близкое знакомство с оригиналом заставит её разочароваться? Хотелось ли ему ощутить шелковистость её волос, почувствовать бархатистость её кожи, увидеть улыбку на её точеном лице и блеск в её глазах? Хотел ли он её? Да, черт побери! Кому он врет! И больше всего боялся не оправдать её надежд. Пережив насилие в детстве, мысли об интимных вопросах вызывали в нем целую бурю противоречий, точно на нем было выжжено несмываемое грязное клеймо. Сможет ли он стать счастливым? Сможет ли сделать счастливой её?

— Какие красивые... — в полу-сне пробормотала девушка, когда он почти машинально принялся растирать пальцы её холодных рук.

— Ты что-то сказала? — от неожиданности он непроизвольно дернулся, но она только крепче сжала его ладонь:

— Руки у тебя красивые, — такие простые слова, и она так легко их говорит, — и глаза — тоже, — он благосклонно-сдержанно улыбнулся, а внутри всё билось и kloкотало, и подступающие слезы заставили его моргнуть:

— Уже скоро мы приедем, — тихо произнес он, и она снова закрыла глаза, не выпуская его руки.

До комнаты он донес девушку на руках, осторожно помог снять плащ и в нерешительности остановился:

— Дальше справишься сама?

— А ты хотел помочь? — маленькая чертовка, ещё при этом так многообещающе-соблазнительно улыбнулась, — Я бы не отказалась.

Черт! Это она, что — провоцирует его сейчас? Испытывает на прочность его выдержку, которой и так не осталось? Но это было бы нечестно по отношению к ней, как бы ему не хотелось дойти до конца, но — не сегодня, не при таких обстоятельствах.:

— Спокойной ночи, — он коснулся губами её лба.

— Спокойной ночи, Марк, — провела пальцем по его губам, потом невинный легкий поцелуй щеки.

Да, какое может быть тут спокойствие, когда внутри всё горит от непонятого чувства! Срочно нужно взять себя в руки — ещё несколько секунд, и будет поздно. Один... Два... Три...

— Спокойной ночи, — Марк выдохнул, коротко поклонился и покинул комнату.

Он уже запустил кофе-машину в надежде скоротать остаток вечера за чашкой кофе

и побыть наедине со своими мыслями. Однако, одиночеству его не суждено было продлиться долго.

В коридоре послышался шорох, потом — звук открываемой дверцы шкафа в прихожей. Потом он услышал голос — Мей звала его:

— Марк, ты слышишь? Слышишь? — девушка накинула дождевик и уже надевала непромокаемые сапоги, — Это дождь! Дождь! — он только успел накинуть куртку и захватить зонт — такого воодушевления и такой радости на её лице он ещё не видел.

А она потянула его на улицу, принявшись весело прыгать по лужам, поднимая брызги и кружась под дождем, ловя капли губами и руками.

Глядя на это её маленькое безумие, губы его сами изогнулись в улыбке, и он тоже подставил свое лицо дождю.

Какой же она ещё, по сути, ребенок... А когда он сам последний раз вот так запросто радовался рассвету, снегу, или, вот, обычному самому дождю?

А капли дождя смывали всю тяжесть, и на душе становилось легче.

А в клубе у господина Ондзи свадебное торжество подходило к завершению. Сменив за роялем Николь, азиат играл проникновенную композицию собственного сочинения. Мало того — он ещё и сам пел, и голос его совершал непередаваемые обороты от высоких тональностей, к более низким, глубоким, чуть хриплым — и обратно. И все в зале заворожено притихли и слушали. А его песня предназначалась только одной — той, чьи волосы золотым нимбом сияли в свете изысканных люстр, соперничая с блеском её ясных глаз, той, чье гибкое тело выгодно подчеркивал тонкий шелк.

Финальную композицию для гостей сыграли сами молодожены — в качестве признательности и благодарности за чудесный вечер.

Это его последний шанс, если он хочет пригласить её на танец.

К его радости, златовласая приняла приглашение. Её улыбка согревала и очищала, а ещё — он сам заметил на её тонкой шее серебряный кулон в виде ангела, что подарил ей.

Девушка провела по цепочке рукой и нежно улыбнувшись, ещё раз поблагодарила за подарок.

Боже, дай сил! Эта её улыбка — как она больно резала, этот её взгляд, от которого так и хотелось зажмуриться, спрятаться, скрыться... Но руки сами обняли хрупкий стан её — крепче.

Не сводил с неё глаз, и только вовремя закончившая звучать композиция уберегла его от опрометчивого поступка — поцеловать её на глазах у всех.

Посчитав, что теперь для этого настал наилучший момент, он ещё раз поклонился и церемонно простился со всеми.

Выкуривая сигарету, он наблюдал, как в морозном воздухе пар от его дыхания принимал необыкновенные формы.

Домой он ехал, пробиваясь вечерними пробками — создавалось впечатление, что город с наступлением темноты только оживал, расцветиваясь огнями множества автомобильных фар, магазинных витрин, окон домов и парковых фонарей.

Оставив в прихожей обувь и верхнюю одежду, он проследовал в комнату — Лаура уже спала, не дождавшись его. Он бережно поправил покрывало и присел рядом, перебирая её светлые локоны:

— Лаура, скажи, почему всё так запуталось? Почему мы такие, и нет нам покоя? Тех людей, что причинили нам боль уже давно нет на этом свете, а мы до сих пор живы...

Только — жизнь ли это? — девочка во сне улыbnулась и перевернулась на другой бок, — Что же снится тебе, госпожа? — он поцеловал её белокурую макушку и вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Он вышел на лоджию, сел в кресло и закурил, всматриваясь в панораму ночного города, открывавшуюся из окон их высотного этажа.

Спустя некоторое время тихие звуки шагов и последующие успокаивающие массирующие движения нежных рук заставили его расслабленно откинуться и закрыть глаза:

— Фи, Ондзи, ты опять курил? Я же просила тебя, — Лаура поморщила хорошенький носик, игриво хлопнув его по плечу.

— Прости, госпожа, — мужчина виновато улыbnулся, поднеся её ладошку к своим губам, — Мне показалось, ты спала.

— Тебе, смотрю, тоже не спится, — она провела пальчиком по его напряженному лбу, — Вон, и лоб уже нахмурил. Тебе не идет, кстати. О чем ты думаешь, Ондзи? Ты много думаешь последнее время, тебе не кажется? И нахмуренное выражение лица тебе не идет — морщины останутся.

На минуту он задумался, подбирая слова для ответа. Лаурита, хоть и выглядела маленьким ребенком, но отнюдь не была таковой — свои шесть веков она прожила не зря, и порой ему казалось, что она видит его насквозь и уже заранее знает, что он может ей ответить.

Видя, что его лицо непроницаемо серьезно, Лаура тоже перестала улыбаться.

— Лаурита, скажи, а ты думала о том, что нас ждет? — он посадил её к себе на колени, с надеждой глядя на неё, — О том, что такое любовь? Что такое сочувствие? — ей показалось даже забавным это выражение растерявшегося школьника на его лице, испытывавшего дискомфорт при первом столкновении с трудно разрешимой задачей.

— Сочувствие? К тем, кто бросил нас гнить во тьме? — глаза её сузились, выражая раздражение и презрение, — Не смей меня!

— И тебе совсем не жаль их? — девочка резко замотала белокурой головой:

— А кто меня пожалел, скажи? — она требовательно посмотрела в его глаза цвета ночного неба, потом быстро сплотнула злую слезу, — Хорошо быть добрым и благородным, когда у тебя в жизни всё хорошо, когда есть семья и близкие, которые не жалеют на тебя своей любви, своего времени, своих денег, — детскими устами говорили в ней обида и боль, и мужчина почувствовал это, как она не старалась крыть от него свои истинные душевные порывы.

— Ты, похоже, сегодня не в настроении, госпожа, — примирительно улыbnулся Ондзи, погладив её светлые волосы, — Предлагаю сменить тему разговора.

— Что-то ты совсем размяк, хотя раньше ты славился своей стойкостью, — Лаура провела пальчиком по его губам, — Не знай я тебя настолько близко, могла предположить, что ты влюбился, — стремясь отыскать ответ в его непроницаемом сосредоточенном взгляде, — Ты хоть иногда думаешь обо мне? Как о женщине?

Ондзи напрягся и попытался выдавить снисходительную улыбку:

— Лаура... — он старался не выдать своих переживаний, чтобы не вызвать её гнева, — Ты же прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. К чему эти разговоры? — и его умиротворяющий взгляд бальзамом проливался на её истерзанную душу:

— Ты можешь брать любую из них, — спокойно заметила она, погладив его по напряженной руке, — Только не забывай, что твоя верность принадлежит мне. С ними

можешь удовлетворять себя, но ты всё равно будешь возвращаться ко мне. На мое горе, у меня тело ребенка, и я не могу доказать тебе свою любовь, но чувства мои сильны зрелостью взрослой женщины.

— Госпожа ревнует? — мужчина слегка улыбнулся, одними уголками губ, — Не стоит, право. Твое место — всегда особенное в моем сердце и в моей жизни, — так оно и было, за то время, что он знал её, сам того не замечая, он глубоко привязался к ней, но она продолжала идти по тупиковому пути саморазрушения, ведя за собой и его. И как ей объяснить всю бессмысленность этого пути, когда она всё ещё находится во власти своей боли и своей обиды — словно продолжая наслаждаться ими, даже спустя шесть столетий?

— Из тебя вышел бы прекрасный дипломат, — кивнула головой Лаурита, — Твои слова приятны моему сердцу, но меня ждут дела. Ещё остался один, с кем я не поговорила. Спокойных снов.

— И тебе спокойной ночи, госпожа! — он поцеловал её в лоб, и девочка, спрыгнув с его колен, усмехнулась и покинула комнату, оставив мужчину в продолжительных раздумьях.

Между тем, свадебное торжество подходило к своему завершению, и гости начали уже разъезжаться по домам, провожаемые оставшимся помощником Ондзи — Винтером. Особенно тепло он простился с Маргаритой, которая, несмотря на свою слабость, смогла всё же уговорить безумно любящего её мужа остаться до окончания праздника и вернуться домой вместе со всеми. И пусть у его жены были светлые волосы, но в глазах, таких же карих, как и у Маргариты, был такой же внутренний свет и такая же огромная душевная сила в хрупкой телесной оболочке. Когда-то и его мир был таким — где любят и ждут, где можно не бояться холодных одиноких ночей, где под дорогой модной одеждой сердце бьется с надеждой и любовью, и каждый его удар не отдает тупой ноющей болью. Не уберег он своего счастья... Потому и пошел в услужение к новым хозяевам, как когда-то служил королю, своему сюзерену. Своей службой он гордился, но отправляясь в поход, он оставил свою вотчину уязвимой, чтобы вернувшись, найти замок и поместье разоренными и узнать о смерти своих обожаемых жены и дочери, которых забрала безжалостная чума вместе с тысячей других жизней. Их даже не предали земле с подобающими почестями. Тогда он начал свой собственный крестовый поход, бросаясь из одной авантюры в другую, ища смерти на поле боя. В следующую эпидемию, приход которой он ожидал, словно избавления, заразился и он сам. Он уже приготовился встречать по ту сторону реальности тех, по ком изнывало его сердце. Тогда-то и появилась она... Лаура — так она представилась. Она обещала вернуть их, вернуть его семью, в обмен на преданность. И она сдержала своё слово, только он предпочел бы лучше снова увидеть их мертвыми, чем такими: походившими на них прежних лишь внешне, оставаясь отдаленным подобием человека, лишенных души и разума. И он решился на страшное — он попросил её вернуть жену и дочь назад, чтобы избавить и их, и себя от мучений, чтобы души их обрели наконец покой. Но договор уже имел нерасторжимую силу — это не избавило его от услужения Лауре. И вот он до сих пор вынужден нести эту службу и этот свой крест... Тогда ему было всё равно, он лишился смысла своей жизни, а вот теперь, глядя на этих счастливых людей, он снова задумался о многих вещах, о том, что правильно, а что — нет.

Когда возвратились остальные, Марк и Мей уже вернулись в дом, чему парень был даже рад, ибо находиться наедине с ней — было выше его сил, и невозможно было дольше терпеть. И не мог он подобрать слов, чтобы описать всё смятение обуревавших его чувств. Боялся, что она может неправильно понять его, неверно истолковать. Это влечение пугало

его, путая день с ночью, и он боялся испугать её — и появление друзей он встретил с большим облегчением — царившее между ним и девушкой напряжение отошло на второй план. К счастью, все они были настолько утомлены событиями сегодняшнего насыщенного дня, что единственным основным желанием сейчас — было желание преклонить голову на подушке и забыться сладким сном, и все мучительные вопросы можно было отложить до утра.

А Маргарите захотелось продолжить завтра увлекательную беседу с Виславом и Барбарой — родителями Евангелины, и попросить их рассказать для её альбома любовных историй свою историю знакомства, ведь каждая из них — уникальна и неповторима и являет собой триумф и феерию самого прекрасного из всех человеческих чувств. Прежде чем подняться к себе в комнату, она, положив голову на плечо мужа, одарила засмущавшихся Марка и Мей ободряющим взглядом. И Даниэлла, взяв под руку доктора, понимающе хихикнула, игриво подмигнув.

Постепенно все обитатели дома разошлись по своим комнатам, чтобы завершить этот чудесный день в крепких объятиях друг друга — включая и отца Марка вместе с Александрой и яркую пару рыжеволосых Этьена и Николь, пока парень и девушка снова не остались одни.

— Сегодня был такой удивительный день, столько всего произошло, — маленькая японка устало улыбнулась, — Но я так счастлива была провести его с вами, с тобой...

— Я... тоже, — юноша попытался улыбнуться, и сейчас это получилось у него совершенно свободно и естественно, — был счастлив... — он провел рукой по её волосам и поцеловал её в лоб, — Ты, видимо, утомилась уже за сегодня. Спокойной ночи, Мей!

— Спокойной ночи, Марк! — она действительно выглядела уставшей после всего пережитого за сегодняшний день, но внутри ощущалась такая легкость, — Нам завтра, правда, рано вставать... — да, сегодня они оба очень устали, но впереди у них — целая жизнь, их история только начинает писаться на бесконечном полотне жизни. И сниться им сегодняшней ночью будут сны, полные света и любви. А когда они оба будут готовы перейти на следующий уровень отношений, то сами поймут это, и сопротивление этому станет бесполезным и лишённым смысла.

А Маргариту даже в такую ночь не переставали навещать кошмары.

В серебристый сон

Ты бы с ним ушел

По дороге вечных звезд

Над простором строгих гор

Ты бы перед ним

На колени встал

Не стыдясь ни слов, ни слез

Кто любил — тот и распял...

"Ария"."Кровь за кровь"

Сердце болезненно сжималось от того, каким она увидела мужа — в полинявшем рубище, босого, с длинными растрепанными волосами и заросшим щетиной лицом, сидящего в тесной, темной, пыльной камере, на его теле виднелись следы пыток.

Дверь в камеру приоткрылась, и вошел темноволосый юноша в расшитом серебром черном мундире.

В душе забрезжила надежда, что — вот оно, избавление, что сейчас он протянет свою

руку, поможет ослабевшему в заточении отцу подняться и заберет подалее от этого ужасного места. Но этого так и не случилось... Анри не спешил с помощью, он смотрел со смесью ярости и восхищения.

— Ты всё так же непреклонен в своем решении и отказываешься присягать? — юноша старался смягчить тон: всё-таки перед ним был его отец.

Джон поднялся, повернувшись спиной, устремив взгляд на небольшое зарешеченное окно — что он делал не так? Почему его любимый сын превратился в чудовище? Разве он любил его меньше других своих детей? Потом он повернулся, чтобы посмотреть на лицо сына:

— Если бы я был уверен, что ты принесешь благо своему народу, то уже стоял бы перед тобой на коленях и целовал бы твою руку, признавая своим господином и повелителем. Но, глядя не тебя сейчас, сердце мое обливается кровью. И всё же я продолжаю взывать к твоему благоразумию, сын. Я не могу изменить своим принципам, и всему тому, во что я верю, не могу бросить свой народ.

— Но тысячи уже присягнули! — Анри раздраженно сжал пальцы.

— И я не виню их за это, они хотят спасти свои жизни, но для меня это означало бы показать народу, что я разделяю твои методы и поддерживаю тебя, а этого я не могу сделать, — один Бог знал, как ему было тяжело и больно сейчас, но голос его не дрогнул, — словно обоюдоострый клинок: приняв — погубишь душу, отвергнув — подвергнешь смерти тело. Прошу, прости меня, сын мой, но это единственное, чего я не могу сделать для тебя.

— Последний раз спрашиваю, отец, — он положил свою руку на плечо Джона, — Ведь это только слова. Не разбивай матери сердце.

— Ты уже разбил — и её, и мое сердце, — мужчина печально покачал головой, — А я привык отвечать за всё то, что слетает с моего языка.

— Ты всё ещё отказываешься? — юноша всё ещё не верил своим ушам.

— Не всё ещё — всегда! — он резко убрал с плеча ладонь сына, — Видимо, мы разговариваем с тобой на разных языках.

— Ты знаешь, что это повлечет за собой? — гневно процедил сквозь зубы Анри.

— Думаешь, что я горю желанием принять мученическую смерть? — устало бросил мужчина, — Это не так. Как и все, я тоже хочу жить, но пусть мой народ видит, что я не одобряю такого твоего поведения. Скажи, разве мало мы любили тебя? Разве мало давали тебе, что тебе потребовалось ещё больше?

— Зачем же вы остались тогда, если я так вас разочаровал? — парень с досады ударил кулаком о кирпичную кладку стены.

— А сам ты как думаешь? — Джон испытывающее посмотрел в темно-серые глаза сына.

— Где же остальные? — был следующий вопрос.

— Там, где они будут в безопасности от того, каким ты стал, — спокойно ответил мужчина.

— Проклятье! Отец, не заставляй меня! Как я смогу? — не выдержав, его голос сорвался до крика, — Видит Бог, не этого я добивался... Глупо, очень глупо. Приговор приведут в исполнение на рассвете. Ни кто не усомнится в моей власти!

Гордись, отец — я великий герой!

Вся власть моя, и в этом суть

На крови я построил свой путь!

Смотри, отец, я могу все миры

Купить, продать и слёзы все

Превратить в серебро и успех!

"Мельница". "Баллада о трех братьях"

Маргарита задыхалась, судорожно вцепившись пальцами в полотно простыни. Тихонько поднявшись, чтобы не разбудить спящего рядом мужа, она накинула теплый халат и вышла на лоджию, обняв себя трясущимися руками, смотрела на занимающийся рассвет за окном.

И даже халат не спасал от внутреннего холода, сочетавшегося с природным холодом морозного рассвета. Поднеся ладони к губам, она согревала их своим дыханием, наблюдая, как при каждом выдохе изо рта вырываются клубы пара. Руки и губы продолжали дрожать, дрожала она уже всем телом. Возможно ли изменить судьбу? Что она должна сделать для того, чтобы не видеть своего сына таким? А если не сможет? Как ей выбирать между мужем и сыном? Как же страшно и тяжело, Господи! Нельзя допустить, чтобы страх перед днем завтрашним омрачил день сегодняшний. И вспомнила она виденную ею Екатерину Медичи... Что же должна была чувствовать эта женщина, видя, в кого превратились её дети, так тяжело выстрадавшие ею? И как же далеко может зайти материнская любовь? На что можно пойти ради своего ребенка? На что будет готова пойти она сама? Для себя Маргарита решила, что скорее жизнь свою положит, чем допустит, чтобы сбылась такая страшная судьба для самых дорогих ей мужчин. Что может сделать слабая женщина? Она может любить и согреть теплом своего материнского сердца — именно это делает даже слабую женщину поистине всемогущей.

На соседнем балконе появился Рафаэль. Его загорелое лицо выглядело бедным, а движения — какими-то нервными и дерганными. Он попытался закурить, но, заметив Маргариту, затушил сигарету и коротко поклонился, слегка улыбнувшись. Маргарита улыбнулась в ответ. Наверно, выглядела она не многим лучше него — такая же бледная и взволнованная. Такое её состояние он приписывал её беременности, а она предполагала, что это он просто отходит от волнений и переживаний вчерашнего дня.

И каждый из них не догадывался, что им обоим этой ночью выпало столкнуться с пугающими сновидениями.

Маргарита поежилась, и, ещё раз улыбнувшись Рафаэлю, вернулась в комнату в теплые объятия мужа. Для себя она твердо решила, что жизнь положит, но не даст осуществиться своему ночному кошмару.

И только она снова оказалась в постели, как ощутила силу и нежность мужских рук:

— Прости, не хотела будить тебя, — виновато улыбнулась Маргарита, пока он согревал её озябшие пальцы.

— И ты хотела лишить меня счастья быть разбуженным тобой? — мужчина игриво нахмурился, шепча на ухо и обволакивая своей чувственностью, — Чем я так провинился перед тобой, коварная моя женщина?

— О, месье, поверьте, это я ещё не проявила всего своего коварства, — Маргарита рассмеялась, переводя дыхание от его поцелуев.

— Мадам, когда вы так говорите, то лишаете меня рассудка и силы воли, — продолжил Джон, перенимая её шалость.

— Я готова искупить свою вину, — они продолжали сладкую шалость, и эта игра эта приятно возбуждала и будоражила воображение, — Будут пожелания, месье?

— Всё, что ТЫ пожелаешь, — и Джон даже не собирался спорить — женщины, по его философии, созданы для того, чтобы их любить, восхищаться ими, а не спорить с ними, —

Всё в твоих руках — и даже я.

Он прошептал, с сожалением прерывая поцелуй, чтобы перевести дыхание:

— Тогда не будем терять время, — и Маргарита подумала, что в другие времена его, определенно, приняли бы за ведьмака, настолько магнетически он мог воздействовать на людей — далеко не только на неё, — Мы ведь хотим успеть к завтраку? Ещё ты хотел обсудить с братом совместную коллекцию одежды и аксессуаров.

— Хотел, но это может и подождать, — и его голос, его прикосновения помогали забыть все тревоги, давали сил и надежду выдержать предназначенное, — И, если мы уже заговорили о делах — не пора ли нам подумать о приданом для наших девочек?

— Я так боюсь сглазить, — откровенно призналась она, — Ты, верно, считаешь это ребячеством чистой воды — и, возможно, будешь прав. Прости, что это доставляет тебе лишние хлопоты, но пока дети не появятся на свет здоровыми, я не рискну что-либо покупать.

— О каких хлопотах ты говоришь? — он погладил жену по голове, глядя в такие огромные её карие глаза, — Если ты так хочешь, то так и будет. После того, что ты пережила. Я прекрасно понимаю твои страхи и не хочу их усугублять. Займемся этим, когда будешь готова — достану самое лучшее.

— И я благодарна тебе за понимание, — Маргарита довольно улыбнулась.

А Рафаэль вернулся в объятия любимой супруги, ложась рядом и крепче обняв её, ещё сладко спящую, и только ощущение её присутствия рядом и тепла её тела давало ему чувство успокоения.

И ночной кошмар стал рассеиваться, как дымный молочный туман на рассвете, привнося ясность без страха смотреть в день завтрашний, уже золотивший своим светом крыши и будивший беспокойных птиц. И так хотелось выкинуть из головы эти мысли и эти воспоминания вместе с образом белокурой девочки с дьявольским взглядом.

Она появилась словно из воздуха:

— Приветствую вас, мой принц, — начала она первой, пока он удивленно рассматривал её, одетую в длинное старинное платье цвета темного вина, на фоне которого так контрастировали её светлые волосы, завитые в крупные локоны, — Как печально видеть, что вас лишили всего, что полагается вам, как единственному законному наследнику, — с сочувствующим видом она подошла ближе, снимая со своей маленькой руки изящную кожаную перчатку, протягивая мягкую ухоженную ладонь, — Неужели вас не задевает такая вопиющая несправедливость? Ваш престол отдан отпрыску незаконнорожденного сына вашего батюшки, в то время как ваши интересы жестоко попорчены.

Мужчина же не спешил ответно пожать её руку:

— С кем имею честь общаться, сударыня? — спокойно поинтересовался он, продолжая изучать её: среди его знакомых такой не значилось, и в её присутствии он ощущал непонятный дискомфорт.

— Моё имя Лаура, мой принц, статный и гордый сын своего отца, — светловолосая девочка чопорно поклонилась, склонившись в легком реверансе, — Не годится вам оставаться на вторых ролях. Всю жизнь вы были в тени брата — всегда второй, всегда младший. Я могу помочь вернуть ваш трон, — словно рыбак, забросивший удочку с наживкой, она вопросительно посмотрела на него, ожидая его ответных слов.

— Разрешите указать вам, сударыня, что ваши сведения устарели, — сухо бросил Рафаэль, сурово сведя брови, — Князь признал своих старших детей такими же законными

наследниками.

— И вам никогда-никогда не хотелось сесть на престол, причитающийся вам по праву, мой принц? — светло-янтарные глаза заискивающе смотрели на него.

— Поверьте, сударыня, — горько усмехнулся, покачав головой, — есть множество мест, гораздо более удобных и безопасных для сидения. Я бы не хотел ввязываться в эти игры.

Лаурита дернулась, сморгнув досаду, и поджав пухлые губы, ядовито выдала:

— Простите, мой принц, видимо, я ошиблась, и это не вы — не так давно готовы были устроить государственный переворот, — вот так, получи, прекрасный принц, я насквозь вижу твою отравленную гордыней душу.

— И это так, — и ему нечем было крыть, и нечего было возразить, кроме одного, — Но я больше не играю в эти игры, едва не потеряв всё. Боюсь, сударыня, вы ошиблись адресом, — ему дали шанс, его простили, и первой простила та, которую он собирался убить — эта маленькая хрупкая девушка с большими глазами оказалась сильнее и лучше его, а он своим недостойным поведением довел родного отца до сердечного приступа. При всём желании — такое невозможно забыть и за всю жизнь. Он слишком хорошо усвоил этот горький урок. Сейчас ему хотелось только покоя и поменьше думать об этом.

— Тогда, я, кажется, действительно ошиблась, — Лаура ещё раз посмотрела на него, и ей не понравился этот блеск сожаления и раскаяния в его глазах, — Прошу прощения. Что побеспокоила, мой принц. Будь вы настоящим принцем, вы бы боролись за своё наследство...

— Не будь я настоящим принцем, я бы не проявил чудеса долготерпения, и уже давно попросил бы леди удалиться, — и выглядел он сейчас настоящим принцем, истинным сыном великого Князя, — Данное предложение меня не интересует.

— А зря, очень зря, — холодно сощурилась Лаура, — Многое скоро изменится, и ценность моего расположения несоизмеримо возрастет.

— Именно потому, что я принц крови и сын своего отца, — Рафаэль оказался более стойким, чем она предполагала, — я не буду размениваться на сомнительные ценности, какие бы времена не настали.

— И никогда не надоедало оставаться на вторых ролях? — напоследок обронила светловолосая девочка, желая посадить в его душе зерна сомнения, — И никогда не хотелось вернуть себе корону племянника? — она исчезла, а его продолжало трясти, и возникла острая потребность выйти вдохнуть утреннего морозного воздуха и сделать пару затяжек. Нет, он всё сделал правильно. Даже если когда-нибудь его брат не сможет уже держать меч, чтобы защищать свою семью и свой народ — он примет оружие из его рук и продолжит его дело и будет помогать советом и поддержкой тому, кто станет более достойным звания правителя.

На вторых ролях, говорите? Господи, да какая разница, когда для своей семьи — для красавицы-жены и будущих детей — он всегда останется номером первым!

А в клубе господина Танака, забыв обо всех и обо всем: о пережитом, о магии, о силе и долге Хранителей, видя перед собой только зеленые глаза друг друга — как зеркальное отражение, молодожены предавались любви. Ловкие пальцы медленно ослабили шнуровку расшитого корсета, и шуршащие пышные юбки опустились на пол, как опускается над водной гладью невесомый туман, как сильный прибой выносит на берег белоснежную морскую пену. И капли воды после душа на их телах сверкали россыпью бриллиантов, которые хотелось бережно собирать губами и пальцами, заморожено глядя на своё

отражение в каждой сверкающей частице. И выдыхая тихие стоны, они обессиленные уснули, когда уже не осталось сил любить друг друга, чтобы утром распахнуть свои счастливые глаза навстречу новому дню, когда они провожали Марка и Мей вместе с Ондзи в аэропорт.

— Ну, вот Марк, — грустно посмотрела на юношу маленькая Аделина, — Ты не дождался меня и нашел себе другую. Но я понимаю тебя — она красивая, — хитро заулыбалась девочка, а миниатюрная японка гордо тряхнула своими волосами.

— Ты тоже будешь очень красивой, — парень присел перед ней, продолжив совершенно серьезным тоном, — Не такой, как она. У тебя другая красота, но это не значит, что ты не будешь привлекательной. Красивые золотистые волосы и голубые глаза ценились во все времена. Вот увидишь, все известные модельные агентства ещё будут соперничать, чтобы ты работала именно с ними. И все парни буду у твоих ног — выбирай только того, на которого укажет твоё сердце, — после чего она обняла его за шею, и он поднял её на руки, — Что тебе привезти? — спросил, обаятельно улыбнувшись, — Кимоно? Куклу?

— Марк, ты слишком её балуешь, — рассмеялась, покачав головой, златовласая.

— Да? Не заметил, — с совершенно невозмутимым выражением лица парировал Марк, — Ты так считаешь?

Душевно и весело простившись, Ондзи ещё долго следил за мелькавшей в толпе светлой макушкой Даниэллы. Если бы Марк и Мей не были поглощены друг другом, всецело погруженные в свои чувства и переживания, то они заметили бы это, но им, понятное дело, сейчас было не до него. И азиат с облегчением отметил это. Пусть лучше занимаются своей личной жизнью — а со своей он уж как-нибудь сам справится, не первый день по земле ходит.

Как-нибудь...

А загадочная Япония становилась всё ближе и ближе...

Многие и многие годы эта страна оставалась закрытой для подавляющего большинства иностранных граждан, и лишь не так давно она стала приоткрывать себя остальному миру.

Япония — сравнительно небольшая, но густонаселенная островная страна в Азии. Для более наглядного сравнения — площадь её территории в два раза меньше, к примеру, Украины, а по количеству населения — примерно в два с половиной раза больше, соответственно.

Страна контрастов, как модно нынче выражаться. Страна с многообразными климатическими условиями, разнообразным животным и растительным миром. Страна, где сосуществуют самые последние нововведения науки и техники и трепетно и бережно взлелеяны нерушимые вековые традиции и ремесла, такие, как изготовление тканей, керамики и кукол. Страна, где люди, которые могут себе позволить последние модели мобильных, где даже бачок в сортире снабжен таким количеством функций, что просто приводит в состояние ступора, люди всё ещё не разучились с какой-то детской непосредственностью радоваться первому снегу, свету полной луны, цветению вишни, наслаждаться созерцанием звездного неба над головой, сидя в природном горячем источнике, с поистине буддийским и философским спокойствием и умиротворением.

Страна, где процветает формализм культа поклонов и извинений и коллективизм высокой степени — на работе и учебе, наравне с ярко выраженным индивидуализмом вне этих стен — на улицах квартала Харадзюку, где словно с книг и экранов сошли герои популярных фильмов, комиксов и — почти вечный карнавал, почти вечный Хеллоуин.

Страна, где в чистых водах водится в изобилии рыба, а воздух в городах остается чистым, несмотря на огромное количество автомобильного транспорта, который является здесь именно — одним из многих средств передвижения, а не символом роскошества.

Страна, где дети остаются привилегированным классом, но также велико количество рано начинающих свою трудовую деятельность в достаточно юном возрасте, чтобы обеспечить себе содержание на получение достойного образования.

Страна, в языке которой такое невообразимое количество иероглифов, что все их не выучить и за всю жизнь, но большинство её жителей предпочитает комиксы и графические новеллы, где основное действие не описывается, а прорисовывается с минимальным набором слов. Где и "яма" — это вовсе не яма, а совсем даже наоборот — "гора".

Страна, где до сих пор ценится добродетель целомудрия, но процветает продажная любовь, где равно ценится древнее искусство каллиграфии и игры на старинных музыкальных инструментах и осведомленность в самых продвинутых достижениях и технологиях.

Единственная страна — формально являющаяся Империей, правящая династия которой не прерывалась с времен ее основания.

Сходя по трапу, Марк ощутил ужасную головную боль, сведенными от спазма пальцами он схватился за перила турникета, осев на колени, не в состоянии свободно дышать, лишь только тяжело хрипя — его ноги снова ступили на эту землю. Когда-то его звали Юто и он ходил по этой земле, не раз обагрив её своей кровью.

— Марк! — хорошо, что азиат вовремя успел подхватить его под руки, а Мей испуганно смотрела, как он задыхается.

В это время её позвала охрана — машина за ней уже приехала:

— Езжай, — махнув рукой подбодрил её соотечественник, — Не волнуйся, я позабочусь о нем.

— Тебя ждут, — прохрипел парень, — Со мной будет всё в порядке. Я позвоню.

— Onegai shimasu! (Я вас очень прошу! — яп.) — бегло коснувшись его руки, обратилась она к Ондзи, попыталась изобразить поклон и усиленно моргая, передала свой багаж охранникам, последовав за ними к выходу из аэропорта.

— Yamete kudasai! (Остановите это, прошу! — яп.) — если бы Марк посмотрел сейчас на Ондзи, то увидел бы, как от удивления широко раскрылись его глаза цвета ночного неба. Откуда этот чужак говорит по-японски? А если бы азиат увидел то, что вставало перед глазами Марка, то удивился бы ещё больше — парень снова переживал смерть своих друзей по братству наемников, и снова не мог им помочь. Снова он видел расширенные от ужаса большие глаза Марико на бледном лице, глядящей на блестящее острие, торчащее из груди, дрожащие тонкие пальцы Акэми, ухватившейся за рукоять ножа, что вошел ей в правый глаз, смешанное выражение скорби и вечного покоя в безжизненных глазах Ори.

— Парень, ты как? — азиат помог Марку подняться, перекинув через плечо его рюкзак и свою сумку, — Вот, выпей воды, полегчает, — достал из бокового кармана сумки и протянул парню бутылку минеральной воды.

— Уже лучше, спасибо, — Марк отпил глоток, смочив пересохшие губы и горло, и слабо кивнул головой.

— Что это было? — Ондзи с тревогой посмотрел на его бледное лицо. Он и сам слишком давно не ступал на родную землю и чувствовал себя не лучшим образом от переполнявшего его волнения от встречи с родиной, но мысленно сделал себе пометку, что

парень разговаривал на японском, и это весьма странно.

— Кажется, мне не помешало бы отдохнуть, — смущенно закусил губу Марк.

— Да, я заметил уже, — поправив сумку, Ондзи дружески похлопал его по плечу, — Пойдем, нас ждет автобус. Постарайся отдохнуть, завтра нас ждет много работы. Стилисты будут недовольны, если им придется долго маскировать твои темные круги под глазами.

— Понимаю, — улыбнулся парень и тряхнул головой, прогоняя остатки пугающих видений, — Я буду готов.

А за окном автобуса мелькали улицы, дома, магазины, кафе, рекламные вывески, машины и прохожие. Всё такое не похожее, так сильно отличающееся от того, к чему привык Марк.

С самого начала знакомства с Японией, эта страна не перестает поражать и удивлять.

Мифология Японии полна духами и божественными сущностями, а самая главная легенда о происхождении японских островов рассказывает нам о богах жизни и творения — Идзанаги и Идзанами. Они жили высоко за облаками. Как-то решили они проверить, если ли внизу под ними земля — и опустил Идзанаги нагинату (вид алебарды), которая погрузилась в океан. Вытащив её, капли, стекавшие по лезвию, упали в воду и затвердели, образовав японский архипелаг.

Само оригинальное именование страны — "Нихон" буквально означает "источник/родина Солнца", и это название часто переводится как "Страна Восходящего Солнца", что и закрепилось уже как символ Японии.

Сама страна расположена на островном архипелаге, бедна полезными ископаемыми и плодородными землями для возделывания, находится в сейсмоопасной зоне, подверженной частым землетрясениям. Японцы ревностно относятся к сохранению природных ресурсов и экологии своей родины (несмотря на бурное экономическое развитие и рост национальной промышленности). Не имея возможности похвастать природными богатствами, Япония берет техникой и технологиями, превратившись в страну научных разработок и высоких технологий.

Страна долгое время была закрыта от остального мира, что объясняет её отличительные особенности, начиная с того, что 98 % населения Японии составляют собственно японцы, но с каждым годом страну посещает всё больше туристов, всё больше открываясь миру и всё больше открывая окружающий мир.

Наряду с национализмом старшего поколения, что характерно проявилось после Второй Мировой Войны, когда Япония официально принесла свои извинения Соединенным Штатам Америки, вместе с тем не посчитав нужным извиниться перед более слабыми ближними государствами азиатского региона, всё больше молодежи становятся приверженцами западного уклада жизни, продолжая относиться к немногочисленным чужакам со смесью настороженности и восхищения.

Одновременно с этим, наблюдается явление всё более глубокого проникновения элементов японской культуры в западную культуру — в музыке далеко за пределами родных островов известны такие исполнители, как Аюми Хамасаки, Камуи Гакт или популярная женская "идол-группа" "Morning Musume" (вместе с тем, традиционная японская музыка основанная на интервалах человеческого дыхания, а не на математическом отсчёте, более популярна на родине, чем за её пределами). Широко известными стали компьютерная программа — синтезатор поющего голоса "Вокалоид" и традиция петь караоке. Сети ресторанов и суши-баров открылись во многих городах мира, и такими блюдами японской

кухни, как соевый соус, соевый творог — тофу, обжаренные в кляре овощи и морепродукты — темпура, традиционный алкогольный напиток сакэ (его ошибочно причисляют как к водке, так и к винам) и палочками для еды — уже мало кого удивит.

Японские комиксы манга переводят на многие языки и читают уже не только в самой Японии, а по мотивам некоторых из них сняты такие популярные кино-хиты, как "Матрица", "Ван Хеллсинг", "Черный лебедь", "Начало", мультфильм студии Уолта Диснея "Король лев". Мангу в Японии читают все, благо позволяет огромное многообразие жанров: есть манга для детей, для школьников и студентов, для бизнесменов, для домохозяек, и даже для японских мафиози — якудза. Известны также графические варианты классических произведений Пушкина, Дюма, даже (хоть это и сложно представить себе) — Достоевского. Основной акцент в манге построен на изображении, а не на диалогах. Характерным видом этой продукции есть истории под девизом "большие глаза спасут мир" с главными героинями — большезащитными и длинноногими девушками-волшебницами с фантастическими способностями. Примечательный момент, что эти самые пресловутые большие глаза основоположник манги Осаму Тэдзука позаимствовал у таких классических персонажей, как Микки-Маус и олененок Бемби. Большие глаза, по большей части, символизируют духовную чистоту и то, что персонаж открыт миру и смотрит широко раскрытыми глазами, обычно, чем младше персонаж, тем больше его глаза.

Не только бедностью природной расцветки волос японцев обусловлены яркие вызывающие прически героев комиксов и мультфильмов — они несут и определенную смысловую нагрузку, значимую для понимающего. Светлые волосы, к примеру, символизируют царственность и чистоту, почти святость, голубые — интеллектуальность и мудрость, розовые — невинность, черные — загадочность или опасность, рыжие или красные — яркость, страстность, темпераментность, коричневый — нейтральный, серый — скучный и т. д.

Слово "аниме", обозначающее японскую анимацию, происходит от английского слова animation и имеет сходство с латинским anima ("душа"), что означает одушевление.

И манга, и аниме полны символизма — если, к примеру, за спиной героя буйствуют гроза и молния, то и в душе у персонажа бушует такая же буря, если персонаж вдруг лишается воли или души, его глаза теряют блеск и становятся безжизненными — из них исчезают все блики.

Большая часть аниме-сериалов обладает ярко выраженным эмоциональным и идейным подтекстом и служит не просто для развлечения. Популярными идеями являются: идея стойкости, нежелания сдаваться сколь угодно могущественным людям или обстоятельствам, идеи самоопределения и выбора жизненного пути, мораль человека.

С таким достаточно сложным языком, как японский, и не удивительно, что основной акцент делается на визуализации. Подавляющее большинство населения Японии говорит на японском языке. Письменность состоит из основной части — иероглифов (кандзи) и двух видов слоговой азбуки (катакана и хирагана). Последнее время всё больше и чаще используется латиница — романдзи.

Традиционно японцы использовали китайский способ письма — символы идут сверху вниз, а столбцы справа налево. Этот способ и сейчас продолжает широко использоваться в национальной художественной литературе и в национальных газетах. В научной литературе, однако, чаще всего используется европейский способ письма — символы идут слева направо, а строки сверху вниз. Это связано с тем, что в научных текстах часто приходится

вставлять слова и фразы на других языках, а также математические и химические формулы — в вертикальном тексте это очень неудобно.

Особенностями языка являются также несколько степеней вежливости речи, специальные формы обращения к равному, к младшему, к старшему, отсутствие звука "Л" — так, например, наше слово "лампа" японец будет произносить как "рампу".

Глядя на большую массу одетых в строгие деловые костюмы многочисленных офисных работников, можно подумать, что японцы не любят и не умеют отдыхать, но это не правильное представление. Отдыхать они любят и умеют, как и русские, и украинцы и любой другой человек. Другое дело, что воспитываемый в них с детского сада дух коллективизма не позволяет им выделяться из коллектива — японец не может спокойно отдыхать, зная, что его коллеги продолжают усиленно трудиться. Потому отпуска у них не длительные, и они преимущественно, если и путешествуют, то внутри страны — большей частью, на так любимые ими горячие источники. Кроме того, это ещё и способствует росту национальной гордости.

И гордятся своей страной практически все без исключения — от мала до велика. Дети, кстати сказать, и сейчас остаются, своего рода, привилегированной кастой. Что и не удивительно, потому, как потом на человека обрушивается целый поток обязательств и ограничений. Чувство долга и ответственности в японцах даже гипертрофировано — долг перед страной, перед фамильным кланом, перед коллегами и сослуживцами, перед родителями и старшими товарищами. Постоянный прессинг и минимальное личное пространство на протяжении практически всей сознательной жизни — и лишь непродолжительный период учебы в университете молодой японец может расслабиться, ведь ни в школе, ни приобретая статус работника не позволительно даже красить волосы, делать пирсинг и татуаж, носить вызывающую одежду. Чинно, благородно, представительно... Скучно! Не потому ли молодые японцы более других любят ярких героев комиксов и мультфильмов, любят показной эпатаж в одежде и внешности. Кроме привычных нам готов, рокеров и панков, в Японии существуют и достаточно специфические модные направления: такие, как "фрутс", девиз которого звучит как "сочетай несочетаемое", и просто одевай всё любимое сразу: яркую юбку поверх джинс, спортивную ветровку поверх блузки, ботинки на гигантской платформе и огромное количество аксессуаров: заколок, колец, браслетов, кулонов и часов, бантиков и очков. Так и приходит на ум русское выражение "тот ещё фрукт!". Почти противоположный ему, выдержанный в почти викторианских традициях стиль «Лолита» — не путать с героиней Набокова! Этот стиль больше охарактеризовали бы понятные нам Мальвина и Алиса Льюиса Кэрролла. Хрупкие изящные японки, как нельзя лучше подходят под образы нарядных кукол. Нежный макияж, завитые локоны, пастельные оттенки и цветочные расцветки, бантики и кружева, пышные юбки, панталоны и капоры, кружевные перчатки и зонты: девочки-с-картинки, манерные и утонченные. Стиль "гяру" или "гангуро" — наиболее приближен к западному. Обязательными его атрибутами является сильный загар (чаще всего, искусственный) на контрасте с высветленными или выкрашенными волосами, в макияже — акцент на глазах, часто с накладными или наращенными ресницами и более светлый оттенок блеска для губ, дорогие брендовые вещи нарочито подчеркивающие сексуальность здорового молодого тела — топы и короткие юбки или шорты в сочетании с высокими сапогами или модными босоножками или туфлями на высокой платформе — дерзкие и яркие, твердо знающие, чего хотят от жизни. Прибавьте к уже перечисленным экземплярам — молодых людей,

подражающих своим любимым персонажам комиксов и мультфильмов, степенных матерей семейств в традиционных кимоно и стайки веселых школьниц в разнообразных вариантах матросок — и вы получите незабываемый и непередаваемый экзотический коктейль красок и стилей.

И вся эта пестрая компания с удовольствием поет караоке и сражается на танцевальных автоматах, смотрит аниме и читает мангу — в перерывах между загруженностью на учебе и целом ряде дополнительных курсов, занятия на которых нередко продолжают до девятидесяти часов вечера (и это после основной учебы!) и могут проходить даже по воскресеньям.

Вместе с тем, рождаемость в стране уступает смертности и население Японии всё больше стареет, особенно если учесть, что в Японии самая большая продолжительность жизни — средний возраст составляет более 80 лет (!).

Большинство японцев исповедуют одновременно и буддизм и традиционную древнюю религию синто. Это приводит к смешению различных религиозных практик. Так, взрослые и дети отмечают праздники синто, школьники молятся перед экзаменами, молодые пары устраивают свадебные церемонии в христианской церкви, а похороны — в буддистском храме. Христиане же составляют религиозное меньшинство — всего около 2 % населения.

И всё это наиболее ярко проявляется в самой столице Японии — в городе Токио. И именно по улицам этого города проезжал сейчас микроавтобус, который вез Ондзи и Марка в отель, где они смогут отдохнуть с дороги перед завтрашним насыщенным днем съемок.

И раз уже мы заговорили о транспорте и поездках, то стоит обязательно упомянуть, что в Японии нет привычных нам названий улиц и номеров домов, и даже опытные таксисты не всегда свободно ориентируются в городе, а если ещё учесть, что большинство из них и на английском изъясняется и понимает с трудом, то картина вырисовывается совсем не радостная, и вам совершенно не обойтись без карты и указания общепонятных архитектурных ориентиров. К счастью, в Японии достаточное количество офисов для иностранцев, где вам выдадут бесплатную карту, а прохожие японцы всегда будут рады помочь вам, а если ещё вы озвучите свою просьбу на японском, проявив уважение и почтение к этой нации, то вам отвесят тысячу поклонов и комплиментов.

Помочь японцы всегда рады, не любят они только сами быть обязанными. По жизни им более чем хватает кому быть должным и обязанным, потому они не спешат предлагать помощь друг другу, боясь не столько навязаться, сколько поставить человека в неловкую ситуацию помимо его воли. Ещё одна загадка японской души.

Итак — Токио...Само название японской столицы переводится как "восточная столица".

Токио, разросшийся из маленькой рыбацкой деревушки до одного из самых больших городов мира — финансовый, культурный и промышленный центр удивительной страны Японии.

Герб Токио изображает солнце с шестью лучами, освещающими Небо, Землю и четыре стороны света, символизируя величие Императорской столицы. Знак Токио — в виде листа дерева гинкго яркого зеленого цвета в форме латинской "Т" — первой буквы слова "Токио", образованной тремя полукругами, символизирующими трудолюбие, процветание и душевный покой.

Марку только ещё предстоит увидеть столицу и ближе познакомиться с её достопримечательностями: район Синдзюку — деловой и торговый центр, Парк, где жители и гости города могут весной созерцать цветение сакуры (бывший закрытый императорский

парк) и центральный парк Токио, в районе Сибуя — Парк, святилище и "Мекка" токийских тинейджеров — торговый район Харадзюку, токийская бухта и радужный мост, торгово-развлекательный центр "Токийский Джойполис", "Аквасити", Гиндза — район торговых центров, развлекательных заведений, ресторанов и ночных клубов, Императорский Токийский дворец — резиденцию императора (дважды в год можно лицезреть божественных членов императорской фамилии "дома хризантем" — 23 декабря в День рождения императора и 2 января — в честь наступления Нового года), район Нихонбаси (дословно "Японский мост" — символический центр Японии), центральный район Акихабара, район Асакуса — старая часть города, святилище Торий, священная для японцев гора Фудзияма и место захоронения легендарных 47 ронинов (самураев, оставшихся без господина, проигравших в неравной битве с сильными и могущественными военными правителями и приговоренных к ритуальному самоубийству через сэппуку).

Левостороннее движение, фамилия идет впереди имени, книги читают с конца и снизу вверх, когда говорят да — мотают головой, когда говорят нет — кивают, улыбаются, когда грустят, чтобы не испортить своими переживаниями настроение другим... В запасе у этой страны припасено ещё очень много странностей. Вот такая она Япония — на первый взгляд состоящая из контрастов и противоречий, ассоциирующаяся в нашем сознании с грозными и суровыми воинами-самураями, смертоносными наемниками-убийцами ниндзя, мучительным способом самоубийства — сэппуку (слово "харакири" звучит для японца оскорбительно и пренебрежительно), жрицами любви-гейшами (что также в корне не верно — гейши не проститутки и куртизанки, а элитное сопровождение и развлечение, своего рода, актрисы, образованные и элегантные), тамагочи, суши, мафиози-якудза, фильмами Акиры Куросавы и Такеши Китано и мультфильмами про покемонов, вызывающими у детей эпилепсию — при более пристальном знакомстве представшая перед нами во всей своей многогранности и всём своём многообразии смеси традиций и новаторства, где традиционные сады камней для медитаций соседствуют с биомеханическими роботами, занятия каллиграфией и древним искусством фехтования кэндо — со взрывными аккордами рок-музыки и кислотными цветами в одежде, старомодные рикши — с высокоскоростными железными дорогами "Синкансэн", а последние модели мобильных телефонов — с брелками в виде традиционных фигурок-нэцке, изображающих многочисленные божественные сущности синтоистского пантеона.

Японцы вслушиваются в несказанное и любят невидимым, они мастера намека и подтекста, чувствуют прелесть недоговоренности. Умеют видеть прекрасное в простоте, в следах неумолимого времени на вещах — кинжал незачем украшать орнаментом, в нем должна чувствоваться острота лезвия и добротность закалки, а чашка хороша, если из нее удобно и приятно пить чай и если она при этом сохраняет первородную прелесть глины, побывавшей в руках гончара. Красота воплощена во всем — в терпком вкусе зеленого чая, в тонком, неопределенном аромате хороших духов.

Не каждому дано понять и оценить многогранность и уникальность Японии, но, кто сумел это сделать — покорен и влюблен в эту страну со всеми её причудами и странностями — навсегда.

Вечером в номере отеля, пока Марк сидел на лоджии и рассматривал на экране ноутбука фотографии из их поездки по Европе, азиат остался один на растерзание группы молодых моделей, отчаянно желавших заполучить их обоих на свою вечеринку по случаю прибытия.

В своей обычной исключительно вежливой манере Ондзи указал им на то, что не мешало бы лучше отдохнуть и привести себя в порядок перед рабочими буднями, посоветовав воздержаться от шумных развлечений. На свой этаж в свои номера девушки вернулись расстроенные — они явно рассчитывали на мужскую компанию. Но уже совсем скоро он улыбался, слыша веселый девичий смех в комнатах над их номерами — девушки позабыли свою печаль и решили устроить чисто женскую традиционную пижамную вечеринку с веселой болтовней, забавными сплетнями и поеданием пиццы в тайне от бдительного ока директоров по кастингу. Раньше Ондзи с удовольствием скрасил бы вечер этим милым щебечущим созданиям, но теперь все остальные женщины мира стали для него на одно лицо — пусть даже молодые и хорошенькие, с которыми он по роду своего занятия имел дело, они не будили теперь в нем ни каких чувств. Он больше не чувствовал отзыва на их уловки и прелести, в бесконечном потоке людей постоянно ища глаза цвета небесной синевы и отблеск золотистых локонов.

Сколько он повидал их таких — прекрасных бабочек, слетающихся в поиске славы и богатства, несмотря на все предубеждения и мифы, которыми богат манящий и недостижимый для большинства не избранных судьбой — мир софитов, вспышек фотокамер и блеска неоновых реклам.

Как же далеки от истины те, кто наивно полагает, что путь модели усыпан благоухающими розами и умащен елеем. Известно ли им, что съемки могут длиться по двенадцать часов со всего лишь получасовым перерывом? Известно ли им, что порой нужно попасть в десять-пятнадцать мест, расположенных в разных концах огромного города в чужой стране? А добравшись, нужно, как ни в чем не бывало, прекрасно выглядеть и удачно позировать с улыбкой на лице — и это не всегда в комфортных условиях и декорациях, а порой при чуть ли не нулевой температуре на пронизывающем до самых костей ветру приходится демонстрировать легкие купальники или едва не терять сознание от теплового удара в шубе в летнюю жару. Приходя в агентство, модель уже себя продала — свою красоту, умения, навыки и, главное, харизму. Ей за это заплатили не только деньгами, но и признанием, возможностями... Теперь сама модель стремится продать как можно больше продукта, который она рекламирует (одежда, аксессуары, парфюмерия и т. д.). В неё уже изначально авансом вложены средства за проживание, питание, проезд — и она должна их отработать. А бывает и такое, что съемки уже сами по себе представляют колоссальный опыт и бесценное имя — финансового вознаграждения не предполагается. Так что те, кто предполагает, что модели живут в роскоши, окруженные исключительно брендовыми вещами — категорически заблуждаются. Начинаящие модели, не получившие пока признания, живут и работают практически в спартанских условиях — как и во многих других сферах, тут применимо то же самое правило, что изначально ты работаешь на имя а со временем имя уже начинает работать на тебя. Тогда уже в качестве подарка за удачно созданный образ или в качестве оплаты можно обзавестись вещами прет-а-порте, но не эксклюзивом от Диор или Лагерфельда, разумеется. Главными достоинствами хорошей модели считается, вопреки бытующему мнению, отнюдь не красота, а способность изменяться и приспособливаться как хамелеон, выносливость и ум. Внешние данные — далеко не залог успеха. Это, по большей части — бизнес, и глупцы там долго не задерживаются. И даже общепринятые понятия красоты и в модельном бизнесе — отличаются. Пышные бедра, большая грудь и яркое лицо — так пленяющие в обычной жизни, для модели могут стать помехой. Лицо модели — чистый холст, на котором творят.

Чтобы за один показ воплотить несколько различных образов, оно должно быть нейтральным. И модель никогда не должна забывать, что главным, безусловно, всегда является рекламируемый товар.

Как ни печально, но вокруг моделей действительно крутится много сутенеров — вот, пожалуй, и всё, что связывает их с проституцией. И только от модели зависит, согласится ли она или ответит отказом — каждый сам творец своей судьбы. Конкуренция в модельном бизнесе, хоть и не потеряла своей актуальности окончательно, но такие вызывающие зверства, как подсыпанное в пудреницу стекло или иглы в туфлях — большей частью являются фантастическими выдумками. А вот за питанием приходится следить, по мере возможности (ибо иногда на соблюдение режима просто не хватает времени между съемками и кастингами, и приходится перехватывать в фаст-фудах) — это необходимо, чтобы иметь прекрасный и здоровый вид, выдерживая сумасшедший ритм жизни модели, особенно начинающей, которая ещё не заработала себе возможность выбора из предложенных контрактов. И только невероятно сильный — и морально, и физически — человек способен выдержать это и преуспеть, не потеряв себя.

Такой, как он сам или как этот мальчик, что сидит сейчас на лоджии и смотрит на огни ночного города, помноженные на отсветы небесных звезд.

Ещё раз напомнив своему юному напарнику, что завтра рано вставать, Ондзи отправился спать, молясь о том, чтобы заснуть сном без сновидений, в которых снова будет приходить она — его светлый ангел, его прекрасный палач.

И ещё, он вдруг подумал — интересно, а чем сейчас занята госпожа? Что она делает? О чем её мысли?

Неделя прошла в невообразимом темпе, и Марк видел знаменитый Токио большей частью мелькавшим за окнами микроавтобуса. С Мей тоже не удавалось увидеться, хоть они довольно часто созванивались и писали друг другу сообщения — девушка тоже была занята. Она пропустила несколько дней занятий, и теперь ей приходилось наверстывать. Странное и неприятное чувство — быть совсем рядом, а словно на разных планетах. А скоро они должны будут покинуть Японию...

— Так дело не пойдет, приятель, — азиат безошибочно угадал такое его состояние, о чем так прямо высказался, — Твои мысли где-то далеко. Если это заметил я, то заметят и другие. Послезавтра у нас финальная фотосессия и вечером показ — соберись. Это — твоя работа, Марк. Нам дали два выходных, чтобы восстановить силы, а не раскисать.

— Ты знаешь, где живет в Токио Мей? — неожиданно спросил Марк.

— Бог мой, всего-то! — Ондзи от души рассмеялся и хитро сощурился, — Решил навестить свою принцессу в её башне? Скучаешь? А у принцессы, между прочим, есть свой дракон. Ну, не дракон, конечно, но характер у старика тяжелый.

— И ты сможешь отвезти меня? — парень так пронзительно и с такой надеждой посмотрел на собеседника, что тот невольно смутился, в задумчивости почесав затылок:

— Ну, я бы мог попытаться...

— Пожалуйста, Ондзи... — тихо попросил юноша, и сам себе удивился.

— Так, только учти, охрана там — парни серьезные, им палец в рот не клади, — Ондзи на мгновение призадумался, потом направился к платяному шкафу, усиленно пытаясь что-то отыскать, — Так, ну где же это... А, вот — бери, переоденешься, — протянул парню висевший на плечиках костюм в целлофановой упаковке, — Хоть эти номера и принадлежат агентству, я бываю здесь редко и уже подзабыл, где и что тут находится.

— Что это? — брови Марка удивленно взлетели вверх.

— Униформа обслуживающего персонала — и даже бабочка имеется, — мужчина с гордостью продемонстрировал одежду, повертев её во все стороны перед глазами изумленного Марка, — всё, как полагается.

— И я, что — должен это надеть? — юноша недоверчиво напрягся.

— Не жужжи, пчелка, — весело отмахнулся его приятель-японец, — А как ты хотел? Любовь требует жертв, и желательно — человеческих, — он сделал страшное лицо и не удержался от смеха, — Шутка. Старика я беру на себя. Остальное, "Ромео", за тобой. Только учти, что ты играешь не на своей территории, — он похлопал его по плечу и отошел к серванту достать из бара бутылочку сакэ, — Эх, молодость!

И азиат действительно помог — отправился с визитом к господину Йошида, совместив развлечение с решением более насущных вопросов о поставке тканей. И пока они беседовали, Марк, переодетый стюардом, с тележкой перед собой несмело постучал в массивные двери комнаты девушки.

— Входите! — послышался из-за двери такой знакомый её голос.

Несколько раз глубоко вздохнув для храбрости и поправив эту чертову бабочку, Марк открыл дверь и вошел, вкатив перед собой злосчастную тележку, которую он уже готов был на нервной почве просто разбить.

— Мей? — Марк позвал её, и она обернулась.

А он остолбенело не мог оторвать взгляд и не мог узнать её в этой девушке в традиционном кимоно с широким поясом и бантом на спине, в странной обуви и со строгой высокой прической. Он видел её только со спины: большой бант, цветочную расцветку кимоно и яркие заколки в черных волосах. Сейчас, когда она повернулась, он увидел её подведенные глаза с накрашенными ресницами и покрытые прозрачным блеском губы в соблазнительно-эротичном изгибе улыбки уверенной в себе красавицы:

— Ваша челюсть, сударь, — девушка с удовлетворением наблюдала его реакцию, и про себя отметила, что старые как мир женские уловки и хитрости и сейчас так же исправно срабатывают, как и века назад: то ли женщины успели отточить своё мастерство на поколениях мужчин, то ли мужчины за поколения не изменились, — Ещё немного, и она падет к моим ногам, тогда как меня больше интересует ваше сердце, — парень тряхнул головой, прогоняя нахлынувшее наваждение, признавая всю забавность ситуации, но не в состоянии определиться, что же в ней заставляет его смотреть и смотреть на неё — не только бесспорная красота внешняя, но более — внутренняя красота и сила.

— Прекрасно выглядишь, — выдохнул он с трудом, почувствовав, как пересохший язык прилип к небу, а сердце тяжело справлялось со своей задачей, продолжая перегонять кровь по сосудам в рваном ритме. Перед собой он видел не девочку, но привлекательную молодую девушку, сдерживая неумную фантазию, стремящуюся разгадать, что же скрывают эти слои цветастой одежды. И что же эта девчонка с ним делает, что заставляет его чувствовать себя озабоченным? Даже при всей его болезненной одержимостью Маргаритой, у него не возникало настолько развязных мыслей и в таком количестве. Маргарита осталась каким-то нереальным, недостижимым идеалом, а эта девочка — такая настоящая, такая живая, капризная и дерзкая принцесса. Вместо маленького черного котенка с большими глазами и тоненькими ножками перед ним была прекрасная дикая черная кошка — прирожденная охотница и хищница. Опасная? Да. Черные кошки приносят несчастья — такое живет поверье. И плевать — он никогда не был излишне суеверен. И он ощутил себя загнанным в

ловушку собственной с ней договоренности — отбросить бы все эти уловки и игры, это так изматывает. Но каждый раз останавливал страх показать свою несостоятельность рядом с ней. И ведь видит же, не слепой, что и она хочет его не меньше, но не в силах в одиночку побороть свои комплексы, он всё стесняется просить её. И рядом с ней такой, в этом дурацком костюме стюарда он казался себе ещё более смешным, резким движением он откатил от себя тележку.

— Да, это всё красиво, но не по мне, — маленькая японка посмотрела на него, без труда разгадав то, что он так тщательно пытался скрыть даже от самого себя, — Вся эта одежда, весь этот макияж делают меня старше, чем я есть на самом деле.

— Вот как? — парень продолжал рассматривать её с любопытством и удивлением, — Понимаю... И сколько же тебе на самом деле? — спросил Марк с интересом.

— В мае будет семнадцать, — ответила девушка, словно так и ждала момента, чтобы сразить правдой. Ей, хрупкой и миниатюрной, никогда не давали её биологический возраст, особенно, когда она надевала свою матросскую школьную форму и заплетала две косы.

— Серьезно? Так вот почему тебя зовут Мей, — его лицо озадаченно вытянулось, а она не сдержала смехок, видя его замешательство, — Я-то думал, что тебе не больше четырнадцати, — юноша понимающе кивнул, — Опасный возраст. Потому тебя этот старик стережет, как самое большое сокровище?

Маленькая японка рассмеялась, глядя на него снизу вверх — разница в росте между ними была существенная:

— И я не злюсь на него, скорее — я ему даже благодарна, — она задумалась и в который раз поразила тем, что сказала потом, — Знаешь, я понимаю его, он всего лишь беспокоится обо мне. У меня есть долг перед моей семьей и перед памятью моих близких: получить достойное образование и выбрать достойного спутника жизни, кто поможет мне вести дела семьи и кому я смогу подарить наследника. Сколько себя помню, господин Йошида был всегда, — она подошла и положила свои ладони ему на грудь, — Он помог встать на ноги моему отцу, и я знаю его с младенчества. Он, правда, искал меня — единственный, кому я могу доверять. Сам он не любит об этом распространяться, но я слышала, что у него была дочь, она влюбилась в молодого якудзу, они даже хотели пожениться, но мафия своих так просто не отпускает. Официально семья отреклась от неё, но Йошида-сан помог им бежать за границу. Как же была фамилия этого мужчины? — девушка в задумчивости нахмурила лоб, — Хадзама, кажется... В то время об этом писали в газетах: красавица дочь влиятельного бизнесмена связалась не с тем человеком, а потом загадочным образом исчезла из страны вместе со своим избранником.

— Хадзама... Ты сказала Хадзама? — Марк взволнованно схватил её за руку, — Это, конечно, может быть совпадением, но не такая ли фамилия у нашего доктора?

— Сенсей... Так вот почему его фамилия показалась мне знакомой, — Мей посмотрела на него с не меньшим удивлением, — Ты думаешь, ему надо сказать?

— Я считаю, что надо бы с ним поговорить, — заметил юноша. И он не представлял, насколько близко сейчас от них истина — стоит только протянуть руку, ведь в хитросплетении человеческих судеб нет ни единой лишней нити. Все кажущиеся случайности лишь кажутся таковыми — все, что должно случиться в нашей жизни, обязательно произойдет, как бы мы не скрывались, и все встречи в нашей жизни — тоже не случайны, а если человек оказался случайным, то это просто человек не из вашей жизни.

Так и встреча Марка и Мей станет важной не только для их судеб и судеб их потомков,

но и для связанных с ними людей.

А пока что — юноша обратил внимание на пару деревянных мечей в нише шкафа.

— Это тренировочные мечи, — отметив этот его мимолетный жест, пояснила девушка не без легкой гордости за саму себя, — Я занимаюсь в секции кэндо ((с японского — путь меча) — современное искусство фехтования, ведущее свою историю от традиционных самурайских техник владения мечом). Занятия призваны формировать полноценную личность и твёрдость характера, закаляя волю и тело фехтовальщика. Сама до сих пор удивляюсь, как мне удалось уговорить отца согласиться на мои тренировки. Отец любил меня и многое позволял. Хоть для женщины в моей стране предполагается роль домохозяйки — я всегда была не такой, как все, и видела для себя несколько другое будущее. Мудрецы говорили, что Бог создал женщину из ребра мужчины — не из ноги, чтоб быть униженной, не из головы, чтоб быть выше, а под рукой, чтоб быть защищённой, и под сердцем, чтоб быть любимой, и быть равным и полноценным партнером и в любви, и в делах.

— Да, это так похоже на тебя, — улыбнулся Марк, — И как успехи в кэндо? — он игриво скосил взгляд на мечи.

— Желаете проверить? — храбро подбоченилась маленькая азиатка, она и сама не понимала, зачем сказала это.

— Ещё с женщиной я не сражался, — от неожиданности юноша растерялся.

— Давай формальный бой, без защитного костюма? — Мей с любопытством смерила его от носков его модных туфель до кончиков волнистых прядей его русых волос, — На желание. Проигравший исполняет желание победившего, — и заметила, как зажегся огонек азарта в серых глазах.

— А вот это уже становится любопытно, — хмыкнул Марк, не сдержав улыбки, занятая ситуация: девочка бросает ему вызов, берет его на "слабо"? — И что — любое желание?

— Ты сначала победи, — она завела руки за спину, развязывая пояс, и когда яркое верхнее кимоно опало на пол, она осталась в нижнем — простом хлопковом кимоно. Девушка распустила волосы, освободившись от скрепляющих заколок, и собрала их в высокий хвост обыкновенной черной резинкой.

— Давно я не разминался, — сбросив этот надоевший скучный пиджак и эту душную бабочку, убрав с лица выбившиеся пряди, Марк улыбнулся, глядя на неё — девочка полна сюрпризов, а Мей тем временем достала из ниши два деревянных меча, один из которых бросила ему, — Учти, что поддаваться тебе я не собираюсь, — юноша поймал его и несколько раз поперекидывал из руки в руку, проверяя балансировку.

Пара-тройка пробных выпадов, чтобы привыкла кисть — и вот уже оба с азартом наносили и парировали удары, и раздавались гулкие звуки при соприкосновении мечей. Лица их были прекрасны в своем напряжении, а движения были отточенными и выверенными. В запале возбуждения и азарта они оба не желали сдаваться, точно на кону было не желание, а как минимум — их жизни.

А взгляд застила яркая кроваво-алая пелена. Он снова проливал кровь — свою и чужую. Пол и потолок поменялись местами.

Мимолетный взгляд в её глаза, и Марк точно прозрел — он вспомнил эти глаза. Это были глаза его совсем юной воспитанницы Хотару. Даже её имя переводилось, как "светлячок", и она стала той, кто озарил его жизнь после смерти Марико. Она была беспрекословно предана ему до самого конца, когда предпочла перерезать себе горло

острым сюрюкэном (сюрюкэн (дословный перевод: "лезвие, скрытое в руке") — японское метательное оружие скрытого ношения в виде небольших клинков по типу повседневных вещей: звёздочек, игл, гвоздей, ножей, монет и так далее), но не выдать его солдатам на казнь. С её уходом жизнь окончательно потеряла для него всякий смысл. Он покинул японские острова и сложил свою голову где-то в чужой земле, никому не известный...

Голова закружилась, и юноша ухватился за край широкого рукава кимоно Мей, потянув вниз и её. И вот они оба уже оказались на жестком полу:

— Похоже, что ты выиграла, — слабо улыбнулся Марк бледными губами, вытирая рукавом вспотевший лоб.

— К черту такой нечестный выигрыш! — сердито выплюнула она, рывком поднимаясь и требовательно глядя в его серые глаза, — Что это было, Марк? Снова?

— Видно, не пришел ещё в себя после перелета. Или акклиматизация, — юноша неуверенно встал на ноги, придерживаясь за спинку дивана.

— Ты уверен? — парень утвердительно кивнул на её полный беспокойства вопрос, язык не повернулся признаться ей, что видит такие реалистичные и пугающие до рвотных спазмов галлюцинации из своей прошлой жизни, ещё подумает, что он мозгами двинулся:

— Так у тебя есть желание? — когда он отдышался, они уже поднялись, всё ещё продолжая держаться друг за друга. И в её темных глазах он безошибочно читал неподдельную тревогу за его состояние и то, что плевать ей на все его надуманные недостатки и сумасшествие. И это было сродни откровению — она могла молчать, не говорить ни слова, а он всё улавливал, сканировал и понимал. Возможно, это и есть любовь? — А ты можешь постоять за себя в случае чего? — а взгляд его, помимо воли, дольше необходимого задержался на её губах, — Не потому ли, что рядом не было достойного мужчины, способного защитить тебя?

— Теперь у меня есть такой мужчина, — она нежно провела рукой по его прилипшим ко лбу влажным волосам.

— Так у тебя есть желание? — повторил свой вопрос Марк, продолжая настаивать, держа её за руку и глядя в её глаза, что пробудили в нем бурю воспоминаний.

— Я хочу прогуляться, — с напускной скромностью Мей сощурила глаза, — Составишь мне сегодня компанию? Я соскучилась за этим городом, да и ты из-за работы его фактически так и не видел. Я могу рассказать и показать то, чего нет ни в одном путеводителе. Только тут кругом охрана... — она игриво закусила губу.

— Есть у меня одна идея, если ты позволишь, — Марк оценивающе посмотрел в сторону той самой злосчастной тележки — похоже, что ему удалось найти ей полезное применение.

— И как нам поможет эта тележка? — азиатка взглянула на тележку, покрытую огромной плотной скатертью, края которой свисали до самого пола, — Я поняла! Сейчас я переоденусь, — она радостно хлопнула в ладоши и на время исчезла в гардеробной.

Немногим спустя, Марк чинно катил к запасному выходу тележку, на ни нижней полке которой сидела на корточках Мей, скрытая скатертью. В этот раз на ней была одежда более подходящая для прогулки: трикотажный джемпер красного цвета, шерстяная клетчатая юбка черной с красным расцветки, высокие шерстяные гольфы, черные кожаные сапоги и черная кожаная куртка с металлическими заклепками, создававшими на спине узор в виде герба.

Миновав лестницу черного хода, Марк достал ключи от автомобиля и включил сигнализацию. На её шум явился охранник стоянки. С невозмутимым видом парень начал

объяснять ему сочиненную на ходу легенду, что машина, дескать сломалась, и ему срочно нужно отвезти её на техобслуживание. Для большей правдоподобности, чтобы все были наверняка в курсе, он набрал мобильный Ондзи — отпроситься. Азиат, не будь дураком, смекнул, что у парня возникла обоснованная необходимость. Решив отложить объяснения на потом, он дал добро на выезд, уверив, что без проблем возьмет такси в случае необходимости. Благодаря тому, что Ондзи так естественно и так вовремя подыграл ему, охранник не усомнился и открыл ворота, чтобы автомобиль покинул поместье, в то время, как эта ситуация отвлекала внимание охранника, девушка незаметно юркнула под заднее сидение через специально приоткрытую дверцу.

Когда они отъехали на безопасное расстояние, японка удобнее уселась, довольно болтая ногами:

— Через два квартала поверни на право, пожалуйста, потом ещё три квартала прямо, — попросила она, — Мне нужно кое-где побывать. Это очень важно для меня.

Место, куда она указала, оказалось кладбищем Янака, что примерно в двадцати минутах от парка Уэно, где царят величие, покой и умиротворение, и где похоронено много известных людей.

Девушка прошла знакомым ей маршрутом и остановилась у парной могилы.

Дальше Марк с ней не пошел, оставшись стоять поодаль. Девушка подошла к могиле и села на колени, заменяя цветы в вазе свежим букетом, купленным у входа на кладбище:

— Мама, папа, я хотела бы представить вам одного особенного для меня человека. Его зовут Марк, и он не японец. Но, поверьте, это совсем не важно. Он такой же исключительный, как и я, — она повернула голову, посмотрев на парня, стоявшего облокотившись о дерево, и снова вернулась к своему занятию, продолжив беседу, — Знаете, это, наверно, и есть то, что называют судьбой, то, что связывает двоих неразрывной алой нитью. Ещё на обложках журналов меня покорили его глаза — в них была какая-то необъяснимая притягательность и сила, но я даже представить себе не могла, что смогу с ним познакомиться. А вот как всё вышло — реальность оказалась даже более захватывающей, чем мечта. Пусть у нас не всегда всё гладко, но я верю, что всё преодолимо, если любишь — а я его очень люблю. Как бы я хотела иметь возможность познакомиться вас, — под конец она не выдержала. И последний цветок выпал из её трясущихся рук, — Мама, папа!

— Мей! — Марк увидел это и сразу бросился к ней, по-настоящему испугавшись за её состояние, — Ты в порядке?

— Прости, Марк, — едва слышно шептала она охрипшим голосом, — Ну, вот, я снова извиняюсь... — она вздохнула. опустив плечи, потом встрепенулась, схватившись за ворот его рубашки, — Ты не подумай, я не сумасшедшая.

— Возможно, кто-то другой и подумал бы так, — он отрицательно замотал головой, — но не я. Тебе их очень не хватает — у меня на могиле матери вообще случилась настоящая истерика, видела бы ты меня тогда. А ты ещё очень сильная. Меня всегда это в тебе удивляло. Так что всё нормально — поплачь, и станет легче, — его крепкие объятия, его спокойный, но твердый голос говорили о его искренности лучше всех пышных фраз. Он не умел так красиво изъясняться, как, к примеру, Джон, но сейчас это не имело, равным счетом, никакого значения — они с Мей и без того прекрасно понимали друг друга.

— Интересно, Марк, а наши родные могли встретиться там, на небесах? — она подняла голову и сквозь слезы посмотрела на мерцавшие над ними луны и созвездия, — Я думаю, что

они всё-таки встретились, и решили устроить нашу встречу здесь, на земле. В детстве я верила, что моя мама — лунная Принцесса Кагуя, которая спустилась на землю, но вынуждена была снова вернуться на небо — и вот теперь они с отцом вернулись в свой лунный дворец. Видят ли они нас сейчас?

— Я уверен, что видят, — тихо ответил он, — Как и моя мать видит нас...

— Что это? — она поморщила нос, когда на него опустилась холодная снежинка и вытянула раскрытую ладонь, — Марк, смотри, какая красота — ведь это же снег! — дернула его за плечо, вопросительно посмотрев, — Они благословляют нас, правда? — только что она плакала, а сейчас — от всей души улыбалась.

— Они благословляют нас... — повторил Марк, заразившись от неё этой верой.

— Марк, а возьмешь меня как-нибудь с собой? — спросила маленькая японка настолько неожиданно, что своим вопросом заставила его замереть с широко раскрытыми глазами, — Покажешь место, где ты вырос? Я хочу представиться твоей маме и поблагодарить её за такого сына — за тебя, — шепотом закончила она.

— Ты... правда этого хочешь? — с трудом выдал он, сглотнув подступивший к горлу ком.

— Правда, — кивнула она, снова дернув его за рукав, — Обещаешь?

— Обещаю... — одно слово, но оно объединило их крепче любых клятв.

— Как думаешь, я бы понравилась твоей матери? — робко спросила она, полная тайной надежды.

— Я думаю, ты бы очень ей понравилась, — теперь уже он не сомневался в этом.

— Ну, погрузили и будет, — девушка вытерла слезы и улыбнулась, — Пойдем в торговый центр прогуляемся? Я проголодалась.

— Хорошая мысль, — Марк почесал затылок, загадочно улыбнувшись, — Мне стыдно было признаваться, но я тоже не против перекусить.

— Мама, папа, ну, мы пойдем, — она ещё раз опустилась перед могилой с выложенными иероглифами именами, проведя мокрыми пальцами по холодной плите, — Мы ещё обязательно будем вас навещать, а вы не скучайте без нас. Ладно? Я вас очень люблю. За меня не волнуйтесь, хорошо? У меня много друзей, со мной Марк и Йошида-сан — они не дадут меня в обиду.

— Господин Сакурада, госпожа Сакурада, с вашего разрешения, обещаю позаботиться о вашей дочери, — неожиданно Марк подошел ближе и почтительно поклонился.

— Марк, ты не насмехаешься надо мной? — она резко развернулась к нему, сверкая глазами.

— И в мыслях не было, — опешивши, стал оправдываться он, и выражение гнева на её лице сменилось изумлением, — Я часто разговариваю с мамой... Прости, если это задевает тебя...

— Нет, нет, всё нормально, — и ей стало стыдно, что она допустила мысль, будто он мог бы смеяться над ней.

— Так нормально, что ты вот-вот снова расплачешься? — усмехнулся парень, подавая ей руку, чтобы подняться, — Терять родных всегда тяжело, но поверь, они навсегда останутся с тобой — в твоём сердце и твоей памяти. И когда-нибудь, возможно, что и не через год, и не через два — твоя боль перестанет быть такой острой.

По дороге девушка принялась объяснять нюансы и особенности японской кухни, о которых парень имел лишь самое поверхностное представление — многим по душе рис и

морепродукты, но не все знают, что это — лишь очень малая часть от всего разнообразия, наряду с фасолью, соей и мясом, преимущественно — говядиной, особой популярностью пользуется специфичный её вид, именуемый "мраморным" мясом, рисунок которого обусловлен особенностью расположения жировой прослойки, на образование которой влияют своеобразие питания и образа жизни выращиваемого крупного рогатого скота.

А легендарная рыба фугу, сомнительно известная своей токсичностью при неправильном приготовлении? Несмотря на всю опасность, приготовленная поварами, имеющими специальную лицензию, она не теряет своей популярности среди жителей Японии.

— Знаешь, что самую вкусную еду подают в маленьких семейных ресторанах? — Мей пообещала ему показать ему свой любимый ресторанчик, где она бывает частой гостьей, — Вкуснотища! Пальчики оближешь. Без лишних изысков, зато приготовлено с душой. Кажется, что может быть проще — обжарить свежие овощи и рыбу в кляре? Но это настоящее объедение. Японская кухня вообще полезна для здоровья — в ней много рыбы и других морепродуктов, овощей. Всё это очищает кровь, снижает уровень холестерина в крови, улучшает состояние кожи и волос, усиливает память и создает хорошее настроение, снижает риск развития онкологии (вопрос, который после ядерных бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки стоит в Японии особенно остро) и способствуют долголетию. И ещё — это просто невероятно вкусно. Это тебе не гамбургер сжевать. Тут следует не спеша наслаждаться и смаковать.

— Не сомневаюсь, — мягко усмехнулся Марк, не переставая следить за дорогой, — Черт возьми, ты так рассказываешь, что у меня ещё больше разыгрался аппетит, — он так очаровательно покраснел, что девушка снова непринужденно рассмеялась:

— Ты когда-нибудь имел возможность полакомиться мороженым из зеленого чая? Спорим, что нет? — спрашивала она, когда они уже сидели за одним из столиков в её любимом ресторанчике — ожидая, когда им принесут заказ.

— Нет, никогда, — честно признался Марк.

— О! Тогда непременно стоит попробовать, — она так и предполагала, уже зная, что они закажут на десерт, — Чай... Японская чайная церемония — это такая дивная смесь ритуального действия и медитации, практически не менявшаяся со средних веков, для которой необходимы особый настрой, особое место и время, особая утварь и особые, самые дорогие гости — непременно стоит увидеть.

— В таком случае, полагаюсь на твой вкус, — он охотно позволил ей быть проводником в этом новом для него мире, полном тайн и легенд.

— Ты ешь, не бойся, — она откинулась на красном кожаном диване, с улыбкой рассматривая его, так нелепо смотревшегося в строгом костюме, добавлявшем ему несколько лишних лет сверх его возраста, зато его собранные в высокий хвост волосы так напоминали самурайскую прическу, — Это стоит попробовать. Специально для тебя, закажем что-нибудь в ресторане в торговом центре, и ты увидишь, что это не идет ни в какое сравнение — совершенно разные вещи.

— А почему на меня так смотрят? — спросил он, наклонившись к ней, когда заметил, что посетители кафе, и правда, как-то странно на него посматривают, а молодые посетительницы негромко шушукуются, бросая украдкой на него заинтересованные взгляды, а один малыш даже показал на него своим пухлым пальчиком, дернув мать за руку, что-то спрашивая у неё, на что она сделала ему внушение о манерах.

— Потому, что ты отличаешься от них, — пожалала плечами маленькая японка, продолжив наслаждаться своим любимым зеленым чаем с мятой и лимоном, — Для них ты необычен и интересен, понимаешь? На меня так же смотрели у вас.

— Это, и правда, было вкусно, спасибо, — тихо поблагодарил свою спутницу Марк, когда они покидали заведение.

— Я рада, что тебе понравилось, — с облегчением улыбнулась она, — теперь мы можем отправиться в торговый центр за подарками для твоих друзей.

— А разве они теперь и не твои друзья тоже? — уточнил он, глядя в её лучистые глаза, не в силах сдержать улыбку.

— Ладно, не придирайся уже, — хихикнула она, игриво отмахнувшись, и шепотом добавила, — И я посоветовала бы тебе надеть темные очки для большего спокойствия.

— Я же чуть не забыл — из внутреннего кармана пиджака юноша достал тот самый пластиковый брелок, который она дала ему, прощаясь в аэропорту, когда возвращалась в Японию, и протянул ей, — Твой брелок.

— Можешь оставить его себе насовсем, — она накрыла его руку своей, — Я уже давно купила себе новый, с колокольчиком, чтобы отгонять злых духов, — и немногим позже, прогуливаясь с Мей по торговому центру, Марк заметил, что среди японской молодежи очень популярно носить большое количество забавных ярких брелков на сумках и мобильных телефонах.

Проезжая мимо районов небоскребов со множеством неоновых реклам, большая часть которых, помимо брендов с мировой известностью, была представлена иероглифами, не понятными парню, и Мей приходилось пояснять ему их значение.

Но стоило им переступить порог торгового центра, как внимание девушки привлек только ей понятный игровой автомат:

— Марк, смотри, это же эксклюзивный игровой автомат, — она схватила его под руку и потянула, — О! Как я любила в детстве этот сериал: "Прекрасная воительница Sailormoon". Хочу попробовать выиграть что-нибудь, — Мей порылась в сумочке в поисках кошелька с монетами, её кошелек был в виде кошачьей мордочки, чтобы оплатить игру в автомате — и в который раз ей удалось удивить его таким сочетанием детской непосредственности и впечатлительности в одни моменты с мудростью и рассудительностью зрелой женщины в те моменты, когда это требовалось от неё, — Хм... Так, бросаем монетку, посылаем мысль в мироздание и крутим ручку: один, два, три.

— Удачи, Мей! — Марк не был знаком с этим анимационным сериалом и мало понимал в этом, но искренне старался поддержать её.

— Да! — от радости она захлопала в ладоши, прижимая к груди свой приз.

— И что там? Игрушка? — увлеченно поинтересовался он, пытаясь понять, что же она держит в руках.

— Это зеркальце в виде самой первой магической броши главной героини, — охотно пояснила азиатка, — Ух, как я рада!

— Я рад, что ты довольна, — он легко похлопал её по плечу.

Девушка, ещё немного покрутив зеркальце в руках, провела по нему изящным пальцем с аккуратным французским маникюром, сопровождая это движение улыбкой и ставшим уже легендарным заклинанием "MOON PRISM POWER, MAKE-UP!", не ожидая, разумеется, магического эффекта — она ведь находится в этой реальности, а не в мире японских комиксов и анимации.

— Марк, а знаешь легенду о зеркале солнечной богини Аматэрасу? — спросила вдруг Мей.

— Нет, — покачал он головой, — Расскажешь? — и замер в ожидании, подперев щеку рукой.

И не заставляя просить себя дважды, она поведала одну из бесконечного множества легенд о почитаемых в Японии божествах:

— Аматэрасу — дочь богов и прародительница японского императорского дома. Как-то она была настолько расстроена, что заперлась в своем небесном дворце, и перестала освещать мир своим божественным светом. И всё погрузилось во мрак. Вместе с угасшим светом, покинули мир добродушие, радость, любовь и надежда, и таившиеся в темных углах демоны отважились явить себя, повергая в ужас людские сердца. И собрались обеспокоенные божества на совет, как же им уговорить её выйти и спасти мир от мрака и разрушения. Создали боги великолепный дворец с садом, в котором деревья были украшены гирляндами из жемчуга и драгоценных камней, соткали одеяние, достойное настоящей королевы, но не вышла к ним богиня. Тогда начали боги великое и шумное торжество перед дворцом богини, женское любопытство взяло своё — выглянув аккуратно из-за двери, она поинтересовалась, по какому поводу торжество. И ответили ей боги, что нынче есть у них повод для веселья, ибо посетила их богиня небесной красоты. И удивилась Аматэрасу, и захотела увидеть эту загадочную богиню. И тогда дали ей боги большое зеркало, в котором она увидела своё отражение — деву неопишуемой красоты. И рассмеялась богиня переливом веселых колокольчиков и присоединилась к празднующим, и вновь засиял солнечный свет над горами и долинами, над реками и озерами, над лесами и полями. И пуще прежнего принялись веселиться боги.

— Это так по-женски, — рассмеялся Марк, когда она закончила свой рассказ.

— Но, так ведь она, кроме того, что богиня, ещё и женщина, — Мей гордо вздернула подбородок.

Ещё раз усмехнувшись, она тихо запела на мотив открывающей заставки этого известного анимационного сериала о добре и зле, о любви и дружбе, о прощении и верности, о простых истинах и вечных ценностях, популярного во многих странах мира с избытком поклонников — вот уже двадцать лет:

— Прости меня за то, что так открыто

Я говорю с тобой в мечтах сейчас.

Во мне одно желание только скрыто:

С тобой увидеться хоть на час.

Из-за тебя бегут слезы, Moonlight,

Не в силах позвонить тебе, Midnight.

Что делать мне? Душа полна тоской,

И сердце как калейдоскоп...

Луны волшебный свет сводил нас столько раз

В назначенный случайностью час.

Мерцали огоньки на небе звездном, любовь предсказывая для нас.

Одной землей мы рождены с тобою. Незабываемый романс.

Позволь же провести вместе Weekend.

Пошли нам, Бог, настоящий Happy-end!

Неважно, в прошлом, в будущем иль ныне -

Любить тебя буду я всегда.

Мне не забыть твой нежный взгляд, когда судьба

Вдвоем в счастливый день нас свела.

На небе столько звездочек сверкает, но среди них я тебя найду.

И замирая в сладком ожидании, свою судьбу благословлю!

Чудесное виденье близилось в тот раз,

В назначенный случайностью час.

Мерцали огоньки на небе звездном, любовь предсказывая для нас.

Одной землей мы рождены с тобою. Незабываемый романс.

Тебе я верю каждый раз, забываемый романс!

И Марк поймал себя на мысли, что заслушался её голоса и засмотрелся на неё — она пела так чисто и так вдохновенно, вкладывая всю душу. Сразу было понятно, что она знает и любит эту песню, и могла повторить её наизусть в любое время — днем и ночью.

Ему не было ещё так легко на сердце и в уме.

Но девушка уже снова схватила его за руку и потянула к другому игровому автомату:

— Ух, ты! Да это же игровой автомат с фигурками, — она указала на внушительную стеклянную витрину с большим количеством фигурок в пластиковых коробках и устройством для захвата, управляемом рычагами снаружи, — Когда-то у меня были фигурки из этой серии. Из всех героинь мне больше всего нравилась Воительница Марса — Хинс Рей, обладающая силой пламени и читающая будущее по священному огню. Марк, выиграешь мне её фигурку? — Мей заискивающе подкатила глаза, протянув ему монету для оплаты игрового времени, — Держи монетку. Направляешь рычаг и пытаешься захватить коробку, и смотри, не урони, аккуратно подводи к ячейке и отпускай, — жестами и искаженным английским она пыталась объяснить ему, как работает аппарат, и радостно кинулась ему на шею, когда у него получилось и коробка выкатилась в специальную ячейку, из которой её уже без труда можно было достать, — Вот так, молодец! Достаяю, — пританцовывая, она прижимала коробку к груди, — Спасибо-спасибо!

Марк только снисходительно развел руками, помогая ей упаковывать приз в рюкзак:

— А что это такое? — он повернул голову в сторону других автоматов, на которых забавно двигались молодые люди, одетые так же забавно.

— На что спорим — ты и трех минут не продержишься на танцевальном автомате? — бросила она с вызовом.

И опять этот озорной блеск в её глазах. Нет, она это что — серьезно?

— Это мы ещё посмотрим, — в нем снова разыгрались какие-то детские азарт и любопытство, — Как работает эта штукавина?

— Поясняю, — девушка едва удержалась от смеха — выбираешь мелодию, на экране будут появляться стрелочки и указания, которым нужно следовать, и согласно им нажимать ногами на соответствующие панели на платформе — совпадение с изображением на экране дает игроку определенное количество очков, каждый раз, когда ошибаешься или сбиваешься с ритма, очки снимаются. Раунд считается проигранным, если во время прохождения песни они обнулятся.

И вот, перекинув верхнюю одежду через специальное ограждение, под восхищенное перешептывание не только разряженной молодежи, окружившей их, но и других проходивших мимо людей, они устроили танцевальное состязание, а зрители уже восторженно аплодировали и подпевали — сливаясь с музыкой, каблуками отбивая темп,

подстраиваясь под ритм биения своего сердца, становясь с мелодией одним целым, четко повторяя движения трехмерных моделей персонажей на экране — и распределение равновесия и точность движений приходили сами собой.

Когда музыка смолкла, и они, сойдя с платформы — бесконечно счастливые, направились к выходу, сопровождаемые пожирающей их глазами группой старшеклассниц, не сводивших взглядов со странного высокого бледного молодого человека, на что маленькая японка шутливо возмутилась, отдышавшись после импровизированного танцевального марафона:

— Смотри, сейчас они ещё автографы у тебя начнут просить. Завидовали бы уже молча, — она крепче прижалась к нему и повела его по торговым рядам — выбирать подарки. С одной стороны — ей, безусловно льстило, что её спутник привлекает такое повышенное внимание, с другой же стороны — это внимание рождало в ней ревность, но ей удавалось подавить в себе эти чувства, когда она была рядом с ним, а он держал её за руку и улыбался только ей, — А ты молодец, прости, что сомневалась в тебе.

Они уже проделали половину пути, возвращаясь обратно, Марк вспомнил, что так и не успел купить подарок ей.

Они остановились у ювелирного магазина и зашли присмотреться к ассортименту.

Добродушный пожилой толстяк — хозяин магазина поспешил поприветствовать новых клиентов, не уставая рекламировать свой товар, глядя на молодую пару с некоторой светлой грустью.

Время было позднее, покупателей было не так много, а поэтому продавец мог уделить больше внимания этим своим клиентам.

Свой выбор Марк остановил на золотом браслете с рубинами.

Девушка сначала отказывалась принимать такой дорогой, по сравнению с другими купленными сувенирами, подарок, но вдвоем мужчинам путем долгих уговоров удалось убедить её.

И вот, как только он уже приготовился расплатиться, как появились трое в масках и потребовали выложить деньги и украшения на стол и лечь лицом на пол.

Ладони торговца стали влажными от страха.

Мей дернула парня за рукав, заметив, как опасно сузились его глаза:

— Нет... — губы сами прошептали, прежде чем разум успел сообразить, но его услышали.

— Кто-то что-то сказал, мальчик? — один из грабителей толкнул его в плечо, наставив оружие, — Или мне послышалось?

— Я. Сказал. Нет, — хладнокровно повторил юноша, — Тут ничего вашего нет. Вам лучше уйти, — для него это был не просто браслет, он символизировал его чувства, и ни кому не позволено будет растоптать их.

— Как интересно, — если бы Марк мог видеть сквозь маску, то разглядел бы заинтересованный взгляд, — Каким ветром занесло тебя сюда, крысеныш?

Парень лишь криво усмехнулся на это:

— Так мило, что ты вспомнил о ветре.

— Нарываешься на разборки, крысеныш? — пока что Марк оставался невозмутимым, — Перед девкой выделываешься? — он перевел руку, в которой держал оружие, в сторону девушки, — Ба! Какие люди, и при охране! Давно не виделись, дорогуша.

— Не смей его трогать, слышишь?! — выкрикнула Мей насупившись и сжав кулаки.

— Какие мы грозные. А не то, что? — бандит наклонил голову, рассматривая её сквозь маску, потом резко повернул голову в сторону Марка, наставив пистолет и целясь в голову, — Пойдешь с нами, если не хочешь, чтобы я пристрелил его на твоих глазах. Ты же не хочешь, чтобы ему было больно? А ему будет очень больно, я обещаю!

— Что может быть у тебя общего с Мей? — изумленно прошептал юноша.

— И вот тут-то ты ошибаешься, мальчик, — в голосе оппонента сквозила ухмылка: он повернулся к девушке, задав вопрос, — Я верно говорю, детка? Спокойно! Спокойно, чего так напряглись? — и снова этот неприятный смех, действующий на нервы, — Не хочешь вспомнить былое? А эта девочка — горячая штучка, правда? Можешь поверить мне. Я знаю, о чем говорю — ночью она просто не давала уснуть. Смотрите-ка, крысеныш, кажется, ревнует!

— Он гораздо больше мужчина, чем ты! — процедила сквозь зубы маленькая японка.

— Хочешь сказать, тебе тогда не понравилось? — парень непонимающе фыркнул.

— Уточни, что мне должно было понравиться, безмозглый ты, самовлюбленный придурок?

Мей с большим трудом старалась держать себя в руках и не срываться на крик, но от нахлынувших воспоминаний едва не сделалось дурно, и слезы подступили к глазам, и захотелось расцарапать ему лицо своим маникюром, чтобы минимум пару недель не мог на улицу выйти:

— То, что ты пьяный изнасиловал меня? Или то, что ты потом позволил сделать это же своим приятелям?

— Я предлагал тебе выйти за меня, но ты сама отказалась, — угрожающе прошипел собеседник.

— Отказалась?! — неужели она вот так просто высказала всё накопившееся?

Только стоит ли этот человек её нервов и её переживаний? Главное, что ей самой стало легче:

— Бог мой, да я, что, похожа на глупую курицу, чтобы связаться с таким паршивым петухом? А потом, что — каждую ночь плакать в подушку, как эти клуши, которые не в состоянии постоять за себя? Ну, ж нет! Ни за что и никогда!

— Дура! — но дальше Мей уже ничего не слышала потому, что повернувшись, увидела Марка, стоявшего прислонившись к стене, — Думаешь, ему ты нужна? Поиграется с экзотической игрушкой и бросит, когда надоест.

И горячий стыд ошпарил удушливой волной.

А Марк стоял и тоже задышался от незнакомой боли, ожившей в его сердце не испытываемым ещё настолько безумием. Ревность? И почему ему сейчас настолько больно? В висках мучительно шумело и пульсировало, и вся кровь отлила от, и без того бледного, лица:

— Эй, ты что делаешь, псих?! — одно дело было выслушать эту историю от Мей, но совсем другое — стоять под дулом пистолета, что сейчас в руках у этого ничтожества, который посмел так с ней поступить. Нет, это уже было выше его сил. Сплетая побледневшими пальцами заклятие, он резким ударом ребром ладони выбил оружие, одновременно второй рукой отбросив нападавших мощным воздушным потоком.

И эта мразь прикасалась к ней?

— Закрой свой рот, пока я не вырвал твой грязный язык! — Марка всего трясло, но юноше хватило сил, чтобы одной рукой припечатать мерзавца к стенке, — Да, я — псих,

советую больше не связываться со мной. И не дай Бог нам пересечься ещё хоть раз. Только попробуй приблизиться к ней ближе, чем на сто метров, и я убью тебя — и это не угроза, а констатация факта. Я не хочу знать твоё имя, не хочу видеть твоего лица — достаточно того, что я твой голос запомнил. Ты всё понял? — голос его звучал спокойно и ровно, как бесстрастный приговор, противник замотал головой, бубня что-то невнятное, — Повтори громче, я не расслышал, — потом Марк взял её за руки, убирая их от её лица, — Посмотри на него, — он насильно повернул её испуганное лицо, заставляя смотреть, — Как он жалок сейчас. Можешь больше не бояться этого человека. Если он посмеет появиться в твоей жизни — я буду рядом.

— Стоять! — заметив, что лежащие на полу зашевелились, пытаюсь подняться, он не дал им этого сделать, снова подняв в воздух и резко отшвырнув в сторону, — Я ещё не отпускал ни кого, — немного успокоившись, он повернулся к насмерть перепуганному владельцу магазина, — А вот теперь можете вызывать полицию, до её приезда они точно не очнутся.

— Марк, уходим! — Мей опомнилась первой и дернула его за рукав, — Ты использовал на них свою силу, нам лучше исчезнуть, пока не появилась полиция.

— Прости, не сдержался, — он тяжело выдохнул, поправляя одежду, — Я же обещал Джону держать себя в руках... Но он не смел так говорить о тебе.

— Госпожа, ваш браслет! — торговец окликнул их.

— Но, мы так и не заплатили за него, — смущенно улыбнулась Мей, — Простите...

— Неужели вы думаете, что после того, что вы спасли мне жизнь, я позволю себе торговаться с вами? — отмахнулся мужчина одной рукой и протянул ей свою другую руку с браслетом на ладони.

— Я не могу его так взять, я заплачу, — Марк достал бумажник и принялся отсчитывать купюры, — Если хотите нас отблагодарить, то не выдавайте. Скажете, что были в состоянии шока, вас заставили лечь лицом на пол и вы не разглядели.

— Как скажет господин, — церемонно поклонился торговец, принимая деньги, — Но я никогда не забуду того, что вы сделали.

Задержись они ещё хоть на несколько минут, и встречи с полицией не удалось бы избежать.

— Чёрт возьми, Марк, а ведь тебя могли подстрелить! — девушка, надув губы, толкнула его в плечо, когда они садились в машину, и только тут до него дошло, что он мог никогда больше не увидеть ни её, ни отца, ни Александру, ни Маргариту.

— Я знаю, — закусив губу, он нервно вцепился пальцами в руль, — Прости, — и больше за всю дорогу они не произнесли ни слова, продолжая молчать.

— Ну, вот, приехали, — грустно усмехнулся Марк, когда автомобиль остановился у ворот поместья, — А ты так и не сказала о своем желании.

— А ты догадайся, — доверительно прошептала Мей, близко наклонившись к нему, от чего его точно ударило током, и руки сами привлекли её ближе к себе, а губы наши мягкость её губ.

— Угадал? — с улыбкой спросил он, прервав поцелуй.

— А сам как думаешь? — улыбнулась девушка и несколько раз сжала-разжала пальцы, глубоко вдохнув, — Боже, дай мне сил выдержать нравоучения господина Йошида!

— Я провожу тебя, — подмигнул он, беря её за руку.

— Спасибо тебе, — Мей вдруг как-то по-детски неуклюже обняла его, уткнувшись лицом ему в грудь, — Ко мне ещё ни кто так не относился. Прости, я не думала, что

встречусь сегодня со своим прошлым.

— Стоп! — он приложил палец к её губам, заставляя замолчать, — Вот, пусть прошлое и остается в прошлом.

— Госпожа, я очень и очень разочарован! — старик, совершенно очевидно, негодовал, казалось, что ещё немного, и у него начнет дергаться глаз, а уголки его плотно сжатых губ уже нервно дергались, — Вас совсем не заботит ни ваше будущее, ни моё здоровье — совсем не жалеете старика. О чем вы думали? У меня чуть инфаркт не случился, когда вас не нашли в вашей комнате, — Мей опустила голову под его тяжелым взглядом, но прятаться за спиной Марка не стала, — Видели бы ваши родители, насколько вы не дорожите своим именем. Ступайте в свою комнату, госпожа, и подумайте над своим поведением.

— Простите, господин Йошида, — искренне извинилась она, понимая, что старика, и правда, мог хватить удар, а у него слабое сердце. Господи, а ведь она не подумала об этом! Снова повела себя, как законченная эгоистка.

— Прошу прощения, Йошида-сан, — выступил вперед Марк, виновато поклонившись, — это была моя идея, — девушка покачала головой, пытаясь возразить, но он жестом остановил её, от чего Мей захотелось провалиться сквозь землю, ну — или забиться в истерике, на худой конец

— Прекрасно, молодой человек, — пожилой мужчина довольно хмыкнул, когда юноша выдержал его испытующий взгляд, — Хоть имеешь смелость признаться.

— Мне нечего скрывать, — с вызовом бросил Марк.

— Вот и хорошо, я ещё не закончил, — кивнул мужчина и повернулся к девушке, указывая в сторону лестницы на второй этаж, — Ступайте, госпожа, вы, должно быть, устали, а я хочу поговорить с молодым человеком без свидетелей.

— Да, Йошида-сан, — Мей не хотелось оставлять его наедине с этим суровым стариком, но Марк ободряюще подмигнул ей, а она чувствовала себя слишком уставшей и слишком виноватой, чтобы сопротивляться, и обменявшись тихим "Спокойной ночи!", она медленно развернулась и проследовала в свою комнату.

— Кем ты себя возомнил, молодой человек, что позволяешь себе такие возмутительные выходки? — и тут уже мужчина дал волю своему недовольству, — По твоей милости госпожа пропустила занятия. Если так пойдет и дальше, то она может потерять всё, что с таким трудом создавала её семья на протяжении десятилетий — фамильное имя, состояние.

— Я только хотел помочь... — Марк и чувствовал себя виноватым, и в то же время, считал, что поступил правильно, скрасив девочке день, и её радостный смех и счастливая улыбка были тому бесспорным и красноречивым свидетельством.

— Тогда, не мешало бы прежде думать, — назидательным тоном продолжил мужчина, — Зачем подпитывать её надежды, которым не суждено сбыться? Наследница клана не выйдет замуж за чужака — вы с ней слишком разные. К тому же, ей нужен более старший и опытный мужчина её круга, который смог бы взять на себя управление компанией. А что можешь дать ей ты? Весь ваш модельный бизнес погряз во лжи, интригах и распутстве. А пройдет молодость, она ведь не вечна, что ты будешь делать тогда, на что содержать семью?

— Вы так уверены, что знаете, что ей нужно? — не сдержался Марк, крепче сжав пальцы на руках, — Вы её, вообще, знаете? Знаете, когда у неё День рождения?

— В мае, — тут же ответил мужчина.

— Да, — согласился парень, признавая ответ верным, — А какой у неё любимый

напиток? Какое любимое блюдо? — продолжил он злобно сыпать вопросами.

— Зеленый час с мятой и лимоном, темпура, мороженое из зеленого чая, — и снова четкий и лаконичный ответ.

— А какую музыку она предпочитает? Какие её любимые цвета? Какой её любимый бренд? — хотелось поддеть, зацепить, показать, что нельзя выбирать и так бездушно решать за живого человека, — Она слушает группу "Morning musume" и Камуи Гакта, любит красный, белый, синий и черный цвета, и предпочитает марку "Hello Kitty".

— И о чем это говорит? — старик как-то странно посмотрел на него.

— О том, что я знаю её не хуже вас, — вот, оно — то, что он хотел высказать, — при всём уважении, господин Йошида...

— Ты с ней спал? — без лишних предисловий озадачил собеседник, и захотелось ответ выплюнуть ему в лицо, но Марк на какое-то время застыл ошеломленный, тогда мужчина повторил свой вопрос с более резкой интонацией, продлись минутное молчание дольше, парня пришлось бы встряхнуть за плечи, — Отвечай, когда тебя спрашивают! Я задал простой вопрос и рассчитываю получить на него предельно честный ответ.

— Нет, — тяжело выдохнул Марк, и добавил, глядя прямо в изумленные глаза собеседника, — И этого не случится, пока мы оба не будем готовы к этому, — ограничился этой фразой, не посчитав нужным далее распространяться на предмет своих страхов и сомнений.

— Похвально, что ты сумел сохранить здравость мышления, — с облегчением выдохнул мужчина, как-то странно посмотрев на него, и в глазах невольно проскользило уважение, — И последний вопрос: ты любишь её? — и Марк, уже было развернувшийся уходить, замер — как же он боялся и избегал сам себе задать этот вопрос.

— Да, — не задумываясь ответил, и как только до него дошел смысл прозвучавшего из его уст ответа, он едва сдержался, чтобы не рассмеяться: всего одно слово, две буквы, и вся сумятица в голове упорядочилась, как после дождя и бури расступаются облака и приходит ясность, — Всего доброго, Йошида-сан, с вашего разрешения, — легко поклонившись, уже не тая улыбки в уголках губ.

— А ты интересный, христианин, — японец кивнул в знак одобрения, — Думаю, что ещё не прощаюсь с тобой.

— Тогда, до встречи, Йошида-сан, — юноша ещё раз поклонился, и покинул помещение с улыбкой на лице, — И, кстати, я увлекаюсь программированием и компьютерными технологиями, если вас это интересует, — последнее слово осталось за ним, и вот теперь он был удовлетворен.

Выйдя из поместья, он посмотрел на её окно, в котором зажегся свет. Девушка открыла окно и помахала ему.

— Смотри, не простудись, — отсалютовал Марк, и она послала ему воздушный поцелуй:

— Я могу приехать на рождественские каникулы? — спросила Мей, и он утвердительно кивнул.

И в это время на ночном небе над ними вспыхнула падающая звезда. Знаете ли вы о том, что, если желания двоих, загаданные, глядя на падающую звезду, совпадут, то они непременно сбудутся? И этим двоим так хотелось в это верить.

Скажи це сонцю, скажи це вітру -

І я почую ці слова,

Шукай у небі єдину зірку,
Та знай, на неї дивлюсь я...
Руслана "The Same Star"

"Так и мы должны стараться сиять ярче, — принял тогда решение Марк, — для тех, кто будет брать с нас пример. В чью жизнь мы в состоянии привнести чуть больше света и красоты."

И последний показ он отработал на пределе своих сил, чем заслужил искреннюю похвалу своего напарника-азиата:

— Вот это совсем другое дело, — Ондзи довольно похлопал его по плечу, и они пожали руки, — Молодец, напарник! А эта девочка тебя изменила.

— Я же просто... хотел помочь ей, по — дружески... — растерянно пробормотал парень.

— По — дружески, говоришь, — азиат растянул понимающую улыбку, — ну-ну, ты сам-то хоть веришь в эту, так называемую, "дружбу"?

Марк нехорошо сверкнул глазами:

— Ондзи, я, конечно, очень благодарен тебе за помощь, но можно я сам с этим разберусь, без посторонней помощи?

— Конечно, — согласился с ним японец, — Я не сомневаюсь, что ты разберешься, — Марк и сам теперь в этом ни сколько не сомневался.

05. Новое звучание Рождества

Я стала сильнее, потому что мне пришлось такой стать.

Я стала мудрее, потому что получила урок.

Я стала счастливее после пережитой грусти.

Я стала умнее благодаря своим ошибкам.

— Ондзи, скажи, а что по-твоему, любовь? — внезапно серьезно спросил Марк, когда они уже заняли свои места в салоне самолета.

— Любовь — это то, что сжигает нас в пепел и возрождает вновь, — в ответ японец процитировал древнее изречение.

— Да ты, оказывается, поэт, — усмехнулся юноша, потом поинтересовался, — А ты хорошо знаешь господина Йошида?

— Мне иногда приходится иметь с ним дело, — азиат снова с любопытством глянул на парня, — Мы заказываем поставки тканей с фабрик этой компании.

— Понятно, — вздохнул Марк и отвернулся к иллюминатору, — Старик хоть и прежних устоев и закалки, но он искренне беспокоится о Мей и желает ей только добра, — он принялся нервно сжимать в руке салфетку, — Может быть, он прав — кто есть она, и кто — я? Что я в состоянии предложить той, кто достойна самого лучшего?

— Тогда стань лучшим, — Ондзи развернул его лицом к себе, — Представь, что её нет в твоей жизни, если без неё жизнь теряет смысл, то твои чувства достаточно сильны. Если это — то, чего ты хочешь на самом деле, то борись. Ни что в жизни не дается даром — всё нужно ещё заслужить, доказать, что ты достоин счастья.

— Я запомню этот совет, спасибо, — благодарно улыбнулся парень, — А ты сам был влюблен?

— О, нет, для этого я слишком занят, — с усмешкой отмахнулся мужчина, всё же не желая раскрывать свою душу до самого конца, — Видно, мне так и суждено умереть холостяком.

— А может быть, просто ещё не встретила та самая? — подмигнул Марк.

— Да благословен будет не перестающий надеяться, — улыбнулся азиат, ответив восточной мудростью, и развернул последний выпуск газеты на японском, которую он купил по дороге в аэропорт, — Вот так дела! Я захватил с собой газету почитать в салоне — тут пишут о загадочном вечернем происшествии. Вчера группа преступников пыталась ограбить ювелирный магазин, но были остановлены неизвестным мужчиной. Мужчина молодой — возраст до двадцати пяти лет, европеец, он высокого роста, у него светлые волосы, одет был в формальный костюм черного цвета. Всем, кто что-нибудь знает, просим сообщить в ближайший полицейский участок. А также просим этого мужчину, благодаря которому было предотвращено преступление, прийти в полицию и дать свидетельские показания. Будь среди нас побольше таких сознательных граждан, улицы наших городов стали бы намного безопаснее для нас и наших детей, — лицо азиата приняло задумчивый вид, — Как интригующе...

— Действительно, — равнодушно протянул Марк, уходя от темы, которую он не хотел сейчас обсуждать, — очень интересно. Ты не возражаешь, если я засну? Я очень устал.

— Нет, конечно не возражаю, — согласно кивнул Ондзи, — А я, пожалуй, продолжу читать газету, уж очень любопытный номер попался, — потом перевел взгляд на спящего

рядом Марка и продолжил рассуждать сам с собой, — Интересно, как много молодых высоких европейцев гуляет по ночному Токио? — но Марк уже заснул и не слышал его.

Марк был очень рад вернуться. Вернуться туда, где его ждали: отец, Александра, его друзья, любимая работа. А совсем скоро, не успеешь оглянуться, как пролетит время, и Мей вернется провести с ними зимние каникулы. В её обществе ему было так легко, что он забывал обо всём плохом.

В доме, как обычно, было много людей, и царило необыкновенное оживление, и больше всех радовалась его возвращению маленькая Адель. Это и не удивительно — на календаре уже было начало декабря, и в сердца каждого входило Рождественское волшебство и предчувствие нового начала и новых надежд касалось души.

И снова были долгие разговоры по телефону: обо всём и ни о чем. Марк рассказывал, как друзьям понравились привезенные им сувениры, они обсуждали, как бы хотели провести праздники. Маленькая японка уверяла, что её страна полна сказочных новогодних традиций — кроме традиционных для многих народов поздравлений близких праздничными открытками и подарками, посещения храмов и родных мест и традиционного ужина в семейном кругу, для японского нового года характерны и свои особенности, присущие только этой данной стране, где считается, что душу человека отягощают сто восемь пагубных грехов и забот, и возвещающий приход Нового года колокол, каждым из своих ста восемью ударами прогоняет их из человеческих душ, где искренне верят в Семь богов удачи, даря символические фигурки, изображающие кораблики, груженные сокровищами с семью богами удачи и благополучия на борту.

Ещё Мей в красках рассказывала, как прекрасна весенняя церемония любования цветами сакуры — японская вишня не плодоносит, но имеет огромное символическое и эстетическое значение, символизирует скоротечность всего прекрасного и печаль о том, что так было дорого, но ушло, оставаясь в сердце и памяти, чтобы возродиться на следующий год новыми нежными лепестками, мягким ковром покрывающими землю после каждого порыва ветра. Рассказывала о популярных горячих источниках, о священной горе Фудзи, о фестивалях технических достижений, на которых известные бренды представляют свои последние разработки, о других фестивалях, где участники преобразуются в любимых героев комиксов и мультфильмов, и всё это называется словом "костплей" — от англ. costume play — "костюмированная игра", популярное хобби, сродни маскараду, а выступающие не только показывают свои костюмы во всей красе (зачастую, сшитые самостоятельно), но и ставят сценки и танцы по мотивам произведений, исполняют композиции из саундтреков популярных анимационных сериалов и фильмов или компьютерных игр.

Марк обещал ей обязательно показать украинскую вишню и поделился своим планом порадовать детишек из приюта, где он провел свое детство, подарками на день Святого Николая.

Мей заметила, что у неё как раз будут каникулы и попросила разрешения сопровождать его, и Марк согласился. И на душе стало сразу легче, гораздо легче. Но он всё ещё не находил слов, чтобы объяснить то, что с ним сейчас происходит. Но бывает и так, что все слова в мире не в силах описать одно простое чувство, но сердце, как ни странно, всё прекрасно понимает без слов — и не важно, на каком языке мы говорим, у любви он — один для всех.

Всё чаще с неба шел чистый мягкий белый снег, и так приятно было ощущать легкую прохладу на своих щеках, губах и ресницах. И снова чувствуешь себя маленьким ребенком, верящим в чудеса, замороженно замирая, глядя на нарядные елки в пышно украшенных

витринах, повсюду царило предпраздничное оживление, подстегиваемое призывными вывесками о распродажах, значительно увеличившими очереди в магазинах, из которых лился яркий свет неоновых подсветок и звучала тематическая Рождественская музыка. Отдохнуть в перерывах этого марафона шоппинга приятно было в маленьком кафе за чашкой горячего шоколада с любимым пирожным, слушая веселую болтовню подруг. В таких желанных хлопотах и поисках милых сувениров для дорогих людей время летело незаметно.

На Маргарите был белый полушубок — единственное, что она смогла застегнуть на себе сейчас, а дома уже была наготове собранная сумка, на тот случай, если придется срочно лечь в клинику — срок родов был всё ближе, и необходимо было всё предусмотреть.

И вот после одной из таких утренних прогулок Маргарита почувствовала сначала некоторый дискомфорт, но болезненные ощущения всё нарастали, а ведь до срока ещё было недели две, а то и все три.

Лицо уже покрылось испариной, но боль не унималась, а в глазах застыла паника — кошмар прошлого не должен повториться.

Когда вызвали Джека и сообщили Джону, девушка была уже в состоянии обморока — голоса близких доносились точно откуда-то издалека... Что-то не так, не правильно... Так не должно быть...

И дальше, она уже с трудом могла различить какие-то медицинские термины: "обвитие", "асфиксия", "кесарево сечение"...

Когда её везли в подготовленную операционную, она уже не замечала ни кислородной маски на своем лице, ни иглы от капельницы с лекарством в своей руке, ощущала только теплую руку мужа, сжимавшую её ладонь.

Потом она уже ничего не помнила, очнувшись через несколько долгих часов, показавшихся вечностью и ей, и сходявшим с ума от переживаний за неё, друзьям.

Когда Маргарита открыла глаза, то увидела улыбающееся лицо брата — измученное после бессонной ночи. Его улыбка — это был добрый знак. Она поводила глазами по сторонам и отметила, что находится не в операционной, а в палате.

Доктор поправил ей подушки и повернул её голову, тихо прошептав, обнимая её:

— Всё хорошо, девочка, мы справились... Ты справилась...

Увидев детскую кроватку, в которой спали её маленькие дочки. Она не смогла сдержать слез, крепче вцепившись в плечи брата. Подумать только — её дочери... Их с Жаном дочери...

— Их покормили, пока ты спала. Они — удивительные малышки, — улыбнулся доктор, когда покидал палату.

— Как она, док? Почему нам ничего не говорят? — как только Джек вышел из палаты, взволнованные друзья окружили его, а Джон схватил его дрожащими пальцами за рукав халата.

— Операция прошла успешно — её жизнь и жизни детей вне опасности, — выдохнул доктор, и облегченный вздох прокатился среди друзей, потом наклонился к самому уху смуглого мужчины, — Но операция была тяжелой, что несомненно отразится на состоянии её здоровья — ещё одну беременность она может и не пережить. Ты понимаешь, о чем я?

— Господи, но как же так... — только и смог сдавленно прошептать Джон, — И как мне ей сказать об этом? Разбить её мечты и лишит надежды? — он крепко зажмурился, и из глаз едва не потекли слезы.

— Если ты не решишься, то это придется сделать мне, — со спокойствием обреченного

произнес молодой хирург, — Она должна знать. Но — не сегодня. А сейчас можешь увидеть её. Ты — первый, о ком спросила Маргарита, когда пришла в себя.

Джон ничего не ответил, только незаметно от других, ещё раз окинул его тяжелым взглядом и, натянув улыбку на лицо, решительно сделал шаг в палату:

— Ну, как ты, девочка? — он аккуратно присел рядом на кровати, взяв ладонь жены в свою руку, поднеся её к своим губам, — Как себя чувствуешь?

Маргарита лежала обессиленная, на её бледном исхудавшем лице впавшие глаза казались совсем черными, оттененные темными кругами под ними. Подумать только — если бы не медики во главе с японским гением от медицины, то он мог потерять и жену, и дочерей.

— Теперь уже всё хорошо, — Маргарита слабо улыбнулась пересохшими губами, в ответ слабо сжав его руку, — Теперь я спокойна, — девушка повернула голову в сторону детской кровати, — Не правда ли они милашки?

— Ну, конечно, мой маленький герой, — он поцеловал её бледный холодный лоб, — Самые красивые девочки на свете. Эти малышки многих сведут с ума в своё время.

— Это потому, что у них твои глаза, — не унималась Маргарита.

— Милая, давай не будем сейчас спорить? — он легко чмокнул её в нос и тихо произнес, — В старину говорили, что когда Бог хочет сделать женщине комплимент, то дарит ей дочь, а когда хочет дать ей защиту и опору — дарит ей сына, — румянец стал возвращаться на её лицо, и губы девушки расплылись в улыбке, а он продолжил, успокаивающе поглаживая её руку, — Лишь трех женщин в своей жизни мужчина будет любить более остальных: ту, что родила его, ту, что родила ему и ту, что родилась от него. Я бы ещё добавил одну — ту, что родилась вместе с ним, — улыбнулся Джон своей легкой улыбкой, имея в виду свою любимую сестру.

— Моё Солнце и звезды, — блаженно протянула Маргарита фразой из нашумевшего телевизионного сериала, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. И почему он всегда так на неё действовал, что рядом с ним она забывала себя?

— Рождество в этом году имеет для нас особый смысл, — это настолько умилило его, что он не удержался и поцеловал девушку в макушку, как матери целуют перед сном маленьких детей, — Ещё год назад мы благодарили Бога за твоё спасение, а в этот год в наш мир пришли две новые жизни — благодаря твоему мужеству и мастерству доктора.

— Ты не подумай — как только приду в себя, я хочу быть полезной, — Маргарита подняла на него лицо, полная решимости, — Вы столько для меня сделали...

— И чем бы хотела заниматься моя девочка? — Джон посмотрел на свою молодую жену с интересом и восхищением.

— Я ещё не определилась, что мне нравится больше, — откровенно призналась Маргарита, делаясь с ним своими размышлениями, — Я хотела работать в медицине, но мне также нравится и рисовать — я бы хотела помогать тебе в качестве дизайнера.

— Это нормально, ты ещё очень молода, — заверил её мужчина, вновь поглаживая по темноволосой голове, — Чтобы ты не решила, я всегда поддержу тебя и выслушаю твои дизайнерские идеи — но, только когда позволит твоё состояние.

— Папочка, можно и мне посмотреть? — в оставшуюся не до конца прикрытой дверь прошмыгнул малыш Алишер и замер в нерешительности, сделав несколько робких шагов, ожидая когда ему разрешат подойти ближе.

— Конечно. Али, подойди, сынок, взгляни на своих сестреночек, — Джон взял мальчика

за руку и подвел его к кровати с новорожденными младенцами.

— Они такие... маленькие, розовые и громкие, — смущенно улыбнулся ребенок, — Папа, я что — тоже был таким?

— Может, даже ещё голосистее, — улыбнулся Джон.

— Простите. Всё хорошо, маленькая госпожа? — вслед за сыном, в палате появилась сама сиятельная Кали с приветливой улыбкой на устах, — Как самочувствие, храбрая маленькая госпожа?

— Спасибо, миледи, — девушка слабым кивком головы выразила свою признательность.

— Если понадобится какая-нибудь помощь, любая — обращайся, не стесняйся, — рыжеволосая поправила ей покрывало и взяла сына за руку, намекая на то, что ослабленной девушке необходим отдых.

— Ещё раз благодарю, — улыбнулась Маргарита, — Вы останетесь с нами на праздники? — спросила она, на что Кали ответила утвердительно.

— А это сделали мы с Рафаэлем, от нашей семьи — как ты и просила, — понимая, что не стоит дольше напрягать ослабленную тяжелыми родами молодую женщину, он дал знак рыжей богине и старшему сыну, что скоро присоединится к ним, и те, попрощавшись, вышли в коридор, — Это — тебе, — он протянул ей две коробочки красного бархата, и когда Маргарита открыла одну из них, то увидела подвеску из розового жемчуга на золотой цепочке, которую мужчина сам застегнул на её шею, — Спасибо за самый лучший рождественский подарок! — во второй коробочке были золотые кулоны в виде вензельных букв "К" и "Д" — первых букв выбранных Маргаритой имен для своих дочерей — на золотых же цепочках, которые он с величайшей осторожностью надел дочерям, — А сейчас моим принцессам нужно отдыхать и восстанавливать силы, — когда он поцеловал девочек, они смотрели на него своими большими глазенками и спокойно улыбались, признавая в нем родного им человека.

— Жан, позови, пожалуйста, маму с папой — я хочу их видеть, — попросила Маргарита.

— Конечно, — ещё один поцелуй и мягкое наставление, — Обещай, что после непременно постарайся заснуть, пока ещё эти дивные малышки предоставляют тебе такую возможность? — девушка улыбнулась хитренькой улыбкой, — В детстве мне рассказывали сказку об одном одиноком принце, которому предсказано было, что придет из другого мира девушка с необыкновенной способностью дарить окружающим тепло своего сердца, и полюбит она принца не за богатство и титул, а за его человеческие качества и избавит его от болезненного одиночества. Теперь мне всё больше кажется, что это была вовсе не сказка, — поделился он с ней, с неохотой уступая свое место в палате её родителям — хотелось быть рядом с ними каждую секунду.

— Как себя чувствуют наши девочки? — когда в палате появились родители, Маргарита ощутила прилив новых сил.

— Уже намного лучше, — она с облегчением улыбнулась, — Надеюсь, что Рождество мы сможем встретить уже дома.

— Так и будет, не сомневайся, — мать погладила её по голове и заговорщицки добавила, — По секрету скажу, что Жан уже завершил подготовку комнаты, куда вы сможете переехать, как только вас с малышами выпишут.

— А можно и мне тоже посмотреть? — ну, как же можно было обойтись без вездесущей

Адельки, — Ну, пожалуйста?

— Тебе можно, — Валентина взяла девочку за руку и подвела к кровати, — Подойди ближе, Аделин, так тебе будет лучше видно.

Потом девочка повернулась и тихо произнесла:

— Ты же всё равно будешь моей мамой, правда?

— Ну, разумеется, — кивнула Маргарита, начиная снова погружаться в целительные объятия сна.

Когда девушка проснулась, то первое, что она увидела, был большой букет красных роз с едва начавшими распускаться бутонами, что снова вызвало у неё непроизвольную улыбку.

Марк смог навестить её только вечером, когда закончились съемки, и он встретил в аэропорту Мей. Наскоро перекусив, первым делом они направились в клинику — поприветствовать молодую мать и её новорожденных дочерей.

— Марк, ты с ума сошел?! — маленькую Маргариту и не разглядеть было из-за огромного букета нежных белых роз с тонким ароматом, протянутого юношей, — Право, зачем же столько? — она подняла на него свои большие глаза, счастливо улыбнувшись, вдыхая это деликатное благоухание.

— Не волнуйся, Маруся, они специальные — не должны вызывать аллергию, — добродушно усмехнулся парень.

— Как ты назвал меня? — удивленно хлопнула ресницами девушка, продолжая прижимать к груди цветы.

— Маруся, — а что, звучит очень мило — вот так и буду тебя называть теперь, — отшутился молодой человек, рассматривая её.

В белой сорочке с кружевными вставками и такой же белой лентой в темных волосах, она уже пришла в себя после тяжелых родов, закончившихся операцией, всем им пришлось изрядно поволноваться за её здоровье и даже — жизнь, её и новорожденных дочерей, настолько, что она ещё и не догадывалась о врачебных рекомендациях воздержаться от планирования будущих беременностей в виду изрядно подорванного её здоровья, о чем свидетельствовали остатки её недавней ужасающей бледности и общей слабости.

— Сам ты Мар... — начала она, но тут лицо её исказилось от боли во шве от кесарева сечения, — Сам ты Маруся! — отмахнулась она, облегченно выдохнув, когда приступ отступил.

— Ну, нет — это женское имя, — покачал головой Марк, всматриваясь в перемены в выражении её лица, и в который раз поражаясь силе её духа, потом перевел взгляд на детскую кровать, в которой спали младенцы-близнецы.

— Можешь представить меня матерью? — девушка кивнула в сторону кровати, жестом приглашая приблизиться, — Хочешь на них посмотреть? Можешь подойти поближе.

— О! Они, правда, очаровательны, — одобрительно улыбнулся Марк, глядя на умиротворенные детские личики, — И так на вас похожи, вырастут настоящими красавицами — все в мать. Твои дети будут самыми счастливыми, — его внимание привлек блеск золотых цепочек на детских шейках, — Хм, у них уже свои украшения имеются — не рановато ли? И буквы "Д" и "К" — стало быть, уже и имена есть у малышей? — полюбопытствовал он, усмехнувшись.

— Да — их зовут Диана и Екатерина, а эти кулоны с монограммами — подарок Жана, они вместе с Рафаэлем своими руками сделали, включая цепочки, — с гордостью пояснила Маргарита.

— И красные розы — тоже от него? — покосился он на корзину с ярко-алыми цветами, правда, сразу же и сам сообразил — ну, конечно, разве могло быть иначе.

— А как ты догадался? — хитро прищурилась Маргарита, усмехнувшись.

— Ну, это совсем не сложно — кто ещё у нас красный цвет предпочитает, — легко ответил юноша, — Ты теперь счастлива? — он смерил девушку изучающим взглядом, заметив разительные изменения во всем её облике, в котором уже ничего не осталось от той девочки-подростка, которой она была когда-то, приобретя женственную плавность и соблазнительность линий и изгибов тела, — Можешь не отвечать, я и так вижу это по твоим сияющим глазам, — вдруг на его щеке блеснула слезинка, — Господи, прости меня, прости... Из-за меня ты потеряла первого ребенка... — Марк обхватил руками её ноги, прикрытые покрывалом, и едва не зарыдал, надрывно, навзрыд — как ребенок, — Я не могу ничего изменить... Самую большую боль я причинил той, которую больше всего... — и снова обожгла старая боль, что это могли быть его дети.

— Марк, не надо... Я стараюсь не думать об этом, иначе это станет и вовсе невыносимым, — Марго потрепала его светлые кудри, — Ну, ты что... Я же сказала тебе, что простила... Ио Шнайдера больше нет, а Марк Витриченко ни в чем передо мной не виноват... Ты должен стать счастливым, больше ты мне ничего не должен, — когда он поднял на неё лицо с выражением неподдельной признательности и восхищения — с глазами, чистыми и светлыми, ровно как у собственных её младенцев, поднимаясь и поправляя одежду, запечатлев невесомый поцелуй на лбу девушки.

— Марк, знаешь что? — она взяла его за руку, — Когда у меня появится сын, который мне предсказан, будете ли вы с Мей его крестными родителями? Пожалуйста, мне бы этого очень хотелось.

— Что? — на минуту парень замер и онемел, — Кто, я? — он не мог поверить в то, что действительно слышит это, а Маргарита только пожала плечами, — Значит, прощен? — он улыбнулся и кивнул головой, — Почту за честь.

— Я так и думала, что найду тебя здесь, — в дверях появилась маленькая японка с победным выражением лица, — Твой чай — зеленый, с мятой, без сахара, как заказывал. Разрешишь нам поговорить о своем, о женском?

— Я подожду тебя в холле, — подмигнул парень, проходя мимо неё к выходу, мягко проведя ладонью по её щеке и беря из её рук стакан с чаем, — Ну, я пошел, до свидания, Маруся, — козырнул Марк, широко улыбаясь Маргарите.

— Дочери? — удовлетворенно заключила азиатка, оглядев детскую кроватку, — Ну, теперь-то ты мне точно больше не соперница — ты не из тех, кто мог бы изменять отцу своих детей. А вот у меня обязательно будет сын. Нет, лучше даже — два сына. Как думаешь — тогда он от меня уже никуда не денется?

— Боже, Мей, ну какая же ты смешная! — искренне улыбнулась молодая мама, — Поверь мне, если мужчина любит женщину, то он будет любить и её детей, а если нет между ними любви и взаимопонимания — то и десятеро детей не удержат его.

— Считаешь меня совсем неразумной? — недоверчиво нахмурилась Мей.

— Конечно же нет! — Маргарита улыбнулась, приглашая жестом присесть рядом на кровати, — После того, что ты пережила, оно и не удивительно, что тебе сложно научиться снова доверять людям, но поверь мне — нам ты можешь смело довериться и перестать фыркать и щетиниться, как недовольный маленький ёжик.

— Ну, ты и сравнила, — хихикнула Лали-Мей и облегченно выдохнула, глядя прямо на

собеседницу, — Но, знаешь, ты права — с вами я могу немного расслабиться и быть собой. Я уже почти забыла, как это... Я раньше реально считала, что друзья нужны лишь для того, чтобы их использовать, а при ненужности их можно безжалостно выкинуть из своей жизни.

— Какие страшные вещи ты говоришь! — округлила свои большие глаза Марго, покачав головой.

— Да, именно так я и думала, — утвердительно кивнула девушка, — Теперь я понимаю, что просто боялась привязываться к друзьям... И это ещё не самое плохое, что обо мне можно было сказать — поверь, тебе бы не захотелось об этом знать, — виновато опустила глаза, азиатка, — Я же, собственно, пришла поздравить... Вы же мне теперь вместо родителей, а эти девчушки, выходит — мне как сестры... Непривычно только, что ты лишь на пару лет меня старше — так что, не обессудь уж, если не буду мамой называть.

— Да, всё в порядке, — успокоила её Маргарита, погладив японку по темным волосам, — Ты и не должна забывать своих родителей — мы только пытаемся заменить их до твоего совершеннолетия.

— Я знаю, знаю, — кивнула та, но тут спохватилась, хлопнув себя ладонями по коленям, — Хочу подарить тебе одну вещь, — точно вспомнив что-то важное, спешно раскрыла свою сумочку и достала маленькую статуэтку из слоновой кости, которую у неё на родине называют нэцке, и вложила фигурку в ладонь молодой женщины, — Это солнечная богиня Аматэрасу, прародительница японского императорского рода, дарующая свет и тепло всему окружающему — она... как ты... — азиатка улыбнулась, опустив глаза.

— Спасибо, Мей, спасибо — рассматривая подаренную нэцке, Маргарита благодарно положила руку ей на плечо.

— Да, пожалуйста! — махнула рукой Мей, — Ну, я пойду, а то Марк ждет, — она поднялась с постели, заботливо поправив покрывало, — А ты отдыхай, вид у тебя усталый.

— Конечно, конечно, — проводить посетительницу Маргарита могла только взглядом в виду слабости своего состояния, — А ты заметила, что рядом с тобой он стал намного чаще улыбаться? — в ответ азиатка смешно подернула носом.

— Ой, смотрите, неужели это он? — проходящая мимо, молоденькая медсестра дернула за рукав свою коллегу чуть старше, — Да, совершенно точно — ведь он же! — они обступили парня, сперва в нерешительности замаявшись, — Разрешите автограф, господин Витриченко? Не хотите ли посетить наш благотворительный концерт — дети и взрослые будут в восторге от присутствия такой знаменитости, — они наперебой начали уговаривать его.

— Ну, я даже не знаю — такая уж я знаменитость? — Марк покраснел, улыбнувшись.

— О, не стесняйтесь! Расскажите детям о своей жизни, о том, как вам удалось добиться успеха, — продолжали настаивать девушки.

— Вы так уверены, что мне есть, что им рассказать? — юноша всё ещё не терял надежды, что они, в конце концов, оставят его в покое — но не тут-то было, щебечущие восторженные поклонницы не спешили отступать.

— Ну, не приbedняйтесь, — они с таким упорством упрашивали его, что он едва не дрогнул, — Очень вас просим.

— О! Вот, моя девушка, — появившуюся Мей, Марк встретил почти с облегчением, обнимая и целуя в висок, — Она заменит меня, и голос у неё, не в пример моего, лучше будет, — и сейчас в её глазах он искал поддержку, — Верно я говорю, милая? К тому же,

может случиться так, что я буду занят и могу опоздать, — он пожал плечами. скосив взгляд на миниатюрную азиатку.

— Ну, и что мне теперь прикажешь делать? — беззлобно фыркнула девушка, — Терпеть не могу караоке... — нарочно сердито мотнула она головой.

— Это поможет тебе отвлечься и придаст уверенности в себе, — ответно парирует он.

— Но, без тебя я не согласна, — она решительно поставила условие, но смягчилась по его веселым взглядом и улыбкой.

— Постараюсь не подвести, — отрапортовал Марк, подмигнув, и она растаяла, улыбнувшись.

В тоже время, Адель, отлучившаяся в дамскую уборную, нашла там, сидящей на плиточном полу, девочку лет тринадцати, в белой больничной сорочке и белой же косынке, с ожесточением рвавшей красивое концертное платье.

— Подожди! Не надо... — всплеснула руками маленькая светловолосая девочка, — Такое красивое... Зачем ты так?

— А зачем оно мне? — сквозь слезы, бросила девочка, не отрываясь от своего занятия, — Я никогда не буду больше танцевать...

— Не будешь? — белокурая малышка обошла кругом, продолжая с недоумением следить за её действиями, — но почему?

— Потому, что я больна, — огрызнулась девочка в белой сорочке, — От всех лекарств я теперь осталась без своих прекрасных волос, а чувствую себя всё так же плохо.

— Ты обязательно поправишься, — Аделька подошла ближе и присела рядом на корточки, осторожно расправляя складки лежащих на полу обрывков платья, — А твоё платье мой папа может починить — он у меня хорошо шьёт. Я возьму его, можно?

— Да, бери, кому оно теперь нужно, — махнула рукой девочка, зло отшвырнув пышные юбки, — Забирай хоть насовсем.

— Нет-нет, я верну обязательно, — замахала руками Аделина, — Ты не подумай...

— Говорю же, бери и уходи, приставала маленькая, — раздраженно отстранилась старшая.

— А как тебя зовут? — младшая сгребла в маленькие ручки остатки платья, — Как я найду, кому платье отдавать?

— Ноэль, — ответила она более благодушно, — а теперь иди, не надоедай мне, — и махнула в сторону двери, и Аделька, прихватив одежду, выбежала в холл.

— Идем домой, Адель? — Марк протянул ребенку руку, — Стоп! А это что у тебя такое? — и он, и Мей с удивлением посмотрели, что она держала в руках.

— Это одной девочки... — ответила ему Аделин, — Я должна вернуть его. Папа зашьет его, и она снова будет танцевать, — она кивнула, улыбнулась, и удивленно замерла с раскрытым ртом, повернув белокурую головку, — Ой! Да вот же она! И бежит чего-то...

— Куда ведет эта лестница? — японка дернула парня за рукав.

— Не знаю, — пожал плечами Марк.

— Зато я, кажется, догадываюсь, — она запнулась, переведя дыхание, — Её нужно остановить, — и кинулась по лестнице вслед за мелькнувшей белой сорочкой.

— Постой! — Мей окликнула девочку, подошедшую опасно близко к краю крыши больничного крыла, а именно туда вела эта лестница, — Я знаю, что ты собираешься сделать, — девочка остановилась, но так и не обернулась, порывы ветра заглушали речь, — Обернись, посмотри на меня, на мои руки, — Мей подкатила рукав и подняла высоко левую

руку, — Я когда-то тоже думала, что это решит все проблемы... только я предпочла прыжку — передозировку наркотиком. Тут не слишком высоко — можешь не разбиться насмерть, а только покалечишься... Тебе мало?! Ты подумала о своих близких? Каково им будет?

— А мне как? Я не хочу жить! — надрывно всхлипнула девочка, опустившись вниз, всё ещё придерживаясь трясущимися руками за ограждение, — Разве это жизнь? Мне отрезали грудь, от лекарств у меня выпали волосы и меня всё время тошнит, и всё равно врачи не дают гарантии, что я буду жить...

— А ты и не будешь жить, если сама не захочешь этого, — совершенно серьезно заметила азиатка, — Ты сама должна захотеть — ради себя, ради своих родителей, которые не должны хоронить своих детей. А твои — очень бы огорчились, узнав, что с тобой приключилось несчастье — без сомнения.

— А твои родители? — только теперь девочка соизволила обернуться, посмотрев полным страха и сочувствия взглядом.

— Моих родителей больше нет, — коротко ответила собеседница, потеряв кончик носа и нервно отряхнув невидимую пыль с рукавов, заодно отворачивая их назад, прикрывая следы от уколов.

— Прости, я не знала... — девочка стыдливо опустила голову.

— Как твоё имя? — Мей измерила взглядом девчущку — с босых ног до повязанной белой косынкой головы.

— Ноэль, — ответила ей она — А твоё?...

— Иди сюда, глупенькая, — девочка сперва оробела, когда незнакомый человек подал ей руку, и протянула в ответ азиатке свою дрожащую ладонь, — Меня зовут Мей. А ты запомни, запомни навсегда своё имя и никогда не повторяй таких глупостей, поняла? — и та, мягко приобняв, провела её вниз по лестнице, — Ну, пойдём, пойдём, тут ветрено, ещё простудишься... — где их ждали медсестры, Марк и Аделина, — И то, что тут произошло, будет нашим секретом, и мы о нем никому не расскажем. Мы ведь не хотим расстраивать твоих родителей?

Сам же этот импровизированный благотворительный концерт в холле больницы состоялся в день, когда Маргариту с дочерьми выписывали домой, где полукругом были расставлены стулья, на которых уже начали рассаживаться взрослые и маленькие пациенты, молодые медсестры, матери с маленькими детьми...

— Ну, где же он? — Мей нервно прохаживалась, сильно-сильно сжимая пальцы в ожидании Марка, но тот опаздывал.

— Готовы, мадемуазель? — напомнила медсестра.

— Да? Что? Уже пора? — взволнованно спросила девушка, но медсестра только отрицательно покачала головой, и поправив на голове ковбойскую шляпу, она взяла себя в руки и вышла к зрителям:

— Прости меня за то, что так открыто
Я говорю с тобой в мечтах сейчас.

Во мне одно желание только скрыто:

С тобой увидеться хоть на час,

— старалась глазами найти в толпе зрителей того единственного, кому предназначается её песня,

— Из-за тебя бегут слезы, Moonlight,
Не в силах позвонить тебе, Midnight.

Что делать мне? Душа полна тоской,

И сердце как калейдоскоп...

И вот, когда она уже совсем отчаялась его увидеть, входные двери распахнулись, и следующий куплет звучит мужским голосом, и подошедший Марк крепко прижимает её к себе:

— Луны волшебный свет сводил нас столько раз

В назначенный случайностью час.

Мерцали огоньки на небе звездном, любовь предсказывая для нас.

Одной землей мы рождены с тобою. Незабываемый романс.

— Тебе я верю каждый раз — забываемый романс...

— дрожащим голосом повторила она за Марком, смахивая с ресниц накатившие слезы.

Среди зрителей сидит и Ноэль, замороженно следящая за происходящим.

После выступления, под несмолкаемые аплодисменты, Марк, взяв за руку азиатку, подходит к девочке, открыв причину своего опоздания — он искал для неё новые пуанты. И когда он протянул сверток с купленной обувью, та настолько расчувствовалась, что разрыдалась от радости, от чего тут же подбежали перепуганные её родители, но сразу успокоились, узнав, от чего истерика у дочери, и, не успев поблагодарить, как к ним уже приближались Джон и Маргарита с маленькими дочками и прыгающей вокруг них Аделиной, преподнесшие ещё один сюрприз — восстановленное концертное платье девочки.

Малышки Диана и Екатерина оказались совершенно удивительными девчужками. Словно чувствуя, что их ослабленной матери необходимо как можно больше отдыхать, они вели себя очень спокойно и почти не доставляли хлопот. Могло показаться даже странным, что столь юные сознания могут вести себя столь осмысленно. Своими большими карими глазами они постоянно смотрели по сторонам — и всё им было интересно, всё привлекало их внимание. К окружавшим их взрослым они тянули свои ручки, хватали за волосы, за нос, за уши, тыкали своими пальчиками в рот, в глаза, в нос. Они старались достать и пощупать всё, до чего могли дотянуться их маленькие ручки. А когда холодные снежинки щекотали их щечки и носики, то радости малышей не было предела — они начинали улыбаться и смешно морщить носики, беспорядочно дергая ручками и ножками, пытаясь поймать их. И это просто поражало, и этому не находилось логического объяснения. История знает примеры раннего развития, но темпы у этих девочек просто поражали воображение.

Особо примечательным оказалось и то, что близнецы родились седьмого декабря, когда отмечают день Святой Екатерины. Екатерина была дочерью правителя Александрии. Девушка получила самое лучшее образование, была хороша собой и добра сердцем. Долгое время родители искали ей жениха, не уступающего в благородстве, красоте, богатстве и уме. Сама же Екатерина предпочла стать невестой Христовой и умерла мученицей семнадцати лет от роду. До сих пор Екатерина считается покровительницей женщин и женственности. В этот праздник девочки и девушки гадают на судьбу и суженого, просят о красоте и здоровье, о счастливом браке. Если до рассвета в этот день девушка срежет веточку вишни и поставит её в воду и ветка расцветет к четырнадцатому января, то и судьба девичья цвести будет.

Даниэлла сделала Маргарите замечание шутливого тона, что подруга заставила её волноваться, а это было совершенно нежелательно в её положении, когда она сама в январе станет матерью очаровательного мальчика, которого они уже видели на УЗИ, на что маленькая брюнетка состроила такую рожицу, что совершенно невозможно было остаться

равнодушным.

Маргарита всё ещё была ослаблена, потому любая помощь и поддержка домашних ценилась ею особенно. И глядя в редкие минуты безмятежности на сонные личики дочерей, её переполняла такая радость и мысли о том, что они всегда будут напоминать ей любимого человека и её семью — отца и мать, чьи черты также просматривались в них.

Длительных дальних прогулок она пока что не могла себе позволить, но стоя на заднем дворе в вязаном платье красно-белой расцветки в рисунок с оленями, в белом полушубке и красной шапке с большим помпоном, она смотрела на празднично украшенные маленькие частные дворики и большой двор супермаркета по соседству, увешанные гирляндами деревья и покрывавший всё это пушистый белый снег — и всё вокруг дышало волшебством.

А дом осаждали папарацци — всем интересно было посмотреть на новорожденных дочерей стремительно набиравшего популярность молодого дизайнера и заодно — увидеть супругу одного из светил медицинской науки современности на последнем месяце беременности, совсем потеряв уважение к чужой личной жизни.

Это вызвало праведное негодование у навестившего их Ондзи, который поручил решить эту проблему своим помощникам — Максимилиану и Винтеру, имевшим опыт общения с журналистами и одним своим видом пресекавшим излишние вопросы.

— Ох, эти журналисты совсем совесть уже потеряли, — азиат наиграно возмущался, но видно было, что это его, скорее, забавляет, — День добрый, господин Дестинофф! Примите мои поздравления, — японец протянул привезенную папку с документами и пожал руку встретившему его Джону.

— Рождение сыновей делает мужчину отцом, ну, в крайнем случае — "батей", — доверительно произнес смуглый, — И только рождение дочери делает его "папулей".

— Хорошо подмечено, — усмехнулся Ондзи, переводя взгляд на букет в своей другой руке, — А где же маленькая госпожа? У меня для неё цветы.

Маргарита как раз появилась в прихожей, широко улыбнувшись:

— Какой приятный сюрприз! Спасибо большое! — поблагодарила она, принимая цветы, и сейчас она уже не выглядел такой бледной, как раньше, — А вы разве не останетесь с нами поужинать, Танака-сан? — девушка наклонила голову на бок в ожидании ответа.

— Благодарю за приглашение, дитя, — азиат дотронулся до её плеча, и волна острой боли прокатилась по его телу, и перед глазами он видел кровь, видел эту девочку в крови, он повернул голову в сторону Джона и увидел, что волосы того стали белыми, он моргнул от неожиданности, и наваждение исчезло, — Но, у меня, правда, много дел — к сожалению, — он улыбнулся как-то особенно печально.

— О! Простите, я такая бестактная, — девушка тут же принялась рассыпаться в самых искренних извинениях, — Вы вынуждены работать еще больше, чтобы Жан мог больше побыть с нами.

— Как жаль, а мы испекли такие вкусные имбирные печенья, — и от манящей улыбки проходящей мимо Даниэллы, одетой в вязаное платье с белыми снежинками на светло-голубом фоне, с высоким пышным хвостом, защипало в глазах, а в воздухе, и в самом деле, витал аппетитный аромат свежей выпечки.

— Приветствую, леди Ди! — азиат поклонился, с трудом заставив себя пошевелить языком, чтобы справиться о её состоянии, — Как ваше самочувствие?

— Ничего, держусь, — кивнула златовласая, положив ладони себе на живот, — Осталось уже немного.

— Танака-сан, тогда возьмите, вот, с собой, — из кухни к ним вышла высокая сероглазая шатенка Джастина, также одетая в мягкое вязаное платье с рисунком ягод остролиста, и протянула Ондзи бумажный пакет с печеньем.

Азиат смущенно улыбнулся, блондинка хихикнула, а Маргарита с благодарностью посмотрела на подругу:

— Прекрасная мысль, Жюстин. И как я сама не додумалась.

— Это так мило с вашей стороны, мисс О'Нилл, — слабым голосом поблагодарил Ондзи, держа пакет дрожащими пальцами.

— Возьмите еще кофе с коньяком, — Джастина вернулась на кухню и принесла большой термос, — Ваши люди, наверно, замерзли на улице.

— Спасибо! А термос я верну, — мужчина был настолько растроган, что не мог внятно говорить и мечтал поскорее покинуть помещение, — Не смею больше отнимать ваше время, — слишком давно у него был такой дом, где ощущается поддержка семьи, и на праздники собираются все вместе, где живет радость и звучит смех. И у него уже родилась одна идея, как бы он мог поделиться этим чувством — таким болезненным и таким сладостным.

— Всего хорошего, Господин Ондзи, — друзья попрощались с ним, а он попросил своего помощника отвезти его в один известный антикварный магазин.

Александра стояла во дворе, обняв себя за плечи и подставив лицо снегу:

— Что-то не так? — она вздрогнула и обернулась, но это был всего лишь Лев Витриченко.

— Нет, всё в порядке. С чего ты взял? — рассеянно пробормотала женщина, старательно отводя взгляд.

— Не скрывай от меня, — мужчина одной рукой сжал её ладонь, второй убирая выбившиеся пряди с её лица, — В твоих глазах печаль, и я хочу знать причину.

— Просто усталость накатила, — она опустила голову и подернула плечами.

— Саша, — Лев несильно встряхнул её, глядя ей прямо в глаза, — Не молчи. Скажи, что тревожит тебя?

Александра высвободилась из его рук и повернулась к нему спиной, слабо замотав головой:

— Я, правда, так рада за них, — тихо произнесла она, сдерживая слезы, — они так молоды, у них вся жизнь впереди... Они заслужили, а я — нет...

— Саша... — он обнял её и ощутил, как вздрагивают её плечи.

— Я так хотела познать радость материнства, — с трудом произнесла она, — Но, я не могу... В юности переболела воспалением с осложнениями... Прости, накатило вдруг...

— Саш, не надо, — мужчина опустил голос до шепота, продолжая обнимать её, — Мы что-нибудь придумаем...

— Да, теперь у меня есть Марк, — она подняла голову, поправляя его рубашку, — Теперь у меня есть ты, — Александра и Лев вернулись в дом.

А в доме Питер и Этьен привезли елку, и её можно было начинать наряжать.

— Простите, я пойду покормлю девочек и немного посплю, — попрощалась Маргарита, когда закончила развешивать игрушки на нижних ярусах, — Нельзя всё оставлять на наших матерей. Им тоже нужно отдохнуть.

Но когда Джон пошел звать её к обеду, то застал девушку спящей в домашнем халате посередине большой кровати рядом с малышками. Он поцеловал их темные макушки, но

будить не решился, чтобы не разрушить эту идиллию. Ну и чем они отличаются? Его девочки...

А маленькая японка в это время беседовала с доктором:

— Хадзама-сенсей, можно с вами поговорить? — скрестила за спиной пальцы на удачу и продолжила разговор, — Вы не могли бы мне помочь? Господин Йошида, генеральный директор в фирме моего отца, он славный и всегда готов меня поддержать, но старику будет уже восемьдесят лет, и я беспокоюсь о его здоровье. Знаете, как люди такой старой закалки относятся к медицине и врачам, — положила руку на сердце, она в самом деле волновалась за старика, потому практически не лгала, только, вот, и всей правды не сказала, — Если бы вы смогли осмотреть его и успокоить меня. Вашему имени и вашим словам он должен поверить.

— Я подумаю, — Джек достал свой мобильный и сверился с графиком, — В конце февраля-начале марта у меня должна быть конференция в Токио, и я мог бы вас навестить.

— Я была бы вам очень благодарна, доктор, — на радостях Мей чмокнула его в щеку.

— Не за что, — развел руками молодой хирург, но она только загадочно улыбнулась и упорхнула искать Марка, — Я же ещё ничего не сделал.

— Марк, у меня получилось, — найдя парня в гостинной, она взяла его под руку и наклонилась к самому его уху, — Он согласился приехать.

— Ох, и влетит же нам, когда док узнает, — покачал головой юноша, — Он не из тех людей, кто позволяет собой манипулировать.

Она похлопала его по плечу:

— Я знаю, знаю. Но мы же должны проверить нашу догадку. Если они не узнают друг друга, то он просто проверит состояние его здоровья.

— И откуда только в тебе этот дух авантюризма? — Марк потрепал девушку по голове.

— А если это важно? — она подняла голову и посмотрела на него с самым серьезным выражением, — Я сердцем чувствую, что для обоих это имеет большое значение.

— Мей, я не самый лучший в мире человек... — начал было Марк, но запнулся.

— Я тоже далеко не идеал... — кивнула азиатка, подернув плечами.

— Подожди, пожалуйста, дай мне закончить, — он поднял руку и набрал побольше воздуха в легкие и продолжил, — Но... я хочу стать таким человеком, которому можно доверять, на которого можно положиться. Стать таким человеком для тебя, для своей семьи, добиться чего-то в жизни.

— Для меня ты уже такой, — утвердительно ответила Мей, и он улыбнулся.

Дверь тихонько приоткрылась, и Маргарита пошевелилась, проснувшись:

— Это ты, Адель? — девушка осторожно, чтобы не разбудить детей, поднялась с кровати, поплотнее запахнув халат, — Входи, детка.

— А можно? — шепотом спросила девочка, — Розы, я же говорила, что можно. Мы тихонечко, только посмотрим, — в комнату на цыпочках вошли Аделина, Розы и Алишер.

— Я теперь старший брат, — с гордостью сообщил мальчик, кивая в сторону новорожденных.

— Подумаешь, я скоро буду тетей, — передернула плечами Розалинда, прикусив губу.

— А разве такие маленькие тетями бывают? — удивленно спросила маленькая Аделька.

— А вот и бывают, правда, Мэгги? — Розы вопросительно посмотрела на молодую женщину.

— Выходит, что бывают, — улыбнулась Маргарита, усаживая Адельку рядом с собой, —

Быть старшим братом тоже очень важно, Али. После отца — ты второй самый родной мужчина для них.

— Тогда я буду очень стараться, — с важным видом сообщил мальчик с черными кудрями и ясными зелеными глазами.

Ни что не вечно в нашем грешном мире — даже наши неприятности.

Чарли Чаплин

Маргарита с детьми спустились в зал и были очарованы окончательно украшенной елкой с переливающимися в электрическом свете ламп яркими игрушками и серебристым дождиком. Собаки-далматинцы радостно лаяли, бегая вокруг, а Милорд всё время пытался сбить лапой блестящий шарик. А уж когда погасили свет и включили разноцветные гирлянды, то дети с восторгом захлопали в ладоши, а малышки смотрели широко раскрытыми глазенками затаив дыхание, потом стали тянуть ручки к ярким гирляндам.

Девушке пришла в голову одна любопытная идея, и она обратилась к Питеру с просьбой достать саженец настоящей ели, чтобы посадить во дворе, наблюдать, как он растет вместе с детьми и каждый год наряжать его, собираясь вместе на продолжительные и всегда такие долгожданные зимние праздники. Питер не мог ей отказать и обещал как-нибудь это устроить.

А мужчины тем временем готовили глинтвейн. Но когда молодая мама попросила кофе, Джон не поддался даже всему её обаянию, уверив, что когда ей позволено будет, то он первым поднесет ей чашку с кофе — кто рискнет стать между женщиной и кофеином? Проходившая мимо Мей сочувственно похлопала девушку по плечу, предложив довольствоваться пока чаем. И всё же, Маргарита не чувствовала себя расстроенной — ведь, в самом деле, что такое чашка кофе по сравнению с заботой близких?

На этом празднике жизни Марк чувствовал себя несколько неуверенно — сколько праздников он провел в одиночестве, а вот теперь он в доме, где так много народа, чьи сердца полны грез и надежд.

Вот и Мей уже смогла найти с ними общий язык, и отец с Александрой чувствуют себя уже гораздо смелее и спокойнее.

— Марк, всё хорошо? — Маргарита подошла к парню, задумавшемуся над своей чашкой с напитком, — Твой отец и Александра нашли друг друга и выглядят довольными. А у тебя есть такая сильная поддержка в лице Мей. Помнишь, я ведь говорила тебе, что твое сердце ещё встретит любовь.

— Отец снял квартиру, с нового года мы переезжаем, — тихо произнес Марк, подув на чай, остужая его, — Вам скоро понадобится ещё больше свободного места.

— Понятно... — с долей некоторой грусти в голосе протянула девушка, — Надеюсь, что на новом месте вам будет хорошо. И ещё раз спасибо за прекрасные цветы.

— Знаешь, а давай это будет нашей традицией, — парень заметно оживился, улыбнувшись, — Тебе же понравились цветы? Буду дарить их тебе каждый год. Ты не против?

— Не против, — легко кивнула Марго.

— На День Святого Николая я хочу навестить свой приют, отвезти детишкам подарки, — с достоинством сообщил юноша, — Уже и билеты куплены, но это было задачей не из легких в предпраздничный ажиотаж.

Миниатюрная брюнетка одобрительно улыбнулась в ответ:

— И это замечательная мысль! Ты знаешь, что такие дети чувствуют всё намного

острее, и им, как никому, необходима вера в доброту окружающих людей.

Хоть до Рождества было ещё рано, но этот вечер смело можно было назвать его генеральной репетицией.

Что же, оставим на время героев счастливо наслаждаться тихим семейным вечером и праздничной атмосферой, и вернемся к азиату, направляющемуся к салону-магазину антиквариата.

Остановив автомобиль у старинного особняка, Ондзи отпустил своих помощников, сказав, что назад возьмет такси. Если они узнают о его идее, то она перестанет быть сюрпризом. С неохотой, Винтер и Максимилиан оставили японца у дверей антикварной лавки.

Его голову посетил целый ряд идей, которые показались ему забавными, и губы его расплылись в улыбке, когда он поднял голову, глядя, как с вечернего неба падают хлопья белого снега.

В магазине он пробыл, по меньшей мере, минут сорок, а то и целый час, тщательно изучая представленный ассортимент, и покинул его с большими пакетами. Потом он дал таксисту ещё несколько указаний, посетив большой супермаркет и несколько других магазинов. В супермаркете он едва не ослеп от обилия света и праздничной иллюминации, а из динамиков доносились рождественские мелодии, и было полно народу. Люди приценивались и покупали: подарки себе и родным, продукты к праздничному столу. Тут были и целые семьи, и влюбленные парочки, и даже пожилые пары. И он как-то особенно остро ощутил свое одиночество, от чего стало невыносимо больно. Но он собирался сделать кое-что, что должно было вернуть ощущение праздника в такие же брошенные души.

Дома уже начали волноваться из-за его долгого отсутствия. Дом... Как странно, но они действительно могли и считали себя настоящей семьей, а свой дом — настоящим домом.

Азиат вернулся поздним вечером, а привезенных им пакетов было такое количество, что Максимилиану с Винтером пришлось помогать таксисту перенести их все в холл.

Ондзи поблагодарил таксиста и расплатился, потом попросил спуститься к ним и Лауриту:

— Как мало нужно, чтобы дать понять людям, как они тебе дороги, и как редко мы это делаем. Давайте устроим сегодня семейный ужин, а я приготовил для вас подарки, — он достал что-то внушительного размера, покрытое пурпурным сукном, и вручил девочке, — И первый подарок — ваш, госпожа:

— С пр-р-раздником, Лаур-р-ра! — когда птица открыла клюв и заговорила, Лаура от удивления только и смогла, что раскрыть рот и захлопать глазами, когда под сукном оказалась большая кованая клетка с крупным черным вороном, — С пр-р-раздником!

— Невероятно! — она поставила клетку на стол и кинулась его обнять, — Он, правда, говорящий? — Лаура подняла голову с огромными голубыми глазами.

— Правда, госпожа, — Ондзи крепко обнял её, поцеловав светлую макушку, и заметил, что на кисть его руки упало несколько капель. Слезы? Она плачет? За прошедшие сотни лет он видел, как она злится, какой она может быть задумчивой, как она умеет радоваться, но — ни разу, ни одного единого раза он не видел её слез.

Видимо, она устыдилась проявления своих чувств, быстро отстранившись от него и вернувшись к клетке — она уже и не могла вспомнить, когда ей в последний раз делали подарок:

— Какой красавец! — она провела пальцами по прутьям и посмотрела в глаза птице, —

И умница! А чем мы кормить его будем? — серьезно поинтересовалась она.

— Надеюсь, что с этим не будет больших проблем, они почти всеядны, — он присел рядом за стол, пригладив её волосы и поправив в них яркую красную ленту, — А ты придумашь ему имя?

— Я назову его Корвин, — произнесла девочка, увлеченно наблюдая за живым питомцем через прутья клетки, — А ты знаешь, что вороны образуют одни из самых постоянных пар в животном мире? — озвучила она известные сведения из школьного учебника по зоологии.

— А теперь — мои бесценные помощники, — хлопнув себя руками по коленям, азиат поднялся с кресла и направился к пакетам, достав две нарядно упакованные и перевязанные ленточками коробки, первую из которых протянул ошеломленному венгру, — Это тебе, Винс!

— Спасибо! — только и смог сказать потрясенный Винтер, поднеся руку к лицу, чтобы скрыть, как дрожат его губы и как стали влажными его глаза.

Подарком было простое портмоне, но гораздо важнее был сам знак внимания.

— А это твой подарок, Макс, — другой подарок Ондзи протянул второму своему помощнику — Максимилиану.

— Это... было совсем не обязательно, — впервые Винтер не мог посмотреть ему в глаза, — Ондзи, ты не должен...

— Я знаю. Просто мне так захотелось, показать вам, насколько я вас ценю, — азиат дружески похлопал его по плечу, — А теперь, — японец призывно хлопнул в ладоши, — давайте пойдем готовить вкусные и вредные сладости. Я тут купил антикварную книгу с рецептами и все необходимые продукты. Представляете, оказывается существует так много рецептов одного только имбирного печенья.

И эта картина стоила того, чтобы за ней наблюдать: сняв пиджак и галстук, закатав рукава и повязав кухонный фартук, Ондзи лихо управлялся на кухне, словно всю жизнь только этим и занимался, и что самое интересное — ему это нравилось, правда, нравилось. Его лицо и руки были в муке, но он продолжал с энтузиазмом готовить, доверяя другим лишь мелкие поручения. Лаура хотела вытереть муку с его щеки, но лишь только ещё больше размазала её по его лицу, пока он не стал протестующе сопротивляться, что вызвало общий смех в четыре голоса. Стол накрыли только поздней ночью, но это уже их мало волновало. Они расселись за большим столом, когда Ондзи, так и оставшись в фартуке, в прихватках на руках внес противень с дымящимся свежее испеченным печеньем.

И в завершении, азиат представил их вниманию ещё одно своё приобретение — фотоаппарат одной из последних моделей известной японской фирмы (тут он оставался в какой-то мере — консерватором, предпочитая фирмы своей родной страны), фоторамку и небольшой альбом для фотографий в дорогой обложке с тиснением — кто знает, возможно это станет началом их настоящего семейного фотоальбома... И если бы кто-нибудь взглянул на них в тот момент, то не усомнился бы, что перед ним люди, связанные сильными и крепкими узами.

Кроме того, Ондзи заказал на утро доставку ели, которую им предстоит успеть нарядить до праздников.

А ещё он с таким вдохновением играл на фортепиано, стоящем в зале, а Лаура, подойдя у нему сзади, обняла его за плечи, положив свою светловолосую голову ему на плечо, и все они ощущали какое-то странное спокойствие и умиротворение.

Сказки не говорят детям о том, что есть драконы — дети сами об этом знают. Сказки говорят, что драконов можно убить.

Гилберт Кит Честертон

А Марк собирался провести праздники вместе с отцом и Александрой в заснеженной Украине, привезя немного радости детям-сиротам из приюта во львовской области, где он сам провел семь лет своей жизни. Но самым важным для него было то, что в этот раз в поездке его сопровождал ещё один значимый для него человек.

На Мей было новое пальто песочного цвета, забавная вязаная шапочка с пушистыми помпонами и объемный шарф — и она была ужасно рада и горда тем, что Марк пригласил её с собой.

Приземлившись во Львове, прежде чем посетить детский дом, они сначала отправились на известное Лычаковское кладбище.

Первыми к могиле Русланы подошли Лев и Александра, они долго стояли, держась за руки, о чем-то говорили в пол-голоса, потом стряхнули с памятника снег и положили цветы.

Потом они отошли к ограде, а на их место подошли Марк и Мей:

— Руслана Даниловна, — девушка присела и, сняв с руки варежку, положила руку на каменную ладонь скульптуры, — К сожалению, нам не довелось с вами встретиться... Моё имя Сакурада Мей, и я пришла поблагодарить вас за сына. Я люблю Марка и обещаю заботиться о нем, если вы не возражаете. Еще раз благодарю, что дали жизнь моему любимому мужчине, — она говорила тихо и осторожно.

Марк стоял рядом, но не подслушивал, за что азиатка была ему сейчас очень благодарна.

Закончив, девушка повернулась к нему — он подошел и помог ей подняться.

Облегчив душу и оставив кладбище, они вчетвером нашли Степана и попросили отвезти их по известному маршруту.

Дети в приюте встретили гостей с особым восторгом, а Полина Аркадьевна сразу же усадила их в столовой обедать.

— Что это? — азиатка под одобрительные улыбки потянула носом приятный запах от горячей тарелки с содержимым насыщенного красного цвета.

— Это борщ, черный хлеб, сметана, квас, — подсказал ей парень, указывая на находящиеся на столе блюда, незнакомые ей, ему ещё пришлось и переводить для неё.

Полина Аркадьевна, хоть и прекрасная во всех отношениях женщина, но всё же, знание иностранных языков не входило в список её достоинств — и даже английский нуждался для неё в переводе.

— Это едят у вас? Я такого никогда не пробовала, — смешно повела плечами девушка, и сами эти блюда, и их названия были ей в новинку.

— Попробуй, детка, тебе понравится, — по секрету успокоила её повариха.

— А Марк любит это? — Мей указала на тарелку, стоящую перед ней, тихо убеждая себя, — Если он любит, то и мне должно понравиться, — она взяла в руку кусок хлеба и ещё раз посмотрев на Марка, смело откусила кусочек, тщательно прожевывая, — Так, хлеб черный... Он с шоколадом? В моей стране такого цвета еда, скорее всего, содержит шоколад. Приятный вкус, но шоколада там нет, — с видом знатока-гурмана, она задумчиво продолжала жевать, оглядывая сидящих рядом, потом взяла в руки ложку и принялась за борщ, — Так, теперь то, что вы называете борщом: есть свекла, ингредиенты порезаны равномерно, проготовлены хорошо, бульон насыщенный, добавление сметаны делает вкус

мягче и придает блюду приятный розовый цвет. У нас в борщ не кладут свеклу.

— Молодец, девочка, — рассмеялась дородная повариха.

— Теперь квас, — улыбнулась Мей и добавила, — в нем есть что-то напоминающее хлеб. Верно? А с виду так похоже на "Кока-колу", но вкус совершенно другой.

— Верно, — согласился парень.

— Полина Аркадьевна, а вы научите меня так готовить? — попросила японка в надежде когда-нибудь порадовать его любимыми блюдами, — Ведь Марку это нравится, да?

— Я так рада, что у мальчика такая заботливая девушка, — тетя Поля погладила её по голове.

После обеда парень с девушкой вышли во двор поиграть в снежки с детьми.

В это время одна маленькая девочка подошла к Александре и обняла её за колени:

— Ты такая теплая и красивая, — женщина посмотрела на неё, но не могла ясно видеть по вине подступивших слез, — Я хочу быть похожей на тебя, когда вырасту.

— Ты тоже очень красивая девочка — такая, какой бы могла быть моя дочь, — охрипшим голосом произнесла Александра, прижимая к себе ребенка, — Хочешь, я пойду попрошу у тети Поли конфетку для тебя? — ей сейчас необходимо было справиться со своими слезами, чтобы этого ни кто не видел.

— Пане, то ви будете батько Марка? (Господин, это вы отец Марка? Укр.) — когда женщина покинула столовую с платком в руке, малышка под села к мужчине, — Ви знайшли його? (Вы нашли его?)

— Так, я його батько, але то він знайшов мене (Да, я его отец, только это он меня нашел. Укр.), — сначала мужчина держался несколько скованно, но потом и сам не заметил, как открылся этой девочке, — Як тебе звати, дитино? (Как зовут тебя дитя? Укр.)

— Мене звати Оксаною, пане, — и это была та самая маленькая Ксанка, которой пела колыбельную Полина Аркадьевна в первый визит Марка с друзьями в приют.

— Послухай мене, дитино (Послушай меня, дитя. Укр.), — Витриченко-старший присел перед ней на колени, — Я не самый лучший человек на земле, я совершил много ошибок в своей жизни, но у меня есть шанс исправить хотя бы часть из них.

— Полина Аркадьевна говорит, что нет плохих людей, что нужно любить всех, — важно ответила девчушка.

— Ваша тетя Поля — очень мудрая и добрая женщина, — понимающе улыбнулся мужчина.

— А эта женщина тоже добрая? — спросила Оксана, указав кивком на дверь, в которую вышла Александра, — Она мама Марка?

— Это замечательная женщина, но она не мама Марка, — тихо ответил Лев Витриченко, и маленькому ребенку ещё не понять было, что это вызывает у него боль.

— А где его мама? — осторожно спросила девочка, глядя прямо ему в лицо.

— Его мама на небе, — мужчина поднял свою белокурую голову к потолку.

— Всем нужна мама, да? — и эта фраза маленькой девочки вогнала его в ступор.

— Оксана, тебе понравилась эта тетя? — спросил он, вспомнив реакцию девочки на Александру.

— Та, что приехала с вами? — ребенок закивал своей русой головой, — Очень понравилась! А она точно — не моя мама? — с надеждой спросила Ксанка.

— А ты знаешь, что у неё есть самое заветное желание, которые ты можешь помочь мне исполнить? — сообразил вдруг мужчина.

— Правда? — девочка взяла его за руку, её глаза расширились в предвкушении, — Какое желание?

— Ты ей тоже очень понравилась и она хотела бы, чтобы у неё была дочкой такая милая девочка, как ты.

— Что? — девочка немного отсела от него, чтобы лучше видеть глаза мужчины, — Правда?

— Я люблю эту женщину, и хочу, чтобы она была счастлива, — он не мог солгать перед лицом этого создания, — И если это сделает счастливой одну очаровательную маленькую девочку, то это будет самым лучшим нам подарком от Святого Николая.

— Вы... Вы хотите, чтобы я стала вашей дочерью? — Оксана смотрела на него, а по её щекам текли слезы, но она старалась улыбаться.

— Главное, хочешь ли этого ты? — и всё, что мог он ответить ей сейчас, а она кинулась и обхватила руками его шею:

— Очень-очень хочу! — повторила она несколько раз, и последний — уже совсем тихо.

— Тогда мы поговорим с вашими важными дядями и тетями и попробуем это устроить, — девочка закивала и улыбнулась, — Ксения Львовна Витриченко — тебе нравится?

А во дворе, подобно детям, резвились с воспитанниками — Марк, ставший для них звездой, и девушка из таинственной и загадочной Японии. И это было так легко и естественно для них.

Вдоволь наигравшись, они попросили детей помочь им перенести пакеты со сладостями и игрушками из автобуса в корпус, и когда они с воодушевлением бросились исполнять это важное поручение, Марк попросил девушку задержаться:

— Для тебя у меня тоже есть подарок, — юноша достал из внутреннего кармана куртки и протянул Мей упакованную коробочку, в смущении потерев лоб.

— Флейта? — обрадованно прижав коробочку к груди, она поцеловала его в щеку.

— Решил вспомнить, как в детстве сам их вырезал, — усмехнулся парень, почесав затылок.

— Спасибо! Тогда мне вдвойне приятно, — девушка хлопнула в ладоши и подпрыгнула на месте.

— Тебе понравилось? — парень взял её под руку, когда они направлялись к автобусу.

— Очень! — маленькая японка забавно дернула завязки на своей шапке, — Марк, у меня же для тебя тоже есть подарок! — она кинулась к своей сумочке, оставленной на сидении в автобусе и достала бумажный сверток, вручив его в руки юноши.

— Шарф? — улыбнулся он, раскрыв сверток и достав из него большой объемный белый шарф, — Такой мягкий и теплый...

— Сама вязала, — Мей смотрела на него, теребя в руках свои варежки, — С праздником, Марк!

— С праздником! — он привлек её к себе, и это был невероятный поцелуй с морозным вкусом снежинок на губах, а Мей продолжала бессознательно поправлять белый шарф на его шее.

Проведя несколько незабываемых дней на Украине и подарив приютским детям гораздо больше, чем подарки — подарив им надежду и веру в волшебство, Марк и его семья вернулись во Францию, чтобы встретить Рождество вместе. Лев и Александра попросили список документов, которые необходимо предоставить на усыновление — и не ясно пока

было, кому это было больше нужно: маленькой девочке с украинским именем Оксана или им самим. И они постараются помочь друг другу стать хоть немного счастливее. Иногда для этого человеку нужно совсем немного — самая малость теплоты и участия.

В этом году они встречали праздник не только с легким сердцем, но и с глубокими переживаниями.

Марк очень много думал над тем, что произошло в последнее время. Они с Мей сами установили эти правила своей странной игры, что теперь сковывают их подобно цепям, лишая свободы. Сейчас все эти правила только ужасно тяготили. Азиатка ещё не знала того, в чем он смог наконец признаться самому себе — что он полюбил. Полюбил, как не любил ещё в своей жизни. Но — что-то останавливало его, и он не мог открыться и произнести эти слова, глядя ей в глаза. Он много чего повидал в своей жизни и мало чего боялся, но сейчас страх не давал ему освободиться. И всё же — каждый раз, когда взгляд его падал на вязаный пушистый белый шарф, улыбка трогала его губы, и в душе каждый раз рождался свет.

А в большом и ярко освещенном зале собрались и взрослые, и дети, чтобы не просто обменяться подарками, а поделиться эмоциями: хорошим настроением и улыбками.

Пока старшие дети с восхищением рассматривали украшения на елке, с нетерпением ожидая, когда утром они смогут раскрыть всё это множество подарочных коробок в ярких упаковочных обертках, Маргарита и Джон были всецело поглощены маленькими близнецами.

Марк смотрел на них и почувствовал такое долгожданное облегчение, но вместе с тем — было ещё что-то... Он спросил себя, а смог бы он создать семью, готов ли он к этому, желал бы он этого? А их с Маргаритой договор он в будущем выполнял неукоснительно — где бы он не находился и насколько бы занят он не был, каждый год на день рождения своих детей она получала большой букет белых роз.

И выпивая бокал праздничного шампанского, сидя за большим шумным столом, им всем нашлось, что пожелать и за что благодарить Небеса. Даже отец Маргариты забыл на время свои тревоги и волнения, что ему ни как не удавалось отыскать ту нить, что связывала его погибшего друга и его жену с маленькой Аделиной.

Только когда часы уже отбили полночь, они начали расходиться по своим комнатам, пока Катрин и Диана не устали и совсем не раскапризничались — не стоило испытывать их хорошее поведение.

Последними в зале оставались Марк и Мей:

— Может быть, всё дело в том, что я всё ещё не достаточно хороша для тебя? Возможно, так я, наконец, привлеку твоё внимание? — Лали-Мей откинула голову, убрав волосы со своего лица, и это было лицо Маргариты.

— Снова? — но, в этот раз он отреагировал гораздо спокойнее: нет, он не позволит больше своему разуму играть с ним такие шутки, он теперь готов решительно отпустить всё, что так болезненно разрывало в последние годы, — В этом нет необходимости потому, что сейчас я хочу целовать не Маргариту, а тебя, — улыбнулся он, и его губы прильнули к её губам.

И это уже были губы Мей.

— Я и не надеялась услышать эти слова. Марк...ты говоришь правду? — девушка задрожала всем телом, всматриваясь в его серые глаза, боялась пошевелиться, вздохнуть даже — словно, опасаясь, что от её нечаянного вздоха всё может исчезнуть как мираж, — Ты забыл её?

— Не забыл, — он не отвёл взгляда, — но, это — совершенно разные вещи. Я, наконец, смирился, и именно ты помогла мне. Знаешь, любовь бывает разная — мы с Маргаритой действительно любим друг друга, по-своему... Мы столько пережили вместе. За все это время, эта связь переросла в нечто большее, стала крепче, чем любовь, это уже — другая категория чувств. Она — часть моей семьи, которой у меня не было с детства. Наш же с тобой путь друг к другу был слишком долгим, чтобы я мог позволить себе отпустить тебя теперь, когда снова полюбил. Юто любил Марико — но, это было в прошлой жизни, сейчас я — Марк Витриченко, и ты — Мей теперь в моём сердце. За неё я готов умереть — я должен ей свою жизнь, для тебя же я хочу жить, это — мой выбор. Ты заново возродила во мне желание жизни. И я хочу, чтобы ты стала частью моей новой семьи.

— У меня не слуховые галлюцинации, и ты на самом деле говоришь мне всё это? — она положила руки ему на плечи и подняла голову, — Ты так боялся впустить меня в свою жизнь, отстранялся от меня — что я почти сдалась...

— Почти? — соблазнительно сощурился парень.

Девушка негромко вскрикнула, когда он прижал её к стене, упиваясь её дрожью.

— Т-с-с, тише, разбудишь весь дом, — он поднёс палец к её губам, потом его палец сменили его губы — мягкие, тёплые, требующие...спускаясь по шее и ниже...Сначала поцелуи были легкими, дразнящими, томительными, потом всё более чувственными и откровенными, ловя её стоны.

— Марк, остановись... не играй со мной... — еле смогла произнести она, — Мне потом будет очень больно, когда ты... бросишь меня...

— А когда-то ты просила об обратном, — горячо прошептал он, — Не хочу больше играть. Я тебя не брошу. Я хочу быть с тобой — это моё желание, — твёрдо произнёс он, — Прошу, помоги мне окончательно исцелиться, — он взял её за руку, — Прошу, научи меня, как быть с тобой.

— Ты на самом деле хотел бы этого? — Мей смотрела на свою руку в его руке, не смея поднять глаз, — Ты хотел бы связать себя с такой падшей, как я?

— Никогда не говори так о себе! — он поднял её лицо на себя, — Ну, я тоже, ведь, не подарочек. Отнюдь не прекрасный принц, — потом подмигнул, — А, мы подходим друг другу — не находишь?

— И то правда, — усмехнулась она, потом, словно, задумалась о чём-то и опустила голову, — Хорошо, что ты не знал меня тогда — ты и смотреть в мою сторону не захотел бы... Я была паршивой овцой в семье, грозowymi тучами над домом Сакурада... Как часто я причиняла им много беспокойства своим несносным характером и неподобающим поведением... И как редко я просила у них прощения... Как мало говорила им, как я их люблю, как они были мне дороги... Я не горжусь многими своими поступками. Но, я рада, что мне не нужно скрывать это от тебя.

— И ты прекрасна в своём несовершенстве, — и вот снова на её лице заиграла улыбка:

— А кто сказал, что я не совершенна? — деланно рассердилась она, потом добавила, — Но при всём уважении, разве Маргарита могла бы тебя понять так, как понимаю я? Разве смогла бы дать тебе то, что смогу дать я?

— Что же ты можешь мне предложить? — Марк обнял девушку за талию и привлёк ещё ближе к себе.

— Пойдём со мной — и узнаешь, — она взяла его за руку, а другой рукой открыла дверь своей комнаты, — Я люблю тебя, Марк... Я сделаю всё, что ты пожелаешь...

— Тогда я желаю, чтобы всё было, как ты того хочешь, а не так, как у тебя было обычно. Покажешь мне, как ты хочешь? Я не причиню тебе боли, я не буду таким, как те, с кем ты имела несчастье связаться.

— Я знаю — ты не такой. Ты не сможешь причинить мне боль, — она положила ладонь на грудь парня.

— Если это вызывает неприятные воспоминания, то скажи мне, пока не поздно, — он посмотрел на неё, но взор тяжело было уже сфокусировать, он чувствовал, что ещё чуть-чуть, и перестанет себя контролировать, — потом я уже не смогу остановиться.

— Наоборот, с тобой я забываю обо всём плохом, что было в моей жизни, — внезапно её голос стал хриплым.

— Я тоже — рядом с тобой забываю... обо всём, — сейчас Марк видел только её глаза, её губы, — Помоги мне. Сохрани меня, — в его просьбе была почти мольба, — Помоги мне пройти это, и не потерять, а обрести на этом пути, — из его груди вырвался непроизвольный слабый стон, стоном отозвалась и она.

А дальше было всё как в тумане, как опьянение, как наркотический дурман...

Сопrotивляться дальше — не было ни желания, ни сил, а тяжесть напряжения вновь напомнила о себе ноющей болью в паху.

Слетели все внутренние предохранители вместе с лишней одеждой — и оба почувствовали странную свободу от связывавших их оков прошлых грехов, и жаркий огонь заструился по венам и пришла необыкновенная легкость, граничащая с помешательством, не проходящее головокружение — и разум не в состоянии уже был вернуть себе власть над телом. И было сейчас всё равно — скольким они до этого отдавали свои тела — сейчас они делали это с теми, с кем действительно хотели этого, полностью отдаваясь этому наваждению, и создавалось впечатление, что это были двое девственников, лишь теперь познавшие, что значит любить в полной мере — не только телом, но, и душой, всем своим существом. Оба — как заблудившиеся дети, уставшие от боли и одиночества, друг в друге стремящиеся отыскать всё то, к чему стремились всю жизнь — мир и душевный покой, семью и любовь.

Марк не испытывал ничего подобного прежде: раньше он, словно бы, снисходил до тех женщин, с которыми делил постель, позволяя им любить себя и давая доступ лишь к телесной оболочке. Сейчас же было совершенно иначе, сейчас его больше заботило не собственное удовлетворение, и хотелось познать не только тело, но и душу женщины, что была сейчас рядом с ним.

Никогда ещё в своей жизни они не раздевались с такой скоростью, помогая друг другу трясущимися пальцами, озабоченные, обезумевшие от нахлынувшего желания — безумные, сумасшедшие, ненормальные, с лихорадочным блеском в глазах, зашкаливающей частоты пульсом и сбившимся дыханием.

Уже не разобрать было: где — чьи руки, где — чьи губы, где — чьи локоны... Да, и нужно было ли?...

Его пальцы и губы тщательно изучали каждый её изгиб, каждой клеточкой он старался впитать аромат её тела, словно хорошо настроенный музыкальный инструмент, заигравшего в его умелых руках.

А она закрыла глаза и запрокинула голову, не пуская слёзы — Боже, как же долго она ждала его! Так давно она жаждала близости с этим мужчиной, но, и подумать не могла, что реальность превзойдет все, самые смелые, её ожидания, она даже не могла подобрать слов,

чтобы описать то, что чувствовала сейчас. Душа вот-вот готова была покинуть тело, что выгнулось натянутой струной, а сердце подкатывало к самому горлу, перекрывая дыхание, и вместо вскрика выходил только хриплый стон.

Быть во власти этих рук и губ — как она об этом грезила, но реальность — она оказалась куда прекраснее, как яркая горящая вспышка — и несмотря на то, что одежды сейчас на ней не было, сделалось вдруг так горячо и жарко.

— Ты — уникальна. Тебе, наверно, сотни раз говорили, как ты прекрасна, — Марк приподнялся на локте, любуясь ею, вдыхая благоухание её волос.

— Для меня эти слова имеют значение только услышанные из твоих уст, — она провела рукой по его щеке, — Но, мне этого мало — слишком долго я тебя ждала. Мой — только мой... Я заставлю тебя забыть всех других женщин, я сотру сам их запах с твоего тела и воспоминания о них и все их имена — из твоей памяти. Я сделаю всё, чтобы ты не захотел другой женщины кроме меня. Каждый твой вздох, каждый твой взгляд, все твои помыслы — будут принадлежать только мне.

— Поверь мне — ты уже это сделала, — произнес он шепотом, наклонившись близко к её лицу, — Надеюсь, мне удастся реабилитироваться за тот наш первый раз, — его губы коснулись её губ.

— Поверь мне, ты это уже сделал, — в тон ему ответила девушка, — Прости, я сейчас, — высвободившись из его объятий, Мей забежала в ванную комнату, щёлкнул замок, и послышался шум льющейся из крана воды.

Приняв душ, она ещё несколько минут рассматривала своё отражение в зеркале — глаза лихорадочно блестели, крича всему миру о своём счастье, в которое до сих пор верилось с трудом, а по щекам стекали слёзы, но, в этот раз эта влага была сладкой.

Наконец, она вернулась и села на край кровати, стараясь не всхлипывать.

— Ты плачешь? Почему? Я как-то обидел тебя? Сделал что-то не так? Почему же ты не остановила меня? — он присел рядом и обеспокоенно посмотрел на девушку, обняв за плечи.

Она была так красива сейчас: волосы взъерошены, лицо освещено лунным светом, сверкавшим в оставшихся на нём каплях воды, в её тёмных раскосых глазах действительно стояли слёзы.

Мей резко подскочила, прикрывшись простыней, и запустила в него поднятой с пола яркой подушкой с кистями по углам:

— Чёрт тебя забери, Марк Львович, но, ты стоишь каждой минуты того времени, что я тебя ждала! — Марк словил подушку, а девушка топнула босой ногой.

— Спасибо! Спасибо тебе, Мей! Я...люблю тебя! — он потянул за простыню, и девушка, не удержавшись, упала в его объятия, — Благодаря тебе я снова чувствую себя живым!

— Повтори. Повтори ещё раз то, что ты сказал, пожалуйста... — не мигая, она требовательно посмотрела на него.

— Спасибо... — он поцеловал девушку в макушку.

— Нет, не это. То, что ты сказал потом... — она знала, что он только дразнит её, но, так захотелось ещё раз услышать волшебную музыку этих слов, — Я жила лишь мечтой услышать когда-нибудь эти слова от тебя.

— Я люблю тебя! — прошептал он, наклонившись к самому её уху, словно, это была самая великая тайна мироздания, — Не думал, что когда-нибудь смогу снова произнести эти

слова, но готов повторить их тебе снова и снова. Я слишком долго боялся признаться — даже самому себе... А ты всё это время была рядом, так близко — а я не замечал, не хотел замечать, боялся...

— Боялся снова быть отвергнутым? — она убрала волосы с его лица.

— Или, что уже не способен на чувства, и это заставит тебя страдать ещё больше, чем, если бы ты думала, что я равнодушен к тебе. Мне проще было быть колючим, чтобы не пораниться самому.

— А тебе не приходило в голову, что о твои колючки могут пораниться те, кому ты дорог? — девушка рывком поднялась с постели, вскинув голову, — Ты просто дурак!

— Я знаю, — он поднялся с кровати, обнял её, опустив голову ей на плечо, — Только, теперь я ещё и влюбленный дурак, — она усмехнулась, а он крепче обнял её, — А сейчас нам, и правда, пора спать.

— Кактус ты мой — с душой ромашки... В тот день, когда я первый раз появилась в этом доме, — обратилась к юноше собеседница, — Джон спас меня и привёл сюда. Я была так измотана и напугана, что почти сразу же заснула, а ты вызвался побыть со мной, и просидел рядом всю ночь.

— Как я могу забыть? У меня тогда так жутко затекла спина — я боялся пошевелиться, чтобы не разбудить тебя, ведь твоя голова лежала у меня на коленях, — и от этих воспоминаний приятное тепло разлилось в крови, и Марку стало так радостно, как никогда ещё не бывало в его жизни.

— Это было так мило с твоей стороны, — девушка зевнула и уткнулась ему в грудь, намотав на палец прядь его волос, — Спокойной ночи, Марк!

— Спокойной ночи! Надеюсь, теперь ты не сомневаешься во мне, как в мужчине?

— Были такие сомнения, — хихикнула она, — Только ты губёшки-то свои подзакати и не обольщайся больно, ты всего лишь — жертва моего очарования.

— Да-да, конечно-конечно, — улыбнулся Марк, сонно зевая...

Утро разбудило солнечным светом и пением птиц.

— Доброе утро, жизнь моя! — Джон ещё долго не хотел отпускать жену из сладостного плена своих крепких рук и горячих уст, пока Маргарита игриво не надула губы, сказав, что у неё сейчас начнётся ломка без чашки утреннего кофе, и детям завтрак надо разогреть и покормить малышей. Но даже вся её красота и всё обаяние не могли заставить его пойти на поводу у любимой жены, разрешить ей насладиться любимым напитком, пока это не будет безопасно для её здоровья.

Запахнув шелковый халат вишневого цвета с расклепанными рукавами на свежeweымытое тело, она присела за туалетный столик, расчесала волосы, подобрав их заколкой.

— Нет, мне больше нравится, когда у тебя волосы распущены, — выйдя из ванной, Джон подошел к ней, выгатавив заколку, он наклонился, уткнувшись лицом в её волосы, — Идём завтракать? Чертовски есть хочется, — улыбнулся он.

Дверь в комнату Мей была приотворена. Маргарита захотела её тихонько прикрыть, но, то, что она увидела, заставило её улыбнуться: на широкой кровати под лёгким атласным покрывалом золотистого цвета лежали, обнявшись, Марк и Мей.

Дверные петли предательски скрипнули, и девушка открыла глаза, боязливо уставившись на дверь, натянув покрывало чуть ли не до самого подбородка. Маргарита кивнула, приложив палец к губам, второй рукой закрывая рот Джону, усиленно что-то

шипящему ей в ладонь:

— Тише ты! Хочешь всех перебудить? — она взяла его за руку и потянула к лестнице, — Так, пойдём-ка на кухню. Сейчас от твоего голоса собаки поднимут лай, и девочки могут проснуться, а они только покушали и заснули.

— Ну, всё, Марк Львович, какое твоё любимое дерево? — вместо приветствия Мей соорбила страшную мордочку, когда, также разбуженный скрипом, Марк открыл глаза.

— Это тут при чём? — непонимающе замигал он.

— Просто, размышляю, из чего тебе гроб заказывать... Джон нас просто прибьёт! — девушка виртуозно играла бровями, сдерживая смех.

— О, нет. Я уже давно его не боюсь. Он выпустит пар и успокоится, — улыбнулся юноша, обнимая её, — Доброе утро!

— Охаё, Ма-ру-ку-сан! (Доброе утро, господин Марк! — яп.) — она поцеловала его, и в её глазах заплясали озорные бесенята.

— А что ты скажешь на одно моё предложение, которое я сейчас озвучу? — улыбнулся он, поднявшись с постели и раздвигая оконные шторы.

— И что это за предложение? — Мей хитро сощурилась, потом подошла ближе и обняла, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Позволишь мне быть твоей постоянной жертвой? — шепнул он, проведя рукой по её волосам, — Я свободен, хорош собой — и всё это будет твоим. Опять же — мы столько времени знаем друг друга — ни какого риска. Если я смогу сделать тебя хоть чуточку счастливее, то и сам стану счастливым.

— Нет, ну, ты точно дурак! — она толкнула его в плечо.

— Не понял? — Марк встряхнулся от такой неожиданности и вопросительно посмотрел на неё.

— Ну, вот кто? Кто так делает девушке предложение, которого она так ждала всё это время? Нет, ты — чудовище! Ты просто настоящий монстр! — она так крепко обняла его и поцеловала со всей страстью, на которую была способна, — Мой среброглазый монстр!

— Мне расценивать это, как согласие? — Марк улыбнулся.

— А, вот, не знаю, — Мей развернулась, задрав свой милый носик, — Мучайся теперь, — она обернулась, показав ему язык.

Он вдруг пал к её ногам, обхватив её колени своими руками:

— Я наконец осознал, насколько ты важна для меня. И всем телом, и всей душой я не смогу отплатить тебе за всё то, что ты сделала для меня: за то, что приняла меня таким, каков я есть, за то, что помогла мне стать самим собой и научила снова любить. У нас будет всё, о чем другие могут только грезить. Будет всё так, как захочешь ты. Ты будешь для меня номером один — самой главной женщиной в моей жизни, и я во век не посмею помыслить об иной. Я хочу, просыпаясь каждый день, видеть рядом твоё лицо и желать тебе доброго утра. И не будет мне покоя в жизни и доброго пути без света прекрасных глаз твоих. Ты и только ты — в моём сердце и в моих мыслях. С тобой хочу я разделить дни и ночи — от сегодня, и до — пока ходить буду по земле этой. Тебе одной обещаю быть верным. Сохрани, согрей меня!

И не верило до конца сердце глупое, бедное, и стояла она — тихая, бледная, не шелохнувшись, молча глотая соленые слезы, что медленно скользили по щекам: как часто в своих мечтах и своих снах она представляла, как он говорит ей подобные слова. За то, чтобы услышать их, она готова была отдать и всё своё богатство, и свою жизнь — а сейчас он

говорит всё это, и момент этот был слаще любого самого прекрасного сна и долгожданное исполнения самой заветной мечты:

— Марк, поднимись! Поднимись же! — Мей растерянно положила руки ему на плечи, побуждая его встать, — Что ты делаешь?

— То, что должен был сделать уже давно, — он поднялся с колен, сжимая в руках её дрожащую ладонь, поднеся к своим губам, и в его серебристо-серых глазах она увидела отражение своего лица.

— Нас могут увидеть, — так не кстати вспомнив, что дверь в комнату осталась не до конца заперта, взволнованно проговорила девушка, увидев, как сползла бретелька её сорочки, и он деликатно прикоснулся нежными губами к коже плеча:

— И пускай видят, — выдохнул он с заметным облегчением, — Мы и так слишком долго держали всё в себе.

— Всё чего бы я хотела сейчас — чтобы ты у меня был самым первым, — с горечью произнесла она, — Где же ты раньше был? Где была раньше я?

— Говорят, что по любви — каждый раз, как первый, — прошептал он девушке в ухо, откинув ей волосы на спину, проведя рукой по манящим изгибам её тела, невольно попадая в такт её, такого же неровного, дыхания и не боясь уже собственных нахлынувших чувств, — И это правда, теперь я знаю точно.

— Похоже, завтрак мы пропускаем? — Мей прищурила глаза, крепче прижимаясь к нему.

— Если захочешь, то я могу потом спуститься на кухню и принести нам завтрак в комнату, — под его пальцами неспешно сползла и вторая бретель, и он ощутил под ними гладкость и тепло её тела, но, это уже ни чуть не смутило её.

— Именно, позже, — она закрыла ему рот поцелуем, — Сейчас я хочу другого. Ты сам меня завел, так что будь готов к последствиям, а всё остальное — подождет. Бессонница ты моя, и это — навсегда, дай мне руку свою — и я счастливым сделаю тебя, — и повторять дважды не было необходимости, — Так не будем же терять драгоценного времени, нам столько предстоит наверстать. Жизнь слишком коротка, а мы слишком долго ждали...

При свете он заметил на спине девушки мастерскую татуировку в виде ветви цветущей сакуры — национального символа Японии:

— Красиво, — он аккуратно провел рукой, легко касаясь кожи.

— Это сакура — японская вишня, символ моей страны и моей фамилии и с давних пор олицетворяется с молодостью и красотой, но как и все прекрасное, она быстротечна — лишь краткое время в году, весной, она может радовать взор, и, вскоре, спустя всего пару недель, отцветает, увядает, теряя свою ослепительную красоту, наивность и нежность, порывы ветра легко срывают нежные лепестки, и во время цветения вся земля под ногами, как снег, усыпана белыми или слегка розовыми лепестками. Её цветение напоминает нам о скоротечности всего прекрасного, о том, что отвратительного в этом мире гораздо больше, а сезон "радости" приходится на столь короткий срок, и нужно просто уметь и успеть им восхититься, о том, что наивность и нежность присуща столь малому количеству людей, и сохранить этот "цветок" столь сложно, сколь невозможно устоять лепесткам сакуры перед порывом сильного ветра. Эта традиция глубоко вошла в культуру Японии и отразилась в народном празднике любования сакурой — ханами, когда японцы порой ночами занимают лучшие места в парке, чтобы встретить цветение со своей семьей, своими друзьями или коллегами. Однако у сакуры есть еще и довольно жесткое значение: существует поверье, что

сакура с красно-розовыми лепестками растет на местах, где когда-то пролилась кровь. Столь прекрасными выросли цветы, сколь отвратительным было убийство. Возможно, это из-за знаменитой легенды о крестьянине Сакуре и его детях, которым жестоко отомстил обиженный сёгун. У сакуры есть и еще одно печальное значение — память об ушедшем или потерянном, что было столь глубоко и прекрасно, но так мало просуществовало в жизни человека и оставило неизгладимый, но печальный след, о котором он будет помнить до конца своих дней... Я заказала эту татуировку после похорон родителей... — спокойно договорить она уже не смогла и разрыдалась, и Марк крепче обнял её, поглощая поцелуями её всхлипы и вместе с её слезами пытаюсь впитать её боль в стремлении взять часть на себя, облегчая её состояние:

— Я с тобой, — произнес он, — И теперь у тебя есть семья — они все переживают за тебя.

— Люби меня, Марк, сведи меня с ума, чтобы я забыла своё несчастье, — попросила она, и он повиновался.

И в этот раз ласки были неспешные, расслабленные и чувственные. Они решили не спеша, вдоволь насладиться друг другом, испытав тот прилив тепла и нежности, которого они так долго были лишены. И сердце замирало от долгих, тягучих, доводящих до безумия поцелуев и прикосновений, обнажавших друг перед другом не только тела, но и души.

— Знаешь, что в моей стране тоже почитают вишню? Хочешь вместе как-нибудь поехать? — произнес он тихо и совсем близко, и тепло и аромат его тела обволакивали, даря спокойствие и уверенность.

— Знаешь, что до тебя я ни кому не позволяла целовать себя в губы? — ответила она невпопад, сама не понимая, зачем сказала это.

— Правда? — и это был скорее не вопрос, а утверждение — он чувствовал, что это так, и снова приник к её губам. Господи, ему всегда её будет бесконечно мало, и никогда не сможет он пресытиться ею, и как зацветают весной вишневые сады, так и в их сердцах расцветет главное чувство...

— Так-так-так. И что это всё означает? — Джон присел за стол, нервно проворачивая между пальцами чайную ложку.

— Тебе налить кофе, дорогой? — Маргарита невозмутимо достала с полочки пару чашек и нажала кнопку кофе-машины, — Слушай, а коньячку туда плеснуть?

— А знаешь, плесни, — кивнул Джон, — Ты мне зубы не заговаривай! Я спрашиваю, что это всё значит? — он вопросительно посмотрел на жену.

— А на что это, по-твоему, похоже? Быстро же ты забыл, — Маргарита поставила чашку с ароматным напитком перед ним и, наклонившись, нашла его губы, — Или тебе напомнить, что это может означать?

— Да, нет, не забыл. Я не о том, — хитро прищурился он, потом задумчиво произнес, — Просто... это так неожиданно... Это же — наша Мей и наш Марк...

— И что — они не люди что ли? Ты ведь хочешь, чтобы они были счастливы? — Маргарита обняла его сзади за плечи.

— Хочу, разумеется, но... — мысли пугались в его голове, — Черт! Ну, я догадывался, конечно, что их игра может перейти в нечто большее, но — одно дело предполагать, а другое — наблюдать своими глазами. И что — я должен сделать вид, что ничего не заметил?

— Это было бы мудрым решением. Пусть они сами нам всё расскажут, когда посчитают нужным, — мягко улыбнулась Маргарита.

— Всем доброе утро! — растянула улыбку вошедшая Даниэлла, — О, я вижу, вы тут что-то празднуете? — девушка заметила бутылку коньяка, — Что именно? — она достала себе кофейную чашку и взяла конфету из вазы

— Сегодня прекрасное утро Рождества, — Маргарита откусила пирожное, улыбнувшись.

— Ну, и дела. Я так разволновался, что совершенно забыл об этом, — развел руками мужчина, растерянно усмехнувшись.

— Мамочка, папочка, с Рождеством! — на кухню радостно влетела Аделька — только что умывшаяся, но ещё в пижаме, а за ней вбежали также в пижамах: Алишер и Розалинда с большим серым котом на руках, — Уже утро. Давайте пойдем посмотреть подарки?

— Всем доброе утро и с Рождеством! — наконец появились смущенный Марк и абсолютно счастливая Мей, — Можно мне чашку кофе?

— Присядь, Марк, — Джон хлопнул ладонью по кухонному дивану рядом с собой, — Не бойся.

— А с чего это бы мне бояться тебя? — присаживаясь, поинтересовался парень, выгнув бровь.

— Знаете, что сегодня просто замечательный день? — маленькая азиатка мечтательно подкатила глаза, — Вот, вы верите в чудеса? А они случаются.

— Можно спросить? — шепотом произнес Марк.

— Да, что ты хотел узнать, парень? — Джон обстоятельно посмотрел на него, но юноша выглядел совершенно серьезным, что несколько озадачивало и умиляло одновременно:

— Скажи, а то чувство, когда хочешь провести с женщиной больше, чем одну ночь — оно будет со мной всегда?

— Почему это тебя волнует сейчас? — Джон продолжал смотреть на него, но всё не мог понять, к чему он клонит.

— Ну, хотя бы потому, что я собираюсь жениться, — парень спокойно пожал плечами и поднялся обнять Мей.

— Ого, — мужчина долго разминал челюсть и шевелил мозгами, чтобы обработать информацию, прежде чем снова был в состоянии заговорить, — Это очень серьезное решение.

— Поверь, я много думал об этом, — кивнул Марк.

— Тогда поздравляем вас, — мужчина тоже поднялся и пожал ему руку, — Представляю, как взорвутся таблоиды, социальные сети и модные издания, когда будут писать о том, что ты решил проститься с холостяцкой жизнью.

— А меня не волнует, что они напишут и скажут, — отмахнулся Марк, и ему сейчас действительно было абсолютно всё равно, — Разве она не стоит того?

— Хвала Всевышнему! — Даниэлла хлопнула в ладоши, — Наконец, вы поняли...

— Стоп! И ты знала? — Джон снова сел на место и принялся изучать пенку в кофейной чашке, — Нет, ну это совсем нечестно...

— Поздравляю, "Капитан Очевидность"! — светловолосая похлопала его по плечу, — Конечно, знала, и всё думала — когда же они сами осознают. А до тебя доходит, как до жирафа, дорогой. Ничего, тормоз — тоже механизм, как известно, — она отвернулась налить себе чай.

— Нет, я просто поверить не могу — дети вырастают, мы — стареем... — вздохнул он, — Я стар, я стар, я — SUPER-STAR! — Джон изобразил игру на невидимой гитаре.

— Согласись, для тебя же спокойнее видеть Марка счастливым женихом, — Дэни впила белоснежными зубами в сочное яблоко, — У тебя ещё четверо детей, из которых, три — дочери, которых тебе предстоит выдать замуж. И мой тебе совет — побереги нервы. Вспомни себя в такой же ситуации.

— Даня! — брови Джона взлетели вверх.

— А что я такого сказала? — пожалала плечами златовласая.

— Мои самые искренние поздравления! — Маргарита заключила их в крепкие объятия, и он больше уже не чувствовал мучительной ревности, наоборот — он чувствовал себя настоящим счастливым человеком.

Привлеченные шумом на кухне, домочадцы начали спускаться к завтраку, где их ожидал большой сюрприз.

Новый год — приближается!

Елки — наряжаются!

Гирлянды — зажигаются!

Свет души — включается!

Чудеса — случаются!

Праздник — начинается...

Но стоило только включить телевизор на кухне, как некоторые обстоятельства омрачили всеобщую радость:

— А сейчас вынуждены прервать наш выпуск новостей для чрезвычайного сообщения: сегодня утром в парке обнаружена ещё одна жертва загадочных преступлений. Это уже седьмая по счету. Как и во всех предыдущих случаях, это снова — молодая девушка, невысокого роста, хрупкого телосложения, и снова жертва была одета в пальто и платье старомодного кроя. Все жертвы выглядят ухоженными, как после посещения салона красоты — укладка, макияж, маникюр, педикюр, правда, в несколько старомодном стиле. Предположительной причиной смерти эксперты считают асфиксию вследствие паралича диафрагмы, вызванного передозировкой миорелаксантами. По-прежнему — это всё, чем полиция располагает на данный момент. Еще раз предостерегаем всех девушек и женщин быть предельно осторожными и в случаях, вызывающих подозрения, обращаться в ближайший полицейский участок.

— Господи, даже в праздник не успокоился, — покачала головой блондинка.

— Это же... — Маргарита закрыла рот рукой, потом выбежала из кухни и принялась что-то искать на чердаке, пока не вернулась с большим альбомом, открыв его на определенной странице и указала пальцем на изображение, — Вот, посмотрите только — это же образы из антикварного каталога авторских кукол. У моей бабушки была коллекция таких.

Древняя восточная мудрость гласит:

"Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на Время, Место и Обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвется."

Трудности — это не наказание за прошлое, а — испытание ради будущего.

Пока остальные поздравляли друг друга с праздником и слушали чудесные новости от Марка и Мей, а дети, преисполненные восторга, открывали приготовленные для них подарки — нарядные платьица и мягкие комбинезончики для встречающих своё первое в жизни Рождество близнецов, действующий макет железной дороги и сборная модель фрегата для

Алишера, комплект для катания на роликах, включая защитный шлем, перчатки и наколенники — для Розалинды, и кукла с шарнирными суставами, придающими ей подвижность и пластичность, которой можно менять глаза и парики по своему усмотрению, что дает возможность создать особенный, неповторимый образ — для маленькой Адельки, кукла и сама личиком походила на девочку и выглядела удивительно живой и настоящей, и ещё множество разнообразных конфет, книг, паззлов и наборов для детского творчества — Маргарита попросила мужа сопровождать её в полицейский участок, взяв с собой большой альбом.

Работа полиции не знает ни выходных, ни праздников — ежедневно стражам закона приходится сталкиваться с худшими представителями человечества и худшими человеческими качествами. Возможно, та информация, которой спешит поделиться Маргарита, поможет им в нелегком труде быть преградой на пути зла и несправедливости, и поможет спасти невинные жизни.

В участке действительно находилась дежурная команда, которая с любопытством изучила антикварный альбом — из тех, что издавались не настолько крупными тиражами, большей частью осевшими у заядлых коллекционеров, которых не такое большое количество, что давало определенные зацепки в этом запутанном деле и значительно сужало круг поисков.

Однако, опасения полицейских вызывала схожесть девушки с типом жертв. Хрупкой комплекцией и темным цветом волос она подходила под предполагаемую виктимологию, и ей настоятельно посоветовали быть более осторожной и внимательной и не выходить одной в темное время суток.

Джон серьезно отнесся к их предупреждению и выразительно посмотрев на молодую супругу, пообещал проследить за этим, от чего Маргарита особенно мило застеснялась, смущенно спрятав лицо на плече мужа.

А тем временем в доме Марк и Мей продолжали получать поздравления, что настолько их растрогало — они чувствовали себя действительно в кругу близких людей.

Больше всех за них радовались отец Марка и Александра — им и самим следовало бы узаконить свои отношения, если они хотели получить разрешение на удочерение маленькой Оксаны, которая так этого ждала и так непритворно радовалась тому, что у неё появятся папа и мама, как только может радоваться ребенок, который вырос в сиротском приюте. Но они не были приверженцами пышных церемоний, в чем молодежь была с ними солидарна. Они с удовольствием так бы и ограничились тихими домашними посиделками, но есть такое выражение: "положение обязывает". Марк — модель с практически мировым именем, и сложно было бы утаить его свадьбу. Да и Мей была не последним человеком у себя на родине — наследница промышленной текстильной империи — её свадьба была важным событием, скрыть которое от вездесущих и всезнающих журналистов почти не представлялось возможным. Но они все же предпочли бы максимально сузить круг приглашенных и минимально распространяться о предстоящем торжестве. С таким серьезным событием решено было не торопиться и отложить решение вопроса до конца марта, когда Мей закончит старшую школу и получит среднее образование (в Японии учебный год поделен на три триместра и начинается он в апреле, а первого сентября начинается не новый учебный год, как привычно нам, а второй триместр обучения) или даже до мая, когда Мей исполнится семнадцать и будут уже известны результаты вступительных экзаменов в Токийский университет — ведь, чтобы достойно продолжить семейное дело, ей

необходимо получить достаточно знаний, да и Марку не слишком легко давалось совмещение работы и учебы. Но, ведь если по-настоящему хочешь быть рядом с кем-то, то все трудности вполне реально преодолеть.

Между взрослыми туда-сюда весь день носились дети с подарками, а за ними всюду следовали с веселым лаем собаки — Актеон и Сарбонна.

— Разве может кто-нибудь утверждать, что Санты нет? — довольно заметил Алишер, когда дети наслаждались подарками, тщательно рассматривая и изучая каждый из них, и просто радуясь беспечному детству, шелестя яркими упаковками и вдыхая запахи сладостей, фруктов и новых книг, — А у нас в классе кое-кто говорит, что его не существует.

— Вот ты глупенький! — развеселилась Аделина, даже на время отвлечшись от своей куклы, — Конечно же он есть. Это всем известно. И хочешь самый большой-большой секрет? — малышка поднялась на носочки и совсем близко к мальчику произнесла таинственным тоном, — Санта — это папа. Только в школе не говори ни кому, а то тебе будут завидовать.

— Ну, конечно, — улыбнулся Али, — Какой же я недогадливый.

Но стоило только вернуться Джону с Маргаритой, как всё было тут же позабыто, и Аделина бросилась их встречать:

— Мама, а я тебя вижу — ты за папой! — радостно усмехнулась девчушка, выглядывая из-за плеча мужчины, когда он взял её на руки, — Секрет, помнишь? — малышка повернула свою светловолосую голову к подбежавшему обнять отца Алишеру, приложив свой маленький пальчик к губам.

Пока Маргарита пошла покормить дочерей и уделить им внимание, у Мей нашлось дело к Джону, о чем она тихо попросила его:

— Мне бы хотелось, чтобы мое свадебное платье было сшито тобой — окажешь мне такую услугу? Мне бы этого очень хотелось, — девушка понизила голос и опустила глаза, — Жаль только, что мне уже не пойдет белый цвет — я далеко не невинная дева, — вздохнула она.

— Господи, ну что за чушь! — не выдержав, возмущенно нахмурился мужчина и встряхнул её за плечи, — И как же меня бесит такая ханженская формулировка! Почему женщина должна испытывать вину за желание плотского удовольствия? Само по себе партнерство уже предполагает равные отношения и равную ответственность. Почему же тогда мужчина в поисках идеальной партнерши, подходящей ему, считается состоятельным и мужественным, а женщина в аналогичной ситуации — считается неудовлетворенной распутницей и блудницей?

— Если бы все мужчины думали так же, — покачала головой азиатка.

— Ну, тебе не стоит волноваться на этот счет, правда? — растянул хитрую улыбку Джон, — Марк ценит твои достоинства и уважает твои недостатки.

— И я ему за это бесконечно благодарна, — согласно кивнула Мей и улыбнулась.

— А насчет платья не переживай, — мужчина ободряюще похлопал её по плечу, — Будет тебе отличное платье.

— Одно из... — маленькая японка прищурилась, шаркнув ногой, — Японская свадебная церемония полна ещё живых традиций, и за праздничный вечер невеста по обычаю переодевается семь раз.

—хлопотно, — задумчиво прикинул Джон и тут же тут же постарался как можно скорее развеять её сомнения и переживания, — Теперь понятно, почему это так тебя

волнует. Обещаю, что ты получишь свое платье вовремя.

А Марк чувствовал себя опасно счастливым — сейчас уже сложно поверить в то, что когда-то у него не было ничего и никого, а теперь он в окружении друзей, у него есть отец, скоро будет мачеха и сестра, и он собирается жениться. Он сильно изменился с тех пор, правда. Но он не забыл того, кто помог ему добиться всего того, что он имеет сейчас. Точно так же, как для Мей важным было благословение господина Йошида, так для него было важным поделиться с мистером Дугласом Айронсом — добродушным стариком, который помог ему снова вернуться к полноценной жизни, которую он готов теперь вдыхать полной грудью. И от этого становилось страшно. Страшно, что однажды не сумеешь удержать это счастье. Слишком уж хорошо всё складывалось.

Тут его мысли прервал раздавшийся звонок в дверь, и Даниэлла принесла врученные посыльным приглашения на Рождественский бал от Ондзи, тогда как Эллен прижимала к груди дрожащими от волнения руками мобильный телефон с сообщением от Максимилиана, что он будет рад видеть её на балу.

— И что же это так обрадовало мою сестренку? — Этьен сразу же заметил перемену в настроении сестры, — Сообщение от него?

— Он будет ждать меня на приеме, — с улыбкой выдохнула девушка, — Николь там тоже будет, да?

Парень слегка покраснел и кивнул, продолжив беседу:

— Ты уже пригласила его на свое выступление? — спросил он и взял её под руку, провожая в столовую.

— И он обещал прийти, — счастливо подтвердила рыженькая, глядя в глаза из-под опущенных ресниц, — А ты? Ты же не откажешься поддержать меня?

— Конечно же мы все поддержим тебя! Это ведь настоящее событие — премьера балета, где наша Эллен будет танцевать одну из главных ролей — Мари в постановке по самой известной Рождественской сказке Гофмана, — уложив малышек-дочерей, в зал спустилась Маргарита, уже предвкушая, как будет макать зефир в расплавленный шоколад и запивать душистым чаем с кусочками сухофруктов. Единственное, о чем она могла сожалеть — о куске любимого Шварцвальдского торта со взбитыми сливками и вишней. Его пропитанные крепким черешневым ликером коржи пока были ей противопоказаны, как и крепкий кофе. Зато оценить вкус бисквита, шоколада, нежных сливок и вишни могли Марк и Мей, так ценящие вишню.

— А правда, что у Марка День рождения четырнадцатого февраля? Это ведь уже так скоро, — шепотом уточнила японка у Льва Витриченко.

— И это чистая правда, барышня, — не стал утаивать от неё мужчина, так же перейдя на шепот, пока его сын беседовал с Александрой, — вообще-то он должен был родиться к восьмому марта, но роды были преждевременными. Представляете, какой был бы подарок женщинам? Знаете, Руслана даже придумала имя для будущего ребенка заранее — если бы родилась девочка, то её назвали бы Мартой, а если мальчик — Марком. Но в моем роду рождаются только мальчики — так суждено было появиться на свет Маркешу.

Когда смотришь, как за окном неспешно падает снег, что можно разглядеть каждую снежинку, как на город постепенно опускается вечер, и в окнах домов зажигается свет, за каждым из которых живет своя история: совсем обычная или удивительно сказочная, трогательная или дерзкая, веселая или печальная, острая или нежная, счастливая или трагическая — так хочется хоть на минуту остановиться от сумасшедшего ритма жизни и

проблем страны и помечтать о простых человеческих радостях в ожидании новогодних чудес — поиграть в снежки, поделывать снежных ангелов, порадоваться нарядной ёлке, разделить всеобщую суету, самозабвенно выбирая подарки друзьям и близким, рисовать на морозном окне, прогуляться по вечернему городу — выпить ароматного кофе с молоком и корицей или согревающего глинтвейна, попробовать горячей сдобной выпечки, покататься на санках или колесе обозрения, сходить с друзьями в кино или собраться дома, достать с полки старый альбом с фотографиями, пересмотреть любимый фильм и перечитать любимую книгу — зима может быть совсем не скучной, а яркой, радостной и сказочной.

06. Сказка сказок

До нового года оставалось все меньше времени — ещё немного, и они вступят в год грядущий, и всё внутри переполнялось надеждами в ожидании предстоящих перемен. В Новом году будет все по-другому. Новые люди, новые события, новые потрясения, новые мечты. Но — сам по себе Новый год ничего не меняет, измениться под силу только самому человеку, и многие из них нашли в себе силы измениться самим, силы — принять эти перемены: в себе и вокруг себя.

И эти несколько дней хотелось прожить спокойно, в кругу дорогих людей, проводя вечера на заднем дворе, кутаясь в теплый плед и теплые объятия, или — неспешно пройтись по парку, будь то днем или вечером, вдыхая морозный воздух и учась читать эмоции по лицам людей — их страхи и волнения, их мечты и чаяния, всё то, что они ожидали от года наступающего и всё то, что они хотели оставить в году уходящем. И морозам не под силу охладить молодые горячие сердца, а Рождество подарит веру и надежду. Свечи и крепкие объятия согревают теплотой чувств, а улыбки зажигаются как звезды, что ярко сияют в зимнем небе.

И проведя перед большим приемом несколько дней в спокойной и расслабленной обстановке, помогая детям раскрашивать книги, собирать конструкторы и выращивать кристаллы из набора юного химика, они готовы были блистать и покорять на светском рауте. Для полного счастья не хватало только телескопа, чтобы наблюдать за звездами в поисках той единственной, самой яркой звезды — вестницы Рождества. Ну, ничего — к следующему Рождеству он у них обязательно будет, чтобы дети смогли увидеть её среди бесконечного мерцания небесных светил.

Перебрав весь гардероб в поисках наилучших нарядов и оставив детей на попечение старшего поколения, молодежь отправилась на званый вечер к экстравагантному японцу. Но Маргарита и Даниэлла могли провести на мероприятии совсем немного времени — не более пары часов, буквально лишь отдав хозяину дань уважения: маленькая брюнетка стремилась поскорее вернуться к дочерям, а златовласой накануне родов рекомендовалось избегать переутомления. Таким образом, завершать вечер друзьям придется без них. А пока же — такси везет их туда, где горели огни, звучали музыка и смех, звенели бокалы, где всё чрезмерно легко, где приветливые улыбки нередко неискренни и завистливы, где не имеешь права выставлять свои секреты и слабости на всеобщее обозрение. И следовало запастись выдержкой, прежде, чем переступить порог, но таковы были негласные законы жизни публичных людей, законы шоу-бизнеса, жизни напоказ.

Марк взглянул на свое отражение в зеркале, откуда на него смотрел молодой человек с необычно светлой, почти молочной, кожей и светло-серыми глазами, с особенным и редким для европейца разрезом глаз, его волнистые волосы уже успели отрасти до плеч, снова став цвета первой весенней сирени. Он словно сошел с полотен художников эпохи Возрождения. Резкие линии скул и подбородка сглаживались гладкой светлой кожей, а резкость взгляда — смягчалась блеском его глаз. Его красота не была такой классической, как у Джона, не была яркой, как у Этьена, ни сдержанной — как у Питера, или — экстравагантной, как у Ондзи. Она была скорее — набросочной, штриховой, на которой умелый стилист, как на чистом полотне, мог создать свой шедевральный образ. За это, а ещё за огромное трудолюбие и невероятную выносливость, он так был ценим дизайнерами и стилистами.

Едва они подъехали к помещению, как их обступили папарацци, едва дав выйти из машины, они принялись задавать бесконечное множество разнообразных вопросов, которые не было совершенно ни какого желания комментировать. Но они тотчас же все замолчали, стоило появиться Марку под руку с миниатюрной японкой, что дало несколько спасительных минут тишины и позволило нашим героям войти, пока журналисты не опомнились. Время для них было упущено, и им оставалось только толпиться у дверей, которые охранники успели захлопнуть перед самыми их носами.

Появление Марка в компании миниатюрной азиатки произвело настоящий скандал среди молодых незамужних моделей, готовых погрузиться в траур по такому поводу — большинство из которых однозначно хотели бы оказаться на её месте. Многие из них тихо завидовали белой завистью, но находились и такие, кто принялся демонстративно выражать свое презрение к "этой наглой азиатской выскочке", как они уже успели между собой придумать обидное прозвище для Лали-Мей, а другие и вовсе — открыто стали распространять грязные слухи о том, как "эта маленькая ведьма" смогла околдовать парня, чтобы женить его на себе: то ли она купила его расположение щедрыми денежными посулами, то ли успела очень своевременно забеременеть, и ему не оставалось ничего другого, как принять женитьбу на ней.

От всех этих косых взглядов и шепота за спиной, Мей изводила нервная дрожь, и хотелось разбить бокал с шампанским о головы этих докучливых злых сплетниц, и она нервно кусала плотно сжатые губы, когда следовало улыбаться, судорожно вцепившись пальцами в руку Марка, оставляя красные следы.

Собственно, она понимала, что для Марка и её друзей — это всё не более, чем ничего не значащая глупая болтовня недалеких и не очень умных девиц, которая мало её трогала, но — всё равно было больно и неприятно слышать эти перешептывания и встречаться с этими взглядами. Сама она пропускала мимо ушей такие выпады в свой адрес — в свое время сама была ещё хуже, но вот теперь она уже не одна, и меньше всего ей хотелось стать причиной лишних проблем для мужчины, что рядом с ней. И всё чаще сам собою напрашивался вопрос — к какому из миров они, всё-таки принадлежат? В Японии Марк был чужаком, а здесь враждебно отнеслись к ней — далеко не все, разумеется, но этого было вполне достаточно для того, чтобы в душе остался неприятный осадок. Какое же им выбрать место, где бы они могли спокойно жить и быть самими собой, чтобы не быть мишенью для пересудов и сплетен за спиной?

И вот, когда одна из таких девиц, проходя мимо и очаровательно улыбаясь, будто случайно — пролила на её платье шампанское из своего бокала, девушка готова была разрыдаться, но она дала себе слово, что не будет больше плакать — никогда, это было бы бесчестно по отношению к тем, кто поддерживает её, да и просто — слабостью, которую она не могла себе позволить, зная, что где-то рядом есть некая Лаура, которая угрожает счастьем людей, ставших ей близкими. Рассыпаясь в фальшивых любезностях и не сводя взгляда с Марка, девица удалилась.

И тут на помощь снова пришел её соотечественник-японец, предложивший им пройти в гардеробную и выбрать что-нибудь подходящего размера из последней коллекции, которая не была ещё представлена публично. Вот тут-то наступила очередь всех этих фурий кусать локти, морщить носы и поджимать губы с досады — если они думали поставить её в затруднительное положение и вынудить покинуть мероприятие, то старались напрасно. В ещё лучшем виде, чем прежде, под руку с Марком, спустилась она, и теперь доносились

вздохи досады. Не в её привычке было злорадствовать, но сейчас ей, ох, как хотелось хоть немного сбить спесь с этих завистливых моделек. Парень подвел её к зеркалу и попросил улыбнуться:

— Где же твоя смелость? Неужели ты их боишься? Обещаешь не забивать больше голову всякими глупостями? — сначала Мей смотрела на их общее отражение в зеркале, потом он развернул её так, чтобы мог видеть её лицо, а она — его, — Знаешь, я скажу тебе, что могу только посочувствовать таким пустым куклам, у которых кроме внешней красоты — только пустота в душе. Такие люди встречаются в любом обществе, но век таких пустышек не долгов — в работе модели, как и в любой другой, ценятся ум и порядочность. Ты же умная девушка, Мей, и должна понимать это, — а она не могла сейчас говорить от испытанного волнения, — Я выбрал тебя, а ты выбрала меня, и мы должны доверять друг другу, если наши отношения чего-то стоят. Ты же не считаешь меня ловеласом, который не в состоянии контролировать свои гормоны, надеюсь?

Девушка рассмеялась:

— Нет, конечно, — азиатка уткнулась ему в грудь, не понимая — то ли она смеется, а то ли плачет.

— Мы решили связать свои жизни и судьбы, и тут нет места сомнениям. Ты согласна? — но Мей могла сейчас выразить свое согласие только молчаливым кивком головы, и всё, чего ей хотелось сейчас — стоять вот так в его объятиях вечно, ощущая тепло его пальцев, вдыхая его запах, слушая его дыхание, уверенная во взаимности их чувств и его поддержке, и ему важна была только эта женщина, которой он готов принадлежать, он сам хотел этого — во всеуслышание представив девушку своей невестой.

В этот вечер пройти испытание на прочность выпало отношениям не только Марка и Мей.

Появление царственной рыжей красавицы Кали заставило всех присутствующих мужчин повернуть голову в её сторону.

— Кто эта женщина? — светловолосая Аманда ревниво вздернула нос, заметив теплое к ней отношение со стороны Джона, и поинтересовалась у азиата, спешившего поприветствовать новоприбывших гостей, — Они знакомы с ним? — она с таким нетерпением ожидала его появления, самоуверенно не считая Маргариту достойной соперницей, но появление рыжеволосой поубавило убежденности в её душе.

— Говорят, что госпожа Кали — его первая жена, — небрежно бросил на ходу Ондзи.

— Нет, я решительно не понимаю этих людей, — фыркнула Аманда, тряхнув кудрями так, что едва не испортила старательно уложенную прическу, — Променять такую диву на маленькую простушку? По меньшей мере — глупо, — она передернула плечами, ещё раз посмотревшись в зеркало и справедливо оценив, что в своем любимом платье из зеленого бархата она исключительно хороша, — Ну, мне теперь задача облегчается: с такой женщиной соперничать было бы куда сложнее, чем с этой девчонкой, которая не заслуживает такого мужчину, — полностью удовлетворенная своим отражением, девушка достала из сумочки блеск для губ и обновив макияж, довольно улыбнулась с едва промелькнувшим в улыбке оскалом уверенной в себе хищницы, приготовившейся к увлекательной охоте.

— Не вмешивайся, — азиат подхватил её под руку так резко, что она чуть не выронила свою сумочку, и прошипел прямо у неё над ухом, — Не тебе судить о том, кто и чего достоин!

— Этот мужчина будет моим, — блондинка поморщилась и убрала его руку, — И лучше ТЕБЕ не вмешиваться, если не хочешь вызвать гнев госпожи Лауры.

— Ты безнадежна. Я даже не хочу с тобой спорить, — Ондзи устало отмахнулся, — Ну, попытайся, возможно — это будет для тебя хорошим уроком, — и закончил уже совсем шепотом, — Как и для неё тоже...

— Кто бы мне давал советы! — Аманда нахмурила брови, — Что-то я не заметила, чтобы леди Даниэлла уделяла тебе больше внимания, чем того требуют приличия. И что же ты будешь делать? — видя, как изменилось его лицо, она поняла, что попала в самую точку, — Может быть, мне намекнуть госпоже? Хотя... думаю, что в этом нет необходимости — с её пронизательностью, она наверняка уже обо всём догадалась. Не завидую я тебе — оскорбленная женщина способна на всё. Советую тебе быть предельно осторожным, — она провела пальцем по его щеке, чуть не оцарапав наманикюренным ноготком, потом чмокнула в другую щеку, панибратски похлопала по плечу и направилась к гостям.

— Аманда, добрый вечер! — на её пути появился Винтер, выглядевший ещё более элегантно, чем обычно.

— Добрый вечер, Винс! — девушка обняла его, чтобы быть как можно ближе к нему, когда продолжила, — Ты-то мне и нужен. Для нас есть задание от госпожи. Представь меня друзьям господина. Меня интересует тот смуглый мужчина, а ты пока отвлеки девчонку — пригласи её на танец, что ли, — мужчина только вздохнул, но пригласить на танец Маргариту не отказался.

Марго и Джон как раз завершили танец, когда к ним подошли Аманда и Винтер:

— Разрешите похитить мадам на танец? — мужчина приветственно поклонился.

— Если Жан не будет возражать, — перевела взгляд на мужа, — то я совсем не против.

Джон кивнул, а блондинка дернула Винтера за рукав, выразительно кашлянув, обращая внимание на свое присутствие.

— Ох, прошу прощения, — Винтер поспешил исправить свою оплошность, — Разрешите представить вам Аманду, — блондинка очаровательно улыбнулась:

— Разрешите, месье, составить вам пару в танце, раз уже наши партнеры решили танцевать без нас, — Джон снисходительно покачал головой, но взял её под руку.

А на сцене за роялем им играл сам хозяин вечера.

Маргарита в красном платье прекрасно смотрелась рядом с Винтером, одетым в черный костюм — словно пара ярких актеров, играющих в исторической постановке. Он едва касался её, всё время стараясь запомнить её глаза.

Аманда же, наоборот, не стеснялась проявлять свою заинтересованность в партнере. И набравшись смелости, спросила о том, что давно её волновало:

— А такая женщина, как я, могла бы вас заинтересовать?

Джон вдруг внимательно посмотрел на неё, но мелодия стихла, избавив его от необходимости отвечать:

— Благодарю за танец, — он поспешно поклонился и почувствовал озноб во всем теле. Точно предвидя, какую трагическую роль суждено ему сыграть в её судьбе.

И как же хорошо, что этим мыслям не позволил овладеть его сознанием, вовремя подоспевший азиат, приобнявший Джона и Маргариту, послав предупреждающий взгляд Аманде, и доверительным шепотом обратившись к паре:

— Не окажете честь подарить собравшимся музыкальный номер? Я бы очень просил.

И вот он уже мягко подвел их к сцене, за рояль, пока из-по его пальцев начали рождаться звуки мелодии из мюзикла с мировым именем.

Всё время, пока они исполняли дуэт, Аманда не сводила глаз с Джона, а когда Маргарита продолжила композицией "Il est beau comme le soleil", стоя рядом с обнимающим её мужем — шепотом повторяла за ней слова, и по её щеке скатилась вдруг слеза. Джон окинул взглядом зал, Аманды уже не было — но он мог видеть Даниэлла с доктором, сестру и Рафаэля, Сэма и Кали, Питера и Евангелину.

Чуть поодаль стояли рыжая пара Этьен и Николь и её сестра Мишель вместе с Жозе. В другой стороне — пока еще счастливые Эллен и Максимилиан, еще не догадывающиеся, какую невероятную боль им придется причинить друг другу.

Внезапно свет в зале погас, и раздался оглушительный взрыв.

"Однажды ты станешь таким взрослым, что снова начнешь читать сказки".

Клайв С. Льюис.

— Зеркало-зеркало на стене, покажи Хранителей мне! — Лаурита прикоснулась пальчиком к зеркалу в старинной витой оправе и отошла, присев для удобства в большое кожаное кресло, в котором сидел обычно Ондзи.

И миг панель зеркала стала подобием экрана, в котором девочка могла видеть всё, что происходило на званом вечере японца. Её забавляло ощущение того, что они пока и не догадываются, что она сейчас за ними наблюдает. Всё обычно — чинный вечер, идеальный, на первый взгляд... был бы таким, если бы она не могла прочесть, что творится в душах смертных, что собрались на рауте. Она даже хихикнула, когда платье Мей облили шампанским.

И тут её улыбка растворилась. Боль и ревность разыгрались в ней, когда она увидела ЕГО. Увидела, какими глазами азиат смотрел на златовласую — на неё он никогда так не смотрел. И это больно ранило её. Лаура сжала кулаки, смяв кружева на выглаженной юбке. Он ещё сильно пожалеет о том, что пренебрег ею! Они все пожалеют — ей надоело играть в кошки-мышки.

Она хлопнула в ладоши, и экран погас.

Лаура пошла в свою комнату и вернулась с большой книгой, что возвратила ей малышка Адель.

Нервными шагами пройдя в гостинную, она обернулась к зеркалу и повторила свой вопрос, и когда экран снова загорелся — открыла книгу и подула на страницы, с мстительной ухмылкой наблюдая за взрывом и суматохой в клубе азиата:

— Как вам понравится это? Сказки, конечно — выдумки, но сгинуть в них можно по-настоящему...

Марк очнулся: в голове гудело, а перед глазами всё плыло — как при контузии. Под спиной чувствовалось что-то твердое, нещадно впивающееся в тело. Он попытался опереться на руку, чтобы подняться и оглядеться вокруг — ладонь нащупала мокрую прибрежную гальку. Он попробовал встать, но в голове снова зашумело, и на время пропал слух. Слабые ноги с трудом держали тело в вертикальном положении, а синяки и ссадины неприятно и болезненно пекли. Шаги были неуверенными и давались с трудом по скользкой гальке, его всё ещё шатало. Несколько раз Марк даже умудрился подскользнуться. Он проморгал, пытаясь признать окружающую местность, но всё ещё не понимая, где он находится, и главное — как он сюда попал. А куда подевался его костюм? И почему на нем странная одежда с претензией на средневековье? Он ещё раз снова ощупал себя — ткань

действительно настоящая. Но понимания этот факт не прибавил. Холодный ветер всё норовил спутать его волосы, нещадно трепля их перед самым его лицом. Для полного завершения картины — с тяжелого свинцового неба начали срываться крупные капли холодного дождя, и видневшийся в тумане дальний утес выглядел ещё более зловеще. И только старая полуразбитая лодка покачивалась на волнах близко от берега.

— Есть здесь кто? Ребята, вы где? Это не смешно. Мей? — но ответом ему было только завывание ветра да плеск волн, пушистыми барашками накатывавших на берег, поднимая брызги.

Когда к нему полностью вернулся слух, внимание парня привлек шорох от топота сотни маленьких ножек.

Крысы? Черт возьми, откуда тут взялись крысы? Что здесь вообще происходит? И где это, собственно — здесь?

Но тысячи уставившихся на него злобных глазок-бусинок и оскалы их маленьких острых зубов были вполне реальными, а их пронзительный писк так резал по и без того больным ушам.

Марк рванул к лодке — живое серое море маленьких хищных вредителей последовало за ним.

На ходу он нащупал что-то в кармане старинной куртки, что была на нем вместо его одежды — это была флейта. Что за чертовщина?

Флейта... крысы... да ведь это же, похоже, из детской сказки о Гамельнском крысолове... Но, как? Ладно, это можно оставить на потом, вопросы подождут.

— Хотите поиграть, маленькие мерзавцы? — Марк поднес её к губам, и мелодия, точно сама — начала выводить замысловатую трель, — Как там говорили в одной известной сказке: помирать, так с музыкой?

Животные замерли на месте.

Отогнав лодку подальше от берега — благо, высокий его рост позволял сделать это до достаточной глубины, он запрыгнул в неё.

Крысиная армия остановилась у воды, как бы решая — продолжать свой путь дальше или нет, но сопротивляться звуку мелодии они не могли. Лодка отплывала всё дальше от берега, и живое серое море хлынуло за ней.

Порывы ветра всё усиливались, грозя перевернуть утлое суденышко, а волны покрывали брызгами с ног до головы, но он не переставал играть, захлебываясь в накатывающих волнах...

Придя в себя, юноша с трудом открыл глаза — он лежал на каменном полу в большом темном зале с огромными зеркалами на стенах.

Рядом приходила в себя Мей — на ней были странные доспехи с фамильным гербовым теснением, сильно забрызганные кровью.

Увидев Марка, она кинулась ему на шею:

— Живой! Слава Богу, живой!

Её улыбка, на выпачканном грязью и кровью лице, скорее — пугала, но главным сейчас было то, что они вместе, что они оба живы.

— Ты вся в крови, — он несколько отстранился, высвобождаясь из её объятий, но только с тем, чтобы рассмотреть, нет ли серьезных повреждений, — Ты не ранена?

— Нет, это — кровь монгольских захватчиков, — тихо ответила девушка.

И она поведала Марку, как очнулась посреди поля неведомой битвы, сплошь усеянного

мертвыми телами павших воинов. Вокруг было столько крови, что земля стала вязкой и скользкой, а её резкий запах бил в нос, и казалось, что он вьелся в тебя насовсем, и ни чем уже не вытравить этот смрад.

И только изорванные имперские знамена древнего Китая кольшутся на ветру, да кругом беспорядочно валяются обломки мечей, копий и щитов среди множества изувеченных трупов в боевом облачении...

Последствия взрыва всё ещё продолжали сказываться — в глазах двоилось, голова кружилась и невыносимо болела, девушку чуть не стошнило прямо тут, на пропахшую кровью землю. Она смогла подавить рвотный позыв, но внутренности ещё пекло от не нашедшей выхода желчи.

Мей не понимала, что происходит и где она находится. Земля скользила, и встать было сложно — ноги вязли в жидкой грязи, а рука, то и дело — упиралась в чье-то тело. Девушка кричала и звала на помощь. Ох, лучше бы ей было этого не делать...

— Кто это тут пищит? — словно гора, перед ней вырос огромный варвар в доспехах и в меховой накидке, его меч, омытый в крови, пугающе выделялся на фоне ещё более устрашающего вида его владельца в забрызганной кровью броне. Можно было бы подумать, что тут снимают историческую драму. Честно говоря, Мей так и думала поначалу — ей хотелось так думать.

Она попятилась подальше от незнакомца, пока не споткнулась о чью-то ногу. Господи, да кругом же мертвецы одни! Ну, уж нет! Не собирается она помирать сейчас — одна, не увидев прежде Марка. Когда пальцы её нащупали холодное лезвие чьего-то меча, она уже была полна решимости сражаться за свою жизнь. Пусть пока она научилась управляться только с тренировочными деревянными мечами, и не довелось ей брать в руки фамильного меча — катаны, но приемам владения оружием обучена была, и собиралась продемонстрировать всё свое умение, защищая собственную жизнь.

Этого от маленького хрупкого создания не ожидалось, и на лице варвара отразилось изумление, но оно быстро прошло — он был слишком уверен в своих силах против такого хилого, по его мнению, соперника. И это было его самой большой ошибкой! Ибо одно из главнейших правил воина гласит — никогда нельзя недооценивать противника, это может дорого тебе обойтись.

— Ну, чего трепыхаешься, малыш? — мощным ударом выбив оружие из её рук, он неумолимо приближался, нависнув над ней подобно горе, — Обернись: весь ваш пограничный отряд полег здесь. Не важные из вас защитники вышли. Мне даже напрягаться не придется, чтобы разрубить твое щуплое тело пополам — и не останется ни кого, кто бы мог зажечь сигнальные факелы. Не завидная у тебя судьба, малыш... Сидеть бы тебе при мамкиных юбках, глядишь, может и жив бы остался. И в неволе люди живут, — он откровенно смеялся над ней, но это было уже слишком... Ни что так не ценится человеком, как свобода. Человек рождается свободным, и ни у кого нет власти над другим человеком.

— Это мы ещё посмотрим! — процедила девушка сквозь оглушающую боль, пронзающую из одного виска в другой, — И я тебе — не малыш! Я не должна сдаваться — ради памяти родителей, которые верили в меня, ради любви Марка, который вернул мне силы и веру в себя.

— Что ты там бормочешь, сверчок? Молитвы тебе не помогут, — хохотнул варвар.

— О себе лучше помолись, — молниеносная реакция, и девушка подскочила на ноги, держа в руке подобранный с земли чей-то меч, — Черта с два ты получишь мою жизнь! — её

боевая стойка и дрожащие руки, которыми она старалась удерживать оружие, вызвало только смех противника.

Но уже после первых же выпадов, сопровождающихся звоном скрежывающихся клинков, ему уже было не до смеха — он не мог ожидать, что это маленькое создание будет сражаться с таким мастерством и упорством. Он был силен, но она была проворнее и уклонялась от его атак — её отец, её учитель могли бы гордиться ею, и Марк бы тоже гордился ею... Марк... Она не переставала думать о нем — почему она обязана выжить. И ещё — друзья, которые помогли ей пережить самое тяжелое время и не бросили одну. Она просто обязана выжить — и не иначе, слишком много ей довелось пережить, и слишком мало осталось того, что могло бы её убить.

— Верткий маленький змееныш, — бросил он, видя как до сих пор успешно она избегала его прямых выпадов, лишая его возможности легкой победы.

— Змеи, обычно — больно жалят, — Мей пришлось просто фантастически изловчиться, но она смогла — смогла достать до его горла. И тут же отскочила в сторону, чтобы не быть раздавленной грузным телом варвара, когда он, пошатнувшись и потеряв равновесие, был в секунде от того, чтобы рухнуть на землю, хрипя и истекая кровью.

На звуки борьбы могли явиться его сотоварищи, а с ними со всеми ей точно не справиться.

Нужно было что-то делать. Но, что?

Мей не понимала, почему это ей так важно, но чувствовала, что ей просто необходимо что-то предпринять. Знала, что должна — и всё.

И тут только она поняла, что и на ней — замысловатые старинные доспехи.

Небольшая дверца потайного хода поддавалась, и девушка в темпе поднялась по крутым винтовым ступеням внутренней башни. Она попала в узкий коридор, который освещали несколько горящих факелов по обеим сторонам прохода. Мысленно поблагодарив Небеса за такое сказочное везение, она взяла один из них и проделала обратный путь, освещая себе дорогу наверх.

Этот вражеский отряд был остановлен ценой жизни защитников, но ещё один — стремительно двигался к укреплениям — Мей заметила всадников с возвышения своего участка каменной стены, известной и ныне, как Великая Китайская стена. Их кони поднимали облако темной пыли.

И тут её взгляд привлекла большая чаша с горючей жидкостью — видимо, в ней зажигали сигнальный огонь, а у неё как раз есть ещё не догоревший факел.

И когда она кинула факел в чашу, и пламя вспыхнуло, как олимпийский огонь, а Мей без сил опустилась на пол. И тут же, по цепочке, стали зажигаться огни на следующих участках стены — далеко, куда хватало зрения. Теперь врагу не подступить незамеченным, а народ соберет ополчение в помощь армии.

Потом она уже ничего не помнила, а очнулась уже тут, в зеркальном зале.

— Марк, это было ужасно! Ужасно! — она вцепилась дрожащими пальцами в его промокшую куртку и не отпускала, — Я даже имени не знаю того, кого убила. Ты хоть представляешь, как это?!

— Паршиво, наверное, — с трудом выдавил Марк из, онемевшего от игры на флейте и волнения, горла, потом решил сменить тему и развеселить её, — Слушай, а ты даже говоришь сейчас с китайским акцентом.

— Что, правда? — Мей шмыгнула носом и улыбнулась.

— Нет, шучу, — он погладил её по волосам и тоже улыбнулся, — А ты, вроде как, героиня. Ты спасла Китай.

— Надеюсь, что так, — и от этого его жеста заботы ещё больше захотелось плакать. Если раньше в её голове мелькали порой грешные мысли, что он с ней пытается выбить из себя безответную любовь, но теперь, и она поклялась себе в том, никогда больше её мысли не завернут в эту тупиковую сторону.

Держи меня. Держи, не отпускай.

Ладонь в ладонь, сжимай как можно крепче.

Сначала будет сложно — после легче.

Но ты сплетенье рук не разрывай.

В глазах душа. Перехвати мой взгляд.

Читай в нём мысли, разгадай все тайны,

И взглядом дай понять: МЫ — неслучайны.

Мы суждены друг другу, — говорят.

Без лишних слов. Вся пышность длинных фраз

Нам ни к чему, не делает нас ближе.

— Ты будешь рядом? — спрашиваю тише,

— Всегда! — ты отвечаешь каждый раз

"Придёт день, когда ты поймёшь, что всю Вселенную ты можешь найти внутри себя, и тогда ты станешь волшебником. Став волшебником, ты уже не будешь жить в мире — мир будет жить в тебе."

Дипак Чопра

Евангелина попыталась открыть глаза, но увидела лишь темноту. Её шатало в разные стороны, и она ни как не могла поймать равновесие — это было практически невозможно сделать со связанными руками и завязанными повязкой глазами. От каждого шага кружилась голова, и под босыми ногами, скользящими по мокрой поверхности, всё ходило ходуном, а при попытке пошевелить руками тугая веревка узлами впивалась в запястья, соответственно — не могла она освободиться и от повязки на глазах. И холодные влажные капли, то и дело, попадали на лицо и тело.

И слышались кругом охрипшие пропитые голоса, отпускавшие в её адрес скабрезные замечания, заглушаемые шумом падающей воды. И от этого девушка чувствовала себя абсолютно голой перед ними — хоть, судя по ощущениям, на ней была какая-то сорочка, и сгорала от стыда и желала бы сейчас исчезнуть, радуясь, что не видит сейчас лиц этих грубых мужчин, которым принадлежали эти хриплые, прокуренные и пропитые голоса. Ей было дико страшно — она не понимала, что происходит, где она находится, чего хотят от неё эти люди и как планируют с ней поступить... Ещё страшнее и тоскливее становилось от того, что она могла погибнуть тут — в неведении и одиночестве, не имея сведений о судьбе супруга и друзей. Для человеческой природы нет ничего ужаснее одиночества и неизвестности. Боже, они ведь только недавно стали мужем и женой, ещё не познав в полной мере всех радостей и всех сторон семейной жизни. Неужели, им всем тоже грозит опасность? Где они? Что с ними? Господи, если бы она была уверена, что они в безопасности, то и умирать было бы не так страшно. Хоть какой-нибудь знак, какой-нибудь намек на их судьбу...

— Последний раз спрашиваю, где этот чертов мальчишка? Где Питер? — требовательный вопрос, и кто-то грубо схватил девушку за плечо, подталкивая вперед, от

чего она чуть не свалилась — сама она даже не видела, откуда.

— Питер? Питер здесь? — Ева с силой замотала головой из стороны в сторону, но ничего, конечно же, не увидела из-за плотной повязки на глазах. О том, что происходит, она могла догадываться только по звукам вокруг.

— Надеюсь, что этот трусливый мальчишка явит себя бесстрашному Капитану Крюку, наводящему страх на порты семи морей, чтобы спасти свою "маму", — этот голос звучал громче остальных, от него веяло леденящей уверенностью, от которой мурашки пробежали по коже, — И тогда я убью его.

Неужели пираты? Но ведь Капитан Крюк — это только легенда? Или всё-таки — нет?

— Нет! — у девушки начиналась самая настоящая паника, но она ни чем не могла помочь этому загадочному Питеру, — Питер, нет! Не надо... Уходи, Питер! Они хотят убить тебя! Спасай свою жизнь! — из-под повязки показались два ручейка слез.

Неужели она станет причиной чьей-то смерти? Теперь ей уже отчаянно хотелось верить, что это не её Питер... И всё же — она не предполагала чтобы из-за неё кого-то убивали. Даже если это совершенно незнакомый ей человек, которому она совсем не желала зла — если он был врагом этих грубых людей, пиратов, то правда была на его стороне. Так подсказывало ей сердце.

— Руки прочь от неё! — а в её размышления ворвался такой знакомый голос.

— Ты всё-таки явился, мой злейший враг — Питер Пен?! — рядом послышался довольный возглас.

— Питер? Пен? Развяжите мне глаза, я хочу его видеть! — попросила девушка, но пираты оставались глухими к её просьбам, её лишь только снова резко толкнули в спину:

— Давай, живее шагай по доске, девчонка! Не утонешь, так пойдешь на корм рыбам, а они в этих водах, уж до чего прожорливые твари.

Доска! Вот оно что — в книгах о пиратах, которые она читала в подростковом возрасте, часто упоминался этот зрелищный вид казни. Но за что её хотят казнить? Что она сделала этим людям? Евангелина не понимала этого... Только для того, чтобы выманить парня? Её мужа, черт подери! Как это вообще могло произойти? Как они оказались тут?

— Я же сказал, отпустите её, — снова этот голос... Этот голос! Ошибки здесь быть не могло... Но, Господи, как такое возможно? Питер! Её Питер и есть Питер Пен? Как такое возможно? Это лишь только сказки, не более того...

— И что ты сделаешь, мальчишка? — второй голос смеялся, — Раздвоишься? Сражайся со мной, трус! — потребовал он, и внутри у девушки всё сжалось от страха и холода.

— К вашим услугам, Капитан, — голос Питера был спокоен, как показалось Евангелине, — только после того, как вы отпустите девушку.

Стало быть, он так уверен в своих силах и не боится пиратов? Ах, ну да — это же Питер Пен! Теперь её Питер — бесстрашный мальчишка из сказки, который пожелал остаться вечно юным. А помнил ли он её ещё?

И она сама испугалась этой мысли — её сердце разорвется от боли, если откроется, что он забыл её, что их любви больше нет.

— Я не дурак, Питер, — девушку опять бесцеремонно толкнули, в этот раз она не ощутила опоры под ногами, — Но, ты появился, и заложница мне больше ни к чему, — не успела Ева опомниться, как её легкие начали наполняться водой, она тонула, а со связанными руками она не могла плыть, и ей оставалось только погибнуть. В голове всё путалось — суждено ли ей ещё хоть раз увидеть родителей, которые смогут ли перенести

смерть единственной дочери... Их улыбки, улыбки друзей и любимого Питера...

— НЕТ! — этого крика она уже не слышала, без сознания погружаясь всё глубже в темные воды, — Ты бесчестный пират и негодяй, Крюк!

— Звучит почти как комплимент. И я не могу себе позволить не оправдать твоих ожиданий, Пен, — не слышала рыжеволосая и последовавшего за тем всплеска воды, когда парень кинулся в воду следом за ней, — Не упустите мальчишку!

К своему большому изумлению, Евангелина почувствовала кожей свежий ветер и соленые на вкус брызги на своих губах. Она медленно и осторожно открыла глаза и увидела перед собой мокрое лицо Питера и водную гладь — далеко внизу под ними. Её руки больше не были связаны, как не было и повязки на глазах, и они вдвоем парили в воздухе над водой.

Внизу звучали выстрелы и суетились пираты:

— Стреляйте в них, тупицы! Не дайте Питеру улизнуть! — громче всех кричал высокий темноволосый человек в странном камзоле и крюком вместо кисти левой руки.

— Питер! — девушка обвила слабеющими руками его шею пока не потеряла сознание от переизбытка эмоций.

— Ив! Посмотри на меня! — он легко провел рукой по её рыжим волосам, и их зеленые глаза встретились, — Всё хорошо — на такой высоте их пули не достанут нас. Всё хорошо... — он указал рукой, и проследив взглядом, девушка увидела водопад и вспомнила, что именно его шум заглушал голоса пиратов, которые она пыталась расслышать, — Видишь вон там водопад? Задержи дыхание и сосчитай до двадцати — мы скроемся за ним.

— Питер, ты можешь объяснить, как мы оказались тут? — она смотрела на него и поражалась, до чего же ему идет этот его зеленый костюм, он был прирожденным Питером Пенем, и наверняка — как и множество ребят, с детства знал эту историю.

— Не могу знать, моя панна, — юноша покачал головой, — Закрой глаза и задержи дыхание — водопад заслонит нас и поможет спастись.

И вот они уже оказались в зеркальном зале, где увидели, наконец, знакомые лица Марка и Мей:

— Ребята, с вами всё в порядке? — обеспокоенные состоянием друзей, они подбежали к ним, помогая подняться с холодного пола, не переставая сыпать вопросами, — Вы же промокли до нитки! Где вы были? Что с вами случилось?

— Вы не поверите... — мягко улыбнулся Питер, выкручивая мокрую рубашку — цвета сочной весенней травы с серебряной вышивкой.

Марк рассмеялся, помогая ему:

— Поверьте, мы уже ни чему не удивимся.

Мей в это время помогала Еве выкручивать её старинную сорочку — белую, украшенную ручной вышивкой и кружевом:

— На вас напали крысы? Или вы попали в древний Китай? — высказала предположения азиатка, исходя из пережитого ими опыта.

Питер отрицательно покачал головой:

— О, нет! — он поднялся при помощи Марка, опираясь на его плечо, — Мы еле спаслись от пиратов.

Японка невольно всплеснула руками, округлив глаза:

— Пиратов? Настоящих? Подумать только!

— А где остальные? — Питер вопросительно посмотрел в серые глаза Марка, но тот только развел руками:

— Здесь только мы.

— Плохо дело, — зеленоглазый почесал затылок, оглядываясь вокруг, — Кроме зеркал тут ничего нет...

— Что делать будем? — Питер снова обратился к Марку, — Попробуем их разбить?

Евангелина с недоверием прикоснулась к холодной гладкой поверхности одного из них:

— А это не опасно?

— Стойте! — Мей дернула Марка за рукав и указала в дальний угол, привлекая внимание остальных, — Смотрите, смотрите, что-то движется! Там — в зеркале! — но их и без того озадачила вспышка света от одного из зеркал, после которой в зале к ним присоединились ещё двое.

— Слава Богу, это вы! — сестра Джона кинулась обнимать девушек, удивленно смотря по сторонам, — Но... где мы и как сюда попали?

— Прозвучит весьма странно, но, по всей вероятности — из этих самых зеркал, — на её вопрос ответил Питер.

— А где Джинн? Где Джафар? — Рафаэль почесал ушибленный затылок и попытался встать на ноги.

— Джинн? — в один голос переспросили все четверо, — Куда же это вас занесло?

— Всё это очень, очень странно, — Рафаэль нахмурил свои черные брови, — Но там было действительно опасно, — от одного воспоминания ему сделалось не по себе.

Кто же это так жестоко играет с ними?

Он помнил оглушающий взрыв, и тело будто ошпарили крутым кипятком — а когда открыл глаза, то оказался на холодном каменном полу темной пещеры, где по стенам завораживающе плясали отсветы слабого пламени единственного факела.

— Эй, мальчишка, ты там, что — уснул что ли? — раздался откуда-то сверху требовательный голос, — Шевелись, давай! Дядюшка ждет свой перстень.

Тогда он быстро вскочил на ноги и, взяв в руки факел, принялся изучать содержимое пещеры. И был потрясен количеством и богатством собранных здесь сокровищ со всего света, со всех известных человечеству континентов: из Европы и Азии, из Дальнего и Ближнего Востока, Америки, Африки и даже — Австралии.

И только особняком на отдельном постаменте стояла маленькая резная деревянная шкатулка, крышка которой была приоткрыта, и в ней лежало простое медное кольцо.

— Ну, где ты там, парень? — голос нетерпеливо зазвенел под сводами пещеры, — Давай сюда медное кольцо, да поживее!

Сам не понимая, почему — точно действуя по заранее спланированному сценарию, Рафаэль захватил шкатулку и направился к выходу. Но стоило только ему протянуть её, как жилистая старческая рука со скрюченными пальцами выхватила её, а его самого с неожиданной для пожилого человека силой толкнула назад, пока он кубарем не покатился вниз до самого дна пещеры, на мгновение потеряв сознание. И этого мгновения хватило, чтобы с той стороны выход завалили большим камнем, оставляя его в одиночестве и надвигающейся темноте догорающего факела.

Парень кинулся к выходу и принялся безуспешно колотить по камню и звать на помощь — его ни кто не услышал.

Рафаэль старался не паниковать, но страх настойчиво стучался в сердце.

А факел догорал, и распространяющаяся тьма, крадущимся воров пробиралась в неокрепшее ещё после случившегося сознание, наполняя его первобытным ужасом перед

неизведанным, что таится во мгле.

Нет, так не пойдет! Он уже давно не маленький мальчик, которого можно напугать, рассказав перед сном простую детскую страшилку.

Но что он мог сделать сейчас? И все эти баснословные сокровища со всех концов мира ничего не стоили сейчас — когда речь шла о спасении жизни, они оказались лишь бесполезными побрякушками. Рафаэль устало улыбнулся сам себе — слишком дорого он заплатил за это знание, став причиной смерти собственного отца и чуть не потеряв всю свою семью. И ему предстоит ещё много работы, чтобы вновь заслужить их доверие. Пусть Джон и утверждает, что доверяет ему, но сам Раф так и не смог бы дать однозначного ответа — а доверяет ли он сам себе.

И вот теперь — он может медленно умирать во тьме и одиночестве, не имея даже возможности исповедаться и проститься с близкими.

От безысходности он пнул эту гору золота и самоцветов — она сейчас вызывала у него только раздражение.

И тут к его ногам со звоном выкатилась старая запыленная лампа. Парень осторожно поднял её, сдувая пыль, и принялся протирать рукавом.

Раздался страшный грохот, лампа выпала из его рук, а сам он был сбит с ног обвалившимися со сводов камнями. И сквозь туман, наполнивший помещение, раздался голос такой силы, что закладывало уши:

— Приветствую Тебя, Господин и Повелитель! Джинн, раб Лампы, готов служить Отыскавшему!

Рафаэль поднял глаза и увидел говорящего — крупного чернокожего мужчину в шароварах и чалме красного цвета. В полумраке белки его глаз и его белоснежная улыбка пугали, но юноша постарался взять себя в руки.

— Чего пожелает Отыскавший? Я обязан выполнить три желания Повелителя.

"Нубиец или абиссинец" — решил про себя младший принц.

— Кто кто-вший? — удивленно переспросил он, — И ты — самый настоящий Джинн? — посчитал нужным уточнить Рафаэль.

— Обижает, Повелитель, — собеседник оскорбленно надул губы, — Я две тысячи лет заточен в лампу, но ещё ни кто не усомнился во мне.

— Ну, прости — не каждый день мне приходится иметь дело с джиннами, — принес свои извинения младший принц, ему совсем не хотелось злить джинна — кто знает, на что он способен в гневе.

— Заметно, — темнокожий улыбнулся, и, видимо, принял его извинения.

— И ты можешь вытащить нас отсюда? — с надеждой спросил парень.

— Куда хочет попасть Повелитель? — только и уточнил джинн, похоже было, что для него в самом деле нет ничего невозможного.

— Перенеси меня туда, где сейчас находится Джафар, — нашелся Рафаэль, хотя сомневался, что ему хотелось оказаться именно там, но слова уже слетели с его языка, — Я потребую у него объяснений, за что он бросил меня умирать.

— На это и я отвечу тебе, Повелитель, — чернокожий снова сверкнул белками своих глаз и сощурился, — Пророчеством ему предсказано было, что младший сын плотника Юсуфа — Аладдин — положит конец его власти и освободит народ. Только он мог отыскать сокровищницу легендарных сорока разбойников.

— Но, моё имя — Рафаэль! — возмутился парень, — И отца моего зовут не Юсуф, и

вообще, это всё — сказки.

— Это не сказки, Повелитель, — назидательно поправил его джинн, — Это — легенды. Чувствуешь разницу?

— Хорошо, хорошо, я верю тебе, — вынужден был он согласиться, — А теперь давай выбираться отсюда.

— Как пожелает Отыскавший! — джинн хлопнул своими огромными ладонями и церемонно поклонился, — Слушаюсь и повинуюсь!

И стоило только Рафаэлю моргнуть, как оказался в просторном нарядном коридоре, выполненном в лучших традициях самых роскошных дворцов Альгамбры.

— Ах, это ты! Тот парень, что спас меня на базаре? — едва он успел осмотреться, как на шею ему кинулась девушка, — Ты пришел помочь мне? Мне больше не у кого просить помощи... Я не смогла бросить отца и вернулась.

— Ями?! — узнав, он крепче обнял её, пусть она и принимает его сейчас за другого, но главное, что она жива, что сейчас — рядом с ним, — Что ты здесь делаешь?

— Прошу! У нас мало времени — султан полностью попал под чары визиря Джафара! — девушка продолжала настаивать, схватив за руку и умоляюще глядя на него.

— Вот ты где! — когда появился искавший девушку мужчина, то он уже не выглядел безобидным сгорбленным старцем с посохом в руке, нет, моложе он, конечно не стал, и посох тоже при нем был, но держался строго и подтянуто, и одет был уже не в нищенские лохмотья, а в расшитый парадный камзол, — Думала сбежать от меня, непослушная девчонка? Разве долг дочери не состоит в том, чтобы уважать волю родителя? Султан благословил наш брак, так что лучше тебе смириться, — он попытался схватить девушку за руку, но Рафаэль не дал ему этого сделать, остановив его руку и сурово нахмутив брови:

— Простите, уважаемый, но вы не можете жениться на ней — эта девушка уже моя жена.

— А ты кто такой, что вмешиваешься? — оскалился визирь, отдернув руку, — Ты? Разве ты не должен...

Юноша криво усмехнулся:

— Умереть, хотите сказать? — видимо, он ещё не скоро сможет забыть преследования призраков пещеры, — Ну, извините, что живой, — от вымученной улыбки свело скулы, а внутреннее напряжение нарастало.

— Ничего, сейчас мы исправим это недоразумение, — зловеще пообещал Джафар, и его перекошенное и потемневшее от злобы лицо не предвещало ничего хорошего, — Что ты можешь против Кольца Могущества, мальчишка?

Но тут снова вмешалась девушка:

— Ты запудрил моему отцу мозги, негодяй! — она обвиняющее указала на него пальцем, — Мой отец любит меня и никогда бы не дал своего согласия на мой брак с таким ужасным человеком по доброй воле!

— Это не важно, — покачал головой визирь, улыбаясь, — Главное, он дал его.

Рафаэль первым пришел в себя, не желая испытывать на себе темную магию колдуна, вместе с принцессой пустился по коридору.

— Пожалуйста, помоги мне освободить отца, — принцесса смотрела на него с отчаянной надеждой, — Его держат в тюремной башне. Ковер-самолет нас мигом домчит.

— И вы настолько наивны, что считаете, будто я дам вам уйти? — голос Джафара громыхал повсюду, и дворец вокруг них начал рушиться, им с трудом удавалось

уворачиваться от падающих балок, люстр и оконных проемов, — Этот дворец станет вашей могилой, а на его месте я построю новый, ещё более грандиозный. Вас же со временем — ни кто и не вспомнит.

— Так ты так жаждал могущества? — младший принц серьезно разозлился и был полон решимости, — Ты получишь его сполна!

— Я уже весь трепещу от страха, — расхохотался ему в лицо визирь.

— Джинн, явись! — потребовал юноша.

— Я тут, Повелитель! — огромный джинн появился перед ними.

— Сколько желаний у меня осталось? — не растерявшись от его вида, деловито поинтересовался Рафаэль.

— Два желания, повелитель, — ответил джинн.

— Тогда — слушай меня внимательно: желаю, чтобы джинн лампы стал свободным!

— Но, Повелитель... — начал было слуга лампы, но Рафаэль предупреждающе выставил вперед ладонь:

— Не перебивай меня, пожалуйста, — выразительно посмотрел на него парень, — Желаю, чтобы его место занял визирь Джафар! Ты хотел могущества — получи его, только отныне ты будешь следовать правилам лампы, и быть может, ещё через тысячу лет ты усвоишь урок.

— Да будет так, Повелитель! Я не забуду, что ты для меня сделал, — чернокожий джинн снова хлопнул в ладоши и замер в поклоне, — Слушаюсь и повинуюсь!

И то — истинная правда. Хотите — верьте, а хотите — нет, но всё было именно так. И слово джинна — в том порука.

Когда Рафаэль закончил рассказ об их приключениях, то засияло ещё одно зеркало, и появилась Маргарита: прическа её была растрепана, платье на ней было порвано, а босые ноги изодраны в кровь. Но это ни сколько не уменьшило её радости от встречи с друзьями, и она наконец могла перестать дрожать.

Она поведала им, как очутилась в темном и страшном лесу, как долго бежала из последних сил, словно от этого зависела её жизнь, а ветви то и дел цеплялись за волосы и одежду, хватали за руки и за ноги, точно живые. А она всё продолжала бежать, пока деревья не сменили кустарники, а кустарники — густая мягкая трава на краю утеса высоко над уровнем моря, где она могла дать отдых своим израненным ступням. Могла, но не успела. Только девушка собралась перевести дух, из леса к ней вышла древняя старуха в черном плаще с капюшоном. Пока Маргарита удивленно хлопала глазами, та достала из складок одежды спелое красное яблоко и протянула ей:

— Проголодалась, небось, горемычная, — ласково улыбнулась незнакомка, — Скушай, вот, яблочко.

Разум подсказывал, что не следует ничего брать у незнакомых людей, потому Маргарита покачала головой, вежливо отказавшись.

— Да, бери, не бойся, — старуха чуть ли не насильно пыталась заставить её съесть его.

Когда же девушка снова отказалась, то лицо старухи изменилось, а она сама, будто стала большего размера, продолжая наступать, вынуждая подходить всё ближе к краю утеса:

— Ты съешь его, негодница! Я заставлю тебя! И когда ты умрешь, я смогу вечность любоваться твоим трупом, Белоснежка!

Стоп! Белоснежка? Нет, вы это, что — серьезно? До чего же разыгралось её воображение.

Ну, почему? Так нечестно?! Сказки должны быть милыми и добрыми, а её пытаются убить... За что? Это явно какая-то ошибка!

У девушки оставалось два варианта: либо прыгнуть с утеса, либо применить то, чему учил их на тренировках Джон.

Обманное движение — и ведьма, не удержавшись на скользкой влажной траве, полетела вниз на камни вместе со своим яблоком. Девушка, обессилев, отползла подальше от края, судорожно переводя дыхание, пока не лишилась чувств.

Пришла в себя она уже в зале с зеркалами.

Парни принялись простукивать зеркала, но результат по-прежнему был отрицательным.

Потом одно из дальних зеркал зажглось слабым светом, и Маргарита бросилась к нему. В нем она увидела мужа.

Посреди ледяного интерьера Джон сидел с выражением отрешенности и безразличия. Его, обычно смуглое, лицо — было бледным, губы его — тоже были бледными, волосы и ресницы были покрыты инеем, а в глазах — пустота и холод, за которыми угадывались боль и одиночество.

Что должен был чувствовать сын южного народа с горячей кровью, когда его сердце, его душа и его совесть томятся в ледяных тисках равнодушия и апатии, словно скованные толстым слоем льда бурные воды, стремящиеся прорваться наружу?

— Bravo, мой мальчик! — звонко рассмеялся женский голос, и раздался звук, будто кто-то хлопнул в ладоши, — Далеко пойдешь! Ты идеально решил это уравнение на "всё равно". Из тебя выйдет достойный мой преемник, ты получишь в награду весь мир — и пару коньков в придачу.

— И Герду, — сухо бросил он ледяным голосом с металлическим оттенком.

— Что? Зачем тебе Герда? — в интонации второго голоса чувствовалось замешательство.

— И Герду... — упрямо повторил он без тени каких-либо эмоций в голосе, — Я к ней привык...

— Ах, ну, тогда — это совсем другое дело, — заключил голос с некоторым удовлетворением, — Привычка не вызывает чувств и эмоций — только покой. Покой и ясность морозного дня. Ни любви, ни тревог, ни привязанности. Привычку нельзя полюбить, привычку невозможно ненавидеть. Её не замечаешь. Будет тебе Герда. Я сама её приведу, — оставляя его в холоде и одиночестве.

— На свете быть, на свете быть удобнее двуличным,

А правда что? А правда — миф, пора забыть о ней.

Ты понял, Кей? Ты понял, Кей?

— Мне это безразлично.

— Ты понял правильно меня, ты молодец! О'кей.

— Иметь друзей, иметь друзей старо и неприлично,

— А что друзья? Друзья — ничто. Удобней без друзей.

Ты понял, Кей? Ты понял, Кей?

— Мне это безразлично.

— Ты понял правильно меня, ты молодец! О'кей.

— Когда-нибудь, когда-нибудь — и ум, и опыт личный

Тебе подскажут: надо быть и в чувствах холодней.

Ты понял, Кей? Ты понял, Кей?

— Мне это безразлично.

— Ты понял правильно меня, ты молодец! О'кей.

В.Коростылев

— Я не пушу тебя! — Марк с трудом оттащил от зеркала упирающуюся Маргариту, — Опомнись! Ты чуть жива вернулась и снова идешь туда?

— Но там Жан! Прости, Марк, но сейчас ты мне не указ, — девушка вырвалась из его рук, переводя полный боли взгляд с парня на отражение за стеклом, — Ты не остановишь меня.

— Не мешай ей, — неожиданно поддержала её азиатка, — Если бы на месте Джона была бы я, разве ты сидел бы тут и просто наблюдал? — и на это ему нечего было возразить, — Если кто и сможет его вернуть, то только она.

Маргарита шагнула в зеркало...

Однажды в старой Дании,

По сказочному адресу,

В одном старинном здании

Придумал сказку Андерсен.

И грустную, и дерзкую,

И острую, и нежную,

И взрослую, и детскую -

Про Королеву Снежную.

Принцесса на горошине,

Башмачники и мельники,

Все были огорошены,

Прочтя её немедленно.

И грустную, и дерзкую,

И острую, и нежную,

И взрослую, и детскую -

Про Королеву Снежную.

Прошли века над крышами,

И сказку все усвоили,

Её мы тоже слышали,

Но поняли по-своему.

И грустную, и дерзкую,

И острую, и нежную,

И взрослую, и детскую -

Про Королеву Снежную.

И взрослую, и детскую -

Про Королеву Снежную...

— Мы — за тобой! — друзья хотели последовать за ней, но их голоса только растворились далеким эхом, и Маргарита осталась снова в одиночестве.

За зеркалом оказался лес со скудной растительностью под хмурым серым небом, узкая дорога петляла между холмов, поросших колючими кустарниками и крапивой, и уходила до сверкающего замка на заснеженной вершине горы. Жестокий холодный ветер толкал в спину, но — не помогал идти вперед, а всё время сбивал с ног, Маргарите то и дело приходилось подниматься с земли, отряхивая ладони и юбку и сбитые колени, ойкая от

ожогов крапивой и царапаясь о колючки, но на третий-четвертый раз она уже просто перестала замечать боль и отвлекаться на неё.

И всё вокруг словно было пропитано ядом — не слышно было ни звука: ни зверя, ни птицы, и тишина вокруг стояла пугающе мертвая.

Кроме Маргариты, покинуть зеркальный зал не удалось ни кому — как они ни пытались, как ни старались колотить по зеркалам, ни одно из них не поддавалось, даже слабо светившееся — то, в котором видели Джона, и то погасло. Им же оставалось только гадать о том, что происходило там — за стеклом...

И друзья всё безуспешно пытались пробиться к ней, продолжая колотить по зеркалам.

Только ступив в пространство зазеркалья, Маргарита ощутила пронизывающий холод. Те лохмотья, в которые превратилась её одежда, совершенно не спасали положения. Верхней одежды на ней не было, как и обуви. Девушка сообразила, что это, должно быть, сказка о Снежной Королеве. Тогда всё верно: если она — Герда, то башмачки она отдала реке, а шубку, шапочку и муфту забрала маленькая разбойница. Руки и ноги её были изодраны в кровь колючим терновником и пожжены злой крапивой. От боли и холода хотелось плакать, но слезам невозможно было пролиться, они застывали прямо на щеках. Она крепче сжала зубы и продолжила идти по ледяному полу, оставляя на нем красные следы своих ступней — мороз остужал раны, притупляя боль и облегчая состояние.

Остановилась Маргарита у огромных, в три человеческих роста, ледяных дверей. Дотянувшись до ручки, обхватив её обеими руками и повиснув всем телом, пока та не поддалась — и девушка оказалась в большом зале из ослепительно сверкавшего льда. Зрелище, поражающее воображение: колонны, оконные рамы, даже потолок и люстры были изо льда, всё сияло и переливалось, подобно наполненной доверху шкатулке с драгоценными камнями. Но это был холодный блеск, лишенный жизни.

И тут раздался звонкий смех, подобный перезвону тысячи хрустальных колокольчиков:

— Ну, надо же... А ты упрямая девчонка! Признаться — ты очень удивила меня, что смогла добраться сюда, — Маргарита вертела головой по сторонам, но рядом никого не оказалось...

А голос, тем не менее, продолжал вещать:

— Ты так хочешь видеть его? Ох, ну ты только посмотри на себя — в каком ты виде? Ты же женщина! — произнеся с укоризной, — Он так ждал тебя, а ты хочешь явиться перед ним вот так? Твои волосы ужасны. Твое платье всё грязное и изорвано. Да хоть взгляни на себя в зеркало — на кого ты похожа.

Инстинктивно одернув платье и заправив выбившиеся пряди за ухо, Маргарита потребовала:

— Я хочу увидеть его!

— Конечно, можешь пройти к нему, — милостиво согласился голос, — Ты пришла за ним, и я признаю свое поражение. Только приведи себя прежде в порядок, а то ещё он подумает, что я издевалась над тобой, но ведь это не так?

— Ой, ли! — Маргарита снова принялась осматриваться, даже изучив все люстры и потолок, но по-прежнему не понимала, откуда тот исходил.

Тут прямо перед ней, откуда ни возьмись, появилось отполированное до зеркального блеска, сплошь ледяное — большое зеркало, в котором она видела своё отражение: грязная нищенка в рубище с воспаленными глазами и обветренными губами — и только.

— Ну, посмотри, посмотри на себя — сущая оборванка, — продолжал, не унимаясь,

голос.

— Ой, мамочки! — Маргарита закусил губу, с сожалением снова оглядев себя, — Господи, и правда — ужас, да и только, — принявшись рукавом оттирать грязь с лица.

— Ну, что? Я была не права? — хихикнул голос, — Возьми, хоть снегом лицо протри.

— Что это? — девушка отшатнулась от зеркала, когда вместо её отражения возникла другая — ослепительно белая и сияющая: от чистой бледной кожи и белоснежных волос до роскошного платья в пол с меховой накидкой.

— Не что, а кто, — рассмеялся голос, и белая девушка шагнула из зеркала, и от неё так и веяло ледяным холодом, от чего Маргарита снова ежилась, поправляя порванные рукава своего платья, — Всё вышло именно так, как я и планировала. Теперь можешь убираться, куда хочешь, а со мной пойдет Ледяная Герда. Пошла прочь!

— Т-ты, ты обманула меня! — пораженная девушка отступила, закрыв лицо руками, сдерживая подступившие слезы.

— Обмануть такую наивную дурочку, как ты, не составило особого труда, — заливался смехом голос, и чем дольше девушка слушала, тем он всё больше казался ей каким знакомым, словно подобное уже слышалось ей уже где-то, но механический оттенок всё время мешал распознать его, — Всегда нужно помнить, что в сказках всё может быть совсем не таким, как кажется.

— Я не оставлю его и ни куда без него я не уйду! — Маргарита топнула ножкой, сжала кулачки, и позвала, что было силы, — Жан!

Но ответом ей была тишина, а стоящая рядом леди в белом исчезла — лишь горстка снега осталась на том месте, где она стояла. Ей только показалось или она была так похожа на ту, которая назвалась Аmandой, что так заинтересованно смотрела на Джона на вечере?

Голос равнодушно фыркнул:

— Можешь кричать пока не сорвешь голос, тебя всё равно никто не услышит. Он больше не хочет посадить меня на горячую печь, чтобы я растаяла, — и по помещению прошелся порыв ледяного ветра, заставивший девушку сжаться и зажмуриться, — Да он и не вспомнит тебя. Зачем ему оборванка-Герда, когда у него теперь есть блистательная новая Герда — идеальная и совершенная.

— Врешь ты всё! — не сдержалась Маргарита, и эхо разнесло её крик под высокими сводами, — Жан не такой! Он не купится на холодный фальшивый блеск!

Таинственный голос заходил от смеха, раздаваясь невесомым перезвоном, в то время, как Маргарита сильнее сжимала кулаки от досады и смущения.

— Какой Жан? Не знаю такого... Но, ты можешь спросить у Кая, если он захочет с тобой разговаривать, конечно. Иди и посмотри, как у тебя отнимают дорогого тебе человека, а ты не сможешь ничего предпринять.

— Это мы ещё посмотрим! — словно забыв об усталости и ранах, девушка кинулась искать его, минуя один зал за другим, пока не добралась до винтовой лестницы, уходящей на верхний этаж.

Что-то подсказывало ей, что искать следует именно там. Однако, поднявшись в комнату, она замерла, пораженная: её Джон и девица из зеркала сидели на ледяном полу подле стола с розами в вазе и парой резных стульев рядом — и всё это было сплошь изо льда, даже цветы — без аромата, хоть и походившие внешне на живые, поглощенные составлением ледяной мозаики из сверкающих кусочков льда.

— Ты кто? — Джон поднял голову от своего занятия, смотря взглядом, полным пустоты

и отчужденности.

От неожиданности Маргарита хлопнула глазами и замотала головой, зажмурившись:

— Как это — кто? Это же я! — и слезы боли и обиды наворачивались на глаза, — Ты, что, действительно не помнишь меня? — неужели это тот же человек, чье пылкое сердце не могло оставаться равнодушными ко всему, что происходит вокруг, тот человек, чьи горячие губы и руки страстью и ласками возносили её к запредельным высотам блаженства?

— Уходи, ты нам мешаешь, — он даже голоса не повысил, всё такой же холодный тон, но Маргарита отшатнулась, как от пощечины, — У меня есть уже Герда.

Белая леди провела ладонью по его плечу, посылая Маргарите торжествующий взгляд:

— И я весьма рада этому обстоятельству, — и снова этот тон, механический, бездушный, словно бы записанный на пленку и воспроизводимый магнитофоном или проигрывателем, без эмоций, без индивидуальности. Она сказала, что рада? Да в её интонации не то, что радости, не было вообще ни каких чувств!

— Но, ведь она не настоящая! — Маргарита решительно приблизилась.

Белая леди так же монотонно продолжила, проведя пальцем по его щеке:

— Я абсолютно настоящая и в данных условиях подхожу ему более тебя, а ты — бесполезна.

Маргарита едва не задохнулась от возмущения, убрав её руку с его плеча:

— Ты — всего лишь моё отражение! Кукла! — она повернула его голову, так чтобы он мог лучше разглядеть это лицо: гладкое, белоснежное, лишённое чувств и эмоций, как у статуи из мертвого мрамора, — Бездушная кукла!

— Мне всё равно, — таким был его ответ, сказал, как отрезал, только ей было не всё равно, и сердце разрывалось от боли.

Маргарита схватила его за руку, вырывая из цепких холодных пальчиков, и подняла с пола

— Да, что же они тобой распоряжаются!

— Не трогай меня! — он тут же высвободил свою руку, принявшись растирать её, точно ему на самом деле было больно, — Ты делаешь мне больно! Больно...

Маргарита смотрела на Джона округлившимися от ужаса глазами:

— Тебе больно от простой человеческой теплоты? — она отказывалась верить своим ушам, в такое невозможно было поверить, — Что же они сделали с тобой?

— Мне больно... — повторил он, и только в этот раз в его интонации прозвучали хоть какие-то эмоции, хоть какое-то смятение чувств: значит, они всё-таки ещё остались у него, значит до него ещё есть шанс достучаться, — Это чувство нарушает мой покой...

Но тут снова вмешалась вторая — грациозно поднявшись и не менее грациозно подойдя к нему, она приложила свою холодную руку к тому месту, где до этого прикасалась ладонь Маргариты:

— Дай мне руку, — он вздрогнул, и глаза его расширились, — Теперь не больно? — в ответ он только кивнул головой:

— Теперь не больно, — тихо прошептал, с трудом выдохнув, точно что-то мешало ему свободно дышать, — Теперь хорошо.

— Один поцелуй — и станет совсем хорошо, — белая развернула его лицом к себе, дотронувшись губами до его губ, от чего лицо его снова стало застывшим, — Вот так — гораздо лучше, не правда ли? Больше не буду тебя целовать, а не то зацелую до смерти.

Позвольте, но это уже, право, слишком!

— Ну, всё! Хватит! — только Маргарита намерилась сделать шаг, белая снова встала у неё на пути:

— Отойди от него! — но она уже не вызывала страха, — Ты смущаешь его.

— И не подумаю! — Маргарита отодвинула её, беря мужа за руку, растирая и согревая своим дыханием его замерзшие пальцы, — Жан, Господи, ты весь холодный! Я готова отдать тебе всё своё тепло, — по её щекам текли слезы, от холода она перестала уже что-либо чувствовать, медленно сползая, не в силах даже удержаться за него обмороженными пальцами, — Я... не могу... Неужели всего моего огня не хватит, чтобы согреть тебя? Так не честно... Моих сил не хватает, я замерзаю... — она упала прямо на стол с цветами, и звон снова заставил Джона вздрогнуть.

Из руки, пораненной осколками, капли крови попали на единственный уцелевший цветок — и он прямо на глазах начал оживать, раскрыв алые лепестки и распространяя тонкий аромат.

— Роза? Настоящая живая роза? — Джон замотал головой, усиленно моргая, стараясь сбить с ресниц влагу слез, — Я вспомнил! — и перед глазами пронеслась вся его жизнь: вот он маленький идет за руку с отцом, вот они с Рафаэлем залезли на высокое персиковое дерево в саду, вот он прощается с близкими, собираясь на учебу, вот он радуется рождению Алишера, вот он встретил Маргариту, вот он стоит у могилы отца, и много чего ещё — всё это не приснилось ему, всё было с ним на самом деле. Это всё — его воспоминания, его жизнь, и ни кто не в силах отнять это у него. Семья, друзья... Маргарита!

И когда он бросился к ней, сбив один из стульев, у девушки не оставалось сил даже чтобы обхватить его руками за шею:

— Держись, родная, скоро мы будем дома.

Маргарита в ответ только слабо улыбнулась:

— Жан, ты вернулся!

— Только не рассчитывайте, что вы живыми покинете замок! — пугающий ледяной смех, и в зал ворвался северный ветер, кружа обломками стола и стула, разбивая ледяные стекла в окнах, осколками вонзавшиеся в спину Джона, оставляя на его одежде алые отметины.

— Ты, ты так любишь её, что согласен принять боль? — молчавшая до этого ледяная дева снова подала голос, с интересом и странной теплотой всматриваясь в его глаза, — Это и есть любовь? Когда тебе всё равно, что будет с тобой, но не всё равно, что будет с тем, кто дорог тебе? Хотела бы и я, чтобы меня кто-нибудь так же полюбил, — вместо ответа Джон слабо улыбнулся, — Тогда я хочу сделать что-нибудь для тебя, — она подошла и нежно коснулась его щеки, а на губах её была грустная улыбка, — Я бы хотела ещё раз поцеловать тебя, но это будет уже лишним. Уходи и будь с ней счастлив, — и не верилось в происходящее.

Ледяная дева развернулась, раскинув руки, сдерживая снежную бурю, давая им возможность спастись.

И тут раздался громopodobный обозленный возглас:

— Будь ты проклята, девка! Ты должна была повиноваться мне, но ты пошла против меня! — один, невероятной силы порыв, и Ледяная Герда рассыпалась на сотни сверкающих осколков, закружившись, медленно осевших на пол — вот и всё, что от неё осталось, — Ты предала меня, а я не прощаю предательства!

Обернувшись, Маргарита громко закричала, потом тихо прошептала:

— Жестоко, это было слишком жестоко... — и тут она нащупала что-то в кармане юбки...

Спичка! Единственная маленькая спичка!

Девушка как-то странно улыбнулась, остановившись, и щелкнула пальцами:

— Как легкомысленно было оставлять спичку той, кому подвластен огонь — сейчас здесь станет жарко, и твой замок исчезнет множеством ручейков с живительной водой, что будут питать землю, стекая с вершин, и ты больше не будешь замораживать человеческие сердца.

И когда спичка догорела, опекая державшие её пальцы, Маргарита открыла глаза и снова увидела зеркальный зал.

"Иногда думаешь: все кончено, точка, а на самом деле — это начало. Только другой главы."

Илья Эренбург

Елисей, не унывая,

К ветру кинулся, взывая:

"Ветер, ветер! Ты могуч,

Ты гоняешь стаи туч,

Ты волнуешь сине море,

Всюду веешь на просторе,

Не боишься никого,

Кроме бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видал ли где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених ее" — "Постой, -

Отвечает ветер буйный, -

Там за речкой тихоструйной

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,

Гроб качается хрустальный

На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов

Вкруг того пустого места;

В том гробу твоя невеста".

Александр Пушкин "Сказка о мертвой царевне и семи богатырях"

Только успели Джон вместе с Маргаритой появиться из зазеркалья, радости друзей, взволнованно бросившихся к ним и наперебой задававших вопросы, интересуясь их самочувствием, не было предела.

— Какое счастье, что вы вернулись! — а Джон с Маргаритой не меньше рады были снова видеть родные лица, и пусть не ясно до конца пока, что же произошло, и где они оказались, но они живы, они снова вместе, а значит — всё преодолимо, и это — самое главное.

Маргарита в это время аккуратно вынимала из его спины оставшиеся осколки, и только ощутив под своими ладонями обволакивающее тепло его тела, она наконец смогла

успокоиться. Джон, казалось, не замечал дискомфорта от множественных царапин, багровевших на его спине, всё время смотря на неё, потом обводя взглядом остальных: он правда был рад видеть их целыми и относительно невредимыми, в особенности — свою родную сестру и своего сводного брата — вид у всех был изрядно потрепанный: изорванная, выпачканная, промокшая одежда, по всему телу — синяки и ссадины. Его и самого всё ещё знобило, и голова кружилась и болела.

— Как же я рада, что ты не забыл Солнца свет. Не забыл меня, — Маргарита крепче прижалась к нему.

— Разве можно забыть тебя? Ты — квинтэссенция всего, что мне дорого, всего, что я люблю в этом мире, всего, за что я люблю этот мир. Ты стала частью моей сути. И ты снова вернула мне самого себя. Я не скрываю, что ценю жизнь во всех её проявлениях: я люблю вкус хорошей еды и хорошего вина, женскую красоту и детский смех, звучание приятной музыки и неторопливой беседы, восхищаюсь талантами и природным даром настоящих мастеров человечества. Люблю, когда в доме шумно и много гостей. Следующих гостей, следующей женщины, как и следующей жизни — не будет, мы живем только раз, и этот раз нужно прожить как можно полнее и ярче. Лишившись способности чувствовать и переживать, я и сам точно перестал существовать, растворившись в холодной безучастности, и это убивало меня.

Мне в окошко заглянула Королева снежная. В сердце льдинкой мне кольнула, холодная и нежная. И теперь за мною выбор. Как мне быть и что сказать? То ли жить мне, как все люди, то ли белым снегом стать.

— Я ни кому не отдам твое сердце, — с пылом заверила мужа девушка, — я всегда буду хранить его.

Джон благодарно улыбнулся и поцеловал её в макушку:

— О! Тогда оно, несомненно — в самых надежных руках.

— Ну, вот, — маленькая японка Мей Сакурада торжествующе подняла указательный палец, широко улыбнувшись, — Я же говорила, что только она сумеет! Никогда нельзя недооценивать влюбленную женщину. Тех, кому суждено быть связанными алой нитью судьбы, не разлучить — никому и никогда, даже спустя пятьсот лет и множество перерождений: так говорит восточная мудрость, — и подарила Маргарите теплый взгляд своих карих глаз.

Марк коварно ухмыльнулся, хлопнув мужчину по плечу:

— Отлично! Слышал, Джон — через пять сотен лет я за всё отыграюсь, — он повел бровью, но тут же получил легкий подзатыльник и недовольно поморщился.

— Мечтай, красавчик! — шутливо пригрозил ему Джон, — Я уду ждать.

— Ай! Марго, скажи ему — он ударил меня, — Марк нарочито обиженно скривился, несоизмеримо полученному им незначительному щелчку по его затылку.

— Не ври, это был только легкий подзатыльник, — мужчина свел свои черные брови, с трудом сдерживая улыбку.

Последовавшим смехом они сняли нервное напряжение после пережитого.

— Очень жаль ту девушку, — подавленно обронила Маргарита.

— Это было страшно, — и Джон внезапно напрягся, ему стало резко не по себе, когда он вспомнил, что ледяная Герда так напомнила ему Аманду, которую он знал всего ничего, но что-то внутри упорно говорило, что её ждет трагедия, и он будет тому причиной, — Но... ей мы уже ни чем не поможем, а сейчас нам стоит позаботиться о себе... Где найти бы

ответы на вопросы: где мы находимся и как сюда попали?

Как и все, он помнил только момент взрыва, и на этом внятные воспоминания обрывались, дальше — он будто наблюдал за всем происходящим со стороны, всё понимая, но, не имея возможности самостоятельно реагировать — ужасное состояние, надо признать.

А минуту спустя взгляды всех были уже устремлены к тому из зеркал, откуда появилась пара рыжеволосых родственников Маргариты.

Запах дыма ударил в нос, и Этьен открыл глаза — в окружающем полумраке видел он плохо, но находящуюся рядом сестру разглядеть смог — слава Богу, значит он успел-таки ухватить её за руку, когда раздался взрыв. Но, где же остальные? Есть ли здесь ещё кто-нибудь? И неплохо было бы узнать, где они, собственно. Растолкав девушку, он приложил палец к губам, призывая к тишине. Вместе они молча пытались осмотреться: вокруг было тесное, дурно пахнущее помещение, ограниченное тремя стенами и с четвертой стороны — небольшая дверца с зарешеченным проемом, сквозь который виден был очаг с дымящимся котлом среди обстановки, напоминавшей средневековую инсталляцию.

Послышался скрип половиц, и дверь открыла костлявая рука принадлежавшая страшной сгорбленной грязной старухе.

— Проснулись, голубчики! — то ли проскрипела, то ли прокряхтела она, — Давайте, пошевеливайтесь, цыплятки, бабушка проголодалась. Сегодня у бабушки будет отменное жаркое из молодого и сочного мяса.

— Это она нам? — шепотом робко поинтересовалась Эллен.

— Похоже, что так, — пожал плечами рыжий.

— Ну, так кто из вас будет первым? — слова эти заставили девушку нервно сглотнуть, и парень задвинул её за свою спину.

— Эм, простите, уважаемая, — парень театрально прокашлялся, чтобы придать сил голосу, — вы собираетесь нас, как бы это сказать — съесть?

— Верно, милоч, — довольно крикнула старуха, — И бабушка очень голодна, потому — давайте, живо полезайте в котел!

— Видимо, нам придется смириться со своей судьбой, — сокрушенно заметил парень и незаметно подмигнул сестре, — Только простите нашу некомпетентность, уважаемая, нами ещё не пытались пообедать, так что мы совершенно не знаем, что нужно делать, — для большего эффекта, он соорудил скорбную физиономию, всем своим видом выражая глубочайшее сожаление о своей неосведомленности в данном вопросе.

— А ты, милоч, учеными словами-то не бросайся, я — простая ведьма, университетов не заканчивала, — ведьма сердито сплюнула, — Эх, молодежь пошла, ни чему вас не учат... Ладно, что с вас взять, показываю, — она проковыляла к очагу и подошла совсем близко к котлу, — Эх, будь я помоложе, сама бы вас кинула, да спину ломит уж давно. Давайте, перекидываете сначала одну ногу, потом другую — и ныряете одним махом, смерть мгновенной тогда будет, и мне мороки меньше.

Увлеченная пояснениями, она, видимо, совсем потеряла бдительность, не заперев за собой дверь. Или что — она реально думала, что перед ней пара маленьких детей, перепуганных до смерти, не в состоянии даже помыслить о побеге?

— Вот сама туда и отправляйся, ведьма! — когда она склонилась над котлом, проверяя температуру, парень подтолкнул её, и она свалилась прямоком в кипяток.

От страшного предсмертного вопля ведьмы едва не заложило уши — совсем не тот шелестящий шепот, которым она говорила до этого.

— Всё кончено? Ведьмы больше нет? — сестра подала Этьену тяжелую крышку, и для верности они накрыли ею котел, чтобы та уже точно не смогла выбраться.

— Нам нужно уходить отсюда — мало ли кто ещё может тут оказаться, — убегая, они зацепили кочергу, которая, в свою очередь, подцепила уголек из очага, и дом всполыхнул — на поверку он оказался вовсе не пряничным, а очень даже деревянным.

Горящая балка упала прямо перед их ногами, от чего рыжеволосая девушка испуганно вскрикнула, а потом их окутала темнота и тишина — и открыли глаза они уже на полу зеркального зала, в окружении знакомых лиц.

Марго ещё долго терла глаза, не в силах сдержать слез облегчения.

— Ну, что с тобой такое, малышка? — Этьен дурашливо потрепал её челку — совсем, как в детстве, и это пробудило приятные и теплые, дорогие сердцу воспоминания.

Звуки плавного голоса Эллен и мягкий свет зеленых глаз её брата успокаивали сверх меры разволновавшуюся Маргариту.

— Просто... я очень рада вас видеть, — попыталась улыбнуться маленькая брюнетка, а по её щекам продолжали литься слезы.

Пока парень рассказывал их с сестрой удивительную историю, следующим, кто появился из зазеркального пространства, был Макс — и теперь уже была очередь Эллен кинуться ему на шею.

Максимилиан потер ушибленный затылок и попытался подняться — рука его коснулась чего-то мокрого и холодного, и это оказался снег. Встав, он потянул носом воздух — вследствие определенных особенностей его организма, имевшего способность оборачиваться крупным зверем, нюх его мог улавливать мельчайшие нюансы запахов, и сейчас он отчетливо чувствовал запах снега, крови — и охоты. Где-то рядом должны были быть дикие животные — и словно в подтверждение его догадки, послышался волчий вой и девичий вскрик. Ведомый извечными инстинктами, он добежал до некоторого подобия поляны, где забравшись по ветвям одного из растущих тут деревьев, жалобно всхлипывала рыжеволосая девушка в окружении пяти взрослых волков.

Какого дьявола здесь происходит?! И почему эта девушка так поразительно похожа на Эллен? И что, черт возьми, она вообще тут делает? Словно кто-то намеренно вытянул её образ из его подсознания... Почему? Почему именно она? Почему он не может допустить, чтобы она пострадала? Ладно, сейчас не время размышлять над играми разума — ни один рыжий волос не должен упасть с её головы. Он не допустит этого.

Он издал протяжный рык, оборачиваясь зверем с густой темной шерстью, острыми клыками и глазами, горящими животной яростью.

Когда утолив жажду крови, изнуренный после неравной борьбы, он упал на рыхлый снег, окрашенный его и волчьей кровью, он поднял затуманенные глаза на оцепеневши застывшую перепуганную девушку, всё ещё стыдливо прикрывавшуюся остатками разорванного платья.

Однако, ложная стыдливость была сейчас неуместна, и рыжеволосая достаточно скоро это сообразила и принялась осторожно спускаться с дерева. Спустившись, она медленно подползла к раненому, от вида выпотрошенных туш волков её чуть не стошнило прямо там, на месте, но она сумела взять себя в руки. Раны Максимилиана пекли и горели, и он мог только тихо скулить от боли, истекая кровью. Девушка решительно приблизилась и — окончательно дорвав юбку, оставшись в нижних панталонах, взялась перевязывать его. Предварительно она обтерла места ранений свежим снегом — Макс громко взвыл и

дернулся, чуть не покалечив благодетельницу.

— Не рычи на меня! — прикрикнула на него рыжая, набрав побольше воздуха в грудь и убрав мешавшие пряди от лица, — Постарайся успокоиться, и не будет так больно, — продолжила она уже более ласково, но болезненных процедур на прекратила.

— Если бы ты не убежала... — буркнул Максимилиан и снова дернулся от боли, но в этот раз не так сильно.

— Если бы ты меня не напугал, я бы не убежала, — парировала девушка, потом заметно смягчилась, — Тихо, тихо... сейчас ещё немного пощиплет. Кстати — спасибо, ты спас мне жизнь. Это было опасно, ты ведь мог... Меня бы очень опечалило, если бы ты... Если бы с тобой... — она замолчала, закусив губу.

Он непонимающе уставился на неё и, наконец, решился спросить:

— Почему? — неожиданно голос его дрогнул, словно от ответа зависела его жизнь, а внутри всё сжалось от волнения.

— А ты сам не догадываешься? — после этих слов захотелось прижать её к себе крепче и не отпускать, но он мог только беспомощно позволить ей колдовать над его ранами, и всё равно захотелось улыбнуться этому миру, где и для него нашлось что-то прекрасное.

Он мог только прикрыть глаза, отдаваясь целительным прикосновениям нежных рук — последней его мыслью, прежде чем провалиться в беспамятство было, что даже умри он сейчас, он умрет счастливым.

Но, сегодня не судьба, видно, умереть ему — теплая нежная рука прикоснулась к его руке:

— Макс! Макс, открой глаза! — он послушно выполнил и увидел бледное с веснушками лицо Эллен и большими глазами цвета сочной зеленой травы, — Всё в порядке, тут все свои, — и теперь ему ничего уже не было страшно.

— Эл? — он пока ещё недоверчиво смотрел на неё, проведя рукой по щеке девушки, которая с радостью обняла его, запустив пальцы в его русую шевелюру, а он скрестил руки на её талии, опустив голову ей на плечо, — Ты была там, а теперь ты тут — как такое возможно?

А у неё не находилось объяснений для него. Но Максимилиан был сейчас даже рад, что она не видела его тайну, что не перед ней настоящей он дал выход своей силе оборотня — к такому, как минимум, нужно было девушку подготовить.

Не менее захватывающую историю с участием волков, рассказали друзьям появившиеся следом пара Джастина и Дэн.

Девушка пришла в себя первой — она открыла глаза и увидела над собой мрачное небо, затянутое серыми облаками, меланхолично плывшими в высоком небе над густой листвой. Девушка обнаружила одетой себя в белую блузу, поверх которой был достаточно туго зашнурованный корсет черного цвета, её ноги в высоких черных сапогах были скрыты длинной шерстяной клетчатой юбкой. Самым впечатляющим и запоминающимся в её наряде была, пожалуй — алая накидка с капюшоном.

От всё больше усиливающегося ветра девушка плотнее закуталась, а приближающиеся звуки заставили её прислушаться. А вскоре и появился источник звука — крупный волк, с явным аппетитом рассматривая её, как потенциальный обед и источник питательных веществ для себя.

Притворяться мертвой, как учили детские книжки, было уже поздно, потому Джесс решила применить тактику неожиданного нападения. Швырнув в зверя, что попало под

руку, а это оказалась увесистая плетеная корзина, которую она держала в руках — попав прямо в морду, что несколько уменьшило волчье желание подкрепиться, девушка пустилась бежать так максимально быстро, как вообще была способна, благо всегда отличалась хорошей физической подготовкой. Только бег по университетскому стадиону не сравнить с бегом по лесной чаще с препятствиями в виде цепляющих за ноги петлявших по земле корней, цепляющих за руки, ноги и волосы ветвей, прикрытых прошлогодней листвой оврагов и ям — существенно усложнявших и без того не простую задачу.

Когда она уже почти выдохлась и стала всё чаще спотыкаться, зверь нагнал её — готовый к решающему прыжку, чтобы вонзить острые хищные клыки в горло загнанной жертве.

Не успела отлететь к хмурым небесам последняя молитва с бледных губ, как раздался выстрел — волк дернулся прямо в воздухе, и гулко шмякнулся у ног перепуганной Джастины.

Девушка громко закричала, но появившийся за её спиной юноша зажал ей рот ладонью. Когда же он развернул лицом к себе, то она к своему безграничному счастью узнала в нем своего любимого Дэниэла:

— Джасси? Откуда ты? — спросил он, вешая на плечо ружье, — Как удачно, что у меня оказалось оружие. Классная накидка, кстати — это что, последний писк моды?

— Не смешно, дорогой, — девушка щелкнула его по носу, — И в какую историю мы влипли? Жаль, что от корзины пришлось избавиться — пирожки там пахли вкусно, а я от волнения уже есть хочу, — она опустила глаза и провела ладонями мягкому бархату корсета

— Ну, у нас теперь есть волчья туша, если хочешь, то можем попробовать её освежевать и приготовить, — парень указал на подстреленного им зверя.

— Фу, — поморщилась шатенка, — не настолько я голодна...

— Как скажешь, милая, — рассмеялся блондин, легко соглашаясь с ней, — Тогда будем пытаться выбраться к ближайшему поселению, разузнать про остальных — а там видно будет. Найти бы сейчас хоть простую заправку с ужином и телефонной связью... — он приобнял девушку.

Но тут ветер усилился, относя их в зал с зеркалами.

Винтер открыл глаза и долго смотрел на уходящий ввысь купол готического собора. Сколько много пространства — так и в душе у него зияла огромная пустота. Почему он снова оказался здесь? Почему именно это место и время? Почему именно тогда, когда он потерял всякую веру и надежду, оплакивая жену и дочь? Почему он возвратился именно в этот — самый черный — день в своей судьбе? У него уже не было сил лить слезы... Вместо этого он разгромил алтарь, статуи святых, что стояли в нишах, и лавки для сидения. Собственным клинком он взял содержимое пустул одного из свежих трупов и поранив себя, втер его в свою рану. На несколько дней он заперся в часовне, никого не пуская, страдая лихорадкой и горячечным бредом, и всё призывал смерть, но та как-то не спешила к нему на свидание. Решив, что хозяин повредился рассудком, его покинули и те из не многих слуг, что смогли пережить эпидемию, оставляя его в совершенном одиночестве, и он не мог винить их в том — они имели право искать себе лучшей жизни.

Так почему же сейчас он возвратился к тем временам? Неужели мало ему было пережить эту боль один раз?

В воспаленном мозгу всплывали до боли желанные образы — светлые кудри и серые

глаза любимой жены и улыбка её уменьшенной копии — обожаемой дочери. В те периоды, когда он впадал в забытие, ему казалось, что он наконец отошел в мир иной и встретился с ними на небесах.

Но вместо этого, он очнулся на полу, рядом с молодыми людьми, с которыми был в клубе. Мужчина тяжело поднялся при помощи Максимилиана.

Последними появились сестры-модели Николь и Мишель, которым также довелось пережить удивительное приключение.

Мишель сидела на берегу, погрузив пылающие ноги в прохладную воду. В одной руке она держала большую раковину, в другой её руке — сиял в лунном свете короткий клинок. Девушка с самого раннего детства обожала всё, что было связано с водой и не упускала даже малейшей возможности искупаться в реке, съездить к морю или посмотреть на океан. Она даже была уверена, что понимает язык штормовых волн и безмятежного штиля. Сейчас же — даже волосы её были цвета морской волны. Она осторожно провела по ним рукой, ощутив их мягкость и нежность. Потом девушка посмотрела на кинжал в своей руке и резко закинула его подальше в воду.

Над морем занимался рассвет, и первые лучи утреннего солнца окрашивали морскую пену в сказочный цвет розового жемчуга.

Девушка поднялась и зашла в воду, и чем дальше она заходила, тем легче она становилась, растворяясь и сливаясь с морской пеной, протягивая тонкие полупрозрачные руки к небу, возносясь к невесомым парящим созданиям, таким же полупрозрачным, как и она сама.

— Приветствую тебя среди дочерей воздуха, — одна из таких созданий отделилась от остальных, странным образом напоминая её сестру Николь, — Всюду, где бы мы не находились, мы приносим радость и прохладу в жаркий день, распространяя благоухание цветов и даруя ветер парусам, чтобы моряки быстрее вернулись домой. Идем с нами — и ты познаешь счастье, которого не нашла среди смертных, — и на глазах её выступили слезы...

Девушки ещё долго приходили в себя.

Не появились пока только доктора, белокурой Даниэллы и господина Ондзи.

Златовласая отряхнулась и огляделась по сторонам, отметив, что стоит она на садовой дорожке рядом с большим кустом белоснежных роз с приятным деликатным ароматом.

На ней было платье светло-голубого цвета в викторианском стиле с белыми, накрахмаленными и наглаженными воротником и манжетами с отделкой бедфордским английским кружевом и таким же идеально белым передником, а в золотистых её волосах была шелковая голубая лента под цвет платья, и на ногах были забавные полосатые чулки, каких она в жизни своей не носила. Рядом с ней стояло ведро с красной краской, поперек которого лежала кисть для покраски.

Но тут мимо неё пробежал большой белый кролик с пушистым хвостиком, смешно шевеля усами и длинными бело-розовыми ушами, на бегу доставая из кармана клетчатого жилета, надетого на нем — часы, всё время сокрушенно причитая:

— Опаздываю! Боже, как же я опаздываю! Бедные мои лапки, бедные мои ушки, бедный мой хвостик! Королева велит отрубить мне голову...

Светловолосая проводила его изумленным взглядом: говорящий кролик в жилете с карманами и при часах? Да что тут вообще происходит?!

Грубый толчок в спину не дал девушке насладиться красотой природы, а громкий голос над самым её ухом требовательно произнес:

— Эй, новенькая, как там тебя, Алиса, — она несколько раз повертела головой, прежде чем сообразила, что речь идет о ней, — Давай, помогай, не стой, а то нам так и во век не управится! К цветку — цветок, успеть бы в срок, все розы — и тут, и там, успеть покрасить бы нам! Мы красим розы в красный цвет — у нас другого выхода нет!

Алиса? Ну, надо же! И куда же её угораздило попасть?

Девушка с интересом более внимательно рассмотрела собеседников: на них были странноватого вида куртки, белые в красные сердечки — ну точно ряженые Купидончики на День Святого Валентина, у них даже пики имелись — и тоже с наконечниками в форме сердец.

— А что вы делаете? — любопытствовала Даниэлла, видя как они нервно и торопливо покрывают алым чистые белые лепестки цветов.

— Красим розы в красный цвет, — дрожащим голосом прошептал один из них, — бери, давай, ведро и кисть, поможешь нам, а то не успеем ведь, тогда можешь попрощаться со своей головой.

— Но, зачем вы это делаете? — тихо спросила блондинка, всё больше проникаясь к этим чудакам.

— Видишь ли, Алиса, — доверительно пояснил один из собеседников, — Не сносить нам головы, если Королева узнает, что мы по ошибке посадили белые розы вместо её любимых красных. У нашей королевы крутой нрав — чуть что не по ней — голову с плеч.

— Самодурство какое! — негодующий возглас вырвался у девушки, — Это же неразумно и жестоко! Так не долго и вовсе подданных лишиться.

— Тише, тише ты! — собеседник замахал руками, испуганно тараща на неё глаза, — Нельзя такое вслух здесь говорить — тут у всего есть уши. А прознает Её Величество, не сносить нам всем головы.

Пронзительный женский визг не дал ему договорить:

— Это кто тут позволяет себе обсуждать МОЁ Величество! — крупная дама с пышными формами ткнула пухлым пальцем в грудь Даниэллы, — Отрубить наглецам головы!

Однако же, вопреки всем доводам здравого рассудка, девушка не испугалась, напротив — вид этой чудной дамы с крупными пунцовыми губами и яркими румянами на полных щеках, в цветастом платье с красно-черно-белыми вкраплениями на лифе корсета и необъятной юбке с несколькими подъюбниками, только рассмешило её. Всё это больше походило на театральную постановку или маскарад, и было бы чертовски занятно, если бы эта разряженная, ярко накрашенная женщина в смешном парике не собиралась совершенно серьезно придать их смерти путем отсечения головы.

Алиса? Белый кролик с часами в кармане жилета? Крашенные розы? Любительница рубить с плеча? Ну, конечно же! Златовласая готова была разозлиться на себя за такую постыдную недогадливость — ведь это же та самая Алиса — девочка из волшебной страны чудес, которую знает едва ли не каждый ребенок. И сама Дэни, разумеется, тоже знала эту историю, полную невообразимого волшебства и чудачеств.

Тогда чего ей бояться, если она — отчаянная непоседа Алиса?

— Вы же не настоящие! Всего лишь — колода карт! Что вы можете мне сделать? — девушка заходилась смехом, и стоявшие вокруг неё становились всё более расплывчатыми образами, пока легкий ветерок не подхватил, закружив над её головой колоду игральных карт под одобрительную улыбку — именно, ничего более, кроме этой самой улыбки от её обладателя и не осталось.

С плохо скрываемым, почти детским, любопытством наблюдала за ней в зеркале девочка в нарядном платье с большим бантом в светло-русых волосах:

— Так легко, да? — особое наслаждение Лаурите доставляло наблюдать именно за ней, к которой она испытывала раздирающие, двойкие чувства: с одной стороны Лаура ненавидела её и ревновала, с другой же — не могла не восхищаться её красотой и чистотой, которой сама была лишена, — Ну, ничего, для тебя у меня припасено нечто особенное... — Лаура сильно-сильно сжала пальцы, огромным усилием воли не давая себе разрыдаться. Как бы ей хотелось занять её место... в его сердце... Чтобы он смотрел на неё вот так же — с безграничным обожанием. Хотелось вырасти, повзрослеть и состариться — как это происходит у всех людей... рядом с любимым человеком... познать его любовь, его тепло, его страсть...

И накатила такая волна боли, горечи и безысходности, что казалось, можно было задохнуться.

Лаурита встряхнулась и хлопнула в ладоши — и воздушный вихрь вокруг златовласой закружил сильнее, до крови рая острыми краями карт и переноса девушку в другую реальность.

В каждом из нас есть темная сторона. Некоторые из нас решили принять это, у некоторых не было выбора, остальные же предпочли борьбу. В конце концов, это также естественно, как и дышать. В какой-то момент каждый из нас сталкивается лицом к лицу с правдой — с самим собой.

Пенелопа Гарсиа, сериал "Мыслить как преступник"

Проморгавшись и протерев засыпанные землей глаза, белокурая увидела старинную каменную кладку мрачного холодного коридора, уходящего далеко вперед, по которому девушка кинулась бежать, дергая каждую дверь, которая встречалась ей на пути, но все они оказывались запертыми, кроме самой последней — почти не приметной дверки в крошечную комнату с единственным маленьким круглым окном и единственным стулом возле старинной прялки, покрытых толстым слоем пыли, посередине темного помещения — тут явно давно уже ни кто не бывал.

Точно повинувшись велению некоей неведомой силы, девушку потянуло лучше рассмотреть, что же там такое. Завороженная, шла она мелкими шагами, словно нити древней пряжи были привязаны к её рукам и ногам. Сдув вековую пыль и едва не закашлявшись в поднявшемся дыму, девушка провела рукой сначала по спинке стула, далее — по колесу прялки, и, как водится в волшебных сказках — затем она прикоснулась к веретену, уколола палец и упала без чувств прямо на пыльный пол.

"...Боль скрытая отравляет человека, а вырвавшаяся наружу — отравляет мир..."

Генри Лайон Олди

Ондзи слышал удаляющиеся легкие шаги, и поспешил последовать за звук, но нашел только девушку в бессознательном состоянии, которую отнес в одну из пышно обставленных комнат.

— Ты хотел её? Признайся, хотел? Ты влюбился в неё? Что же, я могу рассказать тебе об этом чувстве много интересного. Оно приносит страдания и разочарование: верные — изменяют и уходят, клянущиеся — преступают клятву, восторженные — разочаровываются, ни что на земле не вечно, люди слабы и легко поддаются соблазнам, и самые близкие могут всадить нож тебе в спину, — Лаурита деловито обошла вокруг ложа и резко развернувшись, встретила взглядом с Ондзи, внутри неё всё клокотало, — Ты и сейчас всё ещё хочешь её?

Посмотри, как она прекрасна — как весна, как сама любовь. Видал ли ты что-нибудь более совершенное? — она указала пальчиком в сторону лежащей на ложе златовласой, в тонкой полупрозрачной батистовой сорочке, с разметавшимися по подушке светлыми волосами, оплетенная молодыми розовыми побегами, — А теперь посмотри на себя: нет, ты подойди к зеркалу и взгляни. Ты же — урод! Вот твоё истинное обличье — твои грехи разъедают твою плоть, каждая загубленная тобой душа, каждое разбитое сердце... Ты уже давно сгнил. Ни кто не в состоянии прожить триста лет — и это твоё проклятие. Красавица и чудовище — ей богу.

Он уже готов был прикинуться поцелуем к бледным холодным губам Даниэллы, но что-то заставило его развернуться. Он мельком увидел свое отражение и оцепенел. Всё ещё не веря своим глазам, он растерянно посмотрел на девочку — Лаура зло ухмыльнулась.

Он провел ладонью по своей щеке, потом долго смотрел на свою ладонь, снова взялся рукой за лицо, и медленно подошел к зеркалу, глядя расширившимися от ужаса глазами: тот кто смотрел на него из отражения не был Танака Ондзи, это был, скорее, полуразложившийся труп с остатками сгнившей плоти на костях. В зияющих ранах, из которых уже даже не сочились ни кровь, ни гной, он видел свою челюсть, кости черепа, видел ключицу и верхние ребра с правой стороны грудной клетки, видел кости на фалангах пальцев руки, которой он держался за ввалившуюся щеку с остатками скуловой кости. Мужчина сделал несколько шагов назад, но споткнулся. Минуту он так и сидел на полу, судорожно дыша. Потом подскочил с места и схватив стоящий рядом стул с мучительным криком швырнул его в зеркало. Господи, как же ему хотелось разнести его на мелкие осколки, но точно насмехаясь над ним, стекло оставалось целым, глядя из него всем его безобразным обликом.

— Не переживай так — таким себя видишь только ты сам, остальные же продолжают видеть в тебе всё того же красавца. Соблазняя, ты играл судьбами и жизнями многих женщин, безжалостно используя их, не давая взамен даже надежды. Ты никогда не видел во мне женщину, а я закрывала глаза на все твои похождения, потому что все они ничего не значили для тебя. Ты их даже не вспомнишь, а между тем — скольких супругов своих любовниц ты довел до разорения? А сколько несчастных женщин покончили с собой, не вынеся позора и страданий разбитого сердца? Это же — совсем иной случай, но я не позволю ей отобрать тебя! И вот тебе моё проклятие: она никогда не полюбит тебя так, как ты этого жаждешь, — вскипела Лаурита, — Она никогда не проснется! Она умрет, так и не очнувшись. А теперь — можешь забирать её себе и делать с ней, что хочешь.

— Ты... ты не можешь так поступить. Что она тебе сделала? — пальцы его тряслись, а голос перешел на шепот, — Нет, я не верю...

— Так попробуй, разбуди её! — вызывающе бросила девочка, схватив его за руку, и потянула назад к кровати с какой-то маниакальной улыбкой на лице.

— Госпожа изволит тупить? — зло процедил он, — Если она умрет, то будет нарушено равновесие, что будет иметь последствия и для нас.

— А мне плевать! — выкрикнула Лаура, сердито топнув ногой, — Я устала! Устала от такой жизни! Это и не жизнь вовсе!

— Госпожа, и правда, устала, — он подошел обнять её, нежно погладил по волосам, — Тебе нужен отдых. Я сам всё закончу.

Девочка исчезла, а он — сплетая между своих пальцев заклинание, послал его в зеркало — и слышался грохот сотни бьющихся зеркал — и границы измерений были стерты.

И хорошо, что друзья собрались в центре зала, иначе их задело бы осколками.

— Дэни! — Маргарита первая заметила и, поднявшись с пола, бросилась к кровати.

Обступив кровать, друзья всячески пытались привести её в чувства — и хлопая по щекам, и растирая виски — но всё тщетно, златовласая не приходила в себя.

— Почему?! ПОЧЕМУ?! — Маргарита всхлипывала, от отчаянья мотая головой, — Почему она? — только сейчас они в полной мере осознали, что могут потерять её по-настоящему, навсегда.

И все их бледные лица выражали страх и растерянность перед тем, с чем они не могли справиться. Впервые они не понимали, что происходит, и что им теперь делать.

— Среди мертвых её нет, — Джон держал девушку за руку, считывая ауру, — она спит.

Я пойду осмотрю и поищу выход.

— Я с тобой, — Марк, сидевший на углу кровати, решительно поднялся.

— Хорошо, — коротко кивнул мужчина, — Пит, а вы охраняйте.

— Я привел его, — послышался сзади голос, и обернувшись, они увидели азиата, поддерживавшего под руки доктора.

В отличии от шахмат, в жизни игра продолжается и после мата

"Айзек Азимов"

Мы знать не знаем и не помним,

Пока не встретимся с бедой,

Что весь наш мир такой огромный

Висит на ниточке одной

Она надеждою зовется

И верить хочется, как верить хочется,

Что эта нить не оборвется

И жизнь не кончится, не кончится

В часы, когда все бесполезно,

И смысла нет на свете жить.

Над черной бездной, жуткой бездной

Нас держит тоненькая нить

Она надеждою зовется

И верить хочется, как верить хочется,

Что эта нить не оборвется

И жизнь не кончится, не кончится

О ней почти не помним летом,

Но стоит вьюге закружить

Не то, что дня без нити этой,

Но и минуты не прожить

Она надеждою зовется

И верить хочется, как верить хочется,

Что эта нить не оборвется

И жизнь не кончится, не кончится

Она надеждою зовется

И верить хочется, как верить хочется,

Что эта нить не оборвется

И жизнь не кончится

И жизнь не кончится

И жизнь не кончится, не кончится,

Не кончится.

Леонид Дербенев к/ф "Не покидай..."

07. Умереть, чтобы выжить

Книга — это зеркало, в котором мы видим то, что несём в душе, вкладывая в чтение разум и душу.

Карлос Руис Сафон.

Лунный свет,

Я за тобой готова последовать вновь!

Дорожки слёз щеки обжигают,

Глаза мои яростью пылают,

Раскаты грома страхи прогоняют,

К любви бессмертной сердце взывает.

Пускай вокруг меня сгустился мрак ночной,

Но знаю точно, что мы, сражаясь, победим.

Прольётся лунный свет!..

Ах, страшно в битве, но страшней -

Потерять того, кто сердцу дорог.

Защиты принцев мы не ждём и не оставим злу

Шансов, чтобы возродиться снова.

Словно звёзды в небе ночном,

Мы сделаем мир немного светлей!

Неприступность только видимость, но -

О счастье мечту лелеем в душе.

Сверкая, словно звёзды, в этом сражении,

Мы прогоняем прочь темноту.

Пусть начнётся сказка здесь и сейчас -

Легенда о чуде вечной любви!

— Танака-сан! — собравшиеся не могли скрыть изумленного выражения своих лиц, пока Джон принимал из его рук друга, — Вы тоже? Вы не знаете, что происходит?

— Сенсею плохо, позаботьтесь о нем, — неопределенно ответил азиат, переключая общее внимание на состояние доктора, — Его чуть не превратили в деревянную марионетку.

Однако, Джону не понравился его тон, да и сам ответ его совершенно не удовлетворил, было стойкое ощущение, что он знает намного больше, чем хочет показать:

— Где вы были? — мужчина нахмурил брови, требовательно глядя на японца, — Где мы находимся сейчас? Вы знаете?

— Давайте отложим объяснения до более подходящего момента?! — вызывающе бросил Ондзи, нетерпеливо сведя брови и сузив глаза, — У меня мало времени, помогите ему. Без него умрет и она.

— Что вы такое говорите? — Джон до реальной дурноты ощутил свою растерянность и беспомощность, и это было мерзкое чувство: происходило что-то страшное и непонятное, а он не мог взять в толк — что именно.

— Стоп! — судя по всему, Марка одолевали схожие чувства, когда он схватил азиата за рукав, заставляя посмотреть себе в глаза, — Тебе что-то известно? Ты в курсе того, что тут творится?

Ондзи раздраженно убрал его руку:

— Это не игра! Моя душа выгорела дотла, но мне посчастливилось узреть свет, — он перевел взгляд на лежащую девушку, и во взгляде этом была такая безграничная тоска, и было столько боли, что Марку стало не по себе, и в душе шевельнулось сочувствие к терзаниям японца, — Она не должна умереть, вы это понимаете?! Я всем рискнул, и слишком многое поставлено на карту — но я бы поступил так снова.

Но времени разводить сантименты не было, нужно было что-то решать — и как можно скорее.

— Объяснись! Я считал тебя другом, — Марк резко встряхнул азиата, — мы все считали тебя своим другом...

— Не о том думаешь, парень! — назидательно осадил его Ондзи, от чего юноша непроизвольно дернулся, — Сейчас не место и не время...

— Скажи тогда, о чем же мне думать? — тот же быстро нашелся, чем парировать, — У нас двое в критическом состоянии, а ты о чем-то умалчиваешь!

К его возмущению присоединился и Джон:

— Да не молчите же! — мужчина развернул к нему свое напряженное лицо, — Говорите, что вам известно обо всём этом?

— Не уверен, что могу... — Танака-сан покачал головой.

Маргарита слушала мужчин, пытаясь вникнуть в смысл разговора и постичь происходящее, но разум её был с лежащей без сознания рядом подругой, всё время отвлекаясь, чтобы проверить пульс и дыхание златовласой.

— Я услышала достаточно! — азиату не дал договорить такой знакомый голос, заставивший вздрогнуть, и табунами по коже пробежали мурашки, — Ты предал меня! Неужели я мало для тебя сделала и мало тебе дала?! Ты забыл, чем обязан мне? Кем бы ты был без меня?! А ты — ответил мне черной неблагодарностью. Только я хочу сказать тебе, что так поступать со мной позволительно лишь один раз. Повторения подобного не допущу! И ты будешь примерно наказан за свое неповиновение! — для полного счастья сейчас им не хватало только общества Лауриты, а слышимый ими голос, без сомнения, принадлежал именно этой вредной демонессе в теле ребенка.

— Прости, госпожа, но ты не права... — Ондзи попытался возразить, но рассерженная девочка его бессовестно перебила:

— Ты уже всё сказал, что хотел, — она сорвалась, повысив голос до визгливых ноток, — А сейчас ты возвращаешься! И смертный доктор тоже мне нужен.

Азиат схватился руками за голову, мышцы на его лице болезненно напряглись, на вспотевшем лбу вздулись вены, а пальцы свело спазмом и судорогой, и тело простреливало противной дрожью.

Крики обезумевшего от боли азиата наводили ужас, вселяя ещё больше страха в сердца и умы молодых людей — пока децибелы его отчаянных мучительных криков не стихли, когда он исчез просто у них на глазах, окончательно шокировав и без того до смерти перепуганных подростков.

Однако же, юной злодейке и этого показалось мало — вместе с одним азиатом исчез и второй, и Джон успел только обалдело моргнуть, глядя на свои пустые руки, смачно выругавшись и даже не покраснев при этом.

— В моих сказках вы не будете жить долго и счастливо, — напутствовала она оставшихся, заливаясь звонким смехом в то время как остальным было не до смеха, и при одной только мысли о том, что их близкая подруга, да и просто хороший человек,

находилась при смерти, и это настолько подавляло, что слезы бессилия наворачивались на глаза.

— Дэни! — Маргарита трясла девушку за плечи и рыдала, отказываясь верить происходящему, — Открой глаза, очнись! Не оставляй нас! Ты же мне как сестра, вернись к нам, очень тебя прошу! Она забрала Джека! Ты же всегда была боевой девчонкой, подруга, ты же не позволишь Лауре победить? Неужели в этом мире больше не осталось справедливости? — отметив, что дыхание её становится всё более сбивчивым, девушка задыхалась — и она, как сидящая ближе всех, принялась за реанимационные мероприятия, не оставляя надежды вернуть подругу к жизни. Она склонилась над ней, проводя искусственное дыхание, вспоминая всё, чему учил её доктор, взяла на себя руководство сидящим рядом Питером в проведении непрямого массажа сердца, посчитав, что тут предпочтительнее будет сила мужских рук. И слеза её упала на щеку её златовласой подруги.

Даниэлла поморщила нос, ресницы её дрогнули, и белокурая открыла свои голубые глаза.

— Что со мной было? — девушка перевела взгляд со своей постели на изумленные лица друзей, — Почему вы все так смотрите на меня? Где мы?

— Дэнии-и-и! — брюнетка обхватила трясущимися руками её шею, заливая слезами одежду златовласой.

— Дорогая, прошу, ослабь свои царственные объятия, пока серьезно меня не задушила, — мягко улыбнулась златовласая.

— Мы так испугались за тебя, — хлюпая носом, выдавила из себя Марго, уткнувшись носом в рукав одежды подруги, — Потерять тебя, это — всё равно, что лишиться части самой себя.

— Мой прекрасный маленький принц! — Даниэлла поцеловала Маргариту в макушку, — Кстати, о принцах — ни кто не видел доктора? Во всем этом безумии мне его особенно не хватало.

Но насладиться счастливым воссоединением им было не суждено — в зал влетел ураган из лепестков черных роз, подхвативший оставшиеся на полу осколки, и всё это сопровождалось страшным шумом. Как оказалось, это почти театральное действие предвещало появление Ондзи в том вихре розовых лепестков во всем великолепии и всём уродстве своего демонического облика — макияжем, одеждой и всем своим видом больше походившего на представителя рок-элиты, исполняющих баллады в стиле "хеви-металл". И в огромных черных крыльях с гладким опереньем, что были за его спиной, явственно угадывался образ такого себе падшего ангела. Он оставался слугой своей госпожи, которая сейчас пребывала в крайней степени бешенства, и вынужден был подчиняться и исполнять приказы своей создательницы и повелительницы — и можно было только догадываться, что она потребовала от него. Она не могла бы придумать ему наказание страшнее, чем вынудить своими собственными руками уничтожить ту, что стала для него светом. С самого начала всё это завертелось, как импульсивный поступок капризного и ревнивого ребенка — схватить первое, что попало под руку, чтобы разбить чужое счастье. А попалась ей под руку зачарованная книга волшебных сказок, но всё пошло не так, как она спланировала... И вместе с этим она потеряла контроль и над собой... Несмотря на прожитые ею шесть столетий, Лаура оставалась всё таким же избалованным ребенком. Всю свою боль, всё свое отчаяние она пропустила через своих слуг, пробуждая в них самые темные начала и инстинкты.

Глаза азиата горели, не нашедшими выход, болью и разочарованием:

— За что вы сражаетесь, глупцы? В этом мире не осталось ничего, за что стоило бы умереть. Мир поглотит тьма. Человечество ничего не сделало, чтобы спасти себя. Человек — самое кровожадное существо на земле. Мира коснулась скверна, он погряз во лжи и насилии. Что вам род людской? Будь трижды гений — им нельзя помочь. Своими грехами человечество заслужило самой страшной кары. И вы меня не остановите — горстка жалких наивных глупцов!

На него смотрели несколько пар глаз, не веря тому, что видят — тому, что он мог предать их...

— Ондзи, да кем ты себя возомнил? Богом, что ли? Это звание ещё нужно заслужить, — первым от шока пришел в себя Джон, — И не ровняй всех по себе. Не ты им судьёй будешь. Кого тут жалко, так это тебя — потерявшего веру в людей, забывшего о дружбе и любви. Наши сердца связаны верой, верой и надеждой на светлое будущее для всех и каждого. Мы любим этот мир и людей, которые в нём живут. Силой, дарованной нам Небесами, мы не дадим уничтожить его. Сначала тебе нужно будет пройти через нас.

Японец сплюнул зло:

— В таком случае — я пройду по вам, чтоб и не сомневались! Мои демоны уничтожат вас. Эй, Винтер, играй на своей скрипке громче, чтобы я их не слышал!

Зал заполнили множество безликих демонических субстанций, а рядом с Ондзи по обе стороны от него появились его помощники, исчезновения которых в суматохе, когда все были заняты приведением в чувства златовласой.

Сдавленный крик вырвался из груди рыжеволосой Эллен, когда она узрела истинный облик Максимилиана — того, кому она отдала свое сердце и свое тело.

Глядя на бледное лицо кузины, Маргарита крепче сжала её руку, призывая всю силу своей магии, являя Солнечную леди.

В стремлении защитить свои жизни и свои убеждения, её примеру последовали остальные.

— Я не хочу сражаться, — Маргарита отчаянно замотала головой, опустив меч, — Открой свои глаза и своё сердце. Наши мечты прекрасны и бесконечны, а в мире столько удивительного... На этой земле живут дорогие нам люди. И я намерена не дать тебе всё это уничтожить — даже если мне придется выступить против всей твоей мощи. Мы несем ответственность за тот мир, который оставим нашим детям, — лишь став сама матерью, Маргарита могла в полной мере понять смысл этой фразы, — Не вынуждай нас сражаться с тобой. Вспомни, каким другом ты был нам! Как в одном человеке могут сочетаться любовь и жажда разрушения? Тебе придется сделать выбор, — и только учащенное дыхание выдавало степень взволнованности Джона, он смотрел на Маргариту и понимал, что она далеко не наивная дурочка, как могло показаться, и только таким, как она, дано достучаться до людских сердец. Только Танака Ондзи перестал уже быть человеком...

В общем-то, и Марк, и Джон могли понять его чувства — слишком сильная любовь так ранит и обжигает, а осознавать, что твои чувства остались без ответа очень больно, но это не давало ни какого морального права играть их жизнями и судьбами.

— Посмотри! Посмотри на меня хорошенько, — азиат ткнул пальцем в свое обезображенное лицо, прохрипев с надрывом, — Вот я настоящий — вы всё ещё хотите считать меня своим другом?

— Если бы ты не предал нас, — маленькая брюнетка покачала головой, понимая всё

отчаяние, что разрывало его сейчас, — Но, я до сих пор хочу верить, что ты остался нашим другом.

— Давайте успокоимся и поговорим цивилизованно, — подал голос рыжий брат Эллен, — Чего ты хочешь на самом деле? — сил ему придавало присутствие Николь, к которой он испытывал особые чувства. Девушка вместе со своей сестрой уже готовы были раскрыться перед остальными и показать свои силы, если уже всё зашло настолько далеко, и приходится защищать собственные жизни и жизни тех, кто дорог.

— Ни кто не сможет дать мне того, что я хочу, — беззвучно произнес Ондзи одними губами, обращаясь больше к самому себе.

Маргарита шла и, кажется, даже не замечала демонов, вяло отмахиваясь от их атак. Падая и каждый раз вставая. На её теле не было живого места — из многочисленных ран сочилась кровь. Странно, но Марго не чувствовала боли — она сосредоточила всё своё внимание на Ондзи, на том, что она должна сделать. Лишь как заклятие повторяла, чтобы он прекратил, чтобы отозвал демонов. Мысли путались, слёзы душили и жгли щёки. Голова была как в тумане. Шатающейся походкой она подошла к парню. Её глаза были влажными, она плохо видела, но отчётливо чувствовала его присутствие:

— Прошу, Ондзи, прекрати. Останови это безумие. Позволь помочь тебе принять и полюбить этот мир, как любим его мы. Позволь свету внутри тебя сокрушить тьму.

Он свёл брови, потом лицо его приняло задумчивое выражение:

— Подойди, дитя, — с добродушной улыбкой мужчина протянул ей руку.

Глаза Маргариты засияли, она подошла. Спустя мгновение её глаза широко раскрылись, в горле застрял немой крик, тело дернулось и обмякло. Азиат извлек окровавленный меч из тела девушки:

— Идиотка! Безнадёжно глупая идиотка!

Превозмогая нечеловеческую боль, девушка крепко сжала его руку, он же со всего размаха рубанул мечом по её шее, чуть не снеся голову с плеч — и кровь хлынула из рассеченного горла на её алые одежды.

Меч Маргариты со звоном упал на землю.

Ондзи закричал. Сильно закричал и начал медленно оседать вместе с умирающей девушкой:

— Убить! Всех уничтожить! ВСЕХ!!!

Даниэлла бросилась к подруге.

— Сила исцеления! Сила исцеления! СИЛА ИСЦЕЛЕНИЯ!!! Давай же, вставай маленькое Высочество! — напрасно златовласая в иступлении надрывала горло, колотя кулаками по полу.

Но чудо не произошло...

На мгновение сражение шокировано замерло.

Тело Маргариты окутало нежное розовое сияние, и она исчезла звёздной пылью, растворившись тысячей маленьких звёздочек. Она даже не успела попрощаться с родителями, с дочерьми и Джоном — до самого последнего она верила, что можно ещё всё исправить.

Ондзи посмотрел на Даниэллу — в её глазах он увидел и боль, и гнев, и отчаяние. В них он прочёл смертный приговор.

В это мгновение обернулся Джон, глядя обездуманными глазами на исчезающее сверкающее розовое облачко. Он понял всё без слов. И острая боль опекла грудь, парализуя

дыхание, он не мог сделать ни вдоха, ни выдоха, и взгляд заволокло мутной пеленой. В это с трудом верилось, он не хотел этому верить, и, отрицая кошмарную реальность, разум затопила горячая лавина чувственных воспоминаний, вызывая неприятную резь в глазах от подступивших слез. Ему жестоко и безжалостно вырвали из груди сердце, оставив кровоточащую рану. И задышался он, как в душной пустыне, и с каждым вдохом опекало все внутренности. Как будто мало испытаний им уже пришлось вынести.

Сквозь самую гущу сражения, не чувствуя боли и усталости, не слыша шума битвы и не замечая ничего вокруг, пробивая себе дорогу мечом, приближался он к страшному месту. Но, раньше него, там оказался Марк. Ему на сердце было тяжелее всего, но он уже привык сдерживать свои эмоции и страдать молча:

— Да что ж ты за тварь такая? Она хотела лишь помочь тебе — потому что любила как друга, как одного из нас, — гнев успел высушить его слёзы, не дав им пролиться.

— Ну всё, Ондзи — ты труп! — парень сначала не узнал голос Джона, до того он был хриплым и надрывным, — Этот долг я выплачу сполна.

Азиат немного отступил:

— Я не хотел... Она сама... виновата... — в его голосе действительно слышались страх и сожаление, или Джону просто хотелось верить, что её смерть не была напрасной, и в темной душе что-то шевельнулось, похожее на раскаяние?

— Заткнись! — невыносимо было слышать, мыслить, существовать.

— И кто же меня остановит? Ты, что ли? Щенок без роду без племени. Или эти клоуны? — Джон разочарованно понял, что ошибся, и никакого раскаяния не было.

Тут Джон услышал прямо над ухом голос Марка:

— Остынь. Ты с ума сошёл? Хочешь детей круглыми сиротами оставить? Думаешь, Марго похвалила бы тебя за это?

— Это мой бой! — прохрипел Джон, но умом понимал разумность доводов Марка — он не имеет морального права пренебрегать собственной жизнью сейчас, особенно сейчас, ради детей, ради памяти Маргариты он не должен рисковать бездумно, просто ради свершения мести.

— Хорошо, давай по-честному, — Марк подкинул невесть откуда взявшуюся монетку, — Орёл или решка?

— Решка, — рывкнул Красный, совершенно не заботясь сейчас о манерах.

— Прости, друг — право первого поединка за мной, — юноша отбросил монетку, а Джон выругался трёхэтажным матом.

Марку и самому в голову не приходило ничего, кроме мата — снова на его глазах гибнут те, кто дорог ему, и снова он не сумел защитить... Не успел... Это неправильно, так не должно быть. Неужели они обречены снова и снова проживать этот кошмарный сценарий? Правда в этот раз у него остается любовь Мей, забота отца и Александры и преданность друзей. Он кинул быстрый взгляд в сторону Мей, преобразившейся в белое погребальное кимоно, с ярким впечатляющим макияжем японской гейши и длинными ногтями на руках, больше напоминающими когти — и уверенно подмигнув, губами произнес "люблю", а её сердце забилося сильнее и быстрее.

Ондзи улыбнулся:

— Зря ты так, Шнайдер. Ты мог бы стать одним из моих лучших людей. Зная мою слабость к мальчикам твоего сорта... Мы бы хорошо сработались. Ты ведь сам был когда-то одним из нас.

— Моё имя Марк, — спокойно заметил юноша.

— Верный пёс решил показать свою преданность. Кому? Зачем? Гореть тебе в аду, как бы ты не старался замолить свои грехи, — поинтересовался Ондзи с кривой ухмылкой.

— Тогда встретимся там — мы будем жариться на соседних сковородках, — и Марк не скрывал своего отвращения.

— А я как чувствовала, что пацифизм Маргариты добром не кончится. Ну зачем я ей позволила? Я не успела исцелить её, — Даниэлла обреченно посмотрела на Джона.

— Дэни... Сейчас не время корить себя. Я тоже хорош — что я за бог такой, если не смог близкого мне человека от смерти уберечь? — им обоим было больно смотреть в глаза друг другу.

А через мгновение взгляды всех присутствующих были устремлены к сражающимся Ондзи и Марку.

Марк владел мечом, словно виртуоз — можно было любоваться и любоваться, не отрывая глаз. Быстротой и ловкостью он напоминал сейчас искусного танцора, исполняющего свою самую главную партию. Ондзи в полном сознании своего преимущества и не менее ловкий, чем его противник, парировал с удивительной точностью. Он нанёс три удара, и кровь потекла из трёх ран на груди юноши, но тот не обратил даже внимания.

Следующий удар они нанесли одновременно. У парня была пронзена грудь — меч проколол лёгкое, у японца — задета шея. Марк закашлялся, и кровь потекла изо рта по подбородку, на мгновение он открылся, чем не замедлил воспользоваться Ондзи, вторично вонзив ему в грудь меч — острый клинок вошёл прямо в сердце.

— Ты меня разочаровал, Шнайдер, — театрально вздохнул он, исчезая в клубе тумана, — честное слово, у меня были на твой счёт большие планы.

Но парню было наплевать на планы азиата — в голове звучала та самая песня, которой научила его Мей, а на ресницах блеснула слеза — как много он ещё хотел успеть, но не смог... Не успел даже прошептать последнее "прости"... Неужто, ему не суждено отметить свой девятнадцатый день рождения, до которого оставалось совсем чуть-чуть? Почему же именно в такие моменты так остро ощущается желание жить?

Позволь же провести вместе Weekend.

Пошли нам, Бог, настоящий Happy-end!

Неважно, в прошлом, в будущем иль ныне -

Любить тебя буду я всегда.

Мне не забыть твой нежный взгляд, когда судьба

Вдвоем в счастливый день нас свела.

На небе столько звездочек сверкает, но среди них я тебя найду.

И замирая в сладком ожидании, свою судьбу благословлю!

Одной землей мы рождены с тобою. Незабываемый романс.

Тебе я верю каждый раз, забываемый романс!

А жизнь не кончится завтра

Она у нас будет длинной...

Но ты успеешь все сказать мне

Пока мы молоды... Пока мы любимы...

И ты не бойся быть слабой

А я с тобой буду сильным

Ведь жизнь не кончится завтра...

Пока мы молоды.... Пока мы любимы...

Несколько энергетических шаров полетели в сторону Джона. Путь им преградила Мей — девушку высоко подбросило и с силой ударило о землю. Упала она уже мёртвой, но на губах застыла улыбка. Последней её мыслью было, что умирать не так уже и страшно, если по ту сторону её будет ждать Марк. А ещё — папа с мамой и маленьким братом — по которым она до сих пор чувствовала болезненную тоску. Если бы тогда она не встретила Марка, за любовь которого цеплялась, как за спасительную соломинку — то, почему сейчас ей так хотелось жить, как никогда еще до этого. И откуда в мире такая чудовищная несправедливость по отношению к таким светлым людям? Почему они должны страдать и умирать за свои убеждения? Она уже перестала ревновать Марка к этой хрупкой миниатюрной француженке, проникаясь к ней уважением и восхищением, и стараясь брать с неё пример. Но этот безрассудный поступок Маргариты показал, насколько сильны её сила духа, её убеждения и её вера в близких. Это и ей придало мужества совершить то, что она совершила — в последнем благодарственном порыве встать на пути смертельной опасности, что угрожала тому мужчине, который так много для неё сделал. Она это сделала также в дань уважения Маргарите — ради её детей, которые оставшись без матери, не должны ещё лишиться и отца. И для Марка тоже — если он не побоялся отдать свою жизнь ради чего-то важного, то и ей самой нечего страшиться. Он верил в то, что делал, а она — верит в него. Возможно, всё даже к лучшему, что она так скоро последует за ним — долгой разлуки она бы не вынесла. От неё уже ушли самые дорогие ей люди, оставив её одну в этом огромном мире — ещё раз подобного ей не пережить.

Джон последний раз прижал приемную дочь к груди. У него на руках маленькая японка превратилась в звездную пыль.

Слёз уже не было, но его чёрные кудри стали пепельно-серыми. Вдруг он и сам побледнел. Схватившись за левую половину груди, он стоял, оперевшись на свой меч.

Сделав несколько глубоких вдохов, он позвал Ондзи:

— Думаешь, ты крутой? Да? Может, померяешься силами с кем-нибудь равным?

— Вроде тебя? — улыбнулся тот, появившись, словно ниоткуда.

— Не обольщайся, — Джон свел брови, пытаясь принять боевую стойку, — моё состояние не облегчит твоей участи. Ты уничтожил всё, что я любил, всё, чем я дорожил в этом мире. Ты ещё не знаешь, на что способен человек в борьбе за будущее и за тех, кто дорог — за жизнь. Пока мы дышим, будем сражаться так, как ещё никто и никогда не сражался. Если мне и суждено умереть сегодня, то это будет только честью для меня.

Они уже потеряли счёт времени — сражение обоих вымотало...

Сражаться Джону было всё тяжелее — сердце не переставало болеть, дышать становилось труднее. Вдруг всё поплыло перед глазами, он чуть не упал. Ондзи только этого и ждал:

— По нраву ли тебе, княже, будет сей венец? Жаль, но твои прекрасные глаза скоро закроются навсегда.

Кусты колючего тёрна, выросшие в том месте, где стоял Джон, начали оплетать руки и ноги, впиваясь в тело.

— Ну вот, птичка и попалась, а теперь мы её поджарим, — хихикнул азиат, манерно захлопав ресницами для большего эффекта.

И куст запылал.

— Проклятье, — Джон собрал последние силы, — Марго! Я всё выдержу, только дай

мне сил, прошу тебя! Учти, Ондзи — я возьму тебя с собой.

— Джон, нет! Остановись! — Даниэлла кричала, что было сил, но он её не слышал или делал вид, что не слышит, — Тебе не хвати сил... Ты ослаб...

— Данька, уйди, — процедил Джон сквозь зубы и направил мощный столб огня в сторону Ондзи, — Огненный смерч! ПЛАМЯ СМЕРТИ!!! — по щекам парня текли слёзы, — Марго, благо...

— НЕ-ЕТ!!! — Даниэлла не хотела этого видеть, не хотела видеть, как уходят те, кто был ей дорог...

В это же время Этьен расколол землю под ногами Ондзи. Но ни одна атака последнего даже не задела.

Когда дым развеялся Ондзи живой и невредимый парил в воздухе. Джон же лежал на земле, от его обожжённого тела шёл дым.

У Даниэллы руки сами сжались в кулаки.

— Так мы летать умеем? — Питер использовал левитацию и попытался атаковать, но Ондзи послал энергетическую ауру и Пита отбросило прямо на появившееся в воздухе копье. Страшен был крик Евы. Даниэлле словно прошибло током.

— Макс, только не говори мне, что ты тоже с ним! Это ведь шутка, да? Скажи, скажи, что это не так — даже если придется солгать мне. Солги, если нужно — иначе я просто сойду с ума от правды... — рыжеволосая Эллен не хотела верить в реальность происходящего — как она может сражаться против того, кого любила?

Шокирующий пример Ондзи лишил её надежды. Но она продолжала посылать воздушные атаки, не позволяя Максимилиану приблизиться к себе. Ну, почему он выбрал своим противником её, когда вокруг хватало оппонентов? Конечно же, в силе и выносливости сублинная девушка проигрывала мужчине, боясь, к тому же, причинить ему серьезный вред. А вот он, кажется, не заботился подобными вопросами. Глаза его были глазами дикого зверя — в них не осталось ничего от человека. Когда его большие руки, которые умели так ласкать, сомкнулись у неё на шее, она начала хрипеть и задыхаться. Дрожащими пальцами она нащупала на поясе маленькие ножны с коротким кинжалом. Неожиданно, мужчина перехватил её руку с кинжалом и направил в свою грудь, а у неё не осталось сил даже чтобы закричать от ужаса, когда клинок входил в его тело...сил жить тоже не осталось...Она закрыла глаза и слышала его тихое "спасибо, спасибо за всё... только благодаря тебе я смог не переступить черты и остаться собой — прости, что вот так... "

Они продолжали уходить — один за другим, пока не осталось ни кого.

Даниэлла в ужасе осмотрела поле боя — все близкие ей люди пали в бою став звёздной пылью.

Она осталась одна. Совсем одна...

Крик вырвался из её горла...

— Ондзи, я ненавижу тебя всем сердцем, всей душой! Не думай, что я так просто сдамся! Клянусь светлой памятью моих друзей — тебе придётся хорошенько постараться, чтобы отправить меня на тот свет! Я не позволю тебе безнаказанно творить зло! Ты — монстр! Чудовище! Я больше не поддамся на твои уловки. Я уничтожу тебя... — златовласая думала, что выговорившись, ей станет легче, но легче не становилось, — но, прежде ты скажешь мне где Джек. Слышишь? Может быть, тогда я убью тебя быстро и легко, — срываясь на нем, подсознательно она злилась на друзей, которые оставили её в одиночестве,

с этим чудовищем, — Верни моих друзей! ВЕРНИ ИХ!

Ушли... Почему не взяли её с собой? Почему не спросили, хочет ли она последовать за ними, а бросили одну?

Ондзи подошёл к ней и обнял за плечи:

— А Джона с Маргаритой тебе не вернуть? К чёрту Джека, Элла... Только мы вдвоем, только ты и я. Ты ведь хочешь того же, что и я. Мы вместе будем править миром. Повелевать силами созидания и разрушения. Ты об этом всегда мечтала. Я люблю тебя и сделаю всё, что ты захочешь, — Ондзи наклонился чтобы поцеловать Даниэллу.

— Да что ты говоришь?! — Дэни ударила его коленом между ног, — Что ты можешь знать о любви? О мечтах? Тебе лечиться надо. Хотя, сомневаюсь, что твоё состояние поддаётся лечению. Жертва аборта! Грязный извращенец!

Азиат сдержанно-снисходительно улыбнулся:

— Я терпелив, Элла, но моё терпение начинает иссякать. Мы же с тобой из одного теста.

Это было уже слишком, захотелось плюнуть в его лживую физиономию:

— Ондзи, имела я тебя в виду! Как ты смеешь сравнивать меня с собой! И никогда, слышишь, никогда не называй меня Элла! Меня зовут Дэни.

Он наклонился и вкрадчиво зашептал ей на ухо:

— Правильнее будет сказать, что ты боишься признаться, что твоя душа не так уж кристально чиста. Ты ведь не будешь этого отрицать?

— А пошел ты... — сердито бросила она, не скрывая своего раздражения.

— Что, правда глаза колет? Тщеславие — твой глубокий порок, — Ондзи растянул ухмылочку.

На что Даниэлла резко развернулась, ткнув в его плечо указательным пальцем:

— Кто бы говорил о правде? С твоих уст когда-нибудь слетали слова правды? — конечно, в глубине души Даниэлла понимала, что в словах Ондзи есть, хоть и доля, но всё же правды, — Люди подвержены страстям, это так, но мы же и имеем силу противостоять им, думая не только о себе, но — и о тех, кто рядом.

— Я готов принять тебя такой, какая ты есть, — Ондзи подошёл к Даниэле и поцеловал её.

— Не смей ко мне прикасаться! — девушка залепила ему пощёчину.

Даниэлла сплюнула и вытерла губы:

— Гыдота.

Ондзи ещё долго потирал щеку:

— Ты отвергаешь меня? Дэни, разве ты не хочешь меня убить? Вот мне интересно, а что будет, если бессмертному отрубить голову? Ты упустила свой шанс. Я же, в отличие от некоторых, не привык упускать удобный случай. Мне надоело играть с тобой в кошки-мышки. Твои друзья мертвы, и я отправлю тебя к ним, — она его совсем не понимала, откуда вдруг такая перемена от любви к угрозам смертью?

А он решил, что только так сможет избавиться от этого наваждения, от этой одержимости ею — вывести её из себя, довести до предела, чтобы она либо освободила, либо уничтожила его.

В девушку полетели тысячи острых мечей. С каждым ударом силы покидали её. Один меч пролетел, задев ухо, другой задел шею, остальные — руки, ноги. Даниэлла отчётливо слышала их свист у висков. Ещё один — оставил алый порез на щеке.

"Неужели всё кончено?" — промелькнуло в её белокурой голове.

Девушка увидела перед собой ажурные ворота, сверкавшие на солнце своей позолотой. А возле ворот стояли самые дорогие ей люди. Все они походили на полупрозрачных призраков. Даниэлла смотрела широко раскрытыми глазами, боясь даже дотронуться до них, словно в любую минуту они могут растаять как утренний туман. Всё ещё не веря, она закрыла лицо руками, и слёзы сами потекли по щекам.

— Данька, ну чего ты... не надо...

Златовласая почувствовала, как солнечный луч скользнул по её щеке, а ветер играл её волосами, она открыла лицо и увидела улыбающееся личико Марго:

— Ди, я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но не давай волю своему гневу, Ондзи — один из нас. Но ты не бойся — мы не оставим тебя. Мы тебе поможем. Всё будет хорошо, — брюнетка виновато улыбнулась, а белокурая кинулась их обнимать

— Маргарита! Джонни! Марк! Ребята! Как же я рада вас видеть!

Маргарита, как всегда, в своем репертуаре — состроила смешную рожицу:

— Данечка, ты уж прости нас, что мы оставляем тебя... Но с тобой вся наша сила. Сестрёнка, пожалуйста, сделай это. Ты сможешь. У тебя получится, — их силы искрящейся радугой вошли в тело златовласой.

Последнее, что видела Даниэлла — улыбка Маргариты.

"Ты не одна. Мы с тобой" — прочитала Даниэлла в глазах подруги. Теперь она точно знала, что не сама, что никогда не будет одинокой — и это то, чем она черпала свою силу.

Девушка открыла глаза — в звёздном небе плыли облака, закрывая собой полную луну. Ондзи и Винтер медленно удалялись. Даниэлла попыталась встать и окликнуть их:

— Уже уходите, мальчики? Даже не попрощавшись.

Ондзи обернулся:

— Ты ещё жива? Ну, ничего — мы исправим это досадное недоразумение.

Ондзи атаковал, но внезапно перед Даниэлкой появился Винтер.

— Глупец, зачем ты это сделал? Зачем защитил её? Кто она тебе, что ты готов пожертвовать жизнью ради неё?

Венгр поманил его пальцем, и когда Ондзи наклонился к нему, прошептал:

— Довольно, оставь их в покое. Вот теперь я поступаю правильно — я чувствую это.

И снова он ошибся, и потерял лучшего друга... Они всегда с полу-слова понимали друг друга, но в этот раз Винтер не разгадал его замысел и предпочел действовать, как он считает нужным.

Его тошнило от собственной никчемности.

Даниэлла встала, сплетая между тонких пальцев заклятие:

— ОЧИЩЕНИЕ! — и сеть из света накрыла его.

— Чёрт! Я — сильнейший из демонов, и не приму очищения! — лицо Ондзи исказилось гримасой, — Оказывается, это слишком больно.

— Примешь. Как миленький примешь! — приговаривала златовласая, — Я вложу в заклинание все свои чувства и всю свою силу... И я буду сражаться с полной уверенностью в себе и в тех, кто стоит за мной. Почувствуй то, что чувствовала я, когда ты отобрал их у меня.

Облака расступились и яркий свет Луны искрящимся серебром окутал Даниэлку. Всё тело девушки словно светилось изнутри. Когда аура достигла Ондзи, парень вскрикнул и осел на землю. Раздался оглушительный взрыв.

Ондзи и Даниэлла открыли глаза одновременно.

— Что со мной? Где я? — Ондзи потирал ушибленный затылок.

Забыв о ранах, Даниэлла бросилась на шею парню:

— Ондзи! Получилось! ПОЛУЧИЛОСЬ! — от радости хотелось захлопать в ладоши.

Азиат смущенно улыбнулся:

— Мне так тепло. Это и есть человеческая любовь? — спросил он.

— Тебе ещё многому предстоит учиться заново, — кивнула белокурая.

Ондзи робко поинтересовался:

— И ты научишь меня?

— Если ты захочешь остаться с нами, — кивнула девушка, — Мир прекрасен, и мы докажем тебе это.

Случайно Даниэлла обернулась и увидела очертания знакомой фигуры. На минуту она замерла, словно статуя, потом сорвалась и побежала.

— В.Ж.! В.Ж.! В.Ж.-sama! — с криками восторга девушка бросилась на шею молодого хирурга, осыпая его поцелуями.

Джек пригладил её золотые локоны.

— Я всегда восхищался тобой, но сегодня ты превзошла саму себя! Ты плачешь?

Девушка вытерла слёзы:

— Это я от счастья. Джек, скажи, что это не сон.

— А такое доказательство тебя устроит? — они слились в долгом поцелуе.

— А ты знаешь, что использовать свою магию в полную силу я могу только тогда, когда думаю о тебе? — улыбнулась белокурая.

Ночное небо осветилось яркой вспышкой тысячи огней. С неба падали звёзды, которые, долетая до земли становились светящимися шарами, в которых, как в мыльных пузырях в позах зародышей находились миленькие младенцы.

Ондзи, Даниэлла и Джек сначала были ошарашены, а когда присмотрелись получше, то чуть животы со смеху не надорвали:

— Господи, да это же Марго! А это Джон! Вот Питер! Да ведь это...

Тем временем младенцы в шарах на глазах у изумлённой публики стали расти буквально по минутам и скоро приняли свой обычный облик, какими их знала Дэни. Они снова были молоды и красивы. И они снова были вместе.

Даниэлла обняла друзей:

— Марго, ну чертяка! Ты гораздо лучший воин, чем думаешь. Настоящая мазохистка — любительница сверх-чувств, сверх-страданий, любит оставаться, даже если победит, немного обиженной, несчастной, хочет, чтобы её пожалели. Иногда, малышка, ты меня просто бесишь. Но я всё равно люблю тебя, сестрёнка!

Подошёл Джон и обнял Марго за талию:

— Вот за что я её и обожаю.

Маргарита обернулась и поцеловала мужа, её лицо сияло от счастья:

— Я есть. Ты есть. Он есть. Она есть. Они есть. МЫ ЕСТЬ!

— Раз пошло такое откровение, то и я, пожалуй, расскажу, что думаю о тебе, Дэни.

Даниэлла глубоко вздохнула готовясь выслушать длинный монолог в стиле Маргариты. Но, на удивление, речь Маргариты была довольно короткой:

— Я тебя тоже очень люблю как старшую сестру. Но, скажу откровенно, что, если бы у меня был хоть ещё один друг с таким характером как у тебя, то я бы сошла с ума. Ты умна и

находчива, и очень добра, даже если хочешь показаться хуже, чем ты есть на самом деле. В этом ты похожа на Джека. Хотя, порой ты бываешь самоуверенна, дерзка и эгоистична. Иногда твоя наглость переходит границы, а завышенная самооценка граничит с манией величия. Но чаще оно того стоит. А ещё эти припадки депрессии. Знаешь, чем отличается бочка от колодца? В бочке вода рано или поздно заканчивается, а колодец — он бездонный. Так вот ты и есть тот колодец с холодной, чистой, свежей водой. Ты — гений. Даже когда твои поступки противоречат законам жанра и здравой логике.

Даниэлла звонко рассмеялась:

— Я — гений, ты — тоже гений.

Подошли остальные. Лали-Мей подбежала поприветствовать на минутку и упорхнула, чтобы взять Марка за руку и привести к ребятам.

Джон дружески похлопал парня по плечу:

— Ты был неподражаем, дружище.

— Ты назвал меня другом? — удивленно переспросил юноша.

— И одним из самых лучших, что были у меня, — кивнул мужчина.

Маргарита улыбнулась:

— Мы в тебе не ошиблись — ты стал настоящим человеком.

А Мей смотрела на него глазами полными восхищения. Сам же он опустил глаза от смущения, крепче сжимая её ладонь.

— Ребята, разрешите представить еще одного нашего брата и его друга, — заявила Даниэлла, представляя азиата и его помощника.

Наступила тишина...

Маргарита улыбнулась:

— Добр пожаловать домой! Мы, правда. Очень рады. Так и должно было случиться.

— После такой встряски для нервов я просто обязан покурить, с вашего разрешения, — Джек достал из кармана пиджака сигареты, зажигалку и закурил.

Джон растянул улыбку от уха до уха и заломил руки:

— Джек, не угостишь ли своего лучшего друга сигареткой?

— Ондзи, а что ты теперь собираешься делать? — поинтересовалась Даниэлла.

— Ну, я бы хотел спокойно где-нибудь осесть... если бы мне помогли с жильём.

Ди улыбнулась:

— С этим проблем не будет

Ондзи одобрительно кивнул:

— Я в долгу не останусь, — и правда, ну, не возвращаться же ему туда, где поджидала Лаурита?

Он получил свой такой долгожданный шанс начать всё с начала, теперь осталось мудро им распорядиться.

— По такому случаю можно и выпить, — Джонни закатил глазки и потянулся совсем по-кошачьи.

Джек хлопнул его по плечу:

— Молодец, старик — прямо мои мысли читаешь. Если бы ты еще и организовал чего-нибудь — цены бы тебе не было.

— А так мне есть цена? — надул губы Джон.

— Ну, конечно же, ты у нас бесценный, — усмехнулся доктор.

Джон материализовал по бокалу для каждого из присутствующих и разлил по ним вино.

Ребята дружно подняли их и прокричали:

— Кампай! Будем здоровы!

— Винтер, сыграй, пожалуйста, для моих друзей, — попросил Ондзи, и следующие несколько минут они слышали чудесную игру мадьярской скрипки.

— Кто хочет ещё выпить? — Джон заискивающе растянул улыбку Чеширского кота.

— Кто хочет напиться? — усмехнувшись, поправил его доктор, и почему-то посмотрел на Марка.

— Я не знаю... — юноша замялся, все знали, что он не любитель подобных сомнительных удовольствий.

— А нечего тут знать — вы идете с нами, — хлопнул его по плечу Джон, — сегодня всё можно.

— А тебе идет это мелирование, — под одобряющий шепот Марка, мужчина провел рукой по своим волосам: при рассмотрении заметны были две белые пряди с правой стороны пробора и одна — с левой. Образ действительно получился ярким и интересным — только настоятельно рекомендуем не повторять подобно для вашего же блага.

На шее Маргариты обнаружилась бархотка, прикрывающая шрам на шее, а Даниэлла ещё обнаружит тонкий шрам от пореза на левой щеке — но не пожелает избавляться от него, чтобы он служил ей напоминанием об этих событиях.

Ондзи готовил завтраки и накрывал стол к ужину, отводил вместе с Марго и забирал детей из школы, мыл посуду, стирал, убирал в доме — у него всё всегда было в идеальном порядке. Уже привычным стало видеть его в фартуке и со сковородой, пекущего блинчики или моющего полы.

Ему это, похоже, пришлось по душе.

Но, это всё ещё только будет в будущем, а пока оставим на время наших героев, вернувшихся в свою реальность, где их отсутствие оказалось незамеченным, а веселье в клубе продолжалось и о взрыве, и последовавших за ним событиях ни кто даже не догадывался.

08. Танцующие во снах

Мы вернулись к вам,
Мы спешим к друзьям -
Вместе, как всегда,
Чтоб добро побеждало.
Мы навеки с тобой
В гонке за мечтой,
Стоит в чудо лишь поверить.
Каждый день будем сиять,
Каждый день живём мы в мире волшебства!
Мы свободны, можем летать.
Знай одно, всё будет так как хочешь ты,
Стоит в чудо лишь поверить.
Мы — рука в руке.
Мы — верны себе.
Вместе навсегда,
Ведь любовь так прекрасна!
В небеса мы летим,
Чудеса творим.
Этот мир мы вместе удивим,
Этот мир — для нас с тобой!

Любая настоящая книга — бесконечная... Но многие люди не замечают этого. Всё зависит от того, кто держит книгу в руках.

Михаэль Энде "Бесконечная история"

— Лаур-ра! Лаур-ра! — из своей клетки громко приветствовал вошедшую девочку крупный ворон.

— Корвин, да замолчи, глупая ты птица, — буркнула Лаурита, — Я сегодня не в настроении и хочу тишины.

В то время, когда Ондзи накрыла очищающая волна, лишая демонической его сущности, Лаура почувствовала, что теряет с ним связь — и это едва не разорвало её. От её пугающего вопля, стоявшая рядом Аманда вжалась в двери серванта, на полках которого красноречиво зазвенел хрусталь.

Блондинка уже мечтала оказаться как можно дальше от своей разъяренной госпожи, на её глазах успевшей собственноручно разбить пару бесценных бокалов из фамильного сервиза.

Гроза миновала, и Лаурита, преодолев эмоции, смогла взять себя в руки: плотно сжав губы и сцепив побелевшие пальцы:

— Ты хотела того темноволосого мужчину, Аманда? — ласково спросила белокурая девочка, пряча клокочущий вулкан бесовской ярости в своих глазах, принявших сейчас практически черный оттенок, — Твой шанс заняться им. Только сначала ты должна устранить его девчонку. Мне надоело с ними играть. Вот, если бы девчонка вообще не появилась на свет...

— Но, госпожа, — демонесса испуганно сжалась, вспоминая магический взгляд его

глаз, который невозможно забыть, — Это потребует всех моих усилий, и я смогу изменить прошлое только один раз, а потом останусь абсолютно беззащитной. Если он узнает и будет в гневе, то ему не составит труда убить меня.

— Ты же так любишь его — неужели оно того не стоит? — Лаурита растянула искушающую улыбку, — Ели ты справишься, то он и помнить её не будет, девчонка просто исчезнет. Этот мужчина будет твоей наградой.

— Но... почему госпожа решила... — Аманда, вся дрожа, смотрела в темные глаза Лауриты таким затравленным взглядом, что той стало на секунду не по себе:

— Да, потому, что я не полная дура, в конце концов — я всё вижу, — девочка неожиданно смягчилась, успокаивающе проведя пальчиками по руке Аманды, — Я не против, если ты получишь Джона и приведешь его к нам, но он слишком привязан к своей маленькой ведьме — это препятствие нужно устранить.

— С большим удовольствием, моя госпожа, — Аманда облегченно улыбнулась и поклонилась.

— Ступай, исполняй. Возвращайся на вечер, пока тебя не хватились, — девочка нетерпеливо махнула рукой и отвернулась изучать картину на стене, — А теперь — Даниэлла. Дени, Дени... Ты отобрала у меня мужчину, которым я дорожила более всего. Такого я не прощаю! О! Я ещё буду смеяться последней... на твоей могиле, — Лаура хлопнула в ладоши, — Саймон! — позвала она громко, — Явись, Саймон, у меня будет задание для тебя.

— К вашим услугам, госпожа, — прозвучал искушающий бархатный голос за её спиной, и белокурая обернулась.

Перед ней стоял молодой мужчина — европеец, с коротко стриженными темными волосами и темно-кариими глазами и легкой небритостью на лице. Всё в его облике было пронизано опасностью и сексуальностью: крупные черты лица, выразительно хищный взгляд темных глаз, от его полу-улыбки полу-ухмылки бросало в дрожь, и даже его солидный деловой костюм, застегнутый чуть ли не на все пуговицы, не скрывал его вызывающей сущности. Женщины безошибочно считывали эти знаки его тела и сами мечтали заполучить его в свою постель, и им не приходилось просить его дважды.

Его магическим даром была способность проникать во сны и управлять снами других людей, таким образом подпитываясь их жизненной энергией.

— Не заскучал ли ты, дорогой? — она поманила его пальчиком, — Могу предложить тебе совместить задание и удовольствие. Пробререшься в сон одной девчонки: с ней можешь делать всё, что хочешь на свое усмотрение, но она не должна проснуться.

— Когда приступать? — мужчина сверкнул глазами, соблазнительно прикусив губу в предвкушении.

— Полагаюсь во всём на тебя, только не затягивай, — кивнула Лаура.

Саймон поклонился и исчез:

— Будет исполнено.

А в клубе тем временем, словно ничего сверхъестественного и не произошло, люди продолжали веселиться, и в ярком мигании светомузыки ни кто не замечал ни шрама Даниэллы, ни бархотки Маргариты, ни появившихся белых прядей в темных волосах Джона.

Джон посмотрел на себя в зеркало — седые пряди придавали ему экстравагантности и загадочности. Ему даже понравилось. Пожалуй, он оставит, как есть и не будет их закрасивать.

Даниэлла провела пальцем по тонкому шраму на щеке.

— Если это для тебя проблема, то мы можем обратиться к отличному пластическому хирургу, у меня есть как раз такой знакомый, — поспешил успокоить её супруг.

— Нет, я хочу оставить его, — покачала девушка своей светловолосой головой, — он будет напоминать мне о том дне, когда мы могли умереть, и я не смогу этого забыть, и не желаю забывать.

А вот Маргарита оказалась не столь сильной, как её златовласая подруга — стоило ей бросить даже беглый взгляд на бархотку на шее или прикоснуться к ней, как снова и снова перед глазами вставала та ужасная сцена, где она видела себя с перерезанным горлом в залитой кровью одежде. Маленькая брюнетка решила воспользоваться предложением доктора, боясь, что иначе ей не избавиться от этого кошмара. Зла на Ондзи она не держала, ведь именно ей удалось уговорить Даниэлла отбросить гнев и боль и вместо уничтожения — очистить его демоническую сущность, но и не горела желанием постоянно мучиться кошмарами. И Маргарита не считала это слабостью, именно в этом и была её сила — в сочетании веры, доброго сердца, наивности, кокетства и женской капризности.

Посетители тем временем начали расходиться — их оставалось всё меньше и меньше.

Последними уходили недавние оппоненты Ондзи, которых он провожал лично, решив остаться на ночь в клубе под охраной Винтера, предоставив Максимилиану провести время с его рыжеволосой возлюбленной. По особому блеску в серых волчьих глазах оборотня он понял, что в скором времени девушку ожидает любопытный сюрприз, о котором она пока не догадывается — и он слегка улыбнулся от радости за них.

— Танака Ондзи, если я не ошибаюсь, — за спиной азиата раздался тихий мелодичный голос.

Ондзи обернулся и замер в нерешительности: перед ним стоял молодой мужчина в форменной синей куртке с матросским воротником, на котором белели три полоски, и такого же синего цвета брюках-клевш. Его черты были копией лица азиата, только его волосы были белоснежными и длиной по плечи — своего рода запущенная стрижка с филированием челки. На глазах его были темные очки, а в руках была трость.

— Решин?! — Ондзи спешно подошел и взял его под руку.

Господи, как же давно это было, когда он мог каждый день видеть это лицо и слышать этот голос. Они оба успели сильно измениться за это время, но смогли ли они остаться близкими? В той, прошлой жизни они много значили друг для друга, а что же сейчас? Как близнецы, раньше они безошибочно могли чувствовать один другого. Но в этот раз Ондзи, как ни старался, не мог ощутить, что же было с братом всё это время.

— Здравствуй! — блондин положил руку ему на плечо, и мягко продолжил, — Я так долго ждал встречи с тобой, брат, — и знакомые нотки родного голоса, отпечатанные глубоко в подкорке, заставляли дрожать пальцы и ресницы.

— Мы оставим вас, — видя, насколько оба были взволнованы, остальные деликатно предпочли удалиться.

— Не беспокойтесь, милые дамы, вам не стоит больше меня бояться, я теперь — обыкновенный смертный, и не смогу причинить вам вреда, — улыбнулся азиат, нарочито церемонно прощаясь, особенно с девушками под ревнивые взгляды мужчин, — Я останусь ночевать здесь, ведь и этот клуб, и агентство всё ещё принадлежат мне — но сомневаюсь, что нам и всей ночи хватит, чтобы наверстать упущенное в общении.

И им определено было о чем поговорить, и чему поразиться, услышав истории друг

друга.

— А ты стал другим, — Ондзи легким жестом убрал белые пряди с бледного лица брата, которого он давно считал погибшим и продолжал тайком оплакивать все эти годы, сложившиеся уже в века.

— Я стал ангелом, — доверительно прошептал блондин на японском, уверенный в том, что кто же ему поверит, если не родной брат.

— Когда ты ослеп? — Ондзи решился наконец спросить то, что волновало его сейчас больше всего.

— В тот же день, когда всё случилось, — Ондзи вдруг начало трясти от одних только воспоминаний, от которых он так и не смог избавиться даже за три прожитых столетия, он снова видел свою горящую деревню, которую сам же и уничтожил в припадке гнева, — Меня нашли умирающим демоны — падальщики, а зрения лишили демоны — ищейки, которым необходимо зрение невинных детей, чтобы выслеживать ауру людей с чистыми сердцами, намечая следующих жертв в бесконечном противостоянии добра и зла.

Боже! И как этот сидящий напротив него блондин-альбинос с такими знакомыми чертами, которые сам азиат каждый из нескончаемой вереницы дней видит в зеркале, может с таким спокойствием говорить об этом? У него, что — цельнометаллические канаты вместо нервов? Или в этой их ангельской обители напрочь лишены чувств? Его от одних только воспоминаний едва не выворачивает наизнанку, а тому хоть бы что. Он ведь тоже лишился всего в тот день. Один-единственный знак от него, знак, что брат жив, что он есть в этой вселенной — всё могло бы сложиться иначе, всё могло бы быть совершенно по-другому... Но ни одного знака не было... И всё случилось, как случилось... Не проходило ни одного дня, чтобы сам Ондзи не вспоминал родителей и брата, а вспоминал ли Решин? А ещё Ондзи подумал — какая ирония судьбы: двое близнецов стали отличными друг от друга, как свет и тень, как день и ночь. Что же стало с ними? Один стал ангелом, второй — бывший демон, лишившийся своих сил, ставший смертным. Даже бесконечность — не бесконечна. По правде говоря, азиат настолько устал от такой жизни, всей этой вереницы лиц... А сейчас он сидел рядом с некогда самым близким человеком, пытаясь осознать, что же с ними сделало время, в кого их превратило.

— Как ты... — хотел было задать вопрос Ондзи, но смущенно замолчал.

— Справляюсь, ты хочешь спросить? — успокоил его блондин, слегка улыбнувшись бледными губами, — Для того чтобы видеть людей насквозь, мне не обязательно быть зрячим. К тому же — я уже привык.

— Я так рад тебя видеть, брат, — азиат больше не смог терпеть, крепко обняв брата, и ощутил, как по его щеке скатилась слеза, — И не важно, сколько времени прошло.

— Всё это время я не переставал следить за тобой, но мне запрещено было вмешиваться, — светловолосый обнял его, пока Ондзи украдкой смахнул слезу, — Только сейчас мне разрешили встречу. Я здесь, чтобы защитить леди с золотыми волосами и дитя, которое она ждет. Её сын очень важен для мира, он — будущий ангел. А я избран оберегать мальчика, пока ему не подберут наставника — я для этого, увы, не подхожу из-за моей слепоты.

— А у твоих крылатых собратьев своеобразное чувство юмора, должен тебе сказать, — Ондзи подумал, как всё любопытно переплелось, что его брат станет хранителем ЕЁ сына. Сына Даниэллы...

— Какое есть, — смиренно улыбнулся блондин.

— Понять только не могу, почему на тебе морская форма? — поинтересовался японец у брата, с интересом разглядывая его облик.

— Ах, это, — едва слышно рассмеялся собеседник, — Служил судовым медиком во флоте в русско-японскую, потом — во Вторую мировую... Кажется, мне идет такой стиль — как считаешь? Похож я на заслуженного ветерана?

Ондзи с улыбкой отмахнулся, и они ещё очень долго — пока рассвет не окрасил в нежно-розовые оттенки вид за окном. Ему оставалось только благодарить судьбу за такое счастливое совпадение: обретение давно потерянного брата, когда он больше всего уязвим и нуждается в поддержке, начиная свою жизнь в забытом качестве простого смертного.

А наши герои поспешили вернуться в родные стены, где они найдут силы пережить и осмыслить произошедшее.

Когда они, взволнованные до предела, переступили порог родного дома Маргариты, их встретила ещё более встревоженная мадам Валентина.

— Мама, что-то случилось? Откуда такое озабоченное выражение лица? — на самом деле, Маргарита боялась задать этот вопрос, и ещё более страшно было услышать в ответ, что с дочерьми, или с Аделькой, или с Алишером случилось что-то нехорошее.

— Девочки весь вечер сегодня были беспокойными, — словно оправдывая её самые худшие опасения, начала мать.

"Словно почувствовали, что родителям пришлось тяжело" — подумала Маргарита.

— Еле удалось их успокоить, уснули буквально за полчаса до вашего приезда, — и только тут девушка смогла выдохнуть спокойно, прогоняя из своего воображения пугающие картины.

Когда же в прихожую спустились, протирая заспанные глаза, Алишер с Розы и Аделина, она окончательно успокоилась, достав из сумочки обещанные им шоколадные конфеты, которые Ондзи передал детям в качестве угощения. В свете произошедших событий, после всего пережитого, она, к своему стыду, чуть не забыла о том, что обещала им попросить у азиата эксклюзивных сладостей, доставленных прямым из Японии по их просьбе.

От шума в прихожей, на втором этаже проснулись близнецы, своим плачем требуя внимания к себе.

Маленькая брюнетка под руку с Джоном, прихватив с собой теплый плед, поднялась в комнату, чтобы заняться ими, а доктор сопровождал утомленную супругу ко сну, остальные тихонько расположились на кухне, перешептываясь, обсуждали последние события.

Спустя некоторое время Мей начало клонить в сон, и она засобиравшись пожелать друзьям спокойной ночи, тогда и Марк поднялся со своего места:

— Хочешь составить мне компанию? — японка взяла его за руку, и ей сразу стало спокойнее и теплее, — Она мне сегодня не помешает. Сомневаюсь, что смогу нормально выспаться после того, что случилось, — пристально глядя в его глаза.

— Сомневаюсь, что смогу удержаться и дать тебе возможность нормально выспаться, если буду так близко, — он и сам не ожидал от себя такой дерзости в словах и такой томной охриплости в голосе.

Осознав, что мог потерять её, не хотел теперь отпускать от себя ни на секунду. И пришло в полной мере понимание позиции Джона, стремящегося жить на полную, не упуская ни одного мгновения своей жизни.

— Тоже вариант, — шепотом согласилась Мей, и приятная дрожь прошла по телу от осознания того, что это она так на него влияет, — Главное, чтобы мне не снились кошмары.

— Кошмары полностью исключаем, — и поток мыслей уносил их далеко-далеко, где оставались только двое, — Только скажи, и я не дам тебе заснуть всю ночь, — обменявшись многозначительными взглядами, они поднялись наверх, в спальни.

И за закрытыми дверями происходило извечное таинство, что имеет место быть между мужчиной и женщиной, когда двое ведут диалог на языке тела, нежности и страсти — руками, губами, взглядами и вздохами, понимая друг друга без слов, познавая друг друга на всех возможных уровнях: тактильном, ментальном, эмоциональном, возносясь над всеми волнениями и страхами туда, где правит одна лишь любовь — в сплетении пальцев, прикосновении истосковавшихся жарких тел, где не сковывают лишние слова и лишняя одежда, где можно не стесняться выразить себя и высказать наивысшую степень доверия. Когда сильные пальцы мужской ладони переплетаются с тонкими пальцами женской руки, когда длинные прямые темные локоны смешиваются с волнистыми локонами цвета лаванды и одни губы похищают дыхание с других губ, а потом наоборот — и так бесконечное количество раз.

Постепенно и остальные стали расходиться по своим комнатам.

Стоя в тишине, всё ещё колеблясь произнести то, что больше всего волновало обоих, Эллен и Максимилиан прощались у входных дверей, пока девушка не сорвалась на плачь... Он стоял напротив неё, но ещё слишком свежи были в памяти воспоминания, когда он предстал не человеком, но зверем. И было до того страшно, что ни как не могла унять дрожь. Когда мужчина коснулся её руки, резко отдернула её, но голову, всё же, подняла, заставляя себя посмотреть на него. Сейчас его глаза были человеческими, но это мало успокаивало.

— Я понимаю, что не имею права просить тебя, — голос Максимилиана бал тихим, но от каждого произносимого им слова в ушах раздавался миниатюрный взрыв, и ощущение сжимающейся вселенной сдавливало грудь, не давая возможности свободно дышать, — Но, хоть просто поговори со мной, Эл. Выскажи свои справедливые претензии, пошли меня к черту, только не молчи.

Девушка опустила свою рыжую голову, чтобы не дать ему увидеть своих слез:

— Ты обманул меня, — с болью выдавила она, — Всё это время ты мне врал.

— Да, это так, — он не смел отрицать, но был в запасе у него весомый аргумент, — Только я предпочел умереть, чем причинить зло тебе и маленькой жизни внутри тебя.

— Что ты такое говоришь? — девушка отступила, замотав головой.

— Поверь мне, я чувствую такие вещи почти на уровне инстинктов, если хочешь проверить мои предположения, то можешь сходить в клинику и спросить у врача, — до помутненного сознания потрясенной девушки с трудом доходил смысл сказанного, — Я не оставлю свое потомство.

— Господи! Да, что же это происходит?! — и всё, что смогла воскликнуть она, чувствуя, что начинает задыхаться.

— Можешь считать меня дьяволом во плоти, — перед тем, как уйти, он ещё раз бегло коснулся её пальцев, — Только прошу, не лишай нас обоих шанса — если не ради меня, то ради нашего будущего ребенка. Сейчас ты зла на меня: я уйду, но ты попытайся успокоиться. Подумай хорошо, а я буду ждать твоего звонка.

Дверь за Максимилианом закрылась, и девушка без сил сползла по стене и долго еще сидела, обхватив колени руками, застыв в такой позе на долгих пятнадцать минут, прежде чем смогла заставить себя подняться на ноги и сходить в душ, там уже дав волю накотившим эмоциям, разразившись истерикой и сминая в дрожащих руках несчастный тюбик зубной

пасты.

Пока Маргарита кормила дочерей в своей комнате, Джон обсуждал с братом концепцию новой совместной коллекции одежды и соответствующих аксессуаров и украшений.

Вернувшись в комнату, он нашел жену и дочерей спящими. Вид их умиротворенных лиц, их ровное дыхание рождали такой приступ нежности и умиротворения — вот, ради чего его глаза открываются утром каждого нового дня. Повторив позу Маргариты, он прилег рядом, обняв их. Вот — причина, почему всё ещё бьется ещё в груди его горячее сердце.

Он провел рукой по светлым прядям в своих темных волосах и вспомнил, какую боль он испытал, сгорая заживо, но заботило его тогда больше другое — какой мир он оставит своим детям, вот этим крошкам, которые мирно посапывают под охраной любящей матери, своему старшему сыну — доброму и благородному юному Али, для которого отец был не только авторитетом и примером для подражания, но и близким другом. А скольким ещё детям нужны любовь, покой и безопасность? И ради такого мира он без страха снова шагнул бы в огонь, снова принял бы смерть.

— Моё солнце и звезды, — когда он наклонился к ней, Маргарита почувствовала, как её щеки чуют его локоны, не удержавшись, девушка чихнула и виновато улыбнулась, проведя пальцами по его губам, потом взглянула на дочерей — и снова вспомнила ритуальную фразу любовного признания из ставшей уже легендарной эпопеи Джорджа Мартина в не менее масштабной и впечатляющей телевизионной постановке.

— Луна моей жизни, — продолжил он мужской репликой, поправляя её выбившуюся прядь и нежно целуя в висок.

А в другой комнате, златовласая металась по подушке, и снилось ей, что она любит вид ночных улиц с высоты шикарного пентхауса. Одетая она была под стать окружающей обстановке — в длинное атласное платье по фигуре на тонких бретельках глубокого синего цвета. В лунном свете её волосы отливали серебром, и таинственным светом мерцали сапфиры в украшениях, что были на ней.

Даниэлла стояла у самого края смотровой площадки, глядя на ночные огни никогда не спящего города, когда рука в мужской черной кожаной перчатке легла ей на плечо. Она хотела рассмотреть стоящего рядом, но не могла пошевелить ни одним мускулом — только проследить взглядом, как высокий мужчина в дорогом модном костюме и модельных туфлях обошел вокруг неё, став напротив.

— Мне не солгали — ангел, сущий ангел, — он пропустил между пальцами прядь её светлых волос.

— Кто вы? Я вас не знаю, — девушка смотрела в его темные глаза и от хищного выражения его лица мурашки пробежали по спине.

— Зато я знаю, кто ты, — он провел рукой по гладкой ткани её платья, и Дени нервно дернулась: это всё, на что она была способна сейчас, — и теперь ты находишься полностью в моей власти.

— Я... я не могу пошевелиться, — обреченно констатировала девушка этот пугающий факт.

— Как тебе ощущение? — спросил Саймон, проведя пальцем по её скуле, потом очертив подбородок, — Я сковал твою волю и могу сделать с тобой всё, что угодно, а ты не в силах мне сопротивляться. Я — хозяин и режиссер твоего сна, — он наклонился совсем близко и прошептал ей в лицо, сверкнув глазами, — Говорят, что умерев во сне, умрешь и в

реальной жизни... Что же мне с тобой сделать... Поцеловать или убить? Ангел... Интересно, а умеешь ли ты летать? Пожелать тебе приятного полета в бесконечность и вечных снов?

Дышать было тяжело, и мысленно у девушки уже началась самая настоящая истерика от собственного бессилия — не может она позволить какому-то малознакомому демону убить себя. И тут, точно в ответ на все её мысленные призывы, с эпицентром в районе её живота, от её тела начало исходить мягкое серебристое свечение, и возвращалась власть над собственным телом.

— Себе лучше пожелай! — она извернулась из его рук, а он оступился и полетел вниз с головокружительной высоты.

Подавив приступ тошноты, златовласая отошла подальше, растирая руками озябшие плечи:

— Может, я и ангел, но я — не святая...

Проснувшись утром и принимая душ, она обнаружила свежие красные следы на плечах, где прикасались его руки, а в выпуске утренних новостей сообщили о загадочной смерти в своей квартире молодого мужчины, подозреваемого в мошенничестве, который скорпостижно скончался ночью в своей съемной квартире, но механические повреждения на его теле говорили о падении с большой высоты, хотя квартира была заперта изнутри, и труп не перемещали.

А Маргарите в ту ночь снился совсем другой сон, когда слабо освещавшее ночной полумрак свечение, исходившее от её дочерей, окутало её, перенося сквозь пространство и время.

Маргарита открыла глаза и огляделась по сторонам — она стояла на тротуаре возле любимого кафе её родителей, которое снесли уже много лет назад, построив на его месте современный бутик. Ярко светило солнце, чистым воздухом ранней весны так легко и приятно было дышать, а лица прохожих казались особенно приветливыми. Девушка внимательно осмотрела себя — на ней было черное шерстяное пальто, красный шарф, красный берет и сумочка в цвет, а в мягкой и теплой длинной шерстяной юбке и высоких сапогах на танкетке было уютно и удобно. Но почему здесь снова старое кафе? Не успела она дать ход этим мыслям, как внимание её привлекла молодая темноволосая женщина, спешащая к перекрестку, всё время поглядывая на свои наручные часы.

Женщина, по всему видно было, всецело была поглощена своими какими-то думами, и не заметила, как из-за угла показался автомобиль уже устаревшей, по мнению Маргариты, модели.

— Осторожно! — Маргарита бросилась на дорогу, оттолкнув женщину.

Автомобиль на скорости врезался в столб, создав опасную ситуацию на дороге — и уже несколько машин громко сигналили. К месту уже выехал полицейский автомобиль.

Маргарита больно ушибла ногу, а молодая женщина, можно сказать, отделалась легким испугом и незначительными царапинами.

— Спасибо, спасибо вам! Не знаю, как и благодарить вас, — женщина помогла Маргарите подняться, подставляя плечо для опоры.

Их взгляды встретились, и девушка лишилась дара речи, не сводя глаз с лица женщины — это была её мать. Именно такая, какой она помнит её со студенческих любительских фотографий.

— С вами всё в порядке, мадемуазель? — Маргарита вопрос услышала, но не могла

пошевелить языком, как загипнотизированная не в силах оторваться о серых глаз своей молодой матери.

— Мама... — восхищенно выдохнула Маргарита.

— Вам нехорошо? Как ваше имя? Где вы живете? — она и не заметила, как вслед за полицейскими подъехали медики, голова её была как в тумане, из всех вопросов она смогла назвать только свое имя.

Да и что Маргарита могла бы им ответить, кем представиться, какой адрес проживания назвать? Как объяснить, что она ещё в принципе не появилась на свет? Пришлось девушке сослаться на потерю памяти, а так как у неё были признаки сотрясения мозга, то врачи ей поверили, определив её в клинику. Валентине тоже рекомендовали проехать и пройти обследование, на котором она узнает, что ждет ребенка. Всю дорогу до больницы Маргарита не сводила глаз с матери и сопровождавшего её Шарля, который одним из первых выбежал из того самого кафе, где в то время ожидал прихода Валентины — и с трудом сдерживала слезы от переполнявших её чувств. Как же ей хотелось броситься им на шею и крепко-крепко обнять, и признаться, что она — их дочь, непостижимым образом переместившаяся из будущего. Кто ей поверит? Во скольких книгах и художественных фильмах упоминается об опасности влияния на события прошлого? Кто знает, что она имеет права говорить и делать, а что — нет, чтобы не допустить необратимых и страшных последствий? Ей следовало быть исключительно осторожной и аккуратной, чтобы не навредить своим близким либо самой себе.

Валентину отпустили домой в тот же день, выписав направление стать на учет в женской консультации. Позже, когда Шарль спросит жену, как бы она хотела назвать будущего ребенка, то Валентина ответит, что если родится дочь, то она назовет её Маргаритой — в честь девушки, которая спасла её и её будущего ребенка.

Маргарита смотрела на улицу из окна больничной палаты — до выяснения обстоятельств девушку с потерей памяти оставили под наблюдением, пока не найдутся родственники, а она ничего не могла им внятно объяснить, оставалось только надеяться, что эта ситуация разрешится каким-нибудь чудесным образом.

Когда же на следующее утро Шарль с Валентиной пришли навестить девушку, то палата её оказалась пустой, а Маргарита проснулась в своей постели — в своём времени.

За утренним кофе её мать вспомнила вдруг, почему именно это имя дала дочери, а Маргарита крепче обняла её, загадочно улыбнувшись.

А в сны азиата приходила светловолосая девочка:

— Ондзи-сан... — тихо позвала она.

— Здравствуй, Лаура, — он обернулся.

Она просяще заглянула ему в глаза.

Взяла за руку:

— Я хочу снова предложить тебе союз, — голос её всё ещё был тихим.

— Партнёрство? С тобой, Лаура? — удивленно переспросил он, — Теперь, когда я смертен?

— Я имела в виду не совсем это... Союз наших сердец, Ондзи-сан! — Лаурита крепче сжала его руку, подняв голову, чтобы лучше видеть его реакцию.

— Что?! — мужчина едва не поперхнулся, спешно отдернув руку.

— Мы были бы непобедимой силой вдвоём! Никто во Вселенной... — с жаром начала она, — Мы бы сами устанавливали Порядок и Хаос! Нам было бы подвластно всё: ангелы и

демоны, бессмертие и чувства! Но, вы должны полюбить меня, Ондзи-сама. Чтобы объединённая сила нашей любви смела все препятствия... Я могу вернуть власть и бессмертие одному из сильнейших демонов, которых когда-либо знал мир.

— Нет, это уже слишком! Я не стану даже слушать! — Ондзи зажал уши руками.

Лаура мягко взяла его руки в свои:

— Но, почему? Почему, Ондзи-сан?

— Я не могу любить тебя, Лаура. Я уже отдал свою любовь... Она принадлежит не мне... — он покачал головой.

— Это любовь без взаимности!!! — девочка топнула ножкой.

— Неправда. Я получаю сестринское тепло... Мне вполне достаточно таких отношений...

— Лжёшь! — повысила она голос, — Но, чем я не нравлюсь тебе? — Лаура становилась всё настойчивей — Я же такая как она!!!

— Ты — не она. Это всё. Уходи, Лаура, — Ондзи сделал вид, что изучать кожный рисунок своих ладоней, чтобы не смотреть на неё, не встречаться с ней взглядом.

— Надолго ли тебя хватит, интересно? Ты слишком привязан к своей силе и своему бессмертию, тебе нет места среди смертных. Как скоро ты начнешь сходить с ума? Ты всё равно вернешься ко мне — рано или поздно. Знай, когда бы ты не пришёл... я буду ждать... — произнесла напоследок Лаура, легко коснувшись губами губ Ондзи, исчезла, оставив его в глубочайшем море мыслей....

Только вместе мы сильны,
Чудеса творить вольны,
И всегда устремлены
К победе.
Волшебству у нас учись,
Мыслям добрым улыбнись,
Без оглядки в путь пустись,
Как ветер.
Если решишь,
Можешь ты стать
Одним из нас.
Мы волшебники,
Добрые феи.
И, конечно,
Нас ждут чудеса в облаках.
Мы летим сквозь пространство и время,
Сияет планета,
Как в сказочных снах.
Только вместе мы сильны,
Чудеса творить вольны,
И всегда устремлены
К победе.
Мы от вас не далеко,
Мы подружимся легко,
Не разлучит нас никто,

На свете.

Нас повсюду хранит

Путеводная нить,

И дарим мы свет планете.

09. Карма

Утро гасило последние запоздалые звезды, а на кухне Маргарита уже разливала ароматный чай, который должен был хоть немного успокоить её кухню. Эллиен выглядела совсем растерянной и такой бледной, что веснушки на её лице стали ещё заметнее, а большие глаза на исхудавшем лице стали казаться ещё крупнее.

— Ну, ты как, солнышко? — Маргарита заботливо поставила на стол чашку и присела рядом.

— Не знаю... Я так запуталась, — девушка тяжело вздохнула и сделала глоток горячего напитка, — Максимилиан оказался прав, тест подтвердил, что я в положении.

— Не переживай, всё будет хорошо... — ей больно было видеть сестру такой, но чем она серьезно сейчас могла помочь, кроме как поддержать?

Но иногда и этого бывает достаточно, чтобы не дать упасть духом, когда сталкиваешься с жизненными трудностями.

Рыжеволосая обвела пальцем ободок чашки:

— Вам легко говорить, — она тяжело вздохнула и опустила голову, — Ну, почему? Почему меня угораздило полюбить именно его: демона-оборотня.

— О! Поверь, это ты ещё Жана в гневе не видела, — попыталась улыбнуться Маргарита.

В это время на кухне появился Джон. Он звал уже проснувшихся детей помочь ему готовить особые кунжутные капкейки с карри.

— По иронии, самую большую боль мы причиняем тем, кого больше любим. И только они же могут принести самую большую боль нам. Так бывает, когда мы любим, когда нам не всё равно. Но он не собирается бросать тебя в сложной ситуации — это серьезный мужской поступок, — тихо произнес он, проходя мимо опечаленной Эллиен, на что та ответила не слишком бодрой, но искренней улыбкой, — Ребенку нужен отец, а ему нужен этот ребенок — он тоже переживает. Может, стоит дать ему шанс?

— Жан?! Доброе утро! — Маргарита поднялась со своего места, чтобы поцеловать мужа.

— Доброе утро, милая! — мужчина с радостью поцеловал её, потом обернулся к рыжеволосой, — Подумай над моими словами, а мы поддержим тебя в любом твоём решении и не дадим ни кому в обиду.

Пока супруги миловались, а дети, с перепачканными мукой личиками, с шумом и воодушевлением своими маленькими пальчиками вылепливали цветы из теста, чтобы украсить ими пирожные, рыжая отхлебнула горячего чая — и приятное тепло разлилось по телу. И про себя Эллиен подумала, что, возможно, и у неё получится создать счастливую семью, пусть даже и с таким непростым мужчиной, как Макс. В конце концов, он не отказывался ни от неё, ни от ребенка и ясно дал понять это. Максимилиан, конечно, не ангел, но и они — не простые смертные. Кому же понять её, как не ему? К тому же — любые отношения, это не только радость, но и ежедневный труд, работа над собой. Все мы по своей природе являемся эгоистами в той или иной степени, и приходится находить разумные компромиссы, чтобы жить и взаимодействовать рядом с другим, пусть и очень любимым, человеком. Может быть, если они постараются, то и у них получится создать, пусть не совсем нормальную, но счастливую семью.

Постепенно кухня наполнялась солнечным светом, голосами проснувшихся домочадцев,

ароматами кофе и пирожных.

Даниэлла проснулась с тяжелой головой и мрачными мыслями. После такого пугающего сна её состояние сложно было назвать нормальным. С трудом открыв глаза, девушка вздрогнула — рядом на кровати сидел доктор и внимательно смотрел на неё:

— Ты не поехал в клинику? — спросила она, неловко пытаясь подняться с кровати.

— Я позвонил, сказал, что задержусь, — он потрепал её светлые волосы, потом взял с туалетного столика гребень и принялся бережно расчесывать золотистые пряди её волос, что почти магическим образом успокаивало, — Ты ночью спала беспокойно, кричала и вздрагивала во сне. Я испугался за тебя, тебе самой не помешал бы врач.

Златовласая умиротворенно улыбнулась и утвердительно кивнула:

— Я держусь, со мной всё будет хорошо. К тому же, наша Марго не даст мне погрузиться в уныние, — эти мысли заставили её улыбнуться, — а ты нужен своим пациентам, — Даниэлла провела рукой по его ладони и взяла со спинки кресла свой халат.

— Ты уверена? — вопросительно посмотрел на неё Джек.

— Я справлюсь, не переживай, — подобрав длинные волосы заколкой, девушка ещё раз улыбнулась своему отражению в зеркале, — Мне сегодня быть целый день с Маргаритой и детьми — скучать не придется, сам понимаешь.

В таком приподнятом настроении они спустились в столовую, пока Дэни не заметила на столе утренний выпуск многотиражки:

— Что это? Утренняя газета, — девушка подошла ближе и взяла её в руки, — И что пишут? — повертев газету в руках, она пробежалась глазами по заголовкам, — Программа телепередач — это неинтересно. Объявления о знакомствах — это нам не нужно, правда? А это что? — светловолосая изменилась в лице и побледнела, чуть не выронив газету, — Как? Как такое может быть? Только не это... — она присела на стул, справляясь со сбившимся дыханием, судорожно хватая ртом воздух, она вцепилась пальцами в сидение, — Что там написано? Что-то я не могу разобрать — этот человек, что, умер? Его убили вчера ночью? — она резко отложила бумаги, словно чего-то сильно испугавшись.

— Кто это? Ты его знаешь? — доктор вопросительно посмотрел в голубые глаза супруги.

— Хотела бы я никогда его не знать... — покачала светловолосой головой Даниэлла — Это я убила его.

— Что ты такое говоришь? — с подносом капкейков в руках, Джон так и застыл на пороге столовой, — Как это возможно?

Блондинка была вся на взводе, она подскочила со своего места, чуть не выбив поднос из его рук.

— Да послушайте же! — из глаз её брызнули слезы, она бессильно опустилась на стул, — Ночью он проник в мой сон и пытался убить меня. Но... но, я... Я убила его, черт побери! Я даже не представляю, зачем он это делал, не знаю, каким он был человеком... Как же мне жить дальше? — как ей этого не хотелось, пришлось поделиться ужасными подробностями своего пугающего сновидения.

— Милая, с тобой всё в порядке? — Маргарита отставила графин с соком и присела рядом, обняв подругу.

— Конечно, я не в порядке, — неожиданно Дени освободилась из её рук и стукнула кулаком по столу так, что стаканы на нем испуганно зазвенели, а Маргарита невольно вздрогнула, — как вы не понимаете?!

— Всё будет хорошо, послушай... — маленькая брюнетка робко положила руку ей на плечо.

— Ничего не будет хорошо, пока я не разберусь, что случилось, — светловолосая повернула к ней серьезное и напряженное лицо, — я должна быть там. Я не успокоюсь, пока не пойму...

— Да что это с ней? — озадаченно прошептал Джон, бросив заинтересованный взгляд в её сторону.

Но не успел он и развернуться, чтобы пойти за второй порцией пирожных, как девушка поднялась со своего места, ухватив его за рукав рубашки:

— А с вами что такое? Со всеми вами? — её возмущенный взор впивался в лица собравшихся.

— Он был демоном, Ди! Он убить тебя хотел! — весело аргументировала Маргарита. Брюнетка наивно полагала, что подобное должно было утешить подругу, но вместо этого златовласая разнервничалась ещё сильнее:

— Но умер он от моей руки! Я не контролировала себя! — развернулась она лицом к Маргарите, бросив контраргументы, — Я думала, что это только сон, а он погиб по-настоящему.

— Ты не виновата, ты защищалась, — доктор крепко обнял её за плечи и почувствовал на своих руках влажные капли её слез.

Даниэлу мало что могло довести до слез, но сейчас они были самые настоящие, она ревела как ребенок:

— Как такое могло произойти? — в последней надежде она обратилась к друзьям за так необходимой ей сейчас поддержкой, — Я же хорошая, ведь так? Так, черт возьми? Это так? Не молчите же, ради Бога! — она резко отстранилась, когда доктор попытался обнять её, схватившись руками за голову, — НЕТ! Лучше не говорите ничего. Мой мозг сейчас взорвется от ваших эмоций. Это... переполняет меня...

— Что? Что происходит с тобой? — слова доктора долетали до златовласой, будто издалека.

— Я и сама хотела бы знать, — чтобы как-то отвлечься и хоть чем-то занять руки, она почти автоматически кинулась разливать чай, но дрожащие руки не удержали чайник, и он выскользнул, расплескав кипяток и погребая под собой комплект столового фарфора.

Девушка схватила полотенце, чтобы прибрать со стола, но молодой хирург остановил её, заставив сесть на место:

— Боже, Джек, прости меня, я сегодня с самого утра сама не своя, — виновато выдавила она, но руки, на всякий случай, решила держать при себе и ничего не трогать, — Ты же мог обварить свои руки и лишиться любимой работы!

— Со мной всё нормально, — заверил её Джек, в то время, как Маргарита вопросительно стреляла глазами в сторону Джона, но тот мог только недоуменно пожать плечами, также не до конца понимая, что происходит, — А вот, что с тобой?

— Я не знаю, не знаю... Я начинаю тяготиться этой силой, — Даниэлла чувствовала себя такой опустошенной, словно переступила некую черту, за которой больше ничего нет — только бесконечная тьма, — Я больше не управляю ею, она управляет мной.

Вокруг воцарилось молчание — друзья ошеломленно притихли, да и сама девушка пыталась осмыслить ею же сказанное.

И все терзания её души видела в своем зеркале Лаурита:

— Какой сюрприз. Я чувствую сильное смятение, — Лаура, улыбнувшись провела ладонью по холодной гладкой поверхности стекла, точно считывая информацию по ту сторону зеркала и сканируя душевное состояние златовласой, — Что же, хоть какой-то от тебя оказался прок, Саймон. При жизни ты не смог послужить мне лучше. И на том спасибо — твоя гибель поселила сомнения в её душе и сделала восприимчивой к моему проклятию, которое сведет её с ума, — наконец, удовлетворенно хмыкнула она.

Решив не упускать подходящий момент избавиться и от златовласой, и от её ребенка, девочка начала произносить древнее заклинание. И по мере того, как она это делала, в руке её формировался сгусток темной энергии, который она швырнула сквозь стекло.

Тотчас же златовласая ощутила, как внутри всё похолодело, и в тело вторглось нечто настолько обжигающе ледяное, что пришлось задержать на время дыхание:

— Извините, мне нужно побыть одной, — после того, как она инстинктивно согнулась, обхватив себя руками, изучая глазами рисунок паркетного пола, девушка отдышалась и сделала попытку подняться.

— Эй, Ди, ты куда? — дернувшись от окрика доктора, она не устояла на слабых ногах, — Даниэлла! Вернись!

— Что вы понимаете! — обе девушки вовремя успели отскочить, когда она зацепила стакан с водой, пролившийся на тройник, вызвав короткое замыкание и фейерверк искр с локальным воспламенением, которое Маргарите удалось своевременно погасить при помощи своей силы, — Не прикасайтесь ко мне! Держитесь на расстоянии! — Даниэлла вскрикнула и предупреждая выставила руку, — Да что же это такое?! Я стала опасна для окружающих. Я приношу только боль своим близким. Я сама себя боюсь. Это не может так дальше продолжаться. Это должно прекратиться.

— Ди? Да что это с тобой? — маленькая Маргарита подошла к ней и напомнила подруге дыхательные упражнения, которым их учили на курсах для беременных, — Давайте мы все сейчас успокоимся и вместе разберемся, в чем дело? Давай, на счет два — делай глубокий вдох, потом выдох...

Но все её попытки оказались тщетны:

— Вы только посмотрите, кем мы стали, — блондинка демонстративно проигнорировала её наглядную демонстрацию, — Наша сила калечит и убивает. Я — смертельное оружие, живая бомба. Я не хочу этой силы! Заберите её! Возьмите её назад! — и от её оглушительного крика грозило разорвать барабанные перепонки, мебель в столовой и посуда в серванте заходили ходуном, а оконные стекла покрылись паутиной множественных трещин.

— Мой Бог! Ди, остановись! — Маргарита прикрыла лицо ладошкой, изо всех сил стараясь не заплакать от того, насколько больно было ей видеть подругу такой.

— И не смейте меня преследовать! — Даниэлла быстрым шагом проследовала в прихожую, наскоро натянула сапоги, схватила с вешалки плащ и уже открыла входную дверь, столкнувшись с вернувшимся Этьеном, — Я хочу остаться одна, — она снова схватилась за голову, оперевшись о стену и медленно осела на колени, — Все эти эмоции, они повсюду: боль, страх, отчаяние, ненависть... Неужели люди способны испытывать столько негатива? Там на улице прошел человек, его мучает зубная боль, но он боится идти к дантисту. А в соседнем доме жена изменяет мужу со своим адвокатом. Какая мерзость! Я не хочу этого всего знать! Мне не выдержать!

— Тогда прочти наши эмоции! Как же доброта, забота, понимание, сочувствие,

любовь? — брюнетка предприняла ещё одну попытку воззвать к подруге, — Мы поможем тебе, мы обязательно что-нибудь придумаем. Ты только не волнуйся и постарайся расслабиться.

Даниэлла только раздраженно фыркнула и... исчезла. Просто растворилась в воздухе под изумленные взгляды друзей.

— Что случилось? Что у вас тут за шум? — обеспокоенно поинтересовался спускавшийся по лестнице под руку с Александрой отец Марка, Витриченко-старший, — Кто здесь мерцает?

— Мер... Что? — переспросила Маргарита, переводя удивленный взгляд своих огромных глаз то на Льва Витриченко, то на мужа, то на доктора.

— Мерцание — один из темных даров демонических существ, позволяющий перемещаться в любую точку пространства по своему желанию, — пояснил бывший Охотник, наблюдая, как всё расширяются и расширяются от потрясения их глаза, — Уж поверьте мне на слово, в демонической природе я разбираюсь хорошо. Так кто тут мерцал?

Демоническая способность у златовласой? Но, откуда? И где теперь искать Даниэллу?

Маргарита пошатнулась, ухватившись одной рукой за плечо мужа, с другой стороны её поддержал отец Марка:

— Дитя, с тобой всё в порядке? Это был демон, он напугал тебя? — сочувственно спросил мужчина, видя её нервное состояние.

Тут уже Маргарита не выдержала эмоционального напряжения и окончательно разрыдалась.

— Нет-нет-нет! Это не был демон, и я до сих пор не могу в это поверить, — всхлипывая, проговорила она, пока муж усадил её в кресло и подал стакан воды и таблетку аспирина, — Этого не должно было случиться... Мы должны помочь Дэни как можно скорее. Ей же очень плохо.

— Я правда испугался, что кто-то из моих бывших, так сказать, коллег, явился сюда. Прошу прощения, дитя, что расстроил тебя ещё больше, но мне ли не знать, я был далеко не самым последним в иерархии, — отец Марка присел на соседний стул со смесью неподдельного сожаления и гордости на лице, — "Властелин Ветров", не по должности, а по магическому дару.

— Ого! Так, наш Марк — почти принц, — присвистнул от удивления Джон.

Но мысль ему не дали развить, сразу же предупредив:

— Только ему пока не говорите, я сказал это не для того, чтобы похвастать. Меня считают предателем, на меня объявлена охота. И я совсем не уверен, что они уже успокоились — и это ещё одна из причин, почему мне следует как можно скорее покинуть ваш дом и не злоупотреблять вашим гостеприимством. Я совершенно не хочу, чтобы вы пострадали. И Марку пока не знаю, как сказать — не желаю, чтобы мой сын стал приманкой для тех, кто хочет выследить меня. Он сейчас погружен в несколько иные заботы, и не хотелось бы мешать его жизни и разрушать его счастье, — мужчина высказался и замолчал, и страхи его были понятны, а его забота о других людях и собственном сыне вызвали уважение.

Маргарита подумала, что как только они помогут златовласой, то должны найти способ защитить Льва Витриченко — нельзя отнимать у него шанс измениться и начать новую жизнь.

А Марк был занят более приятными заботами — в эту ночь и в это утро, рядом с той

женщиной, которую он по-настоящему любил.

Миниатюрная японка игриво потянулась на постели и принялась перебирать тонкими пальцами лавандовые локоны Марка — она могла так целую вечность смотреть на него, любуясь его красотой.

Парень открыл глаза, поймав её пальцы, и улыбнулся:

— Доброго ранку! (Доброе утро! Укр.) — Мей не до конца понимала его слов, но сказаны они были с такой любовью и нежностью, что перевод и не требовался.

Она улыбнулась в ответ — ему так шла его легкая улыбка, которая делала его ещё моложе, совсем мальчишкой. Улыбка — универсальный язык, его понимают в любом уголке мира, люди, которые разговаривают на разных языках.

Парень поднялся на постели и обнял её за плечи, мурлыча себе под нос:

— Ти признайся мені,

Звідки в тебе ті чари,

Я без тебе всі дні

У полоні печалі.

Може, десь у лісах

Ти чар-зілля шукала,

Сонце руту знайшла

І мене зчарувала?

Червону руту

Не шукай вечорами,

Ти у мене єдина,

Тільки ти, повір.

Бо твоя врода -

То є чистая вода,

То є бистрая вода

Синіх гір.

Бачу я тебе в снах,

У дібровах зелених,

По забутих стежках

Ти приходиш до мене.

І не треба нести

Мені квітку надії,

Бо давно уже ти

Увійшла в мої мрії.

Девушка поцеловала его в щеку и встала с кровати в поисках своего халата. Найдя, она накинула его и хитро сощурившись, улыбнулась:

— Марк, как ты думаешь, я могу поговорить с господином Танака, чтобы он позволил мне попробовать себя на фотосессии? — она провела рукой по его плечу, с надеждой глядя в его глаза.

— Хочешь обыграть этих моделей в их же игре? — и ни кто ещё не смотрел на неё с такой гордостью, кроме родителей, — Ты красива, умна и достаточно молода — почему бы и нет?

— Значит, ты поддерживаешь меня? — девушка с радостью кинулась ему на шею.

— Я всегда буду поддерживать тебя, — прошептал он, целуя её в висок, и снова

облегченно улыбнулся, — что бы ни случилось. Просто знай это и помни всегда.

— А у тебя красивая улыбка, — Мей пальцем обвела контур его губ.

— Мне как-то дали один совет: улыбаться даже когда на душе очень тяжело, — серьезно ответил Марк, крепче обнимая её.

— Потому, что кто-то может влюбиться в твою улыбку, — закончила девушка за него.

— Именно, — договорить она ему не дала, закрыв рот поцелуем.

Тем временем внизу, на первом этаже Маргарита уже развернула бурную деятельность:

— О! Этьен, стой здесь и ни куда не уходи, я сейчас соберу остальных, — она деловито ткнула пальчиком в грудь озадаченного юноши, и бегом поднялась на второй этаж, — Марк! Мей! Ну, где же вы... Ой, ё! — Маргарита резко дернула за ручку двери, и та поддалась, — Простите, ради Бога! Я не смотрю, не смотрю... — увидев их целующимися и очень плохо одетыми, она прикрыла глаза ладонью и невольно покраснела, — Жду вас внизу. Спускайтесь, мы нужны Даниэлле, — уже скоро она вернула контроль над собой.

— Эй, тут вообще уважают неприкосновенность личного пространства? — Маргарита успела захлопнуть дверь до того, как рассерженная азиатка швырнула в неё подушкой.

— Я же извинилась! — крикнула с лестницы Маргарита, — Живо спускайтесь! Пока я покормлю дочерей, вы должны быть готовы.

— Дорогая, может тебе стоит умерить рвение? — Джон взял Маргариту за руку и попытался успокоить.

— Как ты можешь такое говорить? — девушка так резко развернулась на лестнице, и только то, что она вцепилась пальцами в его плечи, уткнувшись лицом в его грудь, не дало ей упасть со ступенек, — Я знаю Даниэлла почти всю свою жизнь и не позволю ей сгинуть, — нервно всхлипнула она в его объятиях.

— Я не это хотел сказать, — такой знакомый родной голос и тепло родных рук вселяли в сердце силу и уверенность, — Мы разделимся и поищем её, а тебе с матерью лучше остаться дома на тот случай, если она вдруг вернется. Ты ещё не достаточно сильна для активных действий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Маргарита виновато кивнула:

— Ты прав, конечно. Прости, — она подняла голову и крикнула на второй этаж, — Раф, Ями! Рафаэль! Спуститесь к нам или я сейчас сама поднимусь.

— Достаточно, милая. Достаточно того, что ты их позвала, — Джон мягко взял её под руку, уводя с лестницы, пока она не покалечилась, не в силах совладать с собой от волнения.

— У нас проблемы? — сонно протирая глаза, пробормотал младший принц, спускаясь из спальни, пока сестра Джона искала, что надеть.

— Боюсь, что самой большой проблемой для меня сейчас будут поиски кольца для помолвки, — пожал плечами Марк.

— Ах, да, — согласно подмигнул Рафаэль, похлопав его по плечу, — кто-то же у нас собрался жениться. Ты обратился как раз по адресу, будет тебе кольцо, даже не переживай.

Возвратившихся из супермаркета Джастину и Дэна, Маргарита, даже не дав снять верхнюю одежду, огорошила известием о пропаже златовласой. Собрав друзей в столовой, Марго принесла карту, и они приступили к распределению кварталов города для скорейшего поиска. Со старшим братом Даниэллы, Питером, пришлось говорить шепотом, чтобы не услышали мистер Дерек и леди Камилла. Пришлось солгать им, что златовласой срочно понадобилось забрать конспект у однокурсницы, но к обеду она обязательно вернется. Когда

приходится врать хорошему человеку, который доверяет тебе и не ожидает подвоха, то на душе становится так гадко. Но, не могла же она сказать им, что их дочь обрела демонические способности, которые сводят её с ума. Как она будет смотреть в глаза этим людям, если они не найдут Дэни, или с ней случится беда?

Изо всех сил Маргарита старалась держаться и гнать от себя такие ужасные мысли, пока домочадцы не разошлись по своим делам, а друзья не отправились на поиски Даниэллы.

Сменить ход её мыслей заставил плач дочерей на втором этаже, требующих к себе внимания.

Лишь ощущение тепла материнской руки на её плече придало ей достаточно сил, чтобы взять себя в руки. Успокоив малюток, накормив их и уложив спать, две женщины устроились на диване, закутавшись в теплый мягкий клетчатый плед, и принялись рассматривать альбомы с фотографиями. Глядящие со снимков улыбающиеся приветливые родные лица — это именно то, что необходимо было сейчас Маргарите, чтобы вернуть ей душевное равновесие.

Стоило только Маргарите снова увидеть Валентину, как тотчас же вспомнила свой сон, в котором она спасла жизнь своей матери.

Поставив на стол поднос с двумя порциями чая и печеньем, Маргарита под села поближе к матери, с удовольствием переглядывая свадебные фотографии родителей и свои детские снимки:

— Мама, всё хотела узнать: а почему ты дала мне именно такое имя? — спросила, наконец, девушка, перелистнув очередную страницу фотоальбома, этот вопрос вот уже несколько минут вертелся у неё в голове и на языке.

— Разве я не рассказывала тебе эту историю? — женщина отложила альбом, глядя на дочь со всё тем же умилением и той же любовью, с какими смотрела на неё с момента её рождения, ведь для матери родной ребенок всегда остается её малышом или малышкой, сколько бы лет ему не было, а скоро Маргарита и сама поймет это, — В тот день, когда я узнала, что жду ребенка, я попала в автомобильную аварию. Меня спасла одна девушка. Совсем молодая... Вот смотрю сейчас на тебя и думаю, как же она была на тебя похожа. Видимо, не зря я назвала тебя её именем. Кроме её имени, я ничего больше не знаю о ней. Спасая меня, она потеряла свой крестик — это всё, что осталось мне на память о том дне. Я хотела вернуть ей украшение, но девушка исчезла. Когда мы с Шарлем пришли навестить её на следующий день, то узнали, что она исчезла из госпиталя. Потом мы отдали крестик тебе, чтобы та, что помогла тебе появиться на свет, и дальше продолжала оберегать тебя.

— Мой крестик? — Маргарита провела рукой по шее, нащупав цепочку.

— Он ведь всегда принадлежал тебе, не так ли?

Девушка не сдержала изумленного возгласа, когда мать обняла её:

— Надо же! Так, это был не сон? — в ответ руки Маргариты обвили шею матери, — Мамочка, я так тебя люблю!

— Я тоже люблю тебя, дочка! — женщина улыбнулась, погладив её по голове.

— Но как ты поняла, что это была я? — девушка кокетливо прикусила губу.

— Я же твоя мать, — кивнула Валентина, и они продолжили пить чай и смотреть фотографии, пока малышки снова не проснулись.

В то самое время, пока Маргарита с матерью предавались нежности и воспоминаниям, а друзья исследовали город в поисках исчезнувшей Даниэллы, в покоях Аманды появилась хорошо знакомая девочка со светлыми волосами и карими глазами, недовольно нахмурив

брови и надув пухлые детские губы:

— Ну, так что, Аманда? — Лаурита обошла нервно напрягшуюся всем своим существом блондинку, — Что делать будешь? Или ты уже не способна завлечь мужчину?

— Он не такой, Лаура, ты его не знаешь, — Аманда устало опустилась в кресло, — Я не встречала ещё такого, как он.

— Все они одинаковы, — сердито фыркнула девочка, подойдя к блондинке и нависнув над ней, уперев руки в подлокотники кресла, — все их клятвы и обещания: ни что не вечно. Они все, рано или поздно, уходят. И Ондзи такой же. Всем им нужно только одно: он молодой здоровый мужчина, который слишком долго не был с женщиной, пока его девчонка вынашивала ему дочерей. Так иди, утешь его. И было бы совсем неплохо, если бы до неё дошли некоторые слухи... Это убило бы её наивную веру в любовь, в них, в их отношения, в их будущее.

— Это слишком жестоко, Лаура, — Аманда схватилась за голову.

— Да, уж как есть, — девочка снисходительно потрепала её светлые локоны, — Тебе разве не хотелось отомстить? Тебе ведь тоже клялись в вечной любви? Но тот мужчина предал тебя, он оказался женат, а тебя выдал на суд толпы, приговорившей к смерти на костре. Твоя душа всё ещё не нашла успокоения и жаждет мести. Думаешь, я не догадываюсь, кто в городе безжалостно убивает женатые пары? Кто заманивает и соблазняет женатых мужчин, а после — испытывает извращенное наслаждение, убивая мужа на глазах у жены, выжигая легкие, и оставляет обоих заживо сгорать в адском пламени? Полиция квалифицирует это, как несчастные случаи, но стоит им копнуть поглубже и поискать совпадения...

И от сладкого тона её речей пробирало до дрожи в коленях:

— Что тебе нужно, Лаура? — призвав на помощь всю свою волю и выдержку, выдавила Аманда.

— Ничего, что составило бы затруднение для тебя, — Лаура, по видимости, считала, что это должно было успокоить её, — Мне нужен этот мужчина и его девчонка, вернее — их жизни.

— Как пожелает моя госпожа, — тяжело выдохнула блондинка, вцепившись побелевшими пальцами в кожаную обивку кресла.

Девочка улыбнулась и провела ладонью по её щеке, больно ущипнув после:

— Не разочаруй меня! И не ври, что не получишь от этого удовольствие... — и исчезла так же внезапно, как и появилась.

А Джон продолжал искать по городу златовласую, не ведая, какая опасность нависла над ним самим.

Мучительно режущий по нервам визг тормозов, и Джон, чертыхнувшись и ударив кулаком по рулю, вышел из автомобиля:

— О, Господи, месье, мне так жаль... — миниатюрная блондинка виновато хлопала идеально накрашенными ресницами.

— Ничего, переживу — в конце концов, это всего лишь машина, главное, что с вами всё в порядке, — отмахнулся мужчина, критически осматривая повреждения автомобиля — она, внезапно появившись на дороге, заставила его резко свернуть к бордюру, помяв при этом бампер и проколов колесо.

— Да, я в порядке, если не считать, что до чертиков испугалась, — она выдала кукольную улыбку.

— Ну, не более, чем я, — усмехнулся смуглый, — Теперь остается только дожидаться эвакуатора и вызвать такси, — он старался улыбаться, но после произошедшего утром со златовласой, внутренне он всё ещё был весь, как на иголках, ему нужно было разыскать её как можно скорее, а тут такое дело... — пытался дозвониться до жены, но телефон его так не вовремя разрядился. Мужчина мыслями был сейчас далеко, чтобы оценить опасность, исходящую от этого существа — суккуба с ангельским обликом.

— Можете позвонить от меня. Разрешите, пока вы будете ожидать, предложить вам чашечку кофе и пирожное, — девушка изобразила самое дружелюбное и приветливое выражение на лице, — Я живу тут совсем рядом — вон в том доме, из окна вы сможете видеть подъезжающий эвакуатор или такси, — для большего эффекта, она показала рукой в нужную сторону.

— Это очень любезно с вашей стороны... — он ответил на её предложение больше автоматически, он был на пределе.

— Аманда, месье, моё имя — Аманда, — блондинка протянула свою ухоженную руку.

— Очень приятно, Аманда, — он ответил на её приветствие, она ведь не виновата в его нервозности и, похоже, честно старалась помочь, — Я вас, кажется, помню. Мы встречались на мероприятии в клубе господина Танака. Меня зовите Джон.

— У вас красивое имя, месье, — кокетливо подмигнула светловолосая, и сердце внутри радостно затрепетало — он помнит её.

— Ну, спасибо, — за разговором они не заметили, как уже дошли до апартаментов Аманды, и она достала из сумочки ключи, чтобы открыть дверь, — мне оно тоже нравится.

Когда он вешал в прихожей свою куртку, блондинка мягко развернула его лицом к себе:

— У вас такой благородный взгляд. Месье, вам говорили, что вы похожи на сказочного рыцаря или принца? — она провела ладонями по его плечам, — Простите, что говорю такие странные вещи...

— Вы любите сказки, Аманда? — мужчина мягко отстранился, и улыбнулся своей чарующей улыбкой.

— Знаете, какая была в детстве моя любимая? — девушка заметно оживилась, доставая из шкафчика пакет дорогого кофе, и продолжила, когда мужчина заинтересованно кивнул, — Давным-давно жил-был Прекрасный Принц. Он хотел жениться на замечательной девушке, но злая колдунья зачаровала принца, чтобы стать королевой и завладеть его королевством.

— И что же было дальше? — нахмурился Джон от странного беспокойного предчувствия.

— Чтобы осуществить свое колдовство, ведьме нужен был знак, что её чары сильны... И вот, однажды она увидела в небе созвездие принца, его меч и три звезды его короны. Колдунья увидела знак, пленила красавицу и наложила на принца заклятие.

— Но принц победил злую колдунью, женился на красавице, и жили они долго и счастливо? — мужчина попытался свести всё в шутку, видя, как девушка напряглась.

Лицо Аманды стало серьезным, и она как-то грустно добавила:

— На самом деле, злая колдунья родила наследника, убила принца и навсегда завладела его королевством.

— Что это за сказка такая? — удивленно переспросил Джон, с волнением глядя на неё.

— Я была странным ребенком, — пожала плечами Аманда и загадочно рассмеялась, — Ваш кофе, месье, — не то, чтобы девушка проявляла какое-то особое рвение, но, кофе она

приготовила достаточно быстро, поставив перед ним чашечку ароматного бодрящего напитка и вазу с пирожными.

— Благодарю, — Джон сделал несколько глотков, и что-то заставило его насторожиться, — Странный вкус у этого кофе, вы не находите? Как будто зерна слишком пережарили... Никак не пойму, что же это за вкус...

— Это вкус твоей смерти, — девушка подошла к нему совсем близко, положив свои изящные руки на его плечи.

— Вы что-то сказали, Аманда? — он повернул голову, посмотрев затуманенным взором.

— Нет-нет, ничего, — она убрала руки и отошла посмотреть в окно.

— Что-то мне нехорошо, — перед глазами всё поплыло, конечности не слушались, — голова вдруг стала такая тяжелая... Я не могу... Только не сейчас — я нужен им... — и секунду спустя его голова безвольно опустилась на стол, а изящная фарфоровая чашка, из которой он пил, выпала из рук и разбилась об пол...

Блондинка взглянула на него, и в душе шевельнулось что-то большее, чем просто похоть. Ей хотелось именно его любви, любви взаимной.

— Молодец, Аманда! — за спиной девушки раздался пугающе спокойный голос, Аманда судорожно вздрогнула и обернулась, — Отведи его в спальню и дай мне его телефон.

— Простите, госпожа, но я не могу... — Аманда виновато опустила голову, но не отступила, покоряясь, — Я разрядила его...

Лаура замешкалась и сделала огромные глаза:

— Что?! Что ты сказала, повтори? — девочка требовательно протянула раскрытую ладонь и сердито топнула ножкой, её глаза опасно потемнели, — Теперь он — мой. А сейчас, исчезни! Без тебя разберусь, — Аманда умоляюще посмотрела в ставшее снова бесстрастным лицо, но Лаурита только отмахнулась от неё, как от надоедливого насекомого.

— Ты же обещала, что отдашь его мне! — Аманда опустилась перед ней на колени, подняв мокрое от слез лицо.

— Я передумала. А ты, наивная, мне поверила? — Лаура со злостью пнула её носком своего начищенного ботиночка.

В это мгновение Маргарита ощутила острую боль в сердце, от которой чуть не остановилось дыхание, и по щеке скатилась слеза. С болью выдохнула она имя мужа — и обручальное кольцо на его руке раскалилось, порождая боль, возвращающую сознание.

— Отойди! — демонесса, что была заключена в хрупком детском теле рвалась на свободу и уже приготовилась нанести удар, концентрируя в своих ладонях сгусток чистой энергии, — Влюбленная дура!

Странное дело, но Аманда ещё никогда не чувствовала настолько хорошо, и пусть Лаура считает иначе — да, она влюблена. И пусть её любовь безответна, пусть он никогда не ответит на её чувства, но он был честен с ней, а она обманула — и только это разрывало её и омрачало горечью влюбленное сердце. Она не даст ему умереть с мыслью, что был обманут ею. Сейчас она была просто влюбленной женщиной — не больше, но и не меньше.

Последнее, что она могла сделать — встать на пути атаки, посланной обозленной Лаурой.

От её предсмертного крика Джон дернулся, подскочив на месте, и открыл глаза:

— Аманда! — безвольное тело опустилось к его ногам, Джон едва успел подхватить её под руки, — Ты убила её, Лаура. Зачем? Зачем?!

— Она предала меня, — сокрушенно и медленно произнесла она, — Как изначально хотела предать тебя, солгав и хитростью совратив на грех. Она хотела доказать тебе свою любовь. Дура! Любовь лишила её остатков разума и здравого смысла. Что же... её желание исполнилось. Мне, правда, жаль — это должен был быть ты.

Самые уникальные способности человека — это способность творить и преодолевать препятствия, терпеть и преобразовывать, любить и быть выше наших страданий.

Бен Окри

— Всё это уже не важно, — голос Аманды, на удивление, был спокойным, на контрасте с судорожно напряженным смуглым лицом мужчины, — Поцелуешь ли ты меня на прощание, Ваша Милость? Споешь ли мне колыбельную, — она приложила ладонь к его губам и улыбнулась, даже в смерти она хотела остаться привлекательной для него. Он опустил глаза, и рот его передернуло от беззвучного всхлипа.

— АМАНДА!!! — Джон не смог сдержать крика и слез, она умирала из-за него, на его руках... Его глаза стали черными, а его сила, бесконтрольно выплескивалась, разметав всё вокруг.

— Да, кто ты такой?! — Лаура только чудом не свернула себе шею, оглядываясь по сторонам, — Откуда у тебя такая сила? — прошептала она, — Да, кто же ты такой, черт возьми? Но, я это выясню. Клянусь, выясню. И тогда... — постепенно её очертания становились всё более расплывчатыми, а голос — всё тише, — Такая сила должна служить мне. Твоя сила...

Джон так и остался сидеть на полу в кухне с мертвой девушкой на руках. А по улице уже спешил вызванный соседями полицейский патруль.

Азиат направлялся навестить свою хостес Аманду, когда заметил автомобиль с сиреной. Ондзи принял решение опередить служителей закона, сократив путь дворами:

— Какого... — едва переступив порог, Ондзи застыл в изумлении посреди разгрома.

— Господи, Лаура всё-таки сделала это, она убила её. Аманда для неё была только приманкой, чтобы заманить меня в ловушку, — растерянно пробормотал Джон, выглядевший не многим лучше мертвой Аманды: лицо его осунулось, глаза запали, его руки тряслись.

— Это ты окружному прокурору рассказывать будешь, — саркастически заметил азиат, помогая ему подняться, — а я с удовольствием на это посмотрю.

— Черт побери, но это правда! — Джон дернулся, и внутри всё скрутило от боли, — Я не делал этого! Я не убивал её!

Настроенный на философский лад, азиат заметил, подводя его к входной двери:

— Милый мой, кому она нужна, твоя правда, когда есть такой отличный подозреваемый? Я достаточно хорошо знаю людей. Полиции нужно закрыть дело, а журналистам нужна сенсация. И хочешь, я скажу тебе, какое объяснение будет для них более правдоподобным? Пока твоя жена была беременная, ты завел интрижку с другой женщиной, которая узнав, что ты собираешься вернуться к законной жене, решила тебя шантажировать — а ты избавился и от неё, и от проблемы — самым радикальным способом.

— Господи! И кто-то готов поверить в такую чушь? — Джон сплюнул с досады.

— Она звучит гораздо убедительнее твоей истории, согласишься? — ехидно усмехнулся собеседник, — и молись, чтобы не нашлись свидетели, которые скажут, что последним, с кем видели девушку, был ты — иначе, у полиции появится к тебе очень много вопросов. Тебя подставили, а ты и повелся, как дурак, прости.

— И что я им скажу? — Джон оттолкнул его и сел на пол прямо в прихожей, обхватив голову руками, — Что Аманду убила шестисотлетняя демонесса в теле милого ребенка?

— Да, боюсь, что такое объяснение их вряд ли устроит... — с сожалением согласился азиат.

Голова всё ещё раскалывалась — то ли от пережитого, то ли, как последствие действия наркотика, которым опоила его Аманда:

— Грязь, какая грязь... И как меня угораздило вляпаться во всё это?

— В этом мире добро наказуемо, пора бы уже уяснить это, дорогой, — назидательно пояснил азиат.

— Как мне сказать об этом Маргарите? — Джон посмотрел на него взглядом полным мольбы о помощи и сочувствии.

Онджи поднял его на ноги и настоятельно повел к выходу:

— Это разобьет девочке сердце. А о детях ты подумал? Достаточно даже подозрения, чтобы твоё имя смешали со всей этой грязью — и что потом? Что будет ждать их?

— Но Маргарита имеет право знать правду. Кто же меня поймет, если не она? — покачал головой мужчина.

— Так, ну и сложную задачу ты мне загадал, — азиат серьезно задумался, щелкнув его по носу, — Замолчи и не мешай мне думать. Надеюсь, ты ничего не трогал в квартире?

— Я только пил кофе — Джон растерянно захлопал ресницами.

— Вы посмотрите на него — он только пил кофе, — азиат беззлобно захохотал, — Вопиющая неосмотрительность. Значит так, слушай меня внимательно, — оставив безуспешные попытки образумить сейчас Джона, он присел рядом. И принялся вещать, загибая для солидности пальцы, — Я делаю это ради неё — Маргарита не заслужила такого даже по твоей исключительной наивности. Сейчас я вызываю скорую, а ты запоминай всё, что я скажу, чтобы наши показания в точности совпадали: твоя машина сломалась, ты вызвал эвакуатор, а я как раз проезжал мимо по пути к Аманде — она не появилась сегодня в клубе, сославшись на плохое самочувствие, вот я и решил проведать её, подбросил и тебя заодно. Запоминаешь? Девушка нам показалась слишком бледной и мы посоветовали вызвать врача. Аманда согласилась и предложила нам перед уходом выпить по чашечке кофе, но тут ей стало резко хуже и она потеряла сознание — до приезда медиков она не доживает. На наше большое счастье, Лаура убивает похоже на инсульт — но для верности лучше бы вскрытие проводил Хадзама-сенсей и подтвердил причину смерти. Всё понятно? Повторять не нужно?

— Не нужно, — коротко кивнул Джон.

— И ещё раз повторю — молись, чтобы ни кто не видел, как ты входил с ней в здание, — одной рукой азиат пытался удержать Джона хоть в каком-то подобии вертикального положения, второй рукой он пытался набрать номер скорой.

Ещё более сильное потрясение они испытали по дороге домой после дачи показаний в полицейском участке — это была девушка на мосту...

Азиат от волнения чуть не впечатал автомобиль в столб, когда узнал в ней златовласую. Они и надеяться не могли, что так скоро отыщут её. Только Джон рассказал ему о том, что произошло с Даниэллой, и вот он видит её, готовую закончить жизнь самоубийством.

Я знаю, каково это — когда ты боишься собственных мыслей.

Спенсер Рид

Им огромного труда стоило убедить патруль оцепления, что они знают её и могут попытаться помочь.

— Даниэлла, не делай этого, прошу, — Ондзи устремился к ней, но девушка выставила вперед трясущуюся руку, её бледное лицо было покрыто испариной, а глаза были безумными.

— Кто ты и что тебе нужно? — внутренние голоса нашептывали ей самые сокровенные страхи, что ей не суждено найти свое место в жизни и обрести счастье в этом мире, где никогда не примут таких, как она, и проклятие это коснется и её потомков. Она уже ни кого не узнавала и не понимала, что с ней происходит, заблудившись в самых пугающих уголках собственной души.

Жестом Ондзи остановил следовавшего за ним Джона и дальше продолжил путь один. Под удивленным взглядом голубых глаз он сначала перекинул одну ногу через ограждение, потом — вторую, затем медленно приблизился к девушке, протянув свою руку:

— Я не позволю умереть той, благодаря кому я смог почувствовать себя не демоном, а человеком — обыкновенным парнем, влюбленным в прекрасную девушку, — он был как никогда серьезен, и голос его дрожал, — И я понимаю, что ты чувствуешь, когда внутри тебя — нечто, что ты не можешь контролировать, что может причинить зло тем, кто нам дорог.

Я наткнулась на парадокс: если ты любишь до боли, боль уходит, и остается только любовь.

Мать Тереза

По щекам девушки потекли слезы, и она протянула свою ладонь в ответ.

Тогда он помог ей перелезть назад и передал в руки Джона.

В этот момент его позвали, и в толпе Ондзи увидел Решина:

— Волшебное дитя умножает силу леди, благодаря этому она смогла выдержать, — улыбнулся слепой, — Леди станет матерью будущего ангела, и твоя помощь была поистине неоценимой, — и звезды в вечернем небе засияли ярче.

Азиат достал свой телефон и набрал номер доктора, а златовласая вдруг согнулась, закричав от боли — пережитый стресс спровоцировал схватки.

А вскоре зал родильной палаты огласит детский крик, знаменующий приход в этот мир новой жизни.

— Привет, незнакомка, — улыбнулась с порога Маргарита, когда ей наконец разрешили навестить молодую маму с ребенком.

— Привет, напугала я вас, да? — устало усмехнулась златовласая, физически она была истощена, но морально она ещё ни когда не чувствовала себя лучше.

— Ди, господи, как же мы переживали за тебя! — в глазах маленькой брюнетки стояли слезы, она перебросила свою сумочку на другое плечо и залепила своей маленькой ладошкой звонкую пощечину златовласой подруге, — Это за то, что заставила нас волноваться! Как ты могла? — потом она громко шмыгнула носом и крепко-крепко обняла её, заревев в голос, и слезы её капали на больничные простыни кровати златовласой подруги, — А это — за то, что я тебя так сильно-сильно люблю!

— Я тоже очень люблю тебя, малышка! — Даниэлла провела рукой по темным волосам подруги.

— Ди, я знаю, как тебе было тяжело, — Маргарита присела на край кровати и взяла её руку, — Я и сама не раз подумывала о том, чтобы отказаться от своей силы и пожить спокойной жизнью обычного человека — без демонов, без сражений и постоянного страха за свою жизнь и жизни близких. У меня, в конце концов, маленькие дочери, за которых мне так страшно. Хорошо знакомая нам Лаура даже как-то чуть не уговорила меня отречься от

своей силы. Но я не сделала этого, и знаешь, почему? Сама по себе сила не принадлежит ни злу, ни добру — всё зависит от того, для чего она используется. Наши же силы используются ради добра. Нам не из чего выбирать — такова наша сущность. Что поделаться — мы мазохистки, — хихикнула брюнетка, — Подумай, сколько мы совершили хорошего, и сколько ещё можем совершить. Ты самый добрый и светлый человек из всех, кого я знала — если бы наши силы были дарованы нам во зло, они никогда не достались бы такой, как ты.

— А ты — самый мужественный человек из всех, кого я встречала.

И в этом, видимо, и есть главная сила Маргариты — в том, чтобы придавать сил другим.

— Конечно, не твой сын станет воплощением зла на земле. И можешь считать меня круглой душой, но я продолжаю верить, что моя любовь поможет спасти его, — и она действительно верила, несмотря ни на что, — Можно мне взглянуть на ангелочка? — девушка перевела взгляд на детскую кроватку, и Дэни утвердительно кивнула.

Тогда Маргарита наклонилась над колыбелькой:

— Привет, маленький Александр! Твоя тетя хочет с тобой познакомиться, — и очаровательное голубоглазое создание улыбнулось ей в ответ.

Сказано: время лечит все раны. Я не согласна. Раны остаются. Со временем разум оберегая свое здоровье, затягивает их шрамами. И боль утихает, но не проходит...

Роза Кеннеди

Все, что мы сделали только для себя, умирает вместе с нами. Все, что мы сделали для других и мира, остается навечно.

Альберт Пайн

Всё отделение хирургии, в котором работал Джек, поздравляло доктора с рождением сына. Коллеги устроили ему настоящий праздник — с воздушными шарами, тортом и огромным количеством цветов и милых сувениров для молодой мамы.

Самочувствие Даниэллы было уже гораздо лучше, и она уже готовилась к выписке, пока в доме друзья готовились обставить их с доктором комнату необходимыми для детской предметами.

Танака Ондзи привыкал к жизни обычного смертного: ему предстояло уладить формальности с похоронами Аманды и решить некоторые свои личные дела, поэтому он навестил Даниэллу одним из последних.

— Можно зайти? — дверь приоткрылась, и на пороге показался азиат.

— Конечно, проходи, — златовласая жестом пригласила его, и в палату вошли азиат вместе со своим братом: такие похожие, и такие разные, как две противоположности, дополняющие друг друга.

Теперь, когда проклятие больше не властвовало над ней, Даниэлла снова могла улыбаться своей обворожительной улыбкой: новому дню, солнечному свету за окном, играющему отблесками в складках оконных гардин, плывущим высоко в небе облакам, ласковому ветру, свежести морозного воздуха.

Она улыбнулась со всей признательностью:

— Не знаю, как и благодарить тебя: ты спас жизнь не только мне, но и моему сыну. Я плохо помню, что было со мной, но это убивало меня.

Ондзи ответил взглядом, полным печали — она была так близко, и в то же время, так недостижимо далеко:

— Если бы ты не была человеком, так оно и было бы. В каждом из нас есть темная сторона — это так, она дает нам силу воли, твердость, способность принимать решения.

Сила человечности заключается в том, чтобы контролировать темную сторону, не дать ей одержать верх, подавлять в себе эгоизм и низшие инстинкты, учиться жить среди других и думать не только о себе, и нести ответственность за последствия своих решений и поступков.

Златовласая слушала, и чувствовала, что слова его искренны и правдивы. И от сердечности и откровенности его слов ощущался реальный прилив так необходимых ей сил.

Брат азиата посчитал нужным добавить:

— Сила дитя леди не позволила проклятию погубить её, — Даниэлла понимала, что лгать он не будет, она и сама отметила изменения, происходившие с ней, не просто характерные для нормальной беременности, — дитя леди будет вершителем великих дел. Наша встреча была предрешена. Настало время — и я нашел вас, нашел дитя.

Азиат поставил на прикроватный столик принесенную им диковинную стрелицию в горшке с лепестками в виде оперенья тропических птиц, специально доставленную ему из Южной Африки.

— Я предлагаю тебе и господину Дестинофф стать совладельцами моего клуба, — обронил он, как бы между делом, раздвигая оконные шторы, — Мне хватает на жизнь, а вам деньги сейчас пригодятся. Дети будут расти первое время очень быстро, и им много чего может понадобиться: одежда, обувь, игрушки, детское питание.

— Благодарю, но мне кажется, что это лишнее, — смущенно заметила златовласая.

— Пожалуйста, не перебивай меня, — мягко улыбнулся Ондзи, присаживаясь рядом с ней на кровати, — Ещё я составил завещание, по которому, если со мной что-нибудь случится, то клуб уйдет Джону. Он хороший человек, и я ему доверяю.

— Завещание? — девушка чуть не задохнулась от волнения, замотав головой, схватившись за его руку, испуганно глядя ему в глаза, — Даже не думай об этом, ты будешь жить ещё очень и очень долго.

— Теперь я — смертный, и должен предвидеть и такой вариант, — с улыбкой покачал головой азиат.

— Я не дам тебе умереть, обещаю... — златовласая крепче сжала его ладонь, — Мы не дадим... Мы защитим тебя.

Мужчина поспешил подняться, чтобы не встречаться взглядом с её глазами цвета небесной синевы — её милость, её сопереживание ранили ещё сильнее:

— Я верю тебе, но хочу всё продумать, — тихо молвил азиат с болью в голосе и во взгляде, — Вы не можете быть рядом со мной круглые сутки. Если я могу ещё что-то для вас сделать, то я должен поговорить с Лаурой.

— С ума сойти! — она остановила его за руку, — Ты же больше не всемогущий демон... Это может быть опасно...

— Только не волнуйся, тебе вредно, — Ондзи ласково погладил её по светловолосой голове, — она не причинит мне вреда. Ты понимаешь, о чем я?

— Ты был у неё на особом счету? — Даниэлла подняла на него лицо, — Я с трудом могу вспомнить, но ты сказал что-то важное, когда пытался вернуть меня?

Ондзи снова покачал головой, подавляя в себе эту боль, что зарождалась внутри каждый раз, когда он смотрел на неё:

— Ничего, чтобы волновало тебя...

Чувствуя, что обстановка становится напряженной, Решин осмелился отвлечь их внимание на себя:

— Леди разрешит, — он поднялся со своего места, опираясь на руку брата, — Поприветствовать будущего ангела?

Даниэлла кивнула, и Ондзи подвел его к детской кроватке.

— Танака-сан, — тяжело вздохнула златовласая, — Мне жаль, что не могу ответить на ваши чувства...

— Интересно, а при других обстоятельствах... — про себя задумчиво произнес азиат, а вслух добавил, — Не обращай внимания, я не хотел тебя волновать.

Джон всё ещё винил себя в смерти девушки и надеялся, что отпустив её душу, он сможет отпустить и свою боль. И Ондзи поддержал его в этом решении — как начальник Аманды, он должен присутствовать, когда её будут провожать в последний путь, и не возражал, чтобы Джон присоединился, зная насколько это будет важным для него. Они с Маргаритой уже надевали темные траурные одежды, собираясь сопроводить азиата на похороны Аманды — на улице в машине их уже ждали Марк и Мей. Маленькая японка имела лишь поверхностное знакомство с покойницей, но как коллега, она хотела принести дань уважения.

Сама церемония не была какой-то особенной для таких случаев, но для них это было в некотором роде откровением — насколько же они мало о ней знали.

Среди всей этой модельной элиты Джон заметил стоящего в отдалении седовласого мужчину в черном одеянии и солнцезащитных очках. Он стоял, облокотившись о ствол старого дерева, скрестив руки на груди. От него исходила мощная аура неопределенного характера.

Не в состоянии объяснить, чем этот человек настолько заинтересовал его, Джон шепнул несколько слов друзьям и подошел поговорить с таинственным незнакомцем.

— Кто вы? — приблизившись и коротко поприветствовав, он перешел к тому, что больше всего волновало его сейчас, — У меня такое чувство, я знаю вас...

— Смерть, — медленно протянул мужчина, глядя в упор, и тут же поправил сам себя, — Ангел Смерти, если быть точным.

— Я уничтожу тебя, и больше никто не будет умирать, — со злостью процедил Джон, и лицо его свело судорогой.

— Меня нельзя победить, — спокойно ответил незнакомец, но это совершенно не успокоило Джона, — Вам придется смириться. Я всегда получаю то, за чем прихожу.

Скорее — наоборот, просьба укротить себя и подчиниться вызывала в нем только новую, ещё более сильную, волну протеста.

— Господи, это же похороны, в конце концов, — сверкнул глазами Джон.

— В чем дело? — Смерть провел ладонью перед его лицом, считывая его боль и самые потаенные страхи, — Я забрал кого-то из ваших близких, и вы хотите его вернуть? Брата? Матушку? — Джон дернулся, его губы задрожали, виски сдавило, а к горлу подступила горечь, — Отца, я прав?

— Не смейте о нем говорить! — он даже не пытался скрыть, насколько эти слова задели его.

— Я так и понял, — понимающе кивнул собеседник, — у вас печальные глаза маленького мальчика, которого бросили в одиночестве, — снова провел рукой и добавил, пока Джон стоял оцепенев, — Вы злитесь на меня, потому что я забрал его. Вы отказываетесь принимать меня за того, кто я есть. Вы думаете, что сможете победить меня.

— Вы меня не знаете, — повысил голос Джон, — Вы ничего обо мне не знаете! — но вскоре постарался взять себя в руки.

— Сколько раз я уже видел это, — Смерть только покачал головой, — злоба, боль, яростное ожесточение против меня, словно я — зло в последней инстанции.

— А разве это не так? — недоверчиво изогнул бровь мужчина.

— Нет, я не добр и не зол, я просто есть, — собеседник доверительно положил руку ему на плечо, — Пока вы это не осознаете, вы не двинетесь дальше. Жизнь имеет смысл только потому, что не бесконечна, и именно смерть заставляет любить жизнь, — с сожалением вздохнул он, — Её время пришло, как когда-то настало время вашего отца. Прекратите бороться со мной.

Джон снова вернулся к реальности и обернулся в ту сторону, где священник продолжал читать отходную молитву:

— Прости меня, Аманда... — выдохнул Джон.

— Концентрация всей вашей ярости на мне делает вас уязвимым для настоящего зла этого мира, — заметил Смерть.

Джон устало развел руками:

— И как мне теперь быть? Я не знаю...

— Погорюйте, а потом продолжайте жить, — посочувствовал собеседник, — Тогда вам станет проще принять... Ваше имя следующее в моем списке...

— Не дождетесь! Я не собираюсь умирать.

— Ваше имя следующее в моем списке приемников... — Смерть всё же закончил свою мысль.

После этих слов Джон отпрянул, не желая верить, потом схватил собеседника за ворот плаща и припечатал к стволу дерева:

— А чего хочу я? Это ни кого не интересует? — Джон отступил, предупреждающе выставив руку.

— Полегче, Ваша Милость, — погрозил пальцем Смерть и исчез, растворившись в воздухе, — Примите это, и всем станет легче...

— Черта с два я приму это, — сердито сплюнул Джон и вернулся к остальным, — Прощай, Аманда, да обретет твоя душа вечный покой, — в свою очередь он возложил на её могилу цветы.

Следующим за ним был Ондзи:

— Прощай, Аманда, да смилостивятся к тебе Небеса.

Марк вместе с семьей решал проблемы несколько иного рода:

— Маркеш, ну, как, — не без гордости поинтересовался Витриченко-старший, — тебе понравился наш будущий дом?

— Да, отец, — согласился парень, ничего не имея против, — отлично.

Под довольным взглядом азиатки мужчина улыбнулся:

— Значит, ты не против переехать? Начинается жизнь, и начать её в новом месте будет символично. В доме друзей с появлением Александра понадобится свободная комната.

Витриченко-старший обнял их обоих:

— Ты — мой сын, и я всегда буду защищать тебя и ту, которую ты любишь. Вас можно будет оставить на неделю, пока мы слетаем за Оксаной?

— Мы справимся, отец, — рассмеялся Марк, — не волнуйся, — японка согласно кивнула.

— Пан Дестинофф обещал присмотреть за вами, пока мы не вернемся, — сообщил отец Марка, — сможете собрать вещи и подготовиться к переезду. Ваши друзья, кстати, уже

приглашены на новоселье.

Джон, проходя мимо них, Джон позвал мужчину для разговора, высказав свои опасения:

— Не сочтите за неуважение, но это — верх беспечности. Нам сейчас стоит держаться вместе.

— Но мы все имеем право на частную жизнь, согласитесь? — парировал Витриченко-старший, и по-своему был прав, Джон понимал это, но не переставал беспокоиться, — Мы же не на другой планете будем. Что-то случилось, и вы вините себя в произошедшем? Вашей вины здесь нет, вам не стоит мучиться, — разгадав его переживания, Лев по-отечески похлопал его по плечу.

— Спасибо! Вы, наверное, правы, — Джон выдавил измученную улыбку, но постарался мобилизоваться и навести порядок в мыслях, — Я постараюсь успокоиться. Так от меня будет больше пользы.

И всем им было совершенно не до мужчины, стоящего поодаль, а между тем, игнорировать выводы проводившего вскрытие покойной Аманды доктора Артура Клейтона, начальника отца Маргариты, им не стоило — этот человек отличался наблюдательностью и настроен был очень решительно:

— Они? — мужчина нервно закурил, сделал пару затяжек, и потушив сигарету, вернулся к своей машине, в сейфе его рабочего кабинета уже было собрано внушительное досье по всем загадочным случаям и нераскрытым смертям, в связи с которыми фигурировали имена дочери Шарля-Анри, её мужа и её знакомых, — Снова они? Да что же это такое происходит? Снова загадочная смерть, и снова рядом оказываются эти люди? Что творится, черт возьми? Я уже не верю в простое совпадение. Я соберу больше информации и выведу вас на чистую воду.

После похорон Ондзи отпустил Винтера и Максимилиана до конца дня, попросив только предварительно отвезти брата в клуб, а сам отправился на старую квартиру, чтобы забрать кое-что из своих вещей.

Неожиданная пустота и тишина давили на мозги одиночеством и неопределенностью — квартира пустовала несколько дней, Лауры ни где не было видно.

— Лаур-ра! Лаур-ра! — азиат тяжело вздохнул и подошел к клетке с вороном:

— Пойдем со мной, приятель, я позабочусь о тебе.

Пройдясь по комнатам, он обнаружил разбитую фарфоровую куклу в комнате Лауриты.

Мужчина опустился на колени, собирая осколки:

— С Днем рождения, Лаура, — тихо прошептал он, прижимая у груди кукольное тельце, и в глазах его отразилась болезненная тоска. У Лауриты сегодня действительно был День рождения...

Лауры в квартире не было, стало быть, она наверняка занята какими-нибудь пакостями. Господи, когда же она насытится и успокоится?

И всё-таки, ему не хватало её капризов и истерик, её слез и её смеха. Не хватало её...

Для обеспечения безопасности хранителей, перед уходом он зашвырнул зачарованный сборник сказок в магическое зеркало Лауриты, где тот благополучно исчез, а зеркало пошло трещинами и в конце концов разлетелось на осколки.

Если Лаура узнает, то безусловно будет не в восторге от этого его поступка, но так он поступает правильно, единственно верно, как ему казалось.

В клуб он вернулся поздним вечером и всю ночь работал с документами — на следующей неделе тут должен выступать знаменитый Брюно Пелетье, и предстояло

разобраться с бюрократическими вопросами.

Теплые простыни ещё хранили страсть и нежность прошлой ночи, а Джон и Маргарита в полной готовности, облаченные в спортивные костюмы, уже были готовы приступить к тренировочным занятиям в подвальном помещении дома, которое по настоянию Джона специально расчистили от всего ненужного и переоборудовали для этих целей.

— Не расслабляйся, будь готова к удару, — Джон уже стоял напротив супруги, принимая боевую стойку, — Я делаю выпад — ты блокируешь, ты делаешь выпад — я блокирую.

Несколько пробных выпадов и уклонений, и Маргарита, за время беременности отвыкшая от подобных нагрузок, уже выдохлась. Ему не стоило больших усилий уложить её на лопатки.

— Если ты хотел быть сверху, мог бы просто попросить, — улыбнулась Марго, когда он протянул руку, помогая ей подняться.

— Не смешно. От этого зависят наши жизни, — Джон, напротив, совершенно не выглядел веселым, но горячие объятия его не стали менее крепкими, — Тренировки будут стоять на первом месте — невзирая на наши отношения, или, скорее, именно из-за наших отношений. Нельзя игнорировать опасность. Тебе нужно восстановить форму. Мы должны быть готовы. И запомни — всегда смотри в глаза противнику, не отводи взгляд.

— А можно попросить тайм-аут? — попросила Маргарита, отдышавшись.

— Вставай, — он ещё долго всматривался в её лицо, — Демоны не дадут тебе тайм-аут, когда попросишь. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Я знаю, знаю, — девушка обреченно вздохнула.

Они не заметили, как спустились Марк и Мей.

— О! Мы, кажется, не вовремя, — азиатка хихикнула, прикрыв рот ладошкой, глядя на растерянное выражение на лице Маргариты, — Вы заняты?

— Проходи, — кивнул мужчина, — Бой на мечах учит уверенности и ловкости, — поцеловав смущенную Маргариту в макушку, он снял со стены тренировочные мечи, протянув один из них азиатке, — Марго, отдышись пока. Слышал, что Мей у нас талантливый мечник. Может, продемонстрируешь свое умение?

— Разве у меня есть выбор? — хмыкнула японка, проверяя балансировку оружия.

— Нет, — откровенно ответил Джон.

Достоинно выдержав поединок, азиатка удостоилась похвалы от Джона и полного гордости взгляда Марка.

— Неплохо, совсем не плохо, — улыбнулся мужчина, принимая у неё меч и поманив Марка.

— Я знаю, спасибо, — Мей демонстративно поклонилась.

— Молодцы — пятнадцать минут медитаций для укрепления духа, и девушки на сегодня свободны.

10. Карнавал марионеток

После физических нагрузок Джону и Маргарите так приятно было расслабиться под теплыми струями душа, где стирается грань между двумя телами, между страстью и нежностью, когда воедино сплетаются тела, пальцы, локоны — кожа к коже, локон к локону, дыхание к дыханию.

А на кухне шла полным ходом подготовка к новогоднему вечеру — весь дом пропах специями, ароматами выпечки и готовящегося в духовке мяса. С самого утра над созданием аппетитных шедевров трудились мать Маргариты и молодое дарование от кулинарии — Джастина О'Нилл.

И как же хотелось верить, что всё плохое, всё опасное и тревожное останется в уходящем году, а новый год они войдут с новыми надеждами, новыми стремлениями, новыми мечтами.

Беспокойство вызывало исчезновение Лауры — её Джон и пальцем не успел тронуть, хоть руки так и чесались. Всем стало бы значительно легче, если бы не приходилось опасаться новых козней её злого гения. Маргарите же было искренне жаль её, в чьих глазах она видела печаль и боль, не свойственную детям. Сколько же она прожила лет? Или веков? Маргарита этого не знала, но знала, что это должно быть невыносимо тяжело — столько хранить в себе такие эмоции.

Больше всех волновался азиат: он переживал и за её судьбу, и за Хранителей, и не известно ещё, за кого больше. Став смертным, он перестал чувствовать ту, кто была его не только его госпожой три долгих столетия, но и просто была рядом всё это время. Странное ощущение пустоты — он уже успел привыкнуть, что она всегда есть, а теперь её не было — и он словно осиротел.

В погоне за способом наверняка обезвредить Хранителей, она могла накликать беду на всех них.

Без тьмы не будет света, она дает возможность свету сиять ярче. В мире должен поддерживаться баланс, иначе всё погрузится в хаос. Ондзи по-настоящему испугался, что Лаурита может от отчаяния додуматься выпустить древнюю силу Аватара, заточенную в незапамятные времена ради всеобщего спокойствия и блага. Не подконтрольная ни злу, ни добру, эта сила способна изменить привычный ход вещей в мире, и это может отразиться как на судьбе Хранителей, так и на судьбе самой Лауры, а ему, чего уже тут скрывать — не безразлична эта безрассудная девчонка.

И где искать её теперь?

Все эти размышления мешали ему сосредоточиться на финальных штрихах подготовки выступления популярной группы "The Cranberries" в новогоднюю ночь. Поставив последнюю подпись на договоре поставки спиртного на мероприятие, он опять задумался. За окном всё так же светило зимнее солнце и проплывали облака, а холодный ветер заставлял прохожих на улице сильнее кутаться, ускоряя шаг. И ни кто из них даже не догадывался, что именно в этот момент на кон может быть поставлено будущее всего человечества. Азиат встряхнулся — что-то в последнее время он совсем не собран.

А на кухне Маргарита наслаждалась каждой минутой в кругу друзей и близких, многие из которых вынуждены будут покинуть гостеприимный дом после праздников: отец Марка и Александра отправятся на Украину за маленькой Оксаной, с ними отправится в дорогу и сам

Марк, чтобы принять участие в модном показе новой коллекции мужской одежды от украинского дизайнера Андре Тана, вернуться после каникул на родину предстоит и миниатюрной японке Мей. А скоро наступит весна — пора пробуждения природы от зимнего сна. Они молоды и свежи, и это их пора — время чистого неба и искренних эмоций, пора переполняющей энергии молодости и освежающего ветра, доносящего ароматы сирени, лаванды и жасмина, время теплых дождей и мягких красок, время надежд и свершений, время бессонных ночей, многообещающих взглядов и обостренных чувств.

Собирались в дорогу и Ями с Рафаэлем. Джон как раз обсуждал с последним детали новой коллекции ювелирных украшений для весеннего показа, который состоится уже в марте. Друзьям как раз выпадет уникальная возможность сопровождать доктора на его родину в Японию, где планируется проведение медицинской конференции по актуальным вопросам кардиохирургии. Им своими глазами предстоит увидеть всё то удивительное в этой стране, что уже успели увидеть Марк и Мей. Они и не догадывались пока, какие их ожидают приключения в самом сердце Страны Восходящего Солнца. Но всему этому ещё только предстоит свершиться, а в настоящий момент общая скорбь по отцу сблизила братьев, как никогда раньше, находя друг в друге поддержку и утешение. Как жаль, что для этого им пришлось потерять близкого человека. Но теперь пришло понимание того, что вместе они сильнее, а любые проблемы и жизненные невзгоды легче встретить сообща. И спустя годы, когда придет время, первый найдет слова, чтобы объяснить сыну, что небольшое соперничество между родными братьями нормально и допустимо, но это не должно переходить границ и перерастать в паранойю, а его родительской любви хватит на всех своих детей. Второй донесет до разума Анри, что быть младшим в семье вовсе не означает проклятие, а сила семьи — в единстве и взаимопонимании. Возможно, именно это и поможет вернуть парня и не даст повториться печальной истории их непримиримой вражды. Всю свою жизнь он будет сожалеть о том, что отец так мало времени проводил с ними — и подсознательно всегда бояться повторения подобной судьбы, бумерангом обрушившейся на их карму.

Из прихожей послышался звук открываемой входной двери:

— Мы дома! — Эллен отряхнула пальто и свои длинные рыжие волосы от мокрого снега, что шел на улице, — Кто-нибудь нам поможет занести покупки?

За ней зашел Макс с огромными пакетами из супермаркета в обеих руках.

— Эл, Макс, вы вернулись? — Маргарита приветственно помахала рукой из-за кухонной двери, пока парни принимали у Максимилиана пакеты.

— Может быть, хоть вы поговорите с ней? — проворчал мужчина, отряхиваясь от снега, — Я пытаюсь объяснить этой девушке, что в её состоянии танцы опасны. Придется сделать перерыв на некоторое время. А она меня не слушает, — выглядел он сейчас взволнованным и даже смущенным, что не вязалось с его брутальной внешностью.

— Странно, что это говоришь ты, — усмехнулась рыжая.

Мужчина обиженно надул губы, скрестив руки на груди:

— Я имею право волноваться, — справедливо возмутился он.

— Но, в танцах — моя жизнь, как ты не понимаешь? — слезы брызнули из глаз, и Эллен закрыла лицо ладонями и села на стул, пытаясь подавить в себе отчаянный всхлип.

— Друзья, давайте не будем ссориться, — Маргарита присела рядом и приняла у девушки перчатки, шарф и сумочку, — Мне кажется, что опасения Максимилиана от лучших побуждений. Это же не навсегда. Ты ещё вернешься на сцену, вспомни хоть Ноэль, к

примеру... Девочка уже оправилась и делает успехи. Ноэль... Точно! — маленькая брюнетка прищелкнула пальцами от гордости за пришедшую ей в голову идею, — Вы же помните её? Она может временно заменить тебя, заодно это поможет самореализоваться и ей, окончательно вернуть ей веру в себя, пока ты возьмешь отпуск.

— Это так сложно и тяжело, — девушка слабо улыбнулась и решительно тряхнула копной своих рыжих волос, — Но похоже, вы правы.

— Солнышко, это не конец света, это жизнь, — Маргарита провела рукой по её волосам, Максимилиан тяжело вздохнул.

Рыжеволосая покачала головой:

— Да, но всё так стремительно меняется в последнее время. Мне придется свыкнуться с этой мыслью.

— Мы не опоздали к завтраку? — в дверях появились Этьен и Николь, отряхивая друг друга от снега, — Сегодня так метет.

Мимо продефилировала с сияющей улыбкой Джастина, весьма довольная результатами своей стряпни:

— Все, кто замерз — марш мыть руки, — девушка несла в руках поднос с кофейным сервизом, — Давайте, поторопитесь, а то кофе остынет.

— Ребята, у Никки есть к нам разговор, — неуверенно замялся рыжий, — И мне кажется. Нам следует послушать, что она хочет сказать.

— Мы долгое время оставались в стороне. Но больше не можем игнорировать... — Николь с самого начала знакомства производила впечатление девушки серьезной, но сейчас она была абсолютно сосредоточена, — Мы — Стражи, призванные охранять тайну существования магии от смертных. Обычно мы не вмешиваемся в противостояние, но вы являетесь важной частью магического наследия, к тому же — вы не исполнили пока свое предназначение.

— То есть, вы на нашей стороне? — недоверчиво переспросила златовласая, отставив чашку.

— Мы — сами по себе, но в данный момент, в интересах всеобщего блага и равновесия силы, мы должны защищать вас.

— Отлично! — с облегчением выдохнул Джон, всё это время внимательно слушавший беседу, но тут собравшимся пришлось обернуться к телевизору, где диктор вещала с пугающим спокойствием:

— Мы снова прерываем наш выпуск новостей для экстренного сообщения: найдена девятая по счету жертва таинственного преступника. Это — молодая девушка, студентка колледжа. Потерпевшая была найдена в центральном парке в состоянии кататонии и скончалась по дороге в клинику. Как и все предыдущие жертвы — она брюнетка, невысокого роста, хрупкого телосложения, её имя, как и остальных, также начинается на букву М...

— Да что же ни как не уgomонится, — покачала головой Маргарита.

Азиат поспел только к окончанию завтрака, из окна они видели, как он припарковывал автомобиль. В этот раз он был без охраны и вел машину сам.

Златовласую обеспокоила такая его беспечность, в чем она мягко упрекнула его:

— Танака-сан, может быть, стоит быть более осторожным? — он согласно кивнул, а сердце защемило от того, что за него переживают, — Без своих сил вы незащищены, в то время, как мы не знаем, чего ожидать от одной нашей общей знакомой, — между тем продолжила Даниэлла, не обращая внимания на его снисходительную улыбку.

Тогда Ондзи решил пояснить, что волновало его на самом деле:

— Меня беспокоит исчезновение Лауры. Я перестал чувствовать её, и не могу сказать, где она сейчас и чем занимается. Но не это волнует меня сейчас. Мне она не причинит зла. Впрочем, как и для меня она не безразлична. А вот вы теперь, когда должны совмещать воспитание детей, карьеру и долг Хранителей — очень уязвимы. Я переживаю, чтобы Лаурита не навредила вам, — подавая чашку горячего кофе, Дэни ещё долго смотрела в его темно-фиалковые глаза и снова убеждалась в правильности своего решения послушать тогда Маргариту, отказавшись от мести за погибших друзей, очистить его и дать шанс на новую жизнь.

— Если можно было бы, я готов отказаться от всех своих сил и стать простым смертным, только бы все эти демоны перестали нас преследовать и оставили мою семью в покое, — пока Маргарита разогревала в микроволновке булочки, Джон присел рядом, осторожно подув на горячий напиток в своей чашке.

— Не торопитесь и будьте осторожны, а то ваше желание может исполниться, — предостерег его азиат, ему-то теперь очень хорошо понятно, что это такое, когда ты лишаешься того, что столько лет было частью тебя самого, — Как вы сможете защитить то, что вам дорого, без ваших сил?

— Ничего, не обращайтесь внимание. Это так, мысли вслух, — Джон напряженно вздохнул и опустил тяжелый взгляд снова на содержимое чашки, — Всё-таки, моя мать — земная женщина, — в глубине души он понимал, что азиат прав, и без своих способностей он не сможет гарантировать безопасность своих близких.

— Знаете, господин Дестинофф, после трех сотен лет я начинаю понимать вас, — отхлебнув кофе, Ондзи понимающе улыбнулся, — Но у меня нет ни жены, ни детей. Случись что, обо мне и плакать некому будет, — он задержал взгляд на кофейной пене.

— Не говорите так, Танака-сан, — белокурая серьезно нахмурилась, потом ободряюще похлопала его по плечу и предложила горячий сэндвич, — вы ещё можете начать всё заново, можете быть счастливым. Даже будучи демоном, добро говорило в вас сильнее.

— Смотри-ка, вы получили статус Невинного в её глазах, — хихикнула в кулачок Маргарита.

— Марго, не смущай его, — наигранно сердито пригрозила Даниэлла.

— Хорошо, не буду, — брюнетка подчинилась больше для вида, она совсем не испугалась, игриво перемигнувшись с азиатом, прежде чем поднялась на второй этаж проверить, как там малышки-близнецы.

Допив свой кофе, Ондзи поблагодарил за завтрак:

— Спасибо, было очень вкусно, — благодарно улыбнулся он, вставая, — Я, собственно, за Максом заехал.

— Максимилиан, спускайся, — крикнула Маргарита на второй этаж, в то время, как дочери у неё на руках улыбались и пускали пузыри, — Танака-сан приехал и ждет тебя.

Светловолосый лохматый великан с серыми глазами нехотя спустился. Вопреки опасениям, его вид не вызывал страха у малышей. Наоборот, они живо интересовались его персоной, словно большим плюшевым мишкой.

— Уже иду, — проходя мимо, Макс усмехнулся в ответ на их беззубые улыбки, — Какие милые у вас малышки.

— А ведь дети, как никто, чувствуют людей. И если они тянутся к вам, то и нам стоит прислушаться к их мнению. Как считаете? — Маргарита пыталась совладать с приткыми

пальчиками их маленьких ручек, — Диана, Катрин, пустите уже дядины волосы. И бороду тоже отпустите, ну, же, будьте хорошими девочками, — но они продолжали строить глазки, улыбаться и тянуть к мужчине свои маленькие ручки, перебирая пальчиками его длинные русые волосы. Словно признавали в нем хорошо знакомого, родного человека: будущего наставника своего младшего брата и отца своего кузена.

— Они так юны, а уже знают, как обратить на себя внимание мужчины. Это что же будет, когда они вырастут? — с улыбкой заметил мужчина, — Что не удивительно при такой матери.

— Месье Максимилиан, вы так наблюдательны. Временами я даже начинаю ревновать, когда они открыто предпочитают общество Жана, — согласилась девушка и, обернувшись к супругу, забавно надула свои пухлые губы, — Да-да, дорогой, ты для них — сказка, мужчина-праздник, который спешит исполнить любую их прихоть. А как они обожают, когда папа поет им колыбельные — вы бы только знали. Это надо видеть их счастливые личики в этот момент. На твоём фоне мне бывает так тяжело быть хорошей матерью, что это заставляет меня нервничать, — потом её губы сами расплылись в широкой улыбке, и Маргарита подарила ему поцелуй, когда он принимал из её рук дочерей, — Но у них твои удивительные глаза, которые до сих пор не дают мне покоя. Я ведь думала, что любовь с одного взгляда бывает только в литературе, что так влюбиться — свойственно только излишне впечатлительным и увлекающимся натурам. А стоило только раз, один-единственный раз взглянуть в его глаза, как я всё поняла и всё узнала о нём. Узнала самое главное — насколько этот человек благороден душой и чист сердцем.

И в подтверждение её слов, едва очутившись на руках у отца, девочки успокоились и дружно засопели своими маленькими носиками.

— А мне одного взгляда хватило, чтобы понять, что я не встречу лучшей девушки, что я уже нашел то, что искал — нашел свою судьбу, — подтвердил Джон и поцеловал жену в темноволосую макушку.

Маргарита ещё раз подняла глаза на мужа — какое же это счастье, видеть его любимые глаза, просыпаться в его объятиях, когда он видит тебя не накрашенной, взъерошенной со сна, и всё равно целует, называя при этом своей любимой женщиной.

— Ну, идем уже, Макс, — азиат поторопил помощника, — Мне нужно проверить перед мероприятием, достаточно ли мяты и трубочек для коктейлей, хватает ли чистых скатертей и полотенец — и тому подобные мелочи, которые могут испортить вечер.

— Всего хорошего, Танака-сан! — попрощались обитатели дома, когда Ондзи с Максимилианом покидали их, решив дольше не злоупотреблять гостеприимством, — До встречи вечером.

Но, пока до вечера было ещё время, чтобы Ондзи мог проконтролировать последние приготовления к новогоднему вечеру в клубе.

Этот день обещал быть исключительно насыщенным, ведь пока ты молод и полон энергии, хочется брать от жизни всё по максимуму. И перед вечером, нашим героям предстояло посетить выступление детской балетной труппы и увидеть в их исполнении балет "Щелкунчик" — самый новогодний из всех. За билеты им следовало поблагодарить рыжеволосую Эллен, которая всё-таки смирилась с тем, что придется сделать перерыв в карьере, но никто не запрещал ей наслаждаться прекрасным из зрительного зала. Полюбоваться действием и поддержать первый серьезный дебют Ноэль с тех пор, как её здоровье пошло на поправку, и она вернулась к репетициям, решили всей большой

компанией, оставив самых младших детей на попечении бабушек.

Но день только начался, и до обеда можно было занять себя много чем интересным. На улице шел мелкий снег, делая воздух чище и прозрачнее. Привыкший к жизни в более жарком климате, Джон предпочел провести время с семьей у теплого камина, тем более, что молодая пара Ями и Рафаэль скоро отбудут домой, в то время, как его мать останется с ними ещё на какое-то время.

Марк тоже захотел остаться с отцом и Александрой дома, а Даниэлла была ещё слишком слаба для зимних прогулок. В итоге компанию Маргарите в праздничном шопинге составила маленькая азиатка. А ведь было время, когда Мей вела себя вызывающе и открыто ревновала её к Марку. А сейчас у них вполне дружеские отношения, хоть японка и старалась не упускать малейшую возможность показать свою значимость, только Маргарита не принимала эти её попытки близко к сердцу и легко позволяла ей чувствовать себя главной.

Поход по торговому центру обещал фантастические перспективы, не ограничиваемые размером наличности, а только исключительно полетом женской фантазии и изобретательности в вопросе выбора подарков для родных и близких.

Большие светлые залы были празднично украшены и полны людей. Бойко шла торговля, молодежь о чем-то увлеченно перешептывалась, обсуждая, вероятно, где и с кем они будут встречать Новый год и какие подарки дарить, а дети подолгу останавливались у ярких витрин. Но даже среди этой радостной суеты нельзя было не заметить двух привлекательных брюнеток, внешне неуловимо схожих между собой, увлеченно обсуждавших новинки модельного ряда женских туфель, примеряли блузы и юбки, браслеты и серьги. Эти двое болтали как лучшие подруги, и трудно было догадаться, что ещё не так давно они таковыми не являлись, что испытав достаточно боли в своей жизни, азиатка поначалу вела себя с новыми знакомыми отчужденно и настороженно, прежде чем поняла, что они не желают ей зла и не причинят новой боли. Сейчас же Мей легко и свободно общалась с Маргаритой, видя в ней уже не соперницу, а добрую и мудрую подругу, готовую всегда помочь, и не только советом. В младшей школе у неё было много друзей, которые продолжали и дальше искать её расположения. После гибели семьи девушка настолько разуверилась в людях, прямо-таки источала яд (за что и получила ещё одно своё прозвище "кобра"), что ожидаемо оттолкнуло от неё всех друзей. Теперь азиатка Сакурада Мей заново училась доверять людям, училась открывать для себя все краски мира и открываться самой навстречу ему.

Пара часов в поисках новогодних подарков пролетели, как один миг. Когда тебя переполняют радость, счастье и ожидание сказочного волшебства, перестаешь замечать ход времени.

Нагруженные большими пакетами, Маргарита и Мей уже собирались брать такси до дома, как заметили на стоянке странно одетую девушку, которая безуспешно пыталась загрузить покупки в багажник. Ну, странно-то она была одета, по мнению самой Маргариты, а вот для японки такой стиль казался вполне привычным. У неё на родине такие платья — с пышными юбками длиной до колена, рукавами-фонариками и корсетами, украшенными кружевами и вышивкой, и мягкие пальто нежных расцветок с такой же пышной юбкой, отороченные мехом в комплекте с высокими сапогами на меху с забавными помпонами и мягкой меховой муфтой на широкой ленте на шее — соотносились к стилю "Lolita". На улицах её родного Токио часто можно встретить молодых девушек, одетых подобным образом — особенно в районе "Харадзюку". В Париже теперь также открылся магазин такого рода одежды, аксессуаров и атрибутики популярного бренда "Baby, The Stars Shine

Bright" для желающих приобщиться к данному стилю. Она и сама вся походила на аккуратную изящную куколку — её сапожки были идеальной чистоты, на её миниатюрной фигуре чистое и аккуратно наглаженное платье сидело просто идеально, её темные волосы были уложены аккуратными равномерными завитками, на её гладком лице легкий макияж создавал эффект натурально, здорового сияния, большие темно-синие глаза обрамляли длинные пушистые ресницы, а пухлые губы соблазнительно блестели, покрытые легким слоем прозрачного блеска.

Обе девушки без опаски приблизились — Маргарита, более ведомая желанием помочь ближнему, а Мей — скорее, из чисто женского любопытства. Такая открытость, безусловно, достойна похвалы, но не будем забывать, что любопытство сгубило не одну кошку, а добро в этом жестоком мире порой очень сильно наказуемо. Но пока существуют такие безумцы, что свято верят в торжество добра и любви, до тех пор и будет держаться на них свет: весь наш огромный, противоречивый, но такой прекрасный мир.

— Мадемуазель, мы вам можем чем-нибудь помочь? — живо поинтересовалась Марго.

— Буду безмерно признательна, добрые самаритянки, если вы поможете мне, — незнакомка заговорила, и её медленная, певучая речь с некоторым придыханием была подобна гипнотическому усыпляющему журчанию воды.

— Ой, простите, пожалуйста, мы не представились, — стыдливо покраснев, спохватилась Марго после того, как они помогли девушке разместить купленное в багажнике её автомобиля, — Меня зовут Маргарита, а имя этой девушки — Мей.

— Как приятно, — мягко улыбнулась их новая знакомая, — какие красивые у вас имена. А меня можете называть Лола.

— Так много покупок, — всплеснула руками маленькая брюнетка, глядя на результат их совместных усилий, — У тебя большая семья и много друзей, вот здорово!

— По большей части — это для моей младшей сестренки, — Лола тихонько засмеялась, прикрыв рот белым кружевным платком, и Маргарита отметила безупречный французский маникюр на её руках, украшенный мелкими-мелкими стразами.

Просияв широкой улыбкой, Маргарита обернулась к японке:

— Это так мило, не правда ли, Мей? — на что та растерянно улыбнулась.

— Смотрю, вы все продрогли уже. А вы любите чай, девушки? — предложила Лола, глядя на их, покрасневшие на морозе, щеки и носы, — Вы не очень спешите? Мне бы хотелось отблагодарить вас за помощь.

Маргарита в задумчивости закусила губу:

— И правда, сегодня ветрено и холодно, — она обратила полный ожидания взгляд на подругу, — Мы ведь не очень спешим, Мей? Мы заглянем только на минуточку, поможем выгрузить покупки и выпьем по чашечке горячего чая, что скажешь?

Азиатка пожала плечами — спорить с Маргаритой ей сейчас совсем не хотелось, да и сама она тоже чувствовала, как продрогла.

— Отлично! — Лолита радостно хлопнула в ладоши, — Прошу садиться в машину, девушки. Скоро будем греться фруктовым чаем с пирожными.

Садясь, азиатка не заметила, как порвался её браслет, зацепившись за ручку дверцы, и остался лежать на земле, когда автомобиль тронулся со стоянки.

Когда они остановились у роскошного старинного особняка, то девушки благоговейно замерли от восхищения.

У дверей их встретил дворецкий, который помог нести пакеты.

Пока девушки снимали верхнюю одежду, Лола дала распоряжения, чтобы в гостиной накрыли стол и подали чай. Рассевшись в креслах, они уже приготовились вдыхать фруктовые и ванильные ароматы десертов. И наслаждаясь изысканными запахами и вкусами, они так увлеклись, что не сразу сообразили, что что-то не так. Веки отяжелели, в голове шумело, конечности отказывались повиноваться...

Красивое лицо Лолы исказилось:

— Добрые самаритянки, теперь вы пополните мою коллекцию трофеев, — холодно констатировала она, — а ваша жизненная энергия молодости будет ещё долго меня подпитывать.

Азиатка хотела что-то возмущенно возразить, но смогла только нечленораздельно промычать — язык и пальцы словно одеревенели. Тонкая фарфоровая чашка выскользнула из непослушных пальцев, оставив на полу осколки и пятно пролитого чая.

Двигались только глазные яблоки.

Лола подошла к платяному шкафу и распахнула его резные деревянные дверцы, доставая аккуратно висящие на вешалках пышные платья нежных цветочных расцветок, отделанные дорогими кружевами.

Не в состоянии пошевелиться, девушки не оказывали сопротивления, когда их переодевали, когда надевали белые кружевные чулки и туфли на огромной платформе с высокой шнуровкой, и когда Лола расчесывала их длинные темные волосы в замысловатые крупные локоны, и когда, нанося макияж, подводила им брови и красила ресницы и губы. Потом она хлопнула в ладоши, и в гостиной появился всё тот же молчаливый дворецкий, который отнес их, перекинув через плечо, словно кукол, в спальню хозяйки и рассадил за сервированным игрушечной посудой круглым столом с резными ножками, белой ажурной скатертью тонкой работы и фарфоровым чайным сервизом.

Мягкий шелк и кружева, казалось, беспощадно жгли кожу, нарочито нарядная и воздушная обстановка комнаты раздражала, новая знакомая оказалась не подругой, а похитительницей.

Маргарита уже успела пожалеть о своей беспечности и в мыслях раз сто уже отругала себя за свою глупую доверчивость. Она ещё и Мей втянула в эту историю. Оставалось надеяться, что их найдут и вызволят. А их будут искать, обязательно будут...

— Восхитительно! Идеальные экземпляры, — с удовлетворением заключила девица, вытирая вышитым платком слезы, что от бессилия, осознания собственной вины, допустившей такое положение, и злости на саму себя стекали по щекам Маргариты.

Мей же только злобно сопела и водила глазами из стороны в сторону в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы помочь им спастись.

Оставалось уповать, что друзья скоро забудут тревогу, обеспокоенные долгим их отсутствием и кинутся разыскивать. И неизвестно пока было, с какой целью они здесь, и как долго их собираются тут держать.

Маргарита обвела взглядом комнату, в которой они находились. Сейчас всё окружающее великолепие не вызывало уже такого восхищения. Резная мебель, дорогая белоснежная скатерть тонкой работы, легкие гардины и тяжелые портьеры на окнах вызывали сейчас только оторопь, а нежный цветочный аромат от букета из чайных роз, что стояли в высокой антикварной вазе на столе, казался удушливым смрадом. Как же она корила себя за непростительную беспечность, за свою неисправимую доверчивость. Как же так, что она снова и снова попадает в ловушку собственной доверчивости? Почему

позволила так одурачить себя благопристойным фасадом? Пора бы уже научиться различать суть вещей, но так хочется верить... Просто верить, что добра в этом мире больше, что не все живут злобой и подлостью. Только прежде нужно выпутаться из этой переделки, в которую они с Мей угодили. Она обязательно извинится перед маленькой азиаткой за то, что втянула её в это, и попросит прощения у Марка, что подвергла опасности ту, которую он любил. Как же она виновата перед ним, перед всеми ними: перед отцом и матерью, перед Жаном, перед своими дочерьми. Только бы удалось спастись, только бы удалось вернуться, а уж она со всей искренностью попросит прощения за всё то волнение, что заставила их пережить. А дома наверняка уже начали переживать, когда девушки не вернулись и спустя три часа. Дом... Вернутся ли они домой, увидят ли ещё своих близких?

И эта дорогая одежда, и этот качественный макияж сейчас лишь пекли кожу, вызывая острое жжение и боль.

Она не имела права сдаваться, особенно сейчас. Пока человек не сдаётся — он сильнее своей судьбы, так учил её Джон. Отчаянно стараясь вернуть себе контроль над своим телом, Маргарита пыталась вспомнить, как ей удалось восстановиться после той страшной аварии, в следствии которой она оказалась парализованной на долгое время. Как по крупинцам восстанавливала себя и своё тело. Собственный тяжелый опыт и исповедь молодого хирурга о трудном, невероятно сложном и таком болезненном периоде реабилитации не позволяли разуму погрузиться в анестезирующую иллюзию. И только тянущие ощущения в нервных окончаниях и боль в каждом мышечном волокне позволяли чувствовать себя ещё живой. И впервые Маргарита была благодарна этой боли.

— Жан! Услышь, прошу, меня, — подавляя в себе нервный озноб и сводящую с ума пульсацию в своей голове, девушка снова и снова не оставляла попыток воззвать к тому, в ком всегда была уверена, даже больше, чем в себе, — Пожалуйста... нам нужна помощь! — последнее средство, к которому она решилась прибегнуть в иступленной попытке спасти себя и азиатку.

Как же ей было холодно сейчас — как никогда ещё в жизни.

Когда действие яда ослабло, приятный щекочущий импульс распространился от кончиков пальцев по кистям и предплечьям и дальше по всему телу.

Девушка заставила себя пошевелить пальцами руки и напрягла все мышцы в попытке приподняться в кресле. Она чувствовала дрожание каждого мускула, но удержаться так и не смогла, упав на ковер перед креслом под шуршание пышных накрахмаленных юбок. С досады и от злости на саму себя Маргарита закусил губу, сглотнув слезы огорчения и подавив отчаянный всхлип. Путем долгих и упорных манипуляций, она настойчиво пыталась подняться назад в кресло, что ей, к неоспоримому её удовлетворению, в конце концов удалось.

Азиатка всё ещё сидела в том кресле, куда её усадила Лола — в той же позе, только судорожно царапая ногтями скорченных пальцев скатерть на столе.

Ноги были ещё слабыми, пальцы рук не слушались, но речь понемногу восстановилась.

Маргарита с усилием свела брови — сейчас она не в состоянии не то, что вывести отсюда Мей, но и самой выбраться, чтобы позвать на помощь. Ну, как же так? Как же так случилось, что её непроходимая наивность завела их в такую переделку? Видимо, жизнь так её ни чему и не научила. Больших усилий Маргарите стоило даже просто протянуть руку, чтобы утешающе накрыть дрожащие пальцы азиатки:

— Всё будет хорошо, верь мне. Нужно только верить, — в ответ японка молча

кивнула, — Влияние лекарства слабеет, и в ближайшее время мы сможем попытаться сбежать. Даже если это случится не так быстро, то нас обязательно спасут — нужно только немного потерпеть. Нужно дождаться их. Нужно. Наши друзья не оставят нас и вскорости будут здесь и освободят нас, — маленькая брюнетка продолжала упрямо повторять, — Прости меня, пожалуйста, прости...

Снизу послышались шаги, и Маргарита невольно дернулась и напряглась, а глаза Мей сузились до двух темных щелей, внутри которых сгущалась тьма. Краем глаза Маргарита заметила, как ногти на руках японки начали принимать форму когтей. Но парализующий эффект яда всё ещё продолжал сковывать движения — при всем желании, он не могли и пошевелиться, не то что сбежать отсюда.

Без мамы малышки дома подняли такой крик, что слышала, вероятно, едва ли не вся округа. Джон безуспешно пытался их успокоить, в то время, как у него самого голова раскалывалась. Мужчина опустился на пол, вцепившись пальцами в прутья детской кровати. В своей голове он услышал её — Маргарита звала его.

— Что такое? Я слышал голос... — Джон повернул обеспокоенное лицо, его дыхание было тяжелым и прерывистым, — Марк, ты ничего не слышал?

— Нет, а в чем дело? — парень недоверчиво покачал головой, — С тобой всё нормально?

— Маргарита, мне показалось, что она звала меня, — Джон прокашлялся и подошел налить себе воды.

— Нет, я ничего не слышал. Но если ты так говоришь, то должен доверять самому себе, — Марк присел рядом и взял из его рук пустой стакан. Он искренне волновался за девушек, и готов был поверить в ментальную связь между Маргаритой и её супругом, пусть только она поможет их отыскать.

— Который час? — спросил Джон, всё ещё пребывая в глубокой задумчивости.

Парень посмотрел на свои наручные часы:

— Без четверти два. А что?

— Их нет уже три часа? — недоверчиво поинтересовался смуглый.

— Волнуешься? — Марк попытался усмехнуться как можно более расслабленно, — Девушки в торговом центре, полном красивой одежды, обуви, украшений и аксессуаров... Вполне ожидаемо, что они могли просто увлечься походом по магазинам. Позвони ей — ты услышишь её голос и перестанешь тревожиться.

— Марк... — дрожащими руками Джон взял со столика свой мобильный телефон, почти не глядя набирая номер, — Она не берет трубку. Что-то случилось, и я не могу просто сидеть сложа руки.

— Тогда, чего же мы ждем? — Марк подскочил со своего места, схватив его за руку, и потянул за собой на первый этаж, на ходу накидывая верхнюю одежду и предупредив отца и Александру проследить за детьми, пока они не вернуться, — Заводи машину, скорее. Нужно ехать и убедиться, что с ними всё в порядке.

В сумочке Маргариты, что висела сейчас на изящной вешалке у входа, продолжал разрываться телефон, но она могла только глотать накатившие от бессилия слезы, в очередной раз оказавшись на полу после неудачной попытки подняться на ноги.

Шаги на лестнице становились всё отчетливее. Азиатка дернулась в попытке подняться, но только зацепила, падая, скатерть, и весь дорогой фарфоровый чайный сервиз со страшным звоном полетел на пол.

За окном мелькнули две темные тени:

— Они так наивны и чисты, — произнес первый голос, печально добавив, — А мы не имеем права поддаваться страсти и любви.

— Они в опасности. Именно такого типа люди привлекают демонов, — ответил второй голос.

— Нам следует вмешаться? — глаза Николь цвета синих небес вопросительно посмотрели на сестру.

— Без нашей помощи они могут и не выжить, но тебе решать, как нам поступить, — в глазах Мишель цвета морской волны плескались штормовые волны, в то время, как глаза её сестры Николь становились всё темнее, словно затянутое грозowymi тучами небо, — Этот демон низшего уровня слишком много на себя берет, если думает, что может безнаказанно истреблять людей с чистыми сердцами: будущих врачей, меценатов, социальных работников. Её следует остановить.

— Я поняла, — девушка с короткой стрижкой кивнула, — Не будем терять время.

Два силуэта растворились в сгустившемся тумане. Усиливающийся ветер нагнал снеговые облака, преграждающие путь слабым лучам зимнего солнца, закручивая настоящую метель.

На пороге комнаты появилась Лола с торжествующей улыбкой на гладком кукольном личике:

— Не бойтесь меня, я пришла, чтобы подарить вам вечность, — она подошла совсем близко, положив свои ладони на темноволосые девичьи макушки, — Вы необычны. Те, что были до вас, были смертными, но от вас исходит сила, я чувствую это. С вами всё получится. Я предлагаю вам вечную молодость, а взамен — вы останетесь рядом со мной, и я буду подпитываться вашей энергией.

— А если мы не согласны? — Мей сердито тряхнула головой, наконец она снова смогла заговорить.

— Я не прошу об одолжении, — ласково произнесла Лола, погладив её по голове, от чего азиатка снова сильно дернулась, — Я выражаю свои ожидания. В любом случае, вы не покинете этой комнаты.

— И быть для тебя вечной батареей?! Ну, уж нет! — японка недовольно фыркнула, когда оконное стекло со звоном вылетело из своей рамы с такой силой и скоростью, что Маргарита и Мей забились под стол, накрывшись с головой сорванной со стола скатертью.

— Отойди от них! — в проеме раскрытого окна стояли две фигуры, и даже не видя их, Маргарита по голосам смогла узнать сестер-моделей Мишель и Николь, стражей, охраняющих мир магии, — А вы ещё не можете двигаться? Тогда, держитесь, сейчас тут станет **ОЧЕНЬ** холодно.

Девушки плотнее укутались в тонкую материю, теснее прижавшись друг к другу, когда в помещение ворвалась ледяная метель, что даже мебель мгновенно покрылась изморозью, а теплое дыхание видимым паром вырывалось изо рта при каждом выдохе. Ресницы и губы мгновенно обледенели, щеки пылали от мороза, и от холода пальцы сводило судорогой.

Однако, воздух был чист и свеж, с примесью влаги и ароматов моря.

На глазах у изумленных зрительниц Лола хаотично меняла облики, последним из которых был вид милой светловолосой девочки лет шести, пока не упала на пол сломанной марионеткой с лицом без черт, в неестественной позе.

— Вы... вы уничтожили её? — Маргарита первая рискнула выглянуть из своего

убежища.

— Возвращайтесь домой, вы достаточно натерпелись за сегодня, — им подали руки, помогая подняться.

Обернувшись у самого порога комнаты, Маргарита поняла теперь, почему стражницы их так торопили:

— Кто это? Ребенок? — вместо сломанной разбитой куклы на полу лежала девочка, чей облик принимала Лола. Она была бледной, её спутанные волосы были словно выгоревшими, её старомодное платье викторианского фасона казалось полинявшим и почти истлевшим, чудом продолжая держаться на исхудавшем маленьком теле.

— Этот демон питалась энергией и воспоминаниями девочки, — равнодушно пояснила Николь на немой вопрос, застывший в испуганном взгляде Маргариты, бросившейся к ребенку.

— Она не дышит, что с ней? — девушка продолжала тормозить ребенка даже, когда не смогла нащупать пульс, объясняя тем, что в таком нервном состоянии просто сложно сконцентрироваться.

— Ребенок мертв. Без иллюзий, создаваемых демоном, ей незачем больше жить, — развела руками Мишель.

— И вы знали? — Маргарита медленно обернулась к ним, лицо её выражало глубокое страдание, — Вы знали, что произойдет и всё равно пошли на это? А как же девочка?

— А всех тех Невинных, что сейчас находятся в клинике в коматозном состоянии, тебе не жаль? — старшая из сестер-хранительниц сделала попытку поднять Маргариту с пола, которая демонстративно не приняла её помощи, — Они лишены чувств, они не могут пошевелиться, и их не один и не двое. Так не могло больше продолжаться.

— Но, ведь это только ребенок. Неужели нельзя было... — возразила она, а слезы продолжали течь по её щекам.

— Сожалею, но у нас не было иного выбора, — вторая сестра поддерживала под руки всё ещё ослабевшую азиатку, — Мы выбрали меньшее зло.

— Это неправильно, неправильно! — Маргарита ударила кулачком по полу, — Так не должно быть, не должно... Дети не должны умирать.

— Мы не в силах спасти каждого, — мягко пояснила Мишель, — Это скорбный факт. Нам остается смириться с этим.

— Но я не смирюсь! Джек в клинике поможет ей, — маленькая брюнетка пыталась привести девочку в сознание, с силой выполняя непрямой массаж сердца, что хрупкие кости грудной клетки с треском еле выдерживали проявление её рвения.

— Ей уже не помочь, — ответила Николь, развернувшись по направлению к выходу.

— Что происходит? Что с ребенком? — крик Маргариты, на руках у которой бледное детское тело в истлевшем платье стало распадаться в прах, заставил девушку остановиться.

— Похоже, что это продолжалось намного дольше, чем мы предполагали, — на этот раз старшей из сестер удалось насильно оторвать Маргариту от трупа девочки, — Нет демонической поддержки, и её тело стремительно разлагается. Видимо, она уже достаточно давно была мертва. Пусть это послужит тебе хоть малым утешением — здесь уже ничего не поделать, — Марго только замотала головой, сильнее впадая в истерику.

— Господи, вы в порядке? — снова вздрогнули стекла в доме, но на этот раз это Марк своей силой выбил входную дверь черного входа, и они с Джоном уже поднялись по лестнице на второй этаж.

Посетив тот торговый центр, куда девушки отправились на шопинг, они заметили на стоянке блестящий предмет, которым оказался порвавшийся браслет японки, а дар убеждения Джона помог им уговорить охранника показать записи с камер видеонаблюдения. Таким образом, им стали известны номер и марка машины, которая увезла девушек, а используя местный WI-FI и хакерские приемы из арсенала Марка, они узнали адрес владельца автомобиля и уже спешили по следу.

— Маргарита! Мей! — мысли путались в голове Джона, — А я ведь мог потерять вас! С чем вы только думали? — сначала он хотел отругать их и высказать накопившиеся страхи и претензии, но видя, в каком девушки прибывают состоянии, отбросил эти намерения и просто крепко обнял их.

— Жан, прости меня, я вела себя неоправданно безрассудно. Я заставила вас волноваться и рисковать собой, — Маргарита уткнулась лицом в грудь мужа, ей стыдно было поднять свои глаза на него, — Со мной и Мей подверглась опасности, за что я искренне прошу прощения. Марк, и ты меня извини — я не имела права рисковать той, которую ты любишь.

Японка только беззлобно фыркнула:

— Прости, конечно, но не стоит тебе так убиваться, — Джон провел ладонью по её волосам, и Маргарита стала всхлипывать уже значительно тише, и не так вздрагивала, — У меня и своя голова на плечах имеется. Я сама пошла с тобой и мне тоже было интересно.

— Мей, обещаю тебе впредь быть более осторожной, — тихо прошептал Марк ей на ухо, когда осознал, насколько она дорога его сердцу, и как он страшится лишиться её, — Я так испугался, что могу потерять тебя теперь, когда снова обрел любовь. Как думаешь, я всё-таки смогу убедить господина Йошида благословить наши отношения?

— Не знаю, Марк, но это было бы здорово, — облегченно усмехнулась азиатка.

— Пора, здесь нам нечего больше делать, — сестры проводили их к автомобилю, припаркованному у черного входа.

— Ничего не имею против, — согласилась Мей, — Умираю от желания скинуть это тряпье и стереть этот кукольный макияж.

— С первым — это я всегда готов помочь, — томно заверил юноша.

— Я не шучу, Марк, — нахмурилась девушка.

— Так, кто шутил-то? — игриво возмутился Марк.

— Да, уж — теперь я ещё не скоро смогу спокойно смотреть на кукол, — устало выдохнула Маргарита.

Садясь в автомобиль, Маргариту всё ещё трясло от холода. И судя по напряженному лицу азиатки — Мей тоже вся колотилась, но изо всех сил держалась, не подавая вида, насколько ей тяжело сейчас. Джон подал девушкам тёплый плед, запасённый на случай морозов, и помог им поудобнее устроиться на заднем сидении автомобиля, чтобы хоть немного прийти в себя после всего пережитого за сегодняшнее утро.

Подняв взор на высокую рыжую Николь, Маргарита отметила мечтательно-меланхоличный взгляд её синих глаз. Стражница слабо улыбнулась и решительно тряхнув головой, ободряюще подмигнула. И от этой улыбки продрогшим девушкам, пусть и на мгновение, стало значительно теплее:

— Ваши принцы появились, и теперь мы можем быть за вас спокойны. Мы отказались от нашей мечты ради долга, но вы... Вы сможете, — когда она смотрела на них, таких молодых и влюбленных, и легкая грусть кольнула в сердце, — Не пренебрегайте этим

шансом, вопреки всему, чем будут вас пугать. Берегите друг друга и тот свет, что внутри вас. Вы — главная надежда мира. Вы тот луч света, что засияет в надвигающейся тьме, — едва заметная улыбка на губах Николь была загадочной и слегка печальной.

Сестра тотчас же одернула её:

— Ну, перестань уже! Хватит их дразнить, это плохая привычка. Видишь, как напуганы и замерзли эти милые создания, — ласково погладив сестренку по плечу, вежливо извинилась за неё Мишель, как всегда — образец элегантности и грации, — Прошу прощения за те странные вещи, что наговорила вам моя сестра, — а речь её гипнотизировала подобно журчанию воды.

— Я лишь заметила, что они особенные, — несогласно передернула плечами рыжеволосая Стражница, — Ведь правда же, они очень милы? Молодые, чистые, светлые, полные больших надежд и прекрасных мечтаний.

— И в этом моя сестра права, — Мишель поправила свою пышную прическу, тихонько рассмеявшись, деликатно прикрывая рот ладонью, — Вы должны жить, любить и ревновать, учиться и познавать, нести свет и не бояться жить смело, просто жить...

Маргарита высунулась из машины, поймав Николь за руку:

— Вы с Этьеном такая красивая пара. Его друзья — и наши друзья тоже, — крепче сжал её ладонь, девушка продолжила, уверенная в силе своих слов и правильности своих убеждений, — Николь, мы обязательно постараемся найти Лауру и поможем ей понять, насколько прекрасен этот мир, раскаяться в своих злодеяниях — и мы готовы будем принять её раскаяние и показать ей путь к свету. Тогда у вас, возможно, станет меньше забот, и вы сможете отдавать все свои силы и все свое время, чтобы осуществить ваши мечты, сможете стать счастливыми. Посмотрите в мои глаза, и вы увидите, насколько я серьезна.

— Милое, наивное дитя, — Стражница потрепала темные волосы девичьей челки и усмехнулась, — Ну, что я говорила: чисто наивные дети. И это так прекрасно.

— Оставайтесь верны себе и своим принципам, — добавила её сестра.

— Обещаю, что мы приложим все наши усилия, — кивнула Маргарита, заметно приободрившись от их слов.

— Я согласен с Маргаритой, — Джон протянул свою руку, — Вы помогли нам, и мы постараемся отплатить вам добром, приложив максимум усилий. Мы ещё не показали всё, на что способны. К тому же, это и наше дело тоже. Лаура не оставит нас в покое. С этим следует покончить как можно скорее. Нам есть что защищать в этом мире. Всякий, кто попросит защиты у нас, получит её. Жаль только, что наши поиски этой маленькой чертовки не увенчались успехом. Как мы с Марком не пытались, у нас не вышло... Мы не смогли отыскать её.

— В центре шторма, в сердце урагана, шепот волн, шепот небес открыли нам предостережение о грядущей опасности. На линии горизонта виднеется надвигающийся кризис. Плечом к плечу мы встанем рядом с вами для спасения нашего общего будущего. Даже ценой собственной жизни... — Николь ответила на рукопожатие с ощутимой силой неукротимой воздушной стихии с порывом освежающего ветра и предчувствием перемен.

Её сменила нежная рука сестры и запах океана с ощущением соленых брызг на коже рук и лица:

— Изначально наша миссия была другого рода и отличалась от вашей. Хотелось бы, чтобы вам не пришлось узнать всего этого... Проявите все, на что способны, выложите на полную силу, и всё это закончится скорее. Сейчас мы вынуждены вас покинуть. А вы

отправляйтесь домой и постарайтесь выспаться. Ещё увидимся на спектакле.

— Значит, нас ждет новая битва... — Маргарита тяжело вздохнула, глубоко задумавшись, потом резко выпрямила спину, хлопнув себя по коленям, — Ах, да — спектакль! Мы обещали Ноэль поддержать её и не можем подвести её. Это выступление так много значит для неё.

— Тогда, мы поспешим домой. Нам всем сейчас нужен отдых, — Джон слегка поклонился, — Ещё раз, примите нашу благодарность за помощь.

— Спасибо вам! Благодарю, что спасли наши жизни, — из-за спины Маргариты показалась азиатка.

— Спасибо! — следом за ними поклонился и Марк, — Спасибо, что не дали отнять у меня Мей.

Рука Николь мягко легла на его плечо:

— У всех нас миллион разных желаний, но стоит закрыть глаза, как останется лишь одно. Путешествуя сквозь пространство и время, мы каждый раз возвращаемся к свету. Мы — те, кому дано слышать музыку сфер, симфонию Вселенной, с трепетом благословляющую нас перед битвой. Чувствуете это тепло, что окутывает вас?

— Я! Я чувствую, — маленькая брюнетка согласно кивнула и повернулась, чтобы посмотреть на сидящую рядом Мей, — Холодно? Ты всё ещё не согрелась? Возьми меня за руку, — она протянула азиатке свою ладонь.

— Что это? Это тепло... — глаза Мей широко распахнулись, когда она ощутила живительное тепло каждой клеточкой своего озябшего тела.

— Постепенно я учусь управлять моей силой и сейчас пытаюсь нас согреть, — как можно понятнее пояснила Маргарита, — В таком состоянии меня только на это и хватит. Пройдет ещё какое-то время, прежде чем организм полностью восстановится после действия яда.

— И сколько? — поинтересовалась маленькая японка.

— Я не знаю... — девушка покачала своей темноволосой головой, — Я попрошу доктора провести комплексную чистку крови. Придется перетерпеть капельницу. Не боишься? — на всякий случай уточнила она у собеседницы.

— За кого ты меня принимаешь? За ребенка? — азиатка гордо вздернула нос, поморщившись, — Конечно не боюсь.

— Вот и славно, — облегченно улыбнулась Маргарита.

— Спасибо тебе! — Мей переменилась в лице и склонила голову в благодарном поклоне, выражая признательность, — Я согрелась и мне уже намного лучше.

Из окна машины они ещё какое-то время могли наблюдать приветливые улыбки на лицах Стражниц, провожая их взглядом, пока две стоящие рядом фигуры не превратились в одну маленькую точку, исчезнувшую на горизонте.

Смирненно выслушав справедливые нотации от домочадцев, первым делом девушек осмотрел доктор, для перестраховки решив не пренебрегать получасовой капельницей с физраствором (что надо сказать, к их чести, девушки выдержали стойко) и рекомендовал им выпить по стакану молока с медом, после чего они могли перейти к согревающим и расслабляющим водным процедурам.

А вот кормить детей после всего Джек пока не рекомендовал. Пришлось доставать запасы искусственных смесей. К счастью, маленькие близняшки спокойно восприняли такую замену, наконец успокоившись, когда поняли, что мама и папа дома, что с ними всё в

порядке.

Марк тем временем имел беседу с отцом, который тоже был обеспокоен его поспешным исчезновением из дома.

— Что-то случилось? Где вы были? — серые глаза Льва светились мягким укором.

— Отец, мы так спешили, и всё равно чуть не опоздали... — юноша виновато опустил голову, — Если бы не Стражницы... Мне страшно подумать, что я мог потерять их. Какой же после этого мужчина, который не может защитить любимую женщину?

Отец присел в кресло, в раздумьях почесав подбородок, знаком предлагая сыну присесть рядом:

— А почему ты просто не переместился? Так было бы намного быстрее, — Марк так и застыл на месте, удивленно хлопнув ресницами.

— В смысле? Я же не умею мерцать, — парень устало опустился в соседнее кресло, с интересом глядя на отца в ожидании ответа.

— Умеешь, поверь мне, — мужчина поднялся со своего места и взяв сына за руку, подвел его к широкому окну, раздвигая тяжелые золотистые портьеры, — Пусть на половину, но ты демон, а это является нашей отличительной особенностью. Тебе стоит поработать над этим, и у тебя обязательно получится, нужно только четко представить себе, где ты хочешь оказаться. Цепляющий фактор, понимаешь? Попробуй. У тебя получится, Маркеш.

— Где бы я хотел... — Марк прикрыл глаза, приложив ладони к холодному оконному стеклу, и спустя мгновение исчез с тихим треском.

— Отлично, он смог, — удовлетворенно заключил Витриченко старший.

Сквозь матовую штору ванной Мей рассмотрела силуэт. Прикрутив воду, она выглянула, отодвинув штору.

— Вибачай! (Извиняюсь! Укр.) Я не... — покрасневшее от смущения лицо Марка заставило её рассмеяться, — Я уже ухожу... — он поспешно отвернулся.

— И далеко ты собрался? — девушка накинула махровый халат и вышла из душа, — Марк, ты хоть представляешь себе, сколько раз мы могли погибнуть, потерять друг друга?! — она обняла его, прижавшись всем телом, пока он старался собраться с мыслями, погружаясь в состояние волнительного дежавю.

Это снова как и в первую их встречу... Он и сам задавался тем же вопросом, что и она — сколько ещё будет так продолжаться? Наступит для них когда-нибудь спокойная жизнь? Только в отличии от Джона, который тяготился своей силой, мечтающего о жизни обычного смертного, он с гордостью принял то, кем он является.

— Ох, у меня с непривычки голова кружится, — юноша оперся о раковину.

— Тебе нехорошо? — Мей смочила полотенце и протерла его лицо, с беспокойством наблюдая, как его бледность постепенно отступает.

— Ничего, сейчас пройдет, — слабо кивнул Марк, — Я и не знал, что так умею.

— Так ты теперь умеешь телепортироваться? — она провела рукой по его взмокшим волосам.

— Хм, похоже, что так, — с довольной ухмылкой выдохнул парень, — Я сосредоточился на том, где бы я хотел оказаться — рядом с тобой...

Она провела пальцем по его губам:

— Покажи мне любовь. Покажи, почему я с тобой, — это она произнесла уже ему в губы, когда они не в силах были дольше сдерживать проявление своих чувств, что мгновенно

ударили им в голову.

— А ты сильно похудела, Мей, — даже под мягким махровым халатом угадывались очертания её сильно исхудавшего в последнее время тела, — Лопатки уже выступают. Я понимаю, ты хочешь стать моделью, но не стоит так изводить себя. Я не хочу изучать анатомию по твоему телу, я хочу, чтобы ты была здорова.

Азиатка обхватила пальцами его подбородок, прошептала:

— Запомни, Марк, что подобного рода беседы я веду исключительно в постели.

— Прости Жан, я постоянно доставляю вам столько проблем... Я безнадежная беспомощная дурочка, плакса и неумеха, — в другой комнате Маргарита вцепилась побелевшими пальцами в плечи мужа, ища в его лице поддержку и опору, — Мне никогда не стать такой как они... Как Стражницы — такой же смелой и уверенной в себе, они до конца верны долгу и никогда не забывают о нем.

— Посмотри на меня, — Джон заставил её посмотреть ему в глаза, обхвати ладонями лицо девушки, — Ты — это ты. И не нужно пытаться быть кем-то ещё. Ты ещё просто не знаешь, насколько ты сильная

Маргарита вздрогнула, направив взгляд в потолок

— Жан, почему этот мир так жесток к нам? — сглотнула подступивший к горлу ком, ища подпитки и утешения в глубине его темных глаз, — Та девочка... Я не знаю, смогла бы так с ней... Они сказали, что ей уже не помочь, но это всё равно больно. Она ведь тоже была чьей-то дочерью. Теперь, когда рядом спят наши дочери, я не могу это спокойно воспринимать.

— Знаю, — он обнял её, погладив по голове, — Да, мир порой суров, но не жесток. Ты знаешь, что нам не выпадает испытаний, больше того, что мы способны выдержать?

Маргарита зажмурилась, отдаваясь во власть теплых волн его силы.

Но скоро её отвлек звук голосов, доносящихся из кухни:

— Так, влюбленные, если вам уже так невтерпех, дайте волю гормонам на втором этаже — ваши флюиды сведут меня с ума, — возмущалась златовласая.

— Завидуй молча, — с усмешкой парировала азиатка.

— Ди, ты мне, конечно, друг, только вот, нечего шастать в моей голове, — спокойно предостерег Марк.

— Ой, больно надо, — хмыкнула Даниэлла, взмахом руки заставив открыться дверцу кухонного шкафа и переместиться к ней на стол жестяную банку крупнолистового черного чая, — Думаешь, мне это доставляет большое удовольствие? Мне предстоит ещё много работы, прежде чем я научусь управляться с этим.

— Только тренируйся на ком-нибудь другом, пожалуйста, — смягчившись, добавил парень, подавая белокурой сахарницу.

Не пробуй. Делай или не делай

Йода

Маргарита тихонько хихикнула, заслышав их голоса, доносившиеся из кухни:

— Дорогой, не поможешь мне с платьем? — она игриво повела плечами и призывно откинула вперед свои длинные волосы, открывая доступ к застёжке на вечернем платье. Мужчина медленно застегнул молнию, задержав пальцы на её спине, тяжело дыша.

— Мадам, если вы будете продолжать в том же духе, то я не смогу гарантировать, что мы успеем на спектакль, — горячо прошептал Джон, легко прикасаясь губами к её шее.

Маргарита посмотрела в его слегка затуманенные от страсти глаза и смущенно

улыбнулась.

Никто не смотрел на неё так, как он — с такой любовью, гордостью и благоговением, как мастер смотрит на превосходный шедевр рук своих, на свое творение. Смотрел ли точно так же гениальный Леонардо на свою Джоконду? И в такие моменты наедине Маргарита ощущала крылья за спиной, чувствовала себя неуязвимой и непобедимой — она была его Мадонной. Она же смотрела на него, как на своего создателя. Он и создал её такой, какой она сейчас видит себя в зеркальном отражении — прекрасную и сильную, уверенную в своей неотразимости молодую женщину, чьи большие карие глаза светятся бесконечным счастьем. Этот мужчина помог открыть в ней такие грани, о которых не догадывалась даже она сама. Он стал её Пигмалионом, а она — была его Галатеей.

Их первую встречу трудно было бы назвать романтической, но сильные и трепетные чувства зародились между ними именно тогда — когда они только взглянули в глаза друг другу. Их души страдали, их сердца разрывались от боли, но любовь смогла стать для них утешением и спасением. Они выбрали любовь, сильными и успешными они станут вместе. Вместе — это значит близко. Это значит рядом, став друг для друга опорой и поддержкой — в горе и в радости, в болезни и в здравии. До скончания времен...

Выдохнув с сожалением, мужчина с большим трудом заставил себя отстраниться от неё, продолжая нашептывать сладкие речи в маленькие изящные ушки любимой супруги:

— Женщина подобна изысканному вину, с годами становясь лишь привлекательней и улучшая вкус, которым невозможно пресытиться, который невозможно забыть. Сколько жить буду, в памяти останется твоя улыбка, глаза матери и смех наших детей. Моя вера — это любовь, моя религия — это семья, и этому я буду верен до конца. Но даже у меня есть границы того, что я могу и чего не могу. И если когда-нибудь мне станет слишком тяжело, я буду вспоминать о том, что в этом мире есть люди, которые так верят в меня — и буду стараться приложить все усилия, как бы невозможно это не казалось, — он с удивлением отметил, что она не сводит с него глаз, — На что ты смотришь?

— На твое лицо, — девушка медленно наклонила голову, после чего кинулась ему на шею, — Ты знаешь, как сильно я люблю тебя?

— Милая, полегче, прошу тебя, — Джон покачал головой и усмехнулся, поглаживая её темные волосы, — ты слишком близко, чтобы так громко кричать. Мои уши будут тебе признательны, если ты сбавишь тон, — Маргарита изобразила виноватое выражение на лице, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, — Наши судьбы сплелись, как ветви виноградной лозы, и я в плену твоей улыбки и всегда буду защищать и оберегать тебя.

Но тут лицо его побледнело, и Маргарита чудом успела подхватить мужа под руки и усадить в кресло.

— Послушай внимательно, пожалуйста, — Джон провел рукой по вспотевшему лбу и взял её маленькие ладони в свои руки, — В последнее время мне стал всё чаще сниться сон, в котором я блуждаю черным лабиринтом и всё ни как не могу найти выход. Меня преследует тяжелое предчувствие. Что, если когда-нибудь меня не окажется рядом? А ты настолько наивна и беспечна. Что ты будешь делать тогда?

— Но, ты же всегда будешь рядом, чтобы защитить меня? — он видел, как от страха зрачки глаз Маргариты становились всё шире и шире.

— А что ты будешь делать, если я пойду против тебя? — Джон сильнее сжал её дрожащие пальцы и видел, как страх на её лице сменился настоящим ужасом.

— Но, ведь этого не будет никогда! — Маргарита впиалась побелевшими пальцами в его

плечи.

— Господи, о чем это я? Прости, я говорю пугающие вещи. Я скорее отрублю себе руку, чем подниму её на вас. Но послушай, ты всё же слишком на меня полагаешься, — мужчина прижал к себе её трясущееся тело, — Если я вдруг уйду, ты не должна плакать. Продолжай жить, верь в себя и никогда в себе не сомневайся. Если со мной что-то случится, то ты должна быть сильной. Верь и будь храброй. Я хочу, чтобы ты всегда помнила, кто ты есть — Хранительница. Пути назад нет — ты должна двигаться только вперед. Только твой свет не позволит тьме подчинить меня. Только твоя вера сможет обратить отчаяние в надежду. Ты сможешь, ты — единственная, кто сможет это сделать. Я всем сердцем желаю, чтобы ты была счастливее, чем кто-либо ещё. Все те испытания, что нам предстоит ещё пройти и все наши надежды на будущее, всё то, что дает мне силы... Моя судьба — в твоих глазах, она — в твоих руках.

Девушка приложила палец к его губам:

— Джангьян... — замотала головой Маргарита, — о чем ты говоришь?

— Ты никогда не звала меня этим именем. Твой голос дрожит... — Джон поцеловал её в макушку, силясь улыбнуться испуганной молодой женщине, — Выше голову! Я не боюсь, и не собираюсь пока умирать. Не сейчас. Я хочу прожить свою жизнь и состариться рядом с тобой, хочу видеть, как растут наши дети и внуки. Я уже бессмертен — часть меня будет жить в тебе, в моих детях. И это есть истинное бессмертие.

— Ты не оставишь нас? — Маргарита плотнее сжала губы, чтобы не заметно было, как они дрожат.

— Никогда — по своей воле я не покину тебя и детей. Знаешь, после смерти своего отца, я ещё долго злился на него, что он так мало был с нами. А теперь я больше всего боюсь повторить его судьбу. Боюсь, что мои дети так же будут упрекать меня в том, что я им мало уделял времени, — мужчина тяжело вздохнул, бросив взгляд на потолок, словно ища лишь ему одному понятное знамение, — Даже если будет казаться, что я сдался на милость судьбы, то знай, что я продолжаю бороться — за всё то, что люблю в этом мире. А если я встану на твоём пути, ты не жалей меня и сделай то, что должно.

— Не говори так, прошу, — в наступившей тишине Маргарита слышала, как беспокойно бьется его сердце, как напряженно он дышит, — Ведь ты же не верил тому, что нам напророчили.

— Отчего же? Как я могу не верить? — к мужчине снова вернулись твердость в руках и во взгляде, — Только я предпочту бороться до последнего, но никогда не покорюсь. Запомни, что и сына нашего я тоже не собираюсь уступать судьбе.

Маргарита прикрыла глаза и, запустив пальцы в его черные волосы, принялась машинально заплетать их в косички:

— Тогда и я. Я тоже должна работать над собой, чтобы ни тебе, ни нашим детям не пришлось стыдиться меня.

— Разве можно стыдиться тебя? Это я прошу прощения за то, что тебе предстоит вынести по моей вине, — и его поцелуй был ей заверением, — И слабейший из смертных может изменить будущее, а ты очень сильна, поверь мне, и ещё проявишь себя.

Уткнувшись лицом его грудь мужа, Маргарита вздрогнула от предвидения грядущего, стараясь заменить их видениями, живущими в её памяти — теми непередаваемыми ощущениями, когда сквозь сон любимые руки обнимают тебя и притягивают ближе к себе.

— Ты — мой, а я — твоя, куда ты — туда и я, — напомнима она свадебную клятву, — А

сегодня, может, останемся дома? — опасаясь за его состояние, осторожно предложила Маргарита, — Ты ещё слишком бледен.

— Но, ведь мы обещали, не так ли? — мужчина через силу слабо улыбнулся, демонстративно поднимаясь, показывая, что ещё в состоянии стоять на ногах, — Я не настолько слаб. Пить мне нельзя, так как я за рулем, но вот таблетка от головной боли не помешала бы.

Маргарита поднялась со своего места, развела в стакане воды порошок аспирина и подала ему выпить, что он с благодарностью сделал.

— Только обязательно скажи мне, если станет нехорошо, и мы сразу же вернёмся домой? — девушка взяла стакан из его рук, когда Джон допил лекарство.

— Конечно, — подмигнул он, — Тогда продолжим собираться?

Раскапризничавшиеся близнецы срочно потребовали к себе внимания, и стоило мужчине взять дочерей на руки, как его боль отступила, и в голове наступило прояснение. Было ли это действием обезболивающего, но дышать стало легче и страшные сновидения отступили, а девочки перестали беспокойно дергать ручками и мирно засопели своими маленькими носиками.

За дверью послышался звонкий голосок малышки Аделины. Потом в комнате появилась и она сама, держа в руках красное платье с пышной многослойной юбкой из бесчисленных накрахмаленных тюлевых юбочек по типу балетной пачки:

— Можно мне одеть его? Пожалуйста, — спросила девочка, в ожидании ответа крепче прижав к себе наряд, — У меня к нему и красные туфельки есть.

И пока муж выбирал костюм для вечернего мероприятия, Маргарита помогла ребенку одеться.

Аделька всё не могла налюбоваться собой в зеркале, откуда на неё смотрела красивая улыбающаяся маленькая девочка. Её светлые волосы были уложены во взрослую причёску, её голубые глаза светились радостью, и она была ужасно горда тем, что в этом платье она выглядела как самая настоящая балерина, увлеченно пытаясь тянуть носочек, как это делают танцоры балета.

Даниэлла уже покинула кухню и вернулась к маленькому сыну и застала в комнате прелюбопытную картину: Джек только на секунду отвернулся от детского манежа, чтобы посмотреть на входящую в двери златовласую супругу, и увидел изумление в её больших глазах. Доктор повернул голову в ту сторону, куда смотрела она. Лежащий в детской кроватке мальчик довольно улыбался, перебирая маленькими пальчиками, а над ним в воздухе кружило содержимое косметички матери, что лежала рядом на туалетном столике — маленькое зеркальце, пудреница, тушь для ресниц, блеск для губ и брелок с ключами, что так забавляло и веселило ребенка.

Это вызывало трепет смешанного чувства опасения и восхищения. Если уже у младенца проявляется не подвластная человеческому понимаю сила, то чего же можно ожидать, когда он станет расти? И это вселяло беспокойство в сердца родителей. Как вырастить достойного человека из того, кто больше, чем человек? Как научить его управлять своей силой и контролировать её? Даже такие житейские вопросы, как плановый визит к педиатру, выбор детского сада и школы для ребенка приобретали весомую проблематичность. И снова вставал вопрос — как им найти свое место в этом мире? Как воспримут люди известие о том, что рядом с ними живут такие, как они — со способностями, превосходящими человеческие? Оставалась надежда на советы и поддержку Небесного града, где они смогут

укрыться в случае, если им или их детям будет угрожать опасность.

Марк и Мей некоторое время оставались одни.

— Мне плевать, сколько женщин оставили поцелуи на твоих губах, — девушка провела своим пальчиком по губам Марка, — Потому, что помнить ты будешь только мои.

А юноша и не помнил всего, что было до неё, целиком и полностью подчиняясь власти её губ. Он и не заметил, как даже воспоминания о Маргарите стали словно покрытые туманом, отделяющим его прошлую жизнь от настоящего.

— Знаешь, обручальное кольцо будет отлично смотреться на твоих красивых пальцах, — переплетая пальцы, она изучала его руки.

— Я бы хотел увидеть, как ты будешь выглядеть в торжественном свадебном платье, — прошептал он, спрятав лицо в её темных локонах, смешивая свои лавандовые пряди с темными волосами Мей.

— А я хочу увидеть, как ты будешь снимать его с меня, — томно протянула азиатка, сминая ткань его рубашки, а потом, дурашливо потрепав его за ухо, угрожающе добавила, сощурив глаза, — Но если порвешь его, то получишь в глаз.

— Понял я, понял, — кивнул Марк, улыбаясь, — Буду стараться аккуратно.

— Старайся, — маленькая японка легонько хлопнула его по плечу.

Спускаясь по лестнице под руку с доктором, держащим на руках маленького сына, светловолосая Даниэлла подавила смешок и по-доброму заметила, что не мешало бы подарить маленькой азиатке скамеечку, чтобы им с Марком было удобнее целоваться, выравнивая значительную разницу в их росте.

В таких милых и трогательных мелочах проходила подготовка к вечернему выходу в свет.

На город спустились сумерки — зимой световые дни так коротки. За окном автомобиля мелькали городские огни и сияющие неоновые рекламы, и с неба мягко падали легкие снежинки. Огни — повсюду были огни — в нарядных витринах магазинов и в окнах празднично украшенных домов. На улицах пока ещё кипела жизнь, люди и машины куда-то спешили, отчаянно пытаясь не опоздать, но совсем скоро всё замрет в ожидании нового дня, и последняя ночь уходящего года станет историей.

Когда все зрители заняли свои места в зале, интенсивность света начала постепенно снижаться, пока он совсем не потух, и голоса сидящих стихли.

Яркий свет прожекторов выхватил из темноты фигуру конферансье, который уже начинал свою приветственную речь:

— Добрый вечер! Надеемся, вы всем довольны? Уважаемые зрители, мы готовы начинать наше шоу. Пожалуйста, займите свои места в зале и отключите мобильные телефоны. Будьте вежливы к окружающим и труду юных артистов и наслаждайтесь представлением. Благодарим, что пришли сегодня посмотреть на нас. Мы очень рады видеть вас всех сегодня вечером в этом зале и счастливы выступить для вас. Постараемся вложить всю свою душу в представление. Позвольте себе погрузиться в волшебство новогодней сказки для детей и взрослых. Пожалуйста, поддержите наших артистов аплодисментами.

Выступление юных артистов поражало своей искренностью, старанием и тем энтузиазмом, с которым максимально выкладывались маленькие танцоры. Особенно хороша была солистка. Глядя на выступление Ноэль, сидящая рядом с Максимилианом Эллен, рыжеволосая кузина Маргариты, была спокойна, что выросла достойная смена балетной труппы, а малышка Аделин во время антракта прямо в проходе тренировалась, повторяя

движения со всем усердием, на которое была способна.

После спектакля им разрешено было пройти за кулисы и поздравить маленькую приму с первым серьезным выступлением и первым главным успехом в роли Мари из балета "Щелкунчик" по мотивам самой известной из новогодних сказок.

Продолжали праздничный вечер на благотворительном ужине в клубе азиата, где среди прочих собралось много известных и влиятельных людей мира моды и искусства.

Джон терялся в догадках, откуда продюссерам стало известно, но к нему подошли с предложением об участии в театральной постановке знаменитых легенд миров Средиземья профессора Толкиена об извечном противостоянии добра и зла, о человеческих страстях и пороках, мешающих нам на пути к цели, о любви, верности и чести — добродетелях, что делают нас сильнее и чище, и о Кольце Всевластия, подчинявшим себе все самые темные стороны человеческой природы. Кто сказал им, мужчина не ведал, но они намекнули ему, что его умения владеть оружием и ездить верхом, его знания приемов боевых искусств будут как нельзя кстати для передачи образа благородного наследника трона Гондора — Арагорна, сына Аратора. Это такой редкий шанс блеснуть своими талантами для воссоздания любимого многими почитателями таланта писателя героя, а продюссерам позволит сэкономить средства на дублерах и каскадерах. Пока Джон пребывал в раздумьях, стоявший рядом и всё слышавший его сын вцепился в его рукав, умоляя согласиться и исполнить его мечту, воплотив персонажа, которым он восхищался, на которого хотел походить, которого мальчик ассоциировал со своим отцом на зависть своим товарищам. Какой же мальчишка не знает эту историю и не мечтал представить себя на месте её отважных героев без страха и упрека, в мире, полном магии, волшебства и удивительных чудес, где добро всегда побеждает, а зло всегда наказуемо. Алишера поддержала Маргарита. Мужчина не в состоянии был отказать им двоим. Ещё долго после ужина он не мог поверить, что всё-таки согласился на это. Но он даст мальчику ещё один повод быть гордым за своего отца. Это только позже, когда он прочтет сценарий, то поймет, насколько образ ему близок — он фактически не играл, а был самим собой, был Арагорном — наследником царской крови в изгнании, известном под именем Бродяжник или Следопыт.

Марк в этот вечер тоже не был обделен вниманием продюсеров благодаря своей приметной экзотической внешности. Ему предложили пройти пробы на роль одного из верных спутников Арагорна в Братстве Кольца — меткого эльфийского лучника из Лехолесья, сына Лесного Короля Трандуила — принца Леголаса. Подобная возможность выпадает всего один раз за всю жизнь, и второго шанса может больше не представиться — в случае удачи, в одну ночь можно проснуться знаменитым и всемирно известным. Такой случай нельзя упускать, используя весь свой потенциал. Ещё одна роль, на которую мог пробоваться Витриченко-младший — поэт и рыцарь, Серебряный Принц от крови дракона: Рейгар Таргариен, герой самой романтической и самой драматической истории, послужившей началом грандиозных трагических событий в мире, созданном фантазией писателя Джорджа Мартина. Это подняло популярность Марка до невиданных высот, но все восторженные взгляды множества женских глаз не трогали его. Для юноши существовали лишь одни — карие глаза маленькой японки, важнее которых для него ничего не было. Мей же просто разрывало от гордости за него. Позже, когда они будут прощаться в аэропорту, Марк и Мей скажут друг другу ещё много пожеланий удачи в учебе и во всех других начинаниях, но уже сейчас ни от кого не укрылось, насколько эта миниатюрная чужеземка важна для парня, что он не замечает остальных. А эти остальные по-разному реагировали на

такую ситуацию: кто-то радовался их счастью, кто-то переключил свое внимание на другие объекты, кто-то продолжал попытки привлечь к себе внимание, перекрасив волосы из светлого в темный цвет, исходя из того умозаключения, что Витриченко-младший предпочитает брюнеток. Но Марку было все равно на их выходки. Ответить он им мог не более, чем необходимой приличиями вежливостью.

Не желая отставать от мужчин, девушки тоже начали подумывать о том, чтобы тоже пройти пробы и попытать удачу.

Но и это будет позже. А пока что наши герои готовятся возвратиться домой, чтобы приклонить головы на мягких подушках своих постелей и проснуться следующим днем уже в новом году — с надеждой, что грядущий год принесет им больше удачи и радости и меньше горьких испытаний, чем год уходящий.

Самые уникальные способности человека — это способность творить и преодолевать препятствия, терпеть и преобразовывать, любить и быть выше наших страданий

Бен Окри

11. Абсолютная Судьба. Апокалипсис

— Колесо судьбы уже начало свое движение... Грядут темные времена. Среди тьмы безвремения Глефа Безмолвия будет опущена и возвестит конец этого мира. И опустит её тот, чей меч будет обагрён в драгоценной крови, явив миру... Разрушение... Он не должен возродиться! Ради всего святого! Этого нельзя допустить! Умоляю... — смуглый темноволосый мужчина бежал из последних сил вдоль высокой черной стены, в крошечной мгле, почти на ощупь стремясь разглядеть во тьме выход, прислушиваясь к зовущему его голосу.

Этот голос... Он придавал сил и уверенности, обволакивая своим теплом.

— Кто ты? Постой! — продолжал он выкрикивать в темноту, протягивая руки к призрачному силуэту, не в состоянии рассмотреть скрытое туманной дымкой лицо, — Что ты пытаешься мне сказать?

Только ему стоило приблизиться, как светлый призрак, точно дразня, всё время ускользал от него, пока Джон не упал, надломлено, на колени, не в силах и шагу ступить дальше.

— Что это? Что это был за сон? — мужчина подскочил на постели, согнувшись от приступа судорожного кашля, — Интересно, сколько ещё раз мне предстоит проснуться посреди ночи с криком, вот так? Неужели я так и не смогу найти выход из того лабиринта? Но... в этот раз я прошел гораздо дальше. Я шел на её голос. Я не смог разглядеть лица женщины, зовущей меня, однако, её голос был мне знаком.

— Жан? Ты кричал во сне, — нащупав рядом с собой пустоту, Маргарита поднялась и обняла мужа за плечи, приложив ладонь к его пылающему лбу, — Господи, да у тебя жар! — она отняла руку, с тревогой глядя на выступившие капли пота, искрящиеся на его разгоряченном теле.

— Ох, вот же незадача, — Джон вытер мокрые ладони о простыни, опустив виновато голову, — похоже, что ты права. Прошу прощения, что причиняю беспокойство своим состоянием и заставляю переживать.

— Это всего лишь простуда, мы справимся, — девушка провела ладонью по его плечу, насильно заставив вернуться в горизонтальное положение, легко надавив ему на грудь своими маленькими ладошками, — Позволь мне позаботиться о тебе, предоставь это мне.

Мужчина сжал её руку, сморгнув:

— Так неловко чувствовать себя беспомощным, — губы его дрогнули.

— Пустяки, мне совсем не сложно, — девушка отмахнулась, стараясь сдержать улыбку на лице.

— Не в том дело, — покачал головой Джон.

— Разве ты никогда не болел? Даже в детстве? — Маргарита присела рядом, с любопытством глядя на него.

— В детстве... — он в задумчивости протер вспотевший лоб, пытаясь припомнить подобный опыт в своей жизни, — Да, такое случалось, а как-то... — Джон неожиданно вздрогнул, на его лице залегли глубокие морщины, — я был очень серьезно болен, и очень плохо помню подробности... Ну, как видишь, я до сих пор жив.

— И у тебя высокая температура, — Маргарита поцеловала его пылающие губы и решительно поднялась с кровати, — Не спорь со мной. Ты помнишь, когда Марк болел

сильной ангиной и его лихорадило, ему помог цыганский травяной отвар? У меня записан рецепт. Я сейчас приготавливаю, только покормлю девочек, а ты пока возьми градусник и измеряй температуру. Я скоро вернусь, а ты побудь пока в постели, хорошо?

С этими словами она развернулась, покинув спальню, и направилась подогреть молока и заварить смесь лекарственных трав.

— Что-то случилось, Марго? — обернулся Марк, когда Маргарита появилась на кухне, нервозно расхаживая и выворачивая содержимое столовых ящичков, — Ты с утра чем-то взволнованна? Не можешь что-то найти?

— Марк, те травы, что помогли тебе при лихорадке, они всё ещё на своем месте в шкафу? — девушка вцепилась в рукав его сорочки, спрашивая с надеждой.

— Что-то произошло? Девочки в порядке? — прошептал юноша, отвечая ей испуганным взглядом.

— С ними всё хорошо. Жан простудился, у него горячка, — она присела, подперев голову руками, и сама выглядела усталой и болезненной с воспаленными глазами на бледном осунувшемся лице.

— О, надо же, — парень удивленно выдохнул и присел рядом, — Нашему теплолюбивому принцу не по душе пришлась зима?

— Как грубо, Марк, — покачала головой Маргарита.

— Извини, не сдержался, — парень поднялся и подошел к большому окну, смотря на припорошенный снегом двор, — Я представлял себе его более закаленным, а принц раскис с наступлением холодов. Как же он сможет защитить дорогих ему людей? Нам сейчас нельзя расслабляться. Мы пока не можем знать, что планирует Лаура, и должны быть начеку, — в его голосе проскользили металлические нотки, а его лицо, всматривающееся в одному ему понятную даль, было напряженным.

Девушка вынужденно поднялась и подошла к нему, взяв его за руку:

— Марк... Ты никогда ещё не был настолько серьезен, — от него веяло силой и решимостью, он был, наверно, гораздо сильнее их всех, жизнь научила его бороться и не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

И это с такой уверенностью говорил человек, ещё не так давно ненавидевший и презиравший весь мир. Он сильно изменился и повзрослел, он смог найти в себе силы и смысл жизни для себя — и те, кому удалось проникнуть в глубины его сердца, могут быть уверены в его преданности, в том, что он останется верен им до конца.

— Я обрел людей, дорогих мне, и не позволю отнять это у меня. Даже если придется riskнуть своей жизнью, — тихо продолжил он, не вздрогнув, когда её ладонь накрыла его руку, — Не делай такое лицо, Марго, я не хотел тебя напугать, — ощутив её волнение, юноша ободряюще улыбнулся.

— А ты стал совсем другим, Марк, — Маргарита смотрела, как лучи утреннего солнца играют в его волосах, сверкают в его глазах, освещая его острый профиль, — Не волнуйся, я сделаю всё возможное, чтобы Жан поправился как можно скорее, — несломленный и несокрушимый, прекрасный и сильный, подобный ветру.

— Ну, конечно, — он протянул ей пакет с травяным сбором, — Вот, держи, это те травы, что ты просила. Если что-нибудь ещё понадобится, ты только скажи, — заверив со всей серьезностью.

— Спасибо! — Маргарита прижала пакет к груди, благодарно кивнув, — Вы ещё собираетесь идти на каток? — отсыпав нужное количество в стеклянный заварочный

чайник, она долила кипятка и закрыла крышку, снова развернувшись к Марку.

— Да, с нами идут Элен и Макс, — подтвердил он, с сожалением встретив взгляд её карих глаз, — На самом деле, жаль, что вы не сможете к нам присоединиться.

— Ничего, в другой раз обязательно составим вам компанию, — убежденно кивнула Маргарита и, забрав с собой чайник, покинула кухню, — А сейчас мне нужно покормить дочерей и помочь мужу.

Вернувшись, прямо с порога, она попыталась взбодрить мужа веселым взглядом и легкой улыбкой.

— Прости, ты же хотела пойти на каток с ребятами, — он предпринял попытку подняться, но голова закружилась, и Джон со вздохом обреченного снова откинулся на постель.

— Ничего, сходят в этот раз без меня, — Маргарита помогла ему приподняться и принять более удобное положение, подложив дополнительные подушки, — Подкрепись пока, а я перенесу девочек в комнату родителей, чтобы они не заразились. Только прошу тебя съесть всё, тебе нужны силы. Потом выпей травяной отвар и прими жаропонижающее.

— Из тебя получилась отличная сиделка, — Джон не сдержал одобрительной улыбки, пока она обтирала его лицо, шею, плечи и грудь влажным полотенцем.

— Ну, знаешь... — протянула в задумчивости девушка, выкручивая полотенце в специальный тазик, — Раньше я не говорила об этом потому, что это были болезненные воспоминания. Но... сейчас они покрыты пеленой светлой грусти, и теперь я могу вспоминать об этом, не опасаясь, что сердце мое разорвется от боли и тоски — и всё это только благодаря тебе, — нежный поцелуй в губы, удостоверяющий её слова.

— Присядь, расскажи мне, — тихо попросил он, и Маргарита забрала пустую чашку и поставила поднос с завтраком, присаживаясь рядом с ним на кровати:

— Я ухаживала за Алессио, когда он проходил лечение в клинике, где работает мой брат, — и снова по хрупкому телу прошла волна дрожи от слишком ярких воспоминаний о тех днях, когда она ещё столь многого не знала, воспоминаний о первом опыте сильного чувства, до сих пор трепещущие в её сердце, — Это даже невозможно представить, насколько тяжело пережить подобное человеку, который привык зарабатывать своими руками, а оказался беспомощнее младенца. Он был действительно талантливым скульптором. Пока заживали порванные сухожилия кистей его рук, он не мог выполнять даже самого элементарного по обслуживанию самого себя. Мне приходилось кормить его, одевать, помогать расчесываться и бриться. Но я справилась! Так что, я смогу справиться и с твоей лихорадкой. Можешь довериться мне.

Тот опыт многому научил её, научил ценить каждый день этой жизни, каждый её миг, не бояться жить, жить смело, не страшась своего будущего, научил лучше понимать чувства других людей и проявлять собственные самые лучшие качества в старании помочь ближнему.

— Вот как, а я и не знал, — Джон с исключительным уважением посмотрел на супругу, — Ты так спокойно рассказываешь об этом? Твоя боль отступила?

— Благодаря тебе. Ты сделал меня такой, ты помог мне пережить трагедию и раскрыться моим наилучшим чертам, став одним из самых близких мне людей — и далеко не только потому, что делим вместе одну постель, — снова повторила она, припомнив ещё одно из изречений древних мудрецов, — Слово любимого человека лечит лучше, чем все врачи мира... И убивает быстрее всех палачей, — лицо Маргариты осветила особенная

одухотворенная улыбка, — Так говорят мудрецы, а они слов на ветер бросают.

— Ты всегда будешь вдохновлять меня своей улыбкой, — кивнул мужчина, широко улыбнувшись.

Маргарита вновь откровенно залюбовалась им:

— Ты улыбаешься так, будто кто-то рассыпал звезды на твои губы, и он смотришь на меня так, будто я всё в этом мире, и мне хочется зарыдать, — она обхватила руками его шею и крепко прижалась к его горячему влажному телу.

И он ощутил такой небывалый прилив сил и энергии, пока ещё слабыми пальцами медленно перебирая её темные локоны:

— Твой свет озаряет меня, и я чувствую, как меня наполняет сила. Он направляет меня и поддерживает, помогая не сдаваться даже в самой отчаянной ситуации.

Но только стоило Маргарите взять их малышей на руки, как те принялись хмурить лобики и напряженно кривить ротки в плаче:

— Что такое? Да что с вами такое, девочки? — малютки ни в какую не хотели успокаиваться и перестали всхлипывать только когда их вернули в кроватку, — Не хотите покидать папочку?

Молодая женщина в растерянности посмотрела на мужа: ничего не поделаешь, дочери уже сейчас умели настоять на своем.

Сменив постельное белье, большим трудом, но ей всё же удалось собрать их на прогулку, пока помещение проветрится, а Джон отдохнет в комнате, которая была выделена его матери, под её присмотром.

— Как ты сынок? — когда он проснулся и открыл глаза, мать сидела рядом на кровати.

— Мама? — сон и лечение пошли ему явно на пользу, и мужчина смог облегченно улыбнуться, невольно жмурясь от света, заполнявшего спальню — день был в полном разгаре.

— Я здесь, Джанъян, я рядом, — он не знал, сколько времени проспал, но рад был, проснувшись, увидеть родное лицо.

Джон самостоятельно сел на кровати, устремив мечтательный взгляд в окно:

— Ты точно так же сидела у моей постели... — его хриплый голос значительно потеплел, согреваемый светлыми воспоминаниями детства, — Мама, ты помнишь, как я был сильно болен? Что случилось тогда?

— Тогда... — Сони накрыла его руку своей, задумавшись, пытаясь восстановить в памяти ход событий того далекого времени, — Ты много времени проводил в своей лаборатории, но в тот день случилось что-то ужасное. Я молилась, чтобы ты остался жив или прекратил свои страдания, если суждено остаться калекой. Я молилась и проклинала себя за такие мысли. Но судьба смилостивилась и вернула мне единственного сына, не дав тебе умереть. Это было сродни чуду, что тебе удалось выжить при таком взрыве. Твое тело должно было разорвать на куски, но что-то не позволило тогда тебе умереть. Ты сильно обгорел... Лекари меня долго не пускали к тебе, как я ни просила... Потом ты сам позвал нас с отцом. Мы ожидали увидеть ужасающие шрамы от ожогов на твоём теле, но... их не было, а ты так и не смог вспомнить подробностей случившегося.

Мужчина сосредоточенно пытался заставить заработать память, но мозг отказывался справляться с поставленной задачей:

— Именно тогда открылось, что я обладаю необыкновенными силами, но я так до сих пор и не могу точно вспомнить, что же произошло на самом деле. Мне говорили, что это

последствия сотрясения, и как бы я не старался, воспоминания всё время ускользают от меня. Ещё ни кому не удавалось избежать смерти, но в тот день произошло нечто очень странное. Я не должен был выжить. Тогда, почему же я не умер? Много лет я задаюсь этим вопросом, но так и не могу найти разумного объяснения. Какое отношение к этому имеет моя странная сила? Я хочу найти ответы, — и спустя одиннадцать лет, те события и загадочные обстоятельства так и оставались окутанными тайной.

Была ли его история схожа с историей доктора, несгибаемая железная воля которого возродила к жизни следом и его искалеченное тело? И всё же, что-то подсказывало Джону, что в его случае — всё гораздо и гораздо сложнее.

Тогда как четверо из его друзей, две влюбленные пары, отдыхали в большом развлекательном центре среди праздничных декораций, основу которых составляла огромная, возвышающаяся среди центрального холла, наряженная игрушками и гирляндами, ель. Множество нарядно одетых людей посещали праздничные распродажи и рестораны быстрого питания вокруг залитого по случаю торжеств катка, под звучащие радостные мелодии. Молодежь, дети, люди постарше — сегодня это смело можно было назвать столпотворением. Катающиеся на коньках или наблюдающие сквозь высокие прозрачные ограждения. Сюда пришли целыми семьями, за столиками разнообразных кафе отмечая удачные покупки за чашечкой эспрессо или бокалом коктейля, в то время, как их дети наслаждались порцией мороженого или сладкой ватой.

В глубине души Марк был даже рад, что Джона сейчас не было рядом, и он не увидит его позора на катке. Юноша не умел уверенно стоять на коньках, в отличие от своей прекрасной спутницы. Он зачарованно следил, как она грациозно держалась на льду, высекая искры острыми лезвиями, легко и непринужденно скользя по сверкающей гладкой поверхности. В детстве у него не было денег на посещение подобных увеселений.

— Маркеш, ну что — так и будешь смотреть, разинув рот? — маленькая японка любила по-доброму подразнить его, — Я хочу как можно ярче и веселее провести время в вашей компании, чтобы было о чем вспомнить, когда я вернусь на родину, чтобы продолжить свои занятия.

За единственный вечер, разумеется, Мей не смогла бы научить его кататься столь же искусно, как и она сама, но уже сам тот факт, что вот сейчас он — такой сильный, ловкий и непобедимый, опирается о её руку, полностью в её власти, добавляло ей значимости в собственных глазах.

Теперь у Марка были деньги, и он мог оплатить время на катке и исполнить свою детскую мечту, а Мей взяла с него обещание, что когда она вернется в феврале поздравить его с Днем рождения, то они снова вместе сходят на каток, и он продемонстрирует ей, чему успел научиться

Азиат Танака Ондзи проснулся этим утром в одном из частных кабинетов своего заведения. Голова ещё слегка кружилась от выпитого накануне спиртного, и снова всю ночь его преследовали её глаза... Этот полный презрения и ненависти взгляд, проклинавший его за предательство. Ондзи обхватил руками голову — ему продолжало казаться, что она всё ещё пылает. Он едва успел добежать до нужника, где его стошнило. Как девица беременная, ей Богу! Не к лицу подобное самураю и бывшему верховному демону. Умывшись, мужчина вернулся в комнату, открыл окно и обтер лицо свежим снегом с подоконника. Холод и мороз остудили и освежили его. За спиной захлопал большими черными крыльями ворон в клетке, что стояла на круглом столе в центре зала. Ондзи развернулся и быстрым шагом прошел к

столу, открыл клетку и позволил птице сесть ему на руку:

— Ты не против размять крылья, дружище Корвин? — вымученно улыбнулся он, возвращаясь к распахнутому окну, — Только возвращайся ко мне, ты единственное, что у меня осталось от неё.

Ворон улетел, Ондзи выдохнул теплый пар в студёный воздух.

И он принял решение... Их сила должна была достаточно возрасти, чтобы он мог предложить опасный и рискованный вариант... То, что прочтут в его душе её синие глаза, которым он не в силах лгать, могут отвлечь от него эту белокурую мечту, но только так, целиком и полностью разоблачившись перед ними, можно отыскать в глубинах его подсознания зацепки к планам и местонахождению Лауры. Хуже уже не будет, даже если его чувства вызовут лишь жалость и отвращение — уж лучше так, чем увидеть её мертвой. Он всё равно решил не ждать, пока его отвергнут, он сам уйдет, когда всё закончится — вернется на свои родные острова и попытается начать с начала, забыв все ужасы, забыв три долгих века жизни. Забыв любовь...

Допив для храбрости ещё бокал вина, он позвал Винтера готовить автомобиль, чтобы отправиться по уже знакомому адресу. Для грядущей беседы ему понадобится вся его воля и вся его смелость.

Пока друзья проводили время, прогуливаясь по торговому центру, Джон почувствовал, что у него уже достаточно сил, чтобы встать с постели. И когда брат с сестрой и его непоседливым сынишкой пришли навестить, то мужчина настойчиво потребовал помочь ему одеться и привести себя в порядок, чтобы в приличествующем виде спуститься в гостиную.

Маргарита тем временем, воспользовавшись возможностью, пока мать гуляла с малышками, решила пополнить свои знания по кулинарии, помогая подруг

Джастине с приготовлением обеда на большую компанию.

— Жюстин, до чего же вкусно пахнет, — облизнулась она, с воодушевлением повязав себе пестрый кухонный фартук, — Тайный рецепт? Секретный ингредиент? Можешь научить меня?

— В этом нет ничего сложного, — высокая сероглазая девушка без труда достала с верхней полки кухонного шкафа специи и, аккуратно отмерив нужное количество, добавила в кипящее рагу, — Постараюсь тебе показать. Только пробовать готовое блюдо будем понемногу, чтобы не испортить аппетит.

— Ой, вот спасибо, дорогая, — подвязав волосы, миниатюрная брюнетка присела за стол, приготовившись всё старательно записывать, — Я сейчас, только блокнот возьму, чтобы пометки делать.

Подруга не удержалась от добродушной улыбки, глядя на сосредоточенное личико Маргариты. Скоро Джону и Марку предстояло приступить к съемкам и репетициям, и девушка хотела быть им полезной, считая, что принести им в перерыв сытный, горячий обед будет совсем не лишним. Азиатка рассказывала, что в Японии широко распространена традиция бэнто — упакованных в специальные контейнеры обедов на одну персону, а их приготовление является одним из главных умений японских домохозяек, снабжающих своих мужей и детей питательными веществами для поддержания сил долгими трудовыми днями работающего народа. Маргарите, конечно же, было далеко до их мастерства, но освоить несколько несложных и вкусных блюд, чтобы порадовать дорогих ей мужчин — было вполне по силам. В отсутствие Мей, в ближайшие полтора месяца на её попечении оставался Марк — только Маргарите могла она доверить заботу о своем женихе.

Мимо кухни прошел доктор. Решив мимо не проходить, он зашел взять бутербродов с собой на дежурство. Маргарита сочувственно посмотрела на брата, недовольно пробурчав, что только бессердечные люди могут заставить молодого отца работать в праздник. Безусловно, он любил свою работу и всецело отдавался ей, а тут ещё — личная просьба главного врача. Ну, если даже её златовласая подруга не расстраивается по этому поводу, то и Маргарита сочла, что разумнее будет и ей успокоиться — нужно только проверить, чтобы любимый брат не забыл свой обед. Доктор любил свою работу, но бывало увлекался настолько, что зачастую забывал поесть вовремя.

Пока проводили Джека, спустился Джон в сопровождении своих родственников.

Первым делом обедать за стол усадили детей, которым уже не терпелось поскорее открыть дополнительные подарки, к уже полученным ими на Рождество.

— Жан, ты невозможен! — пока Аделька скармливала мясо Милорду, уверенная, что никто не заметит, как еда из её тарелки переключивалась в кошачью миску, Маргарита наклонилась к мужу, чтобы высказать свое возмущение его поведением, — Ты же обещал мне оставаться в постели, пока тебе не станет лучше. Ну, что мне с тобой делать?

Мужчина посмотрел в потолок, и едва лишь открыл рот что-то сказать, как в кухне появились только что вернувшиеся из торгового центра друзья.

— Что я слышу — неужели светлый образ моего соперника начинает меркнуть? — Марк озадаченно выгнул бровь, похлопав притихшего Джона по плечу.

Мужчина нервно содрогнулся, но тут Маргарита поспешила прийти ему на помощь:

— И ничего подобного! — девушка присела рядом, обнимая мужа, — Просто я переживаю за него.

— Ну, да, я так и подумал, — благодушно усмехнулся юноша.

— Маркеш, ты у меня сейчас договоришься, — азиатка ущипнула его за ухо и переключила свое внимание на светловолосую девочку, прибегая к проверенным ухищрениям, чтобы Аделька доела свою порцию пюре.

Марк смотрел на неё с нескрываемой и такой многозначительной улыбкой, что девушка не выдержала и повернулась к нему:

— А что ты на меня так смотришь? — Мей протянула ему тарталетку и, склонившись, прошептала, — Это в мои ближайшие планы не входит. Сначала нужно карьеру построить, достигнув чего-то в жизни — а потом детей рожать. Мои дети ни в чем не будут нуждаться, и будут гордиться своей матерью.

— А что насчет отца? — парень взял её за руку, пока остальные с интересом за ними наблюдали.

— Отец для них будет образцом для подражания, на который они смогут ровняться, — со всей важностью заявила японка, а Марк покраснел под понимающими взглядами друзей, — Ты же не забыл, что у нас будут сыновья?

Прожевав, смуглый мальчик с пышными вихрами темных курчавых волос широко улыбнулся и повернул свою кудрявую голову к сидящей рядом светловолосой девочке:

— А наш папа — герой, правда, Адель? — такими же выразительными, как и у отца, глазами Алишер посмотрел на Джона, — Я ребятам в классе так и сказал. Они теперь хотят увидеть, как ты надерешь задницы всем плохишам на большом экране.

— Что за выражения, Али? — тут мужчина капитально растерялся: то ли смеяться ему, то ли отругать сына за несдержанность речи.

— Папа, у нас скоро будет родительский день, — ребенок отложил в сторону вилку,

которой он ел, — Мой класс рад будет послушать тебя.

Мужчина неуверенно привстал со своего места, чтобы ближе подвинуться.

— Ну, я не знаю даже... — после некоторой паузы ответил он, в уме прикидывая, что сын мог рассказать о нем своим одноклассникам.

В их возрасте жизнь предстает в ярких и красочных цветах, многое принимается за чистую монету, а многое видится окутанным сказкой и волшебством. Но то, что сын с непорочной душой считает его своим героем — несомненно грело отеческое сердце.

— Прошу, пожалуйста, — мальчуган определенно унаследовал от отца талант уметь настоять на своем, — Тебе же не трудно, правда?

Ответить мужчине не дал звонок в дверь, когда на пороге появился азиат вместе со своим помощником.

— Я хочу предложить свою помощь, — весь его вид выдавал его озабоченность: серьёзный, собранный и... бесконечно одинокий, — Ваши силы значительно возросли в последнее время. Я очень долго был с Лауритой... Если я могу быть вам чем-нибудь полезен...

Скучно поздоровавшись с присутствующими, Ондзи проследовал прямо на кухню и разом опустошив предложенный ему стакан воды, пододвинул ближайший к себе стул, сев как раз напротив белокурой Даниэллы:

— Даниэлла, Дэни... — он взял её за руку, цепляясь за глубокую, завораживающую синеву её глаз как за свет путеводной звезды, задержав свои пальцы на ее ладони дольше, чем того требовали приличия, что заметила Маргарита, вставая так, чтобы закрыть их от лишних взглядов, — Я знаю, ты можешь читать эмоции людей и проникать в их разум. Так прошу, прочти всё, что может вам пригодиться. Я могу и не подозревать о том, что сокрыто в глубинах моей памяти: там может быть и что-то весьма важное.

— Но... — такая решительность его пугала златовласую, и лихорадочный блеск в его глазах навевал мысли об опасности и скрытой тревоге.

— Не бойся, я не предатель, — азиат покачал головой, — Я выбрал сторону и останусь верен вам, хоть это и причинит страдания Лаурите. Я хочу и ей помочь, остановить, спасти от самой себя.

Златовласая увидела эту боль в его глазах и вздрогнула:

— Больно будет и тебе, — в словах её прозвучал чистый испуг.

— Больнее, чем уже есть? Сомневаюсь, — грустно усмехнулся Танака-сан, поглядывая, как Винтер меланхолично пьет свой кофе, стараясь не смотреть в сторону Маргариты, — Заранее прошу прощения. Ты увидишь много неприглядных вещей обо мне. Возможно, даже станешь презирать меня. Я очень рискую потерять твоё хорошее отношение, но только так вы можете попытаться получить полезные сведения.

— И ты сознательно идешь на это? — Даниэлла всё ещё не могла поверить, что он готов вывернуть свою душу ради их благополучия, восхищаясь такой невероятной силой духа.

Ондзи отметил это в её взгляде и улыбнулся своим мыслям.

— У меня нет выбора, — рука его утешающе сжала её пальцы, — Есть кое-что, что для меня важнее. Ваша жизнь, к примеру. Твоя безопасность... Вы удивительные люди.

— Тогда пройдем в гостинную, — белокурая поднялась, напряженно держа спину, когда он взял её под локоть и провел в зал, — Мы — обыкновенные люди, с той лишь разницей, что посвятили себя борьбе со злом.

Они присели на диван, и мужчина безропотно склонил голову под её ладони, сомкнув

веки и молясь, чтобы ему достало сил выдержать это как можно дольше, наслаждаясь приятным теплом, исходившим от её пальцев.

— Что ты видишь? — хрипло выдавил азиат, не поднимая головы.

— Я вижу, как вы познакомились с Лаурой, — Даниэлла нервно запнулась, а по щекам потекли слезы, которые она молча сглотнула, — То, как поступили с тобой, ужасно.

— Что ещё? — неумолимо потребовал мужчина.

Руки продолжали дрожать, но она исполнила его просьбу:

— Вижу... Я вижу смерть своих друзей и твое очищение, — почти задыхаясь от волнения, прошептала белокурая, снова, как на яву переживая то ужасное кровавое сражение, с усилием пытаюсь выровнять дыхание, в то время, как по всему телу пробежали неприятные мерзкие мурашки.

— Ищи ещё, — требовательный голос азиата заставил её снова вздрогнуть.

— Кажется, вот оно, — девушка побледнела и отстранилась, скорым шагом подойдя к окну, часто моргая, вдыхая морозный воздух, уперевшись в подоконник и опустив голову, — Немыслимо... но я видела её. Лаурита что-то упорно ищет.

В комнату вошли с обеспокоенными лицами Джон с Маргаритой, не пожелавшие оставлять их наедине дольше необходимого.

— Она ищет... тебя, — Даниэлла повернулась к появившемуся в зале смуглому мужчине, — Лаура, как одержимая, пытается найти что-то, связанное с твоим прошлым. И она не успокоится, пока не найдет это.

Мужчина устало опустился рядом на диван, слабость после перенесенной лихорадки давала о себе знать:

— Значит, у нас мало времени, — Джон хлопнул себя по коленям, крепче сцепив пальцы, — А я не могу вспомнить... Но я должен, должен! Да, что же это творится такое?! — он накрепко лоб и дернулся, когда Маргарита присела рядом и опустила руку ему на плечо.

— Тебе трудно вспомнить? — она провела по его взмокшим волосам.

Джон глубоко вздохнул, слабо ухмыльнувшись:

— У меня богатое прошлое, — улыбка вышла у него скорее вымученной, чем легкой и беспечной.

— Надеюсь, не темное, — насмешливо шепнула брюнетка.

— В меру, — продолжал он машинально поглаживать дрожащие тонкие пальцы жены.

Маргарита возмущенно вскинула брови:

— Что?

— Нет-нет, ничего... Ничего... — уставший взгляд Джона смягчился.

— Надеюсь, я смог помочь вам? — Ондзи развернулся к выходу, бросив напоследок заинтересованный взгляд на Джона, — Чем же вы так удивили Лауриту, господин Дестинофф? — его голос опустился до шепота, — Советую вам вспоминать быстро, пока она не узнала первой.

— Я провожу, — получив одобрение супруги, мужчина вызвался проводить азиата до автомобиля.

— Благодарю, — они прошли из комнаты, — Я и так задержался у вас, а мне бы не хотелось оставлять брата надолго одного. Сами понимаете...

Японец согласно кивнул:

— Конечно.

— Мэгги, можно тебя на минутку? — златовласая стояла в оцепенении у окна, напряженно сжав пальцы в кулаки, — Там было ещё кое-что... Я... я не знаю... Он... его... Я прочла его чувства, которых мне следовало знать. Но я же не специально! Не думаю, что он хотел бы, чтобы я знала... Это его личное, — она замолчала, и собираясь с духом, мышцы на её лице судорожно напряглись, — И как мне теперь рядом с ним находиться?

— Погоди, погоди, я ничего не понимаю, — Маргарита подошла обнять подругу, — Он?

...

— Любит... меня, — еле выговорила Даниэлла и, облокотившись о подоконник, закрыла лицо руками и зарыдала, — И что мне теперь делать?

— Господи, дорогая! — маленькая брюнетка, как могла, старалась утешить её, — Знаешь, как мы поступим? Надо отвлечь Ондзи романом с достойной свободной женщиной. Слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного пола к слабому.

Блондинка улыбнулась сквозь слезы:

— Думаешь, в его окружении недостаток таких.

— Мда... Ну и задачка, — в раздумьи протянула Маргарита, — Ничего, попробовать-то можно, а?

— Ладно, пойдем уже, — белокурая набрала побольше воздуха в легкие, увлекая подругу за собой прочь из гостинной.

В коридоре их перехватила маленькая японка:

— Маргарита, можно посоветоваться с тобой? — она взяла Маргариту за руку, — Рафаэль предложил посмотреть модели обручальных колец, сможешь выбрать?

— Это обязательно должна быть я? — удивленно распахнула глаза Маргарита.

Мей растянула расплывчатую улыбку:

— Если тебя не затруднит.

— Не затруднит, конечно, — кивнула Марго, легко усмехнувшись.

— Мне что-нибудь дорогое и эксклюзивное, а Марку можно самое простое, он даже носить его не будет, — азиатка принялась методично загибать пальцы.

Маргарита с силой встряхнула девушку за плечи:

— Мей, да что с тобой такое? Я тебя не узнаю.

— Я и сама себя не узнаю. Налейте мне бокальчик для успокоения. Лучше водки, — выпалила японка.

— Ну, ты чего такая нервная? — удивленно спросила Маргарита.

— И сама не знаю, — пожала плечами Мей, нервно дернувшись, — Чувствую себя потерянной.

Маргарита развернула девушку лицом к себе:

— Не ты ли его так долго добивалась?

— А я вот всё ждала, скажешь ты или нет, — съехидничала азиатка.

— Ты так долго добивалась его, что когда действительное заменило желаемое, ты и растерялась, — Маргарита приобняла девушку, и та в ответ по-ребячески прильнула к её плечу и всхлипнула:

— Наверно. Знаешь, временами я тебя просто ненавижу, но большей частью — я восхищаюсь тобой.

— В окружении Марка столько молодых привлекательных женщин, что если будешь изводить и себя, и его ревностью, то это никуда вас не приведет, — серьезно заметила Маргарита, увлекая девушку следовать за собой, — Пойдем лучше кольца смотреть. Подумай

— только у тебя будут законные права на него.

— Ну, да. Вот если ты сейчас бросишь меня в таком состоянии, ты же себе этого не простишь, — буркнула азиатка.

— Это шантаж, — улыбнулась Маргарита.

— Да, это шантаж, — ответила улыбкой японка, неотразимая в своей непоколебимости.

Остаток дня они провели спокойно, просто наслаждаясь отдыхом, а ближе к ужину вернулся доктор, гораздо раньше, чем планировал. И вернулся он с большим букетом цветов, подарочным набором из бутылки дорогого коньяка и коробки шоколадных конфет с ликером, а также фирменного комплекта письменных принадлежностей. На деле всё объяснилось очень просто — дежурство было лишь предлогом, чтобы он появился в больнице и расписался в приказе о назначении заведующим хирургическим отделением с нового года. Друзья посчитали это вполне заслуженным признанием его заслуг и таланта. Это событие отметили фуршетом в ресторанчике неподалеку.

А на другом конце мира маленькая светловолосая девочка из недавних видений Даниэллы в недоступных для простых смертных хранилищах знаний изучала манускрипты и древние письма в запыленных архивах, периодически заходясь кашлем от вековой пыли и всё больше негодуя от того, что не находила за что зацепиться. Несколько раз она в сердцах даже швырнула об пол тяжелый талмуд и топнула своей маленькой ножкой по полу, подняв столб пыли, от чего закашлялась и сердито сплюнула.

В доме Маргариты страсти потихоньку улеглись, и настала пора расставаться: отбывали на родину Ями и Рафаэль, Сэм и Кали, собрались на Украину за маленькой Оксаной Витриченко-старший и Александра.

И прощаясь в аэропорту, Джон ещё раз с радостью благословил своих родных, а Марк рад был пожелать удачи своему отцу и Александре.

Последней, с кем пришлось прощаться Марку, была Мей:

— Я буду скучать. Удачной сессии, — она крепко-крепко обняла его, с удовольствием вдыхая такой любимый его аромат с нотами вишни.

— И тебе удачи на экзаменах, Мей, — юноша нежно поцеловал её в щеку.

Она широко улыбнулась, глядя в ясные серые глаза:

— Маркеш, а что привезти тебе в подарок ко дню рождения?

— Ты для меня — уже лучший подарок, — парень погладил её по голове.

— Ну, всё-таки? — Марк только покачал головой, и они последний раз обнялись, прежде чем девушка отправилась на посадку.

Теперь они встретятся уже только на День рождения Марка, который приходился на День Святого Валентина. И в это время юноше вместе с Джоном было чем занять себя: они целиком и полностью погрузились в съемочный процесс. Мужчины отдавались тренировкам, разучиванию ролей, игре на музыкальных инструментах, а Маргарита приносила им в обед порции горячего и вкусного питания, приготовленного по рецептам её матери и под чутким руководством её близкой подруги Джастины О'Нилл.

Марку пришлось учиться игре на арфе, и когда его изящные пальцы, словно лаская, перебирали струны, рождалась трепетная мелодия, что накатывала, как ласковые волны.

Вместе с Джоном они собрали целую группу поклонников, в том числе и опытных каскадеров и тренеров, покоренных их мастерством в фехтовании и боевых искусствах. Они снова были в своей стихии, снова могли размять мышцы в тренировочных поединках и стрельбе по мишеням. Не раскрывая природы своего дара, могли они быть самими собой —

благородными рыцарями и храбрыми воинами, вызывая восхищение у поклонников и зависть недоброжелателей.

Дети радовали своим здоровьем и развитием, по всем показателям значительно опережавшим своих сверстников — и полтора месяца пролетели, как один миг, в праздничных хлопотах, покрытые прохладным невесомым снегом, словно легким пуховым одеялом, под аккомпанемент беззаботных мелодий, плавно переходящих в романтические баллады Дня всех влюбленных.

Несмотря на радость, наполнявшую эти дни, настроение Маргариты омрачалось, стоило ей взглянуть на озабоченное лицо любимого мужа, которое преобразили слишком ранние морщины и несколько седых прядей в его темных волосах, оставшиеся в напоминание об ужасах сражения за свою жизнь и свое будущее. Как ни старался Джон, память надежно сокрыла от него события прошлого. Он мог злиться, мог негодовать, но не мог позволить себе сдаться и бездействовать. Пока что Лаурита тоже ничего не нашла, но кто знает, кому из них повезет раньше, и он всё чаще был хмур и задумчив, а Маргарита ничем не могла ему помочь, чтобы хоть как-то облегчить его переживания — и это причиняло боль её сердцу.

Напряженной и подавленной выглядела и Даниэлла — с того дня азиат всеми способами старался избегать её, ссылаясь на заботу о брате, который действительно требовал его внимания. А она не знала, как вести себя, как сгладить эту неловкость и недосказанность между ними. Он не произносил вслух опасных слов, но она прочла все его чувства, и он, вероятнее всего знал это. И только уход за маленьким сыном давал ей возможность отвлечься и заняться более приятными хлопотами.

Так и прошли эти дни, и наступления следующих праздников все ожидали с большим нетерпением, как желанную возможность расслабиться в хорошей компании и хоть ненадолго забыться и уйти от проблем в сверкающий мир грез. Ещё более важным поводом для них стал День рождения Марка — отличная возможность продемонстрировать другу свою признательность и свое уважение. У юноши были сложные отношения с собственными днями рождения. Первые годы в приюте они отмечались чисто символически, зато рядом были люди, действительно равнодушные к судьбе брошенных детей. И каждый раз он мечтал о единственном и самом главном подарке — вновь обрести семью. Потом, когда он скитался по миру, предоставленный сам себе, он вообще потерял счет дням и месяцам, где уж тут было вспоминать о таком, когда рядом с ним не было ни одного близкого человека. Когда же к нему пришла известность, на его торжество собирались знаменитости с мировыми именами, но и они не были близкими ему людьми, в их окружении он чувствовал себя чужим и одиноким — им не было дела до его души, большинство из них стремились лишь погреться в лучах его славы или завязать полезное знакомство.

И потому, когда Маргарита подошла к нему поправить его галстук перед отъездом в клуб, сердце его не могло уловить фальши.

— Поздравляю тебя, Марк! — довольная своей работой, девушка улыбнулась, похлопав его по плечу, — Я очень рада за тебя, правда-правда.

— Не стоит оправдываться, — он наклонился, легко коснувшись губами её темноволосой макушки, — Уж в чьей искренности мне не приходится сомневаться, так это в твоей.

— Ты — очень важный для меня человек, — Маргарита провела ладонью по его щеке, — Я поняла это сразу, как только ко мне вернулись воспоминания. От всего сердца желаю тебе счастья.

Юноша счастливо улыбнулся:

— Спасибо!

И вот теперь всё было иначе — совершенно не так, как было тогда. Теперь собственный День рождения стал для него лишним поводом собрать рядом с собой людей, которых он всегда будет рад видеть по поводу или без оно, людей, которые сделали для него так много, и для которых он готов сделать ещё больше. Людей, которые переживают за его судьбу, и судьба которых стала и его судьбой тоже.

Это потом Джон скажет, что если бы он мог выбрать себе ещё одного младшего брата, то им стал бы именно Марк, и вторым (крестным) именем их с Маргаритой сына будет его имя — в честь крестного-защитника: Анри-Марк Дестинофф, которым его будет называть мать в минуты сильного волнения.

Рейс Мей задержали на пол-часа, и она должна была присоединиться к ним уже в клубе, а Марк нетерпеливо ожидал встречи с ней.

Вокруг него вилось множество красивых девушек-моделей, но он ждал появления той единственной, которая могла довести его до белого каления, и без которой он не мыслит своего существования.

Одна из девушек на вечере настойчиво пыталась привлечь его внимание. Он был знаком с ней по некоторым фотосессиям, и с любопытством заметил, что она перекрасила волосы, став из блондинки брюнеткой.

— Саванна! — приветствуя, парень обнял её, изучая прядь её волос в руке, — Я едва узнал тебя узнал. Ты покрасилась?

— Прекрасно выглядишь, именинник, — томно прошептала она, — Говорят, тебе нравятся брюнетки? Мне идет такая прическа?

Марк на это только негромко рассмеялся:

— Меня теперь интересует конкретная брюнетка, так что, прости, красавица, — покачал он головой.

— И что — совсем без шансов? — девушка хитро прищурилась.

— Без шансов, — доверительно прошептал молодой человек, — но, ведь на свете ещё очень много свободных привлекательных мужчин. Да, вот, хотя бы в этом зале.

— Ну, пока её нет рядом, может, пригласишь на танец? — Саванна взяла его под руку и повела в круг танцующих пар.

Посчитав один танец достаточным проявлением вежливости со своей стороны, Марк вернулся к друзьям, тут же забыв о девушке, стоило появиться в зале маленькой японке, от которой он не отходил до конца вечера, посвятив ей всё свое внимание.

Только Саванна не забыла о нем, с завистью наблюдая за этими двоими, посылая на голову азиатке все мыслимые и немыслимые проклятия. Подумать только — она даже волосы перекрасила ради него, а ему хоть бы что, удостоил лишь снисходительной улыбкой. Как он мог так поступить с ней? Никому не позволено смеяться над её чувствами. Ну, ничего, он ещё очень пожалеет о том, что так грубо отверг её! Они оба ещё сильно об этом пожалеют!

А влюбленные не замечали её гневных взглядов, и вечер продолжался своим чередом.

Весьма символическим подарком для его невесты стала музыкальная композиция из предстоящей постановки в исполнении Марка. Он так вдохновенно исполнял её, перебирая струны, рождая из них звуки, сливавшиеся в завораживающую и полную сладкого чувства мелодию, наполнявшую комнату. И казалось, будто за спиной у него выросли крылья. Мей

слушала его игру молча, потрясенная его решением в личный праздник сделать подарок ей. Да ещё какой подарок. Она стояла и не могла сдержать слез, и хорошо, что парень взял её под руку, когда хотел вывести к себе на сцену по окончании мелодии, а то она непременно споткнулась бы о провода звуковых установок, слепо следуя за ним, когда слезы мешали ей ясно видеть. И сердце неистово билось о твердые прутья грудной клетки, стремясь разорваться — он во всеуслышание назвал её своей невестой и при всех собравшихся в этом огромном зале, украшенном в духе романтизма — крупными цветами и воздушными шарами в форме сердец, объявил об их помолвке. Её вело прикосновение его руки. И глубина его серых глаз говорила ей, что он для неё — единственный и самый главный человек в жизни, путеводный свет её мира. В модном сером костюме и белоснежной рубашке он натурально походил на принца — её сказочного принца.

— Марк, это... — и азиатка не могла найти слов от переполнявших её чувств.

— Не надо слов, — у всех на глазах он поцеловал её, — Достаточно будет одного. Просто скажи "да", — и, принимая на свой палец кольцо дорогой ювелирной работы, она не просто сказала, а повторила то, что он уже слышал, и что она готова ещё не раз повторить для него и для всего мира.

И томная ночь после завершения праздника вконец выветрила из головы образ Саванны, а вот девушка всё помнила и ждала подходящего случая для реванша.

Несколько дней она следила за обоими, пока не поняла кое-что для себя и не придумала план отмщения обоим.

Влюбленные искали собственную квартиру для съема, и это было на руку отвергнутой девице. Она представилась помощником риелтора и предложила посмотреть отличное предложение по выгодной цене в дальнем конце города.

Ничего не подозревающая девушка отправилась на встречу. Обычно азиатка не теряла бдительности — такое случилось только когда она была в расстроенных чувствах после трагической гибели родных, а вот сейчас она была влюблена и витала в облаках — на крыльях любви, как говорится.

Сильный удар по голове — и Мей погрузилась в беспамятство, а девушка с её номера набрала Марку сообщение волнующего содержания с просьбой немедленно увидеться. Её настолько впечатлила квартира, и хозяйка готова сдать хоть прямо с сегодняшнего дня — необходимо только присутствие Марка для подписания договора.

Парень несколько удивился, но если Мей настолько понравилось, что она не желает рассматривать дальше варианты, то он готов исполнить её желание и порадовать любимую.

Завершив съемки, он сразу же отправился по указанному адресу, даже не подозревая, что его может ожидать там:

— Мей, ты здесь? — парень вошел в слабо освещенную комнату с опущенными жалюзи на окнах, — Мей, отзовись, это я — Марк. О чем ты хотела поговорить? — он напряг зрение, пока его глаза не привыкли к полумраку, позже, когда его будут спрашивать, он не сможет описать обстановку в комнате, так как взгляд его был сосредоточен на мало ему знакомой девушке, которую он мельком помнил с пары мероприятий, но сейчас она держала одной рукой за шею Мей, а во второй руке у неё был пистолет, приставленный к виску миниатюрной японки — его Мей. И это настолько испугало, шокировало и возмутило, что Марк даже не задался вопросом, где Саванна взяла оружие — по большому счету, это было сейчас уже не важно, а важно было то, что под угрозой была жизнь любимой им женщины.

— Медленно закрой замок и брось ключ на пол, — холодно произнесла девушка, —

Теперь медленно подойди — и никаких резких движений, — Марку пришлось повиноваться, пока она была бесстрашна и спокойна, юноша тоже старался сохранять спокойствие и выдержку, так как только они сейчас могут сохранить им жизнь, — Брось мобильный телефон. Скажи, Марк, чем она лучше меня? В чем секрет, ответь? Почему ты выбрал её своей невестой? Я люблю тебя, и она не станет между нами, правда, Марк? — она начинала терять терпение, ткнув дулом в висок Мей, продолжая держать палец на курке.

— Зачем ты это делаешь, Саванна? — он протянул ей руку, но девица предупреждающе замотала головой, теперь он вспомнил и даже назвал по имени, что, кажется, приятно тронуло её.

— Чтобы ты, наконец, обратил на меня внимание, — тон её голоса повисился, губы и ресницы задрожали, мимические мышцы напряглись до предела, — когда эта девчонка не будет нам мешать.

— Хорошо. Я понимаю тебя, — предугадывая кивнул Марк, — Отпусти девчонку, тебе ведь нужен я, предлагаю себя в обмен на неё, — помогая себе плавными жестами, он старался придать себе больше сочувствия и понимания в её глазах, тем самым успокаивая её, — Я согласен — я поспешил, ты гораздо лучше неё. Ты думаешь, что я не замечал тебя, но я помню, помню тебя на том благотворительном вечере — разве мог я забыть девушку, с которой танцевал медленный танец? — он лгал, но чудом, эта его фраза возымела нужный эффект — девушка немного расслабилась.

— Правда? — она остановила на нём заинтересованный взгляд, в то время как по щекам Мей стекали черные от потекшей туши слезы, — Вот, всё то, что ты сейчас сказал? Тогда скажи это ей в лицо — скажи, что выбираешь меня!

— Да, конечно, я скажу, — он призвал на помощь всё своё самообладание, не сводя глаз с оружия, прекрасно осознавая, что от его неосторожности может пострадать самый дорогой для него человек, — Мей, прости, но я не тот, кто тебе нужен... Я больше не хочу быть с тобой, я выбираю Саванну, тебе с ней не сравниться, — он говорил, но голос его надрывно сходил на шепот, глядя на перепуганное лицо невесты, в надежде, что та всё правильно поймет — она всегда понимала его лучше других, поймет, что по своей воле он никогда не сказал бы этих ужасных слов.

— Точно! Ты всё сказал правильно, — Саванна приблизилась, таща за собой и Мей, — а теперь — докажи. Пусть она увидит, как ты любишь меня, прежде чем я её убью, — и откуда столько ненависти в этой хрупкой, милой с виду, девушке?

— Я сделаю всё, что ты попросишь, но, по-моему, лучше будет оставить ей жизнь — пусть живет и страдает, видя, что я предпочел тебя, — решительно высказался юноша, сдерживая гнев и отчаяние в попытке спасти возлюбленную.

— Поцелуй меня, — неожиданно потребовала она.

— Что, прости? — такого он не мог предугадать и нервно сглотнул, понадеявшись, что ему всего лишь послышалось.

— Покажи, как ты любишь меня, — она провела оружием по щеке Мей, и от этого холодного прикосновения та вздрогнула, ощутив себя загнанной в ловушку, и если бы не Марк, который мог пострадать по неосторожности, то она уже давно бы сама разобралась с этой обнаглевшей девицей, пытавшейся отнять у неё самое дорогое, но, как и парню, ей оставалось выждать удобный момент, но время работало против них, её состояние передалось и ему, — Обманщик! Ты не хочешь меня — ты весь напрягся, настолько я тебе неприятна! — она потеряла терпение, когда парень сцепил зубы и зажмурился при её

попытке поцеловать его, — Отвечай мне, и не смей врать — иначе я убью сначала её, а потом — себя, а тебе потом с этим жить. Говори правду — ты любишь её?

— рука сильнее сжала волосы японки и больно потянула, Мей же только закусила губу.

— Люблю, — хрипло ответил он, мысленно проклиная всю эту кошмарную ситуацию.

— И ты готов умереть за неё? — она резко дернула его за волосы, повернув его лицо на себя, не спуская при этом с прицела азиатку.

— Готов, — эхом повторил он, и действительно был готов на все, в своём воображении уже успел несколько раз попрощаться с друзьями, с Маргаритой, с Александрой, с отцом, с Мей, — если она будет жить. Отпусти её, и я буду в полном твоём распоряжении. Брось пистолет, и никто не пострадает, — он неспешно протянул ей свою открытую ладонь.

— Гад! — Саванна вскрикнула, оттолкнув его руку, отступая на несколько шагов, всё ещё удерживая при себе заложницу, продолжавшую безмолвно смотреть в его серые глаза. Она критически близко подошла к одному из окон — Мей услышала шум проезжающих по ночной улице машин. То, что сделала потом эта невероятная японка, она вряд ли сможет повторить ещё раз — то ли героизм, то ли безрассудство, то ли отчаяние...

— Марк, пригнись — сейчас же! — Лали-Мей ударила каблуком в колено соперницы, та закричала, пошатнулась, и раздался звук выстрела и разбитого стекла.

— Мей! — голос девушки заставил парня прийти в себя, всё ещё оглушенный, он пытался ползти на её голос.

— Помогите! — для него это сработало посильнее тревожной сирены, он одновременно отбросил взмахом руки оружие под кресло — благо, выстрел пришелся в потолок — и ринулся к окну.

Удерживать двоих девушек было нереально трудно и практически невозможно даже для него — от усилия сводило мышцы, а пальцами он ощущал, как их ладони выскальзывают из его рук.

— Марк, не глупи, ты не сможешь удержать двоих, — взгляд Саванны был печальным, но решительным, — Давай я облегчу тебе выбор. Ты заслуживаешь быть счастливым. Я сожалею, что так вышло...Прощай и не вини себя — нам всем приходится выбирать, — Марк смог лишь проводить её взглядом расширившихся от ужаса глаз.

— Мей, — едва успел схватить её руку, которая уже начала обессиленно разгибать онемевшие пальцы, и втянул в комнату, прижимая крепче к себе, тормоза и не давая потерять сознание, — Это я, слышишь меня? Всё закончилось. Теперь всё будет хорошо. Только не закрывай глаза, не покидай меня — не смей! Прости, прости меня, всё что я сказал... Я говорил так только, чтобы защитить тебя, понимаешь? Ты понимаешь?

— Я всё понимаю, Марк, — она улыбнулась сквозь слезы, — Разве в другом случае я бы понадеялась на тебя? И ты меня не подвел — ты успел. Ты всё сделал правильно. А где та девушка? Где она, Марк? Что с ней? — Марк глянул вниз и увидел распростертое на земле тело, от которого растекалось кровавое бордовое пятно, он закрыл ей рот поцелуем, удерживая её голову, не давая повернуться в ту сторону и увидеть эту ужасную картину.

Первым делом он нашел свой телефон и вызвал службу спасения, — Алло, пришлите скорую — одна девушка мертва, другая в шоке, адрес диктую, — потом подобрал ключи, помог Мей подняться, и они вместе спустились к ожидавшим их медикам.

Всю дорогу в машине он не отпускал её руки- до того самого момента, пока её не отвезли на каталке в отделение интенсивной терапии.

— Как она? — первое, что спросил он у проходившей мимо медицинской сестры.

— С ней будет всё в порядке, не волнуйтесь, но больше мы будем знать, когда придут результаты анализов, так что девушке придется провести у нас несколько дней. Молодой человек, вы сегодня проявили чудеса героизма, обезвредив вооруженного противника, — медсестра подарила юноше восхищенный взгляд, — Вы спасли две жизни.

— Две? — Марк застыл на месте, пораженный этой новостью, — Но ведь вторая девушка разбилась, я сам видел...

— Речь не о ней, — покачала головой сестра, — Та девушка, что выжила, ждет ребенка, — шепотом добавила она.

— Моего ребенка... — прошептал парень, оседая на топчан, судорожно сцепив пальцы рук, мечтательно прикрыв глаза — и точно звезды стали сиять ярче, и захотелось закричать на весь мир: "люди, смотрите, как я счастлив!". Иметь собственную семью, которой он был лишен с детства — не это ли для него лучшая награда в жизни?

— Вы что-то сказали? — переспросила девушка.

— Моего ребенка, — облегченно улыбнулся парень, вытирая глаза, — Эта девушка — моя невеста.

— Тогда вдвойне вас поздравляю! — подбадривающе усмехнулась медсестра, — Для своего ребенка вы — уже герой.

— Я могу её увидеть? — тихо спросил он.

— Сейчас она под действием успокоительного, но когда придет в себя, вас к ней пустят, — девушка хлопнула его по плечу и направилась дальше по коридору.

Как только узнали, друзья примчались в клинику. Марк уже сидел в расширителе отделения неотложной хирургии и ждал их:

— Господи, что я наделал? — он посмотрел на Джона с выражением полнейшей растерянности, и ресницы его предательски дрожали, — Что мне теперь делать, Джон?

— Ты не хочешь этого ребенка? — озабоченно поинтересовался мужчина, мягко положив ему руку на плечо.

— Как ты не понимаешь?! — парень отрицательно закивал и опустил голову, — Я чувствую себя подлецом и последней сволочью. У Мей есть мечта, к которой она шла, и одной из ступеней к этой мечте, есть получение достойного образования. А я сломал ей судьбу. Теперь она в праве ненавидеть и презирать меня. Как мне теперь смотреть ей в глаза, когда настолько потерял контроль от страсти?

Джон присел рядом, пытаясь успокоить его:

— Эй, сбавь обороты, молодой человек. Ты весь на нервах.

— Ну, не каждый день я узнаю, что стану отцом, знаешь ли, — огрызнулся Марк, но Джон не поддался на провокацию:

— Давай, выкладывай, парень, что тебя гнетет, — проникновенно глядя своими изумительными глазами, имеющими некое магическое действие на собеседника:

— Я боюсь! — не выдержал, наконец, Марк, — Мне до чертиков страшно!

— И что же страшит тебя? — мужчина неумолимо продолжил расспрос.

— Всё! — Марк нервно подскочил, плотно сжав в кулаки дрожащие пальцы, — Это же такая ответственность! Если что-то пойдет не так? Если мы не справимся?

— Если бы большинство считало так же, то человечество давно вымерло бы, — попытался пошутить Красный, но шутка парня не впечатлила.

— Вдруг будут осложнения или ребенок будет болеть? — продолжил высказывать свои опасения Марк, с надеждой глядя на Джона, словно тому дана некая сила развеять все его

страхи и сомнения.

— Будет, — с улыбкой согласно кивнул Джон, — и простуду подхватывать, и колени сбивать — это всё часть жизни, — потом совершенно серьезно продолжил, — Будет болеть — вылечим, будет колени сбивать — будем йодом мазать. Вы теперь не сами — если что-то не будет получаться, то мы всегда поможем. А бояться в такой ситуации — это совершенно нормально. Думаешь, мне не было страшно? Видел бы ты, как я переживал, когда родился Алишер — а мне тогда даже семнадцати не было, и поверь мне, я тебя прекрасно понимаю.

— Это сколько же тебе лет? — Марк от любопытства даже прищурился, вглядываясь, что же может выдать возраст Джона.

На это мужчина усмехнулся и покачал головой:

— Ну, вот что за бестактный вопрос.

— Не хочешь говорить, и не надо, — отмахнулся парень, потом в задумчивости почесал подбородок, — Но, знаешь, что — ты, пожалуй, прав: ты видел, как держится Мей? Если она может быть такой сильной, то я тем более не имею права проявлять слабость — она должна чувствовать во мне опору и поддержку. Я сам вырос без отца и без матери, но у моего ребенка обязательно будет полноценная и самая счастливая семья.

— Так и будет, парень, — заверил его Джон.

— Правда, мне придется больше и усерднее работать, чтобы мой ребенок ни в чем не нуждался, но с этим я справлюсь, тем более, что мне действительно нравится то, чем занимаюсь, и параллельно я успешно продолжаю осваивать компьютерные технологии, — и вот такой настрой понравился Джону уже гораздо больше. Да и самому Марку, надо признать, тоже.

А Мей в это самое время делилась своими переживаниями с Маргаритой:

— И что же мне теперь делать? — Мей так и застыла, сидя, вцепившись тонкими пальцами в одеяло, а с ресниц её капали на него крупные слезы, — Марк только добился первых значительных успехов в карьере... Я не имела права взваливать на него такую ответственность... И все эти мерзкие сплетни о том, что я специально забеременела лишь для того, чтобы привязать его к себе — они только усилятся. А он старался держаться изо всех сил. Я не могу его подвести и тоже должна быть сильной. А ведь я так чертовски боюсь! Страхи, так и кружат вокруг, как стая голодных хищных птиц, готовые обрушиться на мой разум.

— Послушай, — Маргарита присела рядом и обняла её, — Я мало кого встречала настолько сильного духом, как ты. Всё будет хорошо, поверь мне. Вы же теперь не сами — у вас есть все мы. Вы всегда можете рассчитывать на нашу помощь и поддержку. А в твоём положении нельзя много волноваться — постарайся успокоиться и расслабиться, — под её убаюкивающий голос Мей начала чувствовать накатившую усталость, что веки тяжелеют, и ей невероятно хочется спать, — Я поправлю тебе одеяло, а ты постарайся уснуть, время уже позднее. И ничего не бойся. Поняла? Мы вас не бросим, — не в силах сопротивляться, маленькая японка покорно склонила голову на подушку.

Прости меня, что снова беспокою,

Но тайну сердца всё же я открою:

Лишь одного желаю всей душой -

Чтобы меня ты узнал скорей.

Под небом темным горько я плачу,

Тебя зову — только время трачу,

Наивно верю, что придешь, а значит,
Ты тоже долго меня искал.
Мы лунный луч возьмем себе в проводники
Туда, где звезд горят огоньки...
Случайных встреч на свете не бывает,
И в прятки с нами любовь играет;
Держи ее, пока не улетает,
А упорхнула — вслед беги!
Недолгий срок отпущен быть рядом,
И каждый миг отравляет нас ядом;
Дней череда несется водопадом,
Твое признание услышу вновь...
Ты помнишь, как впервые встретились с тобой?
Тот нежный взгляд под полной луной?
Сквозь лабиринт галактик и созвездий
Стремятся звуки волшебной песни.
Услышь ее — и снова будем вместе,
Навек забыв разлуки боль,
Ведет меня прикосновение руки
Туда, где звезд горят огоньки...
Случайных встреч на свете не бывает,
И в прятки с нами любовь играет;
Держи ее, пока не улетает,
А упорхнула — вслед беги!
Мигают в небе огоньки -
Ты за мечтою вслед беги!

Холодный свет бледной луны проникал в спальню, укрывая всё волшебным серебристым сиянием.

— Он не должен возродиться! Прошу, нет — умоляю... — слабый дрожащий голос сошел на шепот, потом зазвенел с новой силой смесью испуга, призыва о помощи и потаенной надежды, — Не дай себя обмануть! Сила Аватара, и только она даст тебе то, чего ты желаешь более всего — возможность оградить своих близких от опасности.

— Кто ты? — и снова Джону не удалось рассмотреть лицо звавшей его женщины, — Покажись, назови свое имя. Что ты хочешь сказать мне? Что мне сделать? Я не понимаю... Не понимаю... — мужчина подскочил на постели, карими глазами спросонья изучая темную комнату, пытаясь разобраться, где сон, а где реальность.

— Жан? Жан? — Маргарита открыла глаза и увидела фигуру супруга, стоявшего, сосредоточенно скрестив руки на груди, на фоне освещенного лунным светом окна, — Что тебе опять приснилось?

Девушка поднялась с кровати и подошла к нему, обхватив своими изящными руками мужскую талию.

— Я не могу понять значение этих снов, — он с облегчением ответил на объятия, говорить стараясь как можно тише, чтобы не разбудить спавших дочерей, — но я должен защитить вас.

— Ты сейчас о чем? — Маргарита растерянно моргнула.

— Я не могу так больше. Я должен что-то предпринять, — он посмотрел на смущенную и так особенно трогательно смотревшуюся сейчас девушку — босую, простоволосую, в одной ночной сорочке, и тут уже комок подступил к его горлу, — Я всё время спрашиваю себя "А что я могу сделать?" Жизнь бросает нам вызов, она не ждет, когда нам будет удобно — она просто испытывает нас. Как я буду продолжать дальше жить, если буду знать, что мог вас защитить — но не сделал этого? Я должен защитить свою семью. Я не прощу себе, если с вами что-нибудь случится.

Маргарита вцепилась пальцами в его плечи и ощутила сильное напряжение мускулатуры:

— Ты бросаешь нас? — девушка взъерошила свои волосы, слабо оттолкнув мужчину, и подошла вдохнуть прохладный ночной воздух.

— Ради вас же я и стараюсь, как ты не понимаешь! — Джон глубоко вздохнул и подошел, обняв её сзади, — Лаура пока тоже ничего не выяснила, но я не могу ей позволить обойти меня. Я разгадаю этот ребус раньше неё, чтобы не дать ей преимущества над собой.

Предчувствие чего-то грозного и ужасного наполнило душу страхом неизбежного:

— Но, Жан... — её слабая попытка отговорить его равно попытке остановить неотвратимо надвигающуюся волну цунами или сходящую в горах лавину.

— Я просто... не могу иначе и сделаю всё, чтобы быть спокойным за вас, — слова мужа слабо успокаивали Маргариту, она только возражающе передернула плечиком, невольно всхлипнув, — Тебе пока противопоказаны длительные поездки, а я уже договорился с Самаэлем, он будет ждать меня. Заодно отвезу Алишера, пусть побудет с матерью — она скучает за ним.

— И ты снова всё решил сам? — девушка ткнула пальчиком в его грудь, шмыгнув носом, сдерживая слезы обиды и тревоги за дорогого сердцу человека.

— Дэни смогла повернуть этот фокус с Ондзи потому, что он стал смертным, а со мной у неё не вышло. Я перерыл весь интернет, но без толку — стародавние письма, ясное дело, не будут общедоступными, на самом виду. Пойми, что у меня нет другого выбора, если я хочу уберечь вас, — каждый раз сердце сжималось от боли, когда ему приходилось поступать таким образом, и это заставляло их с Маргаритой обоим страдать, — Если уж Лаурита имеет доступ к тайным знаниям древних библиотек в Каире и Мумбае, то я тоже могу кое-что сделать, чтобы разбудить свою память.

— Дорогой, тебе не кажется, что это — не тема для разговора в три часа утра? — сжалась наконец над ним Маргарита, увлекая за руку снова на ложе, — Жан, не сходи с ума. Давай отложим до утра?

— Не хочу спорить с тобой, Марго, — благодарный за то, что жена не стала развивать этот спор, Джон послушно проследовал за ней, — но я не изменю своего решения, так и знай. Долг перед семьей для меня превыше всего.

Остаток ночи они посвятили сну, здраво рассудив, что предрассветный час — не время выяснять отношения. И жаркие поцелуи и объятия стали лучшими аргументами против всех сомнений и тревог — до самой зари.

Говорят, что нам не повезло,

В том, что время рыцарей прошло,

Что исчезли смелость и отвага.

Безнаказанно вокруг гуляет зло.

Застоялись кони под седлом,

Ржавчиной покрылись меч и шпага.

Несите мне доспехи, седлайте мне коня,

И даже не желайте мне удачи.

Все это ни к чему, поскольку у меня,

Не может просто, просто, просто в жизни быть иначе!

К/ф «Каникулы Петрова и Васечкина»

Не слишком яркие, мягкие лучи зимнего солнца робко пробирались сквозь жалюзи на больничных окнах, ласково щекоча бледные щеки спящей азиатки. Девушка поморщила нос и перевернулась на другой бок. Пошевелив рукой, она что-то нащупала рядом с собой. Мей приоткрыла глаза и узнала руку Марка. Он спал в кресле рядом с её больничной койкой. Значит, он всю ночь провел здесь, с ней. Это умозаключение наполняло душу радостью и заставило улыбнуться. Она продолжила спокойно спать.

Юноша проснулся и с облегчением посмотрел на неё спящую, поправив растрепавшиеся по подушке её темные волосы. Марк продолжал наблюдать, как она спит, размышляя о том, что судьба у них, очевидно, будет не легкой. Но ясно также и то, что — вот она, его судьба, что спасла вчера его жизнь своим отважным и безрассудным поступком, и под сердцем носит его ребенка.

— Мороз и солнце; день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный -

Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры,

Звездою севера явись!

— с улыбкой процитировал Марк строки бессмертного Пушкинского гения, чьи стихи он так любил.

Мей потянулась на кровати, пока парень раздвигал жалюзи на окнах:

— Утро доброе! — она счастливо улыбнулась, когда увидела его так близко возле себя, — Ты, что, вот так всю ночь здесь дежурил?

— Да, я что... Я же ничего... — смущенно пожал плечами молодой человек.

— Спасибо, спасибо, Марк! — несмотря, на общую слабость, ей достало сил приподняться на постели, протянув к нему свою тонкую бледную руку.

— Та нема за що! (Да не за что! — Укр.) — легко отмахнулся юноша, присаживаясь рядом на кушетку, — Если бы не ты, нас обоих могло сейчас не быть в живых.

— Марк, нам нужно поговорить, — одной рукой Мей взяла его за руку, другой принялась нервно сминать простыни, — Прости меня... Прости... Я не имела права так с тобой поступать, взваливать на твои плечи такую ответственность и мешать твоей карьере. Ты ни чем мне не обязан, я не хочу связывать тебя... — она опустила голову и замолчала в нерешительности.

Этих слов хватило, чтобы парень тотчас же вспыхнул, как лесной пожар от случайно оброненной искры:

— Вот, значит, как? — подпрыгнув на кровати, быстрым шагом Марк прошел в противоположный угол помещения, оскорбленно нахмутив брови и сурово сузив глаза, — Будем считать, что я не слышал всего этого. Можешь не выходить за меня, но я не брошу своего ребенка — надеюсь, ты не собираешься избавляться от него?

Мей отчаянно всхлипнула, с силой сжав в дрожащих руках подушку, от безысходности

из глаз брызнули слезы:

— Убить своего ребенка от любимого мужчины? Это ты так думаешь обо мне?! — выпалила она, прижав подушку крепче к себе, — Я в состоянии буду обеспечить своего ребенка и сама, даже если ты будешь против — я уже приняла решение и не изменю его.

— Своего? Я не ослышался?! — зло переспросил юноша, бешено стукнув кулаком об стену, — А ничего, что это и мой ребенок тоже? И я тоже имею право голоса. Я никогда бы не позволил...

— Марк... — азиатка крепко зажмурилась, потом несмело подняла на него испуганный взгляд, наполненных слезами глаз, — Так ты не против?

— Боже, девушка, вы сведете меня с ума! — когда она уже готова была обессиленно сдаться, исчерпав запас доводов, то почувствовала крепкие объятия таких знакомых мужских рук и прикосновение теплых губ у своего виска, — Ну, иди сюда, глупенькая моя. Я никуда вас не отпущу.

— Мне страшно, Марк, очень страшно, — и в душе сейчас зарождалось так много опасений, а ведь она серьезно считала себя бесстрашной, до этого момента... — Всё так стремительно... Ты только не подумай, что я...

— Ну, я тоже хорош, знаешь... Ответственность и на мне тоже. Думаешь, я не боюсь? — одна рука Марка продолжала лежать на девичьей талии, второй он подал Мей стакан с водой, — Ещё как боюсь, чтоб ты знала. Но кроме того, я знаю, что оно того стоит, как думаешь? Нужно будет поднапрячься на работе, но я справлюсь — ты не переживай ни о чем. Придется, правда ускорить предсвадебную подготовку, но это только мелочи.

Азиатка отпила немного и как-то нервно усмехнулась:

— А вот господин Йошида не будет мелочиться, когда будет меня отчитывать.

— Его я беру на себя, — юноша спокойно улыбнулся и пристально посмотрел в её раскосые темные глаза, — Ты веришь, что я смогу защитить тебя? Веришь, что можешь на меня положиться?

— Ну, это было бы не очень разумно, после того, как я смогла отбить тебя у... — тут она замолчала, виновато закусив губу.

Марк только мягко рассмеялся, глядя на её замешательство:

— Боже, и чем я заслужил, что моя невеста не только прекрасна, но и умна? — Мей невольно покраснела, соблазнительно хлопнув ресницами для силы эффекта, — На твоём фоне я просто теряюсь.

— Только учти, что потеряться у тебя не выйдет — я найду тебя, где бы ты ни был, хоть из-под земли достану, — губы девушки изогнулись в притягательной улыбке, а её палец обвел контур его тонких губ.

— Понял — не дурак, был бы дурак — не понял, — кивнул Марк и обернулся, когда в палате появились Джон и Маргарита, пришедшие сменить его, чтобы парень мог поехать домой, принять душ, переодеться и немного отдохнуть после дежурства у постели Мей.

Состояние девушки врачи нашли удовлетворительным, однако, рекомендовали провести ещё пару дней под медицинским присмотром для исключения осложнений после столь сильного нервного потрясения. А маленькая японка и не думала возражать им — для неё это были два лишних дня отдыха прежде чем она снова вернется к занятиям. И что ещё более важно — два лишних дня с Марком и в обществе своих друзей. А господину Йошида они всё объяснят, как только приедут, и он обязательно поймет. Должен понять, ведь он тоже когда-то был молодым, когда-то так же был влюблен, у него даже дочь была. Размышления о семье

Йошида-сана вернули её к тому, о чем они говорили с Марком. Как отнесется старик к приезду сенсея? Связывают ли их родственные связи? И готовясь к дневному сну, Мей улыбнулась каким-то своим мыслям, обнимая подушку в белой казенной наволочке.

Вечером вернулся Марк, принеся с собой вкусных презентов для дорогой подруги.

Джон с Маргаритой занялись решением своих проблем, гуляя улицами зимнего города с коляской, в которой спали малышки-близнецы. Мужчина был напряжен, но старался не выдавать своего смятения, лишь крепче сжимая ручку прогулочной коляски, с трудом заставляя себя выдерживать взгляд супруги. Маргарита и без того излишне эмоциональна и привносит достаточно драмы в их отношения. Но, без этой женщины его жизнь была бы скучной и пресной — и попросту лишенной смысла.

— Жан, я совсем не хочу ещё больше усложнять ситуацию, — тихо обронила девушка, отряхивая снег с мехового воротника его куртки так любимого им алого цвета, — Но... но... Я же переживаю за тебя и каждый раз безумно волнуюсь... — ему не ведом страх, а вот она лишь слабая женщина, которой больших усилий стоит сдерживать своё беспокойство.

— Я знаю и ценю это, поверь, — Джон улыбнулся, глядя, как волшебным образом искрятся снежинки на её ресницах, — Ну, что со мной может случиться на родной земле? Рядом будут Сэм и Кали. Сразу на месте определяюсь и с выбором поставщика тканей, так что поездка будет ещё и деловой.

Маргарита развела руками, но произнести вслух ничего не успела, так как зазвонил телефон у Джона. Они оставили мобильный Маргариты детям, пока гуляли — Аделька скучала за приемными родителями и звонила им, если становилось страшно или грустно.

— Папочка, а у тебя на ноутбуке есть интернет? — девочка говорила взволнованным голосом, — А ты включишь мне? Пожалуйста! Мне нужно поискать про котиков. Сегодня передача была по телевизору, а я так мало знаю про котиков, — малышка ещё раз обязательно уточнила, снизив голос и перейдя на шепот, — А вы скоро будете? У Али задачка по алгебре не сходится. А мне не привезете журнал про Барби и Пегаса?

Смуглый мужчина усмехнулся и, взяв жену под руку, развернул детскую коляску в обратный путь к дому.

— Жан, ты же не передумаешь насчет своего отъезда, и я не смогу тебя убедить? — Маргарита смотрела на него со смесью боли и восхищения, — Ну, дорогой, а если я приготовлю горячие блинчики?

Если Джон уже принял определенное решение, то его почти невозможно было вразумить — не зря и мать, и отец его отмечали упрямый характер своего отпрыска.

— С джемом? — он хитро сощурил глаза, сжав её замерзшие в тонких перчатках пальцы.

— С джемом, — кивнула Маргарита.

— Идем домой, милая, — Джон улыбнулся, отряхивая, в свою очередь, теперь уже её полущубок от снега, — Блинчиков что-то захотелось...

— И надолго ты поедешь? — тихо спросила девушка, в надежде, раз не может повлиять на его намерение уехать, то может попытаться уговорить его сделать путешествие не столь длительным.

— Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы как можно скорее вернуться, — поторопился заверить супругу Джон.

Вечер прошел в уютной домашней атмосфере — мужчина помогал сыну решать математические уравнения, а маленькая светловолосая девочка в голубом платье, под цвет её

глаз, сидела рядом, разложив на пушистом пестром ковре большой постер разворота из детского журнала, с которого ей улыбалась самая известная кукла-блондинка всех времен и народов, обнимающая жемчужно-белого коня с большими крыльями и густой блестящей гривой.

А после чая с аппетитными сладкими блинчиками и клубничным джемом, они все вместе увлеченно изучали материалы о семействе кошачьих на экране ноутбука под комментарии Джона, основанные на личном опыте общения с бенгальскими тиграми, и особенно — вызывающими восхищение белоснежными красавцами-альбиносами в королевском зверинце. И как тут Маргарите не вспомнить тигрицу Ситу и её очаровательного маленького Раджу, которого ей подарил Алишер? Малыш наверняка сильно вырос за это время, и она вряд ли узнала бы его при новой встрече.

Зачем вы, мужчины, стремитесь из дома?

Мальчишки, зачем не сидите на месте?

И страх и отчаянье вам не знакомы.

Бросаете дом ради славы и чести!

Коней загоняют,

Сжимают штурвалы.

О скалы и рифы царапают днище.

Но нет им покоя,

Всего-то им мало!

Чего же им надо?

Чего они ищут?

И где найти ответ?

В какой, скажите, книжке?

Как докопаться нам

До истинной причины?

Куда уходят настоящие мальчишки?

К чему стремятся настоящие мужчины?

После того, как азиатку выписали из стационара, они с Маргаритой посетили доктора Николае, которая не нашла у девушки ни каких серьезных отклонений в состоянии здоровья соответственно её состоянию. Зато, когда врач предложила пройти осмотр самой Маргарите, то новости у неё оказались неутешительными: первый выкидыш и последующая беременность, осложненная тяжелыми родами настолько подорвали её здоровье, что ещё раз подобного организм девушки просто не выдержит. Из кабинета Марго вышла притихшая, с красными воспаленными глазами. Мей только искренне посочувствовала и как могла, попыталась утешить (не такая же на испорченная и бесчувственная, чтобы оставаться равнодушной, когда человеку рядом очень плохо) — в её стране развитие науки и медицины в частности ушли гораздо дальше, чем в других странах мира, и стоит, наверно, показаться японским специалистам. Кто знает, возможно они смогут чем помочь. Маргарита была благодарна ей за участие, но вынуждена была попросить держать пока эту информацию в секрете — окружающим и без того хватало сейчас проблем, особенно Джону, который места себе не находил от того, что не мог взять под контроль собственные воспоминания.

А потом они провожали японку на родину. Вместе с ней летел и Марк — у него как раз должен был проходить показ весенне-летней коллекции грядущего сезона. Он снова окупнется в водоворот лиц и ярких огней, съемки, встречи и презентации и толпы

поклонников и поклонниц, жаждущих заполнить заветный автограф или сфотографироваться на память.

Многогранная Япония, где есть всего понемногу — идеальный вариант для тех, кто, выбрав что-то одно, боится упустить что-то другое. Стремительный поток жизни и самых современных технологий и успокаивающая, вдохновляющая благодатная тишина загородных парков и дзенских садилов, а таких показов мод, которые проходят здесь, не увидишь ни где в мире. В последние годы страна уверенно отвоевывает первенство в модных тенденциях. Молодые законодатели современного стиля и приверженцы старых традиций в равной степени вдохновляют дизайнеров на создание практичных и гармоничных образов.

В аэропорту Токио их встречали сурового вида охранники, одетые в черные костюмы, они были застегнуты на все пуговицы и стояли на вытяжку. В лучших традициях шпионских фильмов, на них были переговорные устройства и рации в руках.

— Кто вы такие? — Мей совсем забыла предупредить насчет секьюрити, и сообразила это только когда Марк с такой силой сжал руку первого же охранника, который посмел приблизиться к ней, что казалось ещё немного, и послышится хруст ломаемых костей запястья, — Не смейте трогать её.

— Спокойно, Марк, это свои люди. Ты, что подумал, что они собираются выкрасть меня? Это так мило, но они — охранники из корпорации, они не причинят мне вреда, — девушка вовремя остановила его и невозмутимо улыбнулась, — *Daijoubu desu.* (Всё в порядке. яп.) Он со мной, всё в порядке, уберите оружие, — потом она обратилась уже на японском к озадаченным бодигардам.

— *Sumimasen*, Мей-доно (Простите, госпожа Мей — яп.; — доно — очень вежливая форма обращения в японском языке — к господину, дворянину), — начальник охраны сделал знак своим людям и виновато поклонился.

— Прости, но выглядят они действительно пугающе, — шепнул парень на ухо ей.

— Разрешите проводить вас, госпожа Сакурада, — перед ней распахнули дверь салона комфортного автомобиля представительского класса, — Все уже собрались и ждут вас.

Когда машина остановилась у стандартного огромного небоскреба в деловом районе Токио, они вышли и направились внутрь через парадный вход.

— Этот мужчина пойдет с нами, — девушка беспрепятственно направились вперед, но, обернувшись она увидела, что консьерж запрашивает у Марка какие-то документы по типу пропуска, — Идите вперед и предупредите, чтобы ни кто не расхотился — у меня есть разговор к Совету, — она подошла потребовать пропустить своего спутника и сделала охране знак рукой следовать дальше.

— Как прикажете, госпожа, — поклонился начальник охраны, уводя своих людей за собой на несколько метров вперед.

— Рада приветствовать вас, — присутствующие в большом зале переговоров поднялись со своих мест, когда вошла новая владелица и сдержанно проследовала к своему центральному месту за столом, на ней был темно-серый деловой костюм, белоснежная шелковая блуза и черные туфли-лодочки, волосы её были подобраны в строгую прическу, а на лице — легкий дневной макияж. Марк встал позади её кресла — на нем так же был костюм серого цвета, его любимого, серые же рубашка и туфли, его длинные волосы были собраны в хвост, — Прошу прощения за опоздание.

— Приветствуем, Сакурада-сан! Но...Как это понимать, госпожа? — со своего места поднялся мужчина преклонных лет в ещё более консервативном костюме черного цвета,

белой рубашке и черном же галстуке, — Что здесь делает этот чужак? Так это он — ваш новый телохранитель, что теперь всюду следует за вами? При всем уважении — ему не место на собрании правления, госпожа.

— При всем уважении, господин Йошида, — Мей без лишних слов, твердо и невозмутимо осадила его, — он — не мой телохранитель, а мой будущий муж.

— Но, госпожа... — мужчина протер салфеткой свой лысеющий лоб и с укором посмотрел на неё, — Я уже осмелился подобрать несколько наиболее выгодных кандидатур — из самых достойных и уважаемых кланов, и, если госпожа желает познакомиться с женихами, — он не успел договорить, как она жестом остановила его порицательную речь:

— Я вас тоже, без сомнения, очень уважаю, господин Йошида, но я уже приняла решение, и этот господин, что стоит сейчас рядом со мной — ваш будущий хозяин и совладелец четверти акций, и это не подлежит обсуждению, — судя по увеличившимся размерам глаз присутствующих, слова её произвели должный огорошивающий эффект, — Из уважения к тому, что вы сделали для мой семьи за все эти годы, но, вам лучше присесть и успокоиться, и принять моё намерение, иначе я вынуждена буду удалить вас с собрания — без права восстановления в Совете Директоров, а я совершенно не желаю этого, — она несколько смягчила свой тон и окинула требовательным взором всех собравшихся, — Есть ли ещё желающие высказаться? Говорите сейчас или промолчите, если вам нечего сказать, — потом она обернулась к стоящему сзади парню — он коротко кивнул, вскользь улыбнувшись, — Я могу продолжать? — она мечтательно улыбнулась своим мыслям, положив свои ладони себе на живот, — Кроме того, я ношу его ребенка. Он — будущий отец следующего президента Корпорации.

— Госпожа, почему же вы сразу не сказали? Если это — то, чего действительно желает госпожа, — приветливое лицо старика осветила неподдельная радость, — Это же совершенно все меняет. Да пошлет вам Бог долгих лет и здорового сына-наследника. Ваша семья могла бы по праву гордиться, глядя, кем вы стали.

— Ну, это — уже, как получится, — растроганно улыбнулась она, почтительно поклонившись всем, — Благодарю вас, господин Йошида за многолетнюю службу моей семье! Надеюсь, и впредь я могу рассчитывать на вашу поддержку? И на вашу так же, господа? Итак, разрешите представить вам господина Марка.

— Konbanwa! Najimemashite, watashi wa Ma-ru-ku desu — douzo yoroshiku onegai shimasu! (Добрый вечер! Разрешите представиться — Марк, к вашим услугам — яп.), — он поклонился грациозно и с большим уважением, а фраза на японском вышла у него с куда меньшим акцентом, чем его английский.

Губы Мей сами расплылись в довольной триумфальной улыбке.

После совещания Марк имел ещё личную беседу с пожилым японцем Тамура Йошида. Результат которой, судя по выражению их лиц после неё — прошла к обоюдному удовлетворению. Юноша был даже приглашен на празднование восьмидесятилетия крепкого старика. Марк подумал ещё, что старик удивительно живуч и в хорошей физической форме — ему бы самому дожить до таких лет в здравом уме и в состоянии самостоятельно обслуживать себя.

О своей родине на далеких японских островах доктор знал только по рассказам матери, которые с каждым прожитым годом становились всё менее отчетливыми и ясными — словно принадлежали другому человеку. Он был маленьким мальчиком, когда им пришлось покинуть родину. Долгое время представления о Японии для него оставались в рассказах

матери. Именно она настояла на том, чтобы ребенок помнил свои корни, свою культуру — дома она обращалась к нему его настоящим именем и продолжала обучать его родному языку и обычаям. От матери же он и узнал, что дед пожертвовал всем, благодаря чему они смогли жить в безопасности.

Больше мать ничего не говорила — потому, что всё ещё продолжала чего-то опасаться, да и просто потому, что сама мало что знала. А отец — так тот вообще никогда не поднимал этой темы, и ужасно сердился, когда сын расспрашивал о его прошлом.

И даже спустя очень много лет после смерти родителей, он всё не решался навестить землю предков. Те пару раз, когда ему приходилось выезжать на научные конференции, воскресили в нем слабые отголоски памяти — то самое дорогое и самое важное, что осталось ему в память о родителях, то что он так старался сберечь и сохранить в себе всеми силами. Тем более, что больше о его семье родители не успели сообщить, всё время утверждая, что для него же безопаснее будет меньше знать. А потом случился тот ужасный взрыв в роковое для него Рождество, которое он, при всем желании, никогда не сможет забыть.

На праздничном вечере, принарядившиеся, наша молодая пара Марк и Мей с видом заговорщиков ожидали приезда доктора. И с его появлением началось самое удивительное, что надолго ещё запомнится присутствующим.

Спокойно беседовавший с кем-то из своих деловых партнеров, пожилой мужчина медленно развернулся ко входу и спешно завершив разговор поспешил достать из нагрудного кармана платок, протирая ладони и лоб.

На глазах собравшихся старик начал бледнеть, схватившись за левую сторону груди, он едва успел присесть на самый ближайший к нему стул и с трудом сделал слабый глоток, когда Мей подала стакан негазированной минеральной воды, знаками призывая доктора поскорее подойти.

— Ты? Ну, конечно, это можешь быть только ты, — пересохшие губы тяжело выговаривали слова, затуманенными глазами он пытался рассмотреть того, кто пытался оказать ему первую помощь, — Ты так похож на неё, на свою мать, но глаза у тебя — твоего отца. Не думал, что увижу тебя ещё когда-нибудь... Я сделал всё, что смог, чтобы вы жили спокойно и счастливо, но судьба распорядилась иначе.

— Так, пульс слабый, — голос старика был слишком слабым, и молодой хирург был слишком занят тем, что старался привести господина Йошида в чувства, чтобы обращать внимание на его слова, — Марк, быстро принеси мой чемодан из машины, — бросил Джек в сторону юноши.

Парень коротко кивнул и поторопился исполнить.

— Так вот, каким ты стал, Куро-кун (-кун — суффикс вежливого оборота речи при обращении к младшему по возрасту или положению, когда на этом факте не стоит заострять внимание), — сухая морщинистая рука старика легла поверх ладони доктора, — Хоть перед смертью смог увидеть... внука

— Никто не умрет, я не позволю, — настоящим именем звала его только мать и только наедине, но собеседник снова сделал вид, что не расслышал, мысленно сделав для себя заметку разобраться во всём позже, а сейчас у него есть гораздо более важное дело, к которому стоит привлечь стоящую рядом соотечественницу, — Мои руки сильнее, я буду делать непрямой массаж. Мей, ты займись искусственным дыханием — по моему счету. Ну, где же Марк?

— Вот, док, я принес, — запыхавшийся молодой человек мгновенно вернулся с медицинским чемоданом.

— Отлично, я вколю ему сердечное — до приезда скорой это должно помочь, — доктор наконец смог выдохнуть с облегчением.

— Марк, кажется, мы сделали что-то не так? — робко шепнула на ухо юноше азиатка. Кто-то из гостей привел в зал сотрудников скорой помощи:

— Тут господа медики приехали.

— Помогите погрузить господина Йошида на носилки, — распорядился доктор, — Я поеду за вами, — тут он взял Марка за руку, — И как это всё понимать? Надеюсь получить от вас объяснения, горе-конспираторы. Садитесь в машину, вы едете со мной.

— Док, ну мы же не знали, что всё так обернется, — виновато пробормотала японка, садясь в салон, — Мы предположили, что вы можете знать друг друга.

— Ну, знаете, детективы из вас фиговые получились, ребятки, — доктор сурово сдвинул брови и стукнул кулаком по рулю, — Вы чем думали, отроки неразумные? Соображаете, чем могли ваши игры закончиться? А если бы врачи не успели? Если бы сердце у старика не выдержало?

— Док, а тебе что вообще известно о твоей семье? — сконфузившись, поинтересовался Марк.

— Я надеюсь выяснить больше, если по вашей милости господин Йошида не преставится и не отойдет в мир иной к остальным моим родственникам, — ответил Джек, обернувшись, и завел автомобиль.

Дорогой до госпиталя они более не обмолвились и словом — молодая пара сидела смирно, а доктор вел машину, и всё внимание его было приковано к дороге.

А за окном проносились улицы и неоновые вывески, возрождающие печальные детские воспоминания исходящей ранами души. Он был чистокровным японцем, но ему внушили страх перед собственной родиной, который впечатался с юного возраста уже на уровне подсознания, почти рефлексом. Но доктор давно стал взрослым мужчиной, и пора научиться без страха смотреть в глаза своему прошлому. Это потом он не побоится вернуться в страну и посетить вместе с семьей курорт на знаменитых горячих источниках, а пока что его раздирали самые противоречивые чувства.

Имя доктора было известно медицинскому сообществу и послужило лучшим пропуском в отделение интенсивной терапии.

После капельницы пожилой мужчина был ещё очень слаб и бледен, но морщины в уголках его глаз увлажнились слезами:

— Я думал, что ты станешь известным бизнесменом или политиком, — пожилой мужчина еле усмехнулся, слабым движением кисти предлагая доктору присесть, — А ты спасаешь жизни. Вот, и мою тоже спас.

— Йошида-сан, или вернее, дедушка, — молодой хирург сел, высматривая на старческом лице знакомые фамильные черты, — надеюсь, что вы проживете ещё долгую жизнь, потому что у меня к вам так много вопросов. Молодежи нашей я уже уши надрал, так что вы на них сильно не сердитесь — они всё поняли и полны раскаяния.

Как у врача, у молодого хирурга находился отличный предлог, чтобы навещать старика. При этом не афишируя своего родства и не вызывая шумихи. Тамура Йошида пожертвовал слишком многим, чтобы сохранить жизнь своей дочери и её семье, и из уважения к нему, доктор не спешил раскрывать их связи.

Подготовка к свадьбе наследницы известной промышленной текстильной империи и ещё более известного представителя модельного бизнеса займет не меньше месяца, а к тому времени господин Йошида поправит свое здоровье, а малыши Маргариты и Даниэллы ещё подрастут, и девушки смогут посетить удивительную и волнительную Японию.

Но прежде азиатка захотела побывать на могиле родителей.

В этот раз они соблюли все обычаи. Заканчивая молитву, внимание маленькой японки привлек необычный шум, скорее напоминавший легкое шуршание, и стгущающийся утренний туман, в котором стали различимы два темных рваных силуэта. Марк сразу же оказался рядом, но девушка, усиленно вглядывавшаяся в сиреневато-серые клубы, на фоне которых очертания становились всё отчетливее. Мей вскрикнула, но не от удивления. Юноша видел родителей своей невесты только на фотоснимках, но отчего-то догадался, к кому она так метнулась.

— Но, но как такое может быть возможно? — от волнения девушка онемела и не могла произнести больше ни слова в объятиях двух пар родных рук, тепло которых она некогда так хорошо знала.

— Доченька, родная, — Марк стоял, облокотившись о широкий ствол дерева, — как же мы рады за тебя... за вас!

— Мама, папа, простите, я ужасная, эгоистичная и безответственная дочь, — девушка с трудом сдерживала рыдания.

Тут юноша вышел вперед:

— Прошу, не верьте ей, — Марк почтительно поклонился, — Господин Сакурада, госпожа Сакурада, от волнения Мей наговаривает на себя.

— Подойдите, молодой человек, не бойтесь, — маленькая японка силилась улыбнуться, часто смаргивая, когда парень подхватил её под руку.

— Обещаю позаботиться о вашей дочери и нашем ребенке и защищать их, — он снова изобразил поклон.

— Вашим словам можно верить, — сквозь облако дыма послышалось одобрение, и в тумане засияли лезвия двух старинных клинков в протянутых призрачных руках, — У нас есть для вас особый подарок: много поколений эти мечи принадлежали дому Сакурада, теперь они ваши по праву. Две катаны, традиционное оружие самураев и символ благородного происхождения. Когда-нибудь их унаследуют ваши сыновья. Уверены, что в ваших руках это благородное оружие послужит на правое дело.

— Принимаем с почтением и благодарностью, — с низким поклоном пара приняла дорогой дар.

И спустя много лет, в руках их наследников древнее благородное оружие будет стоять на защите добра и справедливости.

— Но теперь у меня есть любовь Марка, поддержка друзей и мудрость Йошида-сана — с их помощью я смогу достойно продолжить семейное дело, и вам не придется стыдиться меня, а я всегда буду чтить вашу память и завещу так же поступать и своим детям, — такой заключительный вывод сделала Мей и была совершенно права.

Ты пройдешь через худшее, чтобы прийти к лучшему. Не сдавайся.

— Ну, ещё совсем немного... ещё чуть-чуть... — мелодичный голосок Лауриты излучал уверенность и предвкушение скорой и безусловной победы, — Ты уже проглотил наживку, мой Князь... Следуй за ложными образами, и они приведут тебя к гибели. Покажи мне то, к чему имеешь доступ только ты. Яви свою истинную мощь и умри, захлебнувшись ею.

Любовь сделала тебя беспомощным глупцом. Как же легко играть на этих чувствах! Но проиграю на этот раз не я — проигравшим будешь ты. За всё нужно платить, за всё... А к тебе у меня — внушительный счет, дорогой...

В то же самое время, пока Марк, Мей и молодой хирург пребывали на японских островах и решали вопрос о проведении церемонии бракосочетания, Маргарита провожала мужа. Йошида-сан обещал всячески содействовать, как только достаточно окрепнет, чтобы покинуть стены больничной палаты — они с доктором по-прежнему продолжали хранить в тайне свои родственные отношения.

Несмотря на солнечное утро, Маргарита уныло ковырялась вилкой в своей тарелке с омлетом.

Джон принял душ и обтеревшись полотенцем, расчесывал свои длинные волосы:

— У тебя с утра испортилось настроение? — он поцеловал супругу в макушку и присел рядом.

— Испортили, — отсутствующего, отчужденного выражения лица молодой женщины трудно было не заметить.

— И кто этот потенциальный покойник, — Джон попытался развеселить её и перевести разговор в шутку, да только Маргарита не оценила его стараний.

— Ну, давай, скажи, что я бесчувственная эгоистка, — она со звоном стукнула вилкой о тарелку.

— Нет, не скажу, потому, что ты не такая, — он накрыл её руку своей ладонью, — Только и ты не обвиняй меня во всех грехах. Хочешь, чтобы в поездке меня грызло чувство вины?

Маргарита отдернула руку, поднявшись со стула:

— Знаешь, ты меня тоже виноватой не делай!

Мужчина с силой обнял её за плечи, удерживая её руки подальше от острых предметов, пока девушка находилась в таком взвинченном состоянии.

— Марго, остановись, — зашептал он ей на ухо, приглаживая темные локоны супруги, — остановись, пожалуйста! Что на тебя нашло? Скажешь ещё, что я избавиться от вас хочу?

Маргарита опустила плечи, громко всхлипнув и подавленно обронив:

— Это... так тяжело. У меня плохое предчувствие...

— Ну, что ты как на войну меня провожаешь, — мужчина почти насильно заставил Маргариту опуститься на кухонный диван и сам присел рядом, — Мне, вот, что — мадам Валентине жаловаться?

— Прости, я совсем разбита, — устало выдохнула девушка, навалившись всем телом на стол.

— И ты прости, — в голосе Джона звучала тоска, когда он легко провел рукой по её нервно дрожащей спине, — Не думай, будто это решение далось мне с легкостью.

Маргарита подняла на него полный признательности взгляд влажных глаз с блестящими на ресницах слезами:

— Я люблю тебя...

— Я тебя тоже очень сильно люблю, — мужчина выдавил слабую улыбку.

— Обещай, что будешь осторожен, — только и смогла она вымолвить она одеревеневшим языком.

Мужчина хмыкнул и потрепал её челку:

— Ну, конечно, — он подал девушке стакан яблочного фреша, — тем более, что тут меня будут ждать мои любимые красавицы.

Маргарита уткнулась носом в самый стакан, обхватив его обеими руками:

— У меня сердце не на месте. Что мне делать?

— Ничего со мной не случится, — стараясь сохранять бодрый вид, Джон приступил к своему завтраку, — Давай сейчас успокоимся.

Шмыгнув носом, Маргарита кивнула.

— А чтобы тебе скучно не было — я, как ты и просила, оплатил абонемент в бассейн и записал тебя на курсы вождения. Что скажешь? — улыбнулась она и под свисток закипевшего чайника развернулась налить себе чай.

Она еле успела отставить чашку с кипятком на стол, как в кухне появилась малышка Аделька, обхватив колени девушки своими маленькими ручками:

— Мамочка, ну, папа будет каждый день звонить, — с пониманием заметила девочка, повернув свою светловолосую голову в сторону стоявшего рядом смуглого мужчины, — Папочка, ведь, правда же будешь?

— Ну, конечно, буду, — Джон сразу же с ней согласился.

— И подарков нам разных привезет, — девчушка сощурила глазки.

Мужчина подхватил на руки ребенка, вместе с ней устроившись на мягком диване, заманчиво протянув:

— А что тебе привезти? Чего бы тебе хотелось?

— Птичку или обезьянку, — смеясь, попросила Аделин.

— Я подумаю, — шепнул ей на ухо Джон, задорно подмигнув при этом.

— А можно я не буду кашу? — девочка с надеждой посмотрела в его темные глаза, — Я хочу пюре. Папочка, попроси мамочку, пожалуйста — она тебе не откажет.

Маргарите оставалось только развести руками — сговору этих двоих она попросту не в силах была сопротивляться.

— Алишера ты с собой забираешь, но об Адельке я смогу позаботиться, — буркнула девушка, насупившись.

— Я не вижу ничего предосудительного в том, чтобы мальчик побыл с матерью, — спокойно ответил мужчина, но тут же перевел озадаченный взгляд на жену, удивленно наблюдая, как с ней начинает твориться что-то странное и пугающее, от чего слезы снова потекли по её щекам.

— Разумеется, это же не мой сын, — Маргарита сжала кулаки и плотнее сомкнула губы, еле слышно пробормотав, — У меня, возможно, вообще никогда не будет сына...

— Ты что-то сказала, дорогая? — Джон отвлекся на маленькую дочь, увлеченно заплетающую косички его темных волос.

Эта сцена настолько тронула, что Маргарита забыла свои печали и даже с облегчением выдохнула, поняв, что муж не расслышал её признания:

— Ничего, тебе послышалось, — и без того супругу хватает беспокойства, чтобы обременять его сейчас ещё и её женскими горестями, — совсем ничего... ничего... — девушка вполне молода, а медицина с каждым годом стремительно развивается, и высока вероятность того, что в скором времени её проблемы со здоровьем перестанут быть серьезным препятствием для материнства и рождения обещанного сына.

Между Джоном и Марго с самого начала установилась некая мистическая ментальная связь, и они безошибочно угадывали расположение духа друг друга и находили верные слова

поддержки, так необходимые в трудную минуту.

— Лишь тебе дано слышать, о чем я молчу, — доверительно прошептал мужчина, — Тебя что-то гнетет, я же чувствую это. Давай, к моему возвращению ты перестанешь вести себя, как маленький ребенок и расскажешь мне обо всём, что гнетет тебя?

В кухне появилась златовласая, довольно потягивающаяся, всё ещё продолжая зевать со сна:

— Бог мой, а что здесь делает вся эта еда? — удивленно хмыкнула Даниэлла, когда открыла дверцу холодильника, чтобы достать молока, — Мы ждем гостей?

Маргарита в ответ густо покраснела:

— Это идея Жана — он уезжает и накопил нам еды на целую неделю, чтобы быть спокойным за наше питание.

— Да, у тебя золотой муж, — бодро улыбнулась блондинка, — Тебе беречь его надо, как вымирающий вид. Такие мужчины сейчас редкость, — и добавила тихо, — А мы с тобой, похоже, и последних разобрали.

Джон сдержанно улыбнулся — внешне он выглядел спокойным, стараясь удерживать эмоции под контролем, но и ему было сложно не растрогаться, когда кроха Аделин не хотела отпускать папу и слезно прощалась с любимым старшим братом. Да, пусть у неё светлые волосы и голубые глаза, но характером она была явно их породы, к тому же её сила была сродни их способностям. И всё время он повторял сам себе, что разлука будет недолгой, и делается всё ради их же блага и безопасности.

И перед дорогой он рассказал девочке притягательные истории о волшебных непроходимых джунглях, большей частью скрытых от людских глаз, и о Народе Джунглей, населяющем их. О мудрых и благородных волках Стаи, о добром здоровяке — медведе Балу, о сильной и грациозной пантере Багире, о внушающем трепет удаве Каа, о почитаемом всеми старом слоне Хатхи, о глупых забияках-обезьянах с разбойничьими повадками, о грозном тигре Шер-Хане и о маленьком мальчике по имени Маугли/"Лягушонок", неожиданно ворвавшимся в мир джунглей, веками следовавших своим законам. Историю об окружающем нас мире, о месте человека в природном сообществе и его взаимоотношениях с природой и животным миром, о том, что значит быть человеком и быть человеческим, о доблести и чести, о преданности и поиске, о семье, об обучении, о гордости и силе, об отцах и детях, о том, на что готовы отцы и матери ради своих детей и на что готов человек ради своей семьи. Лично он готов был на всё, и улетал преисполненный больших надежд. И вспоминая, как отважно мать — волчица Ракша (от "ракшас" — демон, отсюда же пошли "ракшаси" — демоны женского пола) защищала человеческого детеныша от гнева страшного зверя, ему представлялась Маргарита. Материнский инстинкт — один из самых сильных в природе, и мать в любом случае будет готова защищать своё дитя, даже если шансы изначально не равны. И потом, при посещении зоопарка, с нескрываемой радостью будет Аделька узнавать в обитателях зверинца фантастических животных из сказочных джунглей. И пусть в этой истории не было принцев и принцесс, роскошных пиров и пышных балов, зато в ней с лихвой было морали, почтения к природе и семейных ценностей

И в полный восторг привела малышку ещё одна история из древних времен — о том, как было написано самое первое письмо. И написала его маленькая девочка, чтобы случайный незнакомец отправился к её маме и попросил у неё новое копье для отца — взамен сломанного им на охоте. И в дорогу Аделька нарисовала папе картину, где изобразила всю их семью, и Джон будет хранить его вместе с дорогими сердцу вещами.

И все эти истории были созданы фантазией английского писателя Редьярда Киплинга — первого англичанина, получившего Нобелевскую премию по литературе и посвятившего много времени путешествиям — в том числе, по Индии, Бирме, Японии и Китае. И он всегда будет хранить тепло детских воспоминаний, тесно и навсегда связанных для него с дорогой родиной, и спустя поколения подогревающих интерес людей к его любимой Индии.

И когда белокурая девчушка спросит Джона, откуда ему известны все эти удивительные истории, он ответит, что услышал их от своих родителей, и когда-нибудь она сама станет рассказывать их своим детям.

И долгая дорога для него была согрета дорогими воспоминаниями и встреча с любимой сестрой и сводным братом и обитателями Небесного Града была такой желанной.

Любовь не всегда бывает мудра. Она способна привести нас к безумию, и всё же мы следуем зову своего сердца, куда бы оно нас ни вело.

Смуглый мужчина поправил свои черные кудри, взяв в руки багаж. Он снова на своей земле, в своей стихии, в мире, где все держится на любви, мире, который не оставляет равнодушным. Многими Индия ошибочно считается страной грязной, тесной и душной, но наряду с этим это — красочная, открытая, разнообразная и волшебная страна, где всё зиждется на искренности, которую не встретишь больше ни где. И это было первое, что он увидел в своей жизни, первые звуки и запахи. И это стало любовью с первого взгляда, не могло не стать. Яркая колоритная сказка вокруг, везде, куда падает взгляд, где удивительное приключение может поджидать на каждом шагу. Для полноты картины можно попытаться представить громкость звуков и резкость запахов со всех сторон. Это земля его отца и матери — и будет землей его детей.

Голова закружилась, в глазах рябило от обилия цвета и света и захотелось сморгнуть. Сари, сари, сари — и здесь их просто тысячи. Как ни пытайся найти похожие модели в разных магазинах, но нет — создается ощущение, что каждая ткань уникальна и повторов тут не встретишь, и всё вокруг становится похожим на радугу. Ну, чем не рай и источник вдохновения для модельера?

Многочисленных туристов в Индии привлекает многообразие изделий народного промысла: шелковые, хлопковые ткани и разноцветные сари, ароматные специи и изысканный чай, кожаные маски и каменные изваяния богов, яркие женские украшения и элегантные статуэтки, деревянные поделки и ювелирные изделия из золота, серебра и драгоценных камней. Потому и нет ничего особенно удивительного в повышенной тяге к искусству у того, в ком течет индийская кровь. И совершенно логичным и очевидным кажется теперь, что один из братьев решил стать модельером, второй выбрал ювелирное дело, а их сестра предпочла традиционные танцы.

А вот он проезжает здание школы для мальчиков, где учился в младших классах. Сейчас Джон спешит, но на обратном пути непременно заглянет проведать преподавателей и посмотреть, что изменилось за прошедшие годы, а что осталось неизменным, незыблемым с той поры — и сколько он себя помнит. И стало любопытно ему, а помнит ли Рафаэль? Это было самое настоящее братство. Нынешнее поколение уже не знает такого, и Алишер уже не застал этого, и о том, как учились отец и дядя, будет знать по их повествованиям.

А в доме Рафаэля и Ями их уже с нетерпением ожидали: горячая вода с ароматными маслами — для мытья, а на сервированном столе дымились приготовленные с любовью полезные и вкусные блюда национальной кухни — сабджи и куриное карри с овощами и яблоками, горячие лепешки и множество видов вкуснейших сладостей к ароматному чаю.

День прошел в неспешной беседе и обсуждении поставок тканей и хода ремонта в помещении будущей женской школы танцев.

Известной дорогой продолжили они путь к главной цели своего путешествия — в хранилища знаний Великой библиотеки Небесного града.

После непродолжительного отдыха в своих покоях, Джон в сопровождении Лорда-Протектора Небесного града посетил огромную дворцовую библиотеку, и сразу же испытал чувство растерянности, окинув взглядом бессчетное количество полок, уходящих почти бесконечно высоко к самому арочному своду:

— Тут тысячи книг и свитков, как мне отыскать то, что нужно? — мужчина ещё раз огляделся вокруг, протерев для верности глаза. Нет, он не растерял своего энтузиазма, но оптимизма у него немного поубавилось, а в глазах защипало от тяжелого пыльного воздуха дальних галерей. Если в детстве книгохранилище казалось ему фантастически огромным, то и сейчас не утратило своего величия в его изумленных глазах.

Джон закашлялся, и Самаэлю пришлось похлопать приятеля по плечу и предложить принести графин воды и стакан.

— Кто я? Почему мне так страшно? Я ощущаю, что внутри меня есть кто-то еще. И это тревожит меня всё больше и больше. Эти пробелы в памяти... Это сильно беспокоит меня. Так, кто же я? — его руки нервно тряслись, когда он проводил по корешкам всех этих древних фолиантов, — Пелена тайны спадет, и я узнаю правду. Судьба зовет меня даже тогда, когда я этого не слышу. Клятва, которую я дал, ведет меня к цели. Даже, когда моя судьба сбилась с пути, я достигну счастливого финала. Я должен защитить тех, кого люблю, то, что дорого моему сердцу. Я слышу этот зов... Смело идти только вперед. Только вперед...

И тут мужчина нечаянно вскрикнул, когда его палец пронзила острая игла и несколько капель его крови заставили заскрипеть петли, открывая секретный ход:

— Потайная дверь в стене библиотеки? Что это за место? — он несмело шагнул внутрь, — Сколько раз я бывал здесь, но не замечал ничего подобного...

Глаза постепенно начинали привыкать к полумраку, и оказалось, что полки и книги здесь было значительно меньше, а на стене стали проступать незнакомые письмена:

— Что-то написано над входом, но я не могу прочесть, — он взволнованно пробежал пальцами по рифленой поверхности иероглифов, остававшихся всё ещё непостижимыми для него, — эта часть хранилища доступна только Владыке или его потомкам. Верно я предполагаю, отец? Что же держится тут в таком секрете? Самаэль, взгляни-ка на это, — Джон обернулся, чтобы поделиться своими предположениями, но в смятении своем не сразу сообразил, что друга всё ещё нет рядом, но его уже не остановить было, когда одно за другим, слова стали складываться во вразумительные фразы и предложения, — В этом свитке говорится, что наши предки прибыли на эту планету в незапамятные времена, на заре человечества. Их внутренняя и внешняя красота вызывала восхищение, а их сила, не подвластная человеческому разумению — трепет и почтение. Их почитали подобно богам, и не было на земле равных им. Шли века, и пришельцы сами столь уверовали в собственную божественную сущность, что начали забывать о том, что сами были всего лишь людьми, экипажем потерпевшего крушение космолета. Императоры и фараоны не стеснялись просить у них совета и помощи. Сердца людские жаждали всё большего и большего — богатства, власти, смерти неугодных и вечной молодости и бессмертия для себя. Со временем просьбы становились требованиями — и было их все больше, и во многих

слышались угрозы. Не желая быть слепым орудием интриг, жадности и нетерпимости в человеческих руках — те, кого именовали богами, знали, какой ценой дается власть над другими людьми, и вынуждены были отгородиться от людей, которые всё более беззастенчиво использовали их удивительные способности. Они создали портал и вдали от людских глаз построили невероятной красоты Небесный град, в котором поколение за поколением хранили установленный порядок, культивируя свои традиции и оберегая свою культуру, элементы которой постепенно распространились повсеместно. Никто уже не помнил, из каких уголков галактики прилетели они — на Земле успело смениться много поколений первых поселенцев.

Джон зачарованно продолжал читать — буква за буквой, слово за словом, перед его внутренним взором вставали волнующие образы правителей прошлого, давно уже ставших легендой, поколениями передаваемой из уст в уста, наполняя и его самого исключительностью:

— Вот оно! То, что я искал. Вот, то, что мне нужно. Я не бессмертен, но я могу освободить мощь, дремлющую во мне — как сделал это пятнадцать лет назад. Древняя кровь первых поселенцев, что течет во мне, сила поколений моих предков, прошу благословения исполнить единственное мое желание — спасти всех, войдя в резонанс времени и пространства и приняв свою судьбу.

Меж пальцев прошли разряды электрического тока, заставившие его вздрогнуть, но он продолжал шевелить губами, читая строку за строкой, вплетая в заклятие собственные чувства и личные эмоции:

— Что может спасти меня от сражения в полной пустоте? Когда мне грустно и одиноко... Когда никто не может понять мою боль... Что бы ни случилось... Я всегда буду помнить её нежную улыбку... Она заставляет меня сиять светом, что дарован любовью.

Великая сила пробудит война, что погрузит мир в абсолютное безмолвие.

Опускаясь на одно колено под тяжестью собственной силы, опасным обманчивым призраком грезилась воображаемая надежда неоспоримого могущества, открывая всё новые и новые грани впитываемой им силы:

— Так вот, что означает обладать могуществом силы Аватара — власть не только над природными стихиями, возможность повелевать огнем, водой, воздухом и землей, эфиром, светом, тьмой и самим временем — но и телепортация и телепатия, трансформация и прорицание, шаманизм и некромантия. Абсолютная власть. Абсолютная судьба. Моя судьба...

Но всему в мире есть свой предел, как есть он и у телесной оболочки, пусть даже принадлежащей сверх существу — когда вернулся, Самаэль нашел его хрипло дышащим, стоявшим на коленях, опираясь руками в каменные плиты настила библиотеки:

— Воды... Прошу тебя, воды... Внутри всё горит... — спазмированными пальцами выхватил он стакан, приникнув пересохшими бледными губами, сделал несколько жадных глотков, бешеным взглядом смотря по сторонам, — Одна половина моего тела словно горит в огне, другую же выжигает беспощадный холод, я задыхаюсь... Неужели всё было напрасно? Я не могу совладать с такой магией, и она убьет меня? — тут лицо Джона резко сменило выражение, а руки его сомкнулись на шее друга, — Но прежде я убью тебя собственными руками — предателя, отнявшего у меня женщину, которую я любил...

— Да, что на тебя нашло, приятель? — первоначально Сэм даже опешил от такой внезапной смены его настроения, — Ты хочешь снова поднять эту тему? Разве мы не всё

обсудили? Я был готов нести ответ, но тебе не нужна была моя смерть. Что же изменилось? Что произошло и заставило тебя вспомнить былые грехи?

На этом хватка Джона ослабла, и мужчина потерял сознание. Ввиду опасности его состояния, всё время, пока продолжалась его лихорадка, сопровождавшаяся беспамятством и бредом, у его постели дежурили.

Ко всеобщей радости, организм Джона оказался достаточно сильным, чтобы восстановиться в течение трех дней, но всё коварство ситуации крылось в том, что ни кто не представлял себе масштаба последствий использования запретной магии, практически не поддающейся контролю. Джон получил силу, которую так жаждал обрести, но не стал ли он сам опасен для тех, кого призван оберегать.

А мысли Марка и Мей были наполнены более приятными думами о предстоящей свадьбе и встрече с Витриченко-старшим, Александрой и маленькой Оксаной в Киеве по пути на молодежный мультифандомный фестиваль по популярным книгам, фильмам, комиксам и компьютерным играм.

Будильник прозвонил в шесть часов утра, и Марк нехотя открыл глаза. Мей спросонья потянулась к телефону и отключила звук:

— Пора просыпаться, Маркеш, — девушка потрепала его челку и чмокнула в нос, — фестиваль ждать не будет. Благодарные зрители жаждут увидеть своих кумиров. Пора сверкать и покорять.

— Да, сегодня нам предстоит безумный-безумный день, — парень улыбнулся, поднимаясь с постели.

— Тогда я — первая в душ и бегу соберу нам бутерброды в дорогу. А ты проверь костюмы — всё ли мы сложили, она дала указания и, накинув халат, скрылась за дверями ванной комнаты.

Добираться до мероприятия пришлось на такси, а вечером их ждал поезд на Львов.

Когда они прибыли к месту назначения. и Марк первым вышел из машины, его поразило количество собравшихся людей в разнообразных костюмах героев популярных фильмов и комиксов. Это были те участники, которые уже успели переодеться и перевоплотиться в различных супер-героев и супер-злодеев мира японской анимации, компьютерных игр и комиксов. Некоторые команды проводили последние репетиции тут же — прямо на площадке перед экспо-холлом. Костюмы Марка и Мей, представляющие собой школьную форму японской старшей школы, в упакованном виде были нагружены Марку помимо рюкзака с его собственными вещами. С собой они также сложили сменную одежду, планшет, фототехнику, провизию в дорогу и остальное, необходимое им в путешествии.

Внимание азиатки привлекла группа девушек в несколько ином варианте школьной формы в компании парня, играющего школьника — их одноклассника, видимо, и девушки в кимоно и традиционной японской обуви — гэта. Девушка долго и придирчиво изучала их костюмы, а они, в свою очередь, с интересом смотрели на неё и её, несомненно, привлекающего внимание, спутника.

— Марк, осторожнее, пожалуйста, — предостерегающе напомнила девушка, направляясь в сторону гримерных комнат, — Не помни костюмы.

Марк проследовал за ней, неся в руке, запакованную в защитную полиэтиленовую пленку и развешанную на плечиках их одежду.

Пока шли последние приготовления к торжественному открытию фестиваля, выступающие наносили финальные штрихи грима, укладывали прически — в частности,

маленькая японка помогала Марку заплести его волосы в аккуратную косу.

В огромном конференц-зале шла демонстрация полнометражных анимационных фильмов, велись лекции, работали игровые и танцевальные автоматы, игрались партии в традиционную игру Го, по периметру располагалась большая ярмарка сувениров — от значков и кулонов до сумок, мягких игрушек, пряников и прочих товаров с тематической символикой. По всему залу прохаживались ряженные косплееры, а на большой сцене разыгрывались сценки, исполнялись песни и танцевальные номера.

Ты словно попадаешь в волшебный мир оживших фантазий, когда мимо тебя пробегают гномы и эльфы, расхаживают феи и рыцари, орки и гоблины, выскакивают из-за угла кролики и коты, чинно дефилируют самураи и гейши, ожившие персонажи классических сказок Диснея. Особенно восторгались по этому поводу пришедшие вместе с родителями маленькие гости фестиваля.

После объявления победителей и торжественного закрытия, мероприятие перекочевало в ночной клуб, чтобы участники и организаторы смогли продолжить общение в более неформальной обстановке, не заботясь уже о том, какая очередность выступающих, как сидят костюмы, о синхронизации света и звукового трека, когда уже все приготовления и волнения остались позади.

А Марк и Мей держали путь на вокзал, где в ночь скорый поезд умчит их на запад, навстречу новым приключениям и ярким впечатлениям. А на память о большом мультифандомном фестивале они увезут тёплые воспоминания, мягкую игрушку-покемона и сладкие пряники с эмблемами Супермена и Бэтмена.

Утомленные участием в мероприятии и связанными с ним переживаниями, уснули наши путешественники почти сразу же, погрузившись в сладкий сон, как только их головы коснулись подушек, чтобы утром проснуться уже на подъезде ко Львову. Утро встретило их молочным туманом, разлившимся над садами, полями и водоемами, мелькавшими за окном. Пока наконец не показались городские пригороды и поезд не начал сбавлять скорость. Солнце поднималось всё выше и его лучи робко проглядывали сквозь густые облака. Самыми первыми приятными впечатлениями стали старинное здание железнодорожного вокзала и праздничная речь администрации железнодорожных путей Украины, поздравлявших пассажиров со светлым праздником Пасхи и выражавших надежду, что их работа поможет в эти праздничные дни быть ближе к родным людям, чтобы вместе порадоваться празднику и наполнить сердца добром и любовью. За всеми хлопотами время пролетело незаметно, и в мир снова пришла весна — щедрая на тепло и зелень и ароматы цветущих трав.

Буквально несколько остановок автобусом, и вы попадаете в самое сердце славного древнего города. Поселившись в заранее бронированном номере небольшого уютного отеля, можно было оставить свои вещи и отправиться на поиски завтрака и знакомиться с достопримечательностями. Так как отель был расположен в историческом центре города, то понадобилось совсем немного времени, чтобы оказаться на главном городском проспекте у здания Национального оперного театра с примечательными скульптурными композициями на фасаде и большим круглым фонтаном — перед ним. А дальше начиналась праздничная ярмарка сувениров и кухни на открытом воздухе. Девушка улыбалась и хихикала, с интересом глядя по сторонам. Ей всё было любопытно: блюда национальной украинской кухни, традиционные пасхальные писанки и крашенки, сладости, кофе и шоколад, которыми так славится культурная столица Украины, вышиванки — сорочки, платья и носочки,

сувенирная продукция с видами и символикой Львова — кружки, кофейные чашки, магниты на холодильник, открытки, игрушки и прочая атрибутика.

Попивая квас из большого бокала, Мей остановилась у киоска с бижутерией. Тут было полно колечек, сережек и браслетов, декорированных цветами, символическими для Украины и любимых украинцами — маками и подсолнухами, в основном. Внимание её привлекли ободки для волос, один из которых ей особенно понравился. Его темно-красные цветы маков очень выигрышно смотрелись на её черных волосах. А когда ей сделали по этому поводу комплимент, то этому украшению не избежать было участи быть купленным, чтобы украшать её прическу. Ужасно довольная, что теперь она почти похожа на украинку, Мей направилась дальше. Молодые люди купили ещё воздушный шарик, вышитые рубашки и носочки.

Между делом, Марк не удержался, чтобы не сыграть на своей флейте вместе с выступающими на площади перед оперным театром уличными музыкантами.

Попив кофе, они прошли к самой центральной площади города — Рынок, где присоединились к познавательной экскурсии по городу на электромобиле. Почти часовая экскурсия рассказывает об основных городских достопримечательностях, о вкладе людей искусства и людей науки, проживавших здесь в разное время, в историю города, страны и всей Европы. Для маленькой японки пришлось попросить наушники, чтобы она могла слушать экскурсию в воспроизведении английского языка, а Марк рад был услышать родную украинскую речь. Проникшись древней и славной историей города, они уже проходя мимо того или иного произведения архитектурного искусства, могли вспомнить и обсудить его историю и особенности, и могли уже выделить городскую ратушу, отличить Латинский кафедральный собор от Доминиканского, а Бернадинский костел от костела Бенедектинок.

После экскурсии они тут же рядом посетили единственную в своем роде "Копальню кави" ("кофейную шахту"), сочетающую в себе музей, кафетерий, магазин сувениров и книг и шахту, где можно наблюдать уникальный туристический аттракцион по добыче кофе, насладиться чашечкой ароматного львовского кофе, приобрести забавные сувениры для друзей и близких.

Сам город показался Мей, привыкшей к жизни в гигантском токийском мегаполисе, достаточно компактным и уютным, а все основные достопримечательности, которые стоило посетить, были расположены в районе старого центра. Жители оказались весьма приветливыми и доброжелательными. Не было впечатления, что ты находишься в другом городе — словно вышел из дому к ближайшему супермаркету или в знакомый с детства парк — настолько всё было близко и так по-домашнему.

В эти праздничные дни туристов в городе было много — часто встречались туристические группы, то и дело слышалась польская речь, которую благодаря Марку и Евангелине, которые иногда говорили на этом языке, Мей уже могла отличить среди многоголосия других языков. Долгое время Львов считался польским городом, и соответственно, связи с самой Польшей и до сих пор остаются достаточно крепки.

Нарядно одетые местные жители целыми семьями возвращались с праздничной пасхальной службы в храмах, которыми изобилует город. Прохожие поздравляли друг друга с Воскресением Христовым и желали всех благ.

День был выходным, потому многие магазины и учреждения не работали, но в центре города работала ярмарка и продолжала кипеть жизнь. Не узнав людей поближе, нельзя было утверждать, насколько набожны львовяне, но с уверенностью можно было говорить о том,

что они почитают традиции своих предков и уважают свою культуру. В основание и развитие города вложили силы и душу представители различных национальностей — украинцы, поляки, немцы, евреи, армяне, потому правильнее говорить об общем духе Львова, чем о какой-то отдельно взятой нации. Многие особенности имели под собой и достаточно прагматические причины — горожане, к примеру, предпочитали селиться рядом с цыганами, не опасаясь столь сомнительного соседства потому, что у цыган есть определенные правила чести, запрещающие воровать у своих соседей.

Львов — город древний и бесконечно молодой: ему не больше лет, чем самому младшему из его жителей, город открытый и настолько глубокий, что с каждым разом познаешь его заново, город богатый своими традициями и гордящийся ими, город, в котором сплелось множество вероисповеданий, национальностей и культур, взаимно обогащавших друг друга и создавших свой неповторимый львовский узор на полотне истории Украины. Город сильный и прекрасный, как и сам Марк, что ещё больше подогревало к нему интерес со стороны миниатюрной азиатки.

Пройдя ещё раз вечером по ярмарке на центральном проспекте, они приобщились к праздничному воодушевлению и перекусили вредной для желудка, но такой вкусной уличной едой, приготовленной прямо при них.

В гостиничный номер они вернулись уставшие, но весьма довольные прогулкой и полные ярких впечатлений от первого дня пребывания в этом самобытном городе.

Почему же наши герои не остановились в доме семьи Витриченко во Львове, спросите вы? Они ещё побывают по этому адресу, чтобы проверить, как идут ремонтные работы. Апартаменты требовали ремонта, и с этим решено было не тянуть. А в будущем там будут проживать Оксана с семьей, и Марк обязательно будет навещать свою названую сестренку при каждом визите в родной город.

За последние пару дней у Марка и Мей было столько впечатлений, что эмоциональная усталость дала о себе знать, зато сны посетили их в эту ночь легкие и красочные.

Следующий день они решили начать с продолжения знакомства с историческим центром города и взглянуть на панораму, открывающуюся со смотровой площадки в парке "Высокий замок" на месте укреплений времен самого князя Даниила Галицкого. Подъем вдоль останков крепостной стены на высоту более 400 метров довольно утомителен, потому для посещения лучше выбирать первую половину дня, когда солнце еще не такое жаркое, и людей не так много. Отдохнуть по дороге можно на одной из садовых лавочек, а цены на сувенирные магнитики тут ещё и ниже, чем на ярмарке в центре города. Ещё одним приятным и забавным эпизодом стал тот, когда Мей захотелось согреться прохладным утром и подкрепиться перед восхождением на высоту стаканчиком горячего кофе с молоком. И вот, когда кофе уже был приготовлен, а девушка уже подготовила деньги, чтобы расплатиться, продавец из фургончика с едой приветливо улыбнулся и махнул рукой, не устояв перед её очарованием. Денег он не взял, решив, что может себе позволить угостить хорошенькую девушку.

И наградой за потраченные силы и время стал потрясающий вид, открывающийся на город с высоты обзорной площадки.

На обратном пути они прошли мимо выдающегося здания пожарной части со скульптурной композицией Святого Флориана — мистического покровителя и защитника пожарных.

На обратном пути можно было подробнее рассмотреть Пороховую Башню, Королевский

Арсенал и другие достопримечательности.

Находившись до чувства сильной усталости, наши путешественники вернулись в номер, чтобы отдохнуть и переодевшись, отправились на вечерний променад по центру — пить натуральный квас и живой йогурт и попробовать яблок в карамели и жареных каштанов.

Им предстояло вечером хорошо отдохнуть и набраться новых сил, чтобы посетить расположенные на площади Рынок филиалы исторического музея, подивившись и восхитившись мастерством старинных ремесленников, подняться на башню ратуши, откуда открывается незабываемый вид на старый город и услышать игру трубачей в полдень, чтобы загадать самое заветное желание, после чего тут же рядом на площади попить лучший в городе кофе.

И долго ещё они будут вспоминать эти бесконечно сладкие поцелуи на смотровой площадке, откуда открывалась невероятная, дух захватывающая панорама города. И с каждым поцелуем отступала боль, связывавшая Марка с родной землей. И позже, когда они будут проходить мимо костела святой Эльжбеты (Елизаветы), названного в честь знаменитой и так популярной в народе императрицы Елизаветы (Сиси) и по праву считающегося Львовским Нотр-Дамом, на паперти которого он коротал первые ночи после своего побега из приюта, его сердце больше на разрывалось. Наоборот, его переполняло умиротворение, а высокие своды собора сквозь большие стрельчатые окна наполняли душу светом. Он, всё же, пытался сдерживать слезы, только это были уже не слезы печали, а облегчения. Он отпускал все те тягостные воспоминания и навсегда прощался со своей болью.

А Мей стояла рядом и так заразительно и радостно смеялась, разглядывая утопающие в зелени дома внизу. И парень чувствовал себя пьяным без вина. Это было головокружительное ощущение легкости и свободы. Он стал свободен от печали и обиды на мир, он научился радоваться каждому прожитому дню, научился верить в себя и доверять близким, он нашел свое место в этом мире и пустил любовь в свое сердце, которая принесла ему внутренний мир с самим собой и гармонию.

Сакура пальцами тонкими нежно играет на флейте.

А прямо вокруг площади рынок расположены сразу несколько отделений исторического музея, самыми известными и впечатляющими из которых являются "королевские залы" отдела "Исторических драгоценностей" с "Итальянским двориком", где представлены мебель, скульптура, фарфор, часы и компасы, музыкальные инструменты и ордена разных стран Европы. Тут можно и нужно попасть под яркое впечатление от мастерства рук человеческих и таланта художников, инженеров и ремесленников, создававших всё это великолепие: портретные работы, инкрустированная мебель, уникальные солнечные и звездные часы, фарфор тончайшей работы, экзотическое кресло в форме крылатого дракона, редкостный музыкальный инструмент моцартовской эпохи — пианофорте и музыкальная шкатулка "Симфонион".

После чего можно закрепить впечатления, спустившись со второго этажа музея в красивый и романтичный, так называемый "итальянский дворик", возведенный итальянскими архитекторами как уютное и тихое место для отдыха с красивыми террасами и скульптурными композициями. Сейчас в теплую пору года в Итальянском дворике работает летнее кафе, а также проводятся джазовые и классические концерты.

Тут же неподалеку, буквально через пару домов расположено ещё одно отделение — "Палаццо Бардинелли" с представленными композициями выставки исторических и

художественных изделий из золота и серебра, имевших не только материальную, но и большую историческую ценность и значение для искусства. Тут можно увидеть печать львовского цеха ювелиров, церемониальную цепь президентов Львова, символические ключи от города, серебряный макет ратуши. А в музее стекла в тематических выставках "Историческое стекло" и "Современное стекло" можно не только полюбоваться флакончиками, бальзамариями, стеклянными бусинами, фрагментами мозаики, но и познакомиться с разнообразием функционального назначения стекла — от бытового и декоративного до ритуального, пополнить знания об эволюции и технологии стекольного производства. В этом же здании соседствует и первый в Украине музей почты, где внимание привлекают старинные почтовые сумки и дорожные сундуки, старинные открытки, мундир почтальона и оружие, которым, в случае необходимости, могли пользоваться почтальоны.

А в так называемом "черном доме", построенном ещё в конце шестнадцатого века, и фасад которого потемнел со временем, находится Отдел истории западноукраинских земель и Отдел истории украинской диаспоры.

Совершив своеобразный познавательный тур вокруг площади, можно ещё раз полюбоваться на здание городской ратуши и статуи по углам от неё. Но пытливому уму наших путешественников и этого показалось мало — они решили оценить Львов под другим ракурсом и подняться на башню ратуши.

Заплатив за вход, они начали свое восхождение по огибающей лестнице. И справедливости ради стоит, пожалуй, отметить, что плата за вход в музеи чисто символическая. И, несмотря на это, все они поддерживаются в надлежащем состоянии — фасады, двери, паркет, сами выставочные экспонаты.

Поставив своего рода рекорд, превзошедший знаменитую Потемкинскую лестницу в Одессе, башня Львовской ратуши насчитывает триста шесть ступеней, прибавьте к ним ещё три этажа здания городского совета, которые нужно преодолеть до входа в саму башню — и вы получите четыреста восемь, преодолев которые оказываетесь на высоте шестьдесят пять метров над городом.

Находясь на ратуше и видя весь старый город, как на ладони, нельзя не согласиться, что "Львов — это частица бесконечности". Марк понимал это, как ни кто другой — особенно, когда рядом искрятся счастьем любимые глаза. Именно любимые — теперь он точно знал. Её сила духа и чувство собственного достоинства, её непосредственность и открытость помогли раскрыться и его сердцу. Существует целых девять способов любить: слушать, разговаривать, отдавать, ценить, отвечать, делиться, наслаждаться, доверять, прощать. И вместе они познают их все. И только бескрайнее небо над головой, и полет — души и мыслей, и ты всемогущ и всемогущ.

А ещё сакура, так любимая девушкой — они не покинут город, не налюбовавшись её великолепным нежным цветением.

Свернув немного в сторону от площади, они нашли ещё одно легендарное здание. На весь Львов гремела некогда слава аптеки "Под черным орлом". С начала восемнадцатого века, она до сих пор является действующей и по настоящее время продолжает производить сахарат железа для больных анемией — так называемое "железное вино". Среди её экспозиций можно видеть старинные аптечные весы, печатную машинку, мерные цилиндры, газовые лампы, учетные книги и рецептурные и фармакологические справочники. Проходя залами, обставленными под старинную алхимическую лабораторию или просторный интерьер аптеки начала позапрошлого века, где можно познакомиться с историей

зарождения аптечного дела, этапами производства лекарственных средств и процедурой продажи и отпуска уже готовых медикаментов. Во дворе аптеки-музея стоял фонтан в виде женщины — ведьмы-знахарки, олицетворявшей древние знания и традиции, бережно хранимые и передаваемые из поколения в поколение.

Несмотря на море позитивных эмоций, накрывших их с головой, накопившая усталость давала о себе знать, и посещение галереи искусств и прогулку по местам приключений славных мушкетеров отложили на следующий день, а вечером после отдыха они снова прогулялись по ярмарке и поужинали в уличном кафе, чтобы завтра продолжить увлекательно и с пользой продолжать открывать для себя древний город Льва, насчитывающий более семисот лет великой истории.

И с восходом солнца новый день открывал новые возможности для новых ярких впечатлений и вдохновения.

Подкрепившись легким завтраком на открытой площадке уличного кафе, наши герои отправились навстречу новому дню и новым приключениям, решив посвятить этот день теме искусства, благо, на эту тематику во Львове можно найти очень много интересного, что одного дня будет бесконечно мало для изучения данного вопроса. Но надо было с чего-то начинать, и сделать это решено было с живописи.

Львовская галерея искусств, где представлены работы лучших российских, польских, австрийских, голландских скульпторов и живописцев. И сердце замирает, глядя в глаза, смотрящие на тебя с портретов. И это во времена, когда и ни кто и не слышал ещё о фотографии! Мастера умело передавали блеск в глазах, текстуру кожи в волос. Казалось, что стоит только протянуть руку, и можно прикоснуться и ощутить гладкость шелка одежды, легкость невесомых кружев и тяжесть парчи и бархата парадных облачений аристократов и аристократок. Ещё чуть-чуть, и они сойдут со своих портретов, став ближе к нам — дрогнут ресницы и губы, изогнутые в приветливо-благодушных улыбках. Заговорят, и поведают истории своей невероятной жизни. Среди полотен были и портрет той самой императрицы Сиси, о которой мы уже упоминали выше, и портрет Марии Стюарт — печально известной королевы Шотландии, закончившей дни на плахе, или картина, на которой изображен бал при дворе Генриха Валуа в его бытность королем польским — одного из братьев Маргариты из рода Валуа — королевы Марго.

Расположенные относительно недалеко друг от друга, два отделения галереи — во Дворце Лозинского и во Дворце Потоцких, несомненно, стоили того, чтобы посетить их и окунуться в восхитительный мир прошедших эпох, мир прекрасных дам и их благородных кавалеров. А для полноты картины достаточно один раз взглянуть на пейзажи, которые сотворила кисть мастера, с которых на зрителя сходят улицы и города, леса и поля, невесомые лучи рассветного или закатного солнца, блики на воде, шторма на море или неподвижная водная гладь в штиль, древние руины или шедевры гения старинных зодчих.

Ещё одним отделением Львовской галереи искусств является поражающая воображение Часовня Боимов на Кафедральной площади рядом с Латинским Кафедральным Собором — фамильная усыпальница известного в городе купеческого рода, украшенная сложной резьбой по алебастру, которая рассказывает нам всю историю рода Боимов. Не имеющая аналогов в мире по уровню исполнения, она сочетает в себе элементыковки, резьбы и талантливую роспись, повествующую даже безграмотному человеку о страстях Христовых. Помпезность и роскошь убранства и по сей день прославляют богатый и влиятельный род.

Теперь, насытившись пищей духовной, можно подумать и о пище для желудка. Решив

перекусить вкусными горячими варениками с вивидом на Латинский Кафедральный собор, они встретили приятную молодую пару из Польши, с которой уже пересекались в музеях. Марк обменялся с ними приветствиями на польском языке и поболтал о том, что им больше всего понравилось из увиденного в городе.

Глядя, как Мей заинтересованно смотрит по сторонам и то и дело пыталась сфотографировать на телефон едва ли не каждый фасад, каждую скульптуру или фонтан, Марк вспомнил, как в их первый визит во Львов Маргарита точно так же вдохновенно пыталась запечатлеть на камеру чуть ли не каждый бульжник на мостовой. Она была впечатлена и покорена городом после того, как им удалось найти в сети тот самый фильм про мушкетеров, снятый советскими кинематографистами, с английскими субтитрами. Как большая поклонница творчества Александра Дюма, она не могла оставить без внимания экранизацию одного из своих любимых романов его авторства, где роль Парижа сыграл украинский город Львов. И нужно признать, что она не осталась разочарована. В меру романтики, драмы и приключений, прекрасное музыкальное сопровождение — фильм смотрится легко и оставляет приятные воспоминания. Талантом и трудом сценаристов, режиссеров, композиторов, гримеров, костюмеров, актеров, каскадеров и других специалистов съемочной группы воссоздана полуфантастическая история, в которой реально существовавшего шевалье Д'Артаньяна, дослужившегося до звания "полевого маршала" (генерал-майора) при Людовике XIV, омолодили лет так на шестьдесят-семьдесят, чтобы он смог стать современником истории с подвесками Анны Австрийской. Крестными родителями сыновей реального графа Шарля Д'Артаньяна были не кто-нибудь, а особы королевской крови: сам король Людовик XIV и его супруга Мария-Терезия, Людовик Великий Дофин и Мадемуазель де Монпансье. Младший его сын лицезрел в свое время русского императора Петра I. В свою очередь Марк узнал, что бабушка Маргариты, мать её отца — мадам Констанс — получила своё имя именно в честь Констанции, героини романа и возлюбленной храброго мушкетера, и таким образом, эта история представляет для девушки и большой личный интерес.

А тут можно своими руками прикоснуться к этим стенам, воротам и фасадам, пройти по этим мощным улицам мимо этих самых зданий, вспоминая соответствующие эпизоды из фильма. И после тщательного изучения сделанных фотографий и материалов из интернета, при повторном просмотре уже угадывались знакомые пейзажи, отчего сама вся эта история становилась более осязаемой и реальной. А отец Марка помнил те дни, когда в полном облачении мушкетеров, верхом на лошадях, тут разъезжали актеры, за которыми увивались все окрестные мальчишки, а женщины, проходя мимо, томно вздыхали и подкатывали глаза.

Популярность Трех Мушкетеров и сейчас велика настолько, что во Львове существует отдельная экскурсия "Львов мушкетерский" по местам боевых подвигов главных героев Дюма. Вот и Марк, видя, насколько заинтересовалась его спутница, решил устроить ей такую экскурсию сам. Заодно, многие места им с Мей пришлось посетить снова, но так было даже интереснее, а полученная информация усвоится лучше. Из того, что они уже успели посетить, были и монастырь Бернардинцев на Соборной площади, и дворец Потоцких (ныне — Отделение Львовской галереи искусств), и Латинский кафедральный собор, и доминиканский Собор, и Костел Святой Эльжбеты, дом ученых, улица Друкарская, Армянский собор и другие достопримечательности. И остается ещё повод снова вернуться сюда и побывать там, где не удалось в этот раз — посмотреть, к примеру, замки "золотой

подковы Львовщины".

Теперь действительно можно ощутить себя причастным, и так и подбивает воскликнуть: "И мы тут были, тысяча чертей!", и вспомнить незабвенное: "И что такое рыцарь — без любви, и что такое рыцарь — без удачи?!", и порадоваться на своем веку каждому солнечному дню в своей жизни, каждой родной улыбке.

Вечером они вернулись с большим багажом знаний и впечатлений и множеством фотографий, которые ещё предстоит дома рассортировать и обработать.

Последний день пребывания в последнем восточном городе на западе и первом западном городе на востоке Марк и Мей посвятили неспешной прогулке по тихим и умиротворяющим аллеям Лычаковского кладбища, проникнуться его мистической атмосферой и навестить могилу матери Марка.

Вокруг никого... лишь поразительные памятники и скульптуры возвышаются над могилами того времени. Это действительно шедевры, возведенные известными скульпторами минувших столетий. Некоторые памятники поражают своим обликом. На Лычаковском кладбище часто встречаются скульптуры женщин, и что удивительно, по их лицу как будто катятся слёзы. Оказывается это не такая уж мистика. Продуманные скульпторы делали незаметные углубления в глазах, с утра там собираются капельки росы, которые потом текут по каменным лицам.

Гуляя Лычаковским музеем под открытым небом было на удивление, спокойно на душе, пели птицы, солнышко щекотало, своими лучами, недавно позеленевшую листву. Они ходили и поражались старинным творениям искусства, в которых заложен глубокий смысл. Каждый из них по праву заслуживает внимания и о многом может поведать.

Часа два прохаживаясь извилистыми тропинками кладбища, вышли оттуда, как заколдованные. Лычаков произвел незабываемые впечатления. Это мистическое место останется в памяти навсегда.

— Добрый вечер! — парень отвлекся на беседу со сторожем, мужчиной преклонных лет, много в своей жизни повидавшего и способного рассказать не одну пугающую мистическую историю, а девушка заметила в тени деревьев одинокую женскую фигуру в белых одеждах, — Прошу прощения, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Дай мне посмотреть на тебя. Такая девушка могла бы составить счастье любого мужчины, — женщина вышла из тени и направилась к Мей, и походка её была легкой и плавной, словно она плыла над землей.

От удивления азиатка не могла пошевелиться:

— Я вас знаю? — всматриваясь в лицо женщины, азиатка увидела такие знакомые серые глаза, ту же форму бровей и губ, — Мы с вами ни где раньше не встречались? Вы мне так напоминаете одного человека...

Не успела она услышать ответ на свой вопрос, как рядом раздался встревоженный голос Марка:

— Мей! Вот ты где, а я тебя потерял, — юноша стоял, переводя ошеломленный взгляд с девушки на женщину, лихорадочно и шумно дыша, пока не выдержал и кинулся с объятиями, обхватив руками тело матери и не желая отпускать, — Мама? Мамочка!

— Госпожа Витриченко... Руслана Даниловна... — и тут Мей поняла, откуда ей знакома была эта женщина.

— Не напугала тебя? — Руслана мягко улыбнулась в ответ на её поклон, — Разрешите обнять вас, дети?

— Я... я так рада познакомиться с вами, — вымолвила Мей, не в силах оторвать взгляд от стоящих рядом матери и сына, — Правда...

— Благословляю, сынок, — женщина приложила губы ко лбу Марка и его невесты, — Будьте счастливы!

— Спасибо, мама, — легко улыбнулся юноша.

— Береги её, Маркеш, — мать погладила его по кудрявой голове, растворяясь и оставляя призраком светлой улыбки, — Она у тебя замечательная.

А вернувшись домой, они ещё несколько дней будут пересказывать друзьям всё, что увидели и узнали в этом путешествии, дополняя показом на ноутбуке целой подборкой сделанных ими фотографий.

"Если цыплёнок не сможет разбить скорлупу своего яйца, он умрёт, не родившись. Мы — цыплёнок. Мир — наше яйцо. Если не разбить скорлупу мира, то мы умрём, так и не родившись. Разбей скорлупу мира!"

Студенческий совет Академии Оотори, анимационный сериал "Юная революционерка Утена".

А за горами, за морями, далеко,
Где люди не видят, а боги не верят.
Там тот последний в моем племени легко
Расправит крылья — железные перья,
И чешуею нарисованный узор
Разгонит ненастье воплощением страсти,
Взмывая в облака судьбе наперекор,
Безмерно опасен, безумно прекрасен.
И это лучшее не свете колдовство,
Ликует солнце на лезвии гребня,
И это все, и больше нет ничего -
Есть только небо, вечное небо.
группа "Мельница"- "Дракон"

— Вот так, мой князь, ты поступил ровно так, как и ожидалось от тебя, — томный, завораживающий, обволакивающий грудной женский голос продолжал вещать, — Даже не пытайся совладать с той мощью, что сам пробудил. Не сопротивляйся, и позволь этой силе поглотить тебя. И тогда ты сам станешь опасен для тех, кого любишь больше всего... У тебя будет только один путь, и он приведет ко мне. Не трать сил понапрасну и подчинись своей судьбе. Не бойся, я не обижу тебя, мой князь. Я приму тебя таким. Ты, как беспечный Икар — тебе подарили крылья, но тебе всё мало. Ты жаждешь всё большего, пока не сгоришь в своем же пламени. Чему быть, того не миновать...

— Нет! НЕТ!!! — задыхаясь, мужчина поднялся с постели и медленно проследовал на балкон вдохнуть вечерней прохлады.

Сны... снова эти сны и пугающие образы в отблесках пляшущих огней его собственного погребального костра. Страшные призрачные тени, плохо различимые, ядовитыми змеями страха проникающие в самую суть людской души, а тело сотрясала дрожь.

С того дня, как в библиотеке Джон то ли выпустил некую силу, то ли впустил нечто столь сильное внутрь себя — с ним стали происходить тяжелые и болезненные изменения. Его постоянно мучила страшная жажда, внутренности горели, каждый вдох давался с опаляющей болью. Вот и сейчас он налил из графина ледяной воды, чтобы хоть как-то

облегчить свое состояние и унять пылающий огонь внутри. Немного полегчало, но не надолго... Старался улыбнуться, сцепив зубы, а боль изнутри ломала ребра.

Он прикоснулся к запретному знанию, и это потребовало всех его сил, и даже больше того...

Несколько десятков минут медитации помогли ему вернуть самообладание.

В столовую мужчина спустился в более спокойном расположении духа, будучи по-настоящему рад видеть собравшихся.

— Доброе утро и приятного аппетита всем, — Джон окинул взглядом столовую, отметив красоту и качество наряда ручной работы бывшей супруги персикового цвета, что так подходило к цвету её кожи и волос — эта женщина всегда знала, как преподнести себя в наиболее выгодном свете.

Коротко поклонившись и пожав руку Самаэлю, одетому в такой же, как и у него, черный мундир с золотистой вышивкой по воротнику и манжетам, Джон коснулся легким поцелуем щеки рыжей женщины и курчавой макушки сына.

— Доброе! Присоединишься к завтраку? — слегка лениво протянула Кали, наливая ему кофе, с видом сильной озабоченности проведя ладонью по его лбу, где залегли морщины напряжения, — Всё в порядке, Джанъян? Ты бледен и сосредоточен.

— Я добился того, чего так страстно желал, но сделало ли это меня счастливым? — он покачал головой, присаживаясь между сыном и рыжеволосой, — Я стал Аватаром, призванным принести революцию в этот мир. Меня никогда не страшили преграды на моем пути, но это испытание будет самым трудным из всех. Тут не может быть места ошибке, — говорить старался тихо, чтобы не напугать мальчика разговорами, да и просто не хватало сил на громкий голос.

— Если кто и сможет выдержать, то только ты — кровь от крови огня, наследник Владыки, — мягко поддержала его рыжая.

— Я пошел на этот риск ради дорогих мне людей, и ради нашего сына тоже. Мы — люди, и только нам дарована способность так любить — в этом наша сила и наша слабость. Именно так я черпаю свою силу. И это не дает мне сойти с ума от переизбытка сил... Потоки этой энергии разрывают меня, но им не подчинить себе мой дух. Хватило бы мне только сил принять свою судьбу. Я сделал свой выбор. И когда настанет время, моему брату придется сделать свой.

— Ты — безумец, — Леди-Регент и Лорд-Протектор взволнованно переглянулись.

— Возможно, да, — слабо улыбнулся мужчина, — но такой уж я есть.

— Я боюсь за тебя, Джанъян... — прошептала рыжая.

— Право, не стоит, — отмахнулся Джон.

Его приятель настороженно нахмурил брови:

— Мы можем что-нибудь сделать для тебя?

— Можете, друзья мои. У меня осталось ещё одно незаконченное дело, — Джон предвкушающе улыбнулся, — Вы очень выручите меня, посоветовав в выборе особенных подарков.

Сэм взял со стола графин с вишневой наливкой, намекая, повернувшись в его сторону:

— Тебе налить чего-нибудь?

Мужчина попытался изобразить улыбку на своем лице:

— Пожалуйста, только воды, — и при воспоминании о кошмарах прошлой ночи он непроизвольно вздрогнул.

— Отличный выбор, зайчик, — одобрительно кивнула Кали, — Спиртное с утра — дурной тон.

Самаэль весело хмыкнул, оставив выпивку, а Джон наклонился ближе и попросил:

— Если станет опасно, я пришлю к вам Маргариту с детьми — пообещайте, что примите их и позаботитесь. Так мне было бы спокойнее за их судьбу.

Рыжая в недоумении выгнула брови:

— О чем разговор? Конечно, мы сделаем всё, как ты просишь.

— Я буду вам очень признателен, — верно говорят, что друзья познаются в трудностях, и на помощь этих двоих можно было рассчитывать в самой сложной ситуации, до которой, хотелось верить, что не дойдет.

— Не надо, Джанъян... — Кали посмотрела на него, но не смогла долго выдержать этот взгляд, — Разве мы можем отказать тебе?

Джон опустил глаза:

— Я знаю, потому и беспокоюсь. Это может быть опасно и для вас.

— Скажи, кто учил тебя всему, что ты знаешь, друг мой? — с легким тоном упрёка произнес друг, и Джон так и знал, что он скажет именно эти слова.

— Меня учил ты, Самаэль, — согласно усмехнулся смуглый, — Потому я и рискнул просить вас о помощи.

— Кстати, о девочке. Тебе придется ей объяснить — что ты скажешь? — поинтересовалась рыжеволосая, подразумевая Маргариту.

— Скажу правду, — если уже речь зашла о Маргарите, то он не боялся того, что она оттолкнет его, когда откроется истина его происхождения и его силы.

Всё время, пока Джон отсутствовал, Маргарита спала ночами плохо, не высыпалась, просыпаясь утром уже с чувством усталости. И каждый раз с таким не сдерживаемым нетерпением ожидала заветных позывных к сеансу связи по скайпу на её ноутбуке, который она теперь почти всё время держала включенным.

Девушка поставила перед собой чашку с горячим напитком и разложила ноутбук.

— Доброе утро, милый! — Маргарита отхлебнула кофе, забавно поморщившись от горячего вкуса во рту, и помахала ладошкой, когда на экране появилось лицо любимого мужчины, — Чем занимаешься? Я — пью кофе, как обычно.

— Вот, как, — Джон улыбнулся, отсалютовав в экран своей чашкой, — я тоже. А давай сделаем это нашим особым ритуалом — пить вместе кофе по скайпу? Приятного кофепития!

— Взаимно, дорогой, — рассмеявшись, Маргарита повторила за ним.

— Папочка, папочка, а ты скоро к нам вернешься? — в кухню вбежала маленькая Аделин, ещё даже не сменив свою пижаму и держа в руках зубную щетку, она расположилась на коленях девушки и тоже принялась махать ручкой в экран, — Я соскучилась по карри, что готовит папа. А то у мамы опять каша на завтрак.

— Адель, каша по утрам полезна, — заметила Маргарита.

— Мама верно говорит, — супруг согласился с ней, но подмигнув, добавил, — А я вернусь, и мы вместе приготовим что-нибудь вкусенькое, хорошо?

— Хорошо! — малышка радостно хлопнула в ладоши, — Папа, передавай привет братику Али.

— Обязательно передам, — кивнул Джон, загадочно улыбнувшись, — Я здесь почти закончил и ближайшим рейсом возвращаюсь.

От ответного радостного возгласа в его наушниках, когда девушка и девочка обнялись,

услышав эту новость, едва не заложило уши.

Когда видеозвонок закончился, Маргарита поспешила поделиться своим ликованием с матерью, чуть не сбив удивленную женщину с ног, когда та появилась на кухне:

— Мама! Мамочка, Жан возвращается! Побегу сообщить госпоже Сони.

Рейс задерживали, и Маргарита, оставив дочерей вместе с Аделькой на ночь в комнате матери Джона, расположилась на кухонном диване, читая с планшета и положив рядом с собой телефон. Так она и засиделась до поздней ночи, иногда проваливаясь в дрему. Приготовленный ужин успел уже давно остыть — хорошо, что есть микроволновка, можно будет разогреть.

Девушка вздрогнула, когда зазвонил мобильный — часы показывали половину первого ночи. Джон сообщил, что они наконец долетели, сейчас берут такси и скоро будут.

Маргарита прижала телефон к груди и, откинувшись на диване, с облегчением выдохнула.

Подъезжающее такси она увидела ещё из окна, и когда, наконец, раздался звонок в дверь, сердце радостно забило — на пороге стоял Джон с сыном на руках, а рядом стоял его чемодан для путешествий.

Маргарита заморгала часто-часто, чтобы не расплакаться от счастья.

— Мальчик уснул в машине, — мужчина приложил палец к губам, относя ребенка в спальню на второй этаж, — я отнесу его в комнату.

— С возвращением, дорогой! — когда он вернулся, девушка смогла обнять его, помогая снять верхнюю одежду, — Как ты? По скайпу у тебя был усталый вид.

У обоих был уставший вид, но тепло встречи придавало сил.

— Да, есть немного... Эти перелеты, смена климата и часовых поясов порядком утомили и меня, — он присел на диван, усаживая Маргариту рядом.

Тут же рядом затопали маленькие ножки, и маленькие детские руки обхватили его шею:

— Папа! Папочка приехал! — Аделька чмокнула его в щеку.

— Простите, что разбудил вас, — виновато улыбнулся Джон, приглаживая её золотистые локоны.

— Как же мы могли не дожждаться тебя? — следом за ребенком спустилась мать Джона, которую сын встретил почтительным низким поклоном, — Девочка тоже хотела дожждаться папу, и мы с ней тихонько, чтобы ни кого не разбудить, читали сказки.

Женщина увела ребенка спать, чтобы не утомлять сейчас сына расспросами после долгой дороги, которые решили отложить до утра.

Уже в комнате Маргарита помогала распаковывать вещи. И пока она это делала, на её половине постели появился большой бумажный пакет с ручками, заполненный пакетами поменьше.

— О! Это что, всё — подарки? — сделала огромные глаза Маргарита.

— В этом пакете — тебе. Ну, какой из них хочешь открыть первым? — Джон присел рядом, с улыбкой наблюдая за её, по-детски непосредственной, реакцией, когда она достала первую подарочную коробочку, — Прекрасный выбор. У тебя отличная интуиция — это серьги. Надеюсь, что тебе понравится.

— Они чудесны, Жан! - девушка всё вертела в руках коробочку, подпрыгивая от нетерпения, — Что же там в остальных коробках? Жемчужное кольцо! Наручные часы! Модные туфли! Кашемировый палантин! Такой теплый и мягкий... Как твои объятия, — накинув на плечи последний подарок, она повернулась к нему: такая забавная и смешная с

пакетом в одной руке, туфлями в другой, сумочкой через плечо и часами на запястье, мечтательно прикрыв глаза.

— А это — для будущих покорительниц мужских сердец, — видимо, решив окончательно добить её впечатлительную психику, он протянул ей перевязанный ленточкой пакет в пастельных тонах, в котором оказался набор из четырех пар детской обуви для девочек и маленького плюшевого медвежонка, — И ещё кое-что, в кармане твоего халата, — добавил он шепотом, наклонившись к её уху.

— Боже, какая прелесть! Это когда же ты успел? Я-то думала, ты обнимаешь меня... — Джон действительно испугался, что она задушит его в своих объятиях, — Папочка, ты лучший!

— Не называй меня так, прошу тебя, — мужчина снисходительно покачал головой, — я чувствую себя старым.

— Прости, пожалуйста, — покаянно подкатила глаза Маргарита, — больше не буду.

— Благодарю, — он прикоснулся губами к её лбу.

— Ты так заботишься о нас... — Маргарита зажмурилась от удовольствия, прижавшись к мужу всем телом, — Со дня нашего первого знакомства... Нам обоим тогда было страшно от того, что кто-нибудь прикоснется к нашим ранам... Но... мы смогли услышать произнесенное внутри наших сердец...

— Ну, что с тобой? Чего ты плачешь, глупенькая? — он поднял её лицо на себя, пока она продолжала растроганно шмыгать, — Я не хотел тебя расстроить.

— Нет-нет, ничего, я просто очень тронута, — девушка замотала головой, — И ещё... Я так... волновалась за тебя...

— Всё-всё, перестань уже, — заверил он её, как чувствовал сам, — И вся грусть моя не значит ничего. Я счастлив снова быть дома, счастлив называть это место своим домом...

— Дом, где тебе всегда будут рады, где тебя всегда будут ждать и ты никогда не будешь одинок, — добавила девушка и покраснела, принявшись неловко расстегивать пуговицы на его пиджаке, — Прости, я становлюсь такой болтливой и шумной, когда нервничаю, и утомила уже тебя своими разговорами. Лучше я помогу тебе раздеться. Давай я повешу пиджак. Горячая ванна ждет тебя.

— Составишь мне компанию? — мужские губы остановились на её шее, — Скучала без меня? Я очень скучал.

— Если честно, то девочки занимали почти всё мое время, — делилась пережитым Маргарита, пока он увлекал её в ванную комнату, — и также бассейн и вождение, куда ты записал меня. Собственно, мне некогда было скучать.

— Я рад этому, — выдохнул он уже за закрытыми дверями, и то, что происходило дальше, было похоже на накотившее сумасшествие, отвечавшее желанию двоих наверстать время воздержания и в полной мере насладиться друг другом.

И после длительных совместных водных процедур, затянувшихся по вполне определенным причинам, когда двое встречаются после длительной разлуки, сон уже не шел (Маргарита заснула, пока ждала супруга, а Джон выспался в самолете):

— Мне нужен твой совет. Как женщины, — Джон уже успел высушить свои волосы и разложил ноутбук на кровати, тогда как Маргарита ещё промокала свои полотенцем, — Что скажешь об этих эскизах?

Запахнув махровый халат, девушка прилегла рядом, глядя на изображения на мониторе:

— Да, тебя посетило самое настоящее вдохновение! Смотри, вот тут можно пустить

драпировку. И рукава здесь можно сделать покороче, — Маргарита всплеснула руками и ткнула пальчиком в один из эскизов, — Извини, я лезу не в свое дело, наверно... Твои модели прекрасны. Ты ослепительно яркая, но я буду упорно трудиться, и однажды найду себя и смогу достичь чего-то действительно значительного...

Она смущенно закусила губу, но лицо мужа оставалось абсолютно серьезным:

— Я никогда бы не хотел, чтобы ты превращалась лишь в мою тень, — произнес он.

— Тогда позволишь помочь тебе? — Маргарита присела на кровати, подогнув под себя ноги, — Могу закончить украшение лифа на свадебном платье для Мей — бисером расшивать кропотливо, а я таким образом смогу тебе время и силы сэкономить, — попросила она, и его обаяния послужили ей утвердительным ответом.

И следующие несколько дней в свободное время Маргарита занималась пришиванием бисера и страза на свадебное платье японки.

В уютном белом махровом халате, с взъерошенными влажными волосами и босыми ногами — Маргарита представляла собой такой контраст мягкости и трогательности с неприкрытой чувственностью и страстностью, что свела бы с ума любого адекватного здорового мужчину, не говоря уже о мужчине глубоко и серьезно влюбленном.

— Девушка, вы слишком сексуальны, — дыхание Джона сделалось тяжелым, и выдавало скорее волнение, нежели насмешку, — Марго... Я так скучал... Ты прошила мое сознание желанием принадлежать только одной женщине. Я считал, что во мне умерли все чувства, перегорев до тла и став горсткой бесполезного пепла, но встреча с тобой изменила меня, изменила всё — из этого пепла возродился новый я. Моя сила теперь — в любимой мною женщине.

Его умелые пальцы развязали пояс её шелкового халата, который медленно скользнул на пол, его горячие ладони легли на девичьи плечи, а не сдерживающие себя, жаждущие ласки, губы замкнули её уста поцелуем.

Маргарита закрыла глаза и позволила обжигающей лаве чувственности и сладости утопить себя. Тело выгнулось навстречу первобытному инстинкту.

Их пальцы переплелись. Лишь на миг девушка позволила себе приоткрыть глаза, встретив взгляд его потемневших глаз, каждый раз подчинявших себе её волю, и каждый раз она по доброй воле повиновалась ему и своему собственному желанию ощутить его силу, его страсть, его нежность.

— Не бойся, прижмись ко мне крепче, — прошептал он, откинувшись на кроваво-алых простынях, — Позволь согреть тебя и унять все страхи, забрать всю боль.

И она прижалась, согревшись жаром его тела, пока его тепло не стало обжигать, плавясь в его руках. Разум отключился.

Только голые инстинкты сплетающихся обнаженных страстных существей.

И внутри расцветал пылающий алый цветок на грани боли и наслаждения. У этого огня были его глаза и его губы...

Маргарита открыла глаза и едва не задохнулась приглушенным стоном, закрыв рот ладонью, чтобы не выдать себя.

В отблеске лунного света на темной коже спины стоящего у окна мужчины искрился золотом татуированный дракон в грациозном полете, расправив могучие крылья на его сильных плечах.

И тут Маргарита со всей пугающей ясностью осознала, каким образом сбылось данное им пророчество.

Словно кожей почувствовав её испуганный взгляд, он повернулся к ней. Его бледный профиль в серебристом свете луны.

— Жан? — и лицо его было, как у нашкодившего школьника, которого застали на месте шалости строгие преподаватели, что было так не свойственно ему.

Маргарита поднялась, откинув теплое покрывало, и подошла к нему, обведя рукой контуры его тату, едва прикасаясь самыми подушечками пальцев.

— Я теперь стал Аватаром и могу достойно противостоять хоть Лауре, хоть кому бы то ни было, — мужчина обнял её и поднял глаза к звездам в ночном небе, что виднелись сквозь полупрозрачные занавески на окнах.

— Но... ты понимаешь, что это означает? — Маргарита подняла голову, чтобы видеть его лицо.

Он провел рукой по её волосам, прошептал:

— Я даю тебе слово, что тебе нечего бояться ни меня, ни моей силы.

— Но... наш сын... он не справится... Сила подчинит его, — девушка замотала головой из стороны в сторону, крепче обхватив его плечи.

— Говорю тебе, что сделаю всё, чтобы не допустить подобного, — мягко успокаивал он Маргариту.

"Пускай я маленькая и хрупкая — я не дам погасить свет внутри себя, и не позволю тьме забрать у меня то, что дорого." — тогда твердо решила для себя девушка.

Утром Джон раздавал остальные подарки, больше всех которым обрадовались дети.

— А что в этом пакетике? — Аделька каждую новую коробочку сопровождала восторженным вздохом, — Бусики! Платье! Конфетки! Шоколад, ракушки и ленточки — заплетать косички моим поняшкам.

Когда же она кинулась ему на шею со словами "Папочка, ты — лучший!", мужчина посмотрел на Маргариту и от души рассмеялся.

Но, больше, чем подаркам, девочка радовалась приезду папы и братика Алишера.

В тот день Джон практически не ощущал боли в кругу близких людей...

Пока остальные занимались обычными житейскими хлопотами, Джон улучил момент, чтобы выйти покурить на заднем дворе. Но даже тут его ожидал непредвиденный поворот. Сигарета дрожала в его нервно трясущихся руках. Внутри всё клокотало. Подкатывала тошнота. Мужчина слабо надеялся, что покурив, сможет успокоиться и прогнать беспокойные мысли. Тяжело, с хрипом, выдохнув, он в изумлении не мог оторваться от зрелища, когда его сигарета зажглась безо всякой зажигалки — от одного его дыхания. Да что же это с ним творится такое? Он устало посмотрел на сигарету в своих руках. Одно время он — горячий, как пылающий огонь, а в другое — замерзший, как лед и снег. Однако, стоит попытаться видеть хорошее даже в этой ситуации — таким образом он быстрее бросит курить.

— Джанъян, с тобой что-то происходит. В чем дело? Ты плохо выглядишь, — за его спиной послышался тихий шорох одежд, бесшумно сработал механизм раздвижных дверей, и следом за ним во двор вышла обеспокоенная Сони, — Я же — мать, я чувствую, что с тобой не всё в порядке. И как долго ещё ты собираешься скрывать от нас это?

— Матушка, уверяю, что я не... — он поспешно затушил сигарету, отбросив её в урну для мусора, теплая рука женщины легла на его плечо, вселяя уверенность в себе и в завтрашнем дне.

— Меня тебе не обмануть. Я не могу видеть тебя в таком состоянии, — она крепче

сжала его ладонь, которая была неестественно горячей, — Ты знаешь, что нечто подобное происходило и с твоим отцом. Та же самая сила подорвала здоровье и, в конце концов, погубила его. Я не переживу, если она заберет ещё и тебя, — только можно себе представить душевное состояние женщины, которая уже потеряла одного дорогого мужчину, а теперь так же может лишиться и сына.

Ослабевшие пальцы разжались, и женщина безвольно опустила голову на грудь сына.

Джон прикрыл глаза, потом с трудом разомкнув влажные ресницы.

— Почему же отец молчал? — тихо спросил он, её боль разрывала сердце и ему, — Почему ничего не сказал?

Ответ, с одной стороны, поверг его в некоторый ступор, с другой же стороны, мало удивил, так как Джон очень хорошо знал своего отца и был слишком на него похож.

— Он хотел предоставить своим детям право самим выбирать свою судьбу.

Мог ли князь предвидеть, каким будет выбор его сына, когда пытался образумить его горячую голову, считал ли он, что любовь к Маргарите приведет его к гибели, верил ли в судьбу, фатум или в собственные силы? Такое множество вопросов занимало сейчас разум Джона, и так мало было на них ответов... Но всё же отец принял и благословил их союз. Вот и мать говорит, что он не переставал верить в своих детей. Значит, и сам Джон прав, что не согласен слепо следовать судьбе — он сам будет писать книгу своей жизни, полную возможностей для настоящего и будущего. Сам станет Мастером над своей судьбой.

— Видите, он всегда верил в нас, — мужчина слабо улыбнулся матери, — Почему бы вам не последовать его примеру, матушка?

Взяв женщину под руку, они вместе вернулись в дом.

Джинна уже выпустили из бутылки, и его не загнать обратно. Как нельзя вернуться обратно к развилке, ступив уже на однажды избранный путь. Он сделал свой выбор, и ему теперь жить с этим выбором и этой силой.

— Простите меня, матушка, — только и осмелился прошептать он матери.

А в голове женщины всё звучал один и тот же мучительный вопрос: "Что же ты наделал, сын?"

Джон посмотрел на мать и опустил голову — ни кто не должен был видеть, как он поморщился от нового приступа боли. Она никогда не признается, сколько раз плакала, разделяя со своими детьми их горе, их страхи и печали и их радости. При повышенной загруженности отца, именно мать воспитывала их с сестрой и большую часть жизни была рядом, раз и навсегда заняв особое почетное место в мыслях и в сердце. Ещё он подумал вот что: сколько силы духа и мужества в этой женщине, что стоит сейчас рядом с ним, если он хоть на десятую долю характера пошел в своих отца и мать, то ему достанет сил выдержать все испытания, что выпадут на его долю.

В доме царил оживление, и стоило им вернуться в гостинную, как колени мужчины сразу обхватили маленькие детские руки.

— Папочка, что-то случилось? Ты такой бледный, — с серьезным видом Аделина подняла на него свое личико, — Ну, ничего, мы с Док МакСтаффин (Доктор Плюшева — в русском переводе) сейчас во всем разберемся, только возьму свой волшебный стетоскоп. Когда вырасту, я хочу стать врачом, как дядя Джек.

Не успел Джон удивленно моргнуть, как девочка вернулась с мягконабивной смуглокожей куклой, героиней серии мультипликационных фильмов для детей — в белом медицинском халате и с милым розовым стетоскопом из фетра на шее — и самым

настоящим аналогичным прибором, подаренным ей доктором, чтобы она могла слушать биение сердец дорогих людей: мамы, папы, бабушки, брата, и даже кота — Милорда.

— Вот теперь мы готовы! — малышка уверенно хлопнула в ладошки, усадив приемного отца на диван и вручив ему в руки куклу, — Ваш доктор уже здесь — пришло время осмотра! Послушаем сердце и сразу поставим диагноз.

— Вся надежда на тебя, мой очаровательный доктор, — мужчина кивнул и приготовился, устраиваясь поудобнее, когда она, как заправский врач, расстегнула маленькими пальчиками ворот его рубашки и приложила стетоскоп к его груди.

— Всё ясно, уважаемый пациент, — с важным видом заключила она, завершив процедуру, — У вас — острая недостаточность дочкиных поцелуев! Но, не стоит волноваться — я спасу вас! — и детские губы прикоснулись к его щеке, по которой покатила слеза.

— Благодарю, дорогой мой доктор, мне уже гораздо лучше, — с облегчением улыбнулся мужчина.

— Вот, как хорошо! — девочка довольно подмигнула, водрузив ему на шею свой бесценный прибор, — Доверяю мой стетоскоп и мою ассистентку Плюшеву, а я принесу показать ещё одну мою подружку, такую красивую и мягенькую, что не хочется её отпускать даже во сне, и её как раз можно брать с собой в кроватку. У неё есть специальное полотенце — если умыть куклу теплой водой, она закрывает глазки и засыпает, а утром я умываю её прохладной водой — глазки открываются, она просыпается и идет чистить зубки своей зубной щеткой и причесывает свои красивые волосы своей симпатичной расческой. А ещё — она так похожа на меня, у неё такие же голубые глаза и светлые волосы.

— Ну, молодое дарование во всем разобралась, но я врач старой закалки, — доктор потрепал кудри пробежавшей мимо девочки и с серьезным видом присел рядом с Джоном, — и потому рекомендовал бы прийти и сдать кровь, так — на всякий случай. Я хочу убедиться, что твоей жизни ничего не угрожает.

Джон так и застыл с приоткрытым ртом, не заметив, что рука его легла на закипевший электрочайник. Он так бы и оставался в неведении, не почувствовав боли или даже жжения, и опомнился только когда Джек сам убрал его обожженную руку, уже покрывшуюся безобразными волдырями.

Однако Джона беспокоили сейчас совершенно иные мысли — неужели он так не увидит, как эта девочка вырастет в блестящую молодую женщину, а его сын станет достойным мужчиной? Вот, значит, какова цена его силы? Всё это слишком грустно... Ну, нет! Он ещё сыграет с судьбой по своим правилам.

Раны пришлось обработать, и Маргарита испуганно охнула, когда увидела перебинтованную кисть его левой руки.

Последующие дни проходили шумно и деятельно. Марго и Дэни помогали Джону, высказывая свой женский взгляд на его коллекцию. Были долгие беседы по скайпу и обсуждения предстоящих показов и бракосочетания Марка и Мей. Свободного времени почти не оставалось, и Маргарита была очень благодарна своей матери и госпоже Сони за то, что они взяли на себя все заботы по хозяйству. Доктор всё больше пропадал в клинике — его новая должность требовала ещё больше сил и внимания с его стороны. Джон занимался деловыми встречами и заключением договоров на поставку текстиля и фурнитуры. Как наследница фамильной текстильной империи, Мей предложила ему пообщаться с господином Йошида и посетить фабрику во время визита в Японию, и Джон с

благодарностью принял её предложение. Питер с удовольствием приступил к своей работе в парижском зоопарке, и теперь они с Евангелиной подыскивали себе съемное жилье. А в будущем брат златовласой планировал открыть собственную ветеринарную клинику. Этьен и Дениэлл продолжали трудиться в сфере разработки компьютерных операционных систем и графического дизайна. Переехала из дома и Эллен — теперь они с Максимилианом снимают квартиру в соседнем районе. Танака-сан даже позволил Максусу остаться, взяв с собой в Японию только Винтера, чтобы другой его помощник мог спокойно наладить быт на новом месте и больше времени проводить с беременной девушкой.

Маргарита же вместе с подругами старалась выполнять задания заочного курса, занималась детьми и своими домашними питомцами, а по вечерам в гостиной она продолжала расшивать праздничный наряд для Мей, наблюдая, как Алишер с Розалиндой играют в компьютерные игры, а малышка Аделин забавляется со своими куклами и большим неуклюжим серым котом (и не верилось, что через год девочка уже пойдет в школу).

Совсем скоро им предстояло путешествие в Японию. Так далеко Маргарита ещё не бывала. Да, она знала, что эта страна — родина Джека, Мей и Ондзи. Кое-что из веяний культуры этой уникальной азиатской страны достигло и Европы. Маргарита, к примеру, знала, что в Японии едят много риса, рыбы и овощей, чтут старших, соблюдают традиции, но могут исповедовать сразу несколько религий. Знала, что японцы очень много учатся и работают, книгам предпочитают комиксы и анимационные фильмы, стараются быть в курсе модных тенденций и любят забавные милые вещицы, поют караоке и редко покидают свою страну потому, что боятся окружающего большого мира. Но одно дело — читать об этом в газетах и журналах или искать информацию в интернете, и совсем другое — увидеть всё своими глазами.

А парни всё больше шушукались и совещались о чем-то о своем, изредка привлекая к своим разговорам Даниэллу. Это потом Маргарита узнает, в чем дело — уже на неофициальной части празднования свадьбы Марка и маленькой японки. Пока же она чувствовала себя в такие моменты неуютно, желая всегда быть в курсе событий, как маленький ребенок, которому всё и всегда интересно и любопытно. Маргарита страсть как не любила, когда секреты были от неё — неизвестность заставляла её нервничать.

И вот наконец настал тот самый день, когда с широко раскрытыми глазами Маргарита восхищенно и взволнованно наблюдала в окно иллюминатора, как внизу под облаками начинают вырисовываться очертания японского архипелага.

Япония — страна с особым колоритом, удивительной культурой и уникальными традициями, передаваемыми из поколения в поколение. Рядовому европейцу довольно сложно понять образ жизни, уклад и особенности культуры, которыми так богата эта удивительная страна Восходящего Солнца. Это страна для истинных ценителей утонченной экзотики. Про Японию можно говорить бесконечно — отдельного внимания заслуживает её культура, традиции и обычаи, обязательно стоит посвятить свое время знакомству с культурными и историческими достопримечательностями, а также непревзойденный интерес вызывает японское искусство, которое сквозит буквально во всем — в каждом, вполне обыденном, жизненном элементе. Страна Восходящего солнца достаточно длительное время была изолирована от окружающего мира и влияния соседних государств. Именно это и наложило отпечаток на формирование японской культуры и самобытности. Свойственная только японцам учтивость и доброжелательность, уникальные храмы и особенности литературы, невероятно колоритные традиции и особенные в своем роде

обычай — эта страна по праву считается источником древнейшей мудрости и знаний, куда ежегодно стекается огромное количество туристов с разных уголков земного шара. В этой стране всё пронизано философией. Выращивание ли растений и величественных садов, создание ли шедевров музыки и традиционных нарядов, обстановка личного пространства и даже чайная церемония — практически все вокруг имеет особый смысл, который так сложно уловить жителям урбанизированной Европы. Япония — это то государство, которое сумело шагнуть в ногу со временем, но при этом не растеряло своей духовности и философских взглядов на существование. Культура Японии — это уникальный феномен, разгадать который не просто, и многие посвящают этому целую жизнь.

Если спросить у первого встречного, что он знает о Японии, большинство людей ответит, что это страна сакуры, гейш и кимоно. Но, оказывается, в Стране восходящего солнца есть ещё много интересного и неизведанного.

В аэропорту их встречала самая настоящая делегация — Мей, Марк и Ондзи вместе с своим венгерским ассистентом, автомобили трансфера обеспечил Йошида-сан.

По дороге Мей рассказала ещё много всего интересного о своей удивительной стране: о патологическом трудоголизме и работе до восемнадцати часов в сутки, об особой щепетильности японцев в трудовых вопросах (при отпуске более четырех дней, японец уже будет чувствовать себя дискомфортно по отношению к продолжающим работать коллегам), что со времен, когда первые светофоры состояли из жёлтого, красного и синего сигналов, разрешающий движение зелёный сигнал по привычке так и называют "синим"; самым оскорбительным ругательством считается аналог нашего "дурак" (для деликатных и чувствительных японцев это уже весомо), а степень недовольства выражается громкостью голоса и интонацией; что в Японии не бывает гололёда (во всех городах северных регионов страны тротуары подогреваются, поэтому лёд и снег сразу тают), проявлением взаимного уважения и вежливости считается умение прятать страдание за улыбкой, не обременяя окружающих своими проблемами; что японцы — необычайно честные (если вы, к примеру, потеряли кошелек в метро, 90 % вероятности, что его сдадут в бюро находок, во время землетрясений никогда не бывает мародерства, также во время дождя на улицах можно увидеть вазы с зонтиками, которые может взять любой, а когда дождь закончится — опустить в ближайшую аналогичную вазу); японцы очень стеснительные, не привыкшие выражать свои чувства — для многих настоящий подвиг сказать: "Я тебя люблю", а треть свадеб в стране — результат организованных родителями и родственниками сватовства и смотрин; при возрасте сексуального согласия тринадцать лет (когда с обозначенного возраста добровольный секс не считается изнасилованием) — Токио считается самым безопасным мегаполисом мира, где шестилетние дети могут самостоятельно пользоваться общественным транспортом, и при всей существующей строгости нравов, среди старшеклассниц распространена торговля своим телом; что учебный год начинается первого апреля, а у месяцев нет названий, вместо этого они обозначаются порядковыми номерами; что результатом специфической системы воспитания, при которой детей сперва учат рисовать и петь, а уже потом — говорить и писать, каждый второй японец отлично рисует и неплохо поет; в связи с острым дефицитом личного жизненного пространства, оно ревностно оберегаемо японцами, и приглашение "заходите как-нибудь" в большинстве случаев стоит воспринимать исключительно как вежливый оборот речи.

Это и ещё много чего любопытного можно было почерпнуть из объяснений маленькой азиатки, пока за окнами проносились яркие кварталы.

Колоритные, насыщенные, кричащие цвета и фасоны, вызывающей окраски волосы, броские прически, смешение стилей и направлений, обилие аксессуаров — всё, чтобы громко заявить о себе и оставить незабываемое впечатление надолго. Такими они увидели многочисленную японскую молодежь, выделяющуюся на фоне однотонной серо-темной массы тысячи офисных работников. Тут же на улицах встречались и классические силуэты традиционных кимоно более сдержанных расцветок или наоборот — более интенсивных и красочных, с живописными изображениями диковинных птиц и цветов, абстрактных узоров.

Маргарита чувствовала себя как ребенок в дорогом магазине игрушек — всё вокруг было таким выдающимся, таким праздничным, словно на карнавале или большом ярмарочном представлении. Излишняя церемонность взрослых и излишняя живость молодых только усиливали данное впечатление.

— О! Какие ткани, какие фактуры, какие краски, какой стиль, — Джон хмыкнул и одобрительно кивнул, — Это определенно может вдохновить.

— А, то! — довольно хохотнула азиатка, прикрывая рот ладонью, — Причем, если ты увидишь даже у школьницы сумочку или туфли известной марки, то учти, что это будет, скорее всего, оригинал, а не подделка.

Джон понимающе улыбнулся, и от его улыбки стало светлее и теплее вокруг.

— Как вам Япония? — с озорным блеском в глазах поинтересовалась маленькая японка, преисполненная гордости за свою страну.

— Она... она такая... потрясающая, — затаив дыхание, восхищенно произнесла Маргарита.

— Предлагаю сходить в торговый центр пообедать и заодно познакомиться с модными веяниями в моей стране, ещё обязательно нужно сходить посмотреть район Харадзюку, — с видом знатока порекомендовала Мей, — Джону, я думаю, будет интересно посмотреть на моду токийской молодежи и бутики прославленных брендов. Только здесь, в Японии, можно увидеть и классические кимоно, и разнообразие школьных форм старшеклассников и последние новинки с мировых подиумов.

Перед глазами мелькала всеми гранями пестрая и многоликая столица волшебной и удивительной страны.

— Ну, как — понравился японский стиль? — хитро пощурилась Мей под насмешливым взглядом Ондзи и восторженными взорами остальных.

— Спасибо, это было очень познавательно, — поощряющее улыбнулся смуглый мужчина.

— А теперь нам стоит прибавить скорость, если хотим успеть к церемонии, — положив голову на плечо Марка, девушка бодро добавила, — Сейчас мы отправимся в большой торговый центр, чтобы пообедать и подобрать вам одежду для торжественного случая. Джон, тебе будет интересно посмотреть теперь, какие модные тенденции присутствуют в современных бутиках Токио для людей разного возраста и различных по статусу и своему социальному положению.

Автомобили остановились у просто-таки огромного торгового центра, ошеломлявшего своими размерами и количеством посетителей.

Мей взяла жениха под руку и открыла дверь в первый бутик, приглашая сопровождающих следовать за ней:

— Так сложилось, что первым на нашем пути будет вот этот магазин для косплея и карнавальных костюмов.

Маргарита вертела головой по сторонам, растерявшись от обилия цвета и вариантов кроя, пока не остановилась у стенда со школьной формой:

— Жан, ты только взгляни — настоящая матроска! — она дернула Джона за рукав, сняв с вешалки одну из моделей темно-синего цвета с белым воротником в синюю полосу, и приложила к себе, — Я так хочу померить.

Пока одна черноволосая девушка крутилась возле зеркала, вторая подошла к ней с набором косметики и гребнем для волос:

— О! А я тогда сделаю тебе макияж, чтобы ты больше походила на азиатку, — легкими, уверенными движениями, Мей выделила с помощью черного карандаша наружные уголки глаз, а белым осветлила внутренние, подкорректировала форму бровей и, разделив на пробор длинные темные волосы Маргариты, заплела их в две косы, закрепленные алыми лентами под цвет галстука, игриво выглядывавшего из-под воротника матроски.

— Посмотри-посмотри, Мей, я похожа на японскую школьницу? — Маргарита продолжала вращаться перед зеркалом, радостно приплясывая и строя смешные рожицы.

— Ух-ты! Кто бы мог подумать, — растянула улыбку азиатка, ужасно довольная собой, — Тебе очень даже идет, почти не отличить от настоящей японки.

— Здорово как! — Маргарита вернулась в примерочную, чтобы переодеться и попросить запаковать покупку, — Я покупаю её.

— А я всегда хотела костюм сейлор-воительницы, — Мей приняла красивую позу супергероя, — И так, чтобы с фирменной распальцовкой "Именем Марса, я заставлю тебя пожалеть о своих злодеяниях!"

Из соседней примерочной появилась златовласая в струящемся белом платье с золотистой вышивкой по лифу:

— Как я вам? — Дэни слегка наклонила голову и присела в реверансе.

— Это же... — взволнованно переводя дыхание, прошептала Мей, — Ты просто воплощенная принцесса Серенити...наследная принцесса Лунного королевства.

На эти слова обернулся Ондзи, примерявший черный смокинг — и застыл, онемев.

Как же он старался избегать этих пронзительных глаз, но вот они снова и снова преследуют его.

Но тут набежала толпа шумных школьниц, желающих сфотографировать эту блестящую пару, олицетворявшую ожившее воплощение их любимой легенды.

"Принцесса Серенити! Принц Эндимион!" — неслось со всех сторон, и смущали слепящие вспышки камер.

— Так, а теперь нас ждет магазин детской одежды, — Мей деловито растолкала возбужденную толпу, пробивая друзьям путь через кассы к выходу, — Ребята, вы готовы?

Девочки Розалинда и Аделина были особенно в восторге от этой идеи.

Старшая из девочек сразу же бросилась к туфлям — она обожала туфли, это была её страсть.

Малышка Аделина выбрала нежно-розовое платье с длинной пышной многослойной юбкой, белые лаковые туфельки с золотистыми пряжками и тиару принцессы из последней детской коллекции "Церемония", что как нельзя кстати подходило к цели их визита — приобрести наряды для торжественного вечера:

— Папочка, Марк, смотрите — я хожу, как настоящая модель, — со знанием дела продефилировала она от примерочной до них и обратно — и так несколько раз подряд.

— Скажи, Марк, это ты её научил? — усмехнувшись, спросил Джон.

Юноша даже не скрывал гордой улыбки, беря ребенка за руку:

— Ты не доволен? — выразительно посмотрев, поинтересовался молодой человек.

Джон отрицательно замотал головой:

— Нет, это здорово, у неё отлично получается.

— А как же профессия врача? Ты же хотела стать доктором, — мужчина присел перед девочкой на корточки и взял в свои ладони её руку.

— Доктором?...Что же мне делать?... — Адель увлеченно почесала затылок, потом весело цокнула языком, — А я знаю, что буду делать — буду представлять модную медицинскую одежду!

— Ну, что, готовь новую коллекцию, — от души рассмеялся Марк.

— Знаете, что, а это идея, — согласился с ним Джон, — пожалуй, стоит подумать над этим.

— Пап, ну как тебе? — из примерочной появился Алишер, мальчик так активно включился в процесс и приятно удивил не только отца, но и всех остальных, осведомленностью в модных тенденциях и врожденным чувством стиля, — Только бабочку мне помоги мне завязать, пожалуйста, — на нем была серая рубашка с винтажным принтом и в тон ей бархатный пиджак, украшенный маленькими деревянными часами и маленькой вышитой короной на нагрудном кармане.

Если вы считаете, что мальчишки любят только джинсы и кроссовки, то этот мальчик сломал все стереотипы, превратившись из ребенка в элегантного джентльмена.

Ему так понравилось мерить одежду, что на этом образе он не остановился.

Рози выбрала платье цвета морской волны с облакоподобной пышной юбкой в пол и коротким болеро глубокого бирюзового оттенка.

— Нельзя лишать ребенка индивидуальности, — вещала с важным видом маленькая японка, — Я в свое время предпочитала достаточно мрачный стиль: насыщенные темные цвета и соответствующие принты и аксессуары, включая темный цвет теней для глаз, губной помады и лака для ногтей. Всё это выглядело просто убийственно, но помогало мне заявить о себе, привлечь к себе внимание, показать свою индивидуальность. Выделяться из основной массы — это нормальное желание, только не задевая чувства и свободу других людей. Каждый человек настолько уникален. Будь собой, будь уникальным. И это так здорово, что у нас есть столько способов самореализации. Красивый человек должен быть красивым не только внешне, с ним должно быть интересно и комфортно находиться рядом. Наши таланты делают нас особенными и неповторимыми, люди сами будут тянуться и жаждать общения. Я была отличницей, лучшей ученицей в школе, но именно в то время я искала себя. После смерти родителей, я осталась без опоры и поддержки. Отчасти этим обусловлена моя тяга к таким ярким и сильным цветам — желание заявить о себе, обратить на себя внимание. И мне это всё безумно нравилось. И сейчас я понимаю, что мне повезло, что в моей жизни был такой период. Я многому научилась в познании самой себя. Мне все говорили "Одумайся, ты же отличница!", а я говорила "Да, я отличница, что не мешает мне быть такой, как я хочу. Какие ко мне могут быть претензии? Я хорошо себя веду в стенах школы, уважаю своих товарищей и преподавателей. Что я не такая как все? А я и есть особенная. Каждый из нас — индивидуальность, пусть и ребенок". И когда приходила комиссия в школу, и им объясняли, что вот — наша лучшая ученица, это обескураживало и приводило в растерянность. При том, что меня предупреждали заранее, не могу ли я привести себя в более надлежащий вид. Учительский совет неоднократно жаловались господину Йошида, мотивируя тем, что я — не

такая, как все. Он принес свои извинения за мое неподобающее поведение. Пожилой человек, с огромным жизненным опытом склонился перед ними в унижительном поклоне — в тот момент я готова была сгореть со стыда. Потом, наедине, он сказал мне, чтобы я никогда не изменяла самой себе и подстраивалась под стереотипы большинства, что у меня сильный характер и яркая индивидуальность, что несомненно поможет мне в жизни.

И нельзя было не согласиться с такими зрелыми для такого молодого возраста её суждениями.

Гулять по торговому центру и совершать покупки было очень интересно и весело, постоянно притягивая взоры посетителей из местного населения, то и дело просивших разрешения сфотографироваться, но настал момент, когда мужчины вынуждены были покинуть компанию и заняться некоторыми другими делами. Танака-сан, к примеру, любезно согласился отвезти их в лучший из своих клубов, заодно проверить, как идут приготовления к вечеру. А за Джоном прислал машину господин Йошида, чтобы показать их гордость — текстильную фабрику и обговорить условия планируемого сотрудничества.

Подруги ещё успели посетить несколько магазинов и пообедать в кафе, прежде чем отправились немного отдохнуть перед вечером.

Мей в свадебном платье жемчужного оттенка была удивительно хороша и свежа, и даже её излишне худая фигура выглядела не болезненно, а изящно и утонченно, словно парящей в невесомом облаке из тюля и тафты.

Когда подавали фату, японка отметила исколотые пальцы Маргариты — догадаться, кто расшивал её платье, для проницательной девушки не составило большого труда, и она тихо поблагодарила её за труды.

— Хорош, ну, хорош, чертяка, — на мужской половине Ондзи одобрительно хмыкнул, разглядывая идеально отглаженный серый костюм Марка, и остальные были с ним солидарны в этом мнении.

— Хватит уже, перестань, — юноша рассмеялся, — А ты сам думаешь когда-нибудь жениться?

— Я? — удивленно переспросил азиат и глубоко вздохнул, отводя взгляд, — Видимо, никогда.

— Я думал так же, знаешь, — тихо произнес Марк, — Я бы не твоим месте не зарекался. "Никогда не говори никогда" — слышал такую поговорку?

На это азиат ничего не ответил, но внутри разлилось приятное тепло, и в сердце снова робко заговорила надежда — пока ещё совсем тихо, как только что говорил Марк, но он уже слышал её зов.

Повидав уже не одну свадьбу, трудно себе было представить более степенное и величественное торжество, особенно официальную его часть в традиционном синтоистском храме, на которую были приглашены только самые близкие. Марк облачился в черный халат с фамильным гербом клана Сакурада — ради возлюбленной он согласился принять родовое имя её семьи, правда, с условием, что старший сын будет носить его фамилию. Мей была в белом кимоно и белой шапочке, символизировавших чистоту намерений и начало новой семьи. Это было красочное, запоминающееся, почти театральное действие.

Где ещё они могли узнать, что каждое блюдо на праздничном банкете — это пожелание молодым счастья и процветания? Например, моллюски подаются с обеими раковинами, показывая, что из двух половинок получается единое целое, или омар — частый гость на японской свадьбе из-за своего красного цвета, приносящего удачу.

И вот, на банкет Мей приделалась в воздушное платье, созданное стараниями Джона и Маргариты, изюминкой которого была отстегивающаяся юбка, без которой оно превращалось в короткое клубное платье по фигуре, не мешающее свободно двигаться в танце.

Свет прожекторов поочередно выхватывал из темноты зала каждого из участников, вызвавшихся подарить молодоженам свои музыкальные композиции, впервые официально выступавших на одной сцене. И это стало сюрпризом не только для новобрачных, но и для их гостей.

Маргарита смотрела на любимого супруга и не могла оторваться, как с той же легкостью, теми же пальцами, что так умело дарили ей свою ласку ночами, он мастерски перебирал струны гитары, рождая будоражащую мелодию, которую можно было слушать вечно. А глаза его горели страстью — страстью к музыке, страстью к жизни, страстью к женщине. Под расстегнутой рубашкой из черного шелка с серебристой вышивкой заметны напряженные мышцы груди, взволнованно вздымавшейся от его тяжелого дыхания. И сердце продолжало яростно колотиться о грудную клетку. По его полуприкрытым глазам было видно, что сейчас мужчина где-то во власти своих грез.

Напряжение достигло пика, и зал затаив дыхание, встречал Ондзи, появление которого сопровождали бурные овации молодых японцев, среди которых он был необычайно популярен. Особенно — среди старшеклассниц, многие из которых в глубине души лелеяли надежду, что смогут привлечь внимание этого импозантного мужчины, пока его сердце, по официальным данным, оставалось свободным для романтических отношений. И пока же, никому ещё не посчастливилось занять это вожаделенное место. Его удивительная энергетика буквально взорвала зал. И они так искренне, как только могли их молодые сердца, восхищались им.

Пять пар глаз распахнулись одновременно и выжидающе замерли, разглядывая публику, пока ди-джей настраивал аппаратуру. Темные глаза Джона, фиалковые глаза азиата, глаза цвета темной травы Питера, ярко-изумрудные глаза Этьена и серые глаза Марка, последним присоединившегося к выступающим. Он, верно, волновался ещё более Джона.

Когда же зазвучали первые ноты вступления, юноша сильно нервничал и в первом куплете голос его дрожал, но найдя в зале сияющие глаза Мей, волнение его покинуло, и звучание стало сильнее и чище. Они позволили звукам мелодии и обожанию зрителей утопить себя в накативших эмоциях. Эти благословенные минуты позволили Джону забыть о пекущих внутренностях и связанной с этим боли — он доиграет это выступление во что бы то ни стало, и состояние его не будет помехой. Об остальном он подумает потом — о том, к примеру, что действия привычных доз обезболивающих уже было недостаточно, чтобы унять острые приступы боли... но сейчас он не замечал этого, среди множества сидящих ища те единственные карие глаза, что всегда придавали ему сил, когда это было так необходимо, как теперь.

Долгой музыкой дождя
День над нами проплывает.
И возвратить его нельзя,
Он смолкнет и растает
Долгой музыкой дождя
Свой привычный круг друзей
С теплой грустью вспоминаю.

В водовороте шумных дней
Все больше я теряю
Свой привычный круг друзей.
Время, словно карусель,
Закружить легко нас может,
И блеском призрачных огней
Покой и сон тревожит
Время, словно карусель.
Сколько в сердце свежих ран
От измен и сожалений,
Но никому я не отдам
Надежду — путь к спасенью.
Никому я не отдам.
О Боже, дай мне сил,
Что задумано успеть,
Ни о чем не сожалеть.
О Боже, дай мне сил
И терпенье одолжи
Против зависти и лжи.
"SMASH" — "Молитва"

Сердца пятерых были преисполнены своих, только им присущих, надежд. И пять голосов переплетались в стройное сочетание звуков и мелодии: сильный, завораживающий голос Ондзи, мягкий бархатный голос Джона, звенящие молодые голоса Питера, Этьена и Марка. И тут прожекторы осветили ещё одного участника, и чистое звучание мужских голосов разбавил голос женский, а Маргарита с удивлением отметила, что место рядом с ней, где сидела белокурая Даниэлла, оказалось свободным. И парни не прогадали, рассудив что девичий голос — это именно, что им было нужно.

— Дэни, Жан, Марк, ребята... — Маргарита сидела и не могла остановить слез: это был настоящий голос Марка, не специально посаженный для роли в мюзикле, и он пробирал до мурашек искренностью и надрывным исполнением, казалось, что тебя накрывает теплой могучей волной, и это было более, чем прекрасно.

А ей хотелось рыдать, настолько проникновенно звучала композиция. И она подходила Марку, как ни кому другому. Уж ему-то известна цена настоящего горя, настоящего упорства и настоящего счастья. И перед глазами пронеслись картины всего, что они пережили в последние годы. А теперь минимум на год они с Мей остаются в Японии. Так эгоистично, но Маргарите не хотелось с ними расставаться — минус два близких человека, с которыми она могла поделиться той частью их двойной жизни, о которой знали только они, вместе сражавшиеся за лучшее будущее Земли. Маргарита почувствовала, что кто-то крепко сжал её руку — она повернула голову, и взгляд упал на сидящую рядом маленькую японку. Мей сидела, замерев с широко раскрытыми глазами, и только блестящие на её щеках дорожки слез в лучах свето-музыки, выдавали, до какой степени она была растрогана.

— Послушай, Мей, а ты веришь в судьбу? В то, что где-то уже предначертано всё, что нас ожидает в жизни? — девушка ответно сжала ладонь азиатки.

— Я верю, — тихо ответила та, — А ты что ревешь?

— Кто ревет? — недоуменно переспросила девушка.

— Ты ревешь, — настаивала японка.

— Я не реву, — неуверенно возразила Маргарита.

— Не ври, ревешь, просто признай это, — Мей шмыгнула носом и потребовала подать ей салфетку, — Соринка в глаз попала, — неуклюже пробормотала она.

Когда Марк поднял голову, свет прожектора высветил его лицо, и Маргарита увидела, как на его ресницах заблестела слеза.

И тут же, после концерта их окружили репортеры, чтобы в утренних газетах завтра появились эксклюзивные интервью.

— Яркой звездой на модном небосклоне зажглось имя молодого талантливого дизайнера Джаньяна Кхана. Человек действительно талантливый, талантлив во всем, и сегодня он в очередной раз восхитил своих поклонников своим музыкальным даром, — первым ответить на вопросы выпало Джону.

— Вы, пожалуй, преувеличиваете мои заслуги, — улыбнулся мужчина.

— Скажите, господин Кхан, вы считаете музыку также своим призванием? Не задумывались ли вы о музыкальной карьере?

— Я затрудняюсь пока дать ответ, — в задумчивости протянул он, — Сомневаюсь, что смогу удачно совмещать эти два направления. В какой-то степени, и работа модельера является творчеством в не меньшей степени, чем композитора. Наша одежда — не просто отрезки материи, покрывающие наши тела. Одежда должна защищать от неблагоприятных условий внешней среды, не вызывать раздражений, не быть токсичной, быть удобной и не стеснять движения, должна подчеркивать индивидуальность и скрывать возможные недостатки фигуры, и просто — радовать собственный глаз и окружающих, создавать хорошее настроение и придавать уверенности в своей привлекательности и в своих силах. Поэтому, я со всей ответственностью подхожу к созданию своих коллекций — от разработки эскизов до подбора ткани и фурнитуры. Музыка же для меня — это что-то намного более личное, как принято говорить — для души. А делиться сокровенным со всеми желающими, выставляя свою душу на всеобщее обозрение — извините, я к такому не готов пока.

— Но вы не исключаете такой возможности?

— Не исключаю, но на данном этапе это, всё же, больше — подарок друзьям в честь бракосочетания.

— На пороге своего тридцатилетия, можете ли вы сказать, что многое переосмыслили в своей жизни?

— Слишком многое, наверно, — Джон усмехнулся, и в уголках его глаз залегли тонкие лучики морщин.

— Сейчас вы во втором браке, какие у вас отношения с бывшей супругой?

— Мы остались хорошими друзьями, она для меня как мудрая старшая сестра, добрый друг и советчик.

— Вы так тепло о ней отзываетесь, в чем же тогда причина разрыва ваших отношений?

— Это был ранний брак для меня. Тогда я не совсем ясно представлял себе, что семья — это труд, очень большой труд. Ей нужен был мужчина, а не мальчишка, которым я был тогда.

— У вас самого первый брак был в достаточно молодом возрасте, как вы отнеслись к желанию ваших друзей создать семью?

— Можете просто поверить мне на слово, что Марк и Мей — достаточно сильные и целостные личности, чтобы самостоятельно принимать решения. Они прошли достаточно

сложностей, чтобы быть вместе, и они намного мудрее и сильнее, чем кажется в виду их молодости.

— Сейчас вы старше и мудрее, и счастливы во втором браке, растите теперь ещё и двух дочерей. Что для вас второй брак, роли в котором поменялись, и теперь вы — не ведомый, а ведущий?

— Это сложно выразить словами, люди не придумали ещё определения тому, что больше, чем любовь, когда даже дышишь с любимым человеком в едином ритме, и только глаза любимого человека заменяют весь мир.

— Скажите, это правда, что вы готовите совместную коллекцию со своим братом?

— Да, это так. У нас отлично получается чувствовать друг друга, и к моим моделям идеально подойдут созданные им украшения и аксессуары. И сейчас мне так отрадно, что не только формальные братья, сыновья одного отца, но и близкие по духу друзья.

— Благодаря известности ваших моделей и успеху сегодняшнего концерта, вы приобрели огромную популярность в Японии. А на вас произвела впечатление эта страна?

— За меня лучше скажут об этом мои работы и моя новая коллекция, вдохновленная японским стилем и колоритом.

— Благодарим за увлекательное интервью и с нетерпением будем ожидать выхода вашей новой коллекции.

Следующим атаке журналистов пришлось выдерживать азиатку:

— Господин Танака, насколько вы в хороших отношениях с виновниками сегодняшнего торжества, что отписали им "Белую орхидею", лучший хост-клуб в Гинзе?

— Я узнал их достаточно. Они молоды и полны сил, они смогут поднять клуб на новые высоты. А у меня остается ещё три — будет здоровая конкуренция, которая не позволит занизить планку. Если честно, то мне будет весьма любопытно за этим понаблюдать. Мне с моими людьми придется усерднее потрудиться, чтобы не проиграть своей лучшей ученице.

— Вы настроены весьма оптимистично, что не удивительно. Ваше участие в концерте сделало вас невероятно популярным у молодежи Токио, а благодаря телевизионному репортажу с церемонии бракосочетания — и во всей Японии.

— Я всегда стараюсь быть оптимистом, иначе в этом мире не выжить. А еще — упорство и трудолюбие, и тогда любая цель станет достижимой. Пока вы мечтаете — другие добиваются.

— И это был рецепт от Танака-сана, а мы уже видим нашу главную пару сегодняшнего вечера и спешим пообщаться с ними.

И разве могли папарацци упустить возможность побеседовать с женихом — популярным моделью, иностранцем с приметной экзотической для Азии внешности:

— Господин Витриченко, для всех нас сегодня стало приятной неожиданностью ваше выступление в составе группы. Планируете ли вы попробовать себя в музыкальной карьере?

— Что, вот так прямо сразу? Я как-то не думал ещё об этом... — растерянно улыбнулся юноша.

— С вашими вокальными данными, вашей приметной внешностью и внушительным послужным списком в качестве модели, вам не составит труда снискать популярность и на родине вашей супруги.

— Да, это так, я получил уже несколько приглашений сняться для японских журналов, но от роли в сериале пока вынужден был отказаться из-за слишком напряженного графика.

— Вместе с супругой вы унаследовали акции крупного текстильного концерна,

планируете ли вы заняться этим бизнесом?

— Ну, ближайшие лет пять, пока я буду совершенствовать свои знания в сфере компьютерных технологий и экономики, я не намерен уходить из модельного бизнеса. К тому времени, когда я стану стар для модели, я поднакоплю знаний и опыта и смогу достойно вести дела фирмы. Я на это надеюсь.

— В любом случае, вы уже произвели неизгладимое впечатление на аудиторию и стали очень популярны. Вы так молоды, скажите, что послужило причиной столь скорого брака? Ходят слухи, что в связи с беременностью супруги вы приняли приглашение японских издательств, и не покинете Японии согласно годовому контракту.

— Без комментариев, — Марк предупреждающе выставил ладонь, — Но я правда подписал контракт и следующий год проведу на съемках для азиатских изданий.

Дав первые в своей жизни интервью, друзья готовы были в обратный путь, и на улице уже ждали такси в аэропорт.

— Удачи, парень, — приветливо улыбнулся Джон, вызвав ответную смущенную улыбку.

— И тебе, дружище, — две руки соединились в рукопожатии: сильная загорелая рука Джона и рука Марка, с тонкими изящными бледными пальцами. Сияющий холодный ледяной север и жаркий горячий пламенный юг. Ветер и пламя...

Мужчина обнял на прощание Марка, легко похлопав его по плечу.

— Счастья тебе, Марк, — Маргарита на ослеп обняла юношу, она продолжала плакать.

— Благодарю, — парень пригладил её темные волосы, со всей нежностью коснувшись поцелуем её макушки, и девушку снова окружил такой знакомый аромат спелых трав и цветов, — Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

— Я не знаю, как сказать "прощай", — замотала девушка головой, сглатывая подступающие слезы.

— Не говори, — тихо ответил парень, — Скажи "до новой встречи".

— И мы встретимся, обязательно ещё встретимся, — скороговоркой залепетала Маргарита.

— Помни — тебе достаточно только подумать... — Марк наклонился к самому её уху, — только шепни, и мы услышим...

— Я такая ужасная и эгоистичная женщина... — Маргарита наконец отпустила его руку, — Я прекрасно понимаю, что Мей в её состоянии лучше оставаться здесь, под опекой Йошида-сана, а ты, как настоящий мужчина и любящий супруг, должен быть рядом с ней. Но мое сердце не желает отпускать. У вас своя жизнь и своя семья, я не имею права привязывать вас к себе. Но...я буду очень сильно скучать за вами...

Джон обнял Мей, всем своим видом старавшуюся держаться достойно, давая последнее наставления:

— Береги себя и малыша, Мей, — добавив, шутя, — и не позволяй поклонникам растащить Марка на сувениры.

— Уж я прослежу, будь спокоен, — широко усмехнулась она, — Скажи лучше, как тебе понравилась наша фабрика?

— О! Это было впечатляюще, — искренне подтвердил мужчина, — Йошида — сан и я пришли к соглашению и подписали бумаги на поставку шелка.

— Вот и славно, теперь я могу быть спокойна, — Мей удовлетворенно кивнула.

— В такой-то день, ты ещё и за это волнуешься? — удивленно хмыкнул Джон.

— А как я могу не переживать? — девушка подняла на него лицо, полное решимости и

уверенности, — Это наследие моих детей, которое я, по мере возможности, должна приумножить.

— Ты — уникальная девушка, Мей, — Джон погладил её по голове, не скрывая своего восхищения её силой и её духом, — Уверен, что твои дети унаследуют не только богатую промышленную империю, но и сильный и упорный характер матери.

— Мей, я так рада, что мы смогли подружиться и многому научиться друг у друга, — сквозь слезы улыбнулась Маргарита.

— Ну, хватит уже сырость тут разводить, — обнимая девушку, японка подала свой платок, чтобы та вытерла заплаканные глаза, — Перестань уже плакать, в самом деле.

И когда за поворотом исчезли очертания клуба и силуэты провожающих, у Маргариты началась вторая волна истерики.

— Ну-ну, чего ты? — Джон крепче обнял девушку.

— Всё это так тяжело, — устало выдохнула она, — Мы столько вместе пережили, а теперь нас раскидало по всему миру.

— Они же не на другом конце света, — Маргарита кивнула, и Джону показалось, что удалось убедить супругу, — Ты стал настолько популярен, но я не готова делить тебя со всем миром.

На что он мягко заметил:

— Моя работа занимает много моего времени, это так, но в остальное время я принадлежу только своей семье.

— Я вижу, что тебе нравится это, — немного повеселев, Маргарита силилась улыбнуться, — Ты живешь тем, что делаешь. И это замечательно. Это значит, что ты нашел себя. Ты увидел мир, а мир увидел тебя, и это делает тебя счастливым, что делает счастливой и меня.

Как ко мне посватался ветер,
Бился в окна, в резные ставни.
Поднималась я на рассвете, мама,
Нареченною ветру стала.
Отпусти меня в поле, мама,
Зелены витражи в часовне,
Чтоб с востока в душистых травах
Мой жених пришел невесомый.
Мой жених под луною зеленою
Сердце возьмет в ладони,
Бубенцы рассыплются звоном
В семи широких подолах.
Где же ветер мой? Пусто в поле.
Или предал меня мой милый?
Для чего мне краса и воля?
Он крылат, только я бескрыла!
Для чего такому жена -
Он играет шелковой плетью;
Где-то всадник, привстав в стременах,
Летит в погоне за смертью.
Ой, да на что, на что сдалась я ему,

Словно нож, он остер и резок;
Вышивают небесную тьму
Пальцы тонких ветреных лезвий.
Ну, а с ветром кто будет спорить,
Решится ветру перечить?
Вышивай жасмин и левкой,
С женихом ожидая встречи.
Группа "Мельница" — "Ветер"

Молодые остались одни, предвкушая томную, полную нежности ночь. Ночь, которая будет принадлежать только им двоим. Ночь, в которой все шорохи и вздохи, и сброшенная наспех одежда — как сброшенные рыцарские латы, когда нет страха остаться уязвимым в том сладком поединке, в котором не бывает проигравшего.

12. Париж — город грехов

— Наши уже, верно, сели в самолет... — Марк повернулся к лежащей рядом девушке, чье тело в серебристом свете луны казалось призрачным и невесомым, продолжая любоваться её искусной татуировкой на спине, так походившей на вышивку разноцветной шелковой нитью на молочно-белом полотне её кожи, — А скоро уедут и мой отец вместе с Сашей, когда завершится ремонт картинной галереи, и он сможет приступить к отделочным работам.

Мей улыбнулась и накрыла его руку своей ладонью:

— Господин Витриченко — талантливый художник, и я желаю процветания его галерее. А будет у него свободное время, я бы посоветовала посетить Японию и почерпать вдохновение у наших мастеров живописи и каллиграфии.

— Я обязательно скажу ему, — согласно кивнул юноша.

— Марк, только посмотри, как красиво! — заметив за окном яркие сполохи салюта, азиатка, накинув халат, подскочила с постели и побежала раскрыть шторы, чтобы лучше рассмотреть это сказочное зрелище, — Не правда ли, фейерверки похожи на распускающиеся цветы?

— Это всё в твою честь — они чествуют новую Императрицу Гинзы, — улыбнулся парень, подойдя и вставая рядом с ней.

Девушка ответила полным достоинства взглядом:

— Представляешь себе, какое преображение — от Черной Королевы к Белой Орхиде. В каждом из нас есть понемногу всего, черный с белым перемешаны в наших душах — главное, чтобы рядом был кто-то, кто поддержит тебя и будет уважать твой выбор, не оставит, даже если ты ошибешься.

— Ты во дворце росла, а кто же я — обычный парень, — тихо заметил Марк.

— Нет, это невозможно, — маленькая японка сердито покачала головой и не сильно ущипнула его, — Обещай, что не станешь забивать свою голову такой чушью. Такой парень, как ты, мог бы составить счастье любой принцессы. Однако же, так повезло именно мне, — уверенно заключила она.

Марк серьезно посмотрел в темные глаза собеседницы:

— Мы из таких несхожих миров. Знаешь, я ведь не привык жить по меркам богатых... А что, если тебе станет стыдно за меня?

— Стыдно? — азиатка натурально возмутилась, нахмутив брови, и встряхнула молодого человека за плечи, — Иди сюда. Мы же созданы для того, чтобы быть вместе, кто бы что ни говорил. Мы с таким трудом смогли найти друг друга. Нам суждено быть рядом, я это знаю — в своем сердце.

— Обещаю сделать всё, что в моих силах, чтобы ты получила то самое лучшее, чего заслуживаешь, — ответил он шепотом, опустив голову ей на плечо, — Я желаю тебе только счастья.

— Но я уже счастлива, — прошептала в ответ Мей, — с тобой и нашим ребенком, а больше мне ничего не надо. И только попробуй мне бросить нас!

— Даже и не думал, — закрыв глаза, юноша приник губами к её коже, вдыхая запах её волос и впитывая этот аромат, обводя пальцем витиеватые контуры лепестков цветов сакуры её изысканной татуировки.

А на утро сотни изданий пестрили заголовками о сенсационном бракосочетании, и большинство из них, вопреки ожиданиям, были настроены отнюдь не слишком дружелюбно. Не все искренне поздравляли молодоженов и желали им долгих лет семейного счастья. Одни писали, что красивый мальчик решил добавить себе популярности и эпатажа. Другие — что богатая наследница купила себе очередную игрушку, что избалованная принцесса решила исполнить свою блажь и выделиться, поступив наперекор всем устоям, проявив неслыханное пренебрежение к традициям. И стало так грустно и так жаль, что в наше время люди почти разучились верить в чистоту людских помыслов и просто радоваться счастью ближнего.

С началом наступившего трудового дня молодые спустились в общий холл клуба, чтобы поближе познакомиться со своими подчиненными.

— Не бывало ещё такого, чтобы господа выходили замуж за своих слуг, не нашего племени и не нашей веры, — надменно вздернула подбородок одна из местных девушек, судя по всему, считавшаяся здесь прямой и пользовавшаяся особым привилегированным положением.

Мей резко остановилась и развернулась к ней, плотно сжав губы и напряженно сузив глаза:

— Я правильно расслышала? — рука её уже сама готова была подняться, чтобы опуститься сбивающей спесь пощечиной, но азиатка взяла себя в руки, — Он — не мой слуга, а мой супруг, человек, который мне исключительно дорог. Проявляя неуважение к нему, тем самым вы оскорбляете меня. А я не потерплю подобного в своем заведении. Если не хотите потерять работу, настоятельно прошу воздержаться от подобного рода замечаний. Я вполне ясно выражаюсь? Кто считает так же, как и она, может собирать вещи сразу же.

Мей обвела взглядом присутствующих, и все шепотки разом стихли.

— Руководство хост-клубом "Белая орхидея" переходит в мои руки, — обращаясь к собравшимся, она крепче сжимала ладонь Марка, — но я заверяю вас в своей лояльности. Поэтому давайте вместе работать для общего результата, который бы удовлетворил всех. Прошу сейчас вас приступить к своим обязанностям и желаю всем удачного дня. Хорошо нам потрудиться.

— Благодарим, госпожа Сакурада! — старшая из женщин с почтением поклонилась молодой хозяйке, и её примеру последовали охранники, официанты, бармены и остальные хостесс, — Поздравляем с назначением и желаем проявить себя на этой должности.

Тем временем, маленькая Маргарита изучала переведенный томик купленных японских комиксов, с интересом перелистывая страницы, изучая иллюстрации:

— В этих графических новеллах рассказывается о сокрытом в чайнатауне магазине домашних питомцев, который содержит таинственный граф Ди. Никто не знает, сколько ему лет — является ли он потомком рода основателей магазинчика или же и есть сам основатель. Первая история о прекрасных сладкоголосых птицах стрелициях — древних и очень редких, с чарующими слух голосами. Но услышать волшебное пение этих дивных созданий можно только после полуночи, и петь они будут только для тех, кто им действительно понравился. Звуки их голоса завораживали змей, и в древности императоры устраивали дворцовые состязания между стрелициями и змеями: если змея чувствовала фальшивые ноты, то магия не действовала на неё. Змея вцеплялась зубами в горло несчастному сопернику. Потомство оставляли только лучшие — те, кто смог выжить. Для своего хозяина это удивительное создание будет петь до последнего своего вздоха, даже когда горло будет исходить кровью. Но почти никому не известно, что этому виду присуц

каннибализм — самец должен стать кормом для своего потомства.

— Это что такое ты читаешь? — заинтересованно выслушав объяснения девушки, Джон с любопытством покосился на книгу, протянутую ему Маргаритой, — Можно посмотреть?

— девушка утвердительно кивнула и улыбнулась.

— Так-так... глава вторая — отчаяние... Десять лет назад Робин Хендрикс стал знаменитым благодаря роли принца, который пожертвовал жизнью ради мира на родной планете. Красивое лицо, золотистые локоны, блестящие прекрасные глаза... Кого-то он мне напоминает... — переворачивая страницы, мужчина усмехнулся своим мыслям, продолжив чтение, — и благородное самопожертвование сделали из него звезду. Но с тех пор его преследовал призрак собственной роли, давя над судьбой актера. Всю любовь своего одинокого сердца он посвятил любимице Медузе — ящерице-альбиносу. Медузами называли в древности обольстительных волшебниц. Их использовали как смертельное оружие. Они привлекали врага своей красотой, а затем снимали с глаз повязку, и горе тем, кто рисковал словить её взгляд — их тело превращалось в камень. Основными пунктами контракта было: никому не показывать питомца, кормить всегда свежими фруктами и ни при каких обстоятельствах не смотреть ей в глаза. Его жизнь и его карьера стремительно шли под откос, и вот уже горе-артист не в состоянии содержать свои роскошные апартаменты и вынужден распрощаться со своей любимицей, для которой он был всем в этом мире. Она — это всё, что у него оставалось. А на утро обнаружили труп Робина Хендрикса и рядом с ним — мертвую белую ящерицу. Кто-то говорил, что он погиб от взгляда своей любимицы, а она в свою очередь, первое, что увидела, открыв свои глаза, это тело того, кого боготворила, и кто был убит её силой. Тогда она решилась на невозможное — посмотреть в глаза самой себе. Рядом с телами нашли разбитое старое зеркало. Теперь звезда прекрасного принца будет сиять вечно в памяти поклонников.

Оторвавшись от чтения, он с тревогой посмотрел на молодую жену:

— Жуть какая, ты не находишь? Хоть и не лишённая определенного смысла и определенной морали. И это читает современная молодежь? — покачал головой Джон, — Красиво и драматично, тут не поспоришь, но так печально.

Тут проснулась малышка Аделька, заснувшая ещё в зале ожидания, и начала хныкать и звать Марка. Со сна девочка немного растерялась, где она находится. Успокаивая её, Джон взял ребенка на руки, пообещав сшить ей наряд египетской принцессы.

Домой путешественники добрались изрядно уставшие, и с письмом, содержащим результаты анализов крови Джаньяна, доктор ознакомился только через день, и остался очень озадачен и взволнован.

Спускаясь по лестнице, Маргарита услышала доносившиеся из кухни голоса, и замерла на месте, затаив дыхание.

— Ты знаешь, что с тобой происходит? — лицо доктора было суровым и встревоженным, — Твой метаболизм аномально ускоряется, твои клетки быстро изнашиваются и стареют.

— Выходит, у меня осталось мало времени, — Джон вовремя прислонился к холодильнику, ноги его вдруг сделались слабыми, а внутри всё похолодело.

— Мало времени для чего? — казалось, ещё немного, и Джек вытряс бы из него всю душу вместе с признанием, — Что ты сделал? Какого черта ты натворил, я тебя спрашиваю? Умрешь и оставишь жену и малолетних детей? — карие глаза доктора бешено сверкали, но потом он устало присел на диван, — Господи, как же я устал от всего этого...

Маргарита несколько раз глубоко вдохнула и решительно вошла на кухню:

— Жан... это правда? — чуть слышно спросила она, и мужчина опустил глаза, не в силах посмотреть ей в лицо, бледное и мокрое от слез.

Девушка тяжело опустилась на кухонный табурет, с трудом налив себе в стакан минеральной воды и сделав пару болезненных глотков.

— Значит, правда... — выдохнула она.

Маргарита долго смотрела на стакан в своей руке, потом метнула его в холодильник, зайдясь истерическими рыданиями, что мужчины вздрогнули и не на шутку перепугались.

А Маргарита всё не прекращала плакать и разбивала об пол одну тарелку за другой, пока обессиленная не опустилась на холодный кафель:

— За что ты так со мной? Жан! За что ты так с нами? За что...

Её продолжало трясти, когда Джон попытался поднять девушку с пола:

— Ну-ну, Марго, успокойся. Выпей ещё воды — размеренные глотательные движения успокаивают.

Девушка резко выхватила чашку из его рук:

— Жан, как я скажу твоей матери? — с упреком произнесла она, всхлипнув и крепче вцепившись пальцами в чашку, — На твоей родине, в Индии, существовал обряд саги — добровольного самосожжения индийских вдов на погребальном костре усопшего супруга, а Джайпур был последним, где запретили подобные ритуалы. И самое страшное, что я, кажется, понимаю этих женщин — потерять любимого человека и продолжать жить с этой болью, когда мир вокруг становится пустым и бессмысленным — слишком тяжело для слабой женщины...

— Маргарита, ты не знаешь, о чем толкуешь! — она ощутила себя в кольце его рук, он весь колотился от страха за любимую, а своими объятиями, в которых она задохнулась, казалось, стремился растворить в себе свою женщину, чтобы защитить её, — Я не хочу больше слышать от тебя таких слов. Пообещай мне, пообещай сейчас же никогда так больше не говорить! Обещаешь?

— Обещаю... — растерянно пролепетала девушка, глядя, какими пугающими стали его глаза.

Знакомство с персоналом хост-клуба было завершено, и милая девушка-официант проводила Мей и Марка в один из залов, где уже был накрыт стол, то и дело бросая восхищенные взгляды на пару:

— Стол к завтраку накрыт, прошу проследовать за мной, госпожа, — улыбнулась она, открывая перед ними двери столовой, обставленной в утонченном и сдержанном классическом стиле.

— Вот это да! — Марк осмотрелся по сторонам, отмечая вкус и изысканность обстановки, мебель, ткань и посуду тонкой и богатой работы, — Такую сервировку я видел только на званных вечерах и благотворительных собраниях.

— Тогда ты должен знать, чем вилка для салата отличается от вилки для рыбы, — присев на соседнее с Марком место, шепнула на ухо юноше азиатка, расправляя свою салфетку.

— Лучше я промолчу, с какого раза мне удалось это всё запомнить. А ты, я смотрю, чувствуешь себя в своей стихии, — сдержанно улыбнулся парень под её торжествующим взглядом.

Аккуратно промокнув губы салфеткой, маленькая японка заметила:

— Меня этому учили с детства, как и каллиграфии, танцам, истории и боевым искусствам.

— О, да, в танцах тебе равных нет, — легким кивком головы Марк выразил своё согласие с её словами.

— Поневоле выучишь тут, когда изо дня в день тебя заставляют отрабатывать удары на занятиях кендо или танцевальные движения, — девушка наклонилась к нему, поведав по секрету на ухо, — Знаешь, как это: джентльмен нежно кладет одну руку на талию дамы, другая его рука поддерживает изящную ладонь леди, у дамы голова слегка наклонена в сторону, веки полуопущены, а рука её трепетно лежит на плече мужчины, — она замерла в гротескной пародирующей позе с наигранной улыбкой на лице.

Марк негромко хлопнул в ладоши:

— О! Да ты профи, как я посмотрю. Как-нибудь позанимаешься со мной?

— Ну, если ты просишь, то я с удовольствием, — кокетливо сощурилась собеседница.

— И на занятиях по кендо я смогу присутствовать? — с волнением уточнил молодой человек, попав под власть игривого взгляда её темных глаз.

Мей подмигнула, пододвигая ближе к нему блюдо с салатом:

— Думаю, что тренер не будет против.

— Господа хотят, чтобы подали десерт? — поинтересовался шеф-повар, на удивление оказавшийся суховатым поджарым мужчиной средних лет в безупречной чистоты белоснежной униформе с, тем не менее, довольно приветливой улыбкой на гладко выбритом лице, — Если молодой господин пожелает поделиться со мной рецептами тех блюд, которые ему ближе, то я с радостью приготовлю их для вас.

— Буду вам очень признателен, — парень благодарно улыбнулся.

— А ты им нравишься, Марк, — задорно хихикнула японка.

Марк смущенно покраснел и спросил:

— Это ведь хорошо, не так ли?

— Это просто замечательно! — согласно кивнула она.

После завтрака молодожены проследовали в кабинет, обставленный высококачественной мебелью из дорогих пород дерева, где внимательно выслушали отчет управляющего и менеджеров о состоянии дел.

— Теперь я готова заслушать ваши суждения, господа, — девушка расправила складки своей юбки, присаживаясь в удобное мягкое кресло, изучая предложенную бухгалтерскую документацию, — Я пока не имею столь богатого опыта, как у вас, и потому я буду прислушиваться к вашим советам, и ваше мнение будет весомым для меня, если не будет противоречить моим жизненным принципам. Пока я не смогу самостоятельно управлять этим бизнесом, я буду учиться у вас и впитывать ваши познания и ваш опыт в этой сфере.

Пробежав глазами по строчкам с цифрами, она сложила бумаги аккуратной стопкой и приготовилась вникать в дополнительные устные пояснения:

— Госпожа, положение дел таково, что всё больше наших посетителей стали посещать заведение господина Кимура. Если распространенные слухи правдивы, то он использует нечестные методы, чтобы привлечь клиентуру в свой клуб. Говорят, что его клиентам подают чай с некоторым психотропным средством, потом ненавязчиво вызывают их на откровенный разговор. Полученную информацию используют для шантажа, чтобы попавшиеся на крючок люди посещали исключительно только этот клуб, вынуждая также делать самые дорогие заказы в баре, а там есть вина по несколько тысяч долларов за

бутылку. Если так будет продолжаться и дальше, то мы потеряем всех ключевых клиентов, но дело даже не в этом, а в репутации всей индустрии хост-клубов.

Мей выслушала внимательно, но выражение её лица с каждым словом становилось всё мрачнее.

— Но такие методы строго запрещены, — наконец не выдержала она, — Если конфиденциальная информация наших клиентов, которую мы обязаны охранять, попадет в распоряжение бесстыдного человека, то это может иметь страшные последствия. Среди наших посетителей ученые, политики, дипломаты и бизнесмены, и сложно себе представить, что может случиться, не говоря уже о том, что наше имя и наш престиж, всё, ради чего все мы упорно работаем — будет погублено. Я не могу допустить подобное в моем городе!

— Что же мы можем поделать, госпожа?

— Мы должны побеседовать с господином Кимура и убедить его остановиться, — девушка поднялась со своего места и сосредоточенно глядя себе под ноги, принялась нервно расхаживать из одного угла комнаты в другой, — Он не понимает, что играет с огнем, решившись шантажировать людей такого уровня. Но прежде чем собственные необдуманные поступки уничтожат его, уничтожены будем и мы, и репутация всех подобных клубов столицы, — Марк с замиранием сердца следил за её действиями, — Могу я попросить вас вызвать такси?

От волнения накатила тошнота, а употребленный завтрак попросился наружу, и Мей обессиленно опустилась в кресло, уже жалея о том, что успела поесть. Врачи настаивали на том, чтобы она тщательнее следила за своим питанием, а Марк взялся следить и постоянно напоминать ей об этом. Беспокойство и тревога последних нескольких лет сделало её излишне нервной, и еда — это последнее, о чем она думала в эти годы. Поначалу это даже радовало её — иные подруги специально изводили себя различными диетами, тогда как Мей удавалось быть изящной и стройной без особых усилий, и выглядеть значительно моложе своих лет. Азиатка даже гордилась, что смотрелась так, что все завистники готовы были удавиться, и она всегда была в центре мужского внимания. Однако, теперь её приоритеты сместились, а её болезненная худоба могла сыграть плохую шутку — и с ней, и со здоровьем её будущего ребенка. Врачи забили тревогу, и в первую очередь — Хадзама-сенсей, который и поделился своими опасениями с её лечащим врачом в Японии. И вот теперь девушка вынуждена просчитывать свой рацион, восполняя недостаток витаминов и минеральных веществ — благо, хоть аллергией она не страдает и может совершенно свободно вносить разнообразие в свое меню без ущерба для здоровья. Но это совсем не означает, что она должна есть всё подряд и больших количествах, "подобно пасущейся на лугу корове", как выражается сама Мей. И какое облегчение, что избранник маленькой японки с пониманием относится к этим незначительным особенностям её состояния.

Марк настороженно покачал головой — только дополнительного волнения Мей сейчас и не хватало. Он даже порывался было возразить ей, но встретившись с её решительным и категоричным взглядом, он прикусил язык и только молча подошел и крепче сжал её руку в таком простом, но таком поддерживающем жесте. За что заслужил её нескрываемую благодарность.

По дороге к апартаментам нарушителя спокойствия, таинственного господина Кимура, оба напряженно молчали. Серьезный настрой девушки ощущался даже в напряженно сведенных пальцах, участившемся сердцебиении, упрямо сжатых губах и узких щелочках глаз, и Марк не рискнул ей противоречить сейчас.

Подобное чувство, видимо, распространилось и на охрану Кимура-сана, которые с молчаливым поклоном расступались, давая дорогу девушке и сопровождавшим её людям, в числе которых присутствовал также Марк, выглядевший по-настоящему стильно и очень круто в модном деловом костюме и темных очках.

— Прошу прощения, но не могли бы вы оставить нас, — в кабинете, обставленном в стиле лаконичного минимализма, их встретил сам хозяин за карточной партией со своими деловыми партнерами. На удивление, Кимура-сан оказался довольно-таки молод и внешне привлекателен, на вид ему нельзя было дать больше тридцати лет (хотя, кто их, японцев, разберет, его биологический возраст вполне мог быть старше лет на десять — Марку уж точно это было не под силу), в несколько расслабленном образе без пиджака и галстука, несколько верхних пуговиц его рубашки были небрежно расстегнуты, его темно-каштановые волосы были длиной до плеч, что для человека его круга было достаточно смело, если не вызывающе.

— Дамы и господа, прошу прощения, но я вынужден прервать столь приятный вечер и попросить оставить нас, — мужчина шутливо поклонился, едва не пролив шампанское из бокала, что держал в своей руке, не сводя заинтересованного взгляда с девушки, — Прошу меня извинить, но, похоже у леди ко мне конфиденциальное дело.

И Марку это совсем не понравилось.

— Госпожа Сакурада, чем обязан визиту? — когда его гости покинули кабинет, мужчина жестом предложил девушке присесть, подойдя к широкому окну, из которого открывался восхитительный вид на ночной город, пленявший своей красотой даже скептически настроенного Марка, заставивший его улыбнуться и невольно сравнить Токийскую телебашню в ярких вечерних огнях с уже известным ему знаменитым символом Парижа, — Слышал, что теперь клуб "Белая орхидея" передан на ваше попечение.

— Давайте отставим формальности, — Мей уже начинала впадать в нервозность от этой затянувшейся игры, — Я пришла для серьезного разговора. Создавшаяся ситуация вызывает мое беспокойство и вынуждает решительно обратиться к вам с просьбой обдумать свои действия. Люди, с которыми вы затеяли свои бесчестные игры, могут запросто вас уничтожить, вместе с этим будет брошена тень не только на хост-клубы Гинзы, но и всего Токио.

— Госпожа считает меня настолько беспечным и недалеким? — высказавшись, она наблюдала за выражением лица собеседника, на которого, похоже, её речь не произвела должного впечатления, — Я постарался подстраховаться. У меня, знаете ли, тоже есть связи и влиятельные знакомые, — на сделанное ею внушение, Кимура-сан ответил лишь снисходительной улыбкой.

— Меня больше волнуют мои подчиненные, которые по вашей милости могут лишиться работы, если люди перестанут доверять нам, — Мей нахмурила брови.

— Тем не менее, храбрая госпожа пришла со своим телохранителем. Можете отпустить его, вам нечего бояться, — мужчина, слегка пошатываясь, обошел вокруг стола, скосив взгляд на сероглазого юношу рядом с ней.

— Ваши сведения устарели, господин Кимура, — гордо заявила азиатка, обернувшись в сторону стоящего позади неё Марка, — Разрешите представить вам моего супруга.

Японец сел в кресло во главе стола, разложив перед собой утреннюю почту и взяв в руки один из номеров местной прессы:

— Ах, да, я что-то такое слышал, кажется об это писали в утренних газетах, — отложив

периодику, мужчина энергично пожал парню руку и подал бокал шампанского, — Рад познакомиться с вами, молодой человек. Не желаете выпить? Госпоже в её деликатном положении я бы не советовал, — даже слегка нетрезвый, он оставался достаточно наблюдательным, чтобы оценить состояние Мей даже в свободном пиджаке на размер больше.

— Благодарю, но я не употребляю, — вежливо отказался Марк.

— Не составите нам компанию в карты? — японец снова вернулся к своему креслу и расположился, закинув ногу за ногу, принявшись перетасовывать карточную колоду после сыгранной партии, — Давайте договоримся так: если вы выигрываете, то я возвращаю всю собранную информацию, и можете делать с ней всё, что вам заблагорассудится, — кажется, его привела в восторг эта пришедшая в голову идея.

Мей вся напряглась и задала вопрос:

— А в случае проигрыша?

— Вы закрываете свой клуб — всё просто, — мужчина хлопнул себя ладонью по колену и громко расхохотался.

— Это неприемлемо! — рассерженно бросила азиатка и резко поднялась со своего места.

— Тогда, боюсь, что не смогу ни чем больше помочь, — Кимура покачал головой, изображая притворное сожаление.

— Подождите... Я готов, — неожиданно отозвался Марк, и оба азиата озадаченно посмотрели на него.

— Марк? — испуганно прошептала маленькая японка.

— Я знаю, что делаю, не беспокойся, — тихо ответил юноша и присел по другую сторону.

— Что же, отлично, христианин, — Кимура растянул довольную улыбку и протянул колоду, чтобы Марк взял себе карты, — Начнем?

Мей затаив дыхание следила за их игрой, пока наконец дело не подошло к завершению.

— Прошу ваши карты, господин Кимура, — спокойно произнес Марк, раскладывая веером свои.

— Быть этого не может... — моментально протрезвев, мужчина всё не мог поверить своим глазам, — Похоже, ты выиграл, христианин, и мне придется сдержать свое слово.

— Флешку, будьте добры, — не меняя интонации своего голоса, юноша протянул свою тонкую бледную руку, — Разрешите, я посмотрю ноутбук.

Японец презрительно фыркнул, уступая ему свое место за столом:

— Думаете, я решил обмануть вас?

— Тогда, что же это такое? Или вы просто забыли стереть оригинальный файл с жесткого диска? — длинные тонкие пальцы быстро перебирали клавиши в поисках скрытой информации.

Всё время мужчина ошеломленно наблюдал за ним:

— Ты и в электронике разбираешься? Я удивлен.

На что парень отмахнулся:

— Я ещё много чем способен удивить.

— Я — тоже, — Кимура попытался достать из ящика стола пистолет, но Марк вовремя перехватил его руку.

— Э, нет-нет-нет, — погрозил пальцем юноша, — я бы не советовал вам этого делать.

Позвольте, я возьму оружие, пока никто не пострадал.

Если бы Марку дали больше времени на размышления, то страх, возможно, одержал бы верх, но сейчас этому некогда было уделять достаточно внимания.

Теперь это и его город тоже, и если кто-то пытается сделать себе имя, занимаясь шантажом, то его следовало остановить.

И тогда решение пришло само собой: сделав знак девушке пригнуться, он подкинул флешку одной рукой и зафиксировав воздушный поток, выстрелил из оружия в своей второй руке, пробив аккуратное отверстие, уничтожив данный носитель информации.

Ещё какое-то время Марк будет носить эту реликвию на цепочке на шее в память об этом невероятном и опасном приключении по восстановлению справедливости.

Свой пистолет японец получил только когда парень выкинул его из окна отъезжающего автомобиля.

Что же, достаточно могущественного врага парень себе успел нажить, но бояться — это не в характере Марка. Национальность и социальный статус не имели значения, имели значение — честь и сила духа.

А на утро молодые были разбужены ароматом такого количества цветов, которого они в своей жизни ещё не имели удовольствия видеть вместе в одном помещении.

Весь общий зал первого этажа был заставлен гигантскими букетами:

— Марк, что это? — Мей шустро сбежала по ступенькам и кинулась разглядывать букеты, попутно вдыхая нежные запахи цветов.

— В первый раз вижу столько, — юноша удивленно развел руками, — И тут так много благодарственных открыток — жаль, что эти фамилии ни о чем мне не говорят.

— Дай посмотреть, — азиатка попросила у него одну из карточек, — Они все благодарят нас. Мы сделали важное дело для города — спасли репутацию не только хост-клубов, но и горожан. Марк, нам удалось завоевать их расположение.

— Я очень рад, если это так, — юноша улыбнулся, и эта его улыбка вышла действительно искренней и просто чарующей.

За месяцы, проведенные в Японии, Марк сильно изменится, и при следующей их встрече, когда парень вернется в Париж на сессию, Маргарита с трудом узнает его. Это будет уже не тот худощавый мальчишка с выражением вечного презрения к окружающим на бледном исхудавшем лице, каким он предстал в первую их встречу в одном из модных магазинов Парижа — занятия кендо и танцами закалили дух и помогли добавить мускулатуры на его, словно высеченном из драгоценного мрамора, теле, уроки этикета и каллиграфии помогли смягчить манеры и речь, а сияющий блеск его серых глаз стал сильнее и ярче.

— Ма-аркеш, ты сейчас здесь или где? — Мей помахала ладонью перед лицом юноши.

Парень тут же встрепенулся:

— Ах, да, прости, здесь я, здесь, — виновато-подкупающе улыбнулся он.

— Всё так удачно сложилось благодаря тебе, — девушка хлопнула молодого человека по плечу.

— Ты находишь? — скромно поинтересовался её спутник.

— Ты всё ещё безрассуден, но духовные практики помогут тебе направить эту энергию в более мирное русло, — задумчиво произнесла азиатка, — Например, мы так и не решили, где повесить картину, которую подарил нам на свадьбу твой отец.

— И правда... — протянул Марк и приосанившись, весело щелкнул пальцами, — А как

насчет спальни? На стене, противоположной той, на которой висят фамильные катаны, принадлежащие твоей семье?

— Нашей семье, Марк, — поправила его маленькая японка, — А идея, кстати, отличная, и картина будет на этом месте смотреться идеально.

— Идеально, — повторил он, и мысленно вновь вернулся к минувшей ночи, когда не мог налюбоваться спящей супругой.

Он имел счастье стать мужем такой невероятной женщины, что удивительно стойко справлялась с любой ролью, с такой легкостью, с таким изяществом, что никому и в голову не приходило, какой ценой давалась ей такая видимость. И только он видел изнанку того, что другим казалось врожденной способностью. И Марк гордился этим. Для него она не была неуязвимой чудо-женщиной из стали и железа. Для него она была любимой женщиной, любящей, которая способна переживать, злиться, расстраиваться, грустить и принимать решения, но это не делало её менее чудесной в его глазах. Хотелось раствориться в её карих глазах, без боязни потерять себя. Каждую минуту, каждую секунду она вдохновляла его быть сильнее собственных страхов — даже когда наблюдал за ней, мирно спящей рядом на постели, оберегая покой их малыша — особенно в такой момент. В неё невозможно было не влюбиться. Теперь он понимал, что просто не мог противостоять её чарам. И так было правильно. Оказывается, такое возможно, что так долго мечтая об одной, он нашел своё счастье в любви другой женщины. Разве мог он повести себя иначе в клубе? Разве мог не взять на себя опасность, что угрожала его женщине? И пусть теперь Кимура сходит с ума от злости — он не позволит ему даже приблизиться к ней. Это его чувства к ней создали бесстрашного героя, покорившего целый город. С ней он постоянно стремится к совершенству, именно она делает его лучше.

Рядом с ней он ведет себя как мальчишка, который стремится покрасоваться перед понравившейся ему девочкой. Вот и теперь он совершил свой безрассудный поступок прежде, чем среагировал разум, как импульсивный юнец, которому некуда девать избыток переполняющей его энергии. Слава Богу, в этот раз всё обошлось наилучшим образом. Мало того, он смог помочь целому городу и заслужил признательность горожан. Раньше он считал эмоциональность проявлением слабости, но всё изменилось с появлением в его жизни маленькой японки — эмоции буквально переполняют его изо дня в день.

Словно в ответ на его думы, девушка потрепала рукой лавандовые кудри Марка. Его улыбка всегда придавала ей сил. Когда она потеряла всё, и не ждала уже счастливой судьбы, а просто плыла по течению — пока не встретила взгляд его серых глаз. Раньше она могла видеть его только в модных изданиях, где он был доступен для лицезрения миллионами поклонниц. Мей стоило только увидеть его, и внутри что-то изменилось, захотелось изменить и свою жизнь, дать себе шанс быть счастливой. И это оказалось прекраснейшим из чувств, что она так давно не испытывала в своей жизни.

Парень невольно зажмурился от яркого солнца, слепящие лучи которого причудливо разлинеивали пространство полосами света. Отныне, какая бы погода не была за окнами, в его жизни теперь всегда будет светить солнце. Они так долго и тяжело шли к этому, и никому не позволят отобрать это счастье, выстраданное с таким трудом.

Оставим пока на время влюбленных пребывать в блаженной счастливой неге и вернемся в столицу Франции, чтобы стать свидетелями куда более драматичных событий в судьбе других героев.

Нервно дрожащими руками Маргарита собирала на кухне осколки посуды,

собственноручно разбитой ею.

Смуглый мужчина присел на колени рядом с ней, поглаживая её подергивающиеся плечи и вытирая полотенцем слезинки с её ресниц.

— Я слышала звон. У вас всё хорошо? — поспешив на подозрительный шум, в кухне появилась взволнованная мадам Валентина.

— Прости, мам, — растерянно развела руками Марго, поднимаясь и стараясь спрятать заплаканное лицо за плечом мужа, — Я такая неловкая — разбила пару тарелок.

— Ну, разбила, с кем не бывает. Стоит ли так убиваться — пустяки, пусть это будет на счастье. А мы купим новые, — мать пригладила её растрепавшуюся челку, взяв из рук, отправила в мусорное ведро пакет с кусками битой посуды.

Радостно пританцовывая, в кухню вбежала беззаботно улыбающаяся Аделька, прижимающая к груди своего любимого плюшевого мишку, что перешел ей по наследству от Розы, посчитавшей себя уже слишком взрослой для таких игрушек:

— Мамочка, папочка, вы такие грустные... — просто поинтересовалась девочка, присев возле них, поглаживая их руки, — Хотите, я спою вам песенку? Или станцую? И сразу станет веселее. Мамочка-а, папочка-а, самые лучшие на свете-е-е! — нараспев закончила она, а простые слова, незамысловатые детские движения и искреннее желание помочь чудесным образом смогло разрядить обстановку и заставило всех улыбнуться.

— Знаешь, у меня остались отрезки ткани, почему бы нам не сшить из них наряды твоим куклам — что скажешь? Поможешь мне? — мягко улыбнулся мужчина, устраивая ребенка на своих плечах, — А потом я отвезу тебя на занятия по танцам.

Маргарита тотчас же состроила глазки:

— Дорогой, а меня на йогу не подкинешь? В спорткомплексе, куда я хожу в бассейн, набирают группу, — добродушно предложила она, — А ты не думал, чтобы самому вести занятия по самообороне, к примеру, или ту же йогу?

— Было бы слишком хорошо, но у меня, к сожалению, нет для этого свободного времени — очень много работы, — отмахнулся Джон, пока белокурая девочка на его плечах весело болтала ногами в белых лаковых туфельках и белых кружевных носочках.

Аделина наклонилась к его уху и спросила о том, что ещё волновало её в этот момент, соответственно происходящим с ней физиологическим изменениям, характерным для её возраста:

— Папочка, скажи, а молочные зубы выпадают у детей по всему миру? И во Франции, и в Японии, и в Африке?

Мужчина усмехнулся:

— Думаю, что это так.

Чтобы прийти в себя и успокоиться, Маргарита присела на кухонный стул, который волей случая, находился как раз напротив телевизора, экран которого девушке был отлично виден. В новостях передавали репортаж с этапа гонок «Формула-1» — гран-при Монако, среди зрителей которого Маргарита смогла заметить знакомое лицо, сестру Алессио — Бьянку, с которой она не имела возможности увидеться со скорбных похорон молодого скульптора-итальянца. События в жизни Маргариты завертелись в настолько сумасшедшем ритме, что после знаменательной встречи с призрачным Алессио в Небесном граде, она даже не смогла лично передать сувенир его племяннику, отправив его почтой. А потом ожидание ею ребенка не позволило посетить Италию, но маленькая француженка никогда не забывала, что хотела встретиться с этой женщиной и её семьей. Супруг Бьянки был

гонщиком, и большая часть его жизни проходила в тренировках и соревнованиях, и эту семью сложно застать даже в их родной Флоренции. Усевшись поудобнее и принявшись поглощать чай и сэндвичи, Маргарита вся превратилась в само внимание, высматривая его на треке квалификации среди гонщиков. Тут комментатор неожиданно замолчал и камера взяла крупным планом происходящее на трассе — и во всей поражающей реалистичности можно было наблюдать мощный взрыв одного из болидов.

Маленькая брюнетка шокировано замерла, приложив ладошку к губам и испуганно захлопав ресницами. Маргарита попыталась дышать медленно и неглубоко, но всё равно чувствовала себя, словно выброшенная на берег рыба, хватаящая губами воздух при каждом болезненном дыхательном движении. Господь Всемогущий, под силу ли выдержать подобное одному человеку? Погибший в огне пилот был именно тем человеком, которого Маргарита высматривала — мужем леди Бьянки. Дата в нижнем углу экрана говорила о повторе событий вчерашнего дня. Не дано было Маргарите знать, она и подумать не могла, что уже совсем скоро ей предстоит пережить подобную боль, вообразить которую сейчас не представлялось возможным — да и просто не хватило бы даже самой извращенной фантазии.

Когда девушку привели в чувства, срочно переключив канал и дав напиться достаточного количества воды, она дрожащими пальцами набрала номер, чтобы выразить свои соболезнования и поддержать молодую женщину, за столь короткое время лишившуюся матери, младшего брата и любимого супруга. Вряд ли какие-либо слова могли смягчить горе и облегчить страдания души в подобной ситуации, но Маргарита искренне полагала, что не дав ей остаться один на один со своей трагедией, оказав помощь в смене обстановки, и посодействовав в поиске работы на новом месте, она выкажет сестре своего близкого друга большую услугу. И проявила в этом завидное упорство, буквально настояв на том, чтобы женщина вместе малолетним сыном покинули Италию, где их больше ничего не держит, и приехали во Францию под теплое дружеское крыло. И оставалось только подчиниться и сдаться под таким напором, приняв протянутую руку помощи.

Уже через неделю они встречали в аэропорту Бьянку и малыша Паоло. Малыш, унаследовавший от своего отца Франческо темно-каштановые волосы и серые глаза, плохо воспринимал произошедшее, всё время плакал и звал папу. Белокурая малютка Аделька взяла над мальчиком шефство, благо они с ней оказались практически одного возраста. И пока друзья помогали его матери пережить горе и обустроиться на новом месте, она развлекала маленького итальянца и даже поделилась с ним своим любимым плюшевым медвежонком. Алишеру и Розалинде не очень интересно было возиться с таким маленьким, а почти одногодки Аделина и Паолито смогли достаточно скоро найти общий язык.

Неожиданно, большое участие в судьбе гостей из Италии принял венгерский помощник Ондзи. Впервые Винтер увидел Бьянку в день её прилета, когда провожал азиата на деловые переговоры в Милан. И стоит заметить, что реакция венгра на появление молодой женщины с ребенком настолько испугала японца, что Ондзи едва не отменил свою поездку. Мельком увидев русые локоны итальянской гостьи и её зеленые глаза в зале ожидания, Винтер замер, не смея обернуться ей вслед. Танака-сан с изумлением наблюдал, как помощник машинально следовал за ним тяжело и хрипло дыша и еле переставляя ноги, расстегнув три верхние пуговицы своей рубашки, нервно сжимая пальцами медальон на своей шее. Ещё минут двадцать после этой судьбоносной встречи, продолжая удерживать его в своих руках, не в состоянии произнести ни звука, мужчина молчал. И лишь когда он смог разжать

онемевшие пальцы, Ондзи отметил потрясающее сходство усопшей женщины с портрета в его медальоне и реальной живой женщины, встреченной ими в парижском аэропорту.

Азиат наклонился к нему и тихо сказал:

— Я не великий знаток человеческой души и не эмпат, но эта женщина выглядит опустошенной и подавленной, у неё горе, и ей тоже нужна помощь — как и тебе. Так сделай это, Винс — помоги ей, помоги себе. Возможно, я не тот человек, от которого тебе хотелось бы выслушивать советы, но я говорю тебе: не упusti этот шанс, чтобы потом не пришлось горько сожалеть. Постарайся стать счастливым, мне, как твоему другу, хотелось бы этого. И её постарайся сделать счастливой, — тот в ответ слабо улыбнулся, и Ондзи благодушно с ним согласился, — Вот и ты смеешься надо мной, друг. Понимаю... Одинокий и влюбленный не в ту женщину, я — не лучший пример для подражания, но ты... ты не должен быть таким, как я... Постарайся за нас двоих, слышишь. Когда я вернусь, я хотел бы снова увидеть, как ты улыбаешься.

Облизав пересохшие губы, Винтер проводил японца на его рейс и поспешил отыскать в многолюдной толпе свою ожившую грезу.

Боясь напугать женщину, он с огромным облегчением обнаружил её в компании своих знакомых. Со всей тщательностью он подбирал слова в общении с новой старой знакомой, стараясь лишней раз не бросать пронзительный взгляд на её лицо, вот уже несколько столетий преследовало его во снах. Не лучшее время и сложный объект он выбрал для своей пылкости. Каждый раз ненароком коснувшись её или встретившись глазами, на него накатывала паническая атака, и он чувствовал себя беспомощным паралитиком, что видит женщину первый раз в своей жизни. Дар ли это свыше или же — проклятие Небес? Бьянка нуждалась в поддержке надежного мужского плеча, но она всё ещё переживала свое горе, которое так просто не унять. А он мучительно умирал каждый раз глядя в её печальные глаза. Сколько это может ещё продолжаться? Долго ещё Винтер будет задаваться этими извечными вопросами прежде, чем решится на признание собственных чувств к ней, таким чудесным образом давшей ему надежду вернуть в свою жизнь некогда так любимую им женщину.

А что Лаурита, которую слишком давно не было ни видно, ни слышно?

Тусклый свет факела слабо освещал щербатые каменные стены, и пляшущие отблески осветили в дальней нише блеснувшие стеклянные стенки ларца, который тут же схватили цепкие детские пальчики:

— Седьмое пекло! — девочка бережно взяла ларец, обеими руками прижимая его к груди, — Так он на самом деле существует? И нам удалось его заполучить, Тристана! — с радостным блеском в глазах она обернулась к чернокожей джиннии.

— Да, госпожа, — белозубая улыбка Тристаны была более, чем сдержанной.

— Это уничтожит Хранителей изнутри — невозможно сопротивляться греховной одержимости, — Лаурита аккуратно завернула шкатулку в полотно, — А я с огромным удовольствием на это полюбуюсь, — и исчезла вместе с подручной, которая явно не разделяла радости от затеи своей госпожи.

Ничего не подозревающие, Хранители тем временем восстанавливали силы в своих постелях в особняке на одной из улиц французской столицы.

Вокруг было темно и тихо... Оглядевшись, Джон заметил кругом следы сражения и разрушение. Куда бы он не посмотрел, всюду были последствия бывшего жестокого побоища. Мужчина ступал по покрытым слоем пыли обломкам некогда величественного сооружения.

То тут, то там попадались осколки витражного стекла, части мраморных колонн и львиные головы каменных статуй, что стояли когда-то у входа.

И тут его ослепленный ужасом разум пронзила ещё более шокирующая догадка — он узнавал разрушенные архитектурные детали потому, что они принадлежали дворцу в Небесном граде, и он помнил их с самого детства. Он стоял на руинах собственного отчего дома, и всё это было похоже на настоящий кошмар. Захотелось поскорее проснуться и сбросить с себя пелену этого пугающего сна. Но он не мог проснуться. Оставалось только продолжать идти вперед.

Каждый шаг давался с таким трудом, словно на ногах у него были свинцовые сапоги.

Первой линией обороны, которая пала в неравной борьбе, стали Стражницы. При жизни Николь и Мишель были неразлучны, и смерть они встретили также вместе. Их тонкие бледные фигуры в изорванных одеждах на разрушенных ступенях дворца пугающе не вписывались в мрачный пейзаж вокруг и казались чужеродными всему происходящему. У самой двери он нашел ещё несколько мертвых стражей и генерала Агни, которого не убергло даже всё его легендарное мастерство воина, о котором слагали былины и песни.

Джон судорожно сглотнул, инстинктивно опасаясь того, что увидит дальше. А дальше его опасения оправдались в полной мере.

Марк лежал на спине на полу, выложенном мозаикой, его лицо выглядело бледнее, чем обычно. Подойдя ближе, мужчина понял, в чем дело. Серый камзол юноши был весь в крови, изрезанный множественными следами от лезвий в сочетании с опаленными местами от ожогов. Тут же рядом было и тело Мей. Её красная подводка вокруг глаз на белом лице, словно бы растеклась алыми кровавыми потеками. Её помада, размазанная по лицу, превратила аккуратные девичьи губы в зловещую ухмылку злобного клоуна или мрачного Арлекина из комиксов. Белоснежное кимоно, ставшее теперь её истинно погребальным одеянием, было забрызгано грязью и кровью, и брызги эти уже успели просохнуть. Джон не смог сдержать слез — он всем сердцем любил этих двоих и восхищался их стойкостью и силой духа. Они остались верны себе даже в смерти. Пустые глаза смотрели в темные небеса, и повсюду пахло смертью. От этого запаха мужчину уже мутило. Хотел закричать, но гортань свело спазмом.

Следующими он увидел выделяющиеся на всеобщем сером фоне рыжие пряди волос Этьена и Эллен. Максимилиан прикрывал девушку своим мускулистым шерстистым телом со следами ранений и участками опаленной плоти. Похоже, что он дрался до последнего, защищая свою женщину, и уже начал принимать свой звериный облик — физически более сильный и выносливый, больше подходящий для сражения.

Дальше под каменными завалами виднелись каштановые кудри пышной шевелюры Джастины О'Нилл и светлая прядь волос Дэна.

Всё это слишком походило на непрекращающийся фильм ужасов, где Джону предстояло сыграть свою трагическую роль.

Сердце сжималось и дышать становилось невыносимо сложно. Он панически боялся того, что может увидеть дальше. Или — кого. И это вселяло неподдельный ужас. Ноги не хотели ступать по залитым кровью плитам, а глаза больше не могли смотреть на трупы тех, кто был ему дорог. Он видел лишь смерть, и в глазах покойников не мог прочесть ответов на мучившие его вопросы.

Не пощадили и добродушного здоровяка повара Рустема, его тело, как животное для убоя, было насажено на вертел. Рядом в луже собственной крови лежали два мертвых

поваренка.

Тяжело дыша, он продолжал ступать по остаткам ступеней разрушенной лестницы. Нужно было поспешить найти всех, кто ещё жив, если таковые имелись. Как будто он мог успеть...

И тут его снова едва не стошнило — своей ногой он чуть не наступил на лежащее прямо на ступенях тело златовласой. На белом обескровленном лице Даниэллы застыло выражение испуга. Её белокурые локоны были спутаны, испачканы грязью и кровью. Небесный цвет озорных ясных глаз самой смелой и задорной девчонки — заметно поблек. Где-то там, среди обрушившихся стен было и тело брата златовласой — самого добродушного парня, которого он знал, пока дело не касалось его близких, для защиты которых он становился самым бесстрашным и отважным. И куда же он без своей красавицы Евангелины? Жестокой насмешкой выглядела гибель повелительницы грома и молний от электрического разряда.

Вот ещё тело, ещё, еще. И ещё... Он не хотел, не хотел больше их считать!

Среди стражей в золотистых плащах он заметил фигуру в черном камзоле, вернее — в лохмотьях, которые от него остались. В темно-фиалковых глазах азиата больше не было жизни..

Чем ближе подходил Джон к главному залу, тем тяжелее было ему идти. На всем пути ему встречались лишь окоченевшие тела усопших — стражников и Хранителей. Что же, черт побери, здесь произошло?

Словно вызов этому мрачному миру смерти, среди грязи и пыли пламенели огненные локоны грозной и справедливой рыжеволосой богини, больше всего раздражавшейся при столкновении с мужским шовинизмом. В глубине пленительных зеленых глаз можно было запросто утонуть. Именно так и произошло, когда они оба были молоды и полны надежд и грез. Вряд ли нашелся бы такой мужчина, который сумел бы устоять перед чарами этой дивы. И он был покорен. Его первая любовь и мать его первенца, унаследовавшего её спокойный и сильный характер и изумительный цвет её глаз. Даже после официального развода, он продолжал относиться к ней с братской теплотой. И вот теперь эта женщина лежит поверженной в поблекших кожаных доспехах. И с ней Самаэль — его первый настоящий друг и учитель, вместе с которым они пережили столько всего увлекательного, а порой — и опасного. Это было слишком страшно и больно — видеть их бледными и бездыханными.

Сердце билось тревожной и чаще. Несколько раз он порывался бежать прочь, не желая принимать того, что видит. Инстинктивно, он всё, как только мог, оттягивал этот момент, прежде чем войти через сорванные с петель двери в полуразрушенный зал.

"Оставь надежду, всяк сюда входящий"...

Джон вошел и оцепенел, до боли сжимая кулаки. Он опоздал...

Его мать, его брат, его сестра, его Маргарита... Все они не подавали признаков жизни. То, чего он больше всего боялся в этой жизни, предстало перед ним во всей своей отвратительной реалистичности, от которой ему негде было спрятаться.

Самые близкие и дорогие ему люди лежали недвижимыми на холодном пыльном полу, об который разбились сейчас все его мечты, оставив лишь призрачность несбыточного и соленые слезы на щеках.

Его мать полусидела, опираясь на остаток стены, который на уровне её затылка был окрашен багровым цветом.

Рафаэль лежал на спине на мозаике полов, одна рука его запрокинута за голову. К этой

руке, словно тянулась сбитая в кровь тонкая рука сестры, лежащей лицом вниз. Рядом лежал фамильный меч. Храбрый младший брат защищал свою семью ценой собственной жизни. Когда он не смог больше сражаться, оружие из его холодных рук приняла хрупкая Ями.

У него не было сил закрыть им глаза, ибо это означало, что они умерли на самом деле. Но для него они всегда останутся живыми.

Тогда Джон кинулся к Маргарите. Если бы не её испачканное и израненное лицо, по подбородку которого из уголка рта стекала тонкая струйка крови, можно было подумать, что девушка просто прилегла отдохнуть.

Мужчина аккуратно обтер её лицо и прижал её маленькое тело к себе, уже не сдерживаясь с своих эмоциях.

От непрошенных слез невыносимо жгло глаза. Он не мог дольше держать в себе эту боль.

— Кто?!!! КТО ЭТО СДЕЛАЛ? — его истеричный крик подобно грому отдавался в разрушенных стенах.

— А ты внимательно посмотри в её глаза и всё поймешь, — вкрадчиво произнес голос в его голове.

Но ничего, кроме собственного отражения, Джон не увидел в мертвых глазах Маргариты, и внутри у него всё похолодело.

Все, кого он любил в своей жизни, были мертвы по его вине.

Если он поддастся страху, то страх победит. Настоящая сила рождается в голове — она заставляет идти даже тогда, когда тело хочет упасть.

И его не пронзила молния возмездия, земля не разверзлась под его ногами, и небеса не ниспослали самые страшные из казней Египетских — только миниатюрное тело той, чья жизнь значила для него намного, намного больше его собственной, в его холодных трясущихся руках.

— Ты ещё, не понял, что сам являешься причиной случившегося? — продолжавший вещать ему голос так похож был на милую болтовню довольной Лауриты, — И ведь не побоялся же. Вот так всё и произойдет из-за того, что ты посмел овладеть силой, которую никому не дано подчинить. Ты не сможешь совладать с ней, и погубишь всё, что тебе дорого.

— Не могу поверить... быть этого не может, — Джон с усилием замотал головой, — Нет, нет... Я бы никогда... Никогда! Слышишь, никогда я не сделаю этого... - убеждал ли больше Лауру или себя, от сомнений сводило мозг. Это не могло быть правдой... Он так хотел защитить их, а не погубить.

Они приняли смерть от того, от кого меньше всего ожидали. А ему — продолжать с этим жить дальше. Невольно вспомнилось изречение — "и живые позавидуют мертвым", так и есть. Они теперь свободны от боли. А как быть ему? Как жить, да и зачем? Весь этот мир без них потерял для него всякий смысл и не достоин существования — как и он сам.

Презрев собственные принципы, он проклял себя сам, но незнание не освобождает от ответственности. Он хотел как лучше, но благими намерениями, как ведомо... Бог свидетель, он желал совсем не этого!

Глаза его потемнели, появившиеся за его спиной крылья лишились оперения, став кожистыми.

Он закрыл руками уши, чтобы не лишиться слуха от собственного оглушительного вопля, а радиально расходящаяся от него гибельная аура довершала начатое разрушение, поднимая в воздух оставшиеся обломки.

— Прошу, не делай этого. Перестань! — на этот раз в его голове раздался другой голос, такой теплый и такой знакомый, — Посмотри, тут нет наших детей. Хотя бы, ради них — ты должен остановиться.

— НЕТ! Я не хотел этого! — от его крика всполошилась Маргарита и захныкали маленькие дочери.

— Жан, что с тобой? Ты снова кричал во сне, и на этот раз — гораздо громче, — Маргарита погладила его напряженные плечи и отошла успокоить малышей.

— Марго? Ты здесь? Какое счастье! — он подошел и обнял её так крепко, точно она сейчас висела над пропастью, и от этого зависела её жизнь, точно он смертельно боялся отпустить свою самую большую драгоценность, — Но, как?... Ведь я же... Ты же...

Такие сильные воспоминания, такие волнительные чувства и захлестывающие эмоции, как в тот день их первой встречи, когда необъяснимым образом, непостижимым поворотом судьбы, боль и трагедия сплелись с любовью и волшебной сказкой в её жизни, что принес с собой этот мужчина.

— Что? Я всё время была рядом с тобой, — шепотом заверила мужа Маргарита.

Поспешил кивнуть он:

— Да-да, конечно.

— У меня снова гнетущее предчувствие, — Джон усадил Маргариту на край постели и присел рядом, опустив тяжелый взгляд на свои дрожащие руки, — Пожалуй, стоит пересмотреть мой график, чтобы увеличить ваши тренировки. Вы должны быть готовы, когда придет время.

— Ты о чем, Жан? — девушка недоуменно моргнула, а сердце в смятении кольнуло предвидением самой большой печали в её судьбе, — Я не понимаю тебя.

Как же она ненавидела в тот момент свой дар, скорее — кару, что готова была проклясть.

Но она — не она будет, если позволит страхам одолеть себя. Какая польза в её даре, когда он не поможет защитить то, что дорого? Нет, всё имеет высший смысл. Предназначение таких, как она — хранить этот мир, где они смогли стать счастливыми. В это верила Маргарита. А значит — они обязательно справятся.

— Послушай, Маргарита, — мужчина накрыл её руку своей и мягко сжал ладонь, — помнишь, мы уже говорили об этом, но я снова возвращаюсь к этому разговору. Если когда-нибудь, я не смогу укротить себя, обратив мою силу против вас... Вы не должны шадить меня. вспомните о своем долге и исполните его. Я многому уже успел научить вас, и прошу применить все ваши знания для того, чтобы остановить меня.

Маргарита дернулась и напряглась, категорично замотав головой:

— Т-ты не понимаешь, что говоришь? — наконец выдавила она, плотно сжав свои губы, — Мы никогда не пойдем на это! — девушка отступила на несколько шагов назад и крепко зажмурилась, отчаянно замотав головой, прогоняя пугающие мысли.

— Как раз я отлично понимаю. Прошу, не вынуждай давить на тебя, — мужчина повернул её лицо на себя, покачал головой и глубоко вздохнув, продолжил, — Представь, что видишь пожар в здании поблизости: кого ты будешь спасать в первую очередь, одного близкого человека или пятерых незнакомцев? Не торопись с ответом. Хорошенько подумай, прежде, чем ответить: что важнее, пять жизней или одна?

Маргарита нервно прикусила губу и тихо произнесла:

— И всё равно... я не смогу так поступить, — её глаза искали в его взгляде

опровержение страшным словам, но не находили.

— Тебе придется, — краем глаза продолжая наблюдать за реакцией Маргариты, Джону не верилось, что он всё же осмелился произнести это, — Инкрустированный кинжал, что я дарил, всё ещё при тебе?

— Ты представляешь, о чем просишь? — сглотнув горький комок, девушка провела судорожно подрагивающими пальцами по влажным ресницам, — Сначала говоришь мне, что одержим силой, которая убивает тебя, потом — что я должна буду уничтожить тебя, когда она окончательно выйдет из-под контроля... — она снова была на пороге начинающегося припадка, — И ты называешь это нормальным? Безумие какое-то! Давай будем надеяться, что сможем найти Лауру раньше, чем всё это произойдет.

— Марго, это не смешно, — её нервический смех и дергающиеся брови совсем не веселили его, — За всё приходится платить — справедливый принцип равноценного обмена, известный ещё древним алхимикам. Благо миллионов и стоить будет соответственно высоко. Я сделал свой выбор осознанно и готов заплатить за это необходимую цену.

Маргарита нахмурилась и сердито топнула ножкой:

— Но, ты не предупреждал, что это будет отнимать у тебя жизненные силы, и ты не сможешь контролировать это.

— Мне очень жаль, — Джон опустил на её плечи свои обжигающе горячие ладони, — Прости, что так получилось, но у меня не было другого выхода.

— Выход есть всегда, и мы вместе найдем его, — шмыгнув несколько раз носом, Маргарита серьезно встретила сосредоточенный взгляд супруга, — Слышишь — вместе. Мы защитим этот мир и тебя — и никому не придется умирать.

— Благодарю, Марго, — пересохшие губы коснулись темноволосой девичей макушки, — Твое понимание и твоя поддержка придают мне веры и сил.

— Возможно, я и не одобряю того, что ты сделал, но понимаю, почему ты поступил именно так, — Маргарита склонила голову на его широкой груди, — Прощая эгоистичная я в истерике топала бы ногами и угрожала запереть тебя на самый увесистый замок, только всё это не поможет и не изменит ситуации. Наш самый главный враг — это наш страх. Да, я страшно боюсь потерять тебя физически, но ещё страшнее было бы потерять того Жана, которого я знаю и люблю, если бы ты сдался под давлением обстоятельств и изменил своим принципам.

— Вот это — моя девочка, — одобрительно улыбнулся мужчина, — Всё верно ты говоришь.

— Жан, а что говорят врачи о твоём состоянии? — озабоченно спросила девушка, — Джек может чем-нибудь помочь?

— Его лекарства мне уже не помогают, к сожалению, — еле слышно ответил он, с трудом заставляя себя говорить и смотреть в глаза жене.

Миниатюрная девушка решительно отряхнулась и взяла Джона под локоть:

— Тогда мы найдем новые, а сейчас, чтобы поддержать твои силы, мы спустимся завтракать.

Тут их внимание отвлеклось на характерный звук, говоривший о поступлении нового сообщения на ноутбук абонента.

— Жан, у тебя сообщение по скайпу, — сразу же оживилась Маргарита, выразительно подмигнув, — Пойди посмотри, интересно же, — отпустив мужа и ненавязчиво подтолкнув его в сторону стола, на котором расположился гаджет, активировавшийся из спящего

режима.

— Сестренка, у вас все нормально? — при соприкосновении с клавиатурой пальцы закололо, словно сквозь них прошел электрический разряд, заставивший одернуть руку, а возникшее на экране возбужденное личико сестры заставило его открыть сеанс связи, принимая входящий звонок с замиранием сердца, — Твой столь ранний звонок взволновал меня.

— Это ты мне скажи, любезный братец, — мрачный и настороженный вид сестры застал его буквально врасплох, заставляя растерянно вспоминать, когда он успел провиниться перед ней, — Что происходит с тобой в последнее время? Что случилось в Небесном граде? Не зря ведь мы близнецы, я чувствую твои тревоги, твои переживания и твою боль. Сейчас ты особенно растерян и уязвим. Сегодня что-то настолько испугало тебя, что передалось мне даже через расстояние.

А вот это было совершенно внезапно! Тихоня-сестричка предъявляет ему претензии? В конце концов у них один отец, и это не может не давать о себе знать. Нежная и мягкая, но при необходимости она могла и умела проявить почти мужскую твердость. И сейчас такая необходимость определено была. Если недавний сон смог нагнать страх на него, то до какой же степени это могло напугать впечатлительную психику девушки? Это он мог не только представлять в своем воображении, но и ощущал внутри своего тела и своего сознания, горячей клокочущей волной затопившего его.

— Давай, брат, колись, что происходит с тобой? — вместо миловидного личика Ями на экране появился недовольный и взвинченный Рафаэль, брови которого хмуро сходились на переносице, — Переживания за тебя волнуют мою супругу больше, чем я. Действительно, выглядишь не очень, брат. Ты не заболел? Как самочувствие? Помощь не нужна? Может, нам стоит приехать?

До глубины души растроганный, Джон немного расслабился и даже смог слабо улыбнуться:

— Спасибо, Раф, но я не хотел бы перекладывать на ваши плечи свои проблемы и подвергать вас опасности.

— Святые небеса, какой же ты зануда, Джаньян! — незлобно чертыхнулся молодой мужчина по ту сторону экрана, — Тебе от самого себя не противно?

Ями опустила свою изящную ладонь на его плечо:

— Рафаэль, не надо...

Он обернулся и предупредительно выставил вперед руку:

— Подожди, женщина. Если уж я начал, то выскажу этому умнику всё, что думаю. Интересно, а твоя жена разделяет твое мнение? Или ты её, как всегда, не спросил? Как и своих дорогих друзей? Нравится строить из себя мученика? Наш отец был силен, но и он не рисковал действовать в одиночку. Тебе же всегда нравилось считать себя особенным. Ещё бы, это же так увлекательно.

— Уверю, в этом нет ничего увлекательного, — покачал головой Джон.

Рафаэль милостиво усмехнулся, пожав плечами:

— Прости, кажется я перегнул палку.

— Нет, ты прав, — в глубине души Джон был согласен со словами брата и считал нужным сказать об этом, пусть и посредством компьютерной связи, и готов был повторить их тому в лицо.

— Просто мы беспокоимся, не забывай этого, когда решишь снова поиграть в Бога, —

ответил Рафаэль.

— Я знаю это и очень ценю, — ответил Джон и губы его сложились в нежную улыбку.

Улыбка Рафаэля была искренней и какой-то грустной, голос молодого человека дрогнул:

— Ты больше меня похож на отца. Знаешь, в детстве я страшно завидовал этому и во всем старался тебе подражать.

— Это лишнее, тебе вполне достаточно оставаться самим собой, — заверил его старший брат.

— Если что-нибудь понадобится, ты только скажи, — Рафаэль подмигнул, — До связи.

— Обещаю, — шепотом произнес Джон и завершил сеанс.

Маргарита с облегчением выдохнула и улыбнувшись, вернулась к дочерям. А надо сказать, что девочки уже достаточно подросли, опережая в развитии своих сверстников и изумляя своим способностями родителей. Еще даже не научившись твердо стоять на своих маленьких ножках, внятно и членораздельно разговаривать, они удивили не только Джона с Маргаритой, но и остальных родственников, проявляя предрасположенность к телекинезу и исцелению. У близняшек проявился дар к управлению гравитацией, и любимым их занятием были игры вместе с сыном доктора и златовласой, маленьким Александром, в которых они забавлялись с погремушками, движениями крошечных пальчиков детских ручек заставляя их парить в воздухе и падать на мягкие перины колыбели, повторяя процесс снова и снова, а светловолосый карапуз радостно смеялся, кружа их над своей кроватью. Прикосновениями же своих миниатюрных ладошек они могли заживлять небольшие порезы и ушибы и снимать головную боль.

Такое поведение обдарованных с колыбели младенцев вполне могло умилять их родителей, если бы не опасения за судьбу юных дарований среди миллионов, не имеющих подобного дара в себе. Это сильно волновало, не могло не волновать, ведь это были их дети, родная плоть и кровь, и им искренне и от души желаешь самой счастливой судьбы.

Объективно, вряд ли это можно было считать благоприятными способностями на фоне окружающих их людей, имеющих обывательское представление о том, что выходит за рамки обычного восприятия привычных вещей. Большинство могло видеть людей подобного качества только в масштабных эпичных экранизациях волшебных миров профессора Толкиена, Джоан Роулинг, а теперь вот, ещё и мастера пугающих интриг и кровавых сюжетных линий — Джорджа Мартина или в бесконечных киноселенных по комиксам о супергероях, населенных бесчисленным множеством людей с выдающимися способностями, будь то физические либо умственные данные, превосходящие показатели среднестатистического человека. Все эти "гении, миллиардеры, плейбои и филантропы" в обычной жизни, вне её становились на защиту "мира во всем мире" от всевозможных злобных монстров, инопланетных захватчиков и безумных ученых. Для многих всё это — лишь книжные страницы, яркие иллюстрации популярных комиксов, избыточные спецэффектами кинокартины. А для этих детей мир станет гораздо полнее и ярче. Только примет ли этот мир их такими? Готов ли мир принять этих детей?

От этих двойственных размышлений девушку отвлекло появления вернувшегося супруга:

— Ну, всё — я отменил интервью, чтобы провести тренировку в обед. Сейчас для меня это гораздо важнее, — выдохнул Джон, закончив разговор, и точно в ответ на сомнения, терзавшие сердце молодой женщины, наклонился к кровати дочерей, — Их ждет большое будущее, — утвердительно кивнул он, и девочки улыбнулись ему в ответ.

Маргарита растерянно развела руками:

— Ох, как же мне быть? Я обещала посидеть с маленьким Паоло... — она прикусила губу в раздумии.

Вдвоем они спустились на кухню и сообщили об изменении планов на сегодняшний день.

— А нам можно пойти с вами? — Алишер и Аделька встретили предложение с радостью и энтузиазмом, — Правда, папочка?

— А почему бы и нет? — согласно кивнул мужчина, — Физическая нагрузка ещё никому не помешала, — обратился он к ребятам, — Правильно я говорю, молодежь?

— Ура! Будем тренироваться с папой! — дружно поддержали его оживленные детские голоса.

— Отлично, надеюсь, что у всех такой же настрой, — призывным взглядом Джон обвел окружавших его друзей.

Однако, справедливости ради, стоит заметить, что далеко не все были согласны с ним сегодня. Кому-то пришлось также изменить свои планы, но Джон оставался непреклонен, не смутило его даже унылое выражение недовольного лица Даниэллы. Он только спокойно улыбнулся на её фыркание по поводу того, что придется больше заниматься физически. На самом деле, десять лет занятий художественной гимнастикой сделали её тело сильным и гибким, и упражнения давались ей легко, что делало её одной из любимых его воспитанников, как и её брат Питер — грациозный, быстрый и очень талантливый. Под его руководством и на его глазах из подростков-максималистов они обретали воинское мастерство и впечатляли своими успехами, вызывая в его сердце гордость за своих подопечных. Подобную радость от тренировок доставляла ему работа с Эллен (обучение в балетной школе в значительной степени развили и подготовили её тело), Марком и Мей, с которыми они не давали друг другу расслабиться ни на минуту. Сейчас же этих троих не было с ними на тренировках, и мужчине их очень не хватало, он даже начал тосковать по сильному и крепкому партнерству с ними. Девушки отсутствовали в силу своего деликатного положения, и Марк оставался вместе с ожидавшей их ребенка супругой.

И во время прогулки по набережной, как раз был звонок от юноши — Марк узнавал расписание консультаций и экзаменов, чтобы определиться, когда ему лучше брать билеты, чтобы успеть к началу сессии. И они рады были услышать его голос.

Молодая женщина снова посмотрела на детей и вернулась к своим мыслям. Маргарита с большим удовольствием вызвалась помочь присмотреть за сыном Бьянки. Мальчик был совершенно очарователен, и не создавал практически ни каких проблем, а их Аделька настолько с ним сдружилась, что проводимое вместе время, дети были почти неразлучны. И этот факт очень радовал сердце девушки, так как детей возраста Адельки в их окружении практически не было — были либо старше, либо младше, и отсутствие сверстников было грустным фактом для полноценного развития ребенка. При взгляде на смуглого сероглазого, темноволосого мальчика, Маргарита мыслями всё возвращалась к собственному сыну. Свершится ли это когда-нибудь вопреки приговорам врачей? Какой будет его история? И сердце заходило взволнованно колотиться. А пока — они старались, как могли, поскорее избавить его от ужасных воспоминаний, окружив теплотой и заботой. Объективно, Маргарите нравилось возиться с мальчиком, он был как раз в таком возрасте, когда уже умел четко и внятно излагать свои мысли, и всё ещё продолжал познавать окружающий мир. Собственные же её дочери были ещё слишком малы для этого, а Розалинда и Алишер уже

были достаточно взрослыми и не нуждались в столь тщательной опеке, у них уже были свои дела и свои развлечения. Зато Маргарите так льстило, когда гуляющих с ней в парке детей незнакомые люди принимали за её сестричек и братика, особенно это прием котировался у молодых людей, желавших познакомиться — никому и в голову не могло прийти, что такая молодая девушка может быть уже матерью. Находились и те, кто узнавал в Маргарите жену популярного молодого дизайнера с уникальным талантом и своим видением этого мира.

И вот, пока герои с усердием тренировались, Лаурита готовила им очередное испытание — едва ли не самое тяжелое в их жизни — на обратном пути, где к ним присоединились азиат со своим верным помощником Винтером. Малыш Паоло уже почти не боялся мужчин и с задором играл с "дядей" Винтером, чем так радовал венгра. Винс не хотел давить на женщину, потерявшую недавно мужа, но и не мог игнорировать тот факт, что для него важным было завоевать расположение её сына. В будущем двое этих мужчин смогут найти общий язык на почве схожих интересов, иногда даже делясь друг с другом чем-то таким чисто мужскими, чем не всегда можно поделиться с женщиной, пусть и самой любимой — в силу разницы мужского и женского восприятия мира.

— Берегись! — пронзительный визг тормозов, и Джон только чудом кое-как успел ухватить сына за курточку, едва не порвав её при этом.

— Осторожнее, Алишер! — нервно приговаривал Джон, перепуганный больше всех, прижимая мальчика к себе, — Что это было? Ты же мог под колеса угодить.

— Папа, но там была девочка, — оправдывался ребенок, всё ещё не до конца осознавая, какой смертельной опасности ему удалось избежать, — Ты веришь мне? Там же, правда, была девочка, её чуть не сбила та машина.

Одновременно с этим, яркая слепящая вспышка на мгновение озарила пространство, и темно-серые дымоподобные субстанции проникли в тела семерых из стоявших рядом, смертельным холодом окутав внутренности.

— Верю, я тебе верю, — маленький Али так многозначительно посмотрел на отца, и Джон на самом деле поверил тому, что ребенок мог действительно кого-то видеть, пытаясь справиться с накатившим приступом необъяснимой панической атаки, высасывающей всю радость изнутри, оставляя опустошение и обреченность, — Ох, что такое? Что происходит? Это больно.

— Папа! — мальчик схватил его за рукав, испуганно глядя на бледное лицо отца, — Папа, что с тобой?

— Жан, с тобой всё хорошо? — Маргарита, понятное дело, не могла оставаться в стороне, подхватив начавшего медленно оседать мужчину под руки, но тут же сама схватилась за голову, пытаясь совладать с незнакомыми чувствами, осязаемыми всё явственнее, — Ай! Что такое? Больно... Странные ощущения, боль прошла, но мне всё ещё не по себе. Домой что-то захотелось... Давайте вернемся?

— Поддерживаю, — он запнулся, с надеждой посмотрев на остальных, и выглядел сейчас настолько растерянным и подавленным, что едва ли походил на самого себя, — Мне бы таблетку от головной боли выпить, — Джон поморщился и прокашлялся.

— Пожалуй, нам, и правда, стоит поскорее вернуться, — согласился с ним азиат, остальные молча поддержали его, не до конца разобравшись, что же с ними происходит, — Непокойно на душе как-то, нехорошо...

Перепутье дорог вдалеке:

Путь стальной, завывают ветра,

Здесь вином стала кровь на клинке

И острее, чем стрелы — слова.

Здесь в глазах — только смерть, только яд,

А в сердцах на века холода -

Крепкий меч, старый долг, острый взгляд...

Ветер, пой песню льда.

Перепутье дорог вдалеке:

Путь иной: золотая тропа.

Здесь слеза проскользит по щеке.

Кровь за кровь — и не дрогнет рука.

Здесь в глазах только честь, только свет,

Но в груди — безрассудства стена.

Смелый взгляд, верный друг, здесь во тьме...

Ветер, пой песнь огня.

— Кто-нибудь ещё, кроме Алишера, видел девочку? Нет? Только не говори, что она была блондинкой. Не нравится мне всё это, — обеспокоенный Джон продолжал придирчиво осматривать конечности сына на предмет повреждений, — А тут у нас что такое? Осколок? На нем часть гравировки? Интересно, откуда он здесь? — мужчина поднял хрустнувший под его ногами кусок стекла и взялся внимательно изучать его.

— Ондзи? Какого дьявола... Зачем тебе понадобилось их общество именно сегодня? Боже, что я наделала... — глаза Лауры округлились, когда она заметила среди взволнованной толпы того, кого сейчас меньше всего ожидала лицезреть, — Что, если ты тоже будешь заражен? Это убьет тебя... Я не знала... Я не хотела... Ондзи, прости... Как же мне теперь помочь тебе? Будьте прокляты Хранители! Почему вы всегда отбираете у меня всё самое дорогое, почему? Почему так?

— Что-то не так, госпожа? — появившаяся рядом джинния взяла её за руку, которая была ледяной на ощупь и тряслась от напряжения.

— Оставь меня, Тристана... пожалуйста, — устало произнесла Лаура нервно дергающимися губами и медленно развернувшись, тяжело зашагала прочь, — Сделанного не воротишь. Я уже ничего не могу изменить, как бы сильно не хотела этого, ларец открыт, и силу, что была заключена в нем, уже не вернуть назад. Видно, много я не заслужила. Но в чем его вина? Он виноват, виноват! — зайдя за поворот, она остановилась, устало прислонившись к холодной каменной стене, и закрыла глаза. Из-под темных ресниц по детской розовой щеке скатилась слеза.

Да-да, несомненно, его вина в том, что он предал её, её чувства, убеждала она себя. Не понял и не оценил её особого к себе отношения, променяв его на дружбу Хранителей, вот и пусть сгинет вместе с ними и вместе с ней, с ненавистной Даниэллой, которая неожиданно и надолго заняла место в его сердце, предназначавшееся только ей, только Лауре. Она же всё замечала, как он меняется при одном упоминании о ней, Пусть... Она уже давно привыкла жить во мраке, жить с болью, но почему-то захотелось вдруг заплакать от злости на саму себя. И не знала, засчитать ли себе желанную победу или же признать свое самое большое поражение. Вирус программирует инфицированную душу на саморазрушение и приводит носителя к неминуемой гибели. Хранители продержатся дольше, но у азиата нет шансов против магии ларца: теперь он — смертный, а смертные наиболее уязвимы.

С неизменно грациозным поклоном джинния удалилась. Напоследок сочувственно

взглянув на девочку, темнокожий дух покачала головой с длинными белоснежными волосами, глубоко вздохнула и бесшумно исчезла.

Ларец разбит, его уже не собрать, и не вернуть обратно то, что вырвалось оттуда. Лаура зябко поежилась — окружающее тепло не согревало, её тошнило от чувства бесконечного падения в черную пропасть. Обняв себя за плечи, она тихо всхлипнула. Было горько и стыдно, но ещё тяжелее далось признание того, что она совершила непоправимое — прежде всего для самой себя. Захотелось сорваться и догнать его. Остановить, дернув за рукав и доверчиво сжать своими пальцами его ладонь. И попросить отвести её туда, где будет светло и радостно, где не будет боли и всё станет хорошо. На это она так и не смогла заставить себя решиться, но Лаурита всё же успела в толпе незаметно обронить маленький листок бумаги с запиской в карман Ондзи. Вряд ли это могло чем-то серьезно помочь, но таким образом она хоть как-то могла успокоить свою совесть. Захочет ли он прочесть её послание или выбросит, не прочитав? Печаль окутала тяжелым темным покрывалом, украдкой взглянув на темноволосого мужчину с глазами цвета ночного неба, девочка скрылась из виду.

Азиат осмотрелся по сторонам — мимолетное ощущение присутствия Лауриты, и он уже пытался в толпе разглядеть её светлые волосы, её удивительные глаза. И непостижимый прилив тепла окутал сознание от одной только мысли о том, что она может быть где-то рядом. Но её не было, он не увидел её в толпе. Это вызвало лишь грустную улыбку — он снова обманулся, принимая желаемое за действительное. Но где бы не находилась светловолосая девочка с глазами, способными менять свой цвет под настроение хозяйки, он никогда не желал ей зла — даже после всего, что она натворила. До сих пор она была ему дорога, и он нашел в себе смелость признаться в этом.

"Лаура, где же ты?" — мысленно позвал он, но ответа так и не последовало.

Девочка сделав очередной шаг, остановилась и замерла — показалось, или её кто-то звал? Да нет, не может такого быть. Кто знает о том, что она здесь? Лаурита решительно потрянула головой и продолжила свой путь не обернувшись более. Ах, если бы она могла донести свои чувства на расстояние — он так бесконечно далек от неё, а ведь она так близко, стоит протянуть руку. Сделает ли он это? Спасет ли от боли и одиночества?

Тем временем, семеро из окружавших маленького Алишера и других детей — почувствовали, как усиливается странное недомогание и накатывает желание отрешенно закрыться в собственном коконе от всего окружающего мира. Особенно сильно это действовало на Джона. Противно гложущая душу паника наступала с новой силой. Мужчина оглянулся в поисках мнимой причины своего неприятного состояния. Не заметив ничего подозрительного, Джон досадливо поморщился и беспомощно опустил плечи. А внутри всё продолжало сжиматься, словно огромная змея, всем своим скользким телом обвиваясь вокруг, душила стальными объятиями.

Джон бережно собрал осколки, с трудом подыскивая подходящее вразумительное объяснение, зачем, собственно, он это делает — и пока не находил такового. Что его настолько заинтересовало? Может быть Рафаэль, лучше всех, кого он знал, разбиравшийся в изделиях такой тонкой работы, мог бы объяснить, для чего служит подобного рода вещь, и вместе они восстановили и расшифровали бы так волнующие его таинственные письма, выгравированные на ней.

Последней промелькнувшей среди сумбура мыслью в голове Джона было то, что не мешало бы отправить детей в более безопасное место — в Небесный Град под защиту Кали и Самаэля. Видел ли Алишер Лауру или другую девочку — неизвестно, но рисковать детьми

он не мог и не желал.

Пока разум ещё не заволокло опасной пеленой помрачения, и холодный ветер, нагнавший хмурые, грязно-серые рваные облака, охлаждал большую голову, мужчина отправил брату в Джайпур снимки осколков, сделанных камерой мобильного телефона. Непокорный рассудок продолжал незаметно сопротивляться проклятию, но уже добравшись домой — затопила удушливая волна беспричинного страха и захотелось с головой забиться в раковину собственного подсознания и не реагировать на окружающую реальность, а память услужливо предоставляла все самые зловещие, леденяще кровь и запугивающие картины из недавнего сновидения, подпитывая противоестественную мистическую паранойю. Неужели его сила способна обречь на смерть и разрушение всех и всё, что было ему дорого?

— Сенсей, не возражаете, если я подвезу вас до клиники? — азиат услужливо предложил своему соотечественнику свою помощь.

Доктор признательно улыбнулся, с благодарностью принимая любезное приглашение:

— Благодарю, Танака-сан. Буду вам очень признателен, моя машина сейчас на техобслуживании, так что такое предложение было бы как нельзя кстати.

— Всегда готов помочь, доктор. Надеюсь, вы не против моего общества? — Ондзи шутливо раскланялся, — Думаю, мы найдем, о чем поболтать по дороге, как вы думаете?

Друзьям оставалось только взглядом проводить его автомобиль.

— Не правда ли, она — совершенство? Синева её глаз, золото её волос... Такая женщина заслуживает самого лучшего. Вы согласитесь со мной? Можете ли вы дать ей то, чего она заслуживает? — Ондзи вызывающе посмотрел в карие глаза молодого хирурга.

— К чему вы клоните, Танака-сан? — настороженно нахмурился доктор.

Прищуриив свои глаза фиалкового цвета, Ондзи крепче сжал руль:

— Я прямо говорю, что такая женщина, как леди Даниэлла стоит гораздо большего, чем вечно занятой супруг, который в большей мере женат на своей работе, чем на своей очаровательной супруге.

— Вы меня в чем-то обвиняете? — от удивления доктор выгнул бровь.

— Если бы мне так повезло быть женатым на такой восхитительной женщине, — в нем говорила противоестественная зависть, горькая, едкая, жгучая и ядовитая, — я был бы самым счастливым и уделял бы ей гораздо больше внимания. Вас так часто нет рядом, когда вы нужны, что я не удивлюсь, если найдется кто-то другой, кто сможет очаровать её и восполнить недостаток интереса с вашей стороны.

— Какое право вы имеете ставить мне в укор мою работу? Я должен выслушивать всё это? — Джек сердито сжал пальцы в кулак, которым так и хотелось заехать по раздражающей физиономии водителя под влиянием внезапно поднявшейся волны гнева, столь сильного и пугающего, — Остановите машину, я сам доберусь до клиники.

— Как прикажете, сенсей, — хмыкнул Танака, стараясь казаться равнодушным, когда готов был взорваться от переизбытка нахлынувших эмоций, — я предупредил, а дальше дело ваше.

Отвлечшись на перепалку, Ондзи не заметил, как из-за поворота появился автомобиль, оглушительно включивший сирену. Крутой поворот руля, внезапный резкий толчок огромной силы — и всё завертелось перед глазами, а черепная коробка, казалось, взорвалась изнутри. Кровь, стекающая по лицу мешала смотреть, а всё тело болело так, точно представляло собой кровавое месиво из мяса и костей.

Доктор снова пережил тот кошмар, когда лежал на операционном столе — разбитый, с

переломанными конечностями, не представляя, будет ли он жить вообще, и насколько полноценную жизнь он сможет вести. Память заботливо укрыла эти мучительные воспоминания в самых отдаленных уголках сознания, а сейчас пришло ощущение такого пугающего дежа-вю, но сознание благоразумно покинуло разум доктора, давая отдых измученной телесной оболочке и не давая окончательно сойти с ума.

Пока к месту аварии спешила машина скорой помощи, остальная компания продолжила свой путь в направлении дома, простившись с Винсентом, Бьянкой и маленьким Паоло.

Когда их покидали сестры из дуэта "Sky Ocean", рыжеволосая Николь проходя мимо Джона, задержалась, ещё раз изучив его тревожным взглядом, с сожалением произнесла:

— Ты с трудом контролируешь себя. Ты становишься опасен не только для смертных, но и для магического сообщества. Наш долг — охранять тайну существования магии, и если ты станешь представлять угрозу, то мы вынуждены будем остановить тебя. И поверь — мы исполним свой долг, если потребуется.

Мужчина лишь смиренно кивнул, отводя затуманенный заклятием взгляд, но за него тотчас же вступилась Маргарита:

— Никки... не говори так, ведь мы же друзья, — с надеждой заметила темноволосая малышка.

— Да, друзья, но наша миссия — превыше всего, и в ней места для сантиментов, — за сестру ответила такая же сосредоточенная Мишель.

— Мишель? И ты считаешь так же? — Маргарита перевела взгляд на неё, ища поддержки и понимания в глазах цвета морской волны.

Рука русоволосой Стражницы мягко легла на плечо девушки:

— Прости, малышка, но у нас есть то, что более важно для нас, — Маргарита взволнованно задержала дыхание.

Джон, молчавший до этого, неожиданно подал голос:

— В таком случае, я прошу вас не сдерживаться. Я сам прошу вас остановить меня, если моя сила выйдет из-под контроля.

Доктор пришел в себя, он пытался напрячься и вспомнить произошедшие события, но стоило ему открыть глаза, как яркий белый свет хлестко резанул по глазам. Возвращение к реальности было ещё более болезненным, чем сама автокатастрофа.

Однако, в голове наступила отрезвляющая ясность, но оставалось такое чувство, что он лишился какой-то части своих воспоминаний.

Джек понимал, что находится в больничной палате, но не мог вспомнить, почему он здесь. Хотел приподняться, но в голове отдало острой болью и головокружением до тошноты и потери сознания.

Очнувшись повторно, вернулась и боль, но была она уже настолько яркой. С трудом скосив взгляд вправо, мужчина увидел кисть своей правой руки в металлических пластинах и штырях и застонал от отчаяния.

Отворилась дверь палаты, и вошел лечащий врач с выражением искреннего сочувствия на лице взглянувший на его руку, от чего возникало жгучее желание обреченно взвыть:

— Господин Хадзама... Ваша правая кисть раздроблена, мы сделали всё возможное: сопоставили кости, наложили шины, восстановили целостность сухожилий и нервов, но всё же... Пройдет достаточно времени, прежде чем подвижность и чувствительность восстановятся, но даже тогда нельзя гарантировать, что функции вернуться в полном объеме... — на этих словах врач замолчал и продолжил уже совсем неуверенно, наблюдая,

как темнеет лицо пациента, и как он пытается крепче стиснуть зубы, не имея возможности хоть как-то пошевелиться на больничной койке, — Вы не сможете выполнять деликатную работу... вы не сможете больше оперировать, доктор... Вы понимаете? Безусловно, за ваши выдающиеся заслуги, вас с честью примут в качестве консультанта, но не оперирующего хирурга.

— Ложь! — зло сплюнул японец, напрягая мышцы лица, — Вы лжете! Это всё — ложь...

— Вы вернее меня знаете о последствиях подобного рода травм, — осторожно, с сочувствием, проговорил врач, — Сожалею, Хадзама-сенсей. Никто не смог бы провести операцию лучше...

— Я... смог бы... — беззвучно прошептали пересохшие губы Джека.

— Вы помните, что с вами произошло?

— Голова... так болит... — слабо двигая языком, поинтересовался доктор, даже в таком состоянии он оставался врачом, — должно быть, была авария... Водитель? Что с ним?

— Не волнуйтесь, ваш друг отделался менее значительными повреждениями и выразил желание поскорее поставить в известность ваших близких, что типично для его ситуации — он считает себя виновным в трагедии, так как был за рулем транспортного средства. Вашему приятелю повезло больше, чем вам, но в нем говорит вина за случившееся. Он отверг мои рекомендации касательно собственного здоровья.

Проведя необходимые врачебные манипуляции, лечащий врач удалился, оставляя Джека предаваться раздумиям насчет дальнейшей жизни без любимой работы. Он думал, что сильный, но сейчас был беспомощнее младенца. И как теперь жить ему, привыкшему всего добиваться самому и своими руками строить свою судьбу.

Давно Ондзи не испытывал такого страха — не отдохнув, не переодевшись и не дождавшись, пока подействует обезболивающее, такси уже несло его, петляя улицами, чтобы сообщить о печальном происшествии. На его счастье, во время самого столкновения, не замеченные среди дыма, от них отделились две серые субстанции, больше походившие на химерные облака темного дыма, и проклятие двух из смертных грехов, программирующие своих носителей на саморазрушение вплоть до гибели, освободились для поиска новых жертв.

Обнаружив в кармане своего пиджака короткое послание, выполненное знакомым почерком, Ондзи ещё долго держал его в руке, шепотом зачитывая наизусть, а душа беспокойно металась подстреленным зверем.

Не менее драматичными смятениями раздираема была душа и помощника азиата.

Винтер проводил мать и её дитя до дверей их дома, задержав руку женщины в своей ладони дольше обычного, пока сынишка побежал переодеваться.

Наконец он смог отпустить Бьянку, уже развернувшись, чтобы уйти, скрывая печаль в своих глазах, как цепочка на его шее порвалась, и хранимый им столько лет оберег упал к его ногам. А он не успел подхватить его, стоя и растерянно глядя в пол.

— Эта дама на портрете... Кто она? — белокурая женщина наклонилась, чтобы поднять оброненный им кулон и замерла, изумленно хлопнув ресницами.

С тихим звуком ударившись об пол, украшение раскрылось, и на неё с портрета на внутренней стороне смотрела копия Бьянки в богатом платье старинного кроя. И от этого пугающего сходства неприятный холодок пробежал по позвоночнику, вызывая нездоровую бледность.

— Она умерла много лет назад. Очень много лет... — Винсент поспешил забрать вещь

из её протянутой руки.

— Она так похожа на меня... — несмело заметила молодая женщина и склонила голову.

Мужчина коснулся ладонью её плеча:

— Скорее наоборот, это вы удивительно похожи на неё. И это так... невероятно.

— Вы... Вы любили её? — шепотом спросила Бьянка и печально умолкла, отстранившись от него.

— Больше, чем кого-либо в этом мире, — выдавил из себя признание Винсент, стараясь быть откровенным с ней, и не осознавая, насколько ранит её своими словами, — Сильнее я, пожалуй, любил только ещё одну женщину в своей жизни, нашу дочь Стефанию.

А белокурой Бьянке было очень больно. С чего она вообще могла решить, что интересна ему сама по себе? Как она могла подумать, что в жизни такого мужчины не было женщины? Тем более такой женщины, с которой никто не сможет соперничать — с его родной дочерью. Она, видимо, сейчас уже стала совсем взрослой барышней, отрадой для отца. Как она посвятила всю себя воспитанию сына, так он, должно быть, отдает все внимание дочери... Она не смела винить его, наоборот — могла только восхищаться такой трогательной верности семье с его стороны. Но сердце отчего-то тоскливо сжалось. Он и так сделал для неё слишком много и поддержал тогда, когда она больше всего в этом нуждалась — так имеет ли она право требовать от него большее?

— А ваша дочь, где она сейчас? — спросила она, чтобы сгладить неловкую паузу, и тут же поняла, какую нелепость сказала: лицо мужчины заметно помрачнело.

— В лучшем, смею надеяться, мире, — его голос дрогнул во время ответа, — вместе со своей матерью.

— Господи, мне так жаль... — светловолосая женщина виновато опустила глаза, — Прошу простить мою бестактность, я ведь не могла и подумать.

— Вам я готов простить всё, что угодно, — мягко улыбнулся Винтер, проведя рукой по её щеке и мягким светлым волосам, перебирая золотистые пряди, от чего женщина дернулась, нервно вздрогнув, хватая губами воздух.

— Винс, не надо... — Бьянка набрала воздух в легкие и глубоко вздохнула в попытке побороть горечь и разочарование от того, что ей готовы многое простить, принимая за другую, упуская её собственную личность, — Вы видите во мне лишь замену той, другой. Так неправильно. Я — не она. Возможно, сейчас мы забудемся, и это будет как прекрасный сон, как... несбывшаяся мечта. А потом наступит прозрение, и будет оно болезненным для нас обоих, оставляя нас с разбитыми сердцами и ранящими душу воспоминаниями. Если я хоть что-нибудь для вас значу, как Бьянка, а не как копия почившей супруги, вы не будете настолько жестоки со мной.

Всё не так, всё не правильно. Так не должно быть. Она не сможет жить чужой жизнью, пусть и так похожей на неё женщины, ведь у неё есть собственные желания, мечты и стремления. Да и использовать свое сходство не хотелось — это было бы верхом бесчестия. Сыграть на чужих чувствах в свою пользу. А сам Винсент? Не возненавидит ли он её, когда осознает, что она — не его покойная возлюбленная, а другая женщина, на которую он спроецировал свои чувства?

Прозрение принесет обоим столько боли и разочарования...

— Я бы не посмел... — виновато пробормотал Винсерас, и взгляд его глаз болотного цвета заметно потеплел.

— Я очень тебя прошу, Винс, не мучай меня. Теперь тебе лучше уйти, пока мы не

натворили ещё больших глупостей... — женщина тяжело выдохнула, с трудом заставляя себя не смотреть на него, напряженно застывшего с протянутой рукой.

— Мне сейчас лучше уйти, верно, — опустив руку, машинально повторил он за ней, судорожно сжав пальцы, — Всё равно я теряю способность здраво мыслить в вашем присутствии...

— Мама! — на их голоса прибежал темноволосый мальчуган, обхватив колени матери своими маленькими ручками, — Мама, а дядя останется с нами ужинать? Давай попросим его остаться? — Паоло поднял голову, заискивающе глядя на мать.

И Винтер замер в ожидании — в глубине его исстрадавшейся души затеплилась робкая надежда, что его не прогонят, что ему позволят остаться. Он уже давно отвык даже думать о женщинах — с того времени, как похоронил свое сердце вместе с женой и дочерью в семейной спальне, он блуждал по жизни и не находил покоя. Пока не встретил Маргариту — внешне она была противоположностью его дорогой Анне, но своим характером напомнила о том, о чем мучительно было вспоминать, разбередив так и не зажившие раны. Но именно тогда внутри поселилась трепетная надежда, что стоит жить, и быть может... Быть может, однажды он встретит свою женщину...

И вот этот день настал — в её глазах хотелось утонуть, её золотистых волос хотелось коснуться... Она пробудила в нем давно забытые чувства. И если Бьянка отвергнет его, то что остается у него в этом мире? От близости её тепла и запаха легкого парфюма с примесью ароматов сладкой выпечки кружилась голова, першило в горле и слезы подступали к глазам. Желать эту женщину казалось почти кощунством, но побороть себя никак не выходило... Вспомнилось, что точно так же пахла его Анна, которая очень любила готовить и часто вместе с кухонной прислугой занималась готовкой, а ему нравилось целовать её перепачканные в муке губы, чтобы она звонко и так чисто рассмеялась. Малышка дочка в своей какой-то детской ревности хватала своими пальчиками рассыпанную по столу муку и мазала ею свои щечки, повернув личико, всё в белых пятнах к нему, чтобы папа обязательно не забыл и её поцеловать. И когда он делал это, девочка весело хохотала и хлопала в ладоши, поднимая белую мучную пыль, что оседала потом на его волосах и усах.

— Паоло, тебе хотелось бы этого? — женщина дрожащей рукой провела по черным кудрям сына.

— Конечно, мамочка! — радостно закивал ребенок, — Ну, давай попросим, пожалуйста-пожалуйста!

Мужчина испуганно вздрогнул, ожидая ответа женщины, как своего приговора.

Бьянка кивнула, улыбнувшись.

— Благодарю, — мужчина взял в свои руки её ладони и поднес к своим губам, — Я сделаю всё, чтобы тебе никогда не пришлось пожалеть о том, что не прогнала меня и дала мне этот шанс. Ты нужна мне, очень нужна... — и ей захотелось, Боже, как же ей захотелось просто поверить его словам и полностью довериться ему.

Она обещала себе быть сильной ради сына, но так сложно было оставаться таковой в одиночку.

— Винс, ну не при ребенке же, — женщина смутилась и покраснела, но неприкрытая чувственность в его взгляде говорила об искренности его желания.

— После того, как папа ушел, маме так тяжело и плохо... — совершенно серьезно заметил темноволосый мальчуган, когда мужчина нагнулся, чтобы взять его не руки, — Вы

поможете ей, сеньор Винсерас? Помогите ей, прошу вас... Я так хочу увидеть, как мама снова улыбается.

И ничего более прекрасного и светлого он не испытывал уже так давно... и думал, что не испытает уже никогда.

— Я тоже хочу этого больше всего на свете, малыш, — тихо ответил Винтер, погладив черные кудри ребенка.

Отоварившись и завершив-таки свой безумный шоппинг-марафон, Маргарита замерла в нерешительности вместе со своей тележкой из супермаркета, доверху нагруженной покупками — на улице нос неприятно защекотал запах дыма, а в двух кварталах пронзительно взвыла серена промчавшейся пожарной бригады. Если бы её спросили сейчас, то девушка не смогла бы дать вразумительного ответа, что же двигало ею в тот момент, когда она забросила новые приобретения, кроме большого пятилитрового бутыля минеральной воды, в салон такси, дав купюру водителю и попросив подождать её на стоянке магазина минут пятнадцать. Она не могла бы объяснить, чем думала тогда, почему сорвалась, что хотела предпринять и как не боялась, что таксист может в это время просто-напросто скрыться с её товаром. Маргарита просто бежала на этот дымный запах и громкие людские голоса. И она оказалась права — горело здание неподалеку. Девушка никогда не проявляла больших достижений в спорте, вот и сейчас скоростной забег с дополнительным грузом воды заставил её мучиться отдышкой, зато в голове неожиданно наступило просветление, мысли были кристально чистыми, а свое поведение она расценила, как единственно верное.

Возле пожарной машины надрывно рыдала женщина, укутанная в клетчатый плед. Когда ей предложили успокаивающий чай, она резко отвергла предложение, всё продолжая повторять, что в доме остался её маленький сын, её мальчик.

— Мадемуазель, вы в своем уме? Куда? — перепуганный страж правопорядка окликнул девушку, но она уже не слышала его слов, — Что вы делаете?

Маргариту уже не остановить было. Сердце сжал такой всеобъемлющий ужас, стоило ей представить ребенка одного, без матери, плачущего от страха в охваченном пламенем доме и зовущего мать, что ноги сами понесли в направлении угрозы. Тысячи высокоимпульсных разрядов доносили в мозг единственную важную для женщины, для матери, мысль — там в опасности ребенок, незащищенное дитя. Она же сама теперь мать. А если бы на месте этого ребенка оказался её сын? Её сын... А будет ли дан ей такой шанс? От этих дум стало вдруг больно и горько.

Если она не сможет дать жизнь собственному ребенку, то хотя бы спасет этого.

Раздумывая не долго, Маргарита вылила на себя содержимое бутыля с водой и рванула с места, не отвлекаясь на оклики полицейских — ей ли, повелительнице пламени, бояться огня? И в это мгновение от её тела отделилась темная облакообразная субстанция, и действие проклятия было нейтрализовано искренними и сильными переживаниями её сердца о ближнем, пересилившими мысли о её собственной безопасности.

Когда Маргарита снова появилась, наглотавшись дыма и закашлявшись от едкого раздражающего привкуса во рту и опаляющей боли, разрывавшей её легкие, неся на руках бесчувственного мальчика, завернутого в её мокрый джемпер. Передав сына матери, едва не повредившейся рассудком от горя, девушка упала, потеряв сознание.

— Но, каким образом? Как вам удалось? — с трудом разомкнув тяжелые веки, Маргарита увидела перед собой встревоженное лицо полицейского, склонившегося над ней,

в руке он держал стакан с водой.

— Лучше даже не спрашивайте, — девушка взяла стакан из его рук и сделала несколько жадных глотков, — Я была в состоянии аффекта.

— Да? — не похоже было, что его устроил такой ответ, — Вам знаком этот ребенок? Вы знаете его мать?

— Нет... Нет, я впервые их вижу, — девушка отрицательно покачала головой.

— Тогда, почему? — у полицейского возникло много вопросов, похоже было, что он отчитывает её, на что Маргарита недовольно поморщилась, — Почему вы рисковали собой ради незнакомых людей? Ребенка бы в любом случае попытались спасти.

— Я сама не понимаю, что произошло, я думала тогда только о том, чтобы спасти этого мальчика, — теперь уже она морщилась от сильной давящей головной боли и неприятного тянущего ощущения обожженной кожи, — Я же сама мать, как вы не понимаете?

— Так вот она, наша героиня? — вездесущий папарацци оказался тут как тут со своим доставучим вниманием, — Не откажетесь побеседовать с прессой? Расскажите, что вы чувствовали? Вам было очень страшно?

— Без комментариев, — сейчас Маргарите хотелось только одного — поскорее оказаться дома, выпить чашку горячего кофе, чтобы перестало морозить, упасть головой на любимую подушку и накрыться с головой одеялом, — Разрешите пройти, мне нехорошо. Мне нужно домой... — она поспешила исчезнуть с места происшествия и вернулась к ожидающему её такси.

Пока Маргарита ехала домой, её златокудрая подруга ехала с занятий в художественной студии, куда ей посоветовал записаться Марк, где не присущим ей зазнайством не только проявила свой талант живописца, но и необыкновенной бравадой бахвалилась им.

Блондинка упаковывала в багажник свою картину и принадлежности для рисования, когда рядом пронесся черный джипп с тонированными стеклами, а за ним, воя и мигая — автомобиль внутренней полиции.

Зачем и для чего она это сделала? Что и кому хотела доказать? Потом Даниэлла не находила весомых причин подобного поведения, но в тот момент что-то выиграло в её крови с такой силой, что попросту невозможно было сопротивляться. Она была уверена, что сделает всё лучше профессионалов и гладко проведет задержание, чтобы потом благосклонно принять заслуженную похвалу.

Резко захлопнув багажник, Дэни запрыгнула в машину и дала по газам на полную мощность.

Было ли это стремлением покрасоваться или заявить о себе — уже не важно было, девушка даже не пыталась остановиться, проскочив пару раз на красный свет и свернув на третьем перекрестке по кротчайшему пути старыми переулками. Удача в этой безрассудной гонке, судя по всему, была на ее стороне. Девушку вела сила проклятия, и если бы не слаженные действия полиции и жандармов, то одержимость гордыней привела бы напрямиком на тот свет.

Стало быть, хранила её и некая высшая сила, ибо Даниэлле не пришлось даже таранить транспортное средство преступников, как она предполагала изначально.

— Вы так бесстрашно направили свой автомобиль наперерез грабителям — что вы чувствовали в этот момент? — дальше белокурая уже плохо помнила, что происходило и очнулась только когда её окружили незнакомые люди и начали задавать множество вопросов.

— Ах, это вы обо мне говорите? — девушка ослепительно улыбнулась и неожиданно даже для самой себя, выдала вдруг, — Что же... Давайте поговорим обо мне. Спрашивайте. Моё имя — Даниэлла. Не стесняйтесь — что ещё вы хотите знать?

В другой раз она со стыда бы сгорела от такой наглости, но сейчас ей всё было ни по чем.

Первым делом навстречу Маргарите выбежала Аделька, которой девушка вручила одну коробку огромных размеров, и вторую — поменьше.

— О, Боже! Она же ростом с меня! — девочка с восторгом рассматривала сквозь прозрачный блистер большую голубоглазую куклу в белом атласном платье невесты и свадебными аксессуарами — колье и фатой, — И я могу примерять её ожерелье и чудесное платье. А какие у неё прекрасные мягкие шелковистые волосы, и они так блестят на солнце. Она похожа на ангела.

— Ты — мой маленький ангел, — счастливо улыбнулась Маргарита, довольная, что смогла доставить радость и угадать желание ребенка.

— О, а это что? — вторая кукла была стандартных размеров, но радости от её получения было не меньше, — Ах, да ведь это же Кен! И он может бриться, как папа, то есть, не по настоящему, конечно, — объяснила девочка, показывая, что многое уже знает и многое понимает, — Щетина на его лице исчезает и снова проявляется от воды разной температуры: холодной или теплой.

Алишер и Роза получили от Маргариты конструкторы и новые спортивные костюмы.

Но тут в коридоре появилась мать девушки, посмотреть, из-за чего такой шум.

— Марго? Откуда всё это? — мадам Валентина неодобрительно посмотрела на два громадных пакета с покупками, что стояли в прихожей.

— Ммм... Я просто купила. Нам же всё это нужно? — Маргарита закусил губу, её глаза виновато бегали из стороны в сторону, — Правда...

— Ты думаешь? — мать заслуженно была недовольна ею.

— Не знаю, что со мной, руки просто сами делали свое дело... — девушка развела руками, она действительно не могла объяснить, что произошло. Хорошо ещё, что успела надеть новый свитер взамен испорченного, а то пришлось бы объяснять и свой внешний вид.

— Шарль, — женщина крикнула в комнату, позвав супруга, — ты только посмотри, дорогой, ты только посмотри, что вытворяет наша дочь. А я говорила тебе, что ты ей много позволяешь и вот — совсем разбаловал.

На помощь девушке пришла подруга Джастина, высокая девушка с каштановыми волосами, большими глазами серого цвета и совершенно не женской мускульной силой:

— Мадам Валентина, это я попросила Маргариту купить продуктов для кулинарного шоу, в котором я участвую, — взяв оба пакета, она отнесла разбирать их на кухню.

— Джесси, вот как... — Валентина немного смутилась, но чтобы смутить её окончательно требовалось нечто гораздо большее, — А я уже было подумала, что наша Марго совсем денег не считает.

— Мерси, Жюстин, — поблагодарила Маргарита, без сил плюхнувшись на кухонный диван, — Честно говоря, я не знаю, что на меня нашло... Но, за все уже заплачено, не выкидывать же теперь.

— Твои покупки как нельзя кстати, и это я хотела тебя поблагодарить, — шепотом ответила сероглазая, краснея от смущения, — Со мной сегодня тоже весь день творится что-то неладное. Я же приготовила ужин на всех, но вдруг почувствовала себя ужасно

голодной... Представляешь, я одна съела практически весь ужин, и если бы не соседская кошка... Несчастное животное застряло на дереве, и соседка, эта милая старушка из дома напротив, пришла просить кого-нибудь спасти любимого питомца. О, у меня до сих пор копчик болит, как я летела с дерева. НО! Я спасла-таки эту кошку, веришь ли? — Маргарита взволнованно ахнула, прикрыв рот ладошкой, — Я так испереживалась, пока лазила за ней. А потом... я как будто проснулась, и долго не могла понять, что же я делаю. Заглянув на кухню, я просто обомлела — неужели я смогла столько съесть? До сих пор живот болит.

— Бедняжка, — Маргарита всплеснула руками, но больше ничего сказать не успела.

— Всем привет! — с сияющей улыбкой на кухню заявила вернувшаяся Даниэлла, задорным взглядом окинув купленное, — О! А что это тут у нас? Готовите вечеринку в мою честь? Вы уже видели в новостях?

— Ди? Ты как-то странно себя ведешь? — недоверчиво переспросила миниатюрная брюнетка, — С тобой всё в порядке?

— Да что бы вы понимали, — обиженно фыркнула златовласая, — Вы разговариваете с героиней дня!

— Что же с нами всеми произошло? Мы на себя не похожи, — задумчиво пробурчала шатенка.

— Понятия не имею, о чем вы. У меня всё отлично, — повела плечами белокурая, — На что спорим, это звонят пригласить меня на интервью.

— Тебе виднее — возможно, и так, — устало согласилась Марго, а телефон Даниэллы тревожно зазвенел.

— Да? Да, это я... — лицо златовласой моментально стало серьезным, — Что? Что вы говорите? Как? Когда? Где? Я ничего не понимаю... — она замотала головой и стала часто моргать, — Боже, этого не может быть... Как же так? — от её тела отделилась темно-серая дымоподобная субстанция, и девушка бессильно осела на пол, — Как же так...

— Дорогая, что стряслось? — девушки помогли подняться подруге.

— Джек... Джек... — с трудом заставила себя произнести Даниэлла, — Он попал в аварию. Господи, ну почему, почему?

— Мы сейчас же собираемся и едем. Они назвали адрес? — пока Джастина отпаивала её, Маргарита решительно поднялась со своего места и поднялась в спальню, — Жан! Ты дома?

Но муж так ей и не ответил.

— Дочка, а ты разве не встретила с ним? — с удивлением спросила мать, остановив Маргариту на лестнице, — Он вышел прямо перед твоим приходом.

— Вот как... — девушка задумчиво прикусила палец, — Нет, я не встретила его. Ничего, по дороге позвоню.

— Такси вызывать не нужно, — озвучила златовласая, — Танака-сан уже едет за нами, он просил подождать его.

— Вот и хорошо. Ты, главное, не волнуйся, всё будет хорошо, верь мне, — Маргарита присела рядом, обнимая подругу и достала телефон, чтобы набрать номер Джона, но ответом ей были длинные гудки, — Ну, как так — абонент вне зоны... Жан, возьми трубку, пожалуйста, — она нервно постукивала пальцами по экрану, — Опять гудки...

Не успел экран телефона погаснуть, как раздался новый входящий вызов:

— О! Звонок, это, наверно, Жан, — Маргарита была почти уверена, что это Джон перезванивает, но к её разочарованию звонил его брат, — Да, Рафаэль, это я. ЧТО? Вы где?

Когда вы прилетели? Почему же не предупредили? Где сейчас Жан — я не знаю, только собиралась ему звонить. Что-то случилось? Как, ты знаешь, где он? Но, откуда? — события происходили с такой скоростью, что она уже перестала что-либо понимать, при этом сохраняя удивительную способность ясно мыслить, — Да что же это такое творится, а? У меня от всего этого уже голова кругом. Знаете, давайте сделаем так — вы поезжайте в клинику, а я встречу Рафа и Ями, мы найдем Жана и подведем.

Уже вечерело. Маргарита встретила в центральном парке родственников мужа. И Рафаэль рассказал ей, как вскоре после того сна, что так напугал Джона, ему самому приснился отец, просивший помочь старшему брату. Им доверили миссию, которую нельзя было доверить никому другому. Старший брат и хранители были в большой опасности. и только он смог расшифровать письма с осколков, а князь подсказал, где в огромном Париже можно будет отыскать Джаньяна. Маргарита же рада была принять любую помощь и благодарно приняла её от Рафаэля.

— Танака-сан, расскажите, как это случилось? — пока таксист парковался, навстречу уже выбежала златовласая, в её глазах стояли слезы.

Ондзи не должен был помнить деталей последнего спора, но стоило взглянуть на неё... Видимо, действительно грехи подпитывались тем, что жило глубоко в их душах и что они сознательно или подсознательно подавляли в себе. Предостережения Лауриты были верны, и это оказалось настолько серьезно, чтобы она не могла промолчать.

— Мы повздорили, — коротко ответил азиат.

— Вы? — с недоверием переспросила Даниэлла.

— Я не должен был произносить того, что сказал... Не знаю, что дернуло меня за язык, — он не мог лгать, не мог лгать этим ясным глазам, — Но я не мог больше держать это в себе, я должен был сказать...

— Сказать о чем? — девушка не могла поверить тому, что слышит, она растерянно отступила.

— О силе своих чувств... — если он решил добить её окончательно, то может считать, что у него это получилось.

— Почему вы всё это говорите мне? — всё, что происходило сейчас, начало казаться Даниэлле кошмарным сном.

— Потому, что давно и безнадежно восхищаюсь вами, и не в силах больше молчать, — Ондзи утомленно опустил голову, — Доктор был не в восторге. Не понимаю, как я осмелился... Целый день со мной сегодня происходит нечто странное и непонятное.

— Непонятное? — девушка задумалась, а мужчина вовремя успел взять её по руку, иначе она упала бы, — Сегодня все мы чувствовал себя странно.

— С вами всё хорошо? Только не говорите, что тоже заражены, — сил говорить не было, потому белокурая энергично замотала головой, — Вы в праве наградить меня презрением, но если не лишите своей дружбы и своего расположения, то я буду самым счастливым из смертных.

— Ондзи... не стоит, — на его бледное взволнованное лицо невозможно было смотреть и оставаться равнодушным, — Я не держу на вас зла. Всё, что произошло сегодня, делалось под властью сил, которым мы не могли сопротивляться. Но мне жаль, что не могу ответить на ваше признание, как вы того заслуживаете. Надеюсь, вы примите мою дружбу, ибо не могу предложить вам большего.

— Я рад буду остаться вашим другом, — он не смел поднять на неё глаз, когда так

хотелось провести рукой по её щеке и согреть в своих объятиях.

В диком танце сойдутся два лютых врага,

Лёд и пламя на миг преградили твой путь.

Две дороги, но верная только одна,

За ошибку не смерть — так иная судьба.

Сделай только лишь шаг, о другом позабудь,

Пусть сомненья уносят ветра!

Да начнётся игра!

— Что ты делаешь? Куда ты направляешься? — Джон остановился, замерев, прислушиваясь к голосу в своей голове, — Не туда...

Удивительное дело — он слышит своего умершего отца. Неужели это всё — последняя степень сумасшествия? Он так и догадывался, что происходит что-то неладное, но и не предполагал, что будет по-настоящему сходить с ума. Это было так страшно. Джон ладонями зажал уши и продолжил бег, сам не понимая, куда или от чего он бежит.

Вернувшись с прогулки, он чем только не пытался себя занять — и поиграл вместе с сыном и Розалиндой в игры на приставке, и повозился с малышками-близнецами, даже приснул с ними минут на тридцать. Рядом с ними ему становилось немного легче, но вскоре и этого стало мало — он проснулся от непреодолимого желания забиться в самый дальний угол. Сами стены давили на него, было душно, невозможно было дышать и негде было спрятаться от этого помешательства. Он даже не удосужился придумать достаточный предлог — просто вышел подышать воздухом, потому что задыхался, а ноги ускорили шаг, и он уже не разбирал направления.

Голос в его голове всё продолжал неотступно преследовать его и настойчиво взывать:

— Ты не сможешь всё время бежать, от себя не убежишь. Прими себя, иначе всю жизнь так и будешь бегать, — князь и при жизни был достаточно суров, но сейчас он был особенно сердит и выказывал недовольство сыном, — Куда ты направляешься? Не туда... — но сейчас, кроме того, что голос был хмурым, в нем отчетливо звучали теплота и участие.

— Отец, я должен, я не могу подвергать опасности дорогих мне людей, — Джон изнуренно прислонился к ближайшей стене, вытирая рукой вспотевший лоб.

— Ты должен побороть свой страх, — князь уже намного мягче обращался к сыну, — Как ты сможешь помочь другим, если не можешь помочь самому себе, если боишься самого себя? А ведь ты никогда не был трусом, Джанъян. Освободи себя. Вспомни, что для тебя важно в этом мире и помоги тем, кто нуждается в твоей защите.

— Но, что я могу, отец? — оцепенев, он устало опустил голову на грудь и опустил по стене на землю.

В трудные для него часы, отец всегда подсказывал и направлял его, вот и сейчас — кому ещё он может довериться:

— Ты можешь всё, не можешь только жить в постоянном страхе, подавляя свой дар. Сейчас в тебе говорит одержимость мистической фобией. Поверь в себя, только так ты можешь спастись сам и спасти тех, кто тебе дорог. Ты — мой сын, и я верю в тебя, но этого не достаточно, пока ты сам...

— Поверить в себя... — слабо повторил Джон, — Кажется, именно этого мне и не хватает сейчас.

Татуировка с изображением дракона на его коже пылала и жгла плоть, внутри всё также горело.

Удивительно, но этот огонь точно выжигал все его страхи, которых становилось всё меньше и меньше.

Джон открыл глаза и несколько раз удивленно моргнул — он смотрел вниз с высоты двухсот десяти метров смотровой площадки небоскреба на Монпарнасе. Голова закружилась, усиливая чувство опасности, и он поспешил отойти подальше от края. Небеса точно прорвало в тот момент, когда он опасливо посмотрел на свои руки, в одной из которых плясало пламя, а вторая была покрыта коркой инея — на горизонте устрашающе полыхали вспышки молний и громыхали громовые раскаты, а ветер нещадно трепал его длинные волосы.

В диком танце сойдутся два лютых врага,
Лёд и пламя на миг преградили твой путь.
Две дороги, но верной здесь нет для тебя,
И твой путь — напрямик, где иная судьба.
Сделай только лишь шаг, о другом позабудь,
Пусть сомненья уносят ветра!
Да начнётся игра!

— Не бойся, Джаньян. Ничего не бойся. Просто поверь в себя, только ты способен принять подобный вызов судьбы и остаться самим собой. Будет сложно, но лишь твоя сила в состоянии остановить такое мощное проклятие. Отпусти её... Сделай этот шаг, переступи через свои страхи.

— Я хочу верить! — пронеслось в его голове, и перед мысленным взором пронеслись самые яркие воспоминания прожитых лет...

Да, он определенно был счастлив в своей жизни, и тем более жаль было терять её. Ничего не поздно, пока человек жив... Человек... А кто теперь он? В глазах потемнело, тупая боль сдавила грудь, сознание повело, мысли путались и непослушное тело сделало шаг в пустоту. В его широко распахнутых глазах отразились бриллианты ночных звезд.

Именно теперь он больше всего хотел жить.

У него больше не было крыльев...

I get up, I get down

All my world turns around

Who is right? Who is wrong?

I don't know...

I've got pain in my heart

Got some love in my soul

Easy come, but I think easy go

I need you so

Although times

I move so slow

А в утренних газетах напишут о не поддающемся какому-либо научному объяснению, восхитительном по своей красоте — явлении глобального северного сияния. Его можно было наблюдать во многих уголках земного шара — одновременно по всему миру. И ещё долго ученые будут ломать голову над этой загадкой природы.

Небеса рушились и ранили его своими осколками, благо, люди, созерцавшие удивительное природное явление, не заметили его падения.

— Где я? — Джон открыл глаза и увидел яркий свет и силуэт отца в белом одеянии, —

Отец? Я тоже умер?

— Ты лишился большей части своего дара и своей божественной силы, чтобы разрушить магию ларца. Скоро сознание возвратится к тебе, и ты вернешься к своей семье. Ты продолжишь свою жизнь на земле и свою миссию Хранителя, но уже не как неуязвимый Аватар, а как простой смертный.

— Благодарю, отец, — с признательностью улыбнулся мужчина, — Это даже больше, чем я рассчитывал.

— Жизнь смертного нелегка. Ты будешь стареть и однажды покинешь этот мир, — сознание шло на голос князя без страха и опасений, а руки тянулись к отцу, — Но прежде, ты успеешь совершить ещё немало славных дел.

— Я не боюсь, — кивнул Джон, — Я постараюсь максимально использовать этот шанс.

— Ты так отчаянно хотел стать человеком, что напоминал мне Пиноккио, — благодушно усмехнулся Вайвасват.

На это сын его грустно заметил:

— И по иронии, я — не терпящий недосказанности и лжи, увяз в них по самый нос.

— Это не ложь и не обман, ты сам не понимал, что с тобой происходит, — попытался успокоить его отец, — Однако же, ты не пожелал сдаться, ты не смирился и продолжал бороться. Противостоять самому себе, своим сомнениям и страхам — не это ли самое тяжелое? Но ты смог выстоять и победить. Далеко не каждому это дано, поверь.

— Вероятно, но... — Джон сморгнул слезу, не желая прощаться с родителем.

— Ты нужен им, Джаньян, нужен своей семье. Иди, тебя уже ждут... — последнее благословение, и отец исчез в молочном тумане.

И снова настигли его страхи, потаенные в самых дальних уголках души — захотелось закричать, но темная воронка всё сильнее затягивала его.

— Там, — Рафаэль указал куда-то вверх, где должна была быть смотровая площадка, — Он должен быть там, так сказал отец.

— Но, но это же... что Джону делать там? — Маргарита подняла голову и увидела нечто ярко светящееся и напоминающее падающую звезду в окружении туманного серого облака.

Джону было бы легче, знай он, что в момент, когда люди наблюдали необыкновенное глобальное яркое сияние, его младший брат Рафаэль под этим же небоскребом подбросил в воздух шкатулку, аналогичную разбившейся, копию которой он взял в храме по совету князя, чтобы запечатать и уничтожить демоническую заразу, выпущенную Лауритой.

Тяжелые холодные капли падали на щеки, на руки, на тротуар, и на клумбу с розами, где лежал смуглый мужчина, смывая кровь и грязь с лица.

— Жан, прошу тебя, не оставляй нас! — заикаясь от волнения, Маргарита пыталась своими слабыми ручками давить на его широкую грудную клетку, чередуя надавливания с искусственным дыханием, продолжая всхлипывать от отчаяния, закусив губу, — Ну, же! Пожалуйста, открой глаза. Дыши, дыши, умоляю. Ты же всегда был сильным и никогда не пасовал — так не сдавайся же сейчас! Не может вот так взять и уйти самый лучший парень на свете.

— Черт возьми, золотые слова, детка, — темные ресницы дрогнули, и любимые карие глаза взглянули на неё с теплотой и лукавством, — Только ради того, чтобы ещё раз услышать их, произнесенные тобой, стоило не один раз умереть и снова воскреснуть, — Джон напряг мышцы лица, силясь изобразить добродушную улыбку на израненном лице, —

Где я? Что я здесь делаю?... Что вы здесь делаете?

— Жан! — Маргарита обвила руками его шею, продолжая рыдать на его груди, и слезами облегчения смачивая его порванную рубашку, — Слава Богу, ты жив! Прощу, обними меня крепче, мне необходимо почувствовать тебя, чтобы удостовериться, что ты не снишься мне, и я вижу тебя на самом деле.

— Не бойся, я реален, — он дотронулся пальцами до мокрой щеки девушки и слабо улыбнулся, воспоминания постепенно возвращались к нему, печальные и радостные, грустные и счастливые, но одинаково дорогие его сердцу, — Не скрою, что желал избавиться от тяготившей меня силы, а вот сейчас я чувствую себя напуганным ребенком в темной комнате. Моя сила была частью меня, и я сейчас в смятении на пороге неизвестности. Я не боюсь, нет. Но мне предстоит теперь заново познавать эту жизнь на вкус, на запах, на цвет — как обыкновенному человеку, что живет один раз и дорожит своей жизнью. Я постараюсь, я справлюсь. Обещаю... Я хотел этого с того дня, как впервые увидел тебя. Ты помнишь? — ну, конечно же она помнила, это просто невозможно забыть, его руки, его говорящий взгляд, его голос, поющий тихую проникновенную песню, искренняя и бескорыстная поддержка, в которой она так нуждалась в тот день, — Кто я без тебя? Я мечтал просто жить рядом с любимым человеком. И теперь, когда всё закончится, у меня будет шанс исполнить свою мечту.

— И ты не жалеешь, что променял свое бессмертие? — большие карие глаза Маргариты снова наполнились слезами.

— Ну, что ты — тебя бы я не променял и на всё бессмертие мира. Я ни о чем не жалею, — мужчина отрицательно кивнул и попытался сесть и принять вертикальное положение, — О! Если бы я за вечность не сошел с ума от скуки, то уж точно не смог бы выдержать потерю дорогих мне людей. Теперь же моя судьба полностью в моих руках, и только от меня будет зависеть, как много я успею и чего добьюсь. Это придает мне уверенности в завтрашнем дне. Сегодня можно будет смело выпить за мой новый День рождения.

— У тебя тут кровь, — Маргарита достала из сумочки упаковку влажных салфеток и открыв её, стала обтирать его лицо пока Джон досадливо кривился, морщась от противного жжения свежих ран.

— Это ничего, просто счесал щеку. Это быстро заживет, — он попробовал пошевелить мышцами щеки, но это оказалось болезненно.

— Ой! Что это? — небо осветила вспышка молнии, а в далеке загромыхало так, что у Маргариты чуть не заложило уши, и заставило девушку в испуге вцепиться онемевшими от холода пальцами в руку мужчины.

— Молния так испугала тебя? — с беспокойством спросил супруг, крепче обнимая и успокаивающе поглаживая по спине.

— Нет-нет, когда я вместе с тобой, то ничего не боюсь, — стыдясь своего страха, Маргарита сперва поспешила отрицать его, но потом решила ответить правду, как она чувствует.

Джон согласно кивнул в подтверждение её слов:

— Так и будет, Марго, так и будет.

— Смотри, дождь усилился, — девушка протянула руку, и на ладонь ей упали крупные дождевые капли.

— Так всё и должно быть, это — природа, — с улыбкой заметил мужчина, — Он смает

все остатки грехов, — Маргарита, и правда, почувствовала удивительную легкость на душе, и слезы облегчения, так запросто стекавшие по щекам, смывали грязь вместе с болью, страхами и сомнениями.

— Я... я так боялся. Больше всего я боялся причинить зло вам, — подняв голову, Джон словно впервые увидел ночное небо цвета индиго и почувствовал прохладную влагу дождя на своей коже, вдохнуть тяжелый опьяняющий воздух, — Я же видел, насколько разрушительной может быть моя сила, и что она может сделать с вами. Как мог, я пытался сдерживать себя. А потом я услышал твой голос, и он говорил мне не сдаваться. И я поверил. Ты дала мне веры и сил. А сегодня мой отец сказал то же самое...

Маргарита бесцеремонно остановила его взволнованную тираду:

— Постой, и ты... видел своего отца? Ты видел князя?

— Видел, Марго, видел, — кивнул он и с удивлением спросил. — Но кто ещё мог?

— Это были мы, — Рафаэль. Которого он сразу не заметил, подошел ближе и протянул руку, — Ну, здравствуй, братец! — из-за его спины вышла и сестра.

— Раф, сестренка! Но как? — Джон покачал головой всё ещё не веря своим глазам, — Как вы оказались здесь?

Брат помог ему подняться:

— Отец просил помочь тебе, и кажется, оказался прав. Он же и подсказал, где мы сможем найти тебя, — потом Рафаэль с недоверием посмотрел в его темные глаза, — Или ты хочешь сказать, что не нуждался в помощи? С годами ты становишься всё больше похож на отца.

Джон, опираясь о плечо брата, улыбнулся:

— Благодарю. Я правда, так вам благодарен, братишка.

— Разве ты не сделал бы то же самое для нас? — наконец заговорила Ями.

— Разумеется, сделал бы, — не стал отрицать мужчина, — Без вас я бы совсем пропал, а потому прошу — не оставляйте меня, пожалуйста.

После Маргарита рассказала, что случилось с доктором, и они поспешили в клинику. Им стоило поспешить, если они хотели успеть помочь ему — Джек пострадал в результате вмешательства магии, и его повреждения должны поддаваться исцелению, нужно только убедить в этом Даниэлла, чтобы ё дар подействовал в полную силу.

В больнице новости были всё теми же — пациент находился под действием препаратов и посетителей к нему не пускали. Даниэлла пустили ненадолго в палату, но всё это время доктор был без сознания. Но даже после того, как время посещения пациентов закончилось, златовласая не пожелала уходить и улеглась на диване в коридоре, и попросила Ондзи сходить за кофе с бутербродами — ночь обещала быть долгой.

Дежурная медсестра, приятная, слегка полноватая, женщина средних лет в идеально наглаженном белоснежном медицинском халате и белом чепце, под который она собрала свои волосы, оторвала голову от заполнения листов назначений на завтрашний день и подняла лицо на посетителей, поправив на носу свои очки в аккуратной позолоченной оправе:

— Месье Кхан! Неужели это действительно вы? — она озадаченно моргнула, протерла очки, и встав со своего места, решительно направилась к ним, — Мне так жаль, но я ни чем не могу вам помочь... Время посещения пациентов закончилось, таковы правила.

Но даже такое серьезное выражение её лица не смогло заставить мужчину растеряться:

— Возможно, вы согласитесь принять этот скромный пакет в качестве извинений за

причиненные неудобства и будете так великодушны, что пропустите нас навестить друга несмотря на неурочный час? — он с улыбкой протянул ей подарочный пакет со сладостями, журналом с его автографом и букет нежных белых роз.

— О! Право же, не стоило, господин Кхан... — женщина мило покраснела, поднеся ближе букет, со счастливой улыбкой вдыхая цветочный аромат, — Благодарю! Конечно, проходите, только прошу вас быть очень осторожными.

— Не беспокойтесь, мадам, ни одна душа не узнает, что вы нарушили правила ради нас, — шепнул по секрету Джон ей на ухо, чем снова вогнал медсестру в краску, — Мы ведь никому не будем об этом рассказывать?

— Конечно-конечно! — она махнула своей пухлой рукой в сторону коридора, другой вынимая из пакета заветный журнал, — Вы так добры, благодарю за автограф! И постарайтесь не шуметь, чтобы не разбудить других пациентов.

— Безусловно, — Джон приложил палец к губам и загорощицки улыбнулся, делая друзьям знак следовать вперед коридором, — Нас не увидят и не услышат, мы будем тише мыши.

На ночь златовласая осталась в палате доктора, чтобы утром сообщить новости о том, что он уверенно идет на поправку.

А Джон с Маргаритой до утра проговорили на кухне, стараясь не разбудить детей, которых Валентина с таким трудом уложила спать.

— Ах, до чего же вкусные эти крекеры! — с удовлетворением хмыкнула Маргарита, прожевав очередную печенку, потом её пальцы нащупали пустоту в шуршащем пакете, и девушка виновато закусила губу, — Упс, а это было последнее печенье.

— Постой.... — Джон взволнованно перехватил её руку.

— Что? — девушка непонимающе уставилась на него, теряясь в бездне его темных глаз.

— Ты говоришь "упс!", корчишь рожицу и доедаешь мои соленые крекеры? — сощурившись, мужчина задал наводящий вопрос.

— Ну, да? — Маргарита в недоумении хлопнула длинными ресницами.

— Да? — настойчиво уточнил он.

— Кажется, да... — смущенно покраснела Маргарита и растянула губы в широкой улыбке.

— Господи, правда что ли? — с замиранием сердца выдохнул он, прижимая к груди её маленькие ладошки.

— Я пока не уверена, но мне бы этого так хотелось, — возбужденным шепотом, с придыханием произнесла девушка, — Вот ты сказал сейчас, а я растерялась и не могу понять, что меня страшит больше: окажутся ли мои предчувствия правдой и на свет явится носитель огромной неуправляемой силы или то, что наши надежды не оправдаются, но мы не вынуждены будем противостоять собственному сыну. Мне та страшно, Жан, если честно...

Он склонился, теплыми губами касаясь черноволосой девичьей макушки:

— Мне тоже, но в любом случае ты не должна расстраиваться и переживать, обещаешь?

— Угу, — кивнула она, подняв голову и неосознанно потянувшись к его губам.

— Смешная моя маленькая женщина, — оторвавшись от её мягких губ, улыбнулся мужчина, взъерошил темную челку Маргариты, — любимая женщина.

— Счастливая женщина, Жан, счастливая, — добавила Маргарита.

13. Экстремальное преобразование мира

Вот одна из тех историй, о которых люди спорят
И не день, не два, а много лет
Началась она так просто, не с ответов, а с вопросов
До сих пор на них ответа нет
Замыкая круг, ты назад посмотришь вдруг
Там увидишь в окнах свет, сияющий нам вслед
Пусть идут дожди, прошлых бед о них не жди
Камни пройденных дорог сумел пробить росток!
Если солнце на ладони, если сердце в звуках тонет
Ты потерян для обычных дней.
Для тебя сияет полночь, и звезда спешит на помощь,
Возвращая в дом к тебе друзей
Свой мотив у каждой птицы, свой мотив у каждой песни
Свой мотив у неба и земли
Пусть стирает время лица, нас простая мысль утешит
Мы услышать музыку смогли.
Крис Кельми — "Замыкая круг"

Бодрящие ароматы кофе и корицы распространились из кухни, маня и зовя за собой из крепких объятий сладкого сна, а солнечные лучи, сперва робко прокрадывавшиеся сквозь ажурную гардинную вязь, теперь уже настойчиво призывали заканчивать нежиться в постели. Маргарита посмотрела на спящего рядом мужчину и счастливо усмехнулась, поправив растрепавшиеся по подушке темные пряди его волос. Джон пошевелился и открыл глаза, осмотрелся по сторонам так, словно впервые увидел этот мир во всем его великолепии. Остановив взгляд сначала на спящих дочерях, потом на Маргарите и широко улыбнулся:

— Утро доброе, — тихо прошептал он, легко проведя ладонью по её щеке, — Это такое счастье, проснуться и видеть тебя, видеть наших девочек, знать, что в соседних комнатах спокойно спят наши близкие... Мысли о вас помогли мне выстоять и не сойти с ума.

В жизни каждого бывают моменты, когда стоит броситься в пропасть, чтобы наконец взлететь — и Джону достало мудрости довериться самому себе, своим инстинктам — и рискнуть, чтобы вновь обрести веру в себя. В эту ночь он не видел кошмаров.

— Доброе утро, дорогой! О! Эти малышки сведут с ума многих молодых людей в свое время, — Маргарита подошла к детской кроватке, где смешно зевая просыпались дочери, — Жан, а ты знаешь, что они уже отлично овладели искусством обольщения и строят глазки взрослым мужчинам? Особенно им нравятся мой кузен и Максимилиан, — она повернулась, чтобы взглянуть в смеющиеся глаза супруга.

Точно, понимая, что разговор идет о них, девочки принялись улыбаться и лопотать что-то на только им понятном языке.

— Смею предположить, что пока Макс интересен им не более, чем огромный плюшевый мишка, с которым, к тому же, можно весело поиграть. Но могу отметить, что у девочек хороший вкус, — Джон взял дочерей на руки, и они тотчас вполне осмысленно заулыбались.

— Ах, вот и тебя они понимают с полуслова и всегда слушают, что ты им говоришь, а меня они всерьез не воспринимают: считают, видимо, своей подружкой, — девушке оставалось только состроить свою коронную гримасу, изображающую бессилие.

И так оно и было — едва научившись стоять в своем детском манеже, Диана и Катрин в совершенстве освоили чисто женское кокетство и всю соблазняли понравившихся им мужчин, что не в силах были отказать им в своем внимании.

— Согласись, дорогая, что это уже неплохо, — мужчина с теплотой погладил её по плечу, — У детей и родителей должны быть доверительные отношения, а воспитывать детей лучше, подавая пример собственным поведением. Ребенок не должен бояться родителей, чтобы мог поделиться с ними своими мечтами, своими страхами и своими проблемами, как поделился бы с близким другом. Знаешь, как я до сих пор сожалею, что у нас с отцом было так мало времени. В памяти своей я навсегда сохраню каждое мгновение нашей с ним вчерашней встречи. И знаешь, если когда-нибудь мой сын придет ко мне, скажет, что влюбился в замечательную девушку и попросит моего совета в сердечных делах, то я могу считать, что состоялся, как отец.

— Ты прав, как всегда, — согласилась с ним Маргарита, заметно приободрившись, — Нам следует подумать, что теперь делать дальше после всего, что случилось, но прежде, давай спустимся на завтрак и я молока подогрею для детской каши.

Спустившись на кухню, она припомнила фразу, как-то сказанную Марком, когда они сидели в кафетерии в центре Львова с видом на городскую ратушу: "у нас у Львові ми не п'ємо каву аби з ким" ("У нас во Львове мы не пьем кофе с кем попало" — укр.). Истинное значение этих слов она понимала теперь, наблюдая за завтракающими дорогими ей людьми, обмениваясь утренними приветствиями и улыбками.

— Матушка, взгляните, кто приехал, — с непревзойденной грацией факира Джон представил подошедших сестру и брата к вящей радости госпожи Сони, а дочери у него на руках уже тянули к Рафаэлю свои маленькие пальчики, и Алишер уже подбежал обнять дядю с тетей.

— Доченька, Рафаэль, сынок! — женщина расчувствовалась едва ли не до слез и тут же усадила их за стол, — Как же я рада видеть вас! Но почему вы не предупредили, что приезжаете?

— Простите, матушка, это был столь внезапный порыв: мы так соскучились за всеми, и решили сделать сюрприз, — попытался оправдаться Раф, виновато поклонившись.

Дочь же с тихим "мамочка" просто крепче обняла её — и в этом была вся суть, звучавшая громче иных пышных фраз.

Кого точно не хватало в этот утренний час за общим столом, так это леди Даниэллы.

Златовласой разрешили переночевать в ординаторской рядом с палатой доктора, и первое, что увидел он очнувшись, были ясные глаза возлюбленной и её лицо в обрамлении сияющего нимба золотистых локонов.

— С пробуждением, спящий красавец! — мягко улыбнулась девушка, подмигнув.

А доктору было совсем не до смеха: один поворот судьбы, и он потерял всё... Что он может теперь дать этой женщине, что рядом с ним? За что же судьба вновь оказалась так жестока к нему?

Теплые пальцы тонкой руки, накрывшие его руку, заставили мужчину вздрогнуть, легко увлекая прочь от тяжелых мрачных мыслей. Тепло и спокойствие растеклось по телу.

— Когда мы вчера пришли навестить тебя, ты отдыхал от наркоза, и мы решили не

беспокоить тебя. Но я не смогла уйти... Я должна была быть рядом с тобой, когда ты очнешься. Ты понимаешь? — о, да, он прекрасно понимал, только ему не нужна была жалость с её стороны.

Даниэлла поднялась с кушетки и подошла открыть окно, впуская свежий ветер и утреннюю прохладу.

— Понимаю... Но я также понимаю и то, что не имею более права удерживать тебя, — доктор устало прикрыл тяжелые веки, он — мужчина, а мужчинам не положено плакать, но почему же тогда так и просятся наружу обжигающие слезы, — Говорят, снаряд дважды в одну воронку не попадает, но врут, как видишь...

— Странно, врач ничего не говорил, что у тебя ещё и сотрясение мозга. Неужели не смог распознать симптомы? Видимо, придется жалобу написать на квалификацию персонала... — глядя на мужчину в таком душевном смятении, вместе с улетучившимся настроением шутить и задорная улыбка мгновенно сошла с прекрасного лица белокурой, и она развернулась, до побеления сжав пальцы, — Черт возьми! Ты хоть сам себя слышишь? Ну, хорошо же, у меня характер не менее упрямый, чем твой будет. Тогда встань и прогони меня!

— Прошу тебя... Господи, да разве ты не видишь, что случилось... Кто я теперь? — взгляд карих глаз снова скользнул по собственным рукам в надежде, что всё это не на самом деле, что всё это происходит не с ним, однако то, что видели его глаза, разбивало малейшие надежды, — Знаешь, вспомнилось вдруг, как я познавал медицинскую науку в студенческие годы. Кто-то тратил свободное время на отдых, кто-то — на развлечения, кто-то — на женщин, я же проводил его в библиотеках и секционных, постигая анатомию и отработывая хирургическую технику. И теперь я лишен всего, ради чего так старался...

Если это такая шутка судьбы, то должно признать, что у неё довольно скверное чувство юмора. Доктор продолжал с волнением наблюдать за девушкой — такое проявление участия с её стороны только усугубляло собственные переживания, заставляя его чувствовать себя ещё более беспомощным.

Мужчина отвернулся посмотреть в окно и на миг увидел себя тем молодым студентом, полным надежд и стремлений, не боявшимся трудностей на пути к достижению той заветной цели, где он видел себя известным хирургом с мировым именем, высококвалифицированным специалистом, способным бросить вызов самой смерти. Да вот только себе самому он уже не в силах помочь... Видимо, у Вселенной насчет него были другие планы.

— Посмотри на меня. Посмотри на меня, Джек... Нет — Хадзама-сенсей, — Даниэлла вернулась и присела рядом с мужем, нежно дотронувшись до фаланг пальцев его руки, свободных от штырей и металлических пластин, — Вспомни, как ты боролся, когда все было гораздо хуже. Где тот Джек, который сто раз падал и столько же раз поднимался снова — но смог-таки встать на ноги самостоятельно, без чьей-либо помощи? Где тот Джек, который заново учился держать ложку, владеть ножом и вилкой, писать? Где он? Что ты тогда чувствовал? Что бы сказали все те люди, которым ты спас жизнь? Хотели бы они видеть тебя таким — сдавшимся, сложившим руки?

И под её прикосновением от кончиков его онемевших пальцев растеклось приятное тепло, возвращая потерянную уверенность в себе.

— Это тепло? — мужчина посмотрел в её голубые глаза и понял, что она, несомненно, права, — Что это было?

Именно он, и ни кто другой много лет назад смог заставить себя встать на ноги после более критичных повреждений, и поводов взять себя в руки и подняться теперь у него намного, намного больше — и ласковый жар, блуждавший по крови ещё и ещё убеждал его в этом. Он давно уже не тот мальчик-подросток, худой и бледный, в смешно смотрешнейся больничной пижаме, что была ему велика на пару размеров, который неуклюже ступал по палате, пытаюсь пройти в уборную, не способный самостоятельно даже ложку ко рту поднести, настолько непослушными и неуправляемыми были собственные руки, что всё не переставали дрожать.

— Джон сказал, что это должно помочь. Ты был под действием чар, когда всё произошло, и моя сила должна ускорить заживление. Несколько месяцев пролетят незаметно, и уже скоро ты сможешь вернуться к любимой работе, — пояснила златовласая, и для себя отметила, что в его волосах прибавилось седины, а морщины на сосредоточенном лице стали глубже, — Можешь рассказать мне, что случилось?

Она снова дотронулась до его пальцев, выжидающе глядя в задумчивые карие глаза.

— Я смутно помню. Мы с Ондзи спорили... о тебе, — доктор пытался припомнить, и чем больше он вспоминал, тем мрачнее становилось выражение его лица, — Похоже, что он оказался прав. Я слишком заиклен на своей работе. Мне следовало бы больше времени уделять тебе.

— Тогда ты можешь прямо сейчас сделать мне приятное: давай приведем тебя в порядок и ты съешь весь этот полезный и питательный завтрак, — Дэни энергично тряхнула головой и безапелляционно подкатила столик с принадлежностями для умывания, давая тем самым понять, что путей для отступления нет, и возражений она не потерпит.

— Какая строгая госпожа! Дорогая, только очень прошу, не сбрей мне брови, — он уже смирился с тем, что командовать сегодня будет она и даже попытался улыбнуться, подчинившись и капитулируя, с легкостью передавая бразды правления её нежным рукам..

— Так и быть, одну постараюсь оставить, не трону, — девушка опустила на его нос башенку из мыльной пены и продолжила фразу репликой из популярного романа авторства женщины, о том, как важно любить и просто жить, жить смело, жить ярко, — Ну, вот — совсем другое дело! Тебя покормить или сам? — мило, но не без доли ехидства, поинтересовалась она.

Доктор усмехнулся, от чего в уголках его глаз и губ расходились лучи мелких морщин, добавлявших ему особого очарования — смотри ж ты, и на тридцать шестом году жизни его всё ещё можно удивить, и златовласая не переставала его удивлять, рождая в сердце радость и гордость:

— Постараюсь справиться самостоятельно, буду учиться пользоваться левой рукой, — мужчина смотрел и его переполняло счастье от осознания того, что эта удивительная во всех отношениях женщина — его жена, — Дорогая, можешь поехать домой отдохнуть. Я же вижу, что ты утомилась. Со мной ничего не случится — тут я под таким бдительным присмотром. Ребята тебя заберут, — советовал он.

В далеком Токио Мей напутствовала любимого мужа, провожая на сессию в другую страну, на другой континент:

— Удачно тебе сдать экзамены, Марк, и возвращайся поскорее, — время пролетело незаметно, и азиатка носила уже блузу фасоном на свободное облегание, не стеснявшее её уже успевшие округлиться формы, модный джинсовый комбинезон и спортивные кроссовки на удобной подошве, — А сенсею передай от меня, что он не должен сдаваться. Пусть

вспоминает каллиграфию и тренируется есть палочками. В конце концов, пусть начинает с упражнений для мелкой моторики вместе с младенцами Маргариты и Даниэллы. За меня не переживай, Йошида-сан позаботится обо мне наилучшим образом. Поезжай с легким сердцем, там ты будешь нужнее сейчас.

Ещё раз напоследок поцеловав дорогого мужчину, маленькая японка передала предложение господина Йошида показать доктора врачам в токийском медицинском центре, считавшемся одним из лучших в мире, обеспеченного первоклассным оборудованием, оснащённым по самым передовым технологиям своего времени. Старик помнил, чем обязан был внуку и чтит свой долг. И просто по-человечески — не мог он оставить без поддержки родную кровь, которую обрел столь недавно.

В столовой в парижских апартаментах завтрак шел полным ходом, в теплой и уютной атмосфере — ровно до того момента, пока по телевизору не запустили выпуск утренних новостей. Маргарита с удивлением всматривалась в ролики на экране, не узнавая на кадрах ни себя, ни златокудрую подругу. События вчерашнего дня всё ещё были покрыты пеленой тумана наваждения.

Не обошли журналисты стороной и таинственный феномен глобального свечения, который со всей тщательностью принялись изучать ученые мужи по всему миру: физики, биологи, астрономы и многие, многие другие.

И за большим столом в семейном кругу маленькая брюнетка смущенно нервничала под пристальным взглядом встревоженного отца. Гости в студии на полном серьезе вели обсуждение о том, свидетелями чего они стали. Было ли это чередой случайных событий и просто-таки фантастического везения или ознаменованием нового этапа развития человечества, символом начала новой эры, в которой обновленная раса сверх-людей будет наделена способностью выживать в экстремальных условиях и восстанавливаться, противопоставляя себя укоренившимся веками устоям самой жизни?

— Дочка, вам следовало бы держать вашу силу в тайне, — отец взял Маргариту за руку, покачав головой, настоятельно призывая к благоразумию голосом тихим и взволнованным, — Ты представляешь, что будет, если все эти журналисты прознают? Мне бы не хотелось, чтобы вас изучали, как под микроскопом препарируют разную мелкую живность. Вы не мошки, не бабочки на булавках и не лабораторные мыши.

Какое-то шестое чувство, отцовское чутье подсказывало ему, что это будет грозить такой опасностью, с которой им не доводилось ещё сталкиваться.

— Мы постараемся, месье, — ответил за жену Джон, — Я тоже не хочу, чтобы на наших детях ставили опыты. Мир ещё не готов принять нас.

— Он никогда не будет готов, — раздался спокойный мужской голос, и в столовой появился Марк, — Простите, что вмешался в разговор, — извинился молодой человек с виноватой улыбкой.

— Бог мой, Марк, каким же красавцем ты стал за эти месяцы! — Маргарита вскочила со своего места, чтобы обнять его, с радостью и нескрываемым облегчением она сменила тему для разговора, — Отлично выглядишь!

В рубашке чуть заметного лилового оттенка и светло-сером костюме — он, и правда выглядел элегантно и изысканно. Он стал шире в плечах, мускулы его тела приобрели более выраженный рельеф, что не укрылось даже под рубашкой с расстегнутыми несколькими верхними пуговицами. Только его глаза выдавали усталость после долгой дороги, да легкая щетина на лице. И Маргарита с удовольствием провела ладонью по его шершавой теплой

щеке. Это она предложила юноше взять комплект ключей, чтобы он чувствовал себя свободно во время учебы.

— Марк! Марк приехал! — вслед за девушкой, к нему кинулась малышка Аделька.

Паоло обиженно сжал губы, и в глубине детского сердечка кольнула ревность, когда эта девочка с пышными локонами золотистых волос и ясными голубыми глазами, в нарядном платье из нежного шифона, красивая, как сказочная принцесса, бросилась на шею этого привлекательного молодого мужчины.

— Специально к твоему приезду мы испекли вишневый пирог. Только-только приготовился, — шепнула на ухо Маргарита, пока парень пожимал руку её отцу и приветствовал Джона и остальных, кто присутствовал на этот час в столовой.

— Для меня? Я очень тронут, правда, — растрогано улыбнулся Марк и покраснев, спросил, — Как ваши дети? Они будут благословенны, имея таких родителей.

— Они будут дважды благословенны с такими крестными, как вы с Мей. Ты готов стать крестным отцом, Марк? — брюнетка хитро сощурилась, а молодой человек понимающе кивнул и шепотом поздравил.

Они ещё много общались на разные темы, и Маргарита живо интересовалась состоянием здоровья Мей и пообещала, что они обязательно навестят их ближе к сроку родов, чтобы помочь молодой матери в первое время.

Покинув больничную палату супруга, Даниэлла столкнулась в коридоре с Ондзи — несколько минут они стояли друг напротив друга в трепетном ожидании, пока азиат первым не опомнился и не нарушил неловкое молчание:

— Я так рад видеть вас, — участливо спросив, затаил дыхание в ожидании ответа, — Смею надеяться, здоровье доктора уже намного лучше?

— Вашими молитвами, господин Танака, — улыбнулась белокурая, — Врачи делают всё возможное, но Джек утверждает, что это мои прикосновения целительны.

— Если бы ваши руки могли исцелить и меня... — рука азиата слегка сжала её пальцы, его темно-фиалковые глаза смотрели взглядом растерянного ребенка. Объективно он был ещё достаточно молод, красив, богат и успешен в глазах общественности, его взгляд завораживал и пленял, его харизма покоряла сердца, как женские, так и мужские. Ох, и как же удивились бы его поклонники и поклонницы, прознай они всю правду о нем, которую не могут скрыть слои искусно наложенного профессионального грима, и только чуткое шестое чувство родственной души сможет разглядеть за благополучным фасадом печаль и тоску.

— Мне бы очень хотелось этого, — Даниэлла с трудом заставила себя пошевелить языком, теряясь под силой этого взгляда. Чистый и чувственный одновременно, под которым становилось тяжело дышать и высоковольтные импульсы прострелили позвоночник от самой макушки до основания копчика. Он стоял так близко и смотрел так, словно в мире не существовало никого, кроме них двоих: мужчины без возраста и без судьбы, с глубокой тоской и бесконечной надеждой взирающего на свое божество, на одну неё уповая в своей безмолвной молитве — небожительницу Аврору с нимбом волос цвета солнца и бескрайней небесной синевой в глазах. Слышно было его шумное дыхание и гулкое биение его сердца.

— Вашему супругу так повезло, — хрипло выдавил мужчина, совершенно неуместно поглаживая тонкие пальцы изящной женской руки, в то время, как Даниэлла застыло глядя на него и прилагая усилия, чтобы совладать с собственными чувствами, когда он смотрел на неё так, как никто и никогда ещё не смотрел, словно она была живым воплощением

святости, она так и смогла пошевелиться, судорожно напряженными мышцами, когда он наклонился настолько, что кожей ощутила тепло его дыхания и легкие прядки волос над ушами всколыхнулись под потоком воздуха тяжелого выдоха, — Я не смею надеяться на вашу благосклонность, но мне так нужна сейчас помощь, и только вы можете мне помочь. Прошу, прочтите это.

— Но, ведь это личное письмо, — златовласая мотнула головой, и губы их едва не соприкоснулись.

— Ничего страшного, — неизвестно, состоялся бы этот непреднамеренный поцелуй, но Ондзи поторопился отступить, доставая из внутреннего кармана пиджака смятый клочок тетрадного листа в клетку, протягивая в её дрожащие пальцы, — Сейчас для меня важно другое. Его оставила она, Лаурита...

— Это как же низко нужно пасть, чтобы добиваться женщину, когда её супруг в больнице, тут же рядом, за дверью больничной палаты, — суровый взгляд темных глаз осуждающе впился в растерянное лицо азиата, — Я не скажу ему ни слова в этот раз, но даже не пытайтесь снова — мой вам совет. Я всё сказал, а там решайте сами.

Ондзи и тут успел сыграть на опережение, предупреждая поднимая руки:

— Полегче, мой друг, полегче, — примирительно улыбнулся он, — Теперь, когда мы с вами оба смертны, было бы непозволительным расточительством подвергать себя подобного рода риску.

— О каком риске идет речь, позвольте спросить? Мой друг лежит на больничной койке за дверью этой палаты, а вы пытаетесь соблазнить его жену? Скажете, это по мужски? — смуглый мужчина напряженно сжал губы, радуясь, что этого не увидела Маргарита, задержавшаяся в аптеке на первом этаже.

— Джонни, ты чего? — желая разрядить напряженную обстановку, на помощь азиату пришла Даниэлла, — Да что на тебя нашло?

— Возможно, я и правда, лезу не в свое дело, — успокаиваясь, Джон немного смягчился, — Вы — взрослые люди и сами, наверное, в состоянии разобраться.

— Танака-сан просит нашей помощи, — пояснила златовласая и протянула мужчине бумагу.

— Прочтите, вот это, — добавил азиат.

На вырванном из ученической тетради клочке бумаги размашистым неровным почерком, выдававшим усиленное волнение писавшего, было выведено всего пара строк:

"Если бы я могла отмотать время назад и измениться... Но я не могу... Мне остается надеяться, что однажды ты сможешь понять меня и вспомнишь без злобы. Я не могу остановить, что сама же и начала, но буду молиться, чтобы тебя не задело мое безумие. Не знаю, представляешь ли ты, насколько дорог мне и как мне жаль, что все обернулось таким образом.

Твоя Лаура"

— Лаура? Да что же ей всё неймется? — мужчина нервно сплюнул, — И как я сразу не догадался, что без её вмешательства не обошлось?

Но даже его тронули эти слова, адресованные Ондзи: оказывается, она была способна на такие глубокие чувства.

— Она была здесь, вы понимаете? — тихо пояснил азиат, вопрошающе глядя в черные глаза собеседника, — Вы можете, господин Кхан? Я могу рассчитывать на вас?

— С удовольствием. У меня самого руки чешутся вправить этой зарвавшейся мелкой

вредительнице мозга, — невесело хмыкнул смуглый.

Японец вдруг побледнел, испуганно схватив Джона за руки:

— Прошу вас предоставить это мне, пожалуйста.

У Джона опустились руки, и он с тяжелым вздохом присел на топчан, а в голове мучительно гудело.

Договорились, что Танака-сан проводит Дэни на первый этаж, где они выпьют кофе пока Джон с Маргаритой навещают доктора, после чего заберут белокурую домой отдыхать.

— Привет, "Джордж Клуни", или лучше — "Доктор Стрендж"? Если бы в Голливуде решили экранизировать комиксы, то я бы посоветовал пригласить тебя на главную роль, — улыбнулся Джон, здороваясь с другом, — Ну как ты, док?

— К сожалению, магия во мне пока не пробудилась, но спасибо, что спросил, — кивнул доктор, — Я бы поприветствовал тебя, но как видишь, все эти шины на моих перебитых пальцах не дают мне этого сделать, — и мечтательно подкатил глаза, — Сейчас бы рюмку водки.

— Ускоренная помощь уже здесь, приятель. У меня есть кое-что получше, только это по секрету, — Джон перешел на конфиденциальный шепот, доставая из пакета с гостинцами тайно принесенную бутылку спиртного, — Мне удалось пронести мимо санитаров этот отличный коньяк. Только об этом лучше не знать местному медицинскому персоналу, иначе меня больше не пустят. Думаю, что несколько капель в кофе тебе не помешают — но не более. Ещё я принес электронную сигарету, более безопасную. Сейчас многие переходят на такие.

— Спасибо, старик, — чистосердечно поблагодарил Джек.

— Со вчерашнего дня — я такой же простой смертный, как и ты, мой друг, — между тем, его приятель-индус достал термос и уже добавлял коньяк в разлитый по чашкам кофе, — И пока не появилась Маргарита, предлагаю за это выпить.

— Так уже и простым? — хмыкнул доктор, когда друг поставил на специальный стол перед ним чашку с коктейльной пластиковой трубочкой, чтобы удобнее было пить, — Хорошо, тогда у меня есть тост: выпьем за здоровье.

— Отлично! — легко согласился Джон, стукнув своей чашкой о чашку доктора, и присел в кресло поблизости, — Будем жить, приятель, будем жить. Жизнь у нас теперь одна, и прожить её нужно максимально ярко.

Во время визита к брату Маргарита каждый раз сдерживалась, чтобы не охать и вести себя более сдержанно, проверяя, хватает ли сменного белья в шкафчике и продуктов в маленьком палатном холодильнике.

Марк обещал непременно посетить доктора на следующий день, когда отоспится и восстановит силы после утомительного пути.

Ондзи же решил не тянуть с визитом и высказать свое сожаление о случившемся тогда на дороге и почтение к мужественности этого человека — простыми, но искренними словами:

— Вы — сильный, сенсей. Сила духа заложена в самой ДНК нашей нации. Если бы мог поменяться с вами местами, поверьте, я бы сделал это.

Ближе к обеду пора было забирать детей из детской развивающей школы.

Маленькую Аделину Маргарита уже забрала, а Бьянка задерживалась, но Паолито упрямо ждал её на школьном дворе.

— Эй, малявка, мамочку ждешь? — узрев мальчика, одиноко раскачивавшегося на

качелях, пара великовозрастных хулиганов тут же почуяли легкую добычу, — Давай, мелкий, выворачивай карманы.

На счастье ребенка, сжимавшего маленькие кулачки, чтобы выглядеть более сильным перед лицом опасности, мимо проходил Винтер, знавший, что в это время женщина будет забирать сына и надеясь встретиться с ней:

— Двое на одного, — окликнул он решительным, рассерженным голосом, — Это не делает вам чести, судари.

Его худая комплекция и его возраст только насмешили шпану:

— Да ты из какого нафталина вылез, чувак? — они откровенно потешались над ним.

Но и бывалого солдата запугать было не так просто:

— Оставьте мальчика, пока я не накостылял вам, сечете, чуваки?

Удивленно вскинув брови, нахалы захохотали, продолжая наступать:

— Ну, просто абзац! Считай, что мы понты твои не заценили, старик

Только достаточно приблизившись, и вступив в схватку с мастером рукопашного боя и военной закалкой, они поняли, насколько просчитались.

— Не пропала ещё охота маленьких обижать? Благодарите Создателя, что я не ваш отец, но я бы мог посоветовать вашим родителям в воспитательных целях пройтись ремнем по мягкому месту, — приговаривал Винс, раздавая на прощание пинки, потом вернулся к потрясенному мальчику, — Ты в порядке, малыш?

Мать Паолито они дожидались уже вместе.

— Вы помогли моему сыну, благодарю, — услышав о происшествии, пока её не было, женщина с тревогой бросилась осматривать голову и руки ребенка, — Я буду молиться о вашем благополучии, господин Винсерас, — убедившись, что с мальчиком всё в порядке, Бьянка не могла подобрать слов благодарности и признательности.

— Я поступил так, как поступил бы любой нормальный мужчина, — натурально смутился Винтер.

— Мамочка, мамочка, ты бы видела, как сеньор ловко раскидал этих хулиганов! — Паоло возбужденно теребил мать за рукав, — Вы и меня научите, сеньор?

Женщина как-то странно посмотрела на мужчину, испуганно:

— Иногда рядом с вами я боюсь... В один момент мне кажется, что я вас знаю, а в другой — что я совсем не знаю, кто вы.

— Не стоит меня бояться, я никогда не причиню вам вреда, и не позволю сделать это кому-либо, — заверил он, но её слова расстроили и обескуражили его.

Меньше всего Винтер хотел напугать её.

— Я давно отметила вашу выправку, а эти ваши приемы самообороны... Вы — военный? — спросила Бьянка, усаживаясь на водительское место, тогда как Винс с Паоло устроились на заднем сидении.

— Сейчас я всего лишь телохранитель, а до этого действительно служил... Я исполнял свой долг... — тихо ответил мужчина, и голос его был наполнен горечью, — Видимо, слишком долго исполнял... Я не уберег тех, кого должен был защищать в первую очередь. С тех пор я ненавижу войну, она приносит только несчастья и страдания.

— Мне очень жаль... — Бьянка прикусила язык.

— Я буду скорбеть об этом до конца своих дней, — отметил он с сожалением.

— Расскажите, где вы служили. — решила, наконец, попросить она.

— Сейчас это модно называть миссиями в «горячих точках», мы же предпочитали

называть это крестовыми походами, — Винтер с трудом сдержал вздох, — Мы верили, что исполняем свой долг, верили в то, за что сражались.

— У меня иногда такое чувство, что вы принадлежите другой эпохе, — у двери дома женщина обернулась, долго пристально изучая мужчину, точно видела его сейчас впервые в жизни, — Вы в театре не играли? А в исторических драмах не снимались? Вы говорите таким языком, что вас легко представить героем фильмов плаща и шпаги... словно это не ваше время.

— Просто современные мужчины стали забывать традиции благородного рыцарства, — заметил он, проходя за ней в прихожую.

— Вы такой необычный... — искренне восхитилась она, помогая сыну раздеться.

— Вы тоже очень необычная женщина, — Винтер не мог отвести от неё глаз, едва не забыв кое-что важное, что хотел ей сказать, — Мой приятель вместе со своей девушкой собирались на выходных погулять в парке и спрашивали, не хотим ли мы к ним присоединиться. Что скажете? Думаю, и маленькому Паоло будет интересно в парке.

— Ты хочешь познакомить меня со своими друзьями? — от волнения, Бьянка и не заметила, как перешла на "ты".

— Собственно, Элен ты должна знать, она сестра Маргариты. Двоюродная, — машинально мужчина также перешел на "ты", — Но я был бы рад, если бы мы пошли вместе. Я был бы рад познакомить тебя со своими друзьями.

— Так Максимилиан — твой друг? А мир тесен, не правда ли? — Бьянка обернулась к сыну, — Ну, что скажешь, Паоло?

— Ура! Мы пойдем в парк! — радостно отозвался ребенок.

— Кажется, это означает "да"? А теперь, сынок, беги переодеться и спускайся мыть руки и обедать, — несмелая улыбка расцвела на благородном лице женщины — Не знаю, как и благодарить вас за то, что делаете для меня и моего сына.

— Ваши слова для меня — уже благодарность. Я не безумен и не брежу, — когда мальчик убежал в свою комнату, и они остались вдвоем, на глаза у неё навернулись слезы, и утешая её. Винтер и сам не заметил, как уже целовал её мокрые от слез губы, — Каждое мгновение я не устаю благодарить судьбу, что послала мне встречу с вами. Если я в своей жизни соблюдал заветы рыцарства, что наставлял меня отец, и заслужил этот шанс стать счастливым, но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы сделать счастливой и женщину рядом с собой, женщину, которая помогла мне снова почувствовать себя живым и вспомнить, что мое сердце все ещё бьется.

Ощувив острое недомогание и раз за разом накатывавшие приступы жгучей тошноты, выворачивающей все чрево, Маргарита с трудом смогла подняться с постели. Тяжело переставляя слабые ноги, она прошла на лоджию, чтобы вдохнуть свежего воздуха и обнять любимого мужчину. Вид его чистой спины без пугающих татуировок и твердые мускулы под её маленькими ладонями придавали уверенности и сил. До чего же спокойно и радостно было — вот так вот стоять, опустив свою голову ему на плечи и просто молчать, глядя на позолоченную осенью листву и плывущие высоко в небе облака. Они понимали друг друга без слов. Мужчина позволил ей помолчать, с волнением отмечая лихорадочный румянец на её щеках и блестящие на вспотевшем лбу капельки болезненной испарины. Джон хотел было предложить Маргарите показаться врачам, но встретившись с женой взглядом, понял, что нет необходимости давить. Маргарита и сама прекрасно понимала, что её состояние вызывает опасения.

Прохладный осенний воздух клубами пара срывался с губ при каждом напряженном выдохе. Маргарита рассеянно огляделась вокруг и снова уткнулась в грудь мужа. Если бы не его присутствие рядом, она сошла бы с ума от тревог и переживаний. Собственное тело точно больше не принадлежало ей. Если это и в самом деле была беременность, то она настолько пугала, что девушка долго ещё не могла унять дрожь в коленях. Подхватив её под руку, Джон поспешил увести её с холода и заставил супругу вернуться в постель. Устало сомкнув опухшие веки, Маргарита снова погрузилась в спасительный сон, проспав еще с пару часов под неусыпным бдительным контролем Джона, прилегшего тут же рядом с ней.

Страх накатывал горячими приливными волнами. Бог свидетель, как же ей было боязно! Вынашивая близнецов, ей не было настолько тяжело. Теперь же Маргарита как могла, гнала от себя беспокойные мысли. Но гнетущее предчувствие не покидало её. Ну, не может, не может такого быть, что они дали жизнь воплощению зла. И плевать на все пророчества, и все видения лживы. От их любви не могло появиться ничего столь ужасного, о чем твердил Нострадамус. Пустые домыслы, смутившие разум. И даже то, что она видела в иллюзорных миражах, каким может стать её сын, готова решительно отринуть. Нет! Нет и нет — они смогут, они воспитают своего ребенка достойным мужчиной и человеком. Они назовут его именем Анри, что будет полностью соответствовать его характеру: потребность доминировать, всегда и везде — вне зависимости от того, насколько оправдано такое стремление в конкретных обстоятельствах, конфликт с тем, кто заведомо сильнее — будет не пугать его, а скорее наоборот — раззадоривать. Таков и будет нрав их отпрыска. Азартный, задиристый, в совершенстве осознающий свою силу и свое превосходство — сильнейший и опаснейший из магов, которых знал мир, не знающий равных себе — намного, намного превосходящий собственного отца, лишившегося теперь почти всех своих сил. Сила будет kloкотать в нем, переполняя и выплескиваясь, затопляя всё вокруг себя. Им пригодится всё мужество и вся их мудрость, чтобы научить его совладать с собственной природой. Их дитя было зачато в любви, а любовь — это великая сила, она поможет защитить его.

Маргарита окончательно проснулась, когда время перевалило уже далеко за полдень. Джон сидел у изголовья их кровати. Всё то время, что она спала, он никому не позволял беспокоить её покой и тревожить целебный для супруги в её положении сон. За это Маргарита была бесконечно ему признательна, слабо сжав его руку, и облегченно улыбнувшись, откинулась на мягких подушках. Стоило кому-нибудь заглянуть в спальню, он прикладывал палец к губам, давая понять, что шуметь в данный момент не рекомендуется, и дверь так же неслышно закрывалась.

Она пропустила прогулку, на которую их с Джоном приглашали Эллен и Бьянка. Маргарите очень хотелось составить им компанию в парке, взять с собой Адельку и малышей, поиграть на воздухе с ними и Паолито, но всё бессовестным образом проспала. Девушка ощутила жгучий укол совести, но муж успокаивающе погладил её по бледной дрожащей руке, уверяя, что нет на ней вины, стоящей её терзаний.

Позже Маргарита привела себя в порядок, они вместе с детьми отправились на вечерний променад по набережной.

Друзья предложили азиату сопровождать их на прогулке, но Ондзи только снисходительно усмехнулся:

— Нет, уж, — мужчина легко отмахнулся в то время, как сердце сжималось от тоски, — увольте меня, друзья мои. Сейчас я не настроен развлекаться. Да, и лишним я буду. Ни к

чему вам одинокий невеселый попутчик.

Японец покачал головой и отвернулся... Он по-доброму завидовал своим приятелям. Он сумели найти себя в этом беспокойном мире, нашли женщин, на которых могли обратить свое душевное тепло и свою сердечную привязанность. Он видел, как горели их глаза, когда они говорили о своих женщинах, какие особенные мечтательные улыбки были тогда у них на губах. А он так и не смог найти внутренний покой, запутавшись в собственных чувствах. Не проходило ни дня, чтобы он не думал о них обеих: о девочке с тонкими нежными чертами, длинными локонами светло-русых волос и пугающим дьявольским огоньком в карих глазах и девушке с золотистыми кудрями и небесно-голубыми глазами, что не переставали терзать душу днем и ночью, во сне и наяву. Он не мог найти в себе сил не думать ни об одной из них, думать с трепетом и теплотой. Азиат смотрел на друзей и старался радоваться их счастью. Но чем больше он радовался за них, тем более ничтожным он казался самому себе. Нет, его чувства были искренними, он хотел разделить с ними их веселье сегодня, но так боялся всё испортить своей меланхолией. Он сам придумает, как развлечь себя, не прибегая к их обществу и не выставляя на показ свои переживания.

— Господи, да это же только прогулка по парку, это не свидание, — насмешливый голос Максимилиана вернул Ондзи к действительности.

— Нет-нет, благодарю, но не стоит, — мужчина покачал головой и направился к бару налить себе в стакан виски, — Я не желаю портить вам вечер.

— Как пожелаешь, мы приглашали, — перед уходом Винтер дружески похлопал его по плечу, — Если передумаешь, то знаешь, где нас найти.

— Спасибо, — Ондзи улыбнулся и сделал глоток, — буду иметь в виду. Я знаю, что всегда могу на вас положиться, и благодарен вам за это. Ну, идите уже, идите, ваши дамы уже, должно быть, заждались вас. Вы же мужчины — не заставляйте их ждать, — обжигающая янтарная жидкость заставила кровь быстрее бежать по венам, и показалось, что в сущности, жизнь не так уж и плоха.

Когда за ними захлопнулась дверь, азиат откинулся в кресле, залпом допил содержимое своего стакана, швырнув его потом в стену, его руки тряслись, а по щекам потекли слезы. Как же он запутался... Если бы он мог увидеть её сейчас. Хоть на одну минуту, на одну... Оставалось только надеяться, что Джанъян согласится помочь, и они смогут найти Лауриту раньше, чем она сможет ещё больше навредить — прежде всего, самой себе.

Сам же Джон в данное время прогуливался по парижской набережной вместе с Маргаритой и дочерьми. Он по новому смотрел на ставший уже таким знакомым пейзаж. Одной рукой он управлял детской коляской, другая его рука крепко сжимала хрупкую ладонь маленькой супруги.

Навстречу им шли, возвращаясь со сладостного свидания рыжеволосая пара Этьен и Николь. Невозможно было не заметить среди людского потока их огненные кудри, горевшие в лучах закатного солнца органичным продолжением окутывающего багрянца осенней листвы.

— Я больше не опасен, уверяю вас, — обменявшись душевными приветствиями, мужчина почтительно поклонился паре, протянув свою руку.

— Вам нет нужды оправдываться, — взгляд зеленых глаз Николь немедленно потеплел, а её красивые губы растянулись в ласковой улыбке, — Мы всё знаем. То, что случилось прошлой ночью... Вы поступили мужественно и благородно. Ваш поступок достоин уважения и восхищения, Ваша Милость.

Джон облегченно выдохнул, не скрывая искренней улыбки:

— Это я благодарен вам, что не лишили меня этого шанса, — легкий кивок, удостоверяющий его глубокую признательность.

— Вы сильный, Ваша Милость, вы справитесь, — прилюдно рыжеволосая Стражница не могла преклонить колени и поблагодарить за мужество и жертвенность ради спасения мира, но ограничилась лишь тем, что в ответ крепко пожала его руку, похлопав по плечу, — Можете рассчитывать на нашу защиту. Вы доказали, что достойны этого более, чем кто-либо другой.

Однако, и после расставания, её не покидала неопределенная глубокая тревога за судьбу этого человека — необоснованное, противное, липкое чувство.

Слабо сфокусированным взглядом азиат изучал лепнину в центре потолка, откуда свисала богатая люстра. И весь это блеск и весь этот хрусталь были ему сейчас решительно безразличны, и достаточно просторные стены старинного особняка давили на него со страшной силой, до физически ощутимой боли, сжимая слабую грудь и виски, затрудняя и без того едва ощутимое дыхание и причиняя истинно адские муки. Одиночество и страх навалились слишком тяжелым грузом, ломая хрупкое равновесие и зарождающуюся надежду на благополучие. Но не о себе думал он, глядя на новую порцию виски плескавшуюся в его стакане. Голова нестерпимо горела, а каждая последующая порция спиртного притупляла боль, но раскаленной лавой обжигала всё изнутри, разрывая легкие и заполняя внутреннюю пустоту. Боль ни на секунду не переставала напоминать о себе.

Лишь только теперь до него начало доходить, что столько времени он был слеп и не заметил, кого видела в нем Лаурита. Он успел настолько привыкнуть к постоянному её присутствию рядом все эти триста лет, что знал Лауру, и не замечал, каким взглядом на него смотрели карие глаза маленькой демонессы. Как он мог оставаться слепым и не заметить, что в хрупком миниатюрном теле скрыта ранимая душа влюбленной женщины, которая видит в нем мужчину — своего любимого мужчину? И почему он не догадался раньше — глубже заглянуть в ее мятежную душу и понять?...

Только бы ему увидеть её! О, он непременно исправил бы свою ошибку и рассказал ей, насколько она ему дорога! Он бы заботился о ней и оберегал, проводил бы с ней гораздо больше времени, чем раньше, помогая излечиться её душе. Вот он и прозрел. Какую же, должно быть, боль причинял ей своим снисхождением, когда видел лишь красивую куклу, забывая о её душе. А этого нельзя было допускать. Не удивительно, что при таком отношении Лаура стала такой, какой стала. И в этом определено была и его вина тоже. Отношение других было Лаурите безразлично, но такая же реакция, как и у всех, от того, которого она так любила — сильно ранила её.

Не в силах больше держать всё в себе, не в силах терпеть слабость и головокружение, Ондзи просто закрыл глаза, дышать стараясь уравновесить вдох с выдохом, когда чьи-то теплые руки легли на его уставшие плечи:

— Что гнетет тебя, брат? — мягкий, бархатистый голос белокурого Решина бальзамом проливался на истерзанную душу, а легкие массирующие движения его пальцев снимали боль спазмированных мышц плечевого пояса, — Что продолжает тревожить тебя?

— Я так запутался, — азиат покачал головой и ещё раз мысленно возблагодарил Небеса за возвращение брата, — Я не понимаю... я не знаю, как мне быть, как жить дальше.

Мужчина поднялся со своего кожаного кресла, уступая место брату-близнецу, снова с удивлением глядя в его необыкновенные, словно прозрачные, глаза. Поразительно, как

будучи слепым, он столь успешно ориентировался в пространстве. И видел, казалось, гораздо глубже любого зрячего.

— А не выпить ли нам чаю? — тряхнул головой Ондзи, изгоняя из неё тяжелые мысли.

Беловолосый мужчина согласно кивнул и в задушевном разговоре за чашкой ароматного чая посоветовал довериться своим чувствам, своей интуиции и надеяться на лучшее. Теперь он может рассчитывать не только на себя, но и заручиться поддержкой друзей. Он не одинок, и вместе они могут гораздо больше. Такие простые, но такие необходимые ему сейчас слова. И вновь вернулась надежда, что всё ещё — и у него, и у той, о чьих печальных глазах болит его душа. Но отчего не покидает предчувствие грядущей беды?

Приятели его в это время наслаждались прогулкой по осеннему парку. Двое мужчин: один сероглазый с темно-русыми волосами и густой растительностью на лице, второй — зеленоглазый брюнет с длинными прямыми волосами и аккуратно выстриженной бородкой, и две женщины: миниатюрная блондинка с маленьким сыном и стройная спортивная рыжеволосая девушка с изумрудными глазами в свободном зеленом пальто под цвет глаз, не скрывавшем её положения.

— Рада познакомиться с вами, Эллен, — белокурая Бьянка с теплотой посмотрела на совсем молоденькую женщину с ярко-рыжими кудрями и трогательными детскими веснушками на светлом личике, — Надеюсь, ваше положение не доставляет вам беспокойства, а только радость.

— Благодарю, это так, — рыжая мило покраснела, сложив свои ладони на округлившемся животе, — Макс во всём поддерживает меня. И Маргарита... Вы же знаете её неугомонную натуру, она так старается быть полезной.

— О, да, — мягко улыбнулась Бьянка, зная характер маленькой Маргариты, — она такая. Если вам что-нибудь понадобится, то не стесняйтесь, обращайтесь в любое время.

— Спасибо! У вас такой очаровательный малыш, — рыжеволосая перевела взгляд в сторону малыша Паоло, который что-то живо разъяснял мужчинам, выбирая для мамы десерт, — Как бы мне хотелось, чтобы наш ребенок был таким же.

— Буду рада, если мой опыт и мои советы пригодятся, — Бьянка кивнула светловолосой головой, и они продолжили беседу уже вместе с подошедшими мужчинами, которые принесли два подноса полных разнообразных вкусных вещей.

И дальше общение прошло так, словно они были хорошими старыми знакомыми, которые знают друг друга уже очень много лет. А присутствие маленького Паоло делало обстановку ещё более легкой и непринужденной, и взрослые с большим удовольствием вспоминали те времена, когда сами были детьми, увлеченно подбирая имена для будущего ребенка Максимилиана и Эллен, но так и не остановились пока на каком-то конкретном имени, с наслаждением дегустируя кулинарные изыски итальянкой кухни в специализированном ресторанчике.

Златовласая Даниэлла встретила Марка только вечером следующего дня, когда оба уже успели отдохнуть и привести себя в порядок:

— Привет, Маркеш! — от её внимательного взгляда не укрылись те изменения, что произошли с молодым человеком, чем вогнала юношу в краску, — Признайся, это Мей так на тебя влияет? Рядом с ней ты просто расцвел.

На парне сейчас был простой серый джемпер с черным геометрическим рисунком, простые серые джинсы — и в этой незатейливой одежде он выглядел свежим и юным, и вместе с тем — исключительно модно и стильно.

Немного смутившись, Марк приветливо улыбнулся, нежно приобнимая девушку:

— Я тоже очень рад видеть тебя, дарлинг. Ты не будешь против, если я составлю тебе компанию, и мы вместе навестим доктора? У меня для него есть послания от Мей и господина Йошида.

Дэни хмыкнула и рассмеялась:

— О! Я уже представляю, какой тебе выговор устроит твоя дражайшая половина, если ты не передашь её послание, — златовласая шутливо потрепала его непослушную челку.

Кроме сообщения для доктора и пожеланий ему скорейшего выздоровления, у Марка имелось предложение и для братьев Кхан. Дело в том, что молодой человек получил предложение от известного японского дизайнера, господина Кензо Такада, сняться в рекламе нового мужского аромата, а для Джанъяна и Рафаэля нашлось предложение по разработке дизайна флакона.

В окружении тепла близких людей и при участии целительной силы златовласой супруги, доктор в короткий срок пошел на поправку и уже скоро был выписан под амбулаторное наблюдение. Однако, уже по дороге из стационара домой случилось то, что запустило целую цепь фатальных и драматических событий.

С самого утра шел сильный ливень, и дворники уже почти не справлялись с потеками на лобовом стекле. Водители машин с трудом совладали с управлением на скользкой мокрой дороге. Джону пришлось со всей силы затормозить, чтобы не врезаться во впереди стоящий автомобиль — на дороге образовалась пробка, и транспорт выстроился длинной вереницей. Периодически раздавались гудки клаксонов. Снаружи слышались крики, кто-то пытался вызвать полицию — причиной затора на дороге стала авария школьного автобуса вследствие неисправности тормозной системы. Каркас транспортного средства был смят, и заклинивший дверной механизм не давал возможности извлечь детей, среди которых были и тяжело раненые. Бригада спасателей, полиция и медики уже неслись к месту происшествия с мигалками и сиренами. Счет шел на секунды — время работало против пострадавших, повреждения двигателя запустили реакцию возгорания — о чем красноречиво свидетельствовал появившийся дым. Друзья молча переглянулись, одновременно вышли из машины и кинулись вдоль стоящих автомобилей, пробираясь сквозь столпившийся народ.

— Черт, там же дети! — Джон резкими движениями собрал свои волосы в хвост, — Марго, можешь сдержать возгорание? — коротко спросил он на бегу, обратившись к Маргарите, на что та положительно кивнула, — Марк, ты тоже знаешь, что нужно делать? — парень безмолвно моргнул, — Дени, сенсей, вы займетесь ранеными, — Даниэлла дружески хлопнула его по плечу, а молодой хирург слабо улыбнулся в знак согласия.

— Расступитесь, пожалуйста! — чем ближе к эпицентру, тем сложнее было двигаться через скопление людей, — Разойдитесь! Дайте пройти, прошу вас! — у автобуса столпилось много народу, не осознающих в полной мере всей опасности — они пытались при помощи подручных средств выбить окна из закаленного противоударного стекла и открыть заклинившие двери.

— Поторопитесь, умоляю! — руки у девушки уже дрожали от накала всех эмоциональных и физических сил, и жар, что она вбирала в себя, раскалялся внутри, на руках и лице выступили первые капли пота, смываемые дождем, — Я не смогу долго удерживать температуру.

— Ясно, тогда мы постараемся в темпе, — Джон повернулся к молодому человеку, — Марк, готов? — юноша шумно выдохнул:

— Всем отойти от окон, пригнуться и накрыть головы! — скомандовал он, и мощной воздушной волной вынес все окна в автобусе, тогда только они смогли проникнуть внутрь и начать извлекать детей из салона, многие из которых были ранены, и все, без исключения — сильно напуганы, следуя их примеру, другие люди тоже принялись помогать выносить ребятишек, последним вынесли водителя.

— Вот так, — златовласая пыталась успокоить захлебывавшихся ревом малышкой, — Не бойтесь, мы пришли помочь. Не бойтесь, — небольшие царапины и ушибы заживали под её целительными руками.

— Всё, ребята, я не могу больше... — силы Маргариты была на исходе.

— Ты и так держалась достаточно долго, — махнул рукой Джон, — умница, милая! Ты как, в норме? — его лицо выражало крайнюю обеспокоенность, поэтому она попыталась изобразить на лице спокойную улыбку, чтобы хоть немного ободрить и его, и себя, и остальных, — Будьте добры, отойдите подальше от автобуса. Ради вашей же безопасности, — мужчина стремился донести до людей рациональную мысль отойти на безопасное расстояние, заодно, отвлекая их и пытаясь скрыться в толпе, уводя с собой друзей, когда внимание людей было приковано к воспламенившемуся автобусу, — А вот полиция и медики, так что нам лучше исчезнуть. Ни к чему нам привлекать к себе лишнее внимание, ещё и полицейские начнут сейчас вопросы задавать, свидетелей искать.

— Но, ещё многим нужно оказать медицинскую помощь, — выразил протест Джек.

— Пусть этим теперь займутся врачи скорой помощи, — решительно настоял на своем Красный, — Мы и так с головой себя выдали. Не хватало ещё, чтобы сейчас на нас напали журналисты — от них потом точно не отвяжешься, и уже завтра о нас будет знать весь мир.

— Док, тут я согласен с ним, — непредвиденно вмешался Марк, — Мир ещё не готов узнать о нас.

— Вы только посмотрите на них, — ухмыльнулся молодой хирург, — как спелись!

— Мы сегодня молодцы, не дай Бог когда-нибудь на их месте оказаться нашим детям.

Вы видели лица тех, кто уже нашел среди них своих чад? Правду говорят, что чужих детей не бывает, — Джон наконец улыбнулся, когда они снова оказались внутри своего автомобиля и смогли расслабиться, — А сейчас — домой, нам не мешает хороший отдых. Придется сделать большой крюк, но так будет спокойнее.

Уже к вечеру этого дня во всех новостях освещался этот инцидент:

— Эти кадры побили все мыслимые и немыслимые рекорды просмотра в социальных сетях и ютубе — после героического спасения детей, эти люди удалились с места происшествия, — милостивая диктор вещала с экрана в вечернем выпуске новостей, — Сейчас в нашу студию поступают звонки от очевидцев, которые утверждают, что им знакомы личности этих людей. Мы же начинаем наше собственное расследование и обещаем держать наших зрителей в курсе событий — оставайтесь с нами, вы имеете право знать правду. Стоим ли мы на пороге новой эры в развитии человеческой цивилизации? Кто эти люди, да и люди ли они в привычном понимании этого слова, сколько их среди нас, какими еще сверхчеловеческими способностями они обладают и какие цели преследуют? Чего ожидать от них — друзья ли они нам? Несут ли они благо нам или же гибель? Их силы находятся за гранью нашего понимания — сегодня они спасли наших детей, но, не повернут ли они свои способности против нас? Значит ли это, что изучив их природу, мы сможем обладать такими же способностями? Уже разгораются жаркие дебаты среди ученых и знатоков научной фантастики — присоединяйтесь к нашей дискуссии завтра в это же время.

Мы с вами стали свидетелями чего-то невероятного — давайте поговорим об этом и о том, какие последствия ожидают нас, — а на экране мелькали кадры любительских съемок, записанных на мобильные телефоны.

— Так-так, очень интересно, — высокий седовласый мужчина средних лет в белом халате увлеченно следил за происходящим в студии, пустив в потолок сигарный дым и сделав поток из стакана, где на поверхности налитого виски плавали кубики ещё не растаявшего льда, — И девчонка Шарля-Анри там? О, я уже предвкушаю, какая нам предстоит долгая и весьма содержательная беседа с Шарлем... И дочь Дерека Кешью с ними... И этот наглый японский выскочка, считающий себя знатоком медицины... А тот высокий бледный парень — его лицо мне знакомо, только не вспомню, где я мог его видеть. Остается только тот смуглый мужчина... Ничего, я соберу информацию обо всех...

"Глупец ищет счастье вдали, мудрый — растит его рядом с собой."

Омар Хайям

Часы показывали уже девять часов утра, но Маргарита всё не торопилась просыпаться. Последние дни она чувствовала себя ужасно слабой, её все время подташнивало и все время клонило в сон. А вместе с ним приходили кошмары. Снилось ей, что врачи, опасаясь за её здоровье и здоровье ребенка, которого она носит, настоятельно просили воздержаться от половой жизни до безопасного появления ребенка на свет. Супруг честно пытался держаться, но они всё больше отдалялись друг от друга, пока он не нашел себе других женщин для удовлетворения своих физиологических потребностей, всё чаще оставляя её в одиночестве, наедине со своими переживаниями. И осознание данного факта болезненно резануло по сердцу — неужели же их связывала большей частью постель, в то время, как она искренне считала, что чувство между ними намного глубже. И от этого хотелось заплакать навзрыд, подобно ребенку, переживающему первое сильное разочарование в своей жизни. Хотелось колотить кулаками по стене, пока пальцы не окрасятся кровью, потом затыкать ладонями рот, заглушая собственный крик. Но больше всего хотелось отмотать время назад и ничего этого не знать, глотая соленые слезы, лежа в пустой постели. Потом ей снилось, что она родила мертвого ребенка, мальчика со смуглой кожей и вьющимися черными волосами, как и у его отца — которому так и не суждено было сделать свой первый вздох, громким криком оглашая свой приход в этот большой мир. И этот мир рухнул, раздавив её и изранив осколками, а холодный липкий страх сковывал всё внутри.

Пришел теперь черед Маргариты просыпаться посреди ночи с криком и слезами на щеках. Потом она выходила на лоджию со стаканом прохладной воды и ещё долго стояла, смотря в даль, пытаясь отдышаться и остудить пылающую голову.

Вот и в этот раз после всех недавних потрясений, Маргарите удалось заснуть лишь под утро, и сейчас она ещё спала, временами нервно вздрагивая с тихим стоном. Разогнать пустые страхи, что опутывали сознание, почти не представлялось возможным. Она не понимала уже, что правильно, а что — нет, и чего ей стоит опасаться более: того ли, что её ребенок умрет, либо того, кем её сын может стать. И это было страшно и вызывало отвращение к самой себе: что же она за мать такая, что способна невзлюбить свое ещё не родившееся дитя.

Джон переживал не меньше, и не знал, как ей помочь — как мог, старался поддержать и успокоить. А ему ещё предстояло решить вопрос безопасности детей, которых лучше всего было отправить в надежно скрытый от посторонних глаз Небесный Град под опеку Кали и Самаэля, на которых он ещё мог рассчитывать во всем этом безумии. Но как быть с

Маргаритой, ослабленный организм которой не выдержит такого длительного путешествия? Как быть с остальными? И в такой нервной обстановке он ни на минуту не забывал, что где-то есть ещё и Лаурита, и что он обещал азиатке разыскать её. Ответ на этот вопрос также больше шансов отыскать было в Высокой Обители.

Так, погруженный в свои мысли, он спустился в столовую на дразнящие ароматы горячего завтрака в исполнении своих матери и сестры, сменивших сегодня на кухне завсегдатая готовки Джастину.

На ступенях лестницы его перехватила Аделин, успевшая выпить свою утреннюю порцию молока под бдительным надзором госпожи Сони.

— Папочка... я когда вырасту, буду такой красивой, как ты? — светловолосая девочка остановилась у большого зеркала, так официально взяла мужчину под руку, подняв голову и совершенно серьезно посмотрев своими голубыми глазами.

Ей удалось отвлечь его от тяжелых мыслей, и Джон даже мягко улыбнулся:

— Ну... я думаю ты будешь такой красивой, как мама, — заверил он девочку, расправляя ленты в её косах.

— Неее, как мама — это долго, — озорно подмигнула малышка, — Я видела как она утром сначала крем, потом тушь, потом помаду, потом причёску... А ты встал, умылся — и уже красивый. И Марк тоже красивый, — девочка вдруг погрузилась и опустила глаза, усиленно делая вид, что поправляет свою юбку, то сжимая, то разжимая маленькие пальцы своих ладоней, — Вот, у тебя, папа, есть мама, а у Марка есть Мей. А я пока вырасту, так всех самых лучших женихов и разберут.

— Обещаю, что мы найдем тебе самого лучшего жениха, — убедительно шепнул мужчина девочке на ухо и добавил, — А хочешь, я взбрызну тебя мамиными духами, совсем немножко?

— Тогда я буду больше нравиться мальчикам? — лицо Адельки просветлело, и она с надеждой встретила взгляд его карих глаз.

— А какому именно мальчику хочет понравиться наша принцесса? — мужчина взял девочку на руки, располагаясь на нижней ступеньке и усадив ребенка себе на колени.

Девчушка покраснела, но решила всё же продолжить секретничать с отцом, доверяя его теплому взгляду:

— Помнишь мамину знакомую, что приходит с таким дядей, как из кино, — добавила она со всей серьезностью, какая только может быть у маленького ребенка, вновь густо залившись краской, — с ней мальчик, который ходит со мной в группу. Он очень хороший мальчик, этот Паоло... он смешит меня.

— И ты уже не хочешь выйти замуж за принца и жить в красивом замке? — с любопытством поинтересовался мужчина.

— Не, можно и не за принца, — замотал головой ребенок, мечтательно сложив на груди свои маленькие ладошки, — только бы мы любили друг друга так сильно, как и вы с мамой. Ведь, правда, так и будет, папочка?

— Это слова очень мудрого человека. Именно так всё и будет. Ну, посуди сама, разве можно не любить такую замечательную малышку, как ты? — Джон поцеловал в лоб радостно хохочущего ребенка, — Я рад, что у нас такая мудрая девочка.

На сердце заметно потеплело, и мужчина усмехнулся про себя — смотришь ты, какой молодец, как отлично у него получается ладить с девочками, как с большими, так и с маленькими. На самом деле этому было объяснение: он действительно не плохо разбирался

в женской психологии, большую часть своей жизни проведя в женском обществе матери и своей единоутробной сестры-близнеца, он лет до трех даже не против был наряжаться в платья вместе с сестричкой. Те времена он неизменно будет вспоминать с трепетом и теплотой, когда весь его мир был сосредоточен в руках матери и улыбке сестры — и не было тогда никого на свете счастливее его, и так мало нужно было ему для счастья.

Наконец Маргариту разбудили ароматы индийской кухни, доносившиеся из кухни на первом этаже. Вот, только стоило ей сменить горизонтальное положение тела на вертикальное, как снова накатила тошнота. С трудом умывшись, она насилу заставила себя выпить стакан минеральной воды с лимонным соком. Прежде чем присоединиться к собравшимся завтракать в столовой, Маргарита попросила супруга помочь и сопровождать её в кратковременной прогулке с детьми на заднем дворе, чтобы немного привести в порядок мысли и проветрить свою голову от тягостного осадка одолевавших девушку зловещих сновидений. Блуждающим взглядом своих припухших глаз вызывая тревогу своим пугающе нервным состоянием: одновременно столь взвинченным и столь подавленным, что не было характерно для обычно такой жизнерадостной и активной Маргариты.

— Это случается снова и снова, — когда она подняла голову, чтобы посмотреть на смуглое лицо мужа, то стали видны покрасневшие сосуды воспаленных глазных белков, — Опять эти сны... Они сводят меня с ума. Мы так и не смогли отвести пророчество... — и мужчина понимал: кто кроме него, устоявшего перед собственными ночными кошмарами, лучше других мог понять её, поддержать и унять душившие любимую женщину страхи, — Эта сила, я чувствую её... Она в моем ребенке. Вместе с ней начинаю меняться и я. Во мне растет что-то нехорошее и опасное, и это пугает меня. Господи, меня пугает собственный сын. Хотела бы я не знать этой силы, чтобы она не довлела над мой мальчиком и не затуманила его разум.

— Марго, пока что ты пугаешь меня больше, — мужчина пригладил её волосы, пальцами убрав слезинки с её ресниц, — Твое состояние...

— Мне страшно, Жан. Я боюсь за наше будущее, — девушка буквально впилась пальцами в его руку, оставляя болезненные синяки на коже, только Джон, казалось, не реагировал на причиняемый ему дискомфорт, — Быть может, нам следует рассказать всё этим журналистам? Пусть ученые обследуют нас. Возможно, нам смогут помочь, если лучше изучат, найдут какое-нибудь лекарство?...

Мужчина покачал головой, понизив голос:

— Они нам не помогут, потому что наша сила — часть нашей природы. Нас не вылечат, и знаешь почему — потому, что мы не больны. Наш дар — это благословение, а не проклятие.

Сейчас он чувствовал себя таким виноватым перед ней: той, без которой он не смыслил своего существования, и по чьим щекам текли сейчас слезы, причиной которых был он сам. Знал ли его отец, когда возражал против их отношений, какие могут быть последствия? Не потому ли пытался вразумить дитя, что предвидел такой поворот и радел не только о благополучии сына, но и о судьбе всего мира?

Как же ему не хватало отцовской мудрости. Князя не было рядом и некому было посоветовать, как быть им теперь. Мать слишком любит его, Маргариту и внушек, чтобы непредвзято и объективно оценить сложившееся положение.

— Ты говоришь сейчас прямо как Марк, — девушка попыталась слабо улыбнуться, — Господи, Жан, я видела такое, чего не должна была видеть, и это знание убивает меня.

— В самом деле? — Джон обхватил пальцами её подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть в его темные глаза, — Родная, не стоит горячиться. Прости мою резкость, я не имел права так с тобой разговаривать. Это моя вина в том, что я не сумел укротить свое желание в момент одержимости силой Аватара. Единственным оправданием мне может послужить лишь то, что одержимость эта лишь усиливала мои собственные чувства. Поверь, я знаю, как тяжело тебе сейчас, я чувствую твою боль, твои страхи и твои сомнения... Прошу тебя, доверься мне и позволь защитить вас — самое дорогое, что есть в моей жизни. Людям не понять наших сил... мы можем рассчитывать только на себя. Пока же вся шумиха не уляжется, нам лучше уехать подальше, в место побезопаснее — и лучше Небесного Града я вариантов не нахожу. Путь предстоит не близкий, ты знаешь. Тебе предстоит собрать все свои силы. Знаю, что это будет нелегко, но постарайся, очень прошу. Мне, правда, придется покинуть вас на время, но я вернусь, к вам, как только завершу здесь дела — я обещал Ондзи, и мне придется задержаться и помочь ему отыскать Лауру.

Маргарита ещё пару раз шмыгнула носом, стряхивая с ресниц последние слезинки, и предложила вернуться в дом и наконец-таки позавтракать.

За завтраком Джон долго что-то обсуждал с братом и сыном, но Маргарита слушала в пол-уха, полностью погруженная в свои думы. А так бы она могла услышать, как он наставляет сына внимать в его отсутствие матери и Самаэлю, и позаботиться о близких в качестве князя Небесного Града. Мальчик был так впечатлен оказанной ему честью и доверием отца, так полагавшегося на него. Глаза юного Алишера горели гордостью и решимостью оправдать возложенную на него ответственность. И снова мужчина поразился, насколько быстро вырос и возмужал его сын, к почти тринадцати годам став привлекательным молодым человеком, спокойным, добрым, отзывчивым и благородным, унаследовавшим наилучшие черты обоих своих родителей. Кроме того — это же был для парнишки удачный шанс произвести впечатление на так полюбившуюся ему Розалинду, заслужить её восхищенный взгляд, уважение к самому себе и вырасти в собственных глазах. Мальчик твердо пообещал следовать всем наставлениям отца.

Это настолько шло в разрез с тем, каким Джон видел своего младшего сына и вселяло надежду, что им дано изменить и направить своего отпрыска, и в их руках своей любовью и своим примером привить ему лучшие качества и вырастить настоящего мужчину и благородного принца, достойного брата юного княжича.

Высказал готовность поддержать племянника и Рафаэль — от великого деда мальчик унаследовал ту же кровь, что течет и в нем. Наученный горьким опытом, младший принц дал себе слово искупить свою вину перед близкими и никогда более не сметь позволять себе усомниться в собственной семье.

Предоставив более умудренным принимать решение относительно наилучшего планирования предстоящего путешествия, Марк вместе с удобно устроившейся у него на коленях Аделькой с аппетитом поглощали завтрак, весело мурлыча себе под нос незатейливые песенки на родном языке парня — украинском, которым он научил малышку. Надолго потом ещё в голове засядет их "Червона рута", поднимая Маргарите настроение.

Со светлой завистью наблюдала девушка и за братом и своей златовласой подругой, помогавшей ему принимать пищу при помощи менее пострадавшей левой руки, превращая сам процесс завтрака в нечто сродни увлекательной игре.

Чего нельзя было сказать о самой Маргарите, которая даже смотреть не могла на блюда с пищей, даже с учетом того, что употребленный накануне ужин ещё раньше попросился

наружу, а пустой желудок жалобно урчал. А ещё, кажется, вернулась скверная привычка из детства — девушка заметила, что снова нервно грызет ногти.

Видимо, это и стало последней каплей, переполнившей чашу родительского терпения. Мать и отец не в силах были дольше наблюдать подобное состояние дочери и решительно настояли на визите к врачу в самое ближайшее время.

Ох, могла ли Маргарита объяснить им причину своих страхов, напугав тем самым ещё больше? Она просто без сопротивления подчинилась их рекомендациям.

Джон был не в восторге от такой идеи, но видя, насколько серьезно состояние Маргариты, предпочел выбрать меньшее из двух зол и не стал возражать против посещения клиники. У него ещё оставались незавершенные вопросы по делам бизнеса, но и терять слишком много времени он не собирался — совсем скоро им предстоит отбиваться от атак вездесущих папарацци, и неизвестно ещё, чем это может обернуться.

Отца Маргариты поддержали единогласно. Когда он уже достал мобильный телефон чтобы набрать номер своего начальника и научного руководителя, с которым со студенческих лет поддерживал приятельские отношения, по спине Джона предвидением большой беды прошел противный холодок.

На другом конце города высокий подтянутый седовласый мужчина внимательно, не перебивая, выслушал Шарля, позволяя тому высказаться и вкратце описать ситуацию. Артур проявил неподдельную заинтересованность, и тут бы отцу Маргариты стоило задуматься о причинах столь повышенного интереса и такого беспокойства о здоровье его дочери, но мужчина слишком поглощен был своими собственными переживаниями, и так был взволнован, что не заподозрил чего-то большего в чисто дружеском участии коллеги и наставника.

Артур легко и поспешно согласился помочь, избавив тем самым себя от лишних поисков подходящего повода заманить к себе подозрительный экземпляр, а теперь девчонка сама идет в его руки — наилучшего исхода невозможно было и вообразить. Разговор Артур завершил в самом прекрасном расположении духа — после стольких лет судьба решила вознаградить его за все старания, а ослабленная девчонка от него никуда не денется, уж он об этом сможет позаботиться — и о ней, и об этом лживом предателе, её папаше, который ещё смел называть себя другом, за его спиной предавая общее дело. Благородный идиот! Дайте только срок, и он уничтожит его, раздавит, как мерзкого вредителя. Осталось только сделать ещё пару звонков и задействовать некоторые свои связи, чтобы отвлечь мужа девчонки. Такой не производит впечатление дурака, с ним нужно быть осторожным.

Разумеется, всего этого мужчина не произнес вслух, а потому, договариваясь о консультации для любимой дочери, Шарль-Анри не догадывался ни об истинных его намерениях, ни о том, что придется столкнуться с последствиями того, что берет свое начало в его собственном прошлом, о котором он предпочел бы забыть, как о кошмарном сне.

Отправляясь на встречу, Шарль полагал, что поступает, как лучше, не предполагая, какой прием его может ожидать.

Равно, как и Джон не мог знать, отправляясь на деловые переговоры, какие испытания выпадут тем, кого он сейчас оставляет, и что, возможно, он видит любимую женщину в последний раз. Сердце пыталось достучаться смутным предчувствием грозы, но разум был занят таким количеством мыслей, что не слышал этих робких попыток подсказать.

И прощаясь, мужчина тепло поцеловал Маргариту, мягко опустив ладони ей на живот:

— Малыш, ты знаешь, как тебе повезло с мамой? — наклонившись, обратился он к ребенку.

Без ощущения опасности покидал свой дом, оставляя своих женщин, и Шарль — лишь при личной встрече с начальником осознавший весь масштаб трагедии, которой обернулась эта встреча, столь важная и желанная для него:

— Артур, не занят? Можешь уделить мне время? — уже протянутая было рука мужчины, так и зависла в нерешительности.

Собеседник, стоявший у окна, развернулся лицом к Шарлю, и мужчина почувствовал, как от тяжелого взгляда его темно-серых глаз веет таким холодом, что по позвоночнику пробежали ледяные мурашки, а занемевшие конечности на время пригвоздили его к тому месту, на котором он стоял, всеми силами стараясь не выдавать своей нервозности под испытывающим взглядом бывшего наставника и приятеля со студенческой скамьи.

И в этот момент между ними точно возникла огромная непреодолимая стена из недоверия и недосказанности. Будто бы и не было долгих лет дружеских отношений. В одно мгновение все разбилось на обоюдоострые осколки подобно хрупкому стеклу, натолкнувшись на холод враждебного взгляда льдисто-серых глаз.

— Для старого друга у меня всегда найдется минутка, Шарль, — не впервые за время многолетней дружбы доктору Артуру Клейтону, профессору генетики и ведущему специалисту научно-исследовательского центра приходилось лгать своему другу и коллеге, но сегодня был особенный случай, и он не мог скрыть напряжения в голосе, — Я ждал тебя, проходи, располагайся и рассказывай. Как здоровье супруги? Как себя чувствует дочь? Без изменений? Ты настаиваешь на том, чтобы провести полное обследование?

Артур был старше Шарля, выше него ростом, в его волосах было гораздо больше седины, а он чувствовал себя школьником, вынужденным сочинять оправдание своему прогулу для строгого и требовательного наставника. Однако, мужчина тут же взял себя в руки — ведь это его, его все эти годы обманывали и водили за нос, как какого-то глупого мальчишку. Его, ученого с мировым именем, влиянием и репутацией! Он заслуживает куда большего, но его несправедливо лишили всего этого. И кто лишил — тот, кому он больше всего доверял. Более девятнадцати лет Шарль молчал о том, что его эксперимент удался. Артур потерял девятнадцать лет своей жизни и своего труда, ему было как никогда паршиво. Его обвели вокруг пальца, украли плоды его труда и его славу. И он не собирается этого так оставлять. О! Он ещё потребует компенсацию за годы унижения. Артур Клейтон не из тех, кто прощает подобное по отношению к себе и к науке.

Если после первого случая он ещё мог усомниться, когда дочь Шарля каким-то невероятным образом излечилась от яда неустановленного происхождения, а показатели результатов её анализов были аномальными, не характерными для обычного человека. Он всё ещё продолжал сомневаться и когда увидел в новостях не так давно репортаж о чудесном спасении ребенка из горящего здания. Но после того, что он увидел в новостях вчера, и ещё несколько раз пересмотрел на ютубе, усомнился бы только слепой. И это видел весь мир. И стало любопытно, какое объяснение сможет сочинить Шарль на этот раз. Ярость и злость нарастали в нем всё сильнее. Если бы доктор Клейтон мог обладать даром прочесть мысли оппонента, но и свои переживания он старательно скрывал, не подавая вида, насколько ему сейчас хотелось вытрясти признания из, теперь уже бывшего, друга.

Так они и продолжали бы ещё неизвестно сколько времени играть в гляделки, но Шарль первым нарушил молчание:

— Моя дочь... — неуверенно начал Шарль, подсознательно всё ещё опасаясь этого холодного и колкого взгляда, но у него не было другого выхода, он не знал к кому ещё, столь сведущему в медицине и обладавшему такими связями и влиянием в научном мире, мог бы обратиться, — Она нуждается в серьезной квалифицированной помощи. Я никогда ни о чем не просил тебя, Артур, с тех самых пор, как мы... Но я... просто не могу смотреть, как она страдает.

— И это всё, что беспокоит тебя? Ты больше ничего не хочешь мне рассказать? — Артур вопросительно посмотрел, застыв в напряженном молчании, — А я ведь и сам хотел искать тебя. Есть у меня разговор. Догадываешься, о чем?

Мужчина несколько раз обошел вокруг Шарля, сужая круги и чеканя шаг, гулким стуком отдававшийся по кафелю и по натянутым нервам:

— Твоя дочь? Твоя! — в голосе зазвучали визгливые нотки, от которых Шарль вздрогнул и захотел зажать уши, дабы обезопасить свои барабанные перепонки, — Ты лгал мне! Черт возьми, Шарль, я же просил тебя о столь малом: в точности исполнять мои указания и сообщать мне обо всем необычном, если такое будет происходить. Неужели это было так сложно выполнить? Ты предал нашу дружбу и наше дело.

— Сейчас не место и не время обсуждать дела прошлого, — горячий взгляд Шарля встретился с ледяным взглядом Артура.

— Нет, вот сейчас как раз самое время, — мужчину с силой встряхнули, развеяв остатки призрачной надежды на взаимопонимание, — И я хочу услышать, как ты объяснишь всё это. Скажи мне, Шарль, как давно у девочки способности, и как давно ты знаешь?

— Прости, Артур, — отец Маргариты оставался непреклонен, отрицательно кивнув головой, — Я буду говорить только когда помогут дочери. Ты же можешь помочь ей, правда?

— О! Торговаться вздумал? — на этот раз, не выдержав, Артур схватил его за ворот, крепко вдавив в холодную твердую стену, — Здесь я буду ставить условия. Но не ты.

Мужчина мягко освободился от захвата:

— Ушам своим не верю.

Видимо, не стоило этого говорить, потому как Артур уже едва сдерживал себя, чтобы не сорваться:

— Неблагодарный друг! — Шарль невольно моргнул, Господи, да ведь этот человек реально верил тому, что говорил сейчас, — Да если бы не я, у тебя вообще не было бы дочери! Это я! Я дал вам то, чего вы так жаждали. Я дал вам дочь! Когда вам не к кому было больше обратиться, кто помог вам? И не ты попрекать меня будешь. Теперь это уже не твой ребенок, а объект научного интереса.

— Я и подумать не мог... — Шарль начал нерешительно отступать к входной двери, — Ты чудовище, Артур. Как я не разглядел...

— Ну, хватит! — Артур несколько раз вдохнул-выдохнул, после чего присел в кресло, отозвавшееся слабым скрипом, и громко стукнул кулаком по столу, заставив Шарля снова нервно вздрогнуть, — Хватит причитать! Ну, почему? Почему, Шарль, ты не послушал меня? Теперь, когда о них узнал весь мир, я уже ничего не могу для тебя сделать.

Тут мужчина с пугающей ясностью сообразил, в какую ловушку угодил по собственной неосмотрительности, и весьма маловероятно, что ему дадут уйти. Но он не простит себе, если даже не попытается — где нельзя действовать силой, нужно включать мозги и использовать хитрость.

Но вместо этого он слабо выдохнул:

— То, что ты задумал, бесчеловечно...

Теряя терпение, Артур подскочил в кресле, с такой силой ударив по столу, что тонкие листы бумаги подлетели в воздух, легко кружа и медленно планируя обратно на столешницу:

— А ты безмозглый дурень, не видящий своей выгоды! Ты мог бы иметь всё: власть, признание, известность, деньги. Вот где бы они все у нас были, — он с чувством сжал свой крупный кулак, — Но ты... Ты же одержим изжившими себя идеями. Так и будешь прозябать.

— Так... так, я начинаю теперь понимать, — Шарль обхватил голову ладонями. В висках мучительно пульсировало, — Стало быть, то, что ты выдавал за новые методики лечения бесплодия, было твоими чудовищными экспериментами. Ты — лживый и подлый человек. Ты опасен, тебя надо остановить.

Клейтон медленно поднялся со своего места:

— Не будь глупцом, не отнимай наш триумф, — он протянул стакан с водой и мягко продолжил, — наш триумф, Шарль. Подумай хорошо. Ещё не поздно. О нас ещё услышат. И все эти снобы с профессорскими знаниями будут преклоняться перед нами. Вот моя рука, Шарль, мы всё ещё друзья.

— Ты мне не друг, Артур, — здраво рассудив, Шарль решил не принимать из этих рук ничего, даже воду, — Друзья так не поступают. Мы знаем друг друга столько лет, скажи мне, что изменилось? Когда ты успел стать таким?

— Всё уже изменилось! — мужчина с силой ударил кулаком об стол, — Ты наивно полагаешь, что теперь их оставят в покое? Как бы не так! Всё уже вышло из-под контроля. За дело взялись журналисты, а они ни перед чем не остановятся в погоне за жареным сюжетом. Только я могу защитить их. Люди боятся неизведанного, страх рождает ненависть. Они не такие, как все, они опасны для общества. Они должны находиться под наблюдением и контролем. Я много лет занимался этой темой, а теперь есть возможность продвинуться в моих исследованиях. Это научная сенсация, — как бы идя на примирение, он открыл металлический сейф и достал бутылку коньяка и две рюмки, — Сколько их? Их имена? Какими ещё силами они обладают? — прямой взгляд в глаза собеседнику, пока невозмутимо разливает спиртное по рюмкам.

— Ты, вообще, слышишь себя? — Шарль отодвинул от себя предложенную порцию выпивки и обессиленно присел в кресло, схватившись руками за голову — в голове стучало и пульсировало, — Да, они особенные, но это — моя дочь и её друзья, а не твои подопытные кролики!

— Как я и предполагал — ты такой же глупец, как и Кристоф де Шатильон, — спокойным тоном отметил собеседник, а Шарль невольно вздрогнул при упоминании имени своего студенческого друга Кристофа:

— Он видел тебя насквозь, — непроизвольно внутренне напрягся — теперь кусочки ужасающего пазла начали складываться, предвещая и ему повторить преждевременную гибель друга и наставника, сомнений почти не осталось, что авария та не была простой случайностью.

— Я действительно жалею, что не смог с ним договориться, — из последних сил стараясь сохранять самообладание, Артур отошел к раскрытому окну и закурил, — Не вынуждай меня поступать так же с тобой. Ты же человек науки и должен понимать меня. Они принесут нам признание и известность. Их способности пока за гранью нашего понимания, но, они идеальны для солдат и шпионов — сильные мира сего склонятся перед

нами, если мы сумеем разгадать эту тайну и подчинить эту силу. Это как исполнять роль Бога — решать, кого наделить этой силой, а кого — нет.

— Ты просто спятил, Артур, — тяжело и больно было поверить, что всё сейчас происходит на самом деле.

— Хорошо... Значит, ты отказываешься сотрудничать? — Клейтон продолжал сверлить его взглядом.

— Я уже всё сказал, — Шарль выдержал паузу, давая понять, что разговор закончен, — Мне нечего добавить.

— Неужели ты наивно полагал, что я позволю тебе уйти? — Шарль только вознамерился встать со своего места и выйти, как резкий толчок вернул его назад в кресло, — Жаль, что мы не достигли понимания. Возможно, твоя малышка Маргарита окажется более сговорчивой — она же любит своего папочку и не захочет, чтобы ему было плохо, как ты думаешь? — и спустя секунду в помещении появились трое внушительного вида парней, — Дайте мне его телефон, — он нетерпеливо протянул руку.

— Ой, у меня сегодня всё из рук валится... Не надо было заставляя меня так нервничать, Артур — когда я нервничаю, я становлюсь ужасно неловким, — словно предугадав такой ход событий, изображая неловкость, Шарль-Анри вызывающе резко достал из кармана аппарат и, прежде чем санитары заломили ему руки, успел разбить его об каменные плиты пола лаборатории, сдержанно улыбнувшись.

— Ох, Шарль, Шарль, а ты всё показушничает? — хлопок щеки, и по подбородку Шарля уже стекала, капая на холодный равнодушный кафель, кровь из разбитой губы, а ухмылочка Артура была отвратительна от того, что ему хотелось от досады стиснуть до скрежета зубы, — Уведите его, он начинает раздражать меня своим упрямством, — Клейтон кивнул и развернулся вытереть руку салфеткой.

— Это моя, только моя вина. Девочка моя, Марго, прости меня. Прости, родная, — это был конец, ощущавшийся противным металлическим привкусом во рту.

Мог ли Шарль предположить тогда, много лет назад, чем обернется их с женой страстное желание иметь детей и довериться в данном вопросе этому страшному человеку, от которого они тогда ни как не ожидали такой степени жестокости и беспринципности.

В доме их оставалось трое, когда музыкальную программу прервали экстренным выпуском новостей:

— Чему мы стали свидетелями на сегодняшний день? Мы не можем более отрицать того, что явление мутации — свершившийся факт. Кто эти люди? В какой мере мы можем считать их людьми? Что скрывают они? Какими ещё силами, не подвластными нам, обладают? И самый главный вопрос, который волнует всех нас — мы должны знать степень исходящей от них опасности. Чтобы носить оружие необходима лицензия, а опасных лихачей за рулем мы лишаем прав. А они сами — и есть оружие, — с каждым словом глаза Маргариты становились все шире, а на последних фразах чашка с кофе выпала из её рук, со звоном разбившись об пол, и темное кофейное пятно расплылось по плитке бежевого цвета с белым вензельным рисунком.

— Они не могут лишить нас права на жизнь, — прошептала она, чувствуя, как внутри поднимается пламя.

Златовласая настороженно нахмурила брови, а Марк нервно сжал пальцы.

— Жан, это просто ужасно! — голос Маргариты дрожал, она говорила суетливо, сбивчиво, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание, — Ты смотрел утренние

новости? Мы теперь объект нездорового интереса ученых и СМИ.

— Дьявольщина! — чертыхнулся, не сдержавшись, Джон, когда порезался канцелярским ножом, шокировано уставившись в экран ноутбука, включив ролик, ссылку на который она прислала ему, — Так, главное сейчас — сохранять спокойствие и руководствоваться только разумом. Из дома ни ногой, с журналистами не общаться. Я сейчас отменяю совещание, заказываю билеты до Джайпура и еду домой — буду в течение часа. А вы собирайте вещи и соберите остальных, — он положил трубку и закурил: как же не нравилось ему всё это, мысленно попросив мироздание успеть оказаться как можно скорее и как можно дальше от всего этого безумия.

А капли крови растекались по белой бумаге пугающими знаменами.

— Слишком поздно — полиция уже здесь, — констатировал Марк, осторожно отодвинув панель оконных жалюзи, когда на улице раздался звук сирен, — Выходите через черный ход, там стоит моя машина, — он достал из кармана ключи от своей серебристой "Ауди" и вложил их в ладонь девушки, — держи, поезжайте как можно скорее.

— Марк, но... — Маргарита слабо попыталась возразить.

— Никаких "но", — парень встряхнул её за плечи.

— Я толком даже водить не умею, — девушка бессильно опустила руки.

— Ничего, научишься, — Марк был настроен решительно, и пререкаться с ним сейчас было бесполезно, — жизнь и не такому научит.

— А как же ты? — Марго посмотрела в его глаза, снова принявшие оттенок холодной стали, — Ты разве не с нами? — он замолчал, и от того, что означало это гнетущее молчание, хотелось закричать и забиться в истерике.

— Но, тогда ты... — Даниэлла не успела закончить фразу.

— Это не важно... *Daijoubu desu* (Всё хорошо Яп.), — он порывисто обнял девушек, словно, делает это в последний раз, — Когда-то я уже оказался паршивым другом и не смог вас уберечь.

— Я не хочу это вспоминать, — Маргарита замотала головой, оставляя на его рубашке черные следы потекшей туши, — однако, как бы она не хотела, невозможно забыть полный удивления и немого вопроса взгляд на блестящее лезвие клинка, вонзившегося тебе в грудь, дрожащие тонкие руки в попытке дотянуться — и лицо подруги, залитое кровью, а её тело — пронзенное стрелами, таким был конец Наканиши Марико и Нишитани Акеми в эпоху Эдо, в период сёгуната Токугава — при всём желании это невозможно забыть, и он это прекрасно понимал и также помнил.

— А я не допущу, чтобы это повторилось снова, — успокаивал он их, черпая силу в бесценных воспоминаниях, — Мари, Мико... НУ, ЖЕ, ЕЗЖАЙТЕ! *Науаку!* (Скорее! Яп.) выиграю вам время. Встретимся в аэропорту.

— Это полиция! — послышалось снаружи, — Мы не хотим проблем и не причиним вам вреда. Выходите, сохраняя спокойствие, и проследуйте с нами. Мы зададим вам несколько вопросов.

— Что вам нужно? — выйдя на крыльцо, Марк старался сохранять хладнокровное спокойствие.

— Это точно он? — уточнил капитан полиции у седовласого мужчины в длинном клетчатом пальто, — Вы уверены, профессор Клейтон?

— Да, он был с ними, — мужчина кивнул, и сделал шаг вперед, — Не бойся, мальчик, я хочу помочь... — и остановился перед молодым человеком с вытянутой для приветствия

рукой.

— Мы не нуждаемся в помощи, — он так и не пожал её, оставаясь стоять на месте. — Просто оставьте нас в покое.

— Скажи, мальчик, как твоё имя? Сколько вас? Какими способностями вы обладаете? — Клейтон, тем не менее, осторожно продолжил, предусмотрительно прощупывая его состояние, — У меня к вам столько вопросов. Помогите нам разобраться.

— А если я не настроен отвечать на ваши вопросы? — Марк напряженно свел брови.

— Пацан, не дури, — предупреждая замечил полицейский, — Не создавай себе лишних проблем и не заставляй нас идти на крайние меры — я ведь могу и задержать тебя за сопротивление полиции. Где остальные, что были с тобой?

— Какие остальные? — юноша пожал плечами, делая вид, что не понимает, о чем идет речь, — Кроме меня никого нет.

— Ну, чего смотрите, снимите мальчишку, — терпение профессора было на исходе, и капитан отдал приказ обойти дом и зайти с черного входа и обыскать внутри, — Только не убивайте его — он мне нужен живым, — добавил Клейтон, когда группа отрапортовала, что на заднем дворе обнаружены свежие автомобильные следы, — И найдите машину: перекройте все дороги и просмотрите записи с ближайших камер видеонаблюдения.

— Это вы вынуждаете меня... Читали научную фантастику про страшных и ужасных мутантов? — парень криво усмехнулся, — Так вот, я — худший из них! — в мгновение он уже обрел облик ракшаса, давая выход своей силе, выбивающей стекла в окнах окрестных домов, сбивая с ног полицейских и переворачивая автомобили, с легкостью, словно это были детские игрушки из пластика, — Мей, прости меня, я столько не успел тебе сказать... Gomen, ne, Mei-chan? (Мей, прости, а? Яп.) Ты опять состроишь страшное лицо и будешь ругать меня и говорить, что я — дурак, а я даже не стану тебе возражать... лишь бы снова услышать твой голос... — что-то больно ужалило в шею, и он нащупал шприц у себя в шее, в котором, по всей видимости, находился сильнодействующий транквилизатор — а в голове звучали слова знакомой баллады: "ну, а с ветром кто будет спорить, решится ветру перечить?", и сознание стремительно улетучивалось, оставляя его лежать на земле, широко раскрытыми глазами, смотря в бесконечное небо над своей головой, — Все буде добре... (Всё будет хорошо... Укр.) Поцелуй меня, ветер, обними меня, небо — и защитите нас навсегда...

— Только посмейте притронуться к моему сыну! Отойдите от него! — с другой стороны улицы появился Лев Витриченко.

— НЕТ! — внезапно, Маргарита надавила на тормоза, припарковывая машину, — ЖАН МАРК! — она всем телом легла на руль, а сердце истоиво билось в грудной клетке от ужасного предчувствия, — Ах, ты же — я оставила свой телефон дома. Ди, я твоим воспользуюсь, можно? — девушка взяла телефон подруги и поспешно начала набирать такие знакомые номера, — Жан, ответ. Ответ, прошу. Ответ же... Ну, пожалуйста... — в трубке были всё те же длинные гудки, — Марк, ну же, возьми трубку. Возьми трубку, прошу тебя, — с этим абонентом ситуация повторилась, хотелось зарыдать, и, закусив губу, подавила всхлип, — Что происходит? Я боюсь, мне страшно, Ди, — потом, её точно прорвало от пережитых волнений последних суток, она уже не могла остановиться, продолжая плакать на плече подруги, — Я не могу поверить, что всё это происходит с нами сейчас, — ей пришлось собрать всё свое мужество, чтобы продолжить путь.

— Папа? — Марк открыл глаза, шея всё ещё болела в месте укола, голова была тяжелой,

но он рад был видеть отца рядом, а значит, всё будет теперь хорошо.

— Ракшасы не будут оставаться в стороне и спокойно наблюдать, когда их принцу угрожает опасность, — на лице мужчины отразилась слабая улыбка, — Помнишь, я говорил тебе про характерную особенность демонов перемещаться в пространстве? Почему же ты не использовал свой дар мерцания?

Юноша замялся и почесал затылок — и в самом деле, почему? Видно стресс был так силен, что он плохо соображал. Но теперь-то всё уже позади? Теперь всё закончилось? Его вопросительный взгляд встретил в глазах отца утвердительный ответ. Теперь оставалось надеяться. Что остальные успели благополучно добраться до аэропорта и находятся в безопасности.

Но всё оказалось не так просто, как представлялось Марку. Машину преследовали несколько автомобилей, взяв в окружение под оглушающий вой сирен.

Маргарита снова резко опустила ногу на педаль, и тормоза пронзительно взвизгнули:

— Да, что же вы за нелюди такие! Что с вами такое?! Мы не сделали ничего плохого! Дайте проехать! Да за что же нам такое? Неужели в вас не осталось больше ничего человеческого? — слезы продолжали стекать по её щекам, эмоции захлестнули с головой, порождая буйство огненной стихии, — С дороги! ДАЙТЕ ПРОЕХАТЬ!!! — и по краю дороги на протяжении нескольких кварталов пылали стены огня.

— Марго, не надо... — златовласая сжала её руку, — Моя подруга Маргарита не такая... — поглощая силу огня, она отдавала собственные силы, пока не лишилась сознания.

Пламя уже не полыхало по улице, но всё ещё продолжало гореть внутри маленькой бронемашины. Пламя гнева, боли и разочарования. Маргарита не узнавала саму себя, и ей не нравилось то, какой она становилась. Казалось, что она больше не контролирует ситуацию, что сила управляет ею в этот момент.

— Где мой отец? — заметив выходящего из автомобиля начальника отца, Маргарита потрянула головой и спешно направилась к нему в надежде поскорее покончить с этим безумием. Мысли в голове путались и были словно бы и не свои, чужие какие-то.

— Дитя, позволь мне помочь тебе, — Артур протянул девушке руку, изобразив на лице самую благодушную улыбку, — Позволь изучить твой дар и дать тебе то, чего ты хочешь.

— И что же я хочу, по-вашему? — хмуро поинтересовалась она, чувствуя, как внутри снова закипает огонь при виде этого человека, бегло оглядывая остальных людей в форменной одежде.

— Ты носишь ребенка, — тихо и доверительно нашептывал он, как должно быть, нашептывал Еве в эдемских садах змей-искуситель, — Как думаешь, что ожидает его в этом мире, когда вы раскрыли себя? Его будут сторониться, его будут бояться, его будут изучать. Он будет обречен на одиночество и неприятие. Его запрут до конца жизни и будут проводить эксперименты, вся его жизнь будет под тотальным контролем. Его не пустят в общество, где он всё одно стал бы изгоем. Но в твоих силах это изменить. Позволь мне поддержать тебя сейчас, и я смогу помочь. Я смогу избавить и тебя, и твое дитя от этой силы и подарить ту жизнь, о которой ты так мечтаешь. Мечтаешь, ведь? Жить, не таясь, жить спокойно, не опасаясь ни за себя, ни за своего ребенка.

— Мир, где я не буду бояться собственного сына... Вы... Вы, правда, можете это сделать? — Маргарита растерянно замерла, как под гипнозом повторив его слова дрожащим голосом, несколько раз моргнув, чтобы сбить с ресниц накатившие слезы, — Где мой отец?

Мгновение Маргарита стояла вопросительно глядя на мужчину из-под влажных ресниц,

словно его руках был, по меньшей мере, спасательный круг от всех её тревог, и призрачный мираж счастливой жизни начинал обретать всё более четкие очертания.

— Тебе не о чем волноваться, дитя. Твой отец в отъезде, но я позабочусь о тебе, пока его нет, — профессор Клейтон приобнял её за плечи и развернул к машине.

— Не лгите мне! Вы знаете, где мой отец? — что-то снова в ней взбунтовалось, и девушка с негодованием убрала его ладонь со своего плеча, — Отвечайте!

Льдистые глаза мужчины раздраженно сверкнули:

— Ну, что вы стоите, как истуканы, — Маргариту грубо и бесцеремонно ухватили под руки и затолкали на заднее сидение автомобиля, — не можете успокоить девчонку? Да смотрите, поаккуратнее, она нужна мне живой.

Маргарита только чудом не прокусила руку удерживавшего её санитаря и принялась колотить кулаками по боковому стеклу, выкрикивая ругательства и зовя на помощь, пока ей не закрыли рот.

— Вся в папашу. Эта семейка уже начинает действовать мне на нервы. Да вколите же ей успокоительное, черт побери! — Клейтон сердито сплюнул на асфальт, давая знак машине отъезжать, напоследок добавив в приоткрытое окно водительского места, — Если девчонка надумает выкинуть свои фокусы, вы знаете, что делать, чтобы остудить её пыл. Только сильно не переусердствуйте.

Сосредоточенным взглядом он проводил автомобиль, пока тот не скрылся из виду.

— Спешите, Ваша Милость? — в это же самое время смуглый мужчина собрался погасить свет в своем офисе и уже искал в барсетке ключи от дверей и ключи от своей машины, когда знакомый голос заставил его обернуться, широко раскрыв от удивления глаза, и сердце сбилось с привычного ритма, заставляя его побледнеть, — Без твоей помощи они не выживут. А ты сможешь жить, зная, что мог уберечь свою любимую женщину и ещё не рожденного сына, но не сделал этого? Сможешь простить себя, зная, то мог спасти их? — мужчина вслух застонал, когда увидел удобно расположившуюся в его кресле светловолосую девочку, — Конечно, у тебя есть уже сын. Второго не жаль, так получается? Или дело в том, что ты боишься его, лишившись теперь своих сил, и не желаешь его рождения? — Лаура легко поднялась со своего места и поправив юбку своего школьного клетчатого сарафана, подошла к нему, заинтересованно подняв свои глаза, но не слишком высоко, так чтобы не встречаться прямо со взглядом его темных глаз, — На что ты готов, чтобы спасти их?

— Ты была бы не ты, если бы перешла к главному, — Джон уперся спиной о стену и достал пачку своих любимых сигарет, — А я чуть было не поверил в твою бескорыстность, только я не торгуюсь, Лаурита. Не скажу, что рад тебя видеть, потому давай коротко, у меня нет времени.

— Ну, ты же не глупый, сам понимаешь, что мне не выгодно, чтобы вас рассекретили, — девочка подошла ближе и спокойно убрала пачку из его рук, — Начнут с вас, потом примутся и за нас. Тут ты прав, времени у вас мало — одна уже мертва, второй осталось не долго.

— Кто? — коротко бросил он и застыл, не дыша, в ожидании её ответа.

— Спокойно, Ваша Милость, спокойно, — девочка присела рядом с ним, когда он медленно опускался по стене с нервно трясущимися руками, — Соберись и выслушай меня, иначе ни чем не сможешь им уже помочь. Твоя девчонка жива... пока... Но сейчас она напоминает ходячую бомбу с часовым механизмом. Признаюсь откровенно, не завидую я ей. После того, что с ней сделали, я бы и сама всех их уничтожила к такой-то матери, но этому

было множество свидетелей, и пострадали не только виновные. Она однажды потеряла уже дитя. Но вы не вняли предупреждению Мироздания. А я, между прочим, одолжение тогда всем нам делала, но я сейчас не прошу благодарности. Ваше дитя ещё в материнской утробе сделало свою мать убийцей. Думаешь, она сможет с этим жить? Маргариты, которую ты знал, больше не существует — её рассудок не оправится после такого потрясения и будет вечно блуждать в лабиринтах своего безумия. А на вас начнется настоящая охота — вы и ваши потомки будете изгоями вне закона. Те немногие, кто сможет избежать участи лабораторных крыс, вынуждены будут скитаться и жить в изгнании, — Лаурита недовольно поморщила нос и забрала сигареты из его рук, когда Джон попытался достать одну и закурить, — Ты и при своих детях тоже куришь? — театрално погрозив ему пальчиком, она устроилась поудобнее рядом с ним, поджав свои ноги в белых колготках и черных лаковых туфельках, и продолжила, — Так вот, на чем я остановилась... Ах, да! Мне нужна одна лишь капля твоей крови, и я скажу, как всё исправить. Поспешి найти ребенка, которому ты вручил Талисман Судьбы — цыганскую девочку по имени Мария. Ты дал ей власть над артефактом. И только она сможет использовать его, чтобы повернуть время вспять. Остальное предоставь мне. Одна капля твоей крови, княже — и мы сможем сделать так, что этот кошмар останется кошмарным сном, о котором никто и не вспомнит.

Мужчина продолжал слушать её, когда хотелось закрыть уши руками и не слышать ничего этого.

Разум категорически отказывался воспринимать эти пугающие слова. Он слушал, но не слышал её. Пытался быть сосредоточенным, но мысли его и внимание постоянно рассеивались, и приходилось всё время заново улавливать смысл сказанных Лаурой слов. У него попросту не хватало воображения, чтобы представить, что Маргарита, его маленькая Маргарита с большими и теплыми глазами, могла бы отнять чью-то жизнь. Да кто сможет поверить в такую нелепость! Уж точно не он, который знает свою малышку, видимо, даже лучше, нежели она сама себя знает. А его сын? За каждое свое деяние придется нести ответственность, и разве мог он допустить, чтобы его дитя отвечало за то, что помимо своей воли опасно преумножило силы своей матери ради защиты и выживания.

Лаура отчетливо осознавала, что не сможет так просто убедить его, но поразительная бледность Джона в этот момент, проступавшая даже на фоне его от природы смуглого оттенка кожи, ясно говорили ей, что ради своей девчонки и остальных он согласен выслушать её речь с должным вниманием.

— Я понимаю... Понимаю прекрасно, что тебе сложно поверить мне, но... — маленькая демонесса понизила голос до доверительного шепота, отчетливо слыша его тяжелое дыхание, — Дай мне руку, и ты увидишь своими глазами, что произошло. Только тебе принимать решение — стоит ли это дитя таких жертв или мы объединим наши усилия и попытаемся всё исправить.

— Скажи, почему же ты пришла именно ко мне? — мужчина повернул к ней уставшее, осунувшееся лицо, — Почему не пожелала встретиться с Ондзи?

— Я всё ещё зла на этого предателя, — Лаура гордо вздернула свой маленький нос, — Ну, и для меня сейчас есть вещи более важные. Если мы не добьемся успеха, то уже ни что не будет иметь смысла. Поверь, сейчас я очень серьезна.

Лаура снова мельком встретилась с ним взглядом, и опустила глаза — сердце болезненно сжалось, и влага на ресницах мешала ясно видеть. Как бы ей хотелось, чтобы тот, о ком болела её душа, полюбил её так же сильно, как этот смуглокожий мужчина с

пленительными глазами любит свою девчонку и своих близких, чтобы она смогла стать близким человеком для того, кто занимал все её мысли. Девочка проморгалась и пару раз шмыгнув поборола неприличное желание достать свой белый кружевной платочек и как следует высморкаться.

— Пойдем, я покажу тебе, насколько не преувеличиваю серьезность положения, — Лаурита протянула мужчине свою маленькую детскую ладонь, — Я не только потому пришла именно к тебе, что на тебя вся надежда обоих миров: мира магии и мира смертных, но более всего из-за твоего благородного сердца. Потому, что могу быть уверена в том, какой ты дашь ответ на вопрос, стоит ли жизнь одной девушки существования Вселенной? Ты же не позволишь, чтобы твою женщину вскрыли подобно лабораторной лягушке, верно? Только твое любящее сердце способно поверить тому, что я говорю и не допустить запуска цепи роковых событий, что приведут к полному уничтожению всего, что тебе дорого.

Маргарита очнулась лежа на жесткой поверхности, из одежды на ней была лишь простая хлопковая больничная сорочка белого цвета. Сейчас она остро ощущала жажду и холод. Она осторожно облизала пересохшие губы, но когда попыталась пошевелиться и размять затекшие конечности, то к своему ужасу обнаружила себя привязанной к кушетке крепкими кожаными ремнями. Девушка принялась отчаянно дергать руками и ногами и громко кричать, требуя, чтобы её освободили и отвели к отцу.

Вместо этого, двое крепких санитаров довольно грубо приказали ей замолчать, затем пришла медицинская сестра, чтобы взять кровь из вены и ввести внутривенное успокоительное.

Улучив подходящий момент, Маргарита с силой схватила за руку женщину в белом халате, но хорошо обученная сотрудница вовремя дала знак охране, и девушка снова была накрепко привязана к кровати.

Маргариту оставили одну, и через закрытые двери своей палаты, места заключения против её воли, она слышала, как профессор Клейтон требовал от своего персонала как можно скорее предоставить ему результаты исследований её крови и крови плода её чрева. Он ещё что-то говорил о том, что в её ДНК сокрыт ключ к разгадке секрета эволюции и успеху дела всей его жизни, что девчонка не появилась бы на свет без результатов его научных изысканий, без его гения — а значит, и принадлежит девчонка ему, в компенсацию за те девятнадцать лет, что его водили за нос, отобрав надежду и веру в успех его дела. Пусть её сила искусственно инициирована, но она пробудилась, а теперь, когда девчонка беременна, этот феномен представляет двойной интерес для изучения наследования способностей.

Маргарита смутно понимала, о чем он говорил, да и не слушала уже дальше. После нескольких безуспешных попыток посильнее дернуть руками и ослабить ремни, она решила успокоиться и пойти другим путем: медленными аккуратными движениями она проворачивала сначала одну, затем вторую руку, пока наконец не смогла вновь ощутить свободу в руках и пошевелить онемевшими пальцами. Осторожно поднявшись и сев на кровати, девушка принялась расстегивать ремни на ногах. На чувствительной коже жесткие ремни оставили нездоровые синяки, продолжавшие болезненно ныть даже после того, как она принялась активно растирать их. Опустив ноги на пол, Маргарита ощутила холод и твердость кафеля.

На все крики девушки, её просьбы и мольбы, дверь ей так и не открыли, Обессилев и разбив пальцы в кровь — даже тогда она не собиралась сдаваться. Между её окровавленных

пальцев начинали плясать зарождающиеся языки яркого пламени. И словно в насмешку над всеми её попытками, сработала дымовая сигнализация, и с потолка обрушился поток воды, с головы до ног обдав Маргариту холодной водой, а за дверью кто-то неприлично захохотал, потом чертыхнувшись начал открывать дверь её камеры (именно камеры, так решила для себя Маргарита). Гнев закипал в хрупком девичьем теле горячей волной, и открывших дверь она встретила обрушившимся на них шквалом огня. И это была последняя капля для ранимой психики — перешагнувшая через обожженные тела, это была уже не Маргарита, но кто-то только с её внешностью. Даже собственные мысли, испугавшись, разбежались, и в голове не осталось ни одной. Её путь можно было проследить по запаху дыма и догорающим линиям на полу. Маргариту уже не волновали те люди, которые не успели укрыться от её разрушающей силы, её уже больше ничего не волновало. Она шла, просто шла вперед, не помня — кто она, зачем она здесь и куда идет. Внутри всё заполнила черная пустота, и хотелось только разрушать и убивать, сметать любые препятствия со своего пути. И плевать на живых — они лишь жалкие букашки, пыль под её ногами. Она понимала и чувствовала одно — уже ничего не будет, как прежде... А внутри всё болело и пекло.

А в нескольких кварталах от пылающего здания научно-исследовательского центра парамедики и полицейские осматривали оставленный автомобиль с бесчувственным телом светловолосой девушки. Ни какие реанимационные мероприятия не могли вернуть совсем ещё молодую женщину к жизни, а причины смерти на первый взгляд здорового юного организма заставили поломать голову бывалую команду неотложной помощи.

Марк вместе со своим отцом, используя демонический дар мерцания, переместились недалеко от возбужденной толпы, скучившейся вокруг брошенной машины парня. Им сильно повезло, что люди, занятые наблюдением за безуспешными попытками медиков оживить и заставить снова дышать златовласую девушку, не заметили их появления. Иначе — не избежать им лишних и совсем не нужных сейчас вопросов.

В девушке Марк узнал Даниэлла и резко побледнел. Картины печального прошлого вновь вставали перед его глазами кровавой пеленой. Юноше пришлось опереться о плечо отца — слава Богу, никто снова не обратил внимание на излишне впечатлительного молодого человека. Не в силах дольше наблюдать, он кинулся к златовласой, расталкивая людей. Он не слушал и не понимал, о чем его спрашивали: в голове горело одно — он снова не смог их защитить, снова потерпел позорное поражение. Как и в той прошлой жизни, печальное бремя которой он, как одержимый, хотел побороть. Она снова умирала у него на руках, а он мог только прижимать её неподвижное тело к себе, тихо скуля и никого больше не подпуская к ним, задыхаясь, глотая собственные слезы.

Среди толпы Марк разглядел зеленые глаза Питера и его искаженное болью лицо. А у него в словарном запасе не было таких слов, чтобы утешить старшего брата Даниэллы. Он покачал головой и опустил глаза, полные невыплаканных слез по утраченному.

Пока Питер отвечал на вопросы полиции, внимание Марка привлекло ещё кое-что:

— Что это за дым? — парень поднялся при помощи отца, всматриваясь в нависший со стороны парка туман, — Там что-то случилось? Это пожар?

Маргарита брела прочь от дымящегося здания в одной изорванной сорочке и босиком ступая по холодной земле промозглых осенних улиц, на её запястьях и щиколотках видны были следы связывания, её длинные волосы были спутаны. Устрашающая и дезориентированная — всем своим видом она походила на совершенно безумную. Шлейфом за ней стелилась выжженная дорога.

— Марку, зупинися! — Лев Витриченко схватил сына за рукав, но не сумел удержать, Марк смог вырваться, пришлось попытаться повторно, почти насильно удерживая изворачивающегося юношу, — Куди ти лізеш поперед батька в пекло, чи ти не бачиш, що дівчина несповна розуму?

— Тато, але то ж наша Маруся, — горячо возразил отцу парень, всё внутри него протестовало этому осознанию.

— Ні, то вже не вона. То вже не та дівчина, яку ти знав раніше, то — Чорна Троянда, — Марк увидел пустой взгляд Маргариты и с ужасом понял, что отец прав. Он вспомнил "Черную Розу" при темном дворе — её чужой, холодный и ожесточенный взгляд и смертоносный кнут в её нежных руках, и внутри всё похолодело от страха и безысходности.

— Маруся, это же я, Марк. Ты помнишь меня? — но даже когда он приблизился к ней, она продолжала не узнавать его, ожесточенно мотая головой, и только мутные слезы оставляли мокрые дорожки на её грязном лице. И страшно было признаться самому себе в своем бессилии спасти ситуацию. Вторую он тоже не спас — и понимание этого давило непосильной тяжестью. Опять ему приходится терять тех, кем дорожит.

Джон наблюдал пугающе тяжелым взглядом, машинально сжимая-разжимая пальцы рук. Лаура не позволила ему вмешаться, когда он рвался кинуться, обнять и успокоить любимую женщину. И выть хотелось от желания оказаться там, рядом с ней, где он должен был сейчас стоять и поддерживать Маргариту, а не другой мужчина, пусть это и был Марк. Или как раз особенно потому, что это был именно он? И ревность кольнула острой иглой. Они и сейчас оставались близки, и у них было общее прошлое — только для них, к которому Джон не имел отношения. И просто — Марк был гораздо моложе и объективно привлекательность и сила духа юноши не нуждались в каких-либо дополнительных доказательствах, а в его глазах он прочел, что трепетные чувства к маленькой брюнетке будут жить в сердце молодого человека ровно столько, сколько будет жив он сам.

— Месье, как хорошо, что вы здесь, — мужчина нервно дернулся, когда его окликнула маленькая цыганка, и несколько раз моргнул, чтобы настроить зрение и смахнуть подступившие слезы с ресниц, — Моя мать велела мне непременно найти вас, сказала, что вы нуждаетесь в помощи. Ещё она сказала отдать вам это, — девочка протянула ему ту самую монетку, что он когда-то подарил ей, и которую она всё это время бережно хранила — один из Талисманов Судьбы, мощных артефактов, исполняющих одно, самое сильное желание чистой души..

— Но, ведь это же... — Джон протер глаза руками, мучительно соображая, что же ему дальше делать.

— Вам она сейчас нужнее, чем мне, — Мария продолжала настаивать, а мужчина молчал, сбивчиво дыша.

— Смотри, Ваша Милость, — Лаура обратила на себя его внимание и указала в сторону, где поднимался дым над горящей клиникой, — на дело рук жены твоей и сына твоего.

— Я должен исправить всё, — наконец выдохнул он.

— И это правильное решение, Ваша Милость, — довольно хмыкнула Лаура, и под изумленный взгляд Марии незаметно достала из кармана маленький перочинный нож.

Он молча протянул ей свою руку, и она провела лезвием по его пальцу — капли крови с ножа медленно капали на старинную монету с отверстием в центре. И мир начал меняться, словно кто-то включил режим перемотки пленки, отматывая время на сутки назад. Поблекли вечерние звезды, поплыли быстрее облака, снова вошло солнце и наступило утро

предыдущего дня.

Джеймс Риз как-то сказал: "На месте преступления есть улики, которые по самой их природе нельзя собрать и изучить, как собрать любовь, ярость, ненависть, страх".

Словно ничего и не изменилось, начался очередной хмурый дождливый день середины осени. Ничего не изменилось для всех, кроме невысокой светловолосой девочки, легкой походкой подошедшей к группе подростков на остановке, ожидавших школьный автобус.

Лаурита (а это была именно она) в момент свершения магии применила свою способность к перемещению и вернувшись секундой позже сохранила все воспоминания, и мало того — она действительно собиралась исполнить свою часть уговора, правда, с одной поправкой... Крови Перворожденного на её лезвии хватило, чтобы избежать силы забвения и сохранить воспоминания, а теперь ещё при помощи неё сможет появиться в Высокой обители и воспользоваться библиотекой Небесного Града, изучая нужные ей письмена. Дхармараджа от волнения потерял бдительность либо настолько сжился с людьми, что позабыл правила собственного мира, чего не стоило делать ни в коем случае, и за что ему сполна придется расплачиваться.

"Ничему-то жизнь тебя не научила. Ничего-то ты не знаешь..." — девочка растянула довольную торжествующую улыбку, поднимаясь в автобус, словно на пьедестал, величаво и чинно, совсем не по-детски. Безумец, как есть — безумец, давший ей власть над собой, только чтобы не видеть свою девчонку убийцей, а своих друзей мертвыми. И тени набежали на её глаза и ресницы её дрогнули от того, что сердце безнадежно грезило о том, чтобы и ради неё кто-нибудь был способен на подобное безрассудство, и вот, странное дело — так же она ощутила потребность сделать что-то для других, но с досадой прогнала из своей светловолосой головы эту докучливую идею.

Грациозно пройдя на свободное место, она присела, расправив полы своего плаща и аккуратно положив на колени рюкзак и яркий зонт, она с ледяным спокойствием ждала, когда они поедут. Сидевшие рядом дети с опаской поглядывали на неё, разом притихнув.

И вот уже показался тот самый роковой поворот, где водитель не справился с управлением. Тут девочка поднялась со своего места и с невозмутимым выражением на лице прошла к водительскому креслу:

— Остановите! Вон там кафе, мне нужно выйти по малой нужде, — водитель удивленно уставился на дерзкую малявку, но это ни сколько не задело её, наоборот, маленькая нахалка требовательно топнула ножкой, — Вы слышали? Я хочу в туалет! Если мне придется оконфузиться прямо здесь, я заработаю психологическую травму и кучу комплексов, а мои родители сотрут вас в порошок и затаскают по судам.

Мужчине ничего не оставалось, как подчиниться, и цепочка злополучных событий была прервана, но какой ценой?...

Миссия её выполнена, и теперь маленькая демонесса могла вернуться к тому делу, ради которого она пошла на такой большой риск — слепо довериться случайному стечению обстоятельств, пока не предоставилась такая удобная возможность. А они пусть пока наслаждаются жизнью и счастливым избавлением от страшной судьбы — осталось совсем немного, и она окончательно покончит с ними. Это лишь отсрочка неизбежного. А они даже не вспомнят... И отлично, что не вспомнят, ей совсем не хотелось, чтобы они считали себя обязанными ей, или — что еще хуже, решили, что она вдруг стала такой же, как и они. И стоя в огромном зале библиотеки Небесного Града, она восторженно оглядывалась по сторонам — вот он, источник безграничного знания, к которому она теперь может

прикоснуться. Имея при себе кровь Перворожденного, она, собственно, и переместиться смогла незамеченной. Очень долго она следила за ним, даже слишком долго... И у неё уже сложилось определенное представление о природе его дара. Но лишь тут она смогла бы подтвердить либо опровергнуть свои предположения. Тут она найдет то, что так долго искала — его самое слабое место. Конечно, его девчонка была, без сомнения, его слабостью, но оставалось ещё что-то, что не давало ей покоя. И когда она узнает, то никто и ничто уже ему не поможет.

"...Ты стала недостижимой птицей, которая прилетает ко мне лишь во сне. Я учусь просыпаться без крика, без твоего тепла..."

...Я не могу отречься от надежды обнять тебя, какой бы самоубийственной иллюзией она не казалась. Эта надежда — единственное, что у меня есть. Единственное, ради чего я продолжаю жить дальше..."

М.Рей

И вот, спустя несколько недель безмятежности — грянул гром, когда меньше всего ожидаешь... когда врачи подтвердили счастливой Маргарите мужской пол ожидаемого ею младенца, а карьера Джаньяна стремительно шла вверх, и от новых заказов на поставку материалов и фурнитуры и удачных договоров будущее виделось исключительно оптимистично, и от успеха слегка кружилась голова. Проводив своих родственников в родной Джайпур, он с увлечением и азартом вернулся к работе. Работа отнимала очень много времени и сил, но когда Марк предложил ему сменить или бросить бизнес, чтобы больше бывать с семьей, Джон решительно отказался — это было абсолютно его, он выкладывался по полной, отдавал всего себя и ловил нереальный кайф, когда дело спорилось: адреналин в чистом виде.

И вот тот день, когда он с таким трепетом и нетерпением ожидал возвращения домой, должен был обернуться трагедией в его жизни.

— Маруся, ты спускаешься? — крикнул Марк уже из прихожей, и Маргарита появилась на лестнице, её всю переполняло радостное волнение. Они едут встречать Джона в аэропорт — он возвращался из Франкфурта после удачных переговоров.

Девушка готова была лететь на крыльях счастья до самого Франкфурта, чтобы поделиться удивительной новостью, которая после приговора врачей была самым настоящим чудом, просто волшебством. Она прекрасно понимала, что кроме большой радости, предстоит большое волнение и нахождение под неусыпным наблюдением врачей. Они вдвоем с Джоном совершили это чудо, и теперь она знала, что таким долгожданным их ребенком будет мальчик, их обещанный сын.

С улыбкой на лице, она сбежала вниз по ступенькам, когда из кухни услышала, как в новостях сообщили, что рейс из Франкфурта исчез с экранов радаров, а очевидцы утверждали, что видели в небе мощной силы взрыв.

Маргарита так и застыла с занесенной над ступенькой ногой, а сумка выпала из её руки, и всё содержимое рассыпалось по лестнице.

Её психику спасло то, что она потеряла сознание, а подоспевший вовремя Марк подхватил её, прежде чем она успела разбить голову о твердые ступеньки.

Неужели они так и не смогли отвратить кошмар? Неужели этот кошмар повторяется снова? Разум отказывался это принимать. Девушка то впадала в беспамятство, то порывалась ехать — сама не понимая, куда. Всхлипывала и повторяла, что он жив, он конечно же — жив, он просто не мог умереть, они всё врут, не понимают, о чем говорят — это ложь, ложь,

этого просто не могло случиться. Они не знают его, не понимают, о чем говорят.

"Настало время последовать своему призванию — оно выше плотских желаний, выше семьи, и даже отцовского долга. Ты должен разорвать связующие тебя путы ради всеобщего блага."

Последнее, что Джон помнил — яркая вспышка и падение в черную бездну. И вот теперь он сидит в темной комнате с окнами, зашторенными тяжелыми портьерами цвета бордо и мебелировкой гарнитуром красного дерева старинной работы. Голова болела, губы пересохли, сердце тревожно и часто билось в груди.

За спиной послышались легкие шаги детских ног и шуршание накрахмаленных юбок, и смуглый мужчина повернул лицо с воспаленным взглядом потемневших глаз.

— А ты неплохо выглядишь для мертвого. Интересно... Знаешь, что мне интересно, Дхармараджа? — Лаура старалась изобразить на лице живейшее участие, — Как ты, правдолюбец, мог столько лет скрывать от всех, что являешься Гибельным? Тебе не место среди живых. Ты — выше всего этого, выше добра и зла, ты тот, кто будет нашим Последним Судьей. Как долго ещё ты думаешь обманывать смерть? — она наигранно покачала головой, — Одиннадцать лет уже дворец Каличи ждёт Самодержца Преисподней, Заходящее Солнце, Царя Подземного мира, — её голос звучал ровно и бесстрастно.

— Я никогда и ни с кем об этом не говорил... С того дня, когда взорвалась моя мастерская... Мне было всего пятнадцать, и я так хотел жить... — Джону тяжело давалось каждое слово, он предпочитал не поднимать эту тему.

— И ты решил установить свои правила игры? Ты успел перенести свою душу в другое тело, но её уже заждались в Подземном мире... Думал, это останется незамеченным? Не потому ли ты так спешил жить, подсознательно всё время опасаясь, что однажды придется заплатить по счетам? Ты не сможешь уйти от своей судьбы, — она говорила легко и свободно, словно о совершенно будничных вещах, но, для него эти слова звучали как приговор, — Ничего личного, Дхармараджа — но, баланс должен быть восстановлен. Я пришла за тобой. Или мне просить кого-нибудь из твоих сыновей исполнить долг отца? Кого же мне выбрать — благородного юного Алишера или малыша-несмышленища Анри? — она подняла глаза, делая вид, что призадумалась.

— Только посмей их тронуть! — Джон подскочил на месте, потом подошел к открытому окну, всматриваясь в облака, — Если я соглашусь — что будет с моей семьей? — спросил он, даже не поворачиваясь к собеседнице.

— Сразу к делу? Вот такой разговор мне больше по душе, — добродушно улыбнулась она, — Твою семью не тронут, если ты не будешь устраивать лишних проблем, понимаешь, о чём я?

— Мне нужны гарантии, — хладнокровно продолжил Джон, но чувствовал себя сейчас зверем, угодившим в капкан — Лаура имела сейчас над ним неоспоримое превосходство.

— О! Не испытывай моё терпение, — девочка от раздраженно топнула своей маленькой ножкой, — Тебе мало моего слова?

— Твоему слову, разве, можно верить? — бросил мужчина, всё так же не оборачиваясь к ней.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — холодно улыбнулась она, упиваясь своим преимуществом над ним, — Ты идешь со мной и, пока кто-нибудь не согласится добровольно заменить тебя, ты останешься в Каличах.

— Если ты вздумаешь обмануть меня, то, ни какая Преисподняя не остановит меня, —

наконец, он удостоил её пугающего взгляда своих чёрных глаз.

— И ты не хочешь попроситься с семьёй? — Лаура подошла и взяла его за руку.

— Если уж мне не суждено их больше увидеть, то пусть лучше ненавидят меня — так будет легче и им, и мне... — Джон отдернул свою ладонь.

— Ладно, оставим сантименты, — она указала в дальний конец комнаты, — А сейчас отойди в сторону — небольшая формальность, — Лаурита в своей ладошке раздавила карманное зеркальце и подула на осколки, которые колющим ураганом впились в глаза мужчины, опекая и прорезая чувствительную роговицу.

Он же более не сказал ни слова, и только слёзы, смешивавшиеся с кровью, выдавали всю ту боль, что разрывала сейчас всё его существо.

— Я предлагала тебе попроситься с ними — ты уже не сможешь больше их увидеть, — девочка подошла к нему, взяла под руку и проводила до кресла, — Твой смертоносный взгляд мне теперь не страшен. Ты знал, что в бесконечной тьме твоих глаз, такие как я, видели свою истинную сущность? Это очень нервирует, знаешь ли... Эта темнота проникает в самые сокровенные уголки души, и это пугает не по-детски...

А мужчине уже было все равно — что-то надорвалось в нем, надломилось и умерло. Что ему жизнь без тех, чьи образы он будет представлять перед собой и которыми сможет продолжать любоваться даже потеряв способность видеть? Так, возможно, будет даже лучше, ему легче будет смириться... Впрочем, нет, мириться он не собирался. Но это будет несколько позже, а пока же он привыкал к окутавшей его темноте, которой теперь суждено будет стать его спутником. Сейчас он пожалел, что остался жив — мертвые не чувствуют боли, у мертвого не болит душа.

— Ещё на один вопрос я хотел бы знать ответ, если позволишь, — негромко спросил мужчина, на что девочка благосклонно кивнула, и продолжил, — Все те люди, что летели со мной, — голос Джона заметно дрогнул, — они все погибли?

— Я по-твоему, чудовище? — возмущенно повела плечом Лаурита, — Их час пришел, они все были уже обречены, уж ты-то должен понимать. Случай свел их в одном месте... и случилось то, что и должно было произойти... — и Джон с удивлением заметил в её глазах некоторое подобие сожаления.

За окнами забрезжил рассвет, а Маргарита так и не ложилась, не смогла заснуть. Заперев дверь спальни на щеколду, она вытерла мокрое от слез лицо салфеткой и уверенным шагом направилась к шкафу. В одну руку она сгребла упаковку свечей, после резко захлопнув дверцу. Быстро убрав всё лишнее со стола, нервно трясущимися руками она расставила свечи в круг. Достав из косметички маникюрные ножницы, она уколола палец и окропила кровью каждую свечу. Шмыгнув носом и утерев рукой набегающие слезы, Маргарита в одно касание заставила свечи ярко вспыхнуть:

— Кровь от крови моей, прошу услышать мой зов, полный скорби и боли. Заклинаю, ветра времени, что кружат над землей — верните мою утраченную любовь. Пусть предстанет перед моими глазами и держит ответ, как посмел он бросить своих детей.

Ожидаемо, ничего не произошло.

Маргарита бессильно опустила голову на стол и снова зарыдала:

— Почему? Почему... Неужели после всего, я обречена на отчаяние и одиночество? Моё сердце не выдержит этого, и разорвется от боли. Жан, где бы ты ни был, я знаю, что ты слышишь меня. Мне плохо... Господи, как же мне плохо... Тащи свою задницу сюда, когда твоя жена зовет, черт тебя поberi! Ты нужен мне... Ты нужен нам.

Внутри ощущалась огромная черная пустота...Маргарита задушила свечи и, завернувшись в плед, забила в угол кровати, пугавшей теперь своим размером для неё одной, не в силах остановить слез.

— Марго, с тобой всё в порядке? Откуда запах дыма? — в дверь комнаты уже стучала златовласая.

Маргарита заставила себя подняться и открыть дверь. На неё невозможно было смотреть без содрогания: на её опухшие воспаленные глаза, спутанные волосы, трясущиеся руки.

— Ты что, так и не ложишься? — Даниэлла обняла её, потом подошла к детскому столику и начала собирать вещи близнецов, — Так, я забираю девочек в свою комнату, а ты постарайся отдохнуть. Можешь даже таблетку выпить, если сама уснуть не сможешь.

"В жизни, как и в шахматах, короля определяет его королева."

Маргарита послушно вернулась в постель, всё ещё находясь в состоянии спутанного сознания, с трудом реагируя на окружающую действительность и мечтая только о том, как забудется спасительным целебным сном.

— Марго, ну как ты? — за шторами в темной комнате появился мужской силуэт, и девушка подскочила с кровати на такой до боли знакомый его голос.

— И у тебя ещё хватает совести спрашивать? — Маргарита дрожала от внутреннего холода, кутаясь в плед и усиленно моргая, силясь разглядеть его сквозь пелену подступивших слез.

Его лицо смутно было видно в полумраке комнаты.

— Я спрашиваю, как ты справляешься? — его рука бережно коснулась её щеки, и движение это было каким-то робким и неуверенным, точно на ощупь, а её от этого накрыла новая волна истерики.

— Как видишь, не очень, — Маргарита отстранилась, размазывая кулачками по лицу слезы, — Как ты мог? Как ты мог бросить нас? Ты обещал, что не оставишь нас. Лжец ты, лжец и сволочь! Я ненавижу тебя...и всё так же продолжаю безумно любить, — она уже не помнила, сколько пощечин отвесила ему, всё ещё продолжая колотить по его груди, выплескивая свои боль и гнев, но теперь уже больше по инерции, — Скажи, Жан, я — дура? — прошептала она, успокоившись и устало опустив голову ему на грудь.

— Ты — самое лучшее, что было в моей жизни, — стоило его рукам лечь ей на талию, как она начала плавиться от его горячего дыхания на своей коже. Насколько же глубоко они успели проникнуть под самую кожу друг друга, в самую сущность.

— Не говори так... Ничего не говори... — она накрыла своей ладонью его губы, — Лучше обними меня крепко-крепко и поцелуй, как умеешь целовать только ты, — в висках отчетливо отбивался пульс собственного сердца, а тело само потянулось к нему, — Пусть это всего только сон, пусть я проснусь и снова окажусь в одиночестве, пусть...Но — сейчас ты мой, только мой...

— Марго... — прохрипел Джон, бессознательно, но с таким упоением, отвечая на её поцелуи, — Ты смерти моей хочешь? Если ты сейчас не остановишься, то я умру.

— Ничего, тебе полезно, — заметила Маргарита, пока она одну за другой расстегивала пуговицы на его рубашке, — Замолчи. Я всё сделаю сама, — и он не нашел в себе сил противостоять ей, когда его губы скользили по изгибу её шеи, по плечам, спускаясь всё ниже.

Они и не заметили, как дальше переместились на постель, утонув в прохладном шелке

простыней и покрывал, пока оба обессилив, не уснули в крепких объятиях друг друга.

И без зрения, он совершенно ясно мог представить себе её образ — как и тогда, когда он вот так мог целую вечность смотреть, как она просто спит рядом, когда её темные волосы рассыпались по подушке, сомкнутые ресницы прикрытых глаз слегка подрагивают, на губах застыла легкая улыбка, а грудь вздымается в такт размеренному дыханию, что почти забыл, для чего он здесь — само её присутствие рядом лишало его разума и силы воли:

— Прости меня, Марго, прости и пойми, — он провел рукой по её волосам и наклонился поцеловать — теперь его глазами стали руки, коснувшись пальцами её лица, прислушавшись к её дыханию, он мог считать все её эмоции, — Ты не должна продолжать жить с этой болью. Позволь мне унять её и забрать с собой. У тебя впереди вся жизнь, не лишай себя права на неё. Я дарю тебе свободу от всех клятв и освобождаю твоё сердце для новой любви, и пусть она принесет тебе счастье. Моя душа, моя печаль... — он снял с её пальца обручальное кольцо и поцепил его на цепочку на шею, отметив, что Фродо Беггинса из него, пожалуй, не выйдет, ибо тяжесть этого кольца для него несоизмеримо сильнее любого Кольца Всевластия.

"Слишком мало сказать — "Прости". Слишком много ответить — "Прощаю". Очень страшно сказать — "Отпусти...". Невозможно сказать — Отпускаю..."

Мужчина тяжело поднялся с постели и, одевшись, исчез. А утром эта ночь покажется ей лишь сладким сном, что призван заглушить печаль.

В пылу страсти Маргарита не заметила, что он слеп, а он ни чем не выдал себя, наизусть помня каждый сантиметр её тела и каждый изгиб.

Проснувшись поутру, Маргарита выглядела странно спокойной и была полна энергии. Она сама приступила к готовке завтрака и уже распланировала себе на день сотню дел.

Глядя на неё в таком состоянии, златовласая только недоуменно вздернула бровь:

— Марго, ты хорошо себя чувствуешь?

— Лучше, чем когда-либо, — киношно улыбнулась Маргарита, поправив выбившийся локон.

— А как же Джон? Ты же только вчера так убивалась по нему.

— Это было вчера, как ты верно заметила, дорогая, — Маргарита деловито отрусила ладошки от муки и щелкнула златовласую по носу, — Надо жить дальше. Надеюсь, Жан сейчас в лучшем мире и порадует за нас, видя, что я не опустила руки. Нашим детям нужна счастливая мать.

— Но, с тобой что-то не так — ты патологически счастлива.

Маргарита только хмыкнула на это замечание и принялась доставать из духовки очередную порцию печенья.

"Опустела без тебя земля, как мне несколько часов прожить,

Так же падает листва в садах, и куда-то всё спешат такси.

Только пусто на земле одной без тебя, а ты, ты летишь и тебе

Дарят звёзды свою нежность..."

С. Гребенников, Н. Добронравов "Нежность"

И только когда по радио зазвучала одна из композиций в исполнении Джона в память о погибших в авиакатастрофе, её наконец прорвало, не могло не прорвать — настоящую боль и настоящую потерю не унять и не возместить одним взмахом руки. Сначала она стояла не шелохнувшись, потом медленно опустила руки, так что выронила поднос, и всё печенье рассыпалось по полу. Затем она сняла фартук, высморкнувшись в него, и села на колени,

заходясь судорожными всхлипами:

— Как ты мог? Как ты мог так со мной поступить? никогда не прощу тебя, слышишь, Жан!

Господи, хотя, кому я вру? Прощу, конечно, как и всегда прощала и прощать буду, только вернись. Вернись, слышишь! Где бы ты ни был, я всё равно отыщу тебя — и плевать, на земле ты будешь или под землей. Я не сдамся! Никогда не сдамся...

И снова по нервам ударила музыка, от которой Маргарита чувствовала, что лишается рассудка. Девушка резко поднялась на ноги и обрушила весь свой гнев на радиоприемник, разможжив его об пол.

В таком невменяемом состоянии её и застал Ондзи, с трудом прорвавшийся через столпившихся у дома репортеров:

— Да вы совсем обезумели в погоне за сенсацией?! — азиат захлопнул дверь прямо перед самым их носом, — У людей горе. Да как вы можете? Быстро убирайтесь, пока я не вызвал полицию!

— Нет! Это просто безумие какое-то, — Маргарита нервно расхаживала туда-сюда по комнате, обхватив голову руками, — Я не одену черное и не пойду на похороны. Нет-нет-нет! Господи, мы же говорим о Джоне! Если я пойду, то это будет означать, что я смирилась. Это будет значить, что он на самом деле умер, а я никогда... Никогда... Господи, я же просто не выдержу этого! Неужели он теперь будет приходить ко мне только во снах? Он так и не узнает, что у него будет сын? Этого просто не может быть. Ведь это — Джон, так же: он не может просто взять и умереть!

А с улицы продолжали доноситься взволнованные голоса журналистов:

— Всего несколько вопросов для прессы — ответьте на них. Что вы чувствуете? — и так далее, и в том же духе, — Что вы намерены дальше предпринять? Будете ли вы и дальше продолжать дело супруга? Кто теперь возглавит модный дом, основанный вашим мужем и сохранит его традиции?

Наконец, не выдержав, Маргарита, обойдя Ондзи, открыла дверь и вышла на крыльцо:

— Да что с вами, люди? Дайте мне его спокойно оплакать! — от беспокойства накатили слабость и тошнота, — О, Боже, меня сейчас вырвет...

Девушка согнулась пополам и спешно вернулась в дом:

— Утренняя тошнота? Вы в положении? Какой у вас срок? Вы уже знаете, кто у вас будет: мальчик или девочка? — с микрофонами и диктофонами в руках, корреспонденты принялись трезвонить, и этот звук сводил с ума, — Ваш муж знал? И всё равно отправился в поездку? Вы пытались его отговорить? Вы собираетесь рассказать детям о гибели отца?

Внезапно развернувшись в противоположном направлении, Маргарита вернулась с служителям прессы, и вид у неё был более, чем сердитый, а глаза её горели гневом:

— Вы, что — оглохли?! Убирайтесь вон, мерзкие стервятники! Сейчас же! — растолкав людей с крыльца, она отняла у нескольких газетчиков их микрофоны и разбила пару фотоаппаратов, — Пошли прочь, пока я не испепелила вас к чертовой матери!

Её действия привели толпу в замешательство, и пока люди не опомнились, азиат поспешил вернуть девушку домой:

— Представление окончено! Вам лучше удалиться, комментариев не будет, — он снова успел закрыть дверь, прежде чем они успели что-либо сообщить, и передал девушку в руки златовласой подруге, — Дэни, уведи её в комнату, пожалуйста.

— Да-да, конечно, — златовласая недовольно шикнула у самого её уха, — Ри, что на

тебя нашло? Я никогда ещё тебя такой не видела... Ты бы в них ещё огненным шаром зарядила. В прошлый раз мы слишком дорого заплатили, чтобы сохранить нашу тайну. Вспомни занятия медитацией и постарайся расслабиться.

— Это не я... Я бы не... — Маргарита виновато замотала головой, сильнее сжав её руку, — словно что-то внутри меня взбунтовалось. Они не имели права так говорить о Жане! — тут её снова скрутил приступ острой боли, — Боже правый, это ребенок! Ему не понравилось, как они отзывались о его отце, — девушка старалась глубоко дышать, поглаживая живот, пытаясь утихомирить плод внутри себя, — Успокойся, малыш. Мама никому не позволит плохо говорить о папе. Потерянная душа, и всё такое... Обещаю, что ты больше не услышишь такого.

— Детка, что с тобой? — в прихожей появилась мать Маргариты.

— Мне предстоит хоронить мужа, мой ещё не рожденный сын только что прогнал из дома докучливых репортеров — а так ничего, всё просто отлично, — усилено жестикулируя, Маргарита выплеснула эмоции, девушка разразилась рыданиями на груди у матери, — Мама, мамочка! Мне так страшно... Что же теперь будет?

— Мегги, что происходит? — по лестнице спустился Питер.

— Так, похоже, что нужно звать тяжелую артиллерию, — заключила златовласая и позвала доктора, — Джек, нужна твоя помощь. У тебя есть в аптечке успокоительное?

— Господи, как же я скажу его матери? — Маргарита присела на диван и слабыми руками взяла протянутый ей стакан воды, — А что мне сказать детям?

— Идем, Марго, тебе нужно отдохнуть, — молодой хирург с братской заботой взял её под другую руку и вместе с матерью провел наверх в её спальню, — Давай, попробай уснуть сама, чтобы мне не пришлось колоть тебе лекарство.

Мне говорили: увидишь, и в горле затихнет звук, кудри черные обволокут плечо, и дракон, что живет в позвоночнике, тут же расправит крылья и опустит голову на твои ключицы. Мне говорили: в глазах тех не сыщешь дна, пропадешь и не вынырнешь — и погубит она тебя, и беда с тобой приключится. Что любовь — это дар, книги, конечно, лгут: тысячи брошенок ищут твой стылый след, но когда ты заносишь над ними свои слова — сердце за сердцем падает в талый снег. Падает, угасая. Оставляя горькие полыньи. Я стою ближе всех обоженная и босая, прикрывая подолом кусочек живой земли: мы случились однажды — больше мы не смогли, и весна отказалась просить за нас. Платье мокнет в студеной твоей воде, не пуская под кожу смертельных фраз, губы бережно повторяют:

все рассветы творятся только в живой душе, остальное лишь тени, лишённые Божьих глаз.

Остальное — лишь тени, лишённые Божьих глаз...

И твоя вода меня накрывает.

Солнце жжёт мою медную кожу,

И стучится мне болью в висок...

Одинокое ждёт меня ложе -

Вечной горести острый клинок.

Ты ушёл, о безумец мой страстный!

Между жизнью и смертью — лишь миг -

Помню только удар тот ужасный

И мой полный отчаянья крик...

Те черты, что в мечтах вспоминаю,

Всё, что было любовью моей,
Как во сне, я теперь созерцаю
Только в ликах твоих дочерей.
Ты ушёл, безвозвратно, бесследно...
Одинок ты, иль счастлив ты там?
Ты не первым был, нет — но последним,
Кто к моим припадал волосам.
Остригу их... По бархатной коже
Ниспадут водопадом в песок...
Одинокое ждёт меня ложе -
Вечной горести острый клинок...

"Ladies of Westeros" — "Плач Элларии по Оберину"

Маргарита приложила максимум усилий, чтобы постараться уснуть, но спала плохо и беспокойно. Ей снился ОН. Присутствие любимого супруга Маргарита ощущала каждую минуту, каждую секунду... Его присутствие, аромат его парфюма, его голос, звук его шагов — это чувствовалось кругом, и всё напоминало о нем, и бредило кровоточащие раны. Маргарите даже казалось, что она сама представляет собой одну сплошную рану. Каждый раз, думая о муже, она мучительно умирала, с трудом находя силы смотреть на рожденных от него дочерей. Всем своим видом, каждой черточкой своих маленьких личиков, своими улыбками и ужимками, своей смуглой кожей, огромными карими глазенками и завитками непослушных черных волос — напоминали ей о безвозвратно ушедшем. Маргарита, порой, ловила себя на мысли, что ей больно даже смотреть на них. Было стыдно, но ничего с собой поделать не могла.

Проспала девушка более тринадцати часов и проснулась только утром следующего дня. Глядя на свое бледное осунувшееся лицо, темные круги под глазами, опухший нос и потрескавшиеся губы, мерзкий червь внутри внушал, что именно в ней причина гибели любимого. Невозможно и невыносимо было свыкнуться с такими соображениями. Она обмоталась покрывалом и рванула в ванную, открыв душ и с ожесточением растирая губкой тело до покраснения и ссадин. Её снова мутило, и частично — от самой себя.

Маргарита провела трясущейся рукой по своим волосам цвета темного горького шоколада — Джон так любил её длинные волосы... А теперь какой в этом смысл? Она никому больше не позволит прикоснуться ни к своим волосам, ни к своему телу.

На глаза ей попались маникюрные ножницы, и она с каким-то маниакальным упорством принялась остригать ими свои волосы, совершенно не заботясь о конечном результате. Слезы на влажных ресницах делали взгляд мутным и мешали ясно видеть. Появившись на кухне перед изумленными домочадцами в столь непрезентабельном виде с плачевным результатом своего нервного приступа на голове, Маргарита, казалось, не замечала их вопросительных взглядов.

— Господи, дочка, что за вид у тебя? — мать провела по короткому ежику темных волос на голове дочери, это все, что теперь осталось от некогда шикарных каштановых локонов, которыми так гордилась Маргарита, — И в таком вот виде ты собираешься выйти на улицу?

— Мне все равно, — отрешенно буркнула девушка и опустила голову, пряча воспаленные красные глаза.

Впервые за более, чем девятнадцать лет своего материнства, Валентина подняла руку на дочь и вдруг испугалась своего действия не меньше самой Маргариты:

— Не смей говорить таких слов! — девушка вздрогнула от пощечины и пришла в чувства, точно проснувшись от глубокого кошмара, — Тебе есть ради кого жить, тебе не может быть все равно.

— Мама! Мамочка, — Маргарита снова разразилась рыданиями на груди у матери, захлебываясь собственной истерикой, горькой и неукротимой, как плачут маленькие дети.

И чувствовала себя Маргарита той маленькой птичкой, что раз за разом напарывается на терновый куст, в кровь раня свою грудь.

— Тебе есть ради кого жить, — тихо повторила Валентина, — твои дочери нуждаются в тебе. Они лишились отца, так не лишай их ещё и матери.

И Маргарита понимала, что не имеет права опускать руки и бросать на произвол судьбы незащитных созданий, только начинающих жить и так напоминающих ЕГО. И того, кто только готовится появиться на свет, подрастая в её чреве, сейчас полностью зависимый от матери.

Вместе с детьми мы получаем уникальный шанс прожить жизнь заново. Кто сказал, что невозможно вернуться в детство? Впереди — детский сад, рисунки гуашью и акварелью, первый класс, первая любовь и выпускные экзамены. Уникальный шанс заново учиться и познавать окружающий мир, который судьба может подарить человеку.

— Конечно, мама, — Маргарита шмыгнула носом.

— Тогда, для начала, принеси ножницы, будем спасать твою причёску, — велела мать.

Потом девушка, продолжая шмыгать, сидела на кухонном табурете, пока мать пыталась совладать с тем кошмаром, что остался на голове после её стрижки. Маргарита молча опустила голову, пытаясь понять, где ей взять сил, чтобы донести страшную правду семье мужа, особенно когда сама она в неё решительно отказывалась верить. Хуже будет, если они узнают из газет или выпуска новостей. Как сказать матери, что её единственный сын погиб? Есть ли в мире такой язык, что способен утешить? Как ребенку объяснить, что его отца больше нет? На каком языке?

— Ты — мое все, моя любовь, моя улыбка, мой свет, моя боль, мое утешение и мой грех...

Посреди полумрака комнаты, практически не освещавшейся через плотно зашторенные окна, в кресле старинной работы устало откинулся смуглый мужчина. Несколько длинных прядей его темных волос прилипли на вспотевший лоб, а иногда подрагивающие ресницы выдавали, что его сон был беспокойным. Даже во сне Джон с трудом сдерживал стон, из последних сил держась не поддаваться гнетущим мыслям.

Неужели такова расплата за то, что один-единственный раз не подчинился правилам? Но он просто не смог... не смог в тот день дать умереть этой девочке. А стоило ему потом взглянуть в её огромные, влажные от слез глаза — и уже не было ни единого сомнения в том, что он поступил верно... единственно верно. И он снова готов отдать свою жизнь в обмен на её. За что он полюбил эту девочку? За её удивительные большие глаза? За её свет? Что же в ней было такого, что заставляло биться его сердце, спрашивал он себя порой, но смесь в ней детской чистоты и невинности, женственности и чувственности сводила его с ума. Да разве любовь задается такими бессмысленными вопросами? Любят не за что-то, а потому что. Любовь не приемлет ни причин, ни обоснований — они ей попросту не нужны. Она заполняет собой, не оставляя места для сомнений и пространных рассуждений.

Пусть ненавидит, если ей так будет легче, он переживет и смирится — только пусть продолжает жить. У неё впереди вся жизнь, а у него уж нет будущего. Ради неё и ради детей,

он должен отпустить... Думал, что мертвому будет всё равно, но отчего тогда такая боль затопляет, что невозможно дышать?

А ещё он переживал за мать. Женщина уже похоронила одного любимого мужчину, как она перенесет весть о гибели единственного сына? А его собственные сыновья и дочери? Сможет ли он когда-нибудь искупить свою вину перед ними? Да и возможно ли подобное оправдать? Простить, что его нет рядом с ними... Он так точно не сможет простить самого себя. Отец его в гробу бы перевернулся, глядя на сына теперь.

Теперь же он вынужден оставить их — это всё, о чем мужчина мог думать сейчас, едва выдерживая натиск всех этих чувств. Его чувства больше никогда не достигнут небес.

Нет, Лаура не зрения его лишила, она забрала у него саму жизнь. Свеча отдавая свое тепло, сгорает, а звезда, прежде чем упасть, освещает своим светом тьму... Он был сейчас этой свечой, этой звездой...

— Ваша Милость, проснитесь, ваша милость, — мягкая женская рука аккуратно легла ему на плечо, и приятный голос грудного тембра продолжил, — Я принесла вам ужин.

Не самое худшее пробуждение из возможных, чего греха таить.

Ему помогли подняться, и мужчина уловил тонкий аромат женского парфюма, а руки, помогавшие ему, были нежными и ухоженными и пахли сандалом.

Расположившись за обеденным столом, дальше мужчина хотел уже самостоятельно обслужить себя, но все те же руки продолжали его ненавязчиво направлять.

— Меня зовут Тристана, господин, — голос не был вкрадчивым и льстивым, он лился ровно и свободно, в нем звучало искреннее участие, — Я здесь для того, чтобы служить вам.

Мужчина негромко усмехнулся, повернув лицо на звук ее речи:

— Сейчас мне более необходим друг, а не слуга, — Джон кивнул, приглашая собеседницу присесть рядом с ним за стол, — Не желаешь разделить со мной ужин? Тристана, верно?

— Но... Господин уверен в том, что хотел бы видеть меня рядом за своим столом? — голос женщины дрогнул, — Никто и никогда не предлагал мне ничего подобного... Мое дело — исполнять желания господина.

Мужчина на секунду задумался, потом улыбнулся:

— Тогда представим, что я желаю, чтобы ты поделила со мной этот ужин. Тем более, что мне бы действительно этого хотелось.

— Слушаюсь, господин, — женщина поклонилась и робко присела на самый край соседнего стула. Он не мог видеть её, но слышал мягкое шуршание её одежд.

— Не господин — друг. Мы оба теперь одиноки и растерянны, так почему бы нам не поддержать друг друга, не скрасить это одиночество, — и чувствовалось, что он нуждается в этом гораздо больше, чем она сама, — Повтори: друг.

Мужчина настаивал, и она послушно повторила за ним, точно пробуя на вкус это слово:

— Друг... — задумчиво протянула джинния, дивясь тому странному теплу, что оно вызывало, — Марк, наверное, тоже мог бы стать мне другом... Он первый, ещё до господина, интересовался моей судьбой...

Она хотела было погрузиться в созерцание собственных дум, но оживившийся при упоминании Марка мужчина отвлек её внимание своими расспросами:

— Марк? — Джон ухватился за упоминание этого имени, как утопающих хватается за тоненькую соломинку, — А как же выглядел знакомый тебе Марк? Это был высокий, худой и бледный сероглазый юноша?

— Это определенно он, — от удивления Тристана даже отложила в сторону столовые приборы, — Но откуда господину известно?

С интересом наблюдала она за изменившимся его лицом.

— Я знаю его, славный молодой человек, сильный и надежный, — мужчина немного помедлил, прежде, чем продолжить, — Мне нужна будет твоя помощь. Поможешь мне, Тристана?

— Как другу? — с опаской и некоторым недоверием чернокожая джинния посмотрела на него.

— Мне нужна твоя помощь. Помоги мне, прошу тебя, — Джон накрыл её руку своей теплой ладонью, и что-то в его словах заставило поверить, а его тепло согревало и успокаивало, — И я не забуду твоей доброты, я сделаю всё, чтобы ты стала свободной — даю слово. Мне нужно убедиться, что близкие в безопасности, и передать послание Марку.

— Госпожа не одобрит этого, Ваша Милость, — слабо возразила Тристана, густо покраснев.

— А мы не скажем ей, — мягко шепнул мужчина, — И она ничего не узнает.

— Я подумаю, что смогу сделать для вас, Господин, — осторожно, расплывчато произнесла женщина.

— Расскажи мне пока о себе, — попросил Джон. И она поддалась потребности быть откровенной с ним, поведав о своей жаркой родине, где дуют горячие ветры, где вода ценится дороже богатств, где некогда, среди каменных дворцов и храмов, её народ жил в гармонии с окружающей природой, следуя древним традициям, бережно хранимым и передаваемым из поколения в поколение. Сейчас уже от её народа, бывшего когда-то довольно многочисленным, остались считанные представители — в том числе, и она сама.

Таким образом началась их вынужденная дружба, которая, тем не менее, помогала обоим спастись от тоски и одиночества. Стражи, неусыпно дежурившие у его дверей, строгие и суровые, следили за тем, чтобы никто не беспокоил господина. Но это больше походило на стражу, а не охрану — и фактически, они с чернокожей джиннией были друг для друга единственными собеседниками. И беседы их были долгими и содержательными, и всё больше проникались они друг у друга, взаимная дружба и взаимное уважение крепили с каждым проведенным в обществе друг друга днем. Тристана обещала мужчине рассказывать обо всем, что происходило в жизни близких ему людей, но новости чаще были тревожными.

А время неумолимо летело вперед, и так прошло шесть месяцев, в течении которых ни Джон, ни Маргарита ни на минуту не забывали о существовании друг друга. Маргарита упрямо твердила, что сердце подсказывало ей, что любимый человек не погиб, а сумел выжить в катастрофе. Она отказалась присутствовать на похоронах и не давала интервью. Впрочем, надо заметить, что ей было совершенно не до внимания папарацци — беременность девушки протекала очень тяжело, приходилось все чаще посещать клинику, борясь с ежедневной тошнотой, головной болью и отеками. Спокойствия не добавляли заботы вступления в права наследования всего бизнеса считавшегося покойным супруга, сопровождающиеся тщательнейшей ревизией состояния дел со стороны многочисленных служб, начиная налоговой и пожарной инспекцией и заканчивая инспекцией санитарно-эпидемиологической. И Маргарита была благодарна азиату, взявшему на себя труд разбираться со всеми сложными вопросами аудита. Здоровье отбирало все её силы, и их не оставалось, чтобы вести дела с бесчисленными проверяющими комиссиями. Несколько недель Маргарита даже вынуждена была провести в стационаре под особо тщательным

наблюдением со стороны медицинского персонала. Благодаря связям брата пациентке был обеспечен самый лучший уход и наблюдение. Несмотря на все усилия врачей, опасность преждевременных родов всё ещё оставалась.

Маргарита чувствовала себя виноватой, что не могла в достаточной степени проявить участие родственникам супруга, которые также тяжело переживали потерю близкого человека.

Полгода — это много или мало в человеческом понимании? Для Маргариты они прошли как в кошмарном сне, включая визит родственников почившего любимого супруга, которым она не смогла уделить должного внимания, как они того заслуживали. Тяжелое физическое самочувствие и непроходящая душевная тоска. Она продолжала существовать на автоматизме и просыпалась каждое утро больше потому, что так надо, а не так хотелось. И никто не мог подсказать ей, как жить дальше, когда саму жизнь у неё безжалостно отобрали. В ответ на состояние матери и ее настроение, ребенок развивался плохо, а беременность сопровождалась осложнениями. Стиснув крепче зубы, Маргарита продолжала жить дальше скорее по инерции, чем от сознательного желания. Делами бизнеса всё это время занимался Танака-сан, единственный из её знакомых, кто имел опыт ведения подобного рода предпринимательства. То был, видимо, один из редких случаев за последнее время, когда Маргарита проявила хоть какие-то эмоции, разрыдавшись на груди опешившего азиата, когда тот предложил свою посильную помощь, уверив, что из уважения, что он испытывал к Джону, сделает все возможное, чтобы не дать отобрать бизнес у молодой неопытной вдовы. С момента этого разговора Маргарита словно очнулась от тяжелого сна. Всласть наредевшись, ей стало вдруг заметно легче. Если даже он понимает, чего хотел бы сам Джон, и как важно не сдаваться, то какое она право имеет опускать руки? Как смеет так себя вести? И стало легче, словно открылось второе дыхание. И в будущем ей пригодятся все её силы, когда точно черные тучи нависли над её семьей.

Маргарита так хотела навестить Мей накануне появления на свет их с Марком сына, потом вернуться во Францию к моменту рождения сына у Эллен и Максимилиана, и уже дома ожидать срока собственных родов. Но состояние её здоровья внесло свои коррективы в детально выстроенные Маргаритой планы.

После непродолжительного периода улучшения, девушке снова стало хуже — и в самый неподходящий для этого момент. Хотя, а какой, собственно, момент может быть подходящим для болезни?

Согласно незыблемым законам природы, настала новая весна, которой было всё равно до проблем отдельно взятых людей — природа мыслит намного более масштабными и глобальными категориями, возрождая надежду в душах, пробуждая сознание и придавая сил. И даже дышалось легче, что Маргарите было сейчас как нельзя кстати. Полной грудью вдохнуть свежий воздух, восторженно оглядываясь по сторонам на великолепие возрождающейся к новой жизни природы. Также возрожденной наконец почувствовала себя и молодая женщина — она уже успела отойти от затянувшейся депрессии, понимая, что супруг не одобрил бы такого упадка духа. Дочерям и сыну, которого она ожидала, нужна сильная мать, способная защитить их и дать всё самое лучшее, а не слабая измученная женщина.

От дурманящего весеннего воздуха кружилась голова, а от яркого солнечного света слепило глаза.

Опустив стекло в автомобиле, Маргарита жадно вдыхала пьянящую смесь ароматов

весеннего города:

— Марк, останови машину, пожалуйста, — попросила молодая женщина, — меня, кажется, немного укачало. Мне нужно выйти.

Автомобиль затормозил у обочины. Пошатываясь, Маргарита вышла из машины, перешла дорогу и остановилась у изящных перил моста. Сделав пару глубоких вдохов — лёгкий ветер и серебристая гладь воды успокаивали, она достала из кармана телефон, чтобы заснять красивый вид.

Удерживать телефон дрожащими пальцами было тяжело, и он выскользнул из рук. Пытаясь поймать его, девушка балансировала с вытянутой рукой, перегнувшись через перила, но, не сохранив равновесия, бултыхнулась вслед за телефоном.

Марк, наблюдавший это из окна автомобиля, тотчас же выскочил, рванул через дорогу, чуть сам не угодив под колеса, скинул на ходу плащ и сиганул с моста следом за ней.

Уже на берегу он проводил ей искусственное дыхание, пока девушка не выдала наружу речную воду, которой нахлебалась предостаточно, накинул на неё свой плащ и не отпускал её руку до самого приезда скорой.

— Прости, Марк, я не... Господи, как же глупо, — Маргарита замотала головой и шмыгнула носом, размазывая слезы по его груди.

— Иди сюда, дурик, — он привлек её совсем близко к себе и обнял.

— Спасибо... — только и смогла пролепетать до смерти перепуганная Маргарита, продолжая содрогаться от рыданий в руках молодого человека, — Я же умею плавать, правда, но тут меня словно парализовало — от этих переживаний за всех, от волнения, усугубляющегося моим состоянием, я сама не своя стала. Я создаю всем столько проблем...

— Пустяки. Не думай сейчас об этом, — улыбнулся он, — Теперь я за тебя отвечаю, хочешь ты этого или нет, поняла? — девушку продолжал сотрясать нервный озноб, и он не знал, как ей помочь и чем унять эту дрожь.

Ладонями Марк обхватил её влажные от слез щеки, прикинув губами сперва к ее мокрой макушке. Он не помнил уже того момента, когда его губы нашли губы Маргариты, а его утешающие поцелуи перешли в нечто другое — и не в силах уже был оторваться, когда она бессознательно отвечала ему.

Отстранившись друг от друга, они ещё продолжали тяжело дышать:

— Никогда... не делай так больше... — прохрипел юноша, судорожно глотнув воздуха.

— Марк,пусти меня... — заплетающимся языком пробормотала Маргарита.

— Прости, прости, — прошептал он, уже по-другому, нежно и берегающе обнимая дрожащие девичьи плечи, плотнее запахивая на ней полы своего плаща, — Я не должен был этого делать... Но...я не знал, как ещё привести тебя в чувства.

И путешествие в Японию, от которого Маргариту так отговаривали врачи из опасности выкидыша или преждевременных родов, вопреки опасениям, поддержало моральный дух молодой женщины. Созерцая красоту садов и храмов древнего Токио умиротворяюще и благотворно сказывалось на её здоровье. На её щеки снова вернулся румянец цвета нежных лепестков сакуры, а в голове уже выстроилось множество планов, в которые входила обязательная встреча с родственниками из далекого Джайпура. Рождение долгожданного внука и племянника послужит им утешением в их общем горе. Но состояние здоровье внесет свои коррективы в этот распорядок, когда жизнь ребенка и молодой матери оказались под угрозой.

В тот день, когда Марку предстояло стать отцом, он сидел на топчане в светлом

больничном коридоре, бледностью своей сочетаясь с оттенком окрашенных стен — и весь его вид выдавал крайнее волнение — на лбу выступили капельки пота, пальцы рук сжаты до побеления костяшек. Друзья его были тут же, рядом с ним для того, чтобы оказать поддержку.

— Так, вы — или успокаиваете его, или выводите на улицу — мне сейчас о его жене думать надо, — молодой хирург-японец нервничал не меньше самого парня, — у меня нет времени, чтобы приводить его в чувства, словно, впечатлительную барышню. Девочка сильная — сама со всем отлично справится, а ваша нервозность только мешает мне работать. Дайте ему выпить кофе и выведите на воздух. Я вас позову. Не вынуждайте меня применять укол успокоительного.

В клинике своего наставника и учителя, доктор смог добиться разрешения присутствовать в родильной палате.

— Ну, Марк. Марк, посмотри на меня — ну, что с тобой? — Маргарита присела рядом и положила руки ему на плечи.

— Мне страшно, Марго, — он поднял на неё лицо, вцепившись пальцами в штанины собственных брюк, — Ну, почему так долго?

— Ах, вот оно что, — девушка погрузила пальцы в его волосы, приглаживая непослушную челку, — Чего ты боишься? Что не сможешь стать хорошим отцом? Ерунда! Ты так много повидал в своей жизни, научился различать добро и зло, а главное — ты знаешь одну истину, что детей нужно любить а не воспитывать — а, значит, тебе не о чем волноваться. К тому же — ты сейчас не сам, посмотри вокруг — мы все с вами. А сейчас повтори за мной — всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — повторил он, — А ты видишь меня насквозь, — улыбнулся Марк.

— Ну, вот, — кивнула Маргарита, — а сейчас просто доверься своей жене и мастерству лучшего из врачей и пойдешь, лучше, купи Мей цветы — ей будет приятно.

— Отличная идея, дорогая, — согласилась с ней златовласая, — Иди уже — без пяти минут папаша, — обаятельно улыбнувшись, и юноша улыбнулся в ответ.

— Ну, что, папаша, накинь чистый халат и надень бахилы, и можешь зайти в палату и побыть немного с женой и сыном, — из палаты вышел Джек, снимая марлевую маску с лица и резиновые перчатки — с рук, — Только не очень утомляй Мей, она еще слишком слаба, — он похлопал парня по плечу и в сопровождении златовласой супруги удалился в ординаторскую, чтобы сменить одежду, принять душ и отдохнуть.

— Сын! У меня родился сын, вы понимаете?! — Марк всё ещё был не в состоянии поверить в случившееся, он сгреб друзей в охапку, весь сияя от счастья и гордости, и все окна по коридору распахнулись от неконтролируемого всплеска его силы.

— Поздравляем! — со счастливой улыбкой принимал он поздравления от друзей.

— Вы не представляете, насколько я перенервничал, — юноша присел на топчан, вытерев рукавом вспотевший лоб.

— Марк, она — не твоя мать, а ты — это ты, а не твой отец, и ты совсем не обязан повторять его судьбу, — вполголоса произнесла маленькая брюнетка, присаживаясь рядом с ним.

— Я и не мог представить себя в роли отца, — юноша тряхнул головой и широко улыбнулся, — А как, должно быть, изумится мой отец, когда узнает, что стал уже дедом!

— Ну, как тебе сын? — попробовала слабо улыбнуться Мей, когда он вошел в палату,

повернув к нему бледное осунувшееся лицо, — Правда, он красив? Весь в отца, — и сейчас она так удивительно напомнила ему Марику — такой же контраст темных волос и светлой кожи, раскосые темные глаза и полные губы — он как будто увидел её другими глазами.

— Он очень красив, — Марк в нерешительности замялся, всё ни как не решаясь подойти ближе к этому беспокойному крикливому розоватому комочку с огромными серо-голубыми глазами, — Только, теперь я буду хотеть ещё одного ребенка, чтобы он был похож на тебя, — он поцеловал жену и взял на руки ребенка, и ощутил такую небывалую нежность — это была его семья, только его, семья, которую он выбрал сам.

— Мальчика. Это непременно снова будет мальчик, — девушка взяла его за руку, насмешливо глядя в его серые глаза, — Не хочу ни каких дочерей — хочу быть единственной женщиной в твоей жизни и не хочу тебя ни с кем делить.

— Я всегда считал тебя умной, а сейчас ты говоришь, как избалованный ребенок, — он склонился к её лицу, убрав взмокшие спутанные пряди и снова поцеловал — уже в губы, глубоко и страстно, — Дурашка моя, разве я не доказал тебе свою верность, — погладил по черноволосой голове, преисполненный любви и благодарности, — Ты — уже единственная и самая главная женщина в моей жизни. А сейчас вам с малышом нужно отдохнуть, — Мей проводила его удовлетворенной улыбкой и закрыла глаза, засыпая после утомительных родов.

После этого Маргарита в срочном порядке потащила всех по магазинам за товарами для новорожденных. Эти радостные хлопоты доставляли ей удовольствие и помогали не потонуть в собственных переживаниях во время пребывания в волшебном Токио.

Ровно до того момента, пока её саму, чуть живую не привезли спустя несколько недель в это же самое отделение с внутренним кровотечением. Никогда ещё ей не было настолько страшно — не столько за себя, сколько за будущего ребенка.

Еще страшнее было доктору, которого Марк трясущимися руками со всей дури прижал к стене, требовательно глядя в карие глаза молодого хирурга:

— Сделай же что-нибудь, черт возьми, ты же врач! — на его мертвенно-бледном лице проступил голубоватый рисунок поверхностных вен, — Не дай ей умереть! Я не прощу тебя, если ты ничего не сделаешь и позволишь ей или ребенку погибнуть.

— Я сам себя не прощу, если допущу подобное, — с вызовом бросил мужчина, и Марк опустил голову, — Перед тобой, сопляк, я ещё не отчитывался. А сейчас отпусти и дай работать.

Юноша отступил, напряженным взглядом провожая доктора, исчезнувшего за стерильными белыми дверями, присоединяясь к бригаде, ведущей борьбу за жизнь матери и ребенка.

Потом было мучительное ожидание, пока взмыленный доктор не сообщил, что кровотечение удалось остановить, но мать и дитя слишком слабы, чтобы с уверенностью говорить об успешном исходе операции. Доктор был зол, очень зол — он ведь предупреждал, чем может это все закончиться, но его не послушали, а спасать — как всегда, ему.

Марк обессиленно съехал по стене прямо на пол. И только златовласая сохраняла абсолютную уверенность в том, что и у Маргариты, и у малыша будет достаточно сил, чтобы пойти на поправку — и донесла эту мысль до родителей подруги и остальных.

И само появление на свет маленького Анри стало самым настоящим чудом, но ещё три недели Маргарита вместе с сыном провели в клинике, пока состояние их здоровья не удовлетворило строгим врачебным требованиям.

Больше всего на свете Маргарите сейчас хотелось, чтобы тот, кого она продолжала беззаветно любить, был сейчас рядом и вместе с ней радовался рождению сына.

Но его не было, и она не могла знать, что он всё бы отдал, чтобы увидеть их... Она просто чувствовала это душой.

Тристана наблюдала за спящим мужчиной, устроившимся в кресле. Его черные волосы разметались по плечам, а тени от густых и длинных ресниц падали на щеки. Она убрала прилипшие пряди с его лба, проведя ладонью по бархатистой на ощупь щеке. Кожа его была мягкой и теплой. Повинуясь своему желанию, она дотронулась до его губ и обвела своими пальцами их контур. Её тянуло прикоснуться к ним губами, но женщина сдерживала себя. Она ещё не была влюблена, и по-хорошему завидовала и этому мужчине, и той женщине, которой принадлежит его любовь. Да и что есть любовь, что сподвигает одного жертвовать собой ради благополучия других?

Ощувив на себе её взгляд, ресницы мужчины дрогнули, и вид мельчайших шрамов от множественных порезов на роговице его глаз заставил её спешно отстраниться, а сердце — болезненно сжаться в груди.

— Я напугал тебя? — Джон поспешил сменить позу и покраснел, торопливо надев очки. Он не привык выглядеть слабым перед женщиной, но, видимо, придется привыкать. Собственная беспомощность заставляла его чувствовать стыд за свою несостоятельность, вынуждая напрягаться и тело, и сознание, поднимая внутри злость на самого себя. Неправильным и постыдным было в его мировоззрении быть зависимым от женщины — не достойным мужчины.

— Нет, что вы, господин... — женщина точно определила его состояние и деликатно извинилась, а спокойный теплый тембр её голоса подействовал успокаивающе, — Это я должна была предупредить о своем присутствии.

Мужчина кивнул, давая понять, что всё в порядке.

— Марк недавно стал отцом, вы слышали, Ваша Милость? А я даже не знала, что он женат, — женщина открыла бар, выбрав бутылку вина и пару бокалов, — И ваша супруга родила сына. Мои поздравления, Ваша Милость! Говорят, малыш так похож на вас — такая же смуглая кожа, карие глазки и черные курчавые волосенки. Мальчик родился раньше срока, но теперь его здоровью ничего не угрожает. Ваша супруга упорно не желает общаться с журналистами, она покинула Японию и отправилась в Джайпур. Это и к лучшему, я думаю — здесь папарацци не дали бы ей спокойной жизни.

А он сидит тут, в этой проклятой дыре, и ничего, ничего не знает...

— Свершилось, Час Дракона настал, — разлив темно-вишневую жидкость по бокалам, она один из них вложила в руку в руку Джона, — Благодарю, Тристана. Благодарю за твою теплоту и твое участие.

— Вы рады, Ваша Милость? — поинтересовалась она.

— Я рад, очень рад, просто счастлив, — Джон грустно улыбнулся, ответ был утвердительным, но голос мужчины был слишком слабым и уставшим, — Мой сын, Тристана, мой сын... Которого я, возможно, никогда не увижу... Мне страшно, очень страшно за его судьбу.

— Простите, Ваша Милость, — извинилась она, в её интонации слышалось искреннее сожаление, — Это было жестоко с моей стороны, напоминать вам о таком, но я хотела сообщить вам приятные вести.

— Тебе не за что извиняться, — она приняла из его рук пустой бокал, когда он

допил, — Если кто и виновен, то только я сам, — хрипло усмехнулся мужчина.

Вот ещё новая жизнь пришла в этот мир. Что их ждет? Каким будет этот мир для их малышей?

— Поговаривают, Ваша Милость, что с вашим исчезновением удача отвернулась от этой семьи, — тихо поведала она, — Отец вашей супруги вынужден был уволиться. Начальник начал преследовать его, как только дочь покинула Францию. А её брата едва не лишили врачебной лицензии на практику... Ещё эти журналисты всё время наседают и не дают покоя, а конкуренты пытаются отобрать у вашей супруги права на ателье и ночной клуб.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки:

— Как же я устал. Устал от бессилия...

— Всё когда-нибудь обратится в прах, вы это лучше других знаете, — легкие, умелые движения её пальцев расслабляли плечи, привнося тепло и обманчивое спокойствие.

— Это совершенно лишнее. Вам лучше одеться, миледи, — еле уловимый шорох легких одежд заставил его напряженно вздрогнуть, — Присядьте рядом со мной.

— Господин не хочет меня? Господин был так добр и внимателен ко мне, но господин печален, что-то гложет его сердце, — женщина опустила рядом на диван в растерянности и недоумении, — и я подумала, что господин желает... Мне нечем больше отплатить господину за его доброе отношение, кроме моего тела.

— Господин желает лишь одну женщину, и она для него теперь недосыгаема, — он провел ладонью по её щеке и взял в руку прядь её волос, — У тебя гладкая кожа и мягкие волосы... Думаю, что не ошибусь, если скажу, что ты молода и привлекательна — такая женщина не должна делать этого по принуждению... Помогите мне, и ты будешь свободна полюбить того, кого пожелает твое сердце. Мне нужно увидеть их и защитить. Им не от кого больше ждать помощи, а мне больше некого просить помочь...

Так с ней ещё никто и никогда не разговаривал. В его словах не было и намека на презрение, которое она, несомненно, заслужила, по её собственному мнению. Но нет — он сопереживал и сочувствовал ей. Никогда прежде не доводилось ей видеть настолько преданного мужчину. И защипало в глазах от неловкости за свое позорное поведение. Привыкнув к потребительскому отношению к себе, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, она не ждала иного, а вот теперь растерялась. А в груди точно кто-то зажег яркий фонарь, манящий своим теплом и светом, и кто-то тихо нашептывал, что и у нее есть шанс жить не по долгу, который она уже не единожды успела выплатить Мирозданию — а по сердцу. Чернокожая женщина надела свой легкий халат и завязала его поясом, несмело приблизившись, тепло обняла за плечи:

— Даже если я рискую навлечь на себя гнев Госпожи, я помогу вам, Ваша Милость. Вы увидите сына, — тихо произнесла она, и мужчина благодарно кивнул. Тепло и свет надежды вернулось и к нему.

Вечный мрак на душе, и уже слишком поздно

Вспоминать о былом, когда ночь так темна...

Ты ушёл навсегда, моё Солнце и Звёзды,

И печальна теперь твоей Жизни Луна.

Но не внемлет судьба никаким уговорам -

Бесполезны мечты. Бесполезна печаль,

Ведь, подобно листве, не поднимутся горы,

Лёгким ветром ночным уносимые вдаль.

Ты вернёшься, когда остановится время,
И когда из морей испарится вода,
Когда сгинет проклятья тлетворное бремя,
Когда вновь я зачну... Никогда, никогда!
Возрождённая вновь твоей смертною тризной,
Нашей вечной любви освящённой огнём,
Будет помнить до смерти Луна Твоей Жизни
Об ушедшем во мглу, о Светиле своём.
В мире мёртвых немом, бесконечном, бесслёзном,
Будут ночи, и дни, и вся жизнь — позади...
Я вернусь к тебе — слышишь?! — О Солнце и Звёзды!
Когда время придёт. Только прежде — не жди!
"Ladies of Westeros" — "Плач Дэйенерис"

Маргарита беспокойно металась по кровати, её всю лихорадило — кожа была горячая и сухая, не помогали ни компрессы, ни жаропонижающие, ей продолжали сниться кошмары — снова и снова она переживала падение с моста и ужасы послеродовой горячки, снова и снова ей казалось, что она тонет, снова и снова она захлебывалась и не могла дышать, а внутри — ледяная вода.

Она, и правда, тонула на этой огромной кровати... одна, вспоминая тепло его тела, прикосновения его рук и губ...

Всё время она звала мужа, а Марк сидел возле неё, и руки его так и чесались надавать по загорелой физиономии Джона, если бы тот ему встретился сейчас, за то, что он вот так вдруг исчез и нет его рядом, когда она больше всего в нем нуждалась. Как он мог? Где пропадает? Что вообще происходит? Он был из тех, кто так и не верил в гибель Джаньяна — не такой это был человек. Марк видел его, видел силу этого мужчины, видел на что была способна невиданная мощь его глаз, видел, насколько мастерски он владел практическим любым из известных видов оружия, видел силу его воли и его сердца.

Наконец, обое уже забылись беспокойным сном — она на кровати, он — в кресле рядом, когда в комнате появился Джон, он положил руку на лоб Маргариты — она успокоилась, дыхание выровнялось, жар ушел:

— Спи спокойно, родная, — он взял в одну руку её ладонь, а второй провел по её волосам, убрал с её щеки слезинку и не удержался запечатлеть на её губах поцелуй, и в памяти ожили все самые светлые моменты в его жизни, значительная их часть была связана с ней, и он чуть не взвыл от осознания того, что сейчас прощается со всем этим, — Прости меня, жизнь моя... Вы — самое дорогое, что есть у меня. Только так я смогу защитить вас. Ты меня не ищи. Когда-нибудь ты поймешь. Я больше не смею держать тебя — найди себе хорошего парня, влюбись и живи полной жизнью. Будь счастлива — сделай это ради себя, а я буду оберегать вас, чтобы с вами не случилось ни чего плохого. И, спасибо за то счастье, что ты мне подарила, — и всё равно, что будет с ним, если он будет знать, что они в безопасности, Маргарита улыбнулась во сне и тихо произнесла его имя.

И до боли захотелось, вдруг, чтобы она проснулась сейчас, увидела его... или самому разбудить её, полным страсти, поцелуем... А какое он имеет теперь на это право? Что он может ей предложить? Как же любовь затуманила ему разум настолько, что он обо всем позабыл? Забыл, что за деяния свои, рано или поздно, придется расплачиваться... Он изначально не имел права растравлять её сердце, бежать должен был от неё и от своих

чувств — но, разве убежишь от судьбы? Когда же она устанет испытывать их? А теперь по его вине в глазах её стоят слезы — и от этого стало так гадко на душе... Как он может простить себе, когда он заставляет страдать самых любимых женщин — мать, жену, сестру, дочерей, когда он должен быть их хранителем и защитником...

На соседней кровати мирно спали, посапывая маленькими носиками, близнецы Диана и Катрин — даже не имея возможности видеть, он мог ощущать их присутствие, их дыхание, их запах... Он поцеловал дочерей в маленькие лобики, они тревожно вздрогнули:

— Тише, тише, милые, — он приложил палец к губам, как будто они могли его понять, — мы же не хотим разбудить маму? Маме нужно отдохнуть, — словно, вняв его словам, девочки продолжили спокойно спать, он ещё некоторое время посидел на кровати рядом с Маргаритой, потом поднялся и прошел в соседнюю спальню, отделенную аркой.

Там на двухъярусной кровати спали Алишер и Роза:

— Сладких снов, принцесса, — провёл он рукой по русым волосам Розалинды, — Сладких снов, сынок, ты здоров и благополучен, ты растешь хорошим человеком, а большего я и не желаю, — улыбнулся Джон, погладив кучери сына и поцеловав его. Он прошел к ещё одной кровати, стоящей тут же рядом, в которой лежал маленький Анри, — Папа тебя очень любит, малыш. Как ты? Прости, меня не будет рядом — я не увижу твоей первой беззаботной беззубой улыбки, твоих первых несмелых маленьких шагов... — мальчик протянул ручки и пролепетал что-то невнятно напоминающее "ата", хотя Джон был уверен, что ему послышалось "папа", он поцеловал младшего сына и подошел к раскрытому окну: каждый вдох давался с большим трудом, он убрал с лица выбившиеся из хвоста волосы и снял очки — прохладный ветер немного остудил воспаленные глаза, в которых теперь навсегда поселилась ночь, но, боль всё равно не уходила... нет, к ощущению боли в глазах он уже успел привыкнуть... это болело сердце. Он чувствовал себя так мерзко, он презирал и ненавидел себя за то, что вынужден так поступить, за свое бессилие что-либо изменить. А сердце продолжало болеть с такой силой, что на мгновение ему стало страшно от мысли, что он закончит так же, как и его отец, только гораздо раньше. Любопытно — умирать повторно так же мучительно, как и в первый раз? Если бы он мог задушить память и заставить замолчать сердце... Он не сдержал своих клятв... Он предал тех, кого любил больше всего, без кого не представлял своей жизни... он солгал им... И боль всё не унималась, пекущим цветком расцветая в груди. Больше всего на свете он боялся потерять тех, кого любил, и именно это сейчас и происходило...

Есть один порок у счастья — слишком жаль его терять... Он был счастлив — это самое главное, эти прекрасные воспоминания сильнее страха и боли...

Джон заглянул и в другие комнаты, где спали его мать, сестра и брат, златовласая и маленькая японка, ожесточенно сцепив пальцы, напряженно сомкнув отяжелевшие опухшие веки, ежеминутно борясь с острейшей потребностью разбудить их всех и кинуться в их объятия.

Обернусь я человеком,
Да вернусь к себе домой
Да возьму тебя на ручки,
Мой хороший, мой родной.
Обернусь я белой кошкой,
Да залезу в колыбель
Я к тебе, мой милый крошка,

Буду я твой менестрель.

Буду я сидеть в твоей колыбели,

Да петь колыбельныя,

Чтобы колокольчики звенели,

Цвели цветы хмельныя.

группа "Мельница"- "Колыбельная"

На обратном пути он вытащил из кармана своего плаща сложенный вчетверо листок бумаги, вложил записку в карман рубашки спящего Марка, положил руку ему на плечо, пошептав "Прошу, не подведи меня", и, держась руками за стены, вышел из комнаты.

Такси бесшумно отъехало от дома.

— Жан!!! — сильно закричала Маргарита, её тело в судорогах подбрасывало на кровати, — Жан! Жа-а-ан!!!

"От твоего вскрика, без твоего вздоха

Я слишком отвыкла, я слишком свободна,

Во мне столько силы от твоего слова,

Когда вдруг решил ты крылатым стать снова..."

Ева Польна — "Зима в сердце"

— Маргарита, очнись! — Марк проснулся от её вскрика — Приди в себя, ну же! — он привел её в чувства, хорошенько отхлестав по щекам.

— Ох, прости, ради Бога! — она виновато посмотрела на него и прижалась к его груди, — Прости, Марк, я разбудила тебя.

— Ну, всё, всё, — он обнял её, — Это был просто плохой сон. Смотри-ка, твой жар прошел, — улыбнулся он.

— Он был здесь, я чувствую. Жан был, знаю... — девушка продолжала всхлипывать на его плече, — Я не понимаю... Почему он так со мной, Марк? Почему? Что происходит? — Марк подумал, про себя, что лучше бы у Джона была весьма веская причина такого поведения, иначе он закопал бы его просто на месте, и Маргарита не простила бы его.

— Ну, хватит, — встряхнул он девушку, — смотри, глаза какие красные наревела уже. Так не пойдет — иди умойся, ты нужна своим детям.

— Ты прав, — Маргарита поднялась и направилась в ванную комнату — И почему ты так носишься со мной, а? — улыбнулась она ему уже у самой двери.

— Что на завтрак приготовить? — спросил он, намеренно не отвечая на её вопрос.

— Посмотри, в холодильнике что-то должно быть, — крикнула она уже из-за двери, — Выбери на свой вкус. Мне не принципиально.

— Хорошо, понял, — только сейчас он нащупал в кармане записку — на ней были только дата, время и название бара, парень сел на кровать, подперев голову — он узнал почерк Джона, и что ему теперь делать с этим знанием? Почему он? Первым порывом было порвать записку на мелкие кусочки, но, он удержался.

— Спасибо! — донеслось из ванной комнаты.

Тристана сдержала свое слово, за что Джон был ей очень признателен. Мало того, она помогла ему устроить спокойствие его близких.

Высокий поджарый седовласый мужчина стоял у окна, глядя на больничный сад, когда точно спиной почувствовав взгляд, заставивший его обернуться. У двери его кабинета стоял смуглый черноволосый молодой человек в темных очках, которого профессор Клейтон узнал, но все не мог поверить своим глазам, приняв Джона за собственный призрак.

Протерев глаза морщинистыми руками, доктор тяжело опустился в кресло, доставая из ящика свои сердечные капсулы. Человеку не дано выжить после такого — всем известно, что мужчина этот погиб при крушении самолета — стало быть, кто же стоит напротив него теперь? Ему ещё не встречались духи с того света, но чем же тогда объяснить то, что он видит сейчас прямо перед собой. Джон же продолжал молчать, не прерывая ход его мыслей и позволяя себя рассматривать.

— Вы оставите эту семью в покое, — произнес наконец призрак, подойдя и склонившись к сидящему за столом старику, — Вы забудете обо всем и уничтожите все записи.

Пока мужчина вытирал вспотевший лоб, добровольно подчиняясь его воле, фантом нескладно развернувшись, покинул комнату... отперев входную дверь и после прикрыв её за собой, оставляя ученого мужа в задумчивости размышлять над своими воспаленными галлюцинациями. Следующим днем профессор уехал поправлять здоровье на юг Италии, потом — и вовсе подает в отставку ко всеобщему удивлению и недоумению. Долго ещё не утихнут разговоры вокруг этого события.

Пред назначенной им встрече с Марком, Джон совершил подобный визит в несколько журналистских контор — и на следующий день, как по волшебству, из архивов исчезли все спорные материалы.

Марк не подвел и появился в назначенное время, за встречей, сидя за столиком в дальнем углу зала, наблюдала чернокожая молодая женщина в темном плаще и контрастно выделявшимися яркими белоснежными прядями.

— Так ты жив?! — Марк залепил ему такую сильную пощечину, что темные очки чуть не слетели с лица Джона, — Подонок! Я предупреждал тебя! Ты потерял своё право быть рядом с ней! Она не знает, что и думать, места себе не находит, а ты вот так просто исчезаешь! Она тебя так беззаветно любит, а ты даже не удосужился сообщить о том, что ты живой! Ей сейчас очень тяжело, а тебя нет рядом, чтобы поддержать.

— А мне, думаешь, легко?! Сядь! — Джон поднялся и схватил парня за руку, толкнув на диван, и как-то странно и неуклюже сел обратно на своё место, — На нас люди смотрят.

— А мне плевать! Ты зачем позвал меня? — пытаюсь сдерживать бушевавшее негодование, юноша присел напротив за столик, — Почему ты не давал о себе знать? — он старался угадать мысли собеседника в глазах, скрытых темными очками.

— У меня мало времени, — привычным, почти механическим, движением мужчина закурил, — Обещай мне позаботиться о них, обещай защитить её.

— Мог об этом и не просить — я буду защищать её даже ценой своей жизни, — резко бросил Марк.

— Ты мне головой за неё отвечаешь, ясно?! — Джон схватил его за рукав, — Только тебе я могу доверить самое дорогое. Ты извини меня, я знаю, что она важна для тебя... Мне некого больше просить — ну, не Ондзи же, в самом деле...

— Ясно, — Марк не мог не заметить, что Джон не похож на себя, что он держится и ведет себя очень странно, — Да что с тобой такое? — он взял его стакан с виски и поднял над столом, Джон ощупал стол рядом с тобой:

— Поставь стакан. Ты же не пьешь, — но, голова его даже не повернулась в сторону юноши.

— Ты?... — чтобы окончательно удостовериться, парень поставил стакан и провел рукой перед его лицом — Джон не отреагировал.

— Я не вижу, но, чувствую, — Джон отхлебнул виски из своего стакана.

— Так ты поэтому не возвращаешься? — Марк принялся изучать меню, — Ты просто идиот, если думаешь, что она не примет тебя таким! — резко отложив буклет, он осуждающе посмотрел на Джона.

— Да кто ты, чтобы судить меня?! Думаешь, ты самый умный? Считаешь, мне легко далось это решение? Уже слишком поздно. Всё гораздо сложнее, — его руки сжались в кулаки, — Я услышал от тебя то, что надеялся услышать. Я почти что мертвец, понимаешь? Я уже ни чего не могу им предложить, но, у них остаёшься ты — ты сумеешь... Теперь оставь меня, пожалуйста — я хочу выпить за упокой своей души. И только попробуй кому-нибудь рассказать о нашей встрече.

— А как же ты? — юноша посмотрел на него с некоторой долей сочувствия, — Где ты остановился?

— Не важно. Я вызову такси, — отмахнулся мужчина.

— Такси, блин, он вызовет... Как скажешь, — Марк поднялся со своего места и подошел к нему — Что бы ни случилось, ты можешь рассказать ей всё. Она имеет право знать всё, что с тобой происходит. Какой ты, всё-таки, эгоист... — произнес он ему в самое ухо, — Ну, почему ты всё держишь в себе?

— Я не могу! Понимаешь, не могу! — тот с силой стукнул стаканом об стол, — За свои поступки я должен отвечать сам. Я не сказал вам всей правды о себе. Я предал собственные принципы. Пусть она лучше ненавидит, так она скорее забудет меня. Ради их же блага — пусть они все ненавидят меня, тогда мне будет не так больно, — он сделал знак бармену, — Ещё виски! Я сегодня собираюсь напиться — это всё, что мне осталось, — Джон опустил голову на стол и закрыл уши руками, чтобы не слышать громкую музыку и голоса людей — ему так хотелось прямо сейчас оказаться рядом с семьей, но, он мог лишь позволить себе оберегать их только на расстоянии.

— А теперь ты послушай меня! — Марк развернул его лицом к себе, — Где тот Джон, которого я знал?! Который не сдавался ни при каких обстоятельствах?

— Сейчас я бессилен, и я ненавижу это состояние бессилия, — Джон залпом опустошил второй стакан с виски, — Не хочешь пить со мной — уходи.

— Мне, вообще-то, всё равно. Если ты не вернешься, то не смей появляться ей на глаза, не травми душу, — криво ухмыльнулся юноша, обходя столик.

— Тебе же не всё равно, — Джон остановил его за руку.

— Да, чёрт возьми, мне не всё равно! — в конце концов не выдержал Марк, — Вы поверили в меня, когда все от меня отказались, и я не могу спокойно смотреть, как вы оба заживо хороните себя! Я могу что-нибудь сделать?

— Защити их, даже, если вынужден будешь защищать от меня...

— А, может быть, не так уже и сильно ты любишь, если не в состоянии бороться... — бросил юноша, выходя из бара, — Я бы стены грыз, но боролся... Знаешь, что твой сын считает меня своим отцом — ты же не об этом мечтал, я надеюсь? Ты несешь ответственность за свою семью — не я. Больше я ничем не могу тебе помочь, ты сделал свой выбор. Ты ведь и моего сына не видел, а я хотел просить тебя быть его крестным отцом.

— Прости, Марк, прости, — мужчина успел задержать уходящего парня за руку, — Ты сделал уже достаточно, и я благодарен тебе за это.

Марк вздохнул и ничего не ответил.

Оставшись один, Джон допил свой виски, дал знак Тристане, и она проводила его к

такси.

Если говоришь человеку "Я люблю тебя", то будь добр, люби пока не сдохнешь или закрой свой рот навсегда.

Умрет в крови начало дня,
И больше нет меня, здесь больше нет меня...
За все расчет — немой покой,
Песком сквозь пальцы протечет, что было мной...
Моя судьба лежит в пыли -
Вкусил любовь и умираю от любви...
Так вот зачем летел вослед,
Мне черный полдень напророчил мой рассвет...
Мою слезу останови,
Дыханье адского огня,
Я стал избранником любви,
Но гибель выбрала меня...
Моя судьба, мой нежный взгляд,
Не удержал тебя в горсти,
Прости, прости меня, прости...
Колокола поют, звеня,
И больше нет меня, здесь больше нет меня!
Уже легли в мою ладонь
Прохлада траура и гаснущий огонь,
Вот-вот допьет меня до дна
Моя судьба, моё прозрение и вина...
Моя судьба лежит в пыли -
Вкусил любовь и умираю от любви...
К её объятиям, увы, однажды мне не прорасти...
Прости, прости меня, прости...
Мюзикл "Дон Жуан"

"Я — бог разрушения. И все, чего бы я не коснулся, ждет погибель. Я уничтожаю мир за миром, вселенную за вселенной. Меня ненавидят. Меня проклинают. Таков мой удел. Я всегда один, ведь иначе и быть не может. Я привык к этому. Но почему я чувствую такую пустоту в сердце? Будто мне вырвали кусок, и я потерял что-то очень важное?..."

Sion R. Darkness & Kimirra "Once upon a Time"

Мужчина метался по комнате как раненый зверь, своими руками круша всё вокруг. Голова болела и кружилась, но он с упорством обезумевшего продолжал тратить последние силы на то, чтобы сорвать свою злость на дорогой мебели. Черт возьми, но прав Марк, прав! Господи, а ведь когда-то он голыми руками готов был безжалостно разорвать любого, кто вздумал бы отобрать у него страсть и любовь, его жизнь. Он хорошо помнил до сих пор ту черноту, что поднималась внутри, когда чуть не зарубил Марка в приступе ярости и боли. На счастье стражников, притихших за дверью — неизвестно, чего еще можно ожидать от господина в таком состоянии, сейчас он довольствовался деревянным мебельным гарнитуром. Как же он дошел до такого, что сам отказался от своей женщины и своих детей? И как только языка не лишился, когда говорил ей, что отпускает... Как отпустить, когда с ума сходит, если представит, что кто-то другой дотронется до его женщины? Он однажды

отпустил уже рыжую, но ситуация тогда была иная: она призналась ему, что любит его не той любовью, коей жене должно возлюбить мужа. Только Маргарита не отказывалась от него. Марк сказал, что его сын принимает парня за своего отца — что страшнее может услышать мужчина?

Но что он может дать теперь своей женщине, своим детям, своей семье? Так права ли Лаурита, говоря о его проклятии приносить несчастья тем, кого любит, и разрушать все, к чему прикоснется? Не лучше ли ему оставаться в одиночестве, чтобы его разрушительная аура не задела тех, кто ему дорог?

От волнения Джон не рассчитал шаг и зацепился за ножку им же разбитого стула, и лишь своевременная поддержка Тристаны спасла его от падения.

— Лучше вам успокоиться, Ваша Милость, пока серьезно не покалечились, — мужчина стиснул зубы от досады и злости на самого себя, и что было силы зажмурился, — На вас страшно смотреть. Стоит хотя бы сделать вид, что смирились, пока не придумаете, как быть дальше, если вам дороги близкие и вы хотите снова когда-нибудь к ним вернуться. Говорят, вы недурственно поете, Ваша Милость, спойте лучше для меня. Может, и вам полегчает.

Но что может покалечить его сильнее, чем уже есть? Думал, что может стерпеть, но только лишь обманывал сам себя. Мертвому всё равно? Нет, пока он способен дышать, ему не будет всё равно, и бесконечно долго будет он умирать в агонии несчетное количество раз.

— Что же... — Джон благосклонно согласился, опираясь на её крепкую руку, — Мой голос пока ещё при мне, а в тебе я найду благодарного слушателя.

Он тяжело опустился в кресло — частое дыхание все время сбивалось, дрожали его пальцы и его ресницы.

— Ну, вот, разбили руки в кровь, Ваша Милость, — женщина осмотрела его сбитые ладони, они саднили и кровоточили, — Надо обработать и перевязать.

— Благодарю, — примирительно улыбнулся мужчина, — Чем больше узнаю я женщин, тем больше восхищаюсь, насколько им присуща врожденная мудрость. И не случайно именно в Индии придумали афоризм: женщины учены от природы, мужчины — от книг.

— Если вы считаете мои речи мудрыми, то прислушайтесь к моим словам и возьмите себя в руки, а сейчас позвольте услышать ваш знаменитый голос, — оставив на время мужчину, джинния приоткрыла дверь, резко обратившись к стражникам, — Уберите здесь всё, пока.

— Я не забуду твоей доброты, — тихо произнес Джон.

— А я — вашей, — так же тихо ответила она, и если бы мужчина мог видеть, то заметил бы, как заалели ее щеки и она опустила глаза.

Сейчас она неуловимо напомнила ему госпожу Ратри, что смогла образумить его и направить, когда стоял на краю гибельной бездны. И стало немного легче на душе и на сердце.

И тут мужчина начал осознавать откуда берут свое начало сыновьи претензии к нему и прекрасно понимал их, и нарастало презрение к самому себе. Сын в праве был не прощать и не принимать отца, отказавшегося от него и от его матери. И как же, Господи, хотелось иметь возможность объяснить. Нет, не оправдаться, но рассказать, что двигало им в момент принятия тяжелого решения, и чего ему это стоило, и как он нечеловечески устал...

Тем временем Маргарита всю эту ночь не отходила от постели болеющего сына. Вот уже несколько дней мальчика мучила жестокая лихорадка, причины которой врачи не могли определить. И только она, его мать, догадывалась, что это в её мальчике пробуждается сила,

унаследованная от родителей и великих предков и... ни чем не могла сейчас помочь своему сыну, кроме как немного облегчить страдания, взяв часть жара на себя. Еще немного и молодая женщина уже не могла бы дольше слушать истерический плач своего ребенка. В последующем такие приступы будут продолжаться до его совершеннолетия ровно раз в году, на день его рождения.

Когда под утро опасность миновала, чтобы отвлечь Маргариту, Мей вместе со своим соотечественником и покровителем Ондзи презентовала подруге пригласительный на концерт одной из любимых исполнительниц — Лары Фабиан и пообещала в её отсутствие присмотреть и за маленьким Анри. Маргарита и в самом деле выглядела настолько уставшей и измотанной, и сама понимала, что ей необходим хоть ничтожно малый отдых, как один музыкальный вечер.

И лишь после того, как такси, увозившее Маргариту, отъехало от ворот, находившийся с визитом Дуглас Айронс решил начать нелегкий разговор. Марк заменил ему погибшего сына, и мужчина искренне переживал за судьбу своего воспитанника, а в свете последних событий его будущее вызывало опасения.

— Мне очень жаль, Марк, — взволнованно проговорил мужчина, — С твоим именем связывают странные события, происходящие в последнее время. Многие спешат отказаться от твоих услуг. Одни боятся тебя, других волнует твой моральный облик. Ходят слухи, что ты открыто живешь с двумя женщинами, а сын Маргариты... он не от законного супруга... и ты являешься отцом маленького Анри. И эти слухи множатся.

Лицо Марка совершенно побелело от плохо сдерживаемой ярости, и он подскочил со своего места:

— И как только языки их не отсохнут. Если они думают, что я тут буду подыхать с голоду, ну так я не доставлю им такого удовольствия. Я найду способ заработать и обеспечить свою семью, я не боюсь трудностей и не отступаю перед ними, — молодой человек с надеждой посмотрел на благодетеля, — Мистер Айронс, хоть вы-то не верите во всю эту чушь?

— Я знаю тебя. Знаю, какой ты человек, — грустно покачал головой мужчина, — Но я не могу заткнуть им всем рты.

— Моя совесть чиста, и я не обязан ни перед кем отчитываться, — юноша вернулся на свое место, — Если моя жена верит мне, то я могу спать спокойно. А что до всех этих грязных сплетен... Я не боюсь трудностей и сделаю все, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась. Я столь многим обязан этим людям, что скорее не простил бы самого себя, если бы оставил сейчас Маргариту и своего крестника в такой тяжелый для всех нас момент. И Мей первая презирала бы меня в таком случае.

— Глупый гордый мальчишка! — в сердцах воскликнул Дуглас, в бессилии хватаясь за голову, — Но чем же помочь тебе, Марек?

Молчавший до это азиат вступил в разговор, разрядив обстановку:

— Позволю себе заметить, что в отделе службы безопасности в корпорации нехватка людей, а молодой человек сведущ в информационных технологиях и прекрасно владеет приемами самообороны, — Ондзи повернулся к нервно молчавшей Мей, — Верно ли я говорю, госпожа Сакурада?

— Совершенно верно, Танака-сан, — маленькая японка согласно кивнула, с облегчением добавив, — Я буду рада предоставить Маркешу место. А дальше он сам добьется того, чего на самом деле достоин.

— Вот если бы ты не добавила этого, я бы ни за что не принял твоего предложения, — Марк с нежностью приобнял супругу, — Мне невыносима сама мысль быть зависимым от женщины.

— Не с тобой ли мы теперь одно целое? — заметила Мей, — Всё, что касается одного из нас, касается нас обоих.

С женой Марку удалось сохранить отношения, но потрясение ожидало его, когда вернувшаяся Маргарита в благодарность захотела хоть чем-то быть полезной и устроила большую стирку. Складывая в корзину с бельем ту самую рубашку Марка, в которой он ходил на встречу с Джоном — парень легкомысленно забыл выкинуть записку, находившуюся в нагрудном кармане, и она выпала на пол прямо под ноги молодой женщины.

Я прошу, расскажите ему, что печати печали на мне,
Что прощаю его и люблю, пусть вернется к законной жене...

Я прошу, расскажите ему, как мой голос от горя дрожит,
Я прошу сказать...

Что обида не губит любви, что жена его помнит и ждет,
Пусть исполнит обеты свои, пожалеет меня и придет...

Я прошу, расскажите ему, что печати печали на мне,
Что прощаю его и люблю, пусть вернется к законной жене...

Мюзикл "Дон Жуан"

Маргарита наклонилась поднять бумагу, медленно разворачивая её... и обомлела. Эту руку она узнала без труда: этим почерком он записывал свои песни и подписывал свои эскизы, этим же почерком он писал указ об обороне Небесного града и ставил роспись на брачном свидетельстве в мэрии — но не могла понять, что это означает. Корзина с бельем выпала из дрожащих рук молодой женщины, а сама она медленно осела просто на пол.

Зашедших на шум домочадцев Маргарита встретила взглядом, полным растерянности и недоумения:

— Марк, что это? — она сидела, беспомощно хлопая глазами, не в силах самостоятельно подняться, даже просто пошевелиться.

— Прости, Марго, прости... Да, черт побери, я видел его, — не сдержавшись, злс сплюнул парень, помогая Маргарите подняться, — и он плох, очень плох, в гроб и то краше кладут. Он не пожелал распространяться о том, что с ним произошло, но взял с меня слово оберегать тебя и детей любой ценой.

Я буду ждать тебя всегда, любимый мой,
Я буду помнить, верить, жить и не сдаваться,
Когда тебя не ждут, и дождь стоит стеной,
Я знаю — нет причины возвращаться.
Я буду думать день и ночь о том, что ты,
Как свет свечи, горишь один, под небом синим.
Когда не ждут — мой луч зовёт из темноты,
Прости, я буду ждать тебя, любимый.

И сердце моё, и слёзы мои
Мой парус в ночи ветрами гонимый.

Я верю в любовь и в силу любви,
Когда не ждут — я буду ждать, любимый.

Группа "Краски" — "Я буду ждать"

Высказавшись, Марк почувствовал невероятное облегчение, свободнее стало дышать, и плечи сами собой расправились.

Маргарита, до этого закрывавшая мокрое от слез лицо собственными ладонями, воспрянув духом, протерла глаза кулачками:

— Я прощаю тебя. А ведь я чувствовала, чувствовала это! — уверенности и решительности миниатюрной девушки можно было только позавидовать, — Главное, что Жан жив. Ему, должно быть, так больно и так одиноко. Теперь я точно знаю, что обязательно найду его, и даже знаю, кто сможет подсказать мне, где искать.

— Конечно, дочка, — мать обняла её, с трудом веря, что такое возможно, но с другой стороны, Джон никогда не был обычным человеком, а стало быть, мог и выжить, — конечно, — Марк не мог солгать в таких вещах, если он утверждает, что видел зятя, то значит, так оно и было.

Только, не будет ли опасным искать его, когда он сам запретил это?

— Но не ты ли говорил сейчас, Марк, что он выглядел так, что ему необходима помощь? — к Маргарите вернулась вновь надежда, вернулись силы, — Разве могу я это игнорировать? И я знаю, кто сможет мне помочь, — у неё появилась цель, и она достигнет её непременно.

Маргарита настояла на своем, и уже вечером ею были забронированы билеты до Джайпура. А на следующий день, вместе с детьми она вылетела навстречу своей судьбе — и никто не посмел бы её остановить.

Вызвавшемуся было сопровождать молодую женщину Марку она решительно отказала, напомнив, что сейчас он нужнее собственной семье. Кроме того, юноша и так сделал очень много для неё и для Джона, рискуя собственной репутацией. Отказано было и азиатцу. Вообще, Маргарита рассудила, что её миссия по спасению любимого мужа и отца её детей настолько деликатного свойства, что любое вмешательство было бы излишним.

И первыми, кого они посетили, были свекровь и Рафаэль с Ямуной, которые несказанно рады были видеть Маргариту и детей в здравии и благополучии. Выделив сутки, чтобы воспользоваться их гостеприимством, дальше путь Маргариты лежал в Небесный Град под защиту и покровительство мудрости Леди-Регента и Лорда-Протектора.

Высокая Обитель радушно приветствовала свою маленькую госпожу и наследников Дхармараджи.

Рыжеволосая Богиня с материнской теплотой обняла Маргариту, приветливо улыбнувшись. Лорд-Протектор Самаэль приветствовал её почтительным поклоном. Вот только маленькому Анри это внимание со стороны мужчины к его матери совсем не понравилось, и в его глазах загорелось совсем не детское пламя ревности. Недоволен малыш был и присутствием старшего брата, кривя личико в гримасе боли и заходясь истерическими рыданиями, привлекая к себе внимание матери. Ему претило, что его мать с любовью обнимает юного княжича Алишера, когда эта самая любовь должна была принадлежать ему одному, сестры не в счет — они всего лишь несмышленные девчонки. И кстати, об этих самых чудесных малышах — они с неподдельным восхищением смотрели на старшего брата, из мальчика превратившегося в привлекательного молодого человека. Подумать только, как стремительно бежит время, и вместо того мальчика, что когда-то вбежал в парадный зал с покрасневшим личиком и спутанными вихрами, перед Маргаритой стоял почти четырнадцатилетний юноша. Уделив внимание братику, Диана и Картин принялись наворачивать круги вокруг рыжеволосых близнецов госпожи Ратри, что-то весело щебеча и

хватая их за руки своими маленькими детскими пальчиками.

Отоспавшись с дороги после утомительного пути, Маргарита вместе с детьми спустилась к обеду. Девочки-близнецы в милых платьицах нежно-мятных оттенков, что так удачно подчеркивали красоту их оливковой кожи, шоколадного цвета волос и больших карих глаз, не столь давно научившиеся более-менее уверенно переставлять свои маленькие ножки, всюду следовали за матерью, не отпуская её юбки, и едва не путаясь под ногами в своих веселых играх, не забывая бросать заинтересованные взгляды в сторону таких же одинаковых, как они, рыжеволосых мальчиков. В отличии от сестер, Анри вел себя крайне беспокойно даже на руках у Маргариты, то и дело недовольно хмурясь и капризничая.

— И давно он так делает, маленький хулиган? — Лорд-Протектор Небесного Града Самаэль долго пристально наблюдал за мальчиком, прежде чем решился спросить о причинах его столь странного поведения, даже по меркам магического мира.

— Делает что? И зачем? — непонимающе переспросила Маргарита.

— Давно у него глаза так горят? — после того, как он сказал это, и рыжеволосая Кали, и сама молодая женщина присмотрелись к мальчику: его глаза и в самом деле странным образом сияли.

И явлению этому не нашлось пока объяснения кроме того, что таким образом ребенок пытался внушить страх и отвадить от матери мужчин, проявлявших, по его разумению, излишний к ней интерес. Это и умиляло, безусловно, но более — пугало.

И только после того, когда детей удалось уложить спать, Маргарита попросила проводить её в библиотеку.

Вместилище всех знаний Небесного Града внушало трепет и восхищение не только своими впечатляющими размерами, но более — потрясающим воображение объемом тех знаний, накопленных многими поколениями мудрецов, живших задолго до неё — со времен первых поселенцев, ровесников основания самой Высокой Обители. Молодая женщина восторженно озиралась по сторонам, конца-края не видя этим бесконечным рядам и полкам, ощущая себя своей любимой сказочной принцессой, француженкой по национальности — Белль, в библиотеке заколдованного сказочного замка принца, обращенного чудовищем за свою гордыню и спесь.

Видимо, рыжеволосой Леди-Регенту и Лорду-Протектору Самаэлю не следовало бы оставлять Маргариту одну среди всего этого нагромождения древней литературы и манускриптов, но они и сами увлеклись изучением книг. Но тех нескольких минут хватило, чтобы обернувшись на громкий звук упавшего тяжелого тома, эхом зазвеневшего под высокими сводами, девушки они уже не увидели — лишь слабо шелестевшие пожелтевшие страницы, а из детской тотчас раздался громкий плач, который слышно было далеко по коридору.

То ли потому, что книга оказалась открытой на странице о битве при Босворте, которая изменила историю средневековой Англии, в которой войсками Генриха Тюдора был разбит король Ричард III, сменилась правящая династия, а долгий конфликт Ланкастеров и Йорков был, наконец завершен... 22 августа, когда произошло судьбоносное сражение — дата наиболее близкая к дате рождения самой Маргариты (19 августа), и её страстное желание быть рядом с достойным мужем было своеобразно истолковано Мирозданием и исполнено, пусть и не совсем так, как она того хотела бы...

Ричард III был достаточно умелым полководцем и, не без оснований, считался первым рыцарем Англии. К его прискорбию, в военном деле благородный рыцарь разбирался

значительно лучше, чем в политике, и даже имея на поле боя над Генрихом Тюдором неоспоримое преимущество, судьба его была более, чем трагичной. Неприятие его английской элитой и предательство в решающий момент в рядах собственного войска навсегда изменили ход истории и его место в ней.

Даже выиграв он ту злополучную битву, победа Ричарда никогда не была бы окончательной. Она положила бы начало новой разрушительной гражданской войне. А ее итогом, совершенно точно, были бы хаос, разруха, запустение и полное опустошение всех ресурсов истощенного государства. И здесь неважно, кто стал бы правителем. Чисто теоретически: брак дяди и племянницы плох с точки зрения генетики. Это значит, что дети Ричарда от Елизаветы Йоркской были бы слабыми и болезненными детьми, что было бы просто недопустимо и губительно для династии. Ну, а если бы противники короля возвели бы на трон Елизавету, как полноценную королеву, то встал бы вопрос о том, кто станет ее мужем. И ставки в этой игре были бы очень высоки. Впрочем, тут бессмысленно гадать.

Но невероятным образом Маргарите выпал шанс, если не изменить ход истории, то стать её свидетелем, и даже внести свой вклад в формирование характеров известных исторических персон.

Первое, что ощутила молодая женщина, был сильный удар спиной об острые камни и колючие ветки, и ещё, пожалуй, сильная духота, невообразимая жара, не позволявшая полноценно дышать, сам воздух казался раскаленным. С трудом пошевелив затекшими конечностями, Маргарита поднялась, прихрамывая обходя вокруг места своего падения. До её слуха донеслись тихие стоны по другую сторону кустарника. Ползком пробравшись сквозь густые заросли, перед взором потрясенной девушки предстала настолько жуткая картина, что еле сдержала позыв на рвоту. Мертвые тела купца в некогда богатых расшитых одеждах и его сопровождающих уже начали источать зловоние, вызывавшее першение в горле и в носу.

— Нет, нет и нет! — упав на колени, Маргарита принялась отчаянно колотить кулаками по земле, от смрада и паники защипало в глазах, — Только не это. Ну, скажите, скажите же, что это всего лишь шутка... Эй, здесь есть кто живой?

Пора бы ей уже запомнить, что опасно вот так вот обращаться с мало знакомой литературой, но вот ведь попалась на те же самые грабли снова. А ведь сейчас ей совершенно некогда отвлекаться, когда у неё есть цель вернуть любимого мужчину и отца своим детям.

— Тише-тише, они могут вернуться, — из кустов выполз рыжеволосый парнишка с веснучатым лицом и воспаленными глазами цвета умытой дождем зелени и зашикал на девушку.

— Да-да, — закивала Маргарита, немного приободрившись, осторожно подползая ближе, — только успокойся. Давай мы вместе успокоимся, хорошо? Как зовут тебя, парень? Что тут произошло?

— Разбойники, на нас напали разбойники, — объяснил мальчик запинаясь, — их много в здешних лесах.

Маргарита провела ладонью по его рыжим волосам:

— Сожалею...

— Отца уже не вернуть, но мои мать и сестра... — мальчик перехватил её руку и потянул за собой, — Прошу, помоги нам добраться до города.

— Конечно, постараюсь помочь, чем смогу. Где они? — шепотом ответила молодая женщина и приготовилась уже следовать за ним, когда появился второй ребенок, бледная

маленькая девочка в мокрой грязной сорочке, также рыжеволосая, протянув к ней свою тонкую руку, пытаясь что-то сказать, но лишь беззвучно шевеля губами.

— Анна! Я же сказал тебе не отходить от мамы, — глядя на младшую сестренку, весь покраснел и кинулся оправлять на ней одежду, — Что ты хочешь сказать мне?

— Сколько лет твоей сестре? Она не говорит? — запричитала Маргарита, осматривая сбитые колени и израненные ладони, извлекая листья и мелкие веточки из её волос, — Господи-Боже, её одежда вся мокрая...

— О, Анна, снова... — мальчишка снова смутился, втянув голову в плечи, — Прошу прощения, миледи, мне так неловко...

— Ребенка нужно срочно переодеть, — вынесла свой вердикт Маргарита, встряхнув паренька за плечи, — Ведите меня к вашей матери.

На траве под деревом лежала тяжело раненная мать рыжеволосых детей:

— Мама, мама, я привел помощь, — женщина хрипло и слабо дышала, когда мальчик схватил её бледную ладонь, — Мама, посмотри на меня. Мама! Мама...

— Благослови Господь вас, миледи! — сын помог ей приподняться, но напрячь зрение, чтобы разглядеть Маргариту, ей пришлось самостоятельно, с интересом рассматривая молодую женщину, — У вас такой необычный вид... С такой стрижкой вы сошли бы за юношу. Мой сын поделится с вами тем, что уцелело из его одежды. Так безопаснее будет путешествовать.

— Но, а как же вы? — переспросила Маргарита, замотав головой, внутренне сжавшись в предчувствии катастрофы, — Разве вы не?...

— Увы, миледи, я слишком слаба, — женщине тяжело было говорить, голос её был еле слышен, в глазах была мольба, — мне не выжить... У вас есть дети, миледи? Ради всего святого, прошу вас, спасите моих детей. О, мой Роберт... он же торговец, а не воин... Я просила его усилить охрану, и он заверил меня, что после этой поездки сделает это... хвала Господу, дети успели спастись.

— Я обещаю, — твердо ответила Маргарита, конечно она не могла оставить переживших трагедию детей одних в лесу.

— Томас, Анна, — в эту минуту голос женщины прорезался с силой, не характерной для умирающего человека, — помогите миледи переодеться и слушайте её. Ей нужно будет оружие, дай ей один из своих кинжалов, Том.

— Но, мама... — в отличии от сестренки, потерявшейся в реальности, Томас догадывался, что сейчас произойдет, размазывая по лицу грязные слезы.

— Томас, делайте, как я велю, если хотите жить, — как всякая заслуживающая уважения мать, остатки своих жизненных сил женщина отдала на последние наставления своим детям, — Уходите же, я не хочу, чтобы Анна видела, как я буду умирать. Хватит с неё потрясений.

Когда мать испустила дух, парень угрюмо повел их к ближайшему поселению, не представляя, какую роль предстоит им сыграть в истории Босворта и в истории всей Британии.

На второй день пути вдали послышался топот конских копыт, и прежде чем молодая женщина, переодевшаяся теперь в мужское дорожное облачение, и Томас смогли остановить девочку, Анна побежала навстречу конному отряду.

Маргарита кинулась наперерез лошади, и схватив девочку, вместе с ребенком прокатилась по грязи и мокрому песку:

— Боже, бедная малышка! — выкашляв забившийся песок и отрусившись, она крепче прижала к себе перепуганную малышку, осуждающе глядя на возвышающихся над ними всадников, помятуя о том, как тяжело девочка перенесла прошлое потрясение, онемев от страха и до настоящего времени так вновь и не заговорив, — она же напугана едва ли не до смерти.

— Да, как смеешь ты, оборванец! — один из верховых замахнулся хлыстом, приготовившись с силой опустить его на спину молодой женщины, — Ты хоть представляешь, с кем разговариваешь, грязное отродье! Перед тобой король! Король Ричард из династии Йорков, последний представитель мужской линии Плантагенетов.

Руку воина остановил темноволосый мужчина в начищенных доспехах с гербовыми изображениями, ехавший рядом:

— Спокойно, не горячитесь, — голос мужчины был приятным и звучал успокаивающе, — Это всего лишь перепуганные и голодные дети. Лучше их накормить, обогреть и дать сухую и чистую одежду, а не пугать их ещё более — неужели не видите, что они все дрожат от страха и голода? — сердцебиение постепенно успокаивалось, и Маргарита больше нервно не дрожала. Ей уже доводилось встречаться с личностями исторического масштаба, но она всё равно продолжала жутко нервничать.

Взгляд его был слишком острым и пронзительным, а черты лица — слишком резкими, но в сочетании с молодостью только добавляли его образу глубины и мужского шарма. Если в свою эпоху Ричард был уже вполне зрелым и состоявшимся мужчиной, то для Маргариты он был ещё достаточно молодым, немногим старше её любимого супруга. Она увидела в нем не тот образ, который склоняют ученые мужи в исторических источниках, а утомленного властью и часто не понятого человека с громадной силой воли и чувством собственного достоинства.

— Простите мою дерзость, милорд, — перед Маргаритой и девочкой в мгновение ока возник Томас, — Простите моего брата. наших родителей и наших слуг жестоко убили, моя несчастная сестра повредилась рассудком и, видимо, уже больше не оправится, а мой брат, он, конечно же, сильнее духом, но и он ещё не оправился от удара, — паренек опустился перед всадниками на колени и склонил голову.

Мужчина на коне в дорогих доспехах благосклонно кивнул, давая знак малышке отодвинуться.

— Подойди, мальчик, не бойся меня. Тут вас не обидят. Как твое имя? — он протянул свою руку, предлагая Маргарите подойти ближе.

Маленькая Анна пряталась за спиной молодой женщины, сделавшей первый робкий шаг вперед:

— Мар... — следуя примеру Томаса, она тоже поклонилась, растерянно замявшись прежде чем назвать свое имя, — Марк, Ваше Величество.

Маргарита раньше и не задумывалась даже, что их имена настолько созвучны, и если уже она решила играть мужскую роль, то это имя и пришло ей на ум первым.

— Вы подверглись нападению разбойников? — мужчина смерил Маргариту теплым участливым взглядом, а в голосе его звучало беспокойство.

Девушка инстинктивно протерла лицо рукавом, находясь всё ещё под впечатлением, пытаясь подобрать слова для объяснений, продолжая нервно трястись от волнения.

Тот же самый стражник предупреждающе опустил свою руку на плечо мужчины:

— Откуда нам знать, что это — не ловушка? Что они сами не являются разбойничьими

ублюдками?

— Помолчите! — тот, кого называли сюзереном, с гневом оборвал речь своего подчиненного, — Вы и сами уже забываетесь, милорд!

— Да, Ваше Величество, — говоривший виновато замолчал, а девушка в страхе закусил губу, часто взволнованно моргая, — Прощу меня простить.

От этого человека зависела сейчас её жизнь и её судьба, но он не вызывал испуга. Его глаза выдавали благородство происхождения и благородство мысли, но были в них и усталость, и теплота.

— Эти дети поедут с нами, выделите им коней, — распорядился он властным тоном, не терпящим возражений, — Ты ведь никогда не ездил с самим королем, да, мальчик?

— Да, милорд, — когда мужчина обратился к ней, Маргарита заикаясь поклонилась, — Вы бесконечно добры и милостивы, милорд.

"Тоже мне "Игра престолов"!" — выругалась про себя Маргарита, но быть рядом с королем всё же лучше, чем погибать в лесу, как ни крути.

Маргарита лежала на жестком тюфяке в комнате, куда её вместе с детьми временно разместили.

Она лежала с закрытыми глазами и пыталась осмыслить происходящее: как же её угораздило попасть в такую переделку, а самое главное, как ей вернуться домой к детям? Она помогла сиротам и привела их в безопасное место, но всё ещё находится тут. На всё есть своя причина, в этом Маргарита была абсолютно и полностью уверена. Выходит, что её миссия всё ещё не завершена. В чем же тогда она заключается? Что нужно ей сделать в этой далекой варварской эпохе, чтобы иметь возможность возвратиться назад в свой мир, свое время? Так ничего путного и не надумав, молодая женщина просто отключилась от усталости и пережитого нервного напряжения, чтобы утром проснуться под странный звенящий шум, вызываемый лязгом скрецающегося оружия.

Маргарита проснулась, но не спешила открывать свои глаза. Все произошедшее казалось кошмарным сном. Вот сейчас она проснется, и все будет как обычно: из кухни доносятся ароматы кофе и круассанов, а рядом сопят носиками ее дети. Рядом действительно сопели, только это был совсем другой ребенок. Нет, это не было сном... Только что же ей теперь делать? А за рукав её уже дергала маленькая Анна, зовя идти за собой.

Во дворе упражнялись солдаты. Уточнив сегодняшнюю дату, Маргарита пришла в совершенный и полный ужас. И не нужно было быть знатоком всемирной истории, знающим наперечет все существенные даты, чтобы по лицам солдат и их рвению в тренировках, по уровню и скорости подготовки можно было без труда судить, что грядет нечто важное и глобальное для понимания этих людей.

Поковырявшись в похлебке без особого аппетита, в рефлекторном предчувствии озабоченно вглядывалась в эти лица — немногим из них суждено будет вернуться домой к своим близким. А сколько из них искренне верили в то, за что сражались?

— Завтра будет великая битва. Я отправлюсь сражаться вместе с Его Величеством, — задумавшись о своем, молодая женщина не сразу отреагировала на присутствие Томаса, восхищенно взиравшего на тренирующихся солдат.

— Том! Даже думать забудь! — изумленно округлила глаза Маргарита и почувствовала, что от волнения ей стало трудно дышать, — Я обещала твоей матери позаботиться о тебе, но скажи, как мне сделать это, если ты желаешь отправиться на битву? Пойти вместе с тобой?

Паренек твердо стоял на своем, и переубедить его она не могла. Маргарита уже хотела было порываться идти к самому королю Ричарду и просить его отговорить сумасшедшего мальчишку участвовать в военных действиях, да только кто бы пустил её к нему. То была эпоха мужчин, и женщинам дорого приходилось платить, отстаивая свои права.

Хоть с трудом понимая старые британские акценты, но Маргарита повсюду слышала обрывки разговоров о том, что войска соперника Ричарда уже высадились и сражения не миновать. Разглядев среди солдат такое большое количество молодых людей, ровесников или немного старше Томаса, многие из которых под руководством более опытных воинов учились владеть смертоносным оружием, они верили в то дело, которое считали правым — теперь понятно, что Томас также верил, а кроме того, он не хотел в их глазах выглядеть трусом. После Маргарита со страхом осознала, что и сама она, играя роль юноши, увязла в этом опасном водовороте. Собралась идти каяться Ричарду, но поняла, что слишком поздно — войска готовились выступить, а король созвал военный совет. В тот день он был занят до самого вечера, и шанса увидеть его так и не представилось. Спать девушка ложилась с тяжелым и тревожным чувством.

Утром её растолкал Томас и сонную, буквально насильно выволок на улицу, где уже собирались солдаты, перед которыми появился сам монарх:

— Подавай сигнал: оружие, к бою! — вся его поза верхом на коне выдавала напряжение, но голос его был тверд, а выражение лица — решительным, — Я с вами, я подвергаюсь той же опасности!

Разглядев в толпе знакомых мальчиков, он замедлил коня:

— Марк, Томас, ради вашей безопасности, держитесь ближе ко мне, — тихо произнес Ричард, — Я никогда не прятался от своей судьбы за спинами других. Если Тюдор захочет меня найти, я не буду скрываться, — он поднял голову и посмотрел небо, — Следующий рассвет дано будет увидеть лишь одному из нас...

— Не говорите так, — замотала головой Маргарита, — это пугает меня.

Ричард улыбнулся ободряюще и как-то устало:

— Держись поближе к более опытным и постарайся выжить, мой мальчик. Я бы и сам хотел защитить вас, но рядом со мной вам будет небезопасно.

Забудьте всё, что вы узнали о сражениях из исторических экранизаций. Никакой красоты, никакого героизма и рыцарства — только грязь, одержимость крови и жажда убийства. Нет никаких красивых заученных и отработанных выпадов и финтов — рубятся жестко, а лица искажены уродливыми оскалами. Вот такая она — правда любой войны без прикрас.

У Маргариты не было времени осознать правильность своих действий и степень риска. Она потеряла из виду Томаса. Следуя совету, она старалась держаться одного из натренированных солдат, прикрывая его спину, а он, в свою очередь, прикрывал её. На страх времени не было. Она не желала убивать, но приходилось таким образом отстаивать свое право на жизнь сейчас. Маргарите оставалось только молиться, чтобы наносимые ею повреждения не были смертельными, и хоть какая-то часть тех, кого она ранила, смогли потом выжить. В скользкой от крови земле вязли ноги, а от лязга мечей и звона стали о сталь закладывало уши.

— Измена! Лорд Стенли, предатель! — голос Ричарда, который она слышала сквозь шум битвы был полон горечи и отчаяния.

Коня под ним успели убить, и мужчина, стоя на земле, отбивался от нескольких

нападавших, совершенно обезумевших, опьяненных кровью и возможностью легкой наживы, с трудом отражая удары слабеющими руками. Бледность его лица говорила о кровопотере. Солдат, которого держалась Маргарита, был в числе тех, кто бросился на помощь своему сюзерену. И надо признать, очень вовремя — король стремительно терял силы:

— Спасайте вашего короля, — Маргарита резко взяла из слабых рук мужчины его шлем, его плащ и его меч, который, надо признать, она от усталости смогла поднять с большим трудом, мысленно возблагодарив супруга за уроки боевых искусств и владения оружием.

— А ты куда, сумасшедший мальчишка?! — Ричард предпринял попытку подняться, но тут же сморщился от боли, и застонав от бессилия, вернулся в горизонтальное положение.

И откуда только в ней взялись смелость и решительность? Этот человек проявил заботу и участие и к ней, и к несчастным сиротам — она не могла не отплатить за добро. Даже узнав, что это сам печально известный Ричард III, она на свой страх и риск изменила историю, решила вмешаться. Он совсем не вызывал отвращения, как о нем писали. Он был отважен, благороден и ещё достаточно молод, чтобы сердце сжималось от мысли, какой несправедливой и позорной будет его смерть. Этот мужчина заслуживает отойти в мир иной спокойно, в окружении подданных, а не быть растерзанным на поле боя обезумевшими солдатами. Маргарита видела, что его раны были тяжелыми, а уровень развития медицины этого времени не даст ему шанса выжить. Но, по крайней мере, он избежит надругательства над своим мертвым телом, а у неё появится шанс досрочно завершить эту битву, тем самым уменьшив человеческие потери и разрушение.

Воспользовавшись замешательством, Ричарда унесли с поля боя ещё живым, но их начали теснить, и дальше Маргарита уже не видела, что происходило.

Одному особо умелому молодому воину удалось отрезать Маргариту от её напарника, вынуждая всё дальше отступать. Но потом, видимо, удача изменила рыцарю, считавшему противника легкой добычей, за что он и поплатился. Стелющиеся по земле толстые сухие корни старого дерева Маргарита перепрыгнула с легкостью, но соперник её, экипированный тяжелее, споткнулся и не удержав равновесия упал на землю, давая девушке лучше разглядеть его русые с рыжеватым отливом волосы и болотного цвета глаза на мужественном лице. И тут точно удар молнии, вспомнила она, где видела это лицо: её противником был Генрих Тюдор. Могла ли она предположить, что судьбе угодно будет, чтобы они встретились таким вот образом?

— Не делайте резких движений, милорд, если вам дороги ваша честь и ваша жизнь, — Маргарита поднесла короткий кинжал к горлу мужчины, — Вы же не хотите, чтобы все узнали, что вас пленила женщина?

— Женщина?! — глаза противника удивленно округлились, с ещё большей тщательностью он принялся рассматривать того, кем оказался повержен, — В-вы... женщина? — презрительно нахмурился он.

Молодая женщина попыталась изобразить сочувственную улыбку:

— Сожалею, милорд, что вызвала ваше неудовольствие, но — это так, — заметив, что презрение в его взгляде сменилось заинтересованностью, и он с любопытством разглядывал её камзол, стараясь угадать очертания груди, Маргарита поспешила перейти к главному, — Как вы смотрите на проведение мирных переговоров?

— Очаровательно, горбун взял в услужение ведьму, — с раздражением бросил мужчина, и его привлекательное лицо исказилось гримасой отвращения, — Когда Ричард успел позабыть, что французы дали мне армию? У вас французский выговор... Я слышу акцент.

Возомнили себя второй Жанной? Вы знаете, что с ней стало? О, это весьма поучительная история, скажу я вам.

— Своими словами вы оскорбляете меня, милорд, — вполне заслуженно возмутилась Маргарита, — Не забывайте. В моей власти опустить клинок пониже и сделать вас бесполезным для английской истории, — разумеется, ничего подобного она не могла сделать из риска изменить историю.

— Когда вы сердитесь, вы просто само очарование. Любопытно, а бедняга Ричард догадывается, кто перед ним или продолжает видеть в вас юношу, — только теперь Маргарита ясно прочитала открытое мужское желание в его взгляде, не стоило ей затевать эту опасную игру, — А знаете, пожалуй, я пойду с вами, и при том, по собственной воле: уж больно любопытно будет взглянуть на этот балаган. А лучше приходите скрасить одиночество моего заточения, а я продемонстрирую вам, насколько хорошо усвоил науку, что мне преподали на вашей родине такие, как вы.

Перехватив инициативу, мужчина взял её за руку, от чего по телу Маргариты прошла волна дрожи.

— Меня не так легко одурачить жаркими взглядами и откровенными прикосновениями, как вам думается, милорд, — от того, сумеет ли она скрыть волнение и свой страх перед ним, зависело слишком многое, но молодая женщина сейчас сильно боялась, не имея права на проявление слабости ради успеха всего дела, крепче сжимая кинжал в своей руке.

— И вы не приходите к нему любовницей? — мужчина смерил её внимательно, изучающе, недоверчиво прищурившись, — Почему же? Почему в таком случае вы помогаете узурпатору?

— Как же скоры вы, милорд, судить всех по своему разумению, — Маргарита требовательно протянула руку, забирая оружие у своего пленника, — Я против любых конфликтов, в которых страдают люди. Я считаю, что всё можно решить мирным путем. Милорд Ричард серьезно ранен, и вы нужны Англии. Поднимайтесь!

— Думаете, из меня выйдет послушный заложник? — довольно интимно прошептал он, — Но я согласен быть только вашим заложником. Вы же не позволите им меня убить?

А мужчина, не отрывая взгляда, продолжал как-то странно смотреть на неё, словно загипнотизированный, не в силах противостоять своему влечению в этой женщине, то и дело одергивая руку, что всё норовила прикоснуться к ней и убедиться, что эта фантастическая женщина реальна, а не плод его разыгравшейся в пылу битвы фантазии. Кто научил её сражаться столь мастерски для хрупкой девицы и ради чего она готова так рисковать собой? Все эти мысли одолевали его, и когда она додумалась связать его руки бечевкой, он протянул их, словно это она была его пленницей, в то время, как её ладони вспотели под его насмешливым взглядом, пока Маргарита напряженно наблюдала за ним. Что делать с пленником она не знала, и как сохранить ему жизнь — тоже.

По возвращении в лагерь оставалось надеяться, что Ричард жив, и его удастся убедить в важности сохранить жизнь пленному.

— Разрешите высказать мою искреннюю признательность за спасение моего дяди. Он не такой тиран, каким его считают... — светловолосая молодая женщина с глазами цвета лесных болот, так напомнившие ей глаза Тюдора, остановила Маргариту на пути к королевскому шатру, склонившись перед Маргаритой в глубоком поклоне, — Теперь же весь лагерь только и говорит, что вы захватили Генриха Тюдора. Но что будет с ним теперь? Неужели теперь у всего народа Англии есть надежда, что с этой ужасной войной будет

покончено.

Взволнованно оглядевшись по сторонам и убедившись, что ближайшие солдаты заняты своим разговором, взяла Маргариту за руку и повела её в свой шатер, где сняла со своей шеи одну из подвесок и заставила принять её в дар.

— Благодарю, миледи, — смущенная Маргарита что силы заморгала, чтобы не разрыдаться сейчас, — Можете не бояться меня. Я хочу открыться вам первой, так мне будет легче решиться на дальнейшие откровения. Я не мужчина, моё имя Маргарет, и я такая же женщина, как и вы, миледи.

С этими словами Маргарита расстегнула три верхние пуговицы своего сюртука, открывая виду стянутую полосками ткани женскую грудь. Невмоготу ей было больше притворяться, она чувствовала острую необходимость сознаться, а раскрыться женщине было намного легче. К тому же — стянутая грудь болела всё сильнее.

Назвавшаяся Елизаветой, молодая женщина не сдержала удивленного возгласа и восхищенной улыбки. С облегчением улыбнувшись сквозь слезы, молодые женщины крепко обнялись, после чего Маргарите было предоставлено умыться и обтереть тело, смывая пот, грязь и пыль, и выбрать из дамских нарядов леди Елизаветы то, что придется ей в пору.

Маргарита глядя на её золотистые локоны и большие ярко-зеленые глаза, ощущала себя просто-таки серой мышкой, по доброму завидуя такой колоритной красоте девушки. Однако, не стоит забывать и о том, что в любые времена красота несла вместе с собой и множество жизненных испытаний для своей обладательницы. Сама же Маргарита никогда не считала себя исключительной красавицей: невысокого роста, склонная к полноте, с излишне кукольным лицом, на котором выделялись слишком большие глаза и слишком пухлые губы... Она никогда не была такой стройной и высокой, как Эллен или Жюстин, не имела роскошных золотистых волос и небесно-голубых глаз, как Даниэлла, которым она временами даже немного завидовала, особенно в детстве, прося мать накрутить её непослушные густые волосы в такие же пышные локоны, как и у златовласой подружки. Как та маленькая собачка из пословицы, которая и до старости выглядит щенком, что усиливалось её неистребимой инфантильностью. Сколько в мире таких не более чем милых простушек — сотни, тысячи, миллионы? И скольким из них посчастливилось найти своего мужчину, с которым она может чувствовать себя неотразимой и самой желанной? И именно с Джоном она смогла в полной мере ощутить расцвет и силу своей женственности. Ну вот, снова о чем бы не подумала она, все мысли возвращаются к нему. Увидит ли она ещё когда-нибудь Джона? Она не дала королю почить с позором и изменила историю... Для того ли она оказалась тут? А если вместе с тем изменится и будущее, её будущее?

От дальнейших размышлений Маргариту отвлекла Елизавета, отметив её вид в женском платье и вызвавшись сопроводить к Ричарду. И тут молодая женщина задумалась и испугалась: вдруг он не будет столь милостив простить её? Она же опозорила его своим обманом. Но она же и спасла его... Как он поступит, узрев правду?

— Возьмите накидку и накройте голову, чтобы вас не признали, — и Маргарита послушно исполнила указания, — Следуйте за мной и не разговаривайте.

Стараясь не выдать волнения и не сбиться с шага, она проследовала за леди Элизабет мимо гревшихся у огня солдат и далее до самых покоев раненого короля, где две женщины остановились, и Елизавета потребовала пропустить её к дяде.

Лежавший на постели мужчина был таким же бледным, как и простыни под ним. Женщины взволнованно переглянулись.

— Да что же вы творите, варвары, вы делаете ему только хуже! Позвольте мне, Ваше величество? — не обращая внимания на недоумение стражников, ужаснувшись методикам лечения, что практиковали эти горе-эскулапы, Маргарита присела у изголовья кровати Ричарда, ласково погладив его по руке.

Слабеющий король едва заметно кивнул и прикрыл усталые глаза, потом снова открыл их, встретившись взглядом с карими глазами Маргариты. Он не мог понять, откуда ему знакомы эти глаза, которые никак не мог связать с образом этой женщины, которую впервые видел, для собственного успокоения сославшись на горячечный бред.

— Делайте то, что я говорю, если хотите, чтобы ваш король жил, — приняв его поведение за руководство к действию, Маргарита тут же принялась раздавать указания, пока можно было побороться за жизнь этого человека, — Принесите мне самый крепкий алкоголь, что у вас имеется, кипяченой воды и побольше чистой материи: раны следует обработать и сменить пропитанные кровью повязки, пока они не загноились.

Получив молчаливое согласие Елизаветы, они приступили к процедурам.

Ричард всё ещё был слаб и бледен, когда приказал отконвоировать Генриха Тюдора для допроса.

Когда мужчину привели, он иронично посмотрел на своего соперника и заметил:

— Забавно, да — мальчишка оказался женщиной? Нам стоит сохранить этот маленький секрет в тайне, — в голосе Генриха проскользили ноты некоторого сочувствия, — Неужели ты так ничего и не понял, дурень?

Ричард пропустил мимо ушей эту явную наглость, переведя изумленный взгляд в сторону растерянной и смущенной девушки, — Кто ты? Марк? — пронзительные темные глаза требовательно смотрели на Маргариту, от чего ей стало не по себе за свой обман.

Молодая женщина от стыда залилась краской, нервно закусив губу и покаянно опустила голову, не смея поднять глаза и посмотреть в лицо мужчине:

— Прошу простить меня, Ваше Величество, что сознательно ввела вас в заблуждение. Вы предположили, что я мужчина, а мне сначала не хватило духу вам возразить, а потом я не могла подобрать подходящий момент, — пролепетала Маргарита.

— Вы прощены, миледи... — Ричард слегка улыбнулся, протягивая руку и делая знак ей приблизиться.

Молодая женщина присела в реверансе:

— Маргарет, сэр, — назвала она свое настоящее имя.

— Миледи Маргарет, — король милостиво улыбнулся, — Я обязан вам своей жизнью...

Она снова покраснела, присев рядом и почтительным поцелуем припав к его руке:

— Простите, милорд, у меня и в мыслях не было принижать ваше достоинство быть должником у женщины, — опять-таки извинилась Маргарита, а Ричард понимающе кивнул, — Я только хотела спасти вашу жизнь.

— Я не сержусь, миледи, — улыбка короля была мягкой и ласковой, несмотря на заметную его бледность, — Вы не только красивы, миледи, но и столь отважны. Но, скажите на милость, где вы научились так сражаться?

— Мой супруг научил меня, милорд, — на лице её отразилась боль от воспоминаний о нем, от которых слезы сами потекли по щекам, и дышать стало невозможно от удушающих спазмов, готовых вот-вот прорваться настоящей истерикой.

Рука Ричарда мягко накрыла её ладонь:

— Отчего же вы не рядом с ним, миледи? — осторожно поинтересовался он.

— Поверьте, это то, чего я желала бы всем сердцем. Это долгая история, сир, но я верну его даже оттуда, откуда ещё никто не возвратился, — едва слышно ответила Маргарита, и губы её задрожали, вынуждая спешно отвернуться.

Её состояние вынудило его — короля, наделенного властью, смутиться и почувствовать себя виноватым, словно это он был причиной женских слез:

— Прошу простить меня, миледи, что неволью задел вас, — как мог, он постарался утешить молодую женщину, правда, без особого успеха, с трудом привыкая к её новому женскому образу в бархатном платье вишневого цвета и уложенными в сложную прическу её каштановыми волосами, — Несомненно, мужчина, заслуживший любовь и преданность такой женщины — достойнейший из мужей.

— Сир, я люблю и почитаю его не меньше, чем он меня, — тяжело и хрипло проговорила она подобно мантре или молитве.

— Несомненно, — повторил он с какой-то грустью в глазах, что не укрылось от внимания Маргариты, — Но, скажите: женщина — лекарь? Женщина — воин? — продолжил мужчина, и изумление на изможденном лице сменилось интересом и лукавым блеском в его почти потухших глазах, — Кто вы, миледи?

— Я всего лишь женщина — слабая и несовершенная, — скромно улыбнулась Маргарита.

— О, нет! Вы не слабая и несовершенная, миледи! — усмехнулся Ричард, покачав головой, потом обратился к Генриху, — Ты не мой пленник, Тюдор, но мой гость. Тебя отведут в твои покои, а завтра я хотел бы говорить с тобой. Надеюсь, что Господь даст мне дожить до утра. Можете идти. Оставьте меня, я слишком устал.

С тяжелым предчувствием Маргарита расположилась в отведенной ей комнате, смутные предчувствия не переставали тревожить. Она вмешалась в ход истории, но судьбу не обманешь. Король тяжело ранен и может не пережить эту ночь... Что тогда будет? Что будет с ней? Что будет с Англией?

Предчувствия не обманули её — к ночи королю стало хуже, и он послал за теми, кого хотел увидеть в свой последний час.

В предпоекое Маргарита столкнулась с Тюдором, ожидавшим, когда Ричарду доложат, что он явился.

— Не можете уснуть, миледи? — Генрих улыбнулся, словно они вели светскую беседу, и з дверью не умирал человек, — Я тоже. Вы знаете, что причиной тому?

Мысли молодой женщины были заняты другим, она лишь хмуро покачала головой в ответ.

— Я могу бросить к твоим ногам все страны и континенты, — мужчина угрожающе навис над Маргаритой, своими ладонями вжав её в твердую холодную стену буквально до физически ощутимой боли, — А могу отдать тебя на потеху своим солдатам и потом приказать содрать с тебя кожу... живьем, а могу и собак натравить. Я здесь повелитель, и ты будешь делать то, что мне угодно!

— Вы пока ещё не король, — с трудом выдавила молодая женщина, с ужасом ощущая его тяжелое дыхание, — Пока милорд Ричард жив...

— Ему недолго осталось, — тяжелый кулак Генриха с силой опустился возле самого её уха, от чего она испуганно вздрогнула, нервно сглотнув подступающий к горлу ком, — Седьмое пекло, женщина! Ты сводишь меня с ума! Дай мне то, что я хочу, и я дам тебе всё, чего хочешь ты. Но ты-то не девственница, знаешь, что женщине нужен мужчина так же, как

и мужчине — женщина, и что это доставит нам обоим удовольствие. Я не стар, здоров, знатен и влиятелен, не обременен долгами, у меня много золота. Я стану королем Англии, в конце концов! Я не насильник, все они сами этого хотели, но скажи, чего же тебе ещё надобно, женщина?!

Ох, если бы только он не был будущим Генрихом Седьмым! Где ей найти сил противостоять его домогательствам, его силе и его воле? И вместе с тем стало дико смешно и одновременно горько от того, насколько ограниченным во взглядах оказался сей будущий властитель:

— Милорд, видимо, не настолько хорошо знает женщин, как утверждает. То, что вы перечислили — это далеко не всё, что нужно женщине. Милорд забывает о душе, о чувстве привязанности, о любви.

Что стоит ему взять желаемое силой? Он сильный и крепкий мужчина, а ткань её сорочки такая тонкая... Одного резкого движения хватило бы, чтобы тонкие нити не выдержали натяжения и разорвались. Маргариту откровенно пугал этот огонь желания в его глазах, но ещё более страшной была ответственность — что если она не рассчитает сил, защищая свою честь и превысит меру необходимой самообороны? Тогда история всей Европы и всего мира может пойти другим путем... Будь он неладен, этот Генрих, со своей страстью! Мужчину было и жаль, и в то же самое время она реально боялась его сейчас, его и его страсти.

Сердце совершило головокружительный кульбит, дыхание сбилось, и отчаянная слеза уже готова была скатиться по щеке.

— По-твоему, я не достоин любви? — произнес он в никуда.

Мужчина с шумом выдохнул и отстранился от неё, а в голосе его было столько горечи и безысходности, тоски и призрачной надежды, что в душе шевельнулось сопереживание к мукам этого человека.

— Несомненно, достойны, милорд, — тихо отозвалась Маргарита, — только в моем сердце уже нет места для другого мужчины, будь он даже королем всего известного мира.

— Глупая женщина! Откуда ещё никто не возвращался, говоришь? Будешь продолжать хранить верность мертвецу? — короткий, властный, почти болезненный поцелуй, оставшийся без ответа, — Черт! Он — колдун, не иначе, раз сумел так приворожить к себе женщину... И ты не женщина, как есть — ведьма! Мне не пробить твоей брони. Похоже, вы стоите друг друга.

— Может быть и так, милорд, — Маргарита грустно улыбнулась и предупреждающе добавила, — Колдуны опасные и живучие, а ещё они очень ревнивы.

— Что здесь происходит? — опираясь на плечо одного из своих стражников, по внутренней галерее к ним направлялся пугающе бледный король с небольшим отрядом охраны.

Генрих зло сплюнул и поспешил отойти подальше от Маргариты.

— Нам нужно поговорить, Генрих, — каждое действие вызывало напряжение и давалось мужчине с огромным трудом, — Следуй за мной.

Маргарита сползла по стене, села, поджав ноги к груди, растирая озябшие плечи, словно сейчас на ней и вовсе не было сорочки — её знобило, как на морозе. Телу не хватало тепла мужских объятий, но объятий одного конкретного мужчины, а душа рвалась домой к детям. Но кто сможет подсказать ей, что для этого нужно сделать?

Молодая женщина еще продолжала дрожать, с трудом осознавая, что ей всё же удалось

избежать насилия. Добрый ангел-хранитель Ричард спас её сегодня, но что ждет её завтра? Король очень плох, и вряд ли оправится от ран, чего не скажешь о его сопернике, который скоро полноправно воцарится на английском престоле.

Ричард опустил в кресло и слабым жестом предложил собеседнику занять место напротив:

— Мне осталось так мало... — у него хватило сил ударить кулаком по ручке кресла, привлекая внимание к своей речи, — Не перебивай меня. Я хочу только благоденствия и процветания своего королевства и своего народа. Я не успею, но ты сможешь дать им это. Останови войну, Генрих, стань достойным королем, женись на юной Элизабет, и подарите королевству наследника. Я благословляю тебя ради мира в королевстве, только обещай мне одно — ты не станешь преследовать эту женщину, — мужчина скосил взгляд на дверь, — Я не слепой, но разреши я дам тебе совет. Это — не твоя женщина. Я смог отпустить её, сделай и ты так же. Слишком дорого я заплатил за свою корону, не повторяй моих ошибок. Хватит крови. Обещай мне, Генрих, и я уйду спокойным за будущее Англии.

— Но это глупо! — Генрих крепче сцепил пальцы, — Думает, я глупец и не понял? Она не вернет своего мужа из мертвых.

Ричард поднял глаза к потолку и тихо произнес:

— Я верю, что она способна совершить невозможное...

Внезапно ему стало хуже, и пока ещё был в состоянии, велел позвать Маргариту.

Когда молодая женщина появилась, Ричард ещё долго продолжал смотреть на неё и возблагодарил Господа, что ему не придется перед смертью исповедоваться ещё и в грехе влечения к мужчине, который, как по волшебству, оказался не юношей, а молодой женщиной.

— Мой час приближается, миледи Маргарет, я чувствую это. Я иду к ним, к моему Эдварду и моей Энн... Я очень виноват перед ними, — молодая женщина застала Ричарда откинувшимся на подушках, лицо его из бледного стало мертвенно-серым, черты заострились, слова давались с трудом, а пальцы рук свело судорогой, — Когда меня не станет, отдайте это достойному правителю, как знак моего благословения. Предчувствие мне говорит, что подобное подвластно только вам, — кольцо в его дрожащей протянутой руке прошло между пальцами и упало на пол.

Следом безжизненно опустилась и его рука.

Сквозь пелену подступивших слез Маргарита слабо разглядела дверной проем, через который покинула комнату на дрожащих ногах.

— Всё кончено, милорд, — это было всё, что она смогла сейчас произнести одеревеневшим языком, — Теперь будущее Англии в ваших руках, Ваше Величество.

Судьба все равно забрала то, что причиталось ей, и невозможно было это изменить...

Елизавета отчаянно вскрикнула и бросилась в покои.

— Миледи... — лицо смотревшего на неё Генриха изменилось до неузнаваемости — куда девались его гордость и спесь? Вместо этого были волнение и испуг. Все мы смертны в конечном итоге, и осознание этого заставило будущего монарха многое переосмыслить.

— Вы что-то хотели? — Господь свидетель, как же она устала, очень устала, и только мысли о тех, к кому так желала возвратиться, давали ей сил.

— Я хотел бы попросить у вас прощения за своё недостойное поведение, — мужчина склонил голову в поклоне.

— Я не сержусь, милорд, — Маргарита слабо кивнула, — но и не могу ответить на ваши

чувства.

— Ваше имя такое же, как и имя моей матери, — слова его теперь пронизаны теплом и печалью, — Она сделала для меня всё, что было в её силах. Женщины с таким именем неотменно оставляют весомый след в истории, мадам. И вы обязательно его оставите, только это будет не моя история. Вы многому научили меня, леди Маргарет.

Он в первый раз назвал её "мадам", признавая её положение замужней женщины.

— Raison d'etre (смысл существования — фр), — бросила молодая женщина.

— Что? — переспросил он.

— Не важно, — нервно отмахнулась Маргарита и поразмыслив, добавила, — А вы знаете, милорд, что мой сын — ваш тезка? Думаете, это просто совпадение? Всё в этом мире имеет свой смысл.

— Буду ли я счастлив с Елизаветой? — в задумчивости произнес мужчина и отошел посмотреть в узкое окно на зарождающийся рассвет, принесший ему английский престол.

— Ваш союз укрепит положение новой династии, — в ответ на его чаяния слова Маргариты утешили Генриха, — Она подарит вам наследников. Вам, и всей Англии...

Мягко зашелестели птичьи перья, и карие глаза Маргариты восторженно засияли, признавая залетевшую птицу:

— Азраэль, слава Богу! — душа запела, и сердце учащенно забилося с новой силой.

— Вы оставляете меня, — Генрих понял всё, опуская плечи в окончательном поражении на фронте другой из своих битв.

— Я должна, милорд, — Маргарита склонила голову, прижимая ладони к груди.

— Когда вы встретитесь со своим супругом, а я в том не сомневаюсь, — понимающе улыбнулся он, — передайте почтение от Генриха Тюдора

Молодая женщина кивнула устремилась по коридору догонять улетающую птицу.

— Не уходи...пожалуйста... — тихий детский голос отразился эхом от толстых стен.

Маргарита замерла на месте, медленно обернулась и увидела стоящего Томаса и рядом с ним маленькую Анну, тянущую к ней свои руки:

— Анна! — крепко обняв девочку и поглаживая её по мягким рыжим волосам, она вынужденно заморгала, смахивая с ресниц слезы, — Господи, девочка моя! Нет, вы же все тоже слышали, что она заговорила?

Голова закружилась, в глазах потемнело, а когда Маргарита снова их открыла, то перед ней оказалась парковая аллея, а под старым большим деревом с раскидистой кроной захлебываясь рыдала рыжеволосая малышка. Заметив женщину, она перестала плакать и схватилась маленькими пальчиками за её юбку. Когда Маргарита наклонилась к девочке, на ладонь ей выпало то самое кольцо, что просил передать умирающий король Ричард III.

— Кто эта женщина, Чарльз? — крупный мужчина с ярко-рыжими волосами в расшитом жемчугом и золотой нитью камзоле, обратился к своему спутнику, раздраженно сощурился, — Та, что так отважно и безрассудно утешает бастарду Елизавету на глазах у всех, открыто попирая распоряжение короля! Мои распоряжения!

— Не могу знать, Ваше Величество, — растерянно покачал головой тот, к кому обращались, — Никогда не видел её раньше.

— А я думал, что Чарльз Брендон знает всех женщин при дворе, — усмехнулся тот, кто войдет в историю под именем Генриха Восьмого. А маленькая рыжеволосая сирота, его дочь от второго брака, что сейчас с любопытством разглядывала поблескивавший камешек в кольце, через много лет войдет в историю Британии блистательной Элизабет, первой своего

имени, принесся золотой век процветания и могущества английского государства.

Вечная любовь — верны мы были ей
Но время — зло для памяти моей
Чем больше дней
Глубже рана в ней
Все слова любви в измученных сердцах
Слились в одно преданье без конца
Как поцелуй
И всё тянется давно
Я уйти не мог прощаясь навсегда
Но видит Бог, надеюсь, жду когда
Увижу вновь эту мою любовь
И дам я клятву вновь
Вечная любовь вся выпита до дна
И путь один сквозь ад ведет она
Минуя мрак и туман, туман, обман
Вечная любовь — верны мы были ей
Но время — зло для памяти моей
Чем больше дней
Глубже рана в ней
Все слова любви — безумный крик сердец
Слова твои и слёзы наконец
Приют для всех
Уже прожитых утех
Зорька рассветёт и в сумраке ночном
Умрёт, уйдёт, но оживёт потом
И всё вернёт блаженный летний зной
Извечный летний зной
Вечная любовь, живут чтобы любить
До слепоты и до последних дней
Одна лишь ты, жить любя
Одну тебя навсегда

Маргарита снова провалилась в темноту, чтобы очнуться на выложенном старинной мозаикой полу огромной библиотеки Небесного Града. Радужные лучи, проходя сквозь витражные окна, расходились по полу ярким узором. Она поднялась, потирая ушибленный затылок.

— Вас не было три дня, маленькая госпожа, — рыжеволосая подала Маргарите руку с выражением крайнего беспокойства на прекрасном точеном лице, — Где вы были? Мы с ног сбились, разыскивая вас.

— Прошу извинить меня, сиятельная Кали, — молодая женщина смутилась и заметно покраснела, — Но не просите дать объяснения, ибо не найдется у меня их. Стоило мне открыть книгу, как очутилась в круговороте таких событий... Я три дня не видела своих детей и так устала, позвольте я позже постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Конечно, маленькая госпожа, — согласилась с ней красавица с глазами цвета весенней зелени и волосами цвета яркого пламени, по-матерински успокаивая виновато

склонившую голову и притихшую Маргариту, — Приносим свои извинения, кажется, это по нашему недосмотру все произошло. Нам не следовало оставлять вас одну.

— Но мы хотели изучить как можно больше книг... — она попыталась было оправдаться, хоть и прекрасно осознавала, что сейчас всё это не имело значения. Значение имело как можно скорее найти в себе силы и взять себя в руки. И в зеркальном отражении Маргарита увидела ту себя, которой всегда хотела быть: прекрасную и сильную молодую женщину, готовую бороться за своих любимых мужчин, сочетающую в себе отвагу воина, мудрость королевы, теплоту матери и женственность и пленительность богини.

— Не будем забывать об осторожности, — напомнила рыжеволосая.

— Верно, — благодарно улыбнулась Маргарита, — Вы, как всегда, правы, Госпожа Кали.

— Сейчас вам нужно отдохнуть, княгиня, — Леди-Регент настоятельно взяла Маргариту под руку, — Я провожу вас к детям.

Молодая женщина легко поклонилась, улыбнувшись:

— Благодарю, госпожа Кали, что послали мне сокола, он привел меня домой.

— Но... я не посылала, маленькая госпожа, — рыжая остановилась и задумчиво произнесла, — С тех самых пор, как Джаньян исчез, я не видела птицу.

— Кто же тогда? — Маргарита ошеломленно часто-часто заморгала.

Собеседница спокойно положила ей руку на плечо:

— Я думаю, ты знаешь ответ на свой вопрос. Ведь именно за этим ты здесь — отыскать путь к нему.

— Вы думаете?... — молодая женщина подняла голову, чтобы встретиться взглядом с изумрудного цвета глазами Первой Леди Небесного Града.

— Если кому и дано спасти Дхармараджу от самого себя, — пояснила Кали внимательно слушавшей её Маргарите, — Кто заставит его вспомнить, ради кого он живет, то это вы, маленькая госпожа.

— Тогда, это был он, — миниатюрная брюнетка настороженно, с усилием нахмурила брови, — но почему не явился сам? — прикусив палец, темноволосая молодая женщина, выжидающе посмотрела в глаза рыжей, — Давайте изучим свитки ещё раз?

— Кое-что нам уже удалось выяснить, — сообщила Леди-Регент, — о его природе и о том, что ждет его на границе миров и времен. Он первым шагнул за черту сущего, за что вынужден теперь исполнить свой долг в замке Каличи, где его сторожат, пока Джаньян несет это бремя.

— О, благодарю, благодарю, госпожа Кали! — Маргарита с горячностью ухватила за её руку, — Каличи? Так называется это место? — запнувшись, вспомнила, что всё равно это название мало о чем ей говорит, — Но, где же оно находится?

Рыжая богиня покачала головой:

— Хоть и назван дворец был в мою честь, но я так и не ступила под его своды, — и продолжила, отметив, что Маргарита совсем сникла и растерялась, — но я могу посоветовать обратиться к правителям Темного Двора, возможно, что они смогут подсказать.

Маргарита усиленно закивала головой пока рыжеволосая пристально разглядывала её.

— Взгляните на себя, маленькая госпожа. Кого вы видите в зеркале? Я вижу прекрасную сильную духом женщину, для которой нет ничего невозможного на пути к достижению цели.

— Вы правы, именно так я себя и ощущаю, — согласилась Маргарита, воистину чувствуя небывалый прилив сил.

Я пел о богах, и пел о героях, о звоне клинков, и кровавых битвах;
Покуда сокол мой был со мною, мне клекот его заменял молитвы.
Но вот уже год, как он улетел — его унесла колдовская метель,
Милого друга похитила вьюга, пришедшая из далеких земель.
И сам не свой я с этих пор, и плачут, плачут в небе чайки;
В тумане различит мой взор лишь очи цвета горечавки;
Ах, видеть бы мне глазами сокола, и в воздух бы мне на крыльях сокола,
В той чужой соколиной стране, да не во сне, а где-то около:
Стань моей душою, птица, дай на время ветер в крылья,
Каждую ночь полет мне снится — холодные фьорды, миля за милей;
Шелком — твои рукава, королевна, белым вереском — вышиты горы,
Знаю, что там никогда я не был, а если и был, то себе на горе;
Если б вспомнить, что случилось не с тобой и не со мною,
Я мечусь, как палый лист, и нет моей душе покоя;
Ты платишь за песню полной луною, как иные платят звонкой монетой;
В дальней стране, укрытой зимою, ты краше весны и пьянее лета:
Просыпайся, королевна, надевай-ка оперенье,
Полетим с тобой в ненастье — тонок лед твоих запястий;
Шелком — твои рукава, королевна, золотом-серебром — вышиты перья;
Я смеюсь и взмываю в небо, я и сам в себя не верю:
Подойди ко мне поближе, дай коснуться оперенья,
Каждую ночь я горы вижу, каждое утро теряю зренья;
Шелком — твои рукава, королевна, ясным месяцем — вышито небо,
Унеси и меня, ветер северный, в те края, где боль и небыль;
Как больно знать, что все случилось не с тобой и не со мною,
Время не остановилось, чтоб в окно взглянуть резное;
О тебе, моя радость, я мечтал ночами, но ты печали плащом одета,
Я, конечно, еще спою на прощанье, но покину твой дом — с лучом рассвета.

Группа "Мельница" — "Королевна"

— Азраэль! — мужчина протянул руку, и на неё, громко хлопая крыльями, опустился крупный сокол, известный нам спутник Джаньяна, — Ты вернулся! Значит, и она вернулась тоже... рад, что вы вернулись безопасно.

— Ваша Милость, она узнала птицу, — Тристана подошла ближе, облокотившись о спинку кресла, в котором он сидел, — ваша супруга не так глупа и все поймет. Всем известно, что птица принадлежит вам, что вы владеете ею. Она найдет вас, помяните мое слово.

— Принадлежит, Тристана? Владею? О, нет! Азраэль свободен в своей воле, он скорее равноправный мой партнер. Теперь он мне даже больше, чем друг, он — мои глаза, — Джон усмехнулся, приглаживая перья птицы, — Нет, она не должна встречаться со мной, пока я в таком состоянии, — он опустил голову, через силу делая вид, что увлечен птицей, произнося каждое слово всё тише и тише, — Я не имею право наделять её своей болью...

— Зря вы так, Ваша Милость, — джинния печально покачала своей головой с ослепительно белыми волосами, — И сами страдаете, и женщину свою страдать заставляете.

— Меня больше волнует, что задумала Лаура... Это ведь она Была в Хранилище Знаний я знаю это. Как и то, что у неё наверняка имеется особый план, для осуществления которого ей необходимо было узнать обо мне то, что никто не знал... — мужчина нервно вцепился пальцами в поручни своего кресла.

— Мне не ведомо, что в голове у госпожи, — ей оставалось только развести руками, но желание помочь ему всё же пересилило, и Тристана пообещала, — Но я могу попытаться выяснить.

— Прошу, — Джон понизил голос, едва не дрожа от волнения, — ты понимаешь, это очень важно. Если она надумает обмануть меня, то и я могу не сдержать данного ей слова.

— Вы думаете, Ваша Милость? — вопросительно протянула Тристана своим томным бархатным голосом.

— Близкие мне люди в опасности, и ни о чем другом я думать не могу, — теперь Джон как ни кто другой понимал своего отца, всю жизнь разрывавшегося между долгом и семьей, и всё время терзавшегося чувством вины. Кажется, ему суждено будет повторить судьбу своего отца.

— Надо постараться, Ваша Милость, — женщина ободряюще похлопала его по руке, — надо постараться.

— Что бы я без тебя делал? — он повернулся на её голос и спросил с тоскою обреченного в голосе, — Я — дурак, Тристана? — собственное бессилие отдавало горечью во рту и тоской в сердце, а потрескавшиеся пересохшие губы и воспаленные глаза порождали дискомфорт физический.

— Вы просто хотите обезопасить тех, кого любите, — поддержала его женщина, что было ему сейчас столь необходимо, — Счастливая та женщина, что вы бережете.

А тем временем две важные в его жизни женщины объединили усилия, чтобы спасти его от собственной судьбы. Мироздание, словно в ответ на их чаяния, послало им гонца с письмом от повелительницы Темного Двора леди Альвис.

Это событие застало Маргариту читающей своим детям классическую сказку о принцессе и драконе в старинном издании с вензельными буквицами и красивыми гравюрами. Дочери внимали ей, окружив с обеих сторон, как можно ближе примостившись возле матери на мягкой оттоманке под большим стрельчатым окном. Анри не столько слушал, сколько рассматривал яркие иллюстрации, настойчиво тыча пальчиком в страницы, но когда повествование дошло до появления собственно дракона, малыш был впечатлен настолько, что ни о чем другом и слушать дальше не хотел. Мальчик не позволял перевернуть страницу и не желал слушать просьб сестер, просивших о продолжении. Его глаза снова засияли, и изображение дракона на картинке в книге исчезло. Малышки-дочери готовы были разочарованно захныкать, но тут взглянули за окно, где величаво и почти бесшумно скользил на огромных кожистых крыльях гигантский дракон — ну, прямо, как в книжке. Дергая мать за рукав, они призывали посмотреть на это диво и Маргариту, а малыш улыбался беззубым ртом и хлопал в пухлые ладошки.

— Анри-Марк Дестинофф, верни дракона назад в книгу, — покачала головой Маргарита, беря сына на руки, — Ты огорчаешь меня и пугаешь людей.

Ребенок недовольно свел брови и надул губы, но всё же исполнил просьбу матери. Созданный им дракон растаял высоко в небе.

— Маленькая госпожа, — на шум, созданный детьми, на пороге комнаты появилась рыжеволосая Кали, — Мы получили ответ от миледи Альвис. Она сама собиралась уже

писать нам, слухи о случившемся с Дхармараджей дошли и до них. Её Величество готова оказать любую посильную помощь и всячески содействовать. За детей не беспокойтесь, мы вместе с Самаэлем присмотрим за ними.

Молодая женщина с облегчением обняла рыжеволосую, сдерживаясь, чтобы не зарыдать на её плече:

— Я бесконечно благодарна. Оставляя своих малышей на вас, я могу быть спокойна, ведь вы вырастили такого замечательного Алишера.

Гордая златовласая правительница Темного Двора помнила доброту и тепло встретила Маргариту, позволив молодой женщине отдохнуть после прохождения портала, отужинать вместе с ней и Надиром, и только после этого проводила в библиотеку, где хранилось множество запрещенных в иных местах опасных книг по темным искусствам, которые собирало множество поколений властных правителей. Маргарита с удивлением отметила для себя излишне свободный покрой одежд златовласой королевы. Заметив это, Альвис загадочно улыбнулась, сложив руки на своем животе и догадку молодой женщины о своем положении. Сперва Маргарита изумленно округлила глаза от такой новости, потом спохватилась и от всей души поздравила её. Прикоснувшись чрез шелк одеяния к животу королевы, Маргариту вновь посетило видение, которое уже было однажды и в котором её сын Анри давал присягу правителя Темного двора, а рядом с ним была очаровательная в своей юности и свежести темноволосая девушка с глазами цвета ярких сапфиров и оливкового цвета загорелой кожей. Пройдет совсем немного лет, и ребенок, которого только ожидает Альвис, станет настоящей красавицей, а они будут связаны в будущем через судьбы своих детей.

— У вас будет дочь, Ваше величество, — улыбнулась Маргарита правительнице Темных Небес.

По любопытному стечению обстоятельств, лишь в самой древнем фолианте прочли они о мрачном замке в недрах подземелья, вход куда был расположен, где бы вы думали — в катакомбах под Парижем, о которых память и по сей день хранила наводящие ужас воспоминания о боевом крещении, о первом перевоплощении и шокирующем, потрясающем воображение осознании того, что они отличаются от большинства людей, что они не такие, как они.

И по возвращении домой, в голове у Маргариты уже созрел некий определенный план действий, для осуществления которого она обрела неожиданного помощника в лице мистической темнокожей женщины с платинового цвета волосами. Она появилась перед Маргаритой в тайне от Джона и предложила свое посильное участие в воссоединении с любимым супругом, чем едва не довела до слез растроганную молодую женщину, которая едва ли была сейчас в состоянии понять, почему эта женщина так разглядывает её.

Долго слушала молитвы горьких трав,

Долго плакала, свивала нитью дым,

Покачу теперь клубочек по мхам,

По пням да по корням

По теням лесным,

И сама пойду за ним...

Княже мой, княже,

Шелкова пряжа

До ворот твоих мне дорогой легла.

Враже мой, враже,
Грозна твоя стража,
Что ж от меня-то не уберегла?
Черной бронзою окованы холмы,
Через сердце прорастают тени тьмы.
Тени-оборотни, темно-серый мех.
Ох, Господи, не введи во грех!
Я ударюсь оземь
Да рассыплюсь в прах,
Но я знаю — тебе неведом страх.
Через семь смертей к тебе я шла,
Мой князь.
И заклятья сеть тебе ткала
Мой враг.
Наконец-то я тебя нашла!
Проснись
И взгляни на меня...
Ночь гнева темна...
Я пришла бедой,
Дождевой водой,
Горькою слезой,
Слепой грозой -
Так напейся меня и умойся мной,
Осыпается время за спиной...
Что мне делать с собой,
Князь мой, враг мой,
Моя боль, мой свет,
Если жизни нет,
Если ночь темна
Велика цена?
Мне не уйти -
Ты прости, прости,
Прости мне...
Группа "Мельница" — "Княже"

— Княже, мой Княже, грозна твоя стража — что же от меня-то не уберегла... —
Маргарита припомнила слова известной баллады, подобно эпической Клеопатре, возникши перед пораженными стражами, когда они развернули ковер — она улыбнулась тому, какое впечатление произвело её появление. Ей всегда было интересно, как ощущала себя та самая Клеопатра, произведя подобный ошеломляющий эффект на Цезаря? Воспринимала ли она себя повелительницей вселенной в этот момент? И тут она бросила взгляд на стену и поняла, отчего такое выражение было на лицах караульных — там висел её портрет, выполненный по любимой её фотографии, на которой она жизнерадостно и беззаботно улыбалась миру. Солдаты изумленно переглянулись, словно не веря, что женщина их господина существует на самом деле.

— Дальше нельзя, госпожа! — путь Маргарите преградили стражники.

— Передайте своему господину, что его жена желает видеть, — она и сама не ожидала от себя такой решительности и такого повелительного тона. На Маргарите было простое чёрное платье, облегающее фигуру, длиною в пол, её волосы были собраны в высокую причёску, а из украшений на ней был гарнитур из чёрного жемчуга, её макияж выгодно подчеркивал большие глаза и чувственные губы — сейчас она была воплощением пугающей красоты.

— Он ни кого не принимает. Сожалею, Госпожа, — заверил стражник и почтительным поклоном засвидетельствовал искренность своих слов.

— Мне нужны ответы, немедленно! — она сжала его руку, держащую алебарду, — И я их получу!

— Мне, правда, очень жаль, — страж мягко убрал её руку, — Ещё поранитесь, не дай Бог, госпожа — мне тогда несдобровать.

— Прочь с дороги, я сказала! — она резко оттолкнула его, начертила в воздухе огненную пентаграмму, пустив её впереди себя, выбивая двери и заставляя разбежаться замешкавшихся стражей.

— Пропустите её, — вмешалась чернокожая джинния, — не препятствуйте ей, — внимательным взглядом провожая ту, что завладела его сердцем.

За последними дверями Маргарита увидела большой зал с паркетным полом, на котором лежала алая ковровая дорожка, и огромными, зашторенными тяжелыми бархатными портьерами вишневого цвета, окнами. Полумрак слабо освещался светом нескольких факелов в дальнем конце. Джон сидел на ступенях подиума, положив голову на красный бархат оббивки кресла — выглядевшего так же одиноко в этом огромном зале, как и он сам.

Маргарите показалось вдруг, что её маленькое тело готово было разорваться от переполнявшей радости, что вот он здесь, он рядом.

— Маргарита, ты всё-таки пришла, — он даже не обернулся на звук её шагов, ему это и не нужно было, чтобы узнать её шаги из тысячи, — Зачем ты здесь? — повторил он свой вопрос. И губы его дрогнули, а одеревеневший язык не желал слушаться.

Молодая женщина застыла на месте — с трудом дыша и глядя своими огромными глазами, готовыми вот-вот наполниться слезами:

— Что значит "зачем"? — нет, она в мыслях представляла себе различные сценарии их встречи, но, вот такого холодного равнодушия совершенно не ожидала, — Помнишь меня? Я — твоя жена и мать твоих детей, и я пришла за тобой. Значит, тогда это был не сон? Мне не приснилось, когда ты приходил? К чему тогда это было, если ты не желаешь меня видеть? Ответь мне, чем я виновата перед тобой?

— Уходи, прошу тебя, — а самому ужасно захотелось вскочить, броситься к ней, не отпуская из своих объятий и покрыть поцелуями каждый сантиметр её тела, и невыносимо было беречь душу этими чувствами, когда в ней теперь только жгучая боль и тоска, — Тебе лучше уйти... — пусть она ненавидит...

— И у тебя нет других слов для меня? Ты сделал мне очень больно — тем, что посчитал Марка более достойным твоего доверия. И это после всего, что мы пережили вместе? Как ты мог?! Гонишь меня прочь — хорошо, я уйду. Но, у тебя есть два варианта: либо ты идешь со мной, либо я ухожу одна и подаю на развод. Господи, да что же ты за человек такой! Ты всё решил за меня, да? — от переизбытка эмоций, что сейчас разрывали её, Маргарите трудно было совладать со своим голосом, — И тебе больше нечего сказать мне? Известно ли тебе,

что с того дня, как ты исчез, я ни одну ночь не могла сомкнуть глаз и орошала своими слезами подушку? Мне пришлось пережить твои похороны, черт возьми! Как тебе?! Тогда повтори, повтори это своим детям! Имей хотя бы смелость посмотреть мне в лицо!

— По всей видимости, я заслужил это, — поделился он своими мыслями с самим же собой, и продолжил уже громче, — А ты изменилась, Марго — Джон всё так же продолжал сидеть спиной к ней, облокотившись о быльце кресла, — Даже твой голос стал другим.

— Спасибо, учителя хорошие были — гневно бросила она, — Да взгляни же на меня! Посмотри мне в глаза! — не выдержав этого томительного напряжения, она подошла и подняла его с подиума, развернула лицом к себе, уже занеся руку для пощечины, она остановила её у самого его лица, сняла и отбросила его очки — и отшатнулась от увиденного, а звон разбивающегося стекла очков оглушил подобно взрыву в приличном тротиловом эквиваленте — так и внутри у неё что-то гулко разбилось вдребезги... Маргарита стояла и не могла произнести ни слова, и только губы её и подбородок дрожали, а по щекам текли обильные слёзы. Глаза... что стало с его прекрасными глазами, что когда-то пленили и покорили её? Неужели такова вселенская справедливость?

— Ваше любопытство удовлетворено? — отступив на шаг, он зацепился за ковер, вовремя ухватившись за кресло.

Маргарита бросилась к нему. Поддержав мужчину под руки и усадив его на ковер, она положила его голову себе на колени, а он держал в своих руках её ладонь — так они и сидели молча некоторое время.

— Тебе, правда, лучше уйти, — наконец хрипло произнес Джон, — Это не место для тебя. Твой Мастер не заслужил Света...

— Замолчи... Нет, вот, ты, и правда — дурак или притворяешься? — улыбнулась Маргарита, — Дурачок мой! Я ни куда не уйду... без тебя.

— Твоё место не здесь, — он, словно, не слышал её слов, — а я не могу уйти, не могу покинуть этот проклятый дворец. Видишь же — я не могу дать тебе ничего, кроме своего увечья. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

— Не смей, слышишь, не смей при мне так говорить! Неужели, ты так плохо знаешь меня, что говоришь такое? — и слёзы её капали на его лицо, и огнем запекли вдруг его глаза, он напряженно заморгал, — Господи, разве ты не чувствуешь, что я задыхаюсь и гибну без тебя? Я приму тебя, что бы с тобой ни случилось. Родной мой, мой свет, моя боль, слезы мои... Без тебя мне не было жизни, я жила во тьме. Наши дети так похожи на тебя, особенно маленький Анри — у него твои глаза и твой взгляд. Ты просил меня выйти за тебя — и я вышла, ты хотел семью — я дала её тебе, а теперь ты хочешь, чтобы я смотрела, как ты сам убиваешь себя?! Зачем тогда пленил и влюбил меня в себя?

— Если бы ты знала... У меня не было выбора. Ты же ничего не знаешь, — и губы его на её губах искали приют, — Как ты не понимаешь, я же хотел уберечь тебя, — а глаза невыносимо пекло и резало, так, что хотелось кричать, сжимая пальцы добела, и от судорог ногти до крови впивались в собственные ладони, и, как луч света прорезает крошечную тьму, увидел он её лицо — нет, не тот образ, что навсегда высечен в его сердце, настоящую её — опухшие от слез губы и нос, блестящие глаза, слезинки на ресницах и потекшая тушь, и сердце защемило от сладкой боли — он снова смог увидеть её — такую близкую, такую родную. Нет, он был не прав — она не изменилась, она всё та же... его Маргарита... И вспомнил он, сделанное давно Нострадамусом, пророчество о том, что слезы её исцелят его. И всплыли в памяти слова Марка — да, он обязательно будет бороться, всё стало вдруг

таким простым и ясным, словно, он очнулся от долгого сна. Отбросить сомнения и малодушие! Как там говорил Марк? Грызть стены? Теперь он готов сделать даже больше. Он нашел в себе силы, она дала их ему...

— Тогда расскажи мне всё, — тихо попросила Маргарита, — Не ты ли обещал быть всегда откровенным со мной и говорил, что мы вместе пройдем через все, что бы нам не уготовила судьба?

— В таком случае, начать, пожалуй, стоит с самого начала, — он не мог более держать это в себе и с невероятным облегчением продолжил свой рассказ, — Мне было тогда пятнадцать. Один из моих экспериментов завершился мощным взрывом в мастерской, в пожаре я получил ожоги, несовместимые с жизнью — Джек рассказывал тебе, как это — испытывать страшную боль и агонию каждую секунду — ему это хорошо известно. Я избежал смерти. Я просто хотел жить и нарушил древние законы, но, наивно полагал, что этого не заметят. Тогда мне и открылось, каким даром я обладаю — даже боги предпочитали не связываться со мной, а я только и хотел — немного счастья, как и все. Уж не знаю как, но, она узнала об этом и использовала против меня. Я не мог допустить, чтобы по моей вине пострадали вы. Я не хотел, чтобы ты снова искала меня и подвергала себя опасности. Я же чуть рассудка не лишился, когда тебя выбросило на Темные небеса. Помнишь? — разумеется, Маргарита всё помнила, она никогда не сможет забыть этого тяжелого испытания для них всех, — Плата тогда была слишком высокой. Я не мог допустить, чтобы она добралась и до вас. Я пытался выиграть время и выяснить, может ли она навредить вам — это всё, что мне оставалось после того, как она лишила меня зрения и моих сил.

— Ты говоришь все время "она"? Кто она? — этот вопрос Маргарита могла и не задавать, так как уже и сама догадалась, что ответит Джон.

— Я ведь и Марку ничего не рассказал, так что обвинения в недоверии в мой адрес — ошибочны и несправедливы. Именно потому, что я вас так хорошо знаю, я так поступил. Я лишь хотел вас защитить. Лаура не брезгует грязными методами, но, формально ей нечего предъявить. Услышав это имя, не бросится ли Марк в первых рядах искать встречи с ней? Я не знаю этого. Его мать сама пошла на сделку — это великая жертва, и обвинить в том Лауру мы не можем.

— Марк намного сильнее, чем нам кажется, — возразила она.

— Я тоже думал, что достаточно силен, — покачал головой Джон, — Кому станет легче, если она поймает вас — одного за другим? Вы должны держаться вместе и не позволить ей добраться до вас, обещаю тебе, слышишь, — он сильнее сжал руку Маргариты, — Я же должен доиграть этот спектакль до конца — только в этот раз я в состоянии переписать сценарий, — Джон замолчал и тяжело вздохнул, продолжая смотреть в глаза жене, — Теперь ты знаешь.

— Лаура... Господи, ну, почему всегда она? — Маргарита обхватила голову руками.

— Забудь ты о ней хоть на минуту. Марго, просто побудь со мной ещё немного, — Джон крепко обнял её, — я очень тебя прошу... — замерев на вдохе, он в ожидании её ответа, словно приговора, весь напрягся не дыша.

Его обжигающее дыхание, словно опалило кожу на шее, резко ставшую чрезмерно чувствительной, — Всё, что я делаю и буду делать — только ради тебя и ради наших детей. Только ты одна имеешь власть надо мной. Из твоих рук я готов безропотно принять даже яд. Только ты одна — в моём пульсе и нервах, в моей крови и плоти, в моём сознании и

подсознании. Я безумно люблю и мать, и сестру, и наших друзей, но ты для меня — всё, ты и дети, вы — моя жизнь, моё сердце, моя душа, моя судьба. Если ты вдруг согрешишь — я готов за тебя гореть в Аду, для меня Ад там, где нет тебя. И не слепота меня убивала, я не живу без вас, а только существую, даже не так — я не существую без вас. Сколько бы мужчина не отдал женщине — она всегда даст больше: ты дашь ей себя — она подарит тебе малыша, ты построишь ей дом — она подарит тебе уют в нём, ты обеспечишь ее продуктами — она тебя вкусным ужином, ты подаришь ей улыбку — она отдаст тебе свое сердце.

Маргарита повернула голову, и он жадно приник к её губам, точно несчастный пилигрим, страждущий от жажды в душной пустыне, страстно приникает к живительному источнику в спасительном оазисе:

— А ты сегодня просто ослепительна. Знаешь, у меня уже самая настоящая зависимость от тебя, — он продолжил покрывать быстрыми короткими поцелуями её лицо, — в особо острой форме. Нет, правда, — неотрывно глядя на неё, а она заливалась смехом, обнимая его, — не смейся, — он нарочито подкатил глаза, — Ну, вот, у меня, может, абстинентный синдром, прогрессирующий без тебя, а ей смешно. О, дама прекрасная, жестокосердная! — он снова закрыл ей рот поцелуем, а рука его уже скользила по её спине, — Ты собираешься быть врачом, ты же не позволишь мне умереть от тоски? Моё лекарство — это ты. И мне срочно необходима спасительная доза. Я подсел на тебя, как наркоман, это — сильнее меня, это — важнее воздуха и воды, мы стали единым целым, насквозь проросли друг в друга, зацепились корнями судеб, — и электрические волны прошли по телу, пронзая позвоночник, и за этот поцелуй она готова простить ему его обман, и сердце пропустило несколько ударов от предвкушения, когда ощутит прикосновение его губ и рук на своей коже. И его глаза — ведовские омуты, что давно похитили её волю, в которых она уже давно растворилась, и никогда не сожалела об этом, теряясь во времени и пространстве и переставая принадлежать себе рядом с этим мужчиной.

— Фи, Жан, что — прямо здесь? — игриво попыталась отстраниться от него Маргарита, она не заметила, как расстегнулся замок на её сереге, и та упала на пол, закатившись под кресло.

— Ну, что вы, мадам, как можно?! — наиграно оскорбился Джон, — Одну секунду, я чуть было не забыл, — одной рукой продолжая обнимать жену за талию, он вытянул вперед другую — и осколки разбитых очков на его ладони снова стали цельным предметом.

— Они же тебе больше не нужны, — она непонимающе посмотрела на него.

— А это — пока наш маленький секрет, сюрприз будет для одной нашей знакомой, — он положил очки в нагрудный карман рубашки и открыл в стене потайную дверь, которую Маргарита раньше не заметила, — Добро пожаловать в мои скромные апартаменты.

— Ты шутишь? — девушка на мгновение потеряла дар речи, пораженная увиденным: выдержанная в любимых цветах Джона — алом и бордовом, комната будто обволакивала из-за обилия бархатных штор и занавесок, в центре которой стояла большая круглая кровать с яркими расшитыми покрывалами и подушками и подобием балдахина из органзы темно-вишневого цвета, который исходил прямо от висящей над ней антикварной люстры и закреплялся на стенах, а по обе стороны от неё стояли маленькие резные столики со светильниками ручной работы из латуни и расписанного стекла, освещавшие комнату мягким приглушенным светом, — И это ты называешь скромным?

— Госпожа моего сердца довольна? — он не выпускал её руки из своей ладони.

— У меня нет слов, — девушка растерянно и одновременно восторженно оглядывалась

по сторонам — то на узорчатый потолок, то на пестрый пушистый ковер с затейливым орнаментом.

— И не надо ничего говорить, — с характерным звуком была расстегнута молния на её платье, вынута заколка из волос, и они темно-шоколадной шелковой волной рассыпались по спине, — Я всегда буду сходить с ума по тебе... Я болен тобой — сегодня и всегда... Я не мог представить, насколько это окажется тяжело — отпустить тебя, чтобы защитить, но я не могу, не могу жить без тебя, дышать без тебя...

— Жан, так не честно, почему только я должна оставаться в белье? — её проворные пальчики ловко справились с пуговицами на его рубашке, а он на миг блаженно прикрыл глаза под длинными ресницами, ошалевая, млея и сходя с ума от её нежных прикосновений, пробиравших до дрожи, до боли, одной рукой скинув вышитое покрывало, бережно укладывая её на гладкий шелк.

Господь всемогущий, дай ему сил не свихнуться и не утонуть в накативших эмоциях...

— Каждую ночь ты мне снился. Каждую ночь я мечтала оказаться в твоих объятиях. Я не переставала любить тебя. Для меня не было и нет других мужчин — так испей же меня до дна, — попросила она, и прохладные простыни приятно остудили их горячие тела, а поцелуи его становились всё откровеннее и всё настойчивее. И, как на невесомых облаках, воспарили они к небесам на этих тончайших шелках, став огнем, став вдвоем единым пламенем — и до чего же не хотелось возвращаться с небес на землю, и единственным из желаний сейчас было то, чтобы этот час не заканчивался. Истосковавшись друг по другу, они обоюдно наслаждались с самозабвением изголодавшихся. Лишь его горячие губы и умелые руки пробуждали в ней томительный жар любовного пламени, давая снова почувствовать себя живой, любимой и желанной, прикасаясь к самой её душе. Мудрецы в старину поговаривали: познав тело — мы познаем плоть, познав сердце — мы познаем чувства, познав душу — мы познаем счастье. Покаясь власти его рук, с призывным стоном, она требовала от него больше, намного больше... С жадностью продолжая познавать друг друга в эту ночь откровений и открытий.

— Скажи, как же ты нашла меня? — спросил Джон, целуя жену в висок.

— Мне подсказало сердце, а вела — любовь, — улыбнулась Марго, — Госпожа Кали и Госпожа Альвис научили меня, как найти тебя. Представь себе, повелительница Темного двора в положении! — с воодушевлением продолжила она, — Она так мечтала о ребенке — ей ведь уже за тридцать, но высшие силы сотворили для неё это диво. Я безумно рада за них с Надиром!

— Я тоже рад за них, — Джон поднес ладонь жены к своим губам, — Это ни с чем не сравнимое счастье видеть тебя сейчас рядом с собой: твои глаза, улыбку, веснушки на твоём лице, вдыхать запах твоей кожи и твоих волос. Ты вернула мне силы, — она лежала, положив голову ему на плечо, а он, едва касаясь, нежно поглаживал её по спине, — Теперь я улажу одно дело, и обязательно вернусь к вам. Я с ума сходил от тоски по вам — по тебе, по детям, по матери и сестре, по Дане и Джеку, даже по этим невозможным мальчишкам — Рафаэлю и Марку. Вы — самое дорогое, что есть в моей жизни. Но, ты дала мне шанс на свободу.

— Возвращайся, а я буду ждать, — Маргарита посмотрела на него и едва не расплакалась, — Мне и весь этот мир не будет нужен, если в нем не будет тебя.

— Не говори так — ты же так не думаешь на самом деле, — он поцеловал её в макушку, — ты же, как ни кто другой, любишь этот мир, и, кроме меня, у тебя есть

родители, друзья, наши дети.

— Ты очень опасную игру затеял, Жан. Мне страшно за тебя — не дразни Лауру, — Марго с мольбой во взгляде посмотрела на него.

— Я не боюсь, и ты за меня не бойся, — поборов острое желание не отпускать жену от себя ни на секунду, он всё же встал с постели и направился в душ, — Вы, главное, не должны вида подавать, что вам что-то известно. Для вас я — всё так же исчезнувший, и мое местонахождение вам незнакомо, — прошептал ей на ухо, — Я буду искать тебя в тысяче миров и десяти тысячах жизней, пока не найду.

— Я буду ждать тебя в каждой их них, — так же тихо ответила Маргарита.

— Я тоже пойду освежусь, — когда девушка сменила его и зашла в ванную комнату, которую и язык бы не повернулся назвать так — только "омывальней", то была потрясена изысканной отделкой стен и потолка, светильниками, самой большой круглой ванной, напоминавшей, скорее, бассейн, не меньше, чем спальней. В этот раз девушка решила воспользоваться не душевой кабиной, а принять ванну, она открыла кран с горячей водой, добавила ароматной пены и с удовольствием погрузилась в неё, расслабленно зажмурившись от удовольствия.

— Ты, наверно, голодна, дорогая. Сейчас все будет, — он хлопнул в ладоши, и один из стражников вошел в комнату, неся в руках поднос с фруктами, сладостями и вином, поставил его на столик рядом с кроватью, почтительно поклонился и так же, молча, удалился из покоев.

— А у тебя тут совсем не плохо, я бы даже осталась, — завершив наслаждаться водными процедурами, девушка покинула ванную и присоединилась к трапезе, отпив вина и закусив пастилой и персиками.

— Даже в шутку, не стоит так говорить, — он серьезно нахмурился, — Пусть и роскошная, но, это — тюрьма, более напоминающая склеп. Теперь уже — ненадолго, — но, уже через секунду он улыбнулся, когда она так доверчиво и трогательно прильнула к нему, обмотавшись только баннным полотенцем, прежде чем снова переоделась в свою одежду, — Вот такая — без мишуры и прикрас, без одежды и макияжа — пленительная в своей природной естественности, ты для меня — прекраснейшая из женщин и самая желанная. Именно такой я увидел тебя и с тобой я познал истинное счастье: когда в доме, в постели и в мыслях — одна и та же женщина. Я бы всё отдал, если мог, чтобы не расставаться с тобой сейчас. А теперь тебе пора уходить, — он трижды хлопнул в ладоши и на пороге появился стражник, — Капитан, проводите госпожу, — он, как можно сильнее прижал её к себе, — Береги себя, родная, и поцелуй за меня детей. И запомни — я хочу знать, что ты улыбаешься, а не плачешь, — она только закусила губу и кивнула.

— Жан, прошу только, будь осторожнее, — Маргарита ещё раз поцеловала его и проследовала за своим провожатым. а Джон присел на подиум, закрыл глаза и опустил голову, подперев её руками:

— Господи, ну, что я творю...

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,

Оттого, что лес — моя колыбель и могила — лес,

Оттого, что я на земле стою лишь одной ногой,

Оттого, что я о тебе спою и никто другой.

Я тебя отвоюю у всех других, у той одной,

Ты не будешь ничей жених, я ничьей женой.

И в последнем споре возьму тебя, замолчи,

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,

У всех золотых знамён, у всех мечей.

Я закину ключи и псов прогоню с крыльца

Оттого, что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других, у той одной,

Ты не будешь ничей жених, я ничьей женой.

И в последнем споре возьму тебя, замолчи,

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Я тебя отвоюю у всех других, у той одной,

Ты не будешь ничей жених, я ничьей женой.

И в последнем споре возьму тебя, замолчи,

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но тебе не скрещу на груди персты,

О, проклятье, у тебя останешься ты,

Но пока тебе не скрещу на груди персты -

О, проклятье, у тебя останешься ты.

Марина Цветаева — "Я тебя отвоюю"

— О, смотрю, ты не скучал без меня, — сладким голосом проворковала Лаура, присаживаясь в кресло, — у нас были гости — верно, Дхармараджа?

— Тебя это не касается, — грубо отрезал Джон, разом остудив её пыл.

— Откуда такие нервы? Или ты плохо провел время? Ты обманул меня, — девочка сердито сверкнула глазами, резко вскочив с кресла, — Я предупреждала, что будет, если ты не будешь паинькой, правда? — он продолжал молчать, неторопливо приближаясь к ней, снимая на ходу очки, — Но-но-но, — она погрозила ему пальчиком, — я бы не советовала тебе этого делать, мы теперь связаны с ней магическим заклятием — убьешь меня, умрет и она, — Лаура убрала прядь своих волос за ухо, и в ухе её блеснула серьга Маргариты, — Поддавшись страсти, вы были неосторожны, и это не укрылось от меня. Не желаешь рискнуть и проверить? А что самое интересное, знаешь? То, что это не работает так же в обратном направлении — её смерть на мне не отразится, — от этих слов его передернуло, он нервно сморгнул, яростно сжав кулаки, и она довольно улыбнулась его реакции, — Думал, что перехитрил меня? Придется мне тебя наказать, чтобы ты хорошо усвоил урок, что меня нельзя обманывать, — сочувственно заметила девочка, — Я предвидела такой вариант и припасла кое-что для тебя: последний осколок моего зеркала, — зажатое между двумя пальцами, сверкнуло стеклышко, которое она резко метнула, и в этот раз она целилась уже не по глазам...

Зрачки широко распахнутых глаз расширились от жгучей боли в груди. Мужчина осел на пол и некоторое время оставался недвижим, смотря пустым взглядом в никуда. Вдруг, шквальным ветром, ворвавшимся в зал, выбило стекла в окнах, посрывало со стен карнизы вместе с тяжелыми шторами и разнесло деревянное кресло на мелкие кусочки — Лаура с трудом удерживалась на ногах, но, на её личике играла довольная улыбка.

— И чтобы ты наверняка запомнил, что не следует играть со мной, — девочка сделала несколько пасов руками в воздухе, и мужчина осел, а под его рубашкой расплывалось кровавое пятно от прорезавшейся на коже спины надписи клейма со словом "ROUGE".

Джон медленно поднялся, и выглядел он жутко, приняв Облик и обрета Атрибуты: его длинные черные волосы развевались, глаза его тоже были целиком черны, одет он был во всё красное.

— Хранители мне мешают. Ты убьешь их для меня. И — белобрысую и эту свою мелкую — в числе первых, — он подошел к ней и преклонил колено:

— Как прикажет моя госпожа...

Даже с крупницей мужества можно стать настоящим великим воином,

Даже с каплей любви в сердце каждый может стать Мессией...

— Поднимись, мой рыцарь, — девочка возложила свою ладошку на его голову, проведя рукой по темным волосам и по его щеке, легко и нежно прикасаясь к его горячей смуглой коже, — Я принимаю твою присягу.

— Располагайте мной, госпожа, — мужчина поднес её ладонь к своим губам.

— Всеми свое время, мой храбрый рыцарь, — Джон медленно поднялся во весь свой рост, глядя куда-то мимо Лауры, его напряженно сведенные брови и его бледность выдавали внутреннюю борьбу и сопротивление всего его существа, отторгающего насланное Лауритой проклятие, — Рассчитываю на твою верность. Теперь мы готовы завершить нашу битву.

В его глазах плескалась тьма, загоняя боль в самые дальние уголки измученной души. Он готов был к битве, он жаждал её, чтобы дать выход терзавшей его агонии. Способен ли он ещё терпеть или достиг уже своего предела?

В воздухе пахло грозой. Густые и тяжелые, темные облака собирались над городом гнетущим покровом. Каждый следующий раскат грома заставлял испуганно вздрагивать, а случайных прохожих втягивать головы в плечи, плотнее запахивая одежду. И наконец небеса разразились проливным дождем, грозно и гулко барабанившим по оконным стеклам.

Беспокойство передалось и детям, капризничавшим и ни как не желавшим успокаиваться. Даже Аделька весь день боязливо льнула к Маргарите, всё время путаясь под ногами. Не говоря уже о поведении Анри и близняшек, казалось бы беспричинно, захлебывавшихся в плаче и отказывавшихся от еды.

То ли по вине непогоды, то ли по стечению обстоятельств, телевизионный сигнал был прерван и сквозь шум и треск послышался различимый голос маленькой демонессы по имени Лаурита:

— Мне надоело играть с вами в кошки-мышки, господа-Хранители. Если вам дорога судьба этого мира, вы найдете меня в центральном парке на рассвете завтрашнего дня.

Маргарита так и застыла посреди кухни с бутылочкой детского питания в руках. Мало кто уловил бы истинный смысл прозвучавших слов, большинство услышало лишь помехи в телевизионном эфире. Сердце молодой женщины болезненно сжалось в груди — ясно было, что у Лауриты припасен козырь в рукаве, иначе она не осмелилась бы так открыто и нахально заявить о себе. И как бы это не было связано с недавним их свиданием с Джоном... Руки и ноги её задрожали, и всё тело трясло и морозило. Скоро всё должно разрешиться, и каким будет исход она не могла предположить, даже используя свой дар предвидения. Её ладони вспотели и стали противно мокрыми и липкими. На душе у неё было так же противно сейчас. Чем объяснить нервное состояние? Мандраж? Предчувствие беды? Обреченность приговоренного?

Маргарита не переставала волноваться за любимого мужчину — у неё и без того было достаточно мотивов для переживаний, а сейчас их и вовсе настолько прибавилось, что она места себе не находила, порывисто выхаживая туда-сюда по кухне и нервно грызя

собственные ногти. Послышались знакомые легкие шаги, и Маргарита обернулась.

Глаза Марка превратились в две напряженные узкие щели, а сам он едва не дрожал, бледнея от гнева. Лицо стоящей рядом с ним Мей выражало крайнюю решимость.

Даниэлла выглядела хмурой и какой-то уставшей, постарев внешне сразу на несколько лет. Мрачен был и брат златовласо- Питер.

Обменявшись с ними молчаливыми взглядами, маленькая брюнетка опустилась в кресло положив тяжелую от множества мрачных мыслей голову на поверхность столешницы кухонного стола.

Появившиеся на кухне следом з друзьями её родители по лицам собравшихся предельно ясно поняли, что упоминание Хранителей им не слышалось.

А дальше слова были не нужны, но Маргарита все равно посчитала нужным объяснить с ними:

— Мамочка, папочка, вы знаете, как сильно я вас люблю? — порывисто обняв обоих, и мать, и отца, — Все будет хорошо, вы только верьте в нас. Мы слишком привязаны к этому миру. Этот мир так прекрасен, и сделаем всё, чтобы защитить его. Его... и вас, ради наших детей, ради наших близких, что живут в этом мире.

— Надеюсь ты знаешь, что делаешь, — взор матери был столь печальным, что Маргарита вся сжалась под тяжким чувством вины обволакивавшим до тошноты и головокружения, но решения своего, тем не менее, не переменила.

— Месье Шарль, мадам Валентина, — ей на помощь пришел Марк, взяв слово, пока растерянная молодая женщина искала в себе силы посмотреть в глаза своим родителям, — Обещаю вам проследить, чтобы ваша дочь вернулась к вам целой и невредимой.

Сказать, что Маргарита плохо спала в эту ночь, не сказать ничего. Никто из них не сомкнул глаз до самого рассвета. Хотелось сорваться и навестить Джона в его заточении, но Маргарита помнила, что он просил её не делать этого... Одного его взгляда хватило бы, чтобы придать ей так необходимых теперь сил и мужества выдержать это до конца и принять с достоинством финальный бой. И только в таких же удивительных карих глазах дочерей и маленького сына видела она отражение глаз любимого супруга. И да, она по-прежнему считала себя его законной женой. Утро Маргарита встретила почти с облегчением, всем сердцем надеясь и предвкушая желанную встречу с дорогим человеком.

Кровавые краски новой зари вселяли страх перед своей судьбой в грядущем дне. Победа или поражение? Умереть или выстоять? Они были готовы защищать всё то, что было им дорого, и цена в этом случае не имела значения. Уходили с тяжелым чувством и нервно дрожащими пальцами рук — словно в неизвестность, где не было гарантии возвратиться назад домой к любящим их людям, но решительно настроенные сражаться до конца... какого бы то ни было...

Ливень не прекращался со вчерашнего дня, ветер протяжно и уныло завывал по ту сторону окна, беспощадно хлестая дождевыми струями по стеклу, навевая мысли о погребальных стенаниях плакальщиц. Не прекращающееся буйство стихии порождало первобытный, почти животный ужас в сердцах простых людей, наблюдавших из своих квартир, настороженно притихнув, точно чувствовали, что где-то сейчас решается их судьба, судьба всего человечества, в ожидании исхода подобного ожиданию приговора.

Валентина стояла у окна, глядя сквозь мокрые потеки по стеклу на разыгравшуюся непогоду и нервно вздрагивая от каждого громкого раската. На своих щеках она явственно ощущала влагу, будто бы стояла сейчас там на улице под проливным дождем. Маленький

Анри у неё на руках наконец заснул, устав, но его лицо ещё было покрасневшимся от напряженного и продолжительного плача. Адель и маленькие близнецы стояли позади неё, своими тонкими пальчиками вцепившись в подол женской юбки, то и дело шумно всхлипывая.

— Где же Жан? — Маргарита нервно переминалась с ноги на ногу у входа в парк, было холодно, но она не обращала на это внимание и дрожала больше от волнения, нежели от холода, — Его до сих пор нет, и я так волнуюсь за него. Только бы с ним ничего плохого не случилось... У меня душа не на месте, так я переживаю, — молодая женщина подняла на Марка свое мокрое бледное лицо с посиневшими губами. Юноша выглядел пугающим и опасным, по его волосам стекали крупные капли дождя.

— Ты должна взять себя в руки, Марго, — за супруга ответила Мей, сейчас больше походившая на героиню японского фильма ужасов "Звонок" с растрепанными черными волосами и неестественно белым цветом сосредоточенного лица, — Соберись! Ради него, ради детей. Ради нас всех, или я никогда не прощу тебя.

— Верно, мы все рискуем, — тихо прошептала маленькая брюнетка.

Остальные стояли рядом, застыв в грозном молчании.

В столь ранний час и при такой погоде в парке могли быть разве что случайные прохожие, но Лаурита не пожелала рисковать даже в мелочах — и в этот раз она добьется своего, чего бы это ей не стоило. Всё вокруг заволочло густым туманом, в глубине которого пространство начало меняться, захватив Хранителей в клубящийся туманный вихрь, чтобы перенести их к развалинам некоего храма или иного подобного сооружения.

С неба вырывались пучки света, били в землю и достигая цели, ослепительно вспыхивали и исчезали вместе с жертвами. Обычные люди не были задействованы — только бессмертные воители... Даниэлла бежала, прыгала, спотыкаясь, уворачиваясь от лучей и падала, каждый раз снова поднимаясь на ноги и продолжая бежать.

— ...Что это?! Ядерная война?!

Но, вот, луч чуть не настиг и её. На миг свет стал невыносимо ярким...

Равнина. Под ногами — развалины какого-то храма. Небо было светло-серым, холодным и чужим. Ветра не было.

Однако же, первыми на месте уже были сестры-Стражницы Николь и Мишель, стоя напротив демоницы, настороженно разглядывая друг друга, приготовившись атаковать в любой момент.

Переглянувшись между собой, сестры одновременно шагнули в сторону Лауры, опустившись перед ней на колени, оставаясь при этом на почтительном расстоянии от неё.

— Разрешите служить вам, госпожа.

Появившиеся сквозь пространственную пелену Хранители ошеломленно переглянулись, не поверив собственным ушам, что действительно слышат эти слова.

Маргарита отчаянно замотала головой, не желая слушать и верить услышанному, сморгнув подступившие слезы. Не могла и не хотела она верить в то, что те, на кого она старалась походить, способны были предать.

— Докажите сперва вашу верность, — не растерявшись, потребовала Лаура, — избавьте меня вот от него, — она ткнула своим пальчиком в первого попавшегося, и им оказался высокий рыжеволосый кузен Маргариты.

Молодые воители замерли на месте под предупреждающим взглядом двух пар глаз: цвета бесконечного и вечного небесного свода и цвета манящих бездонных океанских

глубин.

И стало вдруг так больно и страшно, что задрожали колени и руки — парализующий страх проникал в каждую клеточку их тел. С ними не было их наставника Джаньяна, прекрасные и сильные Стражницы готовы стать на сторону противника — вся храбрость и вся решительность тут же улетучились в неизвестность, на смену им пришел страх. Что теперь им делать? Как поступить и где найти сил противостоять коварному и многоликому злу?

Рыжий Этьен встретился взглядом с Николь и обмер, невольно сглотнув подступивший к горлу неприятный тошнотворный ком. В её глазах он прочел то, о чем она как-то говорила с ним, но к чему он так и не смог быть готовым. Ему ещё не приходилось ни чем жертвовать в своей жизни, потому он всё же немного боялся... Да и как к такому вообще можно подготовиться?!

— Ники, вы ведь не сделаете этого, правда? — голос парня дрогнул, он и подумать не мог, что тот кошмарный сценарий, что они обсуждали, станет ещё более ужасной реальностью.

— Если мы убьем его, вы примете нашу лояльность? — Николь старалась, чтобы интонация её голоса не выдала её особого отношения к этому молодому человеку.

— Сперва сделайте, а я подумаю, — спокойно ответила девочка, пока за её спиной собиралось демоническое войско.

Специально ли она выбрала противниками этих двоих, знала ли она об их связи и нарочно ли заставила любовников сражаться друг против друга, чтобы понаблюдать за этим зрелищем — знала об этом только сама Лаурита. Ежели нет, то это была сама жестокая ирония судьбы.

— Принимаешь ли ты вызов, рыжеволосый воин? — серьезно поинтересовалась Николь.

— Да, Воительница Небес, — тихо ответил юноша, доверяя свою судьбу её нежным рукам, что столько раз дарили ему наслаждение, обучая искусству любви.

И начался поединок, в котором заведомо не было победителя. Он знал, что ему не выстоять против неё, более опытной воительницы — и прекрасно понимал это. Но дав свое согласие, он применит все то искусство, которому успел научиться у Джона и у неё. Никто не должен ни о чем догадаться — таков план.

И он не поддавался, сражаясь по-настоящему, ибо знал, что и соперница его щадить не будет.

Под действием его заклятия туман вокруг сгустился, но казалось, что для Небесного воина Николь это не составило сколь-нибудь серьезного препятствия.

Сквозь туман мелькнуло лезвие клинка, безошибочно разящего свою жертву.

Рыжий воин был повержен, медленно оседая. Кровь пошла у него горлом.

Все произошло слишком быстро, почти молниеносно, чтобы можно было что-либо сообразить и адекватно отреагировать.

Воительница небес повернула бесстрастное лицо к маленькой демонессе, в то время, когда хотелось кричать до хрипоты от боли и горечи потери, прикусив язык, пока не ощутила соленый привкус наполнявшей рот крови — но ни одной, даже самой крошечной, слезинке не позволено было скатиться по застывшей щеке.

— Впечатляет, — Лаурита неспешно захлопала в ладоши.

С силой сжимая маленькие кулачки до побеления пальцев, Маргарита едва не

захлебнулась парализовавшим тело отчаянием, стараясь не смотреть на мертвое тело, до того было невыносимо видеть того, с кем вместе выросла недвижимым на холодных плитах, в его же собственной крови.

— Да, уж, впечатляет! — прорезался голос прежде тихой Эллен, бросившейся к телу брата, — Ну, что же вы стоите, убейте уже и нас тогда, вероломные предательницы! Попробуйте!

— И в самом деле... — лениво протянула Лаурита, — Хорошая идея, я запомню её, — она поманила Стражниц приблизиться к ней ближе.

Продолжая хранить гнетущее молчание, сестры подошли, став по обе стороны демонессы.

Далее произошло то, чего юные воители совершенно не ожидали от перебежчиц: в отсвете очередного разряда молнии сверкнули два коротких кинжала в руках Стражниц, войдя в маленькое тело едва ли не по самую рукоять.

Лаура только хрипло рассмеялась, отряхиваясь:

— Неужто вы настолько наивны, что подумали, будто я столь глупа, чтобы вот так запросто подпустить вас близко к себе? — Стражницы переглянулись с какой-то безысходной тоской во взглядах, если молодые неопытные Хранители, стоявшие напротив, ещё не осознали всего драматизма происходящего, то они, к своему большому сожалению, прекрасно поняли всё, — Зато теперь я имею полное право на то, что уже так давно мечтала сделать.

Под её пальцами закружились четные вихри, поднявшие высоко в воздух хрупкие тела Стражниц, а следом за ними взлетели и их клинки, вонзаясь в тела своих владельцев.

Они знали, на что шли и чем рисковали, но — увы, допустили фатальный просчет, недооценив противника.

Глядя на их дрожащие тонкие руки в последней отчаянной попытке дотянуться друг к другу, в памяти Маргарита вновь всплыли образы её и Даниэллы как японских наемниц.

Пара девичьих тел на твердых плитах у ног Лауриты, и сдавленный всхлип тех, кто видел их падение. У них были свои методы, и нужно быть самому безгрешным, чтобы иметь право судить их.

Друг против друга — две армии. Неподвижные как статуи. Решительные, готовые стоять до последнего за то, во что верили всем сердцем, за свои мечты, за своих близких, за будущее своих детей...

— Теперь моя очередь, — самодовольно улыбнулась русоволосая мелкая пакостница, — А вот и мой козырь, или вернее скажат- Джокер...

Из-за колонны вышел Джон. Стройный, в красной шелковой рубашке, вышитой золотом и подпоясанной плетёным кожаным поясом, в обтягивающих брюках, красных сапогах до колен, его алый плащ касался земли... Он был великолепен и выглядел устрашающе прекрасно.

Длинный меч описал полукруг и высек искры из каменного пола в том месте, где миллисекунду назад была Даниэлла... Она ещё раз перекатилась, чудом избежав чудовищного удара сверху. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах поверить, и вяло отмахиваясь от его атак.

— Как же это... Брат... Я не могу... — непонимающе бормотала она.

Он ухмыльнулся. В глазах — жестокость и холод...

Следующий удар пришёлся белокурой в плечо. Она вскрикнула и отскочила. Рука,

державшая меч ослабела, и он чуть не выскользнул — она перекинула его левую руку.

— Дерись! — прикрикнул Джон.

— Ты что это творишь, а?! Я ведь предупреждал тебя, — Марк попытался вмешаться, но Джон легко, словно котенка, отшвырнул его в сторону, парень только потом сообразил, что тот больше не слеп.

Решив не тратить на бессмысленные разговоры и вопросы, девушка отчаянно ринулась в бой в надежде вымотать противника. Они рубились молча, весь остальной мир перестал существовать. Клинки сшибались, сталь визжала, рукояти выкручивали руки, пот застилал глаза. Дэни слабела. Была задета нога, на теле — множественные ранения. Рука онемела — вот-вот и она вообще откажется повиноваться.

А глаза его молили о помощи:

— Ты сможешь, — он старался говорить одними губами, — Убей меня. Ты должна. Мне уже не поможешь. Я всё понимаю, но не могу остановиться. Маргарита не способна на такое — ты... помоги мне...

Златовласая ошарашенно посмотрела на него, отступая...

Маргарита не могла смотреть спокойно на поединок двух близких ей людей, судорожно соображая, как же можно остановить это безумие — дышать было всё тяжелее — приступ удушья сковал и тело, и разум, а мысли путались в воспалённом мозгу. Господи, как же она ждала, что снова увидит своего Джаньяна, и эта надежда поддерживала и придавала сил. И что же она видит теперь? Пока они сражались, она умирала тут, глядя на них.

Она смогла решиться на этот шаг только лишь от безысходности — между Джоном и Даниэлой внезапно оказалась Маргарита. Ничего лучше она сейчас придумать не смогла.

— Опомнитесь! Прекратите это безумие, заклинаю вас! — почти взмолилась она, которая до последнего верила и ждала его появления.

Точный выпад... Маленькая брюнетка замерла и вскрикнула, но не от боли. Её губы дрожали, в тёмных, слегка раскосых, глазах застыло удивление, и они были полны слёз — но в них не было боли, не было осуждения, только потрясение и шок. Кровь тонкой струйкой текла у неё изо рта и капала на пол. Вся жизнь, вместе с печалью и радостями, взлётами и падениями пролетела, как один миг...

— За что, Маэстро? — взор затуманился, ноги слабели, — Я не могу поверить... — едва слышно простонала Маргарита.

Джон резко выдернул меч и вовремя подхватил девушку:

— Дурёха, зачем ты полезла? — прохрипел он, и его взгляд, и его голос были словно чужими.

— Ты ведь это не серьёзно, правда? — Маргарита посмотрела на него своими огромными глазами, — Я не верю. Посмотри — это мы. Ты не можешь так поступить с нами. Ты наш друг, ты не мог нас предать. Это же не ты... Ты, ведь, не хотел этого...

— Да-да, зачем?! Ты мне всё, блин, испортила, ненормальная! — Лаура топнула своей маленькой ножкой, — Добей её. Прояви милосердие и оборви её страдания. Ну, же! Не заставляй меня ждать!

— Куда тебе понять! Людьями иногда движут не злоба и ненависть, а совсем иные чувства! Но это — не про тебя! Разве тебе ведомо, что такое любовь и дружба?! — не выдержала Даниэлла.

— Зачем? — тихо произнесла Маргарита — Жан, дай мне руку, закрой глаза и освободи свой разум, доверься своему сердцу, как ты всегда делал, — дрожащими руками сжала его

ладонь, — Ты просто потерялся, и я не могу оставить тебя одного блуждать во тьме.

— Я видел... Что это было?... — мужчина содрогнулся от этих видений.

— Картины из твоей жизни. Даня, прости меня, пожалуйста, может, я и, в самом деле, глупо поступила, но я не видела иного выхода... Живите оба... — едва заметно улыбнулась Маргарита.

Джон посмотрел на свои окровавленные руки и устрасился — быстрым движением он отбросил меч:

— Неужели я сделал это? Прости, родная, я видел вас, но не мог остановиться. Я пытался, прости. Но, как можно было предать вас, дороже кого для меня нет и не будет? — он опустился на каменный пол, он прижимая к себе Маргариту, и страшен был его крик, — Лаура, слышишь, я больше не в твоей власти!!! — потом он повернул к друзьям мокрое от слёз лицо, — Я пойму, если вы не захотите простить меня, так как моему поступку не может быть оправдания... Я очень виноват перед вами...

Всяким видела его Даниэлла, но таким разбитым — никогда ещё прежде.

В этот раз его глаза излучали свет и добро, и были полны раскаяния. Маргарита посмотрела на него с нежностью и любовью:

— Милый мой дурачок! Надо иметь большое мужество, чтобы признать свои ошибки. Не беда, если человек оступился — это может с каждым случиться, но рядом с тобой есть люди, которые готовы помочь тебе подняться.

— Я вам буду очень признателен, если вы не захотите пропустить мои мозги через мясорубку, — попытался пошутить он.

Златовласая озорно улыбнулась:

— Ну, ты провинился сегодня... Но, так и быть, по доброте душевной, я тебя прощаю.

Маргарита положила одну руку ему на плечо, а второй потрепала его за щеку:

— Я люблю тебя!

Джон обнял жену за талию и поцеловал:

— Я тоже люблю тебя, милая. Спасибо, что вернула мне самого себя.

Внезапно рана дала о себе знать: молодая женщина в его руках побледнела и едва не потеряла сознание — только его крепкие объятия удерживали её...

— Марго, нет! Не оставляй меня! Неужели я не достаточно наказан?! — с ужасом мужчина смотрел, как кровь отливает от её лица, — Без сомнения, я заслужил кары, но — не ты!

— Кончайте разыгрывать Шекспира! Вы на Ромео с Джульеттой не очень-то похожи, — раздраженно заметила Лаурита, — Видала я Шекспира, он в гробу переворачивается от такой вашей трактовки.

— Прости меня, жизнь моя! Как я буду смотреть в глаза твоим родителям и нашим детям? Как я теперь смогу жить с этим? — его трясло от одного вида своих окровавленных рук.

— Да никак! Но, этому легко помочь — вы меня уже достали! — Лаура была в крайней степени раздражения, посылая энергетический поток в их направлении.

— Сила Солнца!!! — Маргарита собрала остатки сил для атаки.

— Властью, данной мне Небесами, Отец — Солнце, защити нас! — золотистый свет окутал Джона и Маргариту, но, не надолго...

Множество проводов опутали их с ног до головы, беспощадно впиваясь в тело...

— А вы что, думали напугать меня своими жалкими фокусами?! — в бешенстве

кричала маленькая демонесса, — Добить их!

Сил ставить новый блок не было... По проводам было подано напряжение...

Маргарита и Джон закричали от боли...

— Мы должны вступить в бой! Они так долго не продержатся! — белокурая не могла просто смотреть, как умирают её лучшие друзья, но ничего сделать не смогла — все они были словно парализованы не в состоянии пошевелиться...

Марк неистово пытался снова получить контроль над своим телом — опять Лаура, и опять забирает у него самое дорогое, — беззвучные слёзы скользили по его лицу.

— Чёрт! С нами ещё не покончено! — прохрипел Джон.

Глаза демона, повелевающего электричеством, встретились со смертоносными глазами Ямы.:

— Ага! Наконец, я нашёл, за что зацепиться взглядом!

В его голове пульсировала ужасная боль — мозг словно закипал, а потом это ощущение перешло на всё тело, но изо всех сил он держал напряжение — на лбу выступил холодный пот, а сосуды на лице и руках вздулись — истинно невыносимо было смотреть в глаза самой Смерти...

— Будь ты проклята, Лаура! Я тебя никогда не прощу! Слышишь, никогда! — по щекам Даниэллы текли слёзы...

Совсем некстати Маргариту пробило на французскую речь — она просила, несмотря ни на что, не сдаваться...

— Друзья, простите... Надеюсь, ещё можно исправить... Я верю в вас... — это были последние слова Джона...

Наконец златовласая снова овладела своим телом, что стоило ей просто-таки титанических усилий и, долго не раздумывая, пустила в ход сюрюкен: куски проводов упали на каменные плиты, а вместе с ними и Джон с Маргаритой... Недвижимые, они оставались лежать.

Друзья бросилась к ним:

— Лаура, твою мать! Почему они?!?! — вырвалось у Даниэллы.

Начавшийся вдруг ветер унёс фразу, так и оставшуюся без ответа... Ветер пригнал тяжёлые свинцовые облака, с которых срывались крупные капли, смешивавшиеся со слезами. Потом начался ливень, вода хлынула мощным потоком... Капли дождя ударялись о каменные плиты, порождая крупные брызги... Вода стекала по лицам Джонни и Маргариты — казалось, что и они плачут... Запаханная грязью и кровью, промокшая от дождя одежда ключьями висела на их израненных телах, но их лица были светлы, как никогда... Вспышки молнии освещали долину, а раскаты грома пронзали страшную тишину...

— Ну, же, вставай, дорогой старший брат! Вставай же, моя маленькая француженка! — блондинка тормозила их словно тряпичных кукол, но безуспешно.

— Как трогательно! — театрално всплакнула Лаурита, — Несчастливая доля бессмертных: вечно сражаться, вечно терять друзей; словно Солнце умирать каждую ночь и воскресать каждое утро! Бедные, вы очень устали, наверное! Что ж, Маргарита, любовь приносит страдания и боль, запомни это!

— Заткнись, ты! — резко оборвала её речь Даниэлла, с трудом поднимаясь на ноги, — Скажешь ещё хоть слово...

— Ты... — вокруг Марка поднялись в воздух комья земли, обломки камней и железной арматуры.

— Она — моя, — жестом остановила его блондинка.

— Тише! Тише, Кешью! — Лаура зло ухмыльнулась, — Я ж до них и пальцем не дотронулась! Я, правда, очень сожалею...

— Не смейся народ! — разгневанно бросила златовласая.

— Ты отняла у меня того, кого я любила — я же отниму у тебя всё, — в её больших детских глазах стояли слёзы.

— Я не убивала! — Даниэлла закричала, потом умолкла и перешла на шепот, — Я не хотела этой любви, но он сам выбрал нас, и теперь мы будем защищать и его — так хотели бы они...

— Лаурита, ты перешла границы дозволенного, — за спиной златовласой послышался голос Ондзи, пусть и с опозданием, но появившегося наконец вместе с двумя своими помощниками и принявшего сторону Хранителей, — Посмотри, что ты наделала. Это что угодно — только не любовь. Да, я лучше умру, чем буду с тобой. и я не жалею о своём выборе.

— Не трать понапрасну слова, — покачала белокурой головой Дэни, — Что она может понять?

— Ну, почему же? Кое-что я понимаю — ты, всё-таки выбираешь их, — девочка бросила печальный взгляд на него, потом снова повернулась к Дэни, — Счёт не в твою пользу, Кешью... Кто-то говорил, что предпочтет смерть, так я легко могу это устроить, — девочка вопросительно посмотрела на неё, — Хотите продолжать?!...

— Шутишь, дорогая?! Разве я могу отказать себе в таком удовольствии?! — Лауру испугал не столько язвительный тон Даниэллы, сколько странный злой блеск в её глазах — в них она прочла смертный приговор, но взяла себя в руки:

— Не слишком ли громко сказано? — отпарировала Лаура.

— Ты всё сказала? Можно переходить к делу? — белокурая была на пределе...

В гуще сражения мелькали каштановые кудри Питера и Джастины, огненно-рыжие локоны Эллен, белые рукава кимоно и алые ленты Облика Мей, сверкали парные клинки её катан, что достались ей в наследство от родителей, и одну из которых она с легкостью отдала Марку.

Сквозь плотный туман и шум битвы трудно было вообще что-либо разобрать.

Даниэлла и Лаура смотрели друг на друга... В их глазах отражался лунный свет, освещающая их лица с одинаковыми чертами. Одно такое нежное с ласковым выражением розовых губок и другое — жёсткое, загорелое, со сведенными бровями, в крови, с вызывающе выделяющимся белым шрамом...

— Ну, что ж, Кешью, вот и всё... Только ты и я... Что бы это значило?... Как же качнутся чаши весов? Оглянись, Дэни, стоит ли это того?... — за всё время Лаура первый раз назвала Даниэллу по имени...

Златовласая оглянулась и ужаснулась:

— Чего ты добиваешься, Лаура?!

— Хотела бы я иметь таких друзей, как у тебя... — в её голосе прозвучали ноты сожаления, — Но, мы обе проиграли...

— Замолчи! — Даниэлла не желала даже голос её слышать, — Ты не стоишь и мизинца любого из них!

— Может быть... — устало выдохнула собеседница, — Но, я лишь выполняла свою миссию... Знаешь, Кешью, у меня есть мечта — убить тебя, но, твоим же оружием... такого

я и представить не могла! Сейчас, кажется, у меня появился шанс...

— А это — исключительно для тебя: вся та боль, что испытали мои друзья! — Дэни сконцентрировала всю свою энергию и послала мощную ауру, — За Джонни и Марго! За Питера и Еву! За Марка и Мей! За Эллен и Этьена! За Джастину и Дэна!

Лаура исчезла... Даниэлла ещё долго слышала её смех...

— Спасибо, ребята, за всё... Это ваша победа... — Дэни убрала мокрые волосы с лица.

Не было слёз, не было слов, не было мыслей, не было чувств — она была словно раненый зверь.

Даниэлла села на колени... Она посмотрела на луну и звёзды... Крик израненной души вырвался из её горла, и она растворилась в сиянии лунного света...

— Джанъян, поднимайся, сын, — сначала ему показалось, что знакомый голос звучит у него в голове, но он продолжал звучать всё настойчивее, и Джон открыл глаза, сквозь пелену перед глазами с трудом угадывая очертания отцовского лица, — Тебя ждут, у тебя еще много незаконченных дел.

— Отец, — он протянул руку, и князь помог ему подняться на ноги, — Разве я ещё жив? Последнее, что я помню, была адская боль — как физическая, так и душевная.

— О! Ну, тебя не так-то легко убить, — отец улыбался, и улыбка эта согревала, пока Джон взволнованно озирался вокруг, — Ты же знаешь, кто ты есть. Вернись, и покажи, кто ты. Твои воины ожидают распоряжений своего господина.

— Мои? Воины? — в это сложно было поверить. Нет, конечно не в то, что отец снова помог ему, но в то, что все это многочисленное призрачное войско, которого трудно было не заметить, при полном боевом облачении — его войско.

— Армия, желающая исполнить свой долг, — пояснил Вайвасват несколько растерявшемуся сыну.

— Но, ведь это же... — среди полководцев минувших эпох Джон увидел свою знакомую в доспехах эпохи древнего Египта, — Джина?!

— Рада встрече, Повелитель. — Паучья Королева приветливо улыбнулась, легко поклонившись ему, — Мы готовы послужить тебе.

— Готовы ли вы отдать свой долг и исполнить свой долг передо мной? — при полном Облике, обретя Атрибуты, соответствующие его положению, Джон держал речь перед войском заблудших душ, ожидавшим отпущения их прошлых грехов, — Я же обещаю даровать вам свободу, но лишь после того, как вы выполните свои обязательства. Я никогда не пользовался своей властью, но сейчас особый случай: клянусь признать ваши обеты исполненными, если будете сражаться за меня.

— Нам достаточно твоего слова, Повелитель, — войска полностью подчинились его власти.

— Тогда иди, сын, — Вайвасват положил руку на плечо Джона, благословляя его, — возвращайся, чтобы изменить этот мир.

— Марго? Дэни? — мужчина предпринял попытку открыть глаза и подняться, — Марк? Мей? Не может быть, чтобы я опоздал... — шея затекла и вращать головой по сторонам для Джона оказалось затруднительно и болезненно.

Ему подали руку, чтобы помочь встать, и это была рука его побратима Самаэля. Шатаясь, удерживаться на слабых ногах мужчине помогала поддержка друга.

— Господи, я же... Я же... её... — Джон дрожащими пальцами вцепился в плечи Сэма, — О, мой Бог!

— Маленькая госпожа жива, Джаньян, — повернувшись на голос, Джаньян с облегчением увидел улыбку рыжеволосой Кали, а вместе с ней и своих брата и сестру, — Поднимайся, нам предстоит завершить эту войну.

С большим трудом, но он заставил себя подняться в полный рост. В руках его оказалась легендарная Глефа Безмолвия, которую он собирался опустить, дабы обозначить конец существующего мира и существующего порядка.

Налетевший подобно вихрю Марк (среди сражающихся можно было заметить и его соплеменников-ракшасов, вместе с отцом пришедших на помощь своему принцу) не дал Джону этого сделать, сбив с ног и взмахом руки отбросив артефакт подальше, используя мощь управляемых воздушных потоков:

— Я не позволю тебе опустить её, — прохрипел парень, буквально пригвоздив Джона к земле и не позволяя тому пошевелиться, — Только попробуй, и я убью тебя, клянусь! Пускай даже Маргарита проклянет меня потом.

— Черт, Марк, это же я, — мужчина продолжал играть в гляделки с юношей, пока не убедил Марка, что это на самом деле он, и не представляет более опасности. По крайней мере — не для них...

Он так и не простил Лауре того, что она заставила его пережить: сбросив с себя легкого Марка, каким-то внутренним шестым чутьем догадался, где искать её, и в одном порывистом прыжке оказался подле маленькой демонессы в гуще сражения, уже занеся над её головой свою Глефу.

— Кто ты? — прикрывая девочку своим телом, азиат со смесью страха и восторга смотрел на обретенный им облик.

— Я есть кровь от крови своего отца, — голос Джона звучал непривычно хрипло и грозно, — Я — проводник и владыка заблудших душ. И я не оставлю безнаказанным издевательство над собой. Не мешай правосудию и не стой у меня на пути.

— Прошу, не надо... она ранена, — Ондзи умоляюще посмотрел в его темные глаза, — Не ты ли, Ваша милость, показал нам, что значит милосердие?

— Не смей трогать его! Он не виноват и не должен отвечать за меня, — первой не выдержала Лаура, неизвестно откуда взяв силы, не характерные для её маленького тела, чтобы оттолкнуть Ондзи, готовая принять удар на себя.

Пространство пронзило яркое сияние, и все присутствующие вокруг, словно замерли, а время остановилось в своем движении.

Все они снова оказались в центральном парке, а над головой светило яркое солнце.

— Лаура? — первым пришел в себя азиат, напряженно вглядываясь в очертания темного силуэта, — Лаура...

Она поднялась, прикрываясь остатками разорванной детской одежды и своими изумительными длинными волосами, в глазах её стояли слезы — она больше не была ребенком, теперь у неё было тело девушки.

— Ты готова была умереть за меня, госпожа? — он укутал её в свой плащ, крепче прижимая к себе, а её продолжало трясти, и не в силах была произнести ни слова. Тогда Ондзи взял её на руки.

— Оставь их, Дхармараджа, — мягко улыбнулась рыжеволосая богиня, — Им теперь о многом нужно поговорить, а ты можешь позволить себе быть милосердным.

— Господи, Жан! Это действительно ты?! — хрупкая и маленькая Маргарита чуть было не задушила его в своих объятиях, всхлипывая через каждое слово.

— Это точно я, — он провел рукой по её волосам, нежно касаясь губами темной макушки, — Благодарю, что верила несмотря ни на что. Вам не стоит бояться меня: дар Даниэллы уравнивает мою разрушительную ауру. Так что, это она нас всех спасла, возвратив к жизни тех, кого мы потеряли, — мужчина повернулся в сторону белокурой и легко поклонился. Девушка ответила довольной улыбкой.

— А сейчас нам пора домой, верно, Азраэль? — он протянул свою руку, на которую села знакомый сокол, радуясь встрече со верным другом.

А дома их ждало еще так много дел. Дом, где всегда им будут рады, где в любом случае их будут ждать — с победой ли, с поражением ли... Где буду ждать и верить, что они обязательно вернуться.

— Анри, сынок, посмотри, кто здесь, — пока Аделька и близняшки по праву оккупировали колени отца, Маргарита потянулась к сидящему на руках у Валентины сыну, — подойдем, поздороваемся с папой, дорогой.

Но мальчик только сильнее вцепился пальчиками в бабушкины рукава и громко заплакал.

— Анри-Марк Дестинофф, это что ещё за фокусы? — рассердилась Маргарита, — Это же твой отец.

— Не надо, Марго, не надо... — Джон остановил её, — Это моя вина, что меня не было рядом с ним, и мальчик не помнит меня, да и вид мой сейчас такой, что ребенок испугался. Уложи его спать, а я пока приведу себя в порядок.

— Я отнесу ребенка и уложу, — мать забрала детей, пока и остальные не раскапризничались, — Вам не помешает побыть наедине. Только не забудьте хоть немного отдохнуть.

— Уж как получится, обещать не могу, — хитро сощурилась Маргарита.

Когда Джон принял душ и привел себя в более приличествующий вид, на столе его уже ждал разогретый ужин.

— Я подумала, что ты проголодался... — Маргарита слегка покраснела и состроила рожицу.

— Ты срезала корку с хлеба, размяла яйца и принесла мне яблочное пюре и теплое молоко? — мужчина не смог удержаться от смеха, весело заметив, — Мне не три года, дорогая, а лет так на тридцать больше будет, но всё равно спасибо.

— Ой, это я машинально, привыкла готовить для Анри и девочек, — молодая женщина хлопнула себя ладонью по лбу и села рядом на диван, продолжая смеяться вместе с ним.

Когда он передевал рубашку, маленькая брюнетка вздрогнула, увидев новые шрамы на его спине:

— Это навсегда? — тихо спросила Маргарита. Подойдя к Джону ближе.

— Не могу сказать, но пляж пока что не для меня, — попытка пошутить вышла не самой удачной.

Оба вдруг замолчали.

— Всё нормально? — спросил Джон, заметив озабоченное выражение на её лице.

— Кроме того, что мы родители самого необычного ребенка? — силилась улыбнуться она.

— Ну, так ведь и мы необычные родители, — обняв жену, мужчина предложил зайти посмотреть, как спят дети.

— Нет-нет-нет и нет, — только войдя в комнату, Маргарита подошла к детской

кроватьке и недовольно покачала головой, — Ни каких ярких и возбуждающих оттенков, только нейтральные и успокаивающие тона и расцветки. Вот, нежно-голубое — то, что нужно.

— Но, это мое одеяло, — растерянно пожал плечами Джон, теребя в руках детское одеяльце алого цвета, — меня им укрывали.

— Прости, милый. Не обижайся, но тут я буду непреклонна, — стояла на своем Маргарита, принявшись крутить настройки радионяни, — И Моцарта ты зачем выключил? Он благотворно влияет на психику.

— Если тебе так спокойнее, — зная, что в такие моменты спорить с ней попросту бесполезно, супруг поспешил согласиться, но добавил, — Только он все равно будет драться с другими мальчишками, сбивать колени и лазать по деревьям. Ты же не сможешь оградить его от всего мира.

— Пусть так, но пока я буду делать все, что в моих силах, чтобы наполнить его сердце добротой и гармонией, — резюмировала Маргарита.

— Конечно, как скажешь, дорогая, — Джон обнял её, зарывшись лицом в её темные волосы, — Я должен просить у вас прощения. Я хотел подарить тебе весь мир, но теперь у меня ничего нет... Даже своих детей я смогу видеть лишь изредка.

— Это не так. Или ты не согласен, что самые главные в жизни вещи — совсем не вещи? — Маргарита подняла голову, чтобы посмотреть в его глаза, — Ты — их отец и сможешь навещать их, когда захочешь. А я буду рассказывать им, какой замечательный у них папа, и как мама сильно его любит. И в следующий раз Анри не будет тебя бояться.

— Я так сожалею, что сломал тебе жизнь, — мужчина покачал головой, — но ты ещё молода и ещё можешь быть счастлива. Понимаю, что тебе очень тяжело, и если ты встретишь когда-нибудь другого, с кем захочешь быть, и кто сможет быть рядом с тобой... мне будет очень больно, но я постараюсь... я смогу найти в себе силы пожелать тебе счастья.

— Если ты сейчас не замолчишь, Жан, — маленькая брюнетка сердито топнула ножкой, — я не буду больше тобой разговаривать! И тебе придется долго просить прощения — всю ночь, — а он и не возражал, глядя на озорную улыбку жены, — Живут же как-то жены моряков, подводников, полярников и космонавтов, пусть и видят своих любимых редко, это не значит, что чувства между ними ослабевают, — утешала себя Маргарита, и ей правда становилось легче.

Первыми покинут Париж Марк и Мей с маленьким сыном. Можно сказать, что им даже повезло, что парень оставил карьеру модели, и теперь не будет бесконечных перелетов, а они смогут больше времени проводить вместе.

Доктору предложили работу на университетской кафедре — за его заслуги и в его положении, читать лекции по оперативной хирургии и топографической анатомии и строить научную карьеру было самым предпочтительным вариантом из возможных.

Чтобы оправдать чудесное воскрешение Джона, азиату пришла в голову гениальная идея выставить его чуть ли не тайным агентом на службе правительства, вынужденным временно скрывать то, что ему удалось остаться в живых. И надо сказать, это сработало безошибочно, придав образу обаятельного смуглокожего модельера и музыканта ещё больше шарма и ореол таинственности.

И Ондзи были благодарны за это. Сам же он редко стал показываться на публике, стремясь наладить отношения с Лауритой и уделяя ей все свободное время. Им обоим сейчас

нужно было многое обдумать и многое наверстать, и друзья благоразумно пока не напрашивались в гости, предоставив им самим решать, когда будут готовы принять их.

14. Эпилог — P.S.: I love you

"Они были не к месту и не ко времени. Естественно, что они стали героями".

Лея Органна, сенатор.

Нащупав спросонья рядом с собой пустоту, Маргарита сразу распахнула глаза и подскочила на постели, которая всё ещё хранила его тепло. Опустив босые ноги на пушистый ковер и ощутив приятную мягкость, в которой утопали ноги, прежнее чувство счастья вернулось к ней.

Солнечный свет пробивался сквозь щель между шторами.

Заметив тень на лоджии, молодая женщина облегченно выдохнула и потянулась, улыбнувшись: значит, он и в самом деле тут. Здесь и сейчас этот мужчина принадлежит только ей. Неслышно ступая по ковру, она прошла на лоджию и подойдя к мужчине, продолжавшему вглядываться в утренний пейзаж, ближе, накрыла своими ладонями его глаза.

— Не хотел тебя будить, — Джон накрыл её руки своими, — Отдых должен пойти тебе на пользу. Мы все столько пережили в последнее время, что не на одну жизнь хватит, — ладони её все ещё находились в его руках, он поднес их к своим губам.

Он смотрел на неё и не верилось, что, пусть и не надолго, но они сейчас вместе.

Знал ли его отец, не желавший сперва давать им своего благословения — что его разрушительное проклятие сломает девочке судьбу, но она снова и снова будет бороться за их будущее с отвагой настоящего воина и великодушием настоящей королевы. Она — из тех королев, что носят корону не на своей голове, а в своем сердце.

— Я не знаю, Марго, сколько раз должен попросить у тебя прощения и благодарить за то, что спасла меня от самого себя, в первую очередь, — голос его охрип, а взгляд потух, — но мне не будет покоя, зная, как сильно я подвел тебя... Мне стыдно смотреть тебе в глаза. Ты же упрямо продолжаешь меня спасать и прощать...

— Ты опять за свое? — Маргарита остановила его, закрыв рот своей ладошкой, — Я не желаю даже слушать подобных речей! Если ты вот прямо сейчас не перестанешь, то я буду на тебя очень-очень-очень сердита, так и знай!

— Мадам, вам отлично известно безотказное средство заставить меня замолчать, — искушающе прошептал ей на ухо Джон, и его теплое дыхание вызвало сладкую дрожь, — и я предоставляю вам полное право воспользоваться им.

— И всё-таки, ты невозможен, Жан, — хихикнула молодая женщина, зажмурившись и потянувшись на носочках, обхватила своими руками его шею. И её веселье передалось и ему.

— Но ты любишь меня именно таким, правда, ведь? — мужчина снова нашел её губы.

— Истинная правда, — согласилась она, прижимаясь крепче к его сильному телу, и рада была видеть, что к нему вернулась неповторимая магия его притягательного взгляда, — Они думали, ты дьявол, а ты — человек, рожденный от земной женщины, которая будет рада видеть, что ты жив, — продолжила она уже значительно тише.

Теплая улыбка тронула губы Джона:

— Она и раньше так любила тебя, а теперь и вовсе боготворит, что сберегла мне не только жизнь, но и душу.

Маргарита покраснела от смущения, уткнувшись носом ему в грудь:

— Это меньшее, что я могла сделать для тебя, и чем могла отплатить ей за то, что дала

жизнь тебе и твоей милой сестренке.

Звонок в дверь вынудил их с сожалением оторваться друг от друга.

— Посмотрите, кто пришел! — открыв её, молодая женщина не сдержала удивленного возгласа, увидев на пороге азиата, за спиной которого скромно стояла белокурая красавица, которой стала теперь Лаурита. На девушке было длинное белое платье, а золотистые волосы были убраны со лба под изящный ободок с цветами, так напоминавший веночек.

— После всего, вы в полном праве не пускать меня на порог своего дома, но я обещаю не отнимать у вас много времени, — спокойно произнесла их бывшая противница, — Я не буду извиняться за то, каким монстром я была — никто и никогда не извинялся передо мной за то, что сделали меня такой. Но... — тут она вздрогнула, крепче ухватившись пальцами за руку Ондзи, — но... я чувствую, что должна вам что-то сказать. Я сожалею, что всё вышло таким образом...

И в её сияющих светло-карих, теплого медово-янтарного оттенка, глазах читалось раскаяние в том, что она столько зла и горя принесла этим людям, оказавшимся виноватыми лишь в том, что встали у неё на пути.

— Больше всего я виновата перед тобой Марк, — Лаурита повернулась в сторону лестницы, по которой спускался юноша вместе с Мей, — я не знаю, что сказать: твоя мать сама пожелала, чтобы ты жил даже ценой её жизни. Почему же тогда я испытываю чувство вины, точно это я совершила эту несправедливость? И перед тобой, Марго...

— Просто не поднимай больше эту тему, и я сильно постараюсь принять твои извинения, — коротко бросил Марк, не желая вспоминать того, что до сих пор причиняло сильную боль.

— Ваша Милость, возьмите это, — Лаура понимающе кивнула парню, и без сожалений протянула Джону свое волшебное сокровище, — Моё желание исполнилось, и лампа мне больше не нужна. Знаю, вы с мудростью распорядитесь ею.

Мужчина бережно принял из её рук магический предмет:

— Обещаю тебе это, — тихо произнес он, и в его голове уже сформировалась мысль, как можно так распорядиться артефактом, чтобы помочь пленнице лампы Тристане.

— И куда же вы теперь направитесь? — спросила Маргарита, с любопытством разглядывая эту такую эффектную пару: темноволосого мужчину азиатской внешности с глазами цвета ночных фиалок и девушку, совсем молодую и несколько бледную, со светло-русскими волосами и глазами медового цвета.

Азиат небрежно пожал плечами, приобнимая свою спутницу:

— Возможно, мы посетим северную Италию или поедem в Японию на курорт с горячими источниками, или отправимся в шумный Нью-Йорк, но главное, что мы отправимся туда вместе.

— В таком случае, желаем вам хорошо провести это время, — Джон протянул свою руку, — Мы, правда, рады за вас.

— О делах клуба не волнуйтесь, господин Дестинофф, — ответил на рукопожатие Ондзи. — управляющий, которого я порекомендовал, отлично знает свое дело, и вам не о чем беспокоиться, — казалось, он наконец обрел долгожданные умиротворение и безмятежность в душе.

Но предметом его волнения всё ещё оставалась судьба его брата-близнеца, чем он и поделился со своим индийским другом, на что у Джона тотчас нашлась идея, как помочь положению:

— Ваш брат? Это тот милый молодой человек с белоснежными волосами? О! Я, кажется, знаю одну замечательную сиделку с опытом ухода за слабовидящим, — мужчина при этом незаметно подмигнул Лауре и она его, надо полагать, прекрасно поняла, ответив одобрительной улыбкой.

— Не смеем дольше злоупотреблять вашим вниманием, — азиат с теплотой окинул взглядом окруживших его Хранителей, остановившись на златовласой и улыбнулся собственным воспоминаниям о той памятной фотосессии, о путешествии на свою родину вместе с Марком, о сражении в воссозданном Лауритой измерении, но он более не боялся смотреть ни в ясные глаза девушки, ни в пронизательные глаза Джона, — Вы сделали то, что не обязаны были делать, но... Я знал и верил, что только вам под силу будет подобное. Теперь нам с Лаурой многое нужно наверстать, да и дел, требующих решения, перед отъездом скопилось немало.

И вот уже белокурая соблазнительница что-то шепчет лукаво в изящные уши их приятеля-азиата, и они спешат откланяться, сославшись на заботу о брате Ондзи, остававшемся на попечении его помощников.

Следом за ними засобирались на свой рейс в Токио Марк и Мей.

— Твоя удача, что мы вынуждены уехать, — улучив момент, прошептал молодой человек у самого уха Джона, оказавшись рядом с ним, пока их женщины занимались его с Мей маленьким сыном, — Знал бы ты, до чего же мне охота надавать тебе по роже за то, что обрекаешь любимую женщину в одиночку растить ваших детей.

— Я знаю, Марк, — слабо улыбнулся мужчина, с болью посмотрев в сторону Маргариты, — за это и уважаю тебя. К сожалению, такова дань, которую я должен заплатить, такова цена моей крови. И я ценю то, что Маргарита понимает меня.

Юноша нашел в себе силы и мудрость, если не до конца простить родного отца, то по крайней мере пытаться наладить отношения и сгладить то отчуждение, которое он испытывал к человеку, благодаря которому появился на свет. И надо отдать должное Витриченко-старшему — он проявлял завидное терпение, не позволяя себе давить на сына, понимая, насколько противоречивые эмоции обуревают Марка по отношению к нему, искренне стараясь прийти к взаимопониманию со своим ребенком. Но данная тема так навсегда и останется особенно болезненной для юноши, выросшего без родительской ласки и любви.

— Ты только погляди-ка, малыш не хочет тебя отпускать, — усмехнулась маленькая японка, глядя, как малыш наматывал на свой пальчик темный локон Маргариты, — Ты понравилась ему.

— Только потому, что похожа на его мать и напоминаю мальчику тебя, — с улыбкой заметила молодая женщина, пока Мей с трудом удалось оторвать ребенка от волос Маргариты.

Это было началом глубокой привязанности крошки Кея к своей крестной, что послужит его родителям дополнительным поводом для волнения.

— Нам пора, Маркеш, такси до аэропорта уже ждет, — ласково напомнила азиатка, запустив свои пальцы в его мягкие волосы, легко поглаживая.

Попрощавшись с друзьями, Джон с Маргаритой вернулись в детскую, где Анри играл с малышом Александром. Мальчикам нравилось проводить время вместе: светловолосый ясноглазый сын златокудрой и доктора кружил над головой погремушки, чем веселил приятеля. После чего они играли в прятки — Александр закрывал глаза ручками, а в это

время Анри исчезал и снова материализовался за спиной своего маленького друга. Их детские забавы больше беспокоили наблюдавших взрослых, чем самих мальчиков. С Александром Анри не капризничал и вел себя прилично, в отличии от своего поведения в женском обществе матери и сестер.

— Анри, верни куклу сестрам, прошу тебя, — не выдержала Маргарита, увидев, как сын в очередной раз проделал фокус с исчезновением, — Ты же будущий мужчина! Так нельзя!

Мальчик поднял глаза на стоявшего рядом отца. Джон покачал головой и сурово сдвинул брови, представив, насколько сложно придется Маргарите с ним, насколько не просто растить. Вот уж у какого ребенка не стоило бы отбирать конфеты — себе дороже будет. Без твердой мужской руки и затаив обиду на отца — как же тяжело будет Маргарите одной совладать с этим ребенком, с младенчества уже проявляющим свою недюжую силу. В конце концов он не заключенный, а Владыка и Судья, и он найдет время, чтобы побыть с семьей.

Дитя благоразумно предпочло не злить отца, возвратив близняшкам их любимую куклу, недовольно скривив личико и зевнув — он устал играть и, несколько раз моргнув, захныкал. Как раз подошло время укладывать его.

Мастерски окрутив вездесущих акул пера, Ондзи удалось вывезти Лауру из Франции, привлекая минимум ненужного внимания к своим персонам. Уже и так достаточной огласки обрела новость о появившейся привлекательной женщине в окружении эпатажного японца. Журналисты на все лады смаковали это исключительное известие, задаваясь вопросом о личности таинственной незнакомки. Но их это не слишком занимало, когда они оставались наедине. Ей даже не нужно было специально соблазнять его — в присутствии Лауриты азиат терял голову, чего она не могла представить даже в самых смелых своих мечтах. Рядом с ней он терял всякое самообладание. Желание, нужда и потребность — все смешалось в сладостно мучительной симфонии чувств, когда его губы впервые заскользили по гладкой белой коже, стараясь изгнать из её памяти боль и унижение пережитого когда-то насилия, под своими пальцами ощущая плавность и упругость трепещущего хрупкого девичьего тела, отвечающего на его ласки с не меньшей страстью, со стоном отзываясь на каждое прикосновение. Когда обессилев в этом любовном поединке, её белокурая голова лежала на его груди и Лаурита смотрела на него восхищением, Ондзи казалось, они сверкают подобно ярким звездам. Нет, он далеко не сразу уступил своему желанию, его останавливали воспоминания о её прежнем детском образе — а он не был растлителем малолетних, чтобы там не разносили слухи о нем. Только отныне всё было иначе — перед ним была пленительная молодая красавица, и они оба знали, чего хотят друг от друга. И намерены были себе ни в чем не отказывать, с избытком одаривая друг друга любовью, страстью и нежностью.

Тем временем Джон и Маргарита навещали родных в Джайпуре. И почти невозможно подобрать такие слова, чтобы описать радость матери, увидевшей своего сына живым. И долгими промежутками между нечастыми встречами именно это знание будет греть материнское сердце, вызывая нечаянные слезы течь по морщинистой щеке женщины. Её лев, её сын — её гордость.

И в Небесном Граде их встречали, как самых дорогих гостей.

Рыжеволосая и верный Самаэль по-отечески пожурили Джона и заключили их с Маргаритой в крепкие дружеские объятия, распорядившись накрыть стол к ужину в банкетном зале. От юного Алишера удалось скрыть, что отец считался погибшим, и потому

его встреча с отцом была долгожданной и принесла только радостное потрясение.

И стоя у могилы отца в семейной усыпальнице, Джон просил дать ему сил нести этот крест и быть достойным чаяний, что питают на его счет близкие и дорогие люди, оправдать их надежды и доверие. Лишь теперь он в полной мере понял, какой тяжести бремя нес его отец.

Наведавшись перед ужином на кухню, Джон якобы случайно оставил на полке старую масляную лампу.

— Что пожелает Отыскавший? — к огромному изумлению добродушного толстяка повара Рустема, когда он протер её полотенцем, из лампы повалил густой дым, из которого явилась чернокожая дева с белоснежными волосами и белоснежной улыбкой.

— Вы кто будете, барышня? — мужчина сперва испуганно попятился к стене, но после взял себя в руки.

— Мое имя Тристана, — девушка поклонилась, — Я джинния. Я служу Отыскавшему.

— Ну, и дела! — придворный кулинар хлопнул себя по объемному животу, — Сколько лет живу на свете, а ещё не доводилось встречать настоящего джинна, да ещё такого симпатичного. Вы, барышня, поди проголодались-то в своей лампе.

Тристана огляделась и присела на ближайшую лавку:

— О! У вас на кухне действительно так вкусно пахнет!

— Не стесняйтесь, присаживайтесь за стол, — Рустем указал на другую лавку, поближе, и поставил перед ней блюда с овощным рагу, горячими лепешками и фруктами, — А желания у меня не хитрые. Вот, поверите: у старика была бурная жизнь, а сейчас мне даже не с кем поделиться воспоминаниями. В юности меня продали гребцом на галеры, где я кроме всего прочего и научился куховарить для всей команды. Потом меня сделали евнухом, так что у меня не было детей, а я так мечтал о дочери, с которой мы вместе бы творили на кухне волшебство для нашей мамы, — он глубоко вздохнул и сморгнул, что не укрылось от внимательного взгляда джиннии, — И ещё есть у меня одна мечта... Я не обучен грамоте, и если бы кто-нибудь записал историю моей жизни, чтобы смогли прочитать те, кто будет жить после нас, то подарил бы мне практически бессмертие, а мой опыт послужил бы потомкам.

— Таковы ваши желания, уважаемый?... — с пониманием заметила Тристана, с наслаждением откусив от румяной лепешки.

— Меня зовут Рустем, барышня, — старик от волнения позабыл о манерах и поспешил исправить свою оплошность, — и других желаний у меня нет. Смогли бы вы исполнить эти мои желания? Стали бы вы моей дочерью и моим помощником?

Тристана улыбнулась:

— Если вы обещаете, что будет такая же вкусная еда, то я с радостью соглашусь.

— Клянусь, что буду готовить только самые лучшие блюда, применяя всё свое мастерство, барышня, — мужчина приложил свою большую пухлую ладонь к груди в шуточной клятве.

— В таком случае, да будет так, — Тристана вновь усмехнулась и громко хлопнула в ладоши, — слушаюсь и повинуюсь.

— Рад видеть тебя, Тристана, — поприветствовал девушку Джон, посетивший кухню повторно и вознамерившийся проверить, как сработал его план.

— А я рада, что вы меня видите, Ваша Милость, — задорно парировала чернокожая.

Джон невольно улыбнулся:

— Наш один друг ищет сиделку для своего брата, — при этом он сделал таинственное выражение лица, — не подскажешь, где бы найти нам такую, с опытом уходя за слабовидящим человеком?

— А у вашего приятеля брат симпатичный? — кокетливо уточнила она.

— У тебя перед ним в любом случае будет преимущество, ты сможешь его видеть, — соблазнительно пояснил Джон, нарочно раззадоривая.

— Я могу подумать? — джинния сощурила глаза, призадумавшись.

— Только не слишком долго, — мужчина потрепал её белые волосы, зная уже, что она согласится, — А сейчас окажите нам честь и присоединяйтесь к нам за ужином.

И в день расставания, когда Джон должен был возвратиться в Каличи, Маргарита была тиха и печальна, и дети капризничали весь день, подсознательно ощущая тоску и тревогу родителей:

— Жан, если намерен уйти, уходи сейчас, иначе я не смогу отпустить тебя... Не разрывай мне сердце, — из-за постоянно подступающих слез она с трудом видела перед собой, нервно трясущимися пальцами вцепившись в его плечи. Он любил её — как отец, понимал — как друг, защищал — как брат, и был верен, как муж — у других просто не было шансов, да и никто другой не был ей нужен. Он знал это, но легче от это знания не становилось. Знал он так же и то, что каждый их поцелуй запомнится навсегда и останется в его памяти до тех самых пор, пока он будет ещё в состоянии дышать.

Не известно, была ли эта легенда былью, ибо не нашлось ни подтверждений, ни опровержений её истинности. Но сказывают о благородном Владыке и справедливом Судье, чье мастерство не знало себе равных и чьи алые одежды и незабываемый пронзительный взгляд вызывали трепет и уважение в сердцах. По правую руку от него восседает его княгиня, королева сердец, что извечно будет взывать к его милосердию. И о его свите: быстром и сильном как ураган Менестреле Ветров, темноволосой воительнице с явными азиатскими чертами, с легкостью управляющейся с клинками парных катан. О молодом Хранителе природы, умеющем понимать язык всех живых существ, населяющих землю, и его спутнице, обладающей даром управлять электрическими разрядами и редким платиновым цветом своих волос. О златовласой чаровнице со светлым даром магии созидания и волшебнике-лекаре с золотыми руками, что могут вернуть к жизни даже с того света, на пороге смерти. О рыжеволосом юном Воине Тумана и его прекрасной Стражнице Небес. И о других из их числа. Не их имена, но их деяния войдут в сказания, веками пересказываемые матерями своим любимым чадам перед сном, чтобы им снились только добрые и светлые сны. Они обрели свою вечность и свое бессмертие — не стремясь к тому, но несомненно, заслужив.

И все магическое сообщество замерло, наблюдая как подрастает сильнейший из магов в истории этого мира.

Больше книг на сайте - Knigolub.net